ДИДАКТИКА КАК ТЕОРІЯ ОБРАЗОВАНІЯ В ЕЯ ОТНОШЕНІИАХ К СОЦІОЛОГІИ И...

Otto Willmann, A. Druzhinina

Digitized by Google

OHIO STATE
UNIVERSITY
LIBRARIES

194/32v

Digitized by Google

Ped. 261

133

LS?

47-18

Digitized by Google

Digitized by Google

ДИДАКТИКА.

О. Вилльмана.

Digitized by Google

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА,

ИЗДАВАЕМАЯ

К. Тихомировымъ и А. Адольфомъ.

ВЫПУСКЪ XIII.

Р. Вилльманъ. Дидактика.

ТОМЪ I.

Москва.
Типографія Г. Лисснера и А. Гешеля.
Крестовоздвиж. п., д. Лисснера.
1904.

Digitized by Google

ДИДАКТИКА

КАКЪ

ТЕОРІЯ ОБРАЗОВАНІЯ

ВЪ ЕЯ ОТНОШЕНІЯХЪ КЪ СОЦІОЛОГІИ И ИСТОРІИ ОБРАЗОВАНІЯ.

Отто Вилльмана.

Переводъ съ нѣмецкаго

ПРОФЕССОРА КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

священника А. ДРУЖИНИНА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Введеніе.—Историческіе типы образованія.

Цѣна 2 р. 50 к.

МОСКВА.—1904.

13. 21.

Digitized by Google

LB17
W5145
1904
v. 1

Digitized by Google

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА

КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

Имя дидактики, какъ названіе особой области изслѣдованія, а потому и какъ заглавіе книгъ, вышло изъ употребленія, и, пользуясь имъ, я возвращаюсь къ терминологіи XVII вѣка; но вмѣстѣ съ именемъ я имѣю въ виду возстановить и самый предметъ, хотя и въ видоизмѣненной формѣ. Представители старой дидактики хотѣли создать дисциплину, гдѣ преподаваніе и ученье изслѣдовались и регулировались бы и въ мелкихъ и въ крупныхъ чертахъ, въ отдѣльныхъ подробностяхъ и въ цѣломъ, какъ функція индивидуума и какъ коллективная дѣятельность; имъ хотѣлось построить науку, гдѣ нераздѣльно соединены были бы и теорія преподаванія и ученіе объ образовательныхъ учрежденіяхъ. Преемники ихъ отказались отъ этого соединенія; они ограничивались индивидуальною точкою зрѣнія и разрабатывали методику, но потеряли изъ виду образовательную

Digitized by Google

дѣятельность въ ея цѣломъ. Это суженіе задачи имѣло свою выгодную сторону, но на немъ остановиться нельзя; не мѣшаетъ избѣгать заносчивости старыхъ дидактиковъ, которые своимъ преподавательскимъ искусствомъ хотѣли нормировать духовную жизнь, но необходимо удержать ихъ широкія перспективы. Существенную помощь въ этомъ отношеніи скорѣе всего можетъ оказать историческое изслѣдованіе предмета, которое и расширяетъ кругозоръ и создаетъ для него твердую почву. Къ научной разработкѣ всей этой области— а наука всегда имѣетъ въ виду предметъ въ его цѣломъ,—можно приступить лишь подъ тѣмъ условіемъ, если при изученіи своего предмета мы соединимъ индивидуальную и соціальную точки зрѣнія и примѣнимъ къ нему философское изслѣдованіе въ связи съ историческимъ. Мнѣ хотѣлось бы привести въ соприкосновеніе и взаимодѣйствіе: работы по теоріи обученія, особенно новѣйшей, построенной на философскихъ началахъ, результаты изслѣдованій по исторіи воспитанія и образованія и начатки ученія объ образовательныхъ учрежденіяхъ, къ которымъ привела соціологія нашего времени. Знатоки, можетъ-быть, высказали бы противъ этого предпріятія то сомнѣніе, что оно преждевременно: философская педагогика носитъ на себѣ еще слишкомъ ясную печать различныхъ системъ, на почвѣ которыхъ она вы-

Digitized by Google

росла; историческія изслѣдованія, правда, дали намъ матеріалы для исторіи образовательныхъ учрежденій, но еще не дали настоящей исторіи образованія, соціальная наука находится еще въ періодѣ стремленія къ развитію. Конечно, несовершенство условій нельзя устранить вполнѣ, но въ научныхъ вещахъ оно не можетъ быть вынудительнымъ основаніемъ къ колебаніямъ или выжиданію. Особенно въ тѣхъ дисциплинахъ, которыя имѣютъ своимъ предметомъ нравственный міръ, нельзя обойтись безъ сопоставленія и соединенія различныхъ точекъ зрѣнія, хотя бы послѣднія проведены были еще несовершеннымъ образомъ, такъ какъ ихъ комбинація можетъ имѣть рѣшающее значеніе для дальнѣйшей работы. Для философской педагогики разработка историческаго элемента можетъ быть только полезной, исторія образованія такъ же нуждается въ теоріи образованія, какъ послѣдняя въ первой, и соціологія можетъ только привѣтствовать всякое вторженіе въ духовную область: проблема производства и движенія интеллектуальныхъ цѣнностей, повидимому, составляетъ даже одну изъ ея ближайшихъ задачъ.

Предлагаемый вниманію публики первый томъ заключаетъ въ себѣ какъ методологическія изслѣдованія, такъ и историческія основы и такимъ образомъ представляетъ относительно закончен-

Digitized by Google

ное цѣлое; болѣе обширная вторая часть, имѣющая своею задачею анализъ цѣлей, матеріаловъ, формъ, учрежденій и отношеній образовательной дѣятельности, появится, вѣроятно, въ теченіе слѣдующаго года.

Вейнбергъ близъ Праги, мартъ 1882.

О. Вильманъ.

Digitized by Google

ОБЗОРЪ СОДЕРЖАНІЯ.

Введеніе.

I. Аналогія между обществомъ и органическимъ тѣломъ стр. 1—5. Распространеніе этой аналогіи на обновленіе соціальной жизни — 6. Акты этого обновленія: размноженіе и наслѣдственность — 6—8. Выращиваніе — 8—10, естественная ассимиляція потомства — 10—12. Наслѣдственная передача — 12—13. Обученіе и дисциплина — 13—18. Положеніе этихъ дѣятельностей въ общей совокупности соціальныхъ функцій — 15—18, ихъ связь съ воспитаніемъ — 19—23 и образованіемъ — 23—29.

II. Виды педагогики и дидактики на научную разработку — 29—32. Расширеніе ихъ горизонта на коллективныя явленія — 32, подготовленное педагогикой древнихъ — 31—33. Дидактика XVII вѣка — 34—35, новѣйшее ученіе о государствѣ — 36, особенно ученіе Л. ф. Штейна объ управленіи — 37—40. Оцѣнка индивидуалистическаго воззрѣнія Локка, Руссо, Гербарта — 41—44; критика этого воззрѣнія — 44—45. Двусторонній характеръ проблемы — 45—46, повторяющійся во всѣхъ нравственныхъ наукахъ — 47. Сужденія Платона и Гербарта по этому вопросу — 48. Основанія для расширенія теоріи воспитанія и образованія: отношеніе ея къ народной психологіи — 49—53, къ моральной статистикѣ — 53—55, къ соціологіи — 55—58. Ограниченіе аналогіи между обществомъ и организмомъ—58—60.

III. Историческій взглядъ на воспитаніе и образованіе — 60, стѣсняемый реформаціонною тенденціей — 61—63; противорѣчія у Песталоцци — 56 и Гербарта — 63—65. Выясненіе относящихся сюда вопросовъ — 65—67. Работы историческаго изслѣдованія для педагогики и дидактики: 1) исторія теоріи воспитанія и образованія — 67—68; 2) исторія воспитательныхъ и образовательныхъ учрежденій — 68—69; ретроспективное изслѣдованіе — 70—71, сравненія и обобщенія — 72—73. Задача соединенія историческаго и философскаго воззрѣнія — 73, повторяющаяся во всѣхъ нравственныхъ наукахъ — 73—74. Сужденіе Тренделенбурга по этому вопросу — 74. Совмѣстимость историческаго и нормативнаго характера въ изслѣдованіи — 74—77.

Digitized by Google

Теоретическая и практическая педагогика — 77—78. 3) Отношеніе воспитанія къ исторіи — 78—79. Воспитаніе, какъ движущая сила историческаго развитія — 79—81, содѣйствіе исторіи воспитанію — 81—82. Оцѣнка аналогіи между родовымъ и индивидуальнымъ развитіемъ — 83—84.

IV. Отношеніе педагогики и дидактики другъ къ другу — 84—95. Взглядъ старыхъ дидактиковъ — 85, государственныхъ людей — 86, Гербарта — 86—89, Шлейермахера — 89—92. Раздѣленіе и координація воспитательныхъ и образовательныхъ учрежденій въ описательномъ — 92, историческомъ — 93, а также и философскомъ изложеніи — 94. Различіе философскихъ вспомогательныхъ наукъ въ той и другой дисциплинѣ — 94—95.

Отношеніе дидактики къ спеціальнымъ наукамъ — 95—107. Трудности, заключающіяся въ универсальномъ характерѣ дидактики — 95—98. Невозможность разрѣшенія этихъ трудностей путемъ распредѣленія работы по спеціальнымъ наукамъ — 98—100. Устраненіе предразсудковъ противъ общей дидактики — 100—106. Сравненіе широкой тенденціи дидактики съ другими науками — 106—177.

Планъ дальнѣйшаго изслѣдованія — 107—111.

ПЕРВЫЙ ОТДѢЛЪ.

Историческіе типы образованія.

Стран.

Отношеніе образованія къ культурѣ, цивилизаціи и нравственности ..... 115—133

§ 1. Цивилизація — культура — 115—116; нравственность — образованіе — 116—119.

§ 2. Зависимость образованія отъ культуры — 119. Различія, создаваемыя происхожденіемъ — 119—120 и направленіемъ культурнаго развитія — 120—123. Зависимость образованія отъ цивилизаціи — 123—124, отъ нравственности — 124—125, образованіе и мудрость — 125—126.

§ 3. Аналогія образованію у не культурныхъ народовъ — 126—128. Письменность, какъ поворотный пунктъ — 128—130. Вопросъ, всѣ ли культурные народы обладаютъ образованіемъ — 130—131, и рѣшеніе его въ утвердительномъ смыслѣ — 131—133.

II. Восточное образованіе ..... 134—168

§ 4. Индусы. Веды — 134—136. Науки ведъ: грамматика — 136—137, словесность — 137—139, мате-

Digitized by Google

Стран.

матика — 139—140. Дидактическіе пріемы браминовъ — 140—141. Элементарное обученіе — 141—142. Масштабъ для оцѣнки образованія — 142—149.

§ 5. Египтяне. Книги Тота — 143—145. Посылаемые Тотомъ дары общественной жизни — 146. Письмо — 146. Математика — 147. Музыка, уходъ за тѣломъ — 148. Школьныя учрежденія при храмахъ — 148—150. Характеръ древнеегипетскаго образованія — 150.

§ 6. Народы съ клинообразнымъ письмомъ. Производное образованіе господствующихъ семитическихъ народовъ — 151—153. Учебныя занятія у халдеевъ — 153. Персидское образованіе — 153—155.

§ 7. Израильтяне. Ихъ изолированное положеніе — 155. Повсемѣстность обученія и его достоинство — 156—157. Начатки учебныхъ заведеній въ древнее время — 157. Слѣдствія плѣна — 158. Ученость книжниковъ — 158—159. Обученіе еврейскому языку — 159—160. Значеніе іудеевъ для послѣдующаго времени — 160. Остатки древнеіудейскаго образованія — 161.

§ 8. Китайцы. Каноническія сочиненія и науки — 161—163. Высшія учебныя занятія — 163—164. Элементарное обученіе — 164—165. Государственное попеченіе объ образованіи — 165. Экзаменаціонная система — 165—166. Пониманіе образованія — 166—167. Критика китайскаго образованія — 167—168.

III. Греческое образованіе ..... 169—206

§ 9. Противоположность — 169, но вмѣстѣ и нѣкоторая зависимость греческой культуры отъ восточной — 170. Религіозные начатки греческаго образованія — 170—172. Каноническое значеніе Гомера — 172. Образованіе, посвященное музамъ — 173, его словесно-литературная — 174 и музыкальная сторона — 175. Связь съ гимнастикой — 175—176. Взаимодѣйствіе школы и жизни — 176. Философія — 177, ея враждебное отношеніе къ Гомеру — 177—178. Учебные планы Пиѳагора — 178—179 и Платона — 179—180. Вліяніе философіи на общее образованіе — 181. Софисты — 182. Сократъ — 183. Изократъ — 183—184. Соединеніе художественнаго и научнаго элементовъ въ общемъ (энциклическомъ) образованіи — 184; кругъ учебныхъ занятій въ этомъ образованіи — 184—187, продолженіе ихъ чтеніемъ — 187, филологическими и подиматическими занятіями — 188, ихъ завершеніе

Digitized by Google

Стран.

въ философіи — 188—189. Теологія — 189—190. Структура образовательнаго матеріала вообще — 190.

§ 10. Характеръ греческаго образованія. Различія по племенамъ и духовнымъ направленіямъ — 190—192. Отдѣленіе образовательныхъ занятій отъ подготовки къ профессіи — 192—193. Образованіе, какъ украшеніе — 193, какъ элементъ личности — 193—194; его самодѣятельное пріобрѣтеніе — 194, его многосторонность и ея опасности — 195—196. Нравственныя — 196, религіозныя — 197, соціально-этическія цѣли образованія — 197—198. Рефлексія объ образованіи — 198. Дидактическая литература — 198—199.

§ 11. Образовательныя учрежденія. Элементарныя школы — 199—200. Государственное попеченіе — 200. Гимназіи — 201. Философскія школы — 201—202. Школы грамматическія и реторическія — 202—203. Профессіональная подготовка — 203. Ученыя учрежденія александрійскаго періода — 203—206.

IV. Образованіе у римлянъ ..... 207—236

§ 12. Религіозный элементъ римскаго образованія — 207—208. Отношеніе къ грекамъ — 208. Изученіе греческаго языка — 208—209. Занятіе отечественнымъ языкомъ — 209. Значеніе грамматики и реторики — 210—212. Попытки создать образовательный матеріалъ — 212—213. Зрѣлища, театръ, ораторскія рѣчи, какъ орудіе образованія — 213—214. Учебный матеріалъ у Катона — 214. Положеніе математическаго элемента — 214—215. Варроновская система учебныхъ занятій — 215. Реторическое и практическое изученіе математики — 215—216. Энциклопедическая и исагогическая литература — 216—218. философія — 218—219. Теологія — 219. Структура образовательнаго матеріала вообще — 220—221.

§ 13. Характеръ римскаго образованія. Ораторское искусство и знаніе права, какъ цѣли образованія — 221—222. Отношеніе между школой и жизнью — 222—224. Краснорѣчіе и эрудиція — 224. Тенденція къ многосторонности — 224—225, къ нравственнымъ цѣлямъ — 225—226. Космополитическая черта римскаго образованія — 227—228.

§ 14. Римскія школьныя учрежденія. Древнеримское обученіе — 228—229. Отношеніе властей къ появленію греческихъ школъ — 229—230. Школа грамматика — 230—231, оратора — 231. Распространеніе

Digitized by Google

Стран.

школъ — 232. Дѣятельность императоровъ по части организаціи общественнаго обученія — 233—236.

V. Христіанское образованіе на римской почвѣ.... 237—269

§ 15 Вліяніе христіанства на образовательную дѣятельность — 137. Христіанскія цѣли образованія — 238. Религіозный элементъ — 238—239. Смягченіе противоположности между свободными и несвободными искусствами — 239. Общедоступность духовнаго развитія — 240. Духовная жизнь — 240—241. Эстетическій моментъ — 241—242. Стремленіе къ цѣлостности — 242—244. Объективность учебнаго матеріала — 244—245. Пониженіе честолюбія, какъ мотива образовательной дѣятельности — 245.

§ 16. Содержаніе древнехристіанскаго образованія. Затрудненія при ассимиляціи античнаго образовательнаго матеріала — 245—246. Христіанизація языка — 246—247 и основанныхъ на немъ образовательныхъ наукъ — 247—248, математическихъ дисциплинъ — 248, филологіи — 249, исторической науки — 249—250, философіи — 250—251. Отношеніе къ вопросамъ образованія со стороны отцовъ Церкви — 251—252, греческихъ — 252—256, латинскихъ — 256—259. Система учебныхъ занятій въ „христіанскомъ ученіи“ (doctrina christiana) Августина — 259—261 Окончательный выборъ изъ античнаго образовательнаго матеріала — 261—263.

§ 17. Древнехристіанскія школы. Обученіе дѣтей и элементарное образованіе — 263—265. Высшее обученіе — 265. Богословскія учебныя заведенія — 265—266. Епископскія общежитія — 266. Бенедиктинскія школы — 266—268. Характеръ древнехристіанскихъ школъ — 268—269.

VI. Средневѣковое образованіе ..... 270—327

§ 18. Средніе вѣка, какъ начальный періодъ исторіи современныхъ народовъ — 270, средневѣковыя образовательныя учрежденія вообще — 271. Продолженіе древнехристіанскихъ учебныхъ заведеній: бенедиктинскія школы и ихъ представители — 272—274, учебная дѣятельность позднѣйшихъ орденовъ и духовныхъ обществъ — 274—277, епископскія учебныя заведенія — 277—278, приходскія школы — 278—279, свѣтскія школы — 280—281. Собственныя созданія среднихъ вѣковъ: рыцарское образованіе — 281—283, учебное

Digitized by Google

Стран.

дѣло въ цехахъ — 283—286, городскія школы — 286—287, университеты — 287—290, коллегіи — 290—292. Значеніе университетовъ — 292—293.

§ 19. Образовательный матеріалъ. Семь свободныхъ искусствъ — 293—295. Квадривіумъ — 295—297. Тривіумъ въ досхоластическій періодъ — 297—298. Діалектика схоластическаго періода — 298—301. Гуманистическое движеніе — 301. Сила схоластики — 301—302. Предметное знаніе: исторія — 302—303, естествовѣдѣніе — 303—305. Энциклопедисты — 305—306. Рабанъ — 306, Геррада — 306—307, Гуго — 307—308. Викентій — 308—309. Брунетто — 310, Данте — 310—311. Греческій — 312—313, еврейскій — 313—314, арабскій — 314 языки. Мусульманское образованіе — 314—316, отношеніе его къ христіанскому — 316—318. Національные элементы средневѣкового образованія — 318—320.

§ 20. Характеръ средневѣкового образованія. Христіанское совершенство, какъ конечная цѣль — 320—321. Образовательная дѣятельность, какъ средство служенія Богу — 321. Сосредоточенность духовная — 321 исключающая безпокойную полиматію — 322. Господство въ преподаваніи авторитетовъ — 322—323, производныхъ источниковъ — 323. Отношеніе между учителями и учениками — 324. Трудность ученья — 324 и вмѣстѣ веселая школьная жизнь — 325. Характеръ рыцарскаго образованія; его аналогія съ греческимъ — 325—326, его христіанское направленіе — 326. Спиритуалистическая тенденція христіанскаго образованія — 327.

VII. Возрожденіе ..... 328—377

§ 21. Взглядъ среднихъ вѣковъ на древность и новая почка зрѣнія — 328—329. Гуманизмъ — 329—330. Возрожденіе — 330—331. Римское образованіе въ качествѣ образца — 331—332. Тенденція къ словесному искусству — 332—334. Космополитическій характеръ гуманизма — 334—335. Славолюбіе — 335—336. Художественность — 336. Отношеніе новаго принципа къ христіанству — 337—338 къ протестанству — 339—340, къ католичеству — 340—341. Сомнѣнія относительно язычества древнихъ — 341.

§ 22. Содержаніе образованія въ эпоху возрожденія. Филологія — 341—343. Латинскій — 343—344. Греческій — 344—346. Еврейскій — 346—347. Тривіумъ —

Digitized by Google

Стран.

247—348. Произведенная Рамусомъ реформа логики — 348. Квадривіумъ — 349. Философія — 350. Энциклопедіи — 350—354. Вербализмъ и реализмъ — 354—355. Поправка въ различеніи этихъ понятій у Раумера — 355—356. Современные образовательные элементы—356. Отечественный языкъ — 356—358. Свѣтское образованіе — 358. Пробужденіе сомнѣній относительно превосходство древнихъ — 359.

§ 23. Образовательныя учрежденія. Гуманистическія кружки и академіи — 359—360. Водвореніе классическихъ наукъ въ университетахъ — 361, въ частномъ воспитаніи — 361—362, въ школьномъ преподаваніи—362. Латинскія школы у протестантовъ — 362—363, у католиковъ — 363—366, Элементарныя школы — 366 — 368. Вліяніе государства на образовательныя учрежденія — 368—370.

§ 24. Дифференціація образованія въ эпоху Возрожденія по національностямъ — 370. Итальянскій гуманизмъ, какъ жизненный элементъ націи — 370—373. Французскій гуманизмъ и его вліяніе на французскую культуру — 373—374. Англійскій гуманизмъ и аналогія между античнымъ и англійскимъ образованіемъ юношества — 374—376. Нѣмецкій гуманизмъ и его слѣдствія — 376—377.

VIII. Просвѣщеніе ..... 378—421

§ 25. Просвѣщеніе, какъ моментъ образованія вообще — 378, какъ моментъ преобладающій — 379. Просвѣщеніе XVIII вѣка, какъ общій принципъ — 380. Его характеръ — 380—381. Отношеніе къ религіи — 382, къ обществу — 382 къ исторіи — 382—383, его индивидуализмъ и интеллектуализмъ — 383. Англійское просвѣщеніе — 384, французское — 384, нѣмецкое — 384—385. Отношеніе тенденцій просвѣщенія къ образовательнымъ учрежденіямъ — 385—386.

§ 26. Формальный характеръ принципа просвѣщенія — 386. Отношеніе его къ образовательнымъ матеріаламъ: къ богословскому элементу — 386—388, къ классическому элементу; соприкосновеніе съ древностью — 388. Полемика противъ нея — 388—390. Устойчивость классическихъ наукъ — 390, ихъ оживленіе въ нѣмецкомъ классицизмѣ — 391. Энциклопедическая тенденція XVIII вѣка: полиматія на почвѣ классическихъ занятій: Геснеръ — 392, критическая полиисторія: Бэль — 393. Encyclopédie — 393—395,

Digitized by Google

Стран.

вульгарный энциклопедизмъ — 395. Элементарное руководство — 395. Національзація и популяризація науки — 396—398; философіи — 398, историко-политическихъ дисциплинъ — 399—400, изящныхъ наукъ — 400—402, естественныхъ наукъ — 402.

§ 27. Школьная реформа XVIII вѣка — 403. Сдержанное отношеніе Англіи — 403—404. Общество и школа во Франціи — 404—405. Реформаціонные планы Ролана, Ла-Шалотэ, Мирабо — 405—407, Талейрана Кондорсэ, Лепелетье — 407—409. Наполеоновскій Université — 409. Реформаціонные опыты въ романскихъ и славянскихъ государствахъ — 409—412. Факторы школьной реформы въ Германіи — 412. Филантропизмъ — 412—414. Правительственная школьная реформа — 414—415. Піэтизмъ и прусская реформа — 415—417. Австрійская реформа — 417—418. Мелкія государства — 418. Народная школа — 419. Экономическія образовательныя учрежденія — 420. Университеты — 421.

XI. Современное образованіе ..... 422—470

§ 28. Современная образовательная дѣятельность, какъ продолженіе дѣятельности XVIII вѣка — 422—424. Возрожденіе историческихъ, національныхъ, христіанскихъ элементовъ — 424—425. Побѣда надъ неопредѣленнымъ космополитизмомъ — 425—427 и политиканствомъ — 427—428. Историческое пониманіе образованія — 428—431. Современный эклектизмъ — 431—432. Ненормальное отношеніе между общимъ и спеціальнымъ образованіемъ — 432—433. Современное образованіе, какъ компромиссъ — 433—434. Господство механическаго пониманія — 434—435.

§ 29. Содержаніе современнаго образованія. Современное пониманіе филологіи — 435—437. Слѣдствія этого пониманія для преподаванія — 437—438. Преобладаніе греческаго языка — 438—439. Филологія современныхъ языковъ — 439—440. Сравнительное языковѣдѣніе — 400. Недостатки современнаго образованія со стороны словеснаго искусства — 440—441. Новѣйшая философія — 441—442. Недостатокъ философскаго образовательнаго матеріала — 443. Теологія — 443—445. Богословская педагогика — 445—446. Историческія науки — 446—447. Географія — 447—448. Естественныя науки — 448—450. Математика — 450. Полиматическій характеръ современнаго учебнаго

Digitized by Google

Стран.

плана — 450—451. Полиматическія образовательныя пособія — 451.

§ 30. Современныя учебныя заведенія. Система народной школы — 452, ея условія — 452—453. Народная школа и ея побочныя учрежденія — 453—454. Трудности въ образованіи народа и учителей — 455—456. Гимназіи и ихъ задачи — 456—458. Англійская латинская школа — 458. Прусскія гимназіи — 458—460, баварскія — 460—461, австрійскія — 461—462, французское среднее (secondaire) образованіе — 462—463. Реальное училище — 463—464. Спеціальная школа, женская школа — 464—465. Высшія школы — 465. Университетъ — 465—467. Сила современнаго образованія — 467—468, его тѣневыя стороны — 468—470.

Digitized by Google

Digitized by Google

Введеніе.

I.

Къ числу самыхъ глубокомысленныхъ и плодотворныхъ аналогій, вызванныхъ потребностью наглядно изображать явленія нравственнаго міра при помощи явленій міра физическаго, принадлежитъ сравненіе человѣческаго общества съ живымъ организмомъ. Это сравненіе мелькаетъ уже предъ поэтомъ Ведъ, у котораго изъ тѣла бога Пуруши возникаютъ не только небесныя тѣла и стихіи, но и касты индійскаго общества: изъ лица — брамины, изъ плечъ — райя, изъ голеней — вайсіи, изъ ногъ — судры[1]). Это же сравненіе мы видимъ въ качествѣ реторическаго аргумента въ общеизвѣстной баснѣ о спорѣ желудка съ недовольными пищеварительною дѣятельностью членами, баснѣ, которою Мененій Агриппа побудилъ выселившихся на священную гору плебеевъ возвратиться въ городъ[2]). Еще чаще, чѣмъ строй сословій, сравнивается съ организмомъ политическое общество, власть — съ головой, подданные — съ членами. Особенно подробно разработано это сравненіе на латинскомъ языкѣ, который является въ этомъ отношеніи образцомъ для новѣйшихъ языковъ: римлянинъ привыкъ говорить о головѣ и тѣлѣ государства, народа, войска, какъ мы говоримъ о главѣ, корпораціи, членахъ и т. д. Общество, а вмѣстѣ съ тѣмъ семейный и родовой союзъ Плу-

---

[1]) „Ригведа", X, 90. Нѣмецкій переводъ Альфреда Людвига, т. II, стр. 574.

[2]) Liv. II, 32; въ подробномъ изложеніи — Dionys. Hal. VI, 86.

Digitized by Google

тархъ сравниваетъ съ живымъ созданіемъ съ цѣлію показать, что они сохраняютъ свое единство и свою природу, несмотря на всѣ перемѣны времени, и что поэтому какъ заслуга, такъ и вина могутъ переходить по наслѣдству отъ дѣдовъ къ внукамъ[1]). Сенека идетъ еще далѣе и возвышается до идеи о соціальномъ тѣлѣ всего человѣчества, къ которому отдѣльные люди, связанные природою, нуждами и обязанностями, относятся, какъ члены[2]).

Христіанству суждено было понять мысль о человѣческомъ единствѣ и солидарности во всей ея глубинѣ; оно же сообщило и болѣе высокое достоинство образной оболочкѣ этой мысли. Глубокій умъ апостола языковъ раскрылъ образъ живого тѣла и сдѣлалъ его символомъ единства крещенныхъ во Христа и раздѣленія дарованій, служеній и дѣйствій по отдѣльнымъ лицамъ. Въ этомъ единствѣ уничтожены національныя и соціальныя преграды: „всѣ, іудеи или язычники, рабы или свободные крещены однимъ Духомъ въ одно тѣло и всѣ напоены однимъ Духомъ“; у всѣхъ одно назначеніе „возрастать въ Того, Который есть глава, изъ Котораго все тѣло, составляемое и совокупляемое, получаетъ приращеніе“; а вмѣстѣ съ тѣмъ „Богъ расположилъ члены, каждый въ составѣ тѣла, какъ Ему было угодно, чтобы не было раздѣленія въ тѣлѣ, и всѣ члены одинаково заботились другъ о другѣ; такъ мы многіе составляемъ одно тѣло во Христѣ, а порознь одинъ для другого члены, и по данной намъ благодати, имѣемъ различныя дарованія“[3]). Христіанская теологія развила отсюда ученіе о церкви, какъ о corpus mysticum (таинственномъ тѣлѣ) Спасителя, и сверхъ того употребляла образъ организма въ самой разнообразной формѣ: для обозначенія отношенія между церквами, стоявшими въ родственной связи между собою по происхожденію, между видимой главой

---

[1]) Plut. De sera numinis vindicta, c. 15. (Moralia ed. Duebner, T. I, p. 676).
[2]) Sen. Ep. 95, 52.
[3]) 1 Кор. 12, 12—27. Ефес. 4, 11—16. Римл. 12, 4—6 и далѣе.

Digitized by Google

и вѣрующими, между служеніями въ религіозномъ союзѣ и проч.[1]).

Въ ученіи о государствѣ уже Платонъ ввелъ біологическое сравненіе и употребляетъ его съ цѣлію обозначить общность интересовъ гражданъ: общество, насколько возможно, должно быть дорого для индивидуума, и онъ долженъ также близко дѣлить благо и бѣдствія согражданъ, какъ члены тѣла дѣлятъ радость и горе[2]). Что устройство общественной и индивидуальной жизни должно основываться на совмѣстномъ дѣйствіи множества факторовъ, которое подчиняется правилу: „каждый пусть дѣлаетъ свое", это основная мысль „Политики"; только въ раскрытіи этой мысли, въ качествѣ аналогіи для гармоніи силъ соціальныхъ, приводится не тѣлесная организація, а согласіе силъ душевныхъ. Аристотель также сравниваетъ составныя части общества съ органами животнаго тѣла и выводитъ изъ этого сравненія принципъ для дѣленія формъ общественнаго устройства, которыя могутъ быть раздѣлены по возможнымъ сочетаніямъ такъ или иначе сформировавшихся общественныхъ классовъ, совершенно такъ же, какъ животное царство по комбинаціямъ различно сформировавшихся животныхъ органовъ[3]). Впрочемъ, онъ не придаетъ большого значенія этой аналогіи, какъ и вообще онъ менѣе склоненъ объяснять человѣческую жизнь явленіями природы, а скорѣе, наоборотъ, готовъ объяснять жизнь природы фактами міра нравственнаго[4]).

Болѣе, чѣмъ въ образномъ только смыслѣ, Гоббесъ характеризуетъ государство, какъ тѣло, которое является предметомъ изслѣдованія для политики и входящей въ составъ ея этики совершенно такъ же, какъ естественныя тѣла являются предметомъ изслѣдованія природы, такъ что для этого мыслителя вся философія превращается

---

[1]) Tert. De virg. velandis, c. I и въ др. мѣстахъ.
[2]) Plat. Rep. V, p. 462 и 464 Steph.
[3]) Arist. Pol. IV, 3, p. 1290. Bekk.
[4]) Cp. Eucken, Über Bilder und Gleichnisse in der Philosophie. Leipzig 1880, стр. 14.

Digitized by Google

въ ученіе о тѣлахъ. Жизненнымъ принципомъ исполинскаго тѣла, какимъ является corpus politicum (политическое тѣло), Гоббесъ считаетъ правителя, являющагося, такимъ образомъ, не столько главою, сколько душою этого тѣла, — взглядъ, отъ котораго былъ только одинъ шагъ до низведенія органовъ въ орудія, организма въ машину, слѣдовательно, до механическаго пониманія, которымъ Гоббесъ уничтожаетъ всю плодотворность разсматриваемаго сравненія.

Опираясь на ученіе новѣйшихъ естествоиспытателей, соціологія нашихъ дней нашла въ старомъ сравненіи новыя стороны сходства и обязана этому сравненію цѣнными импульсами и даже серіозною помощію въ опредѣленіи весьма важныхъ для этой науки понятій. За всѣ представленія и выраженія, заимствованныя новѣйшею біологіею изъ области соціологіи, каковы, напр., раздѣленіе труда, экономія органической жизни, клѣтчатое государство, движеніе по инстанціямъ и проч., — біологія съ избыткомъ отплатила соціологіи, снабдивъ ее воззрѣніями и терминами, изъ которыхъ иные имѣютъ за себя, правда, только прелесть новизны, зато другіе могутъ претендовать на научное достоинство. Разъясненіе біологическихъ процессовъ увеличило число пунктовъ сходства между соціальною и органическою жизнью и вызвало такія аналогіи, о которыхъ нельзя было и помышлять въ прежнее время. Ранѣе побужденіемъ къ сравненію общества съ организмомъ было, главнымъ образомъ, то обстоятельство, что, какъ въ обществѣ, такъ и въ организмѣ усматривали цѣлое, „составленное изъ частей съ дифференцированными функціями, но связанныхъ въ цѣляхъ солидарнаго самосохраненія и способныхъ къ объединенному коллективному дѣйствію“; между тѣмъ естественнонаучная точка зрѣнія, опираясь на анализъ органическаго тѣла, провела дальнѣйшую, богатую слѣдствіями, аналогію, состоящую въ томъ, что какъ организмъ представляетъ не только одну систему, но состоитъ изъ совокупности нѣсколькихъ системъ — костей, мускуловъ, кровеносныхъ сосудовъ, нервовъ, такъ

Digitized by Google

и то, что соединяетъ людей въ извѣстное время и въ извѣстномъ мѣстѣ въ сложное цѣлое, не одинъ союзъ, а совокупность союзовъ, сложная соціальная ткань, заключающая въ себѣ національный союзъ, политическое общество, извѣстный строй сословій и званій, религіозное общество и безчисленныя корпораціи, создаваемыя хозяйственными, духовными, общественными и иными интересами, совмѣстною жизнію, сношеніями и обычаями. Между тѣмъ этотъ фактъ не выражается вполнѣ удовлетворительно понятіями народа, общины, государства и даже общества, такъ какъ всѣ эти понятія обозначаютъ вмѣсто всеобъемлющаго комплекса союзовъ лишь отдѣльныя ихъ формы; и только заимствованные изъ біологическаго сравненія термины: соціальное тѣло или соціальный организмъ, даютъ намъ подходящее, по своему всеобъемлющему характеру, названіе.

Подобную же услугу оказываетъ соціологіи открытіе дальнѣйшаго сходства между органическою и соціальною жизнію, — сходства, къ которому опять могло привести лишь болѣе глубокое изученіе первой. Соціальное и животное тѣло сходны между собою и въ томъ, что въ томъ и другомъ совершается постоянная смѣна составляющихъ эти тѣла элементовъ. Организмъ выдѣляетъ одни вещества, замѣняя ихъ другими, и безпрерывно обновляется, постоянно воспринимая и удаляя отъ себя разные элементы; въ человѣческомъ обществѣ рожденіе и смерть представляютъ собою аналогичный приливъ и отливъ и ведутъ за собою его постоянное обновленіе; и какъ организмъ, несмотря на постоянную смѣну веществъ, остается цѣлымъ и ассимилируетъ вновь поступающіе въ него элементы, перерабатывая ихъ и распредѣляя по различнымъ находящимся въ немъ системамъ, такъ и соціальное тѣло, при постоянномъ появленіи въ немъ новыхъ и удаленіи старыхъ отдѣльныхъ существъ, сохраняетъ свое тождество, и одна изъ его жизненныхъ функцій заключается въ томъ, чтобы ассимилировать и включить въ свой составъ каждое новое поколѣніе и такимъ образомъ обезпечить непрерывность своей дѣятельности.

Digitized by Google

Когда мы разсматриваемъ этотъ процессъ соціальнаго обновленія, то обыкновенно вовсе не замѣчаемъ, что онъ представляетъ нѣчто цѣлое: наоборотъ, практическія задачи, заключающіяся въ немъ, слишкомъ сильно обращаютъ на себя наше вниманіе, чтобы намъ можно было сразу бросить общій взглядъ на это крупное и многостороннее явленіе, и только заимствованное изъ области органической природы сравненіе постоянно побуждаетъ насъ не опускать изъ виду и единство этого процесса. Достоинство аналогіи не уменьшается тѣмъ, что при ближайшемъ изслѣдованіи сравниваемыхъ явленій различія ихъ оказываются болѣе крупными, чѣмъ сходства, и что приходится даже остерегаться, какъ бы пониманіе соціальнаго явленія, вслѣдствіе сравненія съ естественнымъ, не пріобрѣло несвойственной этому явленію натуралистической окраски. По зрѣломъ разсужденіи необходимо будетъ признать, что при изученіи животныхъ тѣлъ, которыя обновляются обмѣномъ веществъ, объясненіе можетъ остановиться на процессахъ природы; наоборотъ, обновленіе жизни, совершающееся въ человѣческомъ мірѣ, хотя и заключаетъ въ себѣ физическіе процессы, но простирается и до психическихъ явленій и психическихъ дѣйствій и завершается сознательными и свободными поступками, которые стоятъ выше всякаго физическаго или психическаго механизма и ни въ одной изъ своихъ фазъ или актовъ не теряютъ историческаго характера, какой носятъ на себѣ всѣ явленія человѣческой жизни.

Уже первый актъ сложнаго процесса обновленія соціальной жизни — рожденіе потомства, которымъ впервые вводятся въ жизнь новые элементы, подлежащіе ассимилирующимъ вліяніямъ, принадлежитъ въ одно и то же время и естественноисторическому и нравственному порядку. Всѣ роды живыхъ существъ обновляются путемъ размноженія; глубоко заложенное въ каждомъ существѣ стремленіе производить себѣ подобныхъ, на ряду съ инстинктомъ самосохраненія, является могущественнѣйшимъ двигателемъ всей животной дѣятельности; наслѣд-

Digitized by Google

ственность, въ силу которой свойства и задатки производителей передаются потомству, есть общій законъ природы, благодаря которому она дѣлаетъ поколѣнія сходными и сохраняетъ типы жизни. Человѣческому роду предоставлено было облагородить это стремленіе путемъ соединенія его съ высшими мотивами, урегулировать его проявленія нравственными учрежденіями, возвысить половую связь до высоты семейнаго союза, этой протоплазмы союзовъ соціальныхъ. Благодаря этому функція размноженія ставится въ тѣсную связь съ соціальною жизнедѣятельностію, такъ что въ извѣстномъ смыслѣ соціальный организмъ можетъ быть названъ носителемъ этой функціи. Такіе факторы, какъ національность, государственное устройство, нравственная жизнь, степень образованія, имущественныя отношенія, историческія событія, явно обусловливаютъ численные размѣры размноженія, „цифры плодовитости", по выраженію моральной статистики, а вмѣстѣ съ тѣмъ они оказываютъ глубокое вліяніе на свойства, типъ, задатки потомства. Если уже въ животномъ царствѣ мы замѣчаемъ то явленіе, что путемъ наслѣдственности къ потомкамъ могутъ перейти не только такія свойства первичной природы, которыя самими производителями получены отъ предковъ, но и такія свойства вторичной природы, которыя пріобрѣтены ими самими, то въ человѣческомъ родѣ это совершающееся въ ряду поколѣній превращеніе нажитаго въ наслѣдственное обнаруживается въ несравненно большемъ разнообразіи. Поколѣніе родителей можетъ передать послѣдующему поколѣнію не только естественныя, но и культурныя свойства и въ формѣ задатковъ сообщить своему потомству все, что пережили и совершили они или ихъ предки, чѣмъ они усовершенствовали или ухудшили свою природу, и, „благодаря удивительной вложенной въ тѣла силѣ сѣмени, въ потокѣ человѣческихъ поколѣній движутся другъ возлѣ друга наслѣдственное благо и наслѣдственное зло" [1]). Путемъ наслѣдствен-

[1]) Augustin. De civ. dei XXII, 24.

Digitized by Google

ности потомство получаетъ національный типъ, и хотя этотъ типъ не есть еще національность, но безъ сомнѣнія онъ подготовляетъ почву для тѣхъ вліяній, силою которыхъ она образуется; по наслѣдству передаются типы, которые выработались у предковъ благодаря образу жизни и нравамъ, и часто они сказываются даже тамъ, гдѣ потомство выростаетъ при измѣнившихся условіяхъ жизни. Тотъ фактъ, что при распространеніи цивилизаціи среди дикарей культура становится на твердую почву только тогда, когда нѣсколько поколѣній находились уже подъ ея вліяніемъ, показываетъ, какъ во внукахъ могутъ суммироваться вліянія, пережитыя ими самими и ихъ предками[1]); наблюденія надъ народами съ кастовымъ устройствомъ показываютъ, какъ интеллектуальные и техническіе задатки, благодаря постоянному развитію ихъ въ ряду поколѣній, такъ сказать, капитализируются, и какъ позднѣйшія поколѣнія пользуются плодами трудовъ поколѣній предыдущихъ въ формѣ повышеннаго таланта[2]). Такъ, путемъ физической наслѣдственности сама природа передаетъ первыя культурныя пріобрѣтенія созрѣвшаго поколѣнія подрастающему, и физическая солидарность превращается въ историческую еще задолго до того времени, когда становится возможнымъ возникновеніе психическихъ нитей, сплетеніемъ которыхъ мы обыкновенно объясняемъ солидарность историческую.

Съ половымъ стремленіемъ, какъ показываетъ жизнь животныхъ, тѣсно связано другое стремленіе, которое подобно первому служитъ цѣлямъ продолженія рода: это — стремленіе, направленное къ тому, чтобы оберегать, питать и холить дѣтенышей, вообще обезпечить имъ условія физическаго существованія. Какъ тѣсно связаны у человѣка проявленія того и другого стремленія, это показываютъ словесныя наименованія ихъ, которыя

---

[1]) Th. Waitz, Anthropologie der Naturvölker, I, стр. 81.
[2]) Ribot, Die Erblichkeit. Deutsch von Hotzen, Leipzig 1876, стр. 394. Русскій переводъ („Наслѣдственность“ Рибо, С.-Пб. 1884), стр. 357.

Digitized by Google

часто или совпадаютъ или переходятъ другъ въ друга: zeugen (рождать) и ziehen (вести), aufziehen (выводить), auferziehen (выкармливать) въ нѣмецкомъ языкѣ происходятъ отъ одного корня и встрѣчаются въ словахъ zucht (дисциплина) и züchten (наказывать); educare значитъ производить и выращивать, proles (новое поколѣніе) и suboles (потомство) происходятъ отъ alere (питать, кормить); въ причастномъ суффиксѣ слова parentes (родители) можно находить указаніе на тотъ взглядъ, что процессъ дарованія жизни продолжается и послѣ рожденія; *τεκνογονία* означало у грековъ: имѣть дѣтей, то-есть рождать и воспитывать ихъ[1]). У Аристотеля *ψυχὴ θρεπτική* (душѣ-питательницѣ) приписывается вся направленная къ продолженію рода дѣятельность[2]); въ испанскомъ словѣ criar основное значеніе: творить, рождать переходитъ въ другое: выращивать, воспитывать и проч. По древнему воззрѣнію индусовъ, которое не чуждо и грекамъ, воспитаніе начинается ношеніемъ плода во чревѣ, и мать есть только воспитательница даже не родившагося ребенка[3]). Но какъ ни близко соприкасаются рожденіе и воспитаніе, однако только послѣднее можетъ завязать сознательныя отношенія между родителями и потомствомъ; эти отношенія у животныхъ проявляются не съ меньшею силою, но только въ короткій періодъ времени, тогда какъ у людей ими начинается продолжительное и содержательное жизненное общеніе между обоими поколѣніями. Справедливо называютъ продолжительную безпомощность ребенка преимуществомъ рода человѣческаго, и она дѣйствительно является такимъ преимуществомъ въ двоякомъ отношеніи, съ одной стороны въ томъ, что болѣе медленный процессъ развитія даетъ ему зато болѣе значительную ширину и глубину, а съ другой стороны въ томъ, что необходимость имѣть попеченіе о слабомъ созданіи обла-

---

[1]) Ср. I Тим. 2, 15.
[2]) Arist. de an. II, 4, 2.
[3]) „Ригведа", V, 78. Переводъ А. Людвига, т. II, стр. 544. Aeschyl. Eum. 615. Ср. Lucas, Traité de l'hérédité naturelle II, p. 67 и далѣе.

Digitized by Google

гораживающимъ образомъ дѣйствуетъ на родителей[1]). Но, какъ показываетъ сравненіе дѣтей дикихъ народовъ съ дѣтьми цивилизованныхъ націй, безпомощность и продолжительность періода дѣтства возрастаютъ съ увеличеніемъ продолжительности и тщательности ухода за дѣтьми и такимъ образомъ являются не только условіемъ, но и продуктомъ культуры и исторіи[2]). Какъ общественная функція, воспитаніе дѣтей проявляется въ общественномъ призрѣніи сиротъ, начатки котораго встрѣчаются уже у дикихъ народовъ; и хотя ближайшіе мотивы и средства его имѣютъ индивидуальный характеръ, оно всюду зависитъ отъ соціальныхъ факторовъ: въ обычаяхъ воспитанія дѣтей всегда отражается общественная нравственность и на нихъ ложится отпечатокъ нравственныхъ и религіозныхъ воззрѣній, соціальныхъ и даже политическихъ учрежденій[3]).

То жизненное общеніе, которое вызывается дѣтскою безпомощностью и поддерживается высшими мотивами, заключаетъ въ себѣ и начатки психическихъ воздѣйствій на потомство, духовной и нравственной ассимиляціи его. Въ этихъ начаткахъ нѣтъ еще никакой преднамѣренности и сознанія цѣли: это не столько акты душевной дѣятельности, сколько психическій процессъ, благодаря которому заложенное въ физической природѣ сходство вторгается въ духовно-нравственную область. У народовъ на низшей ступени развитія, гдѣ намѣренныя воздѣйствія на юношество еще очень незначительны, тѣмъ не менѣе выходитъ такъ, что юноши становятся такими же, какъ и старцы, усвояютъ образъ

---

[1]) Лукрецій, V, 1016, усматриваетъ въ сношеніяхъ между родителями и дѣтьми толчокъ къ смягченію нравовъ и къ появленію правила: imbecillorum esse aequum misereri omnium (быть справедливымъ значитъ жалѣть всѣхъ безсильныхъ). — Бретъ-Гартъ въ своихъ „Калифорнійскихъ разсказахъ“ рисуетъ жизненную картинку, какъ въ одномъ лагерѣ золотоискателей дикая грубость шагъ за шагомъ уступала мѣсто болѣе благороднымъ чувствамъ только потому, что лагерь принялъ и сталъ воспитывать осиротѣвшаго ребенка.

[2]) Caspari, Urgeschichte der Menschheit, I, стр. 108.

[3]) Любопытныя наблюденія у Ploss'a: Das Kind in Brauch und Sitte der Völker. Stuttgart 1876.

Digitized by Google

мысли и настроенія ихъ, сживаются съ ихъ языкомъ и нравами, ихъ традиціями и интересами, исключительно въ силу этой невольной ассимиляціи, которую ведутъ за собой сношенія и совмѣстная жизнь. Но и при значительно подвинувшейся впередъ культурѣ, гдѣ уже начались намѣренныя и планомѣрныя воздѣйствія, эти послѣднія поддерживаются, подготовляются, сопровождаются, довольно часто, впрочемъ, и перекрещиваются и стѣсняются воздѣйствіями перваго рода, совершающимися безъ всякихъ хлопотъ, и тò, чтò, какъ говорятъ, пристаетъ къ юношеству, — отлагается на немъ, какъ осадокъ изъ окружающей атмосферы, — составляетъ широкій и неизбѣжный фонъ всякаго ученія и воспитанія. Такимъ путемъ совершается передача и усвоеніе материнскаго языка, т.-е., какъ показываетъ самое имя его, рѣчи, развивающейся у ребенка въ сношеніяхъ съ матерью, а вмѣстѣ съ тѣмъ происходитъ многозначительный актъ духовнаго уподобленія: языкъ вовсе не пустая, безразлично относящаяся къ идейному содержанію форма, но самъ есть совокупность идей, и въ запасѣ словъ языка, его формъ, способовъ образованія и сочетанія заключены начатки міровоззрѣнія и жизнепониманія[1]), которые передаются вмѣстѣ съ языкомъ: первый духовный даръ предковъ юношеству — sermo patrius — отечественный языкъ. Затѣмъ рѣчь и бесѣды становятся орудіемъ, которое съ замѣчательною быстротою производитъ передачу опытовъ, воспоминаній, воззрѣній, сужденій, и тѣмъ дѣйствительнѣе, чѣмъ болѣе опоры слуховыя ощущенія находятъ въ зрительныхъ. Въ сферѣ дѣятельности и творчества примѣру принадлежитъ наиболѣе значительная ассимилирующая сила, и какъ умѣнья, такъ и нравы часто передаются безъ всякихъ намѣренныхъ усилій, въ силу самопроизвольно возникающей подражательной и копирующей дѣятельности человѣческаго духа; а они въ свою очередь

---

[1]) W. v. Humboldt, Die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues, стр. 38 и далѣе.

Digitized by Google

являются средствомъ перехода къ потомкамъ интересовъ, стремленій, склонностей и намѣреній всякаго рода.

Въ широтѣ и полнотѣ, если не всегда въ силѣ, этотъ процессъ выигрываетъ тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе опорныхъ пунктовъ находитъ онъ въ окружающей жизни, а такіе опорные пункты даетъ по преимуществу тотъ сложный аппаратъ, которымъ культура снабжаетъ жизнь; къ этому аппарату относятся въ большинствѣ случаевъ вопросы дѣтей, и дѣти дѣлаютъ первые шаги къ пониманію его задолго до настоящаго ученія; привычки, имѣющія отношеніе къ нему, болѣе, чѣмъ дисциплина и наставленія, содѣйствуютъ цивилизаціи маленькихъ дикарей въ нашей средѣ. Продукты культуры и техническія произведенія являются вмѣстѣ и воплощеніями идей и цѣлей; въ нихъ мы имѣемъ, такъ сказать, связанную мысль[1]), которая снова освобождается, благодаря тому, что разсудокъ ищетъ и находитъ ее; понять что-нибудь сдѣланное, значитъ въ нѣкоторомъ смыслѣ вновь сдѣлать то же самое, и каждый гдѣ бы то ни было и какъ бы то ни было положенный духовный трудъ имѣетъ своимъ, хотя, можетъ-быть, и очень слабымъ, отголоскомъ духовную дѣятельность. Такимъ образомъ и созданный или развитый культурою міръ культурныхъ пріобрѣтеній становится могущественнымъ средствомъ уподобленія молодого поколѣнія старому, и на потомство, которое сживается съ этимъ міромъ, переносится міръ разнообразныхъ представленій, — психологическій процессъ, благодаря которому наслѣдственная передача имуществъ только и пріобрѣтаетъ свое полное значеніе.

Наслѣдованіе имуществъ въ томъ видѣ, какъ оно регулируется наслѣдственнымъ правомъ, есть дальнѣйшая связь, соединяющая поколѣнія и поддерживающая непрерывность соціальной дѣятельности[2]). Путемъ этого наслѣдованія подрастающее поколѣніе пріобрѣтаетъ какъ бы

[1]) „Сгустившаяся мысль". См. Lazarus, Zeitschrift für Völkerpsychologie, т. II, стр. 55, и Lazarus, Leben der Seele. 2. Aufl. Bd. II, стр. 213 и далѣе.

[2]) Rocher, Ansichten der Volkswirtschaft, стр. 42.

Digitized by Google

fundus instructus культурной жизни, матеріальный, но духовно переработанный базисъ для продолженія исторической работы. Наслѣдственное право освѣщаетъ только одну сторону этого явленія: только порядокъ наслѣдованія между частными лицами, а не движеніе имуществъ вообще, которое простирается на коллективное и общественное владѣніе, такъ какъ и имущество общинное, матеріальная сила государства, памятники религіозной жизни и художественнаго творчества переходятъ отъ одного поколѣнія къ другому[1]). Еще менѣе освѣщаетъ наслѣдственное право психологическую сторону наслѣдованія имуществъ: это наслѣдованіе есть не только передача матеріальнаго владѣнія, но начало и продолженіе различныхъ видовъ психической дѣятельности. Уже съ имуществами частнаго владѣнія срастаются воспоминанія и надежды, традиціи и задачи, намѣренія и сужденія всякаго рода; но еще болѣе содержанія умѣетъ влагать общественный духъ въ предметы публичнаго, особенно національнаго владѣнія: національные достопамятныя мѣста и памятники одно поколѣніе передаетъ другому не какъ имущество, но какъ залогъ или святыню; съ передачей Акрополя, Капитолія аттическое, римское юношество вступало въ права наслѣдства и въ отношеніи къ исторіи своихъ предковъ.

Передачѣ духовныхъ и нравственныхъ благъ, которая такъ тѣсно переплетается съ матеріальною, служатъ и тѣ психическія средства, которыя носятъ на себѣ характеръ намѣренности и планомѣрности: на ряду и вслѣдъ за тѣмъ невольнымъ уподобленіемъ, которое намъ пришлось назвать психическимъ процессомъ, развиваются многообразныя воздѣйствія общества на свое потомство, которыя имѣютъ характеръ душевныхъ дѣятельностей, обнаруженій сознательной и свободной воли.

Для обозначенія всей совокупности этихъ сознательныхъ воздѣйствій нѣтъ подходящаго всеобъемлющаго слова, и для наименованія ихъ языки обыкновенно

---

[1]) Schäffle, Bau und Leben des socialen Körpers, II, 102.

Digitized by Google

употребляютъ двойныя выраженія: такъ греки связывали слова *ἀσκεῖν καὶ διδάσκειν, παιδεύειν καὶ ἀσκεῖν* (упражнять и учить, образовывать и упражнять), или съ другимъ оттѣнкомъ: *ἄγειν καὶ παιδεύειν* (руководить и образовывать), или соединяли вмѣстѣ: *μαθεῖν* (изучать) и *παθεῖν* (терпѣть), *ἔθος* (нравъ) и *λόγος* (разумъ), *ἐθίζεσθαι* (пріучаться) и *ἀκούειν* (слушать) или дѣлали подробное перечисленіе: *ἔθη καὶ παιδεῖαι καὶ διδασκαλίαι καὶ βίων ἀγωγαί* (нравственность, образованіе, уроки и руководство)[1]); съ тою же цѣлію римляне соединяли слова: studia (науки) и artes (искусства), doctrina (ученіе), disciplina (дисциплина) и institutio (наставленіе), мы: ученье и упражненіе, обученіе и воспитаніе, наставленіе и упражненіе, преподаваніе и дисциплина. При этомъ иногда умственное воздѣйствіе противополагается нравственному, иногда знаніе отдѣляется отъ умѣнья и развитіе умѣній соединяется съ развитіемъ нравственности.

Всего разнообразія относящихся сюда дѣятельностей не обнимаетъ ни одно изъ суммарныхъ перечисленій; но обычное словоупотребленіе позволяетъ для обозначенія главныхъ категорій пользоваться понятіями обученіе и дисциплина съ такимъ расширеніемъ значенія этихъ терминовъ, чтобы они обнимали и упражненіе и пріучиваніе, выучку, руководство и наставленіе, указанія и нравственное назиданіе и проч. Путемъ обученія совершается передача умственнаго содержанія нашей жизни, обнимающая знанія и умѣнія, вѣрованія и міровоззрѣніе, и умственное уподобленіе потомства возвышается до степени сознательной цѣлесообразной дѣятельности; путемъ дисциплины совершается введеніе потомства въ нравственную жизнь и включеніе его въ составъ соціальныхъ союзовъ, и кругъ интересовъ его опредѣляется сообразно съ нравами общества.

Въ дѣлѣ обученія и дисциплинированія участвуютъ всѣ союзы и всѣ сферы жизни, обнимаемые соціаль-

---

[1]) Pseudoplutarch de educatione puerorum c. 4.

Digitized by Google

нымъ организмомъ и заключающіе въ себѣ подрастающіе элементы, и не только ученикъ и воспитанникъ, но и подмастерье и рекрутъ, послушникъ и неофитъ, новичокъ и начинающій испытываютъ духовныя и нравственныя ассимилирующія воздѣйствія отдѣльныхъ общественныхъ корпорацій, въ область которыхъ они вступили.

Размноженіе и наслѣдственность, уходъ за потомствомъ, невольная ассимиляція молодого поколѣнія старому, наслѣдственная передача имуществъ, сознательныя болѣе или менѣе планомѣрныя воздѣйствія посредствомъ обученія и дисциплины: вотъ существенные явленія и акты, въ которыхъ совершается обновленіе соціальной жизни. Но исключительно къ сферѣ этого обновленія принадлежатъ только размноженіе и связанная съ нимъ наслѣдственность; остальные же акты, хотя и съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, мы встрѣчаемъ и въ другихъ видахъ соціальной жизнедѣятельности. Старательный уходъ, посредствомъ котораго для того или другого существа обезпечиваются условія физическаго существованія, не ограничивается отношеніемъ къ потомству; рядомъ съ уходомъ за дѣтьми стоитъ уходъ за больными, встрѣчающійся на всѣхъ ступеняхъ культуры, и уходъ за стариками и слабыми, какъ дѣло любви людей съ возвышеннымъ нравственнымъ настроеніемъ; то, что̀ дѣлается для ухода за дѣтьми, всегда опредѣляется, между прочимъ, воззрѣніями, правилами и обычаями, господствующими въ гигіэнѣ и врачебномъ искусствѣ, и чѣмъ далѣе развивается медицинская наука, тѣмъ болѣе вліянія оказываетъ она на воспитаніе юношества. Ненамѣренная ассимиляція потомства, въ силу которой оно срастается съ окружающею жизнію, имѣетъ аналогичный фактъ въ томъ явленіи, что сношенія и обращеніе всюду имѣютъ слѣдствіемъ подобное же уравненіе. Не только дѣти, но и взрослые безъ особыхъ усилій воспринимаютъ мнѣнія и симпатіи, манеру и тонъ тѣхъ сферъ, въ которыхъ они вращаются; юноша и старикъ шлифуются въ тонкомъ обществѣ и

Digitized by Google

грубѣютъ въ грубомъ; дикари цивилизуются, вступая въ тѣсныя сношенія съ европейцами, а продолжительное общеніе съ дикарями можемъ стереть жизненныя формы цивилизаціи и съ культурнаго человѣка; и не только индивидуумы испытываютъ безсознательно преобразующія вліянія жизненнаго общенія, но цѣлые классы общества ассимилируются другъ съ другомъ, путемъ ли обоюднаго обмѣна нравовъ, или путемъ вытѣсненія болѣе слабыхъ своеобразныхъ особенностей; сословія и званія сравниваются между собою при увеличеніи связей, соединяющихъ ихъ другъ съ другомъ; даже народность передается, правда, не безъ содѣйствія принудительныхъ обстоятельствъ, но все же безъ искусственныхъ приспособленій. Такимъ образомъ уподобленіе молодого поколѣнія старому является только отдѣльнымъ случаемъ соціально-психологическаго закона съ гораздо болѣе широкою сферою примѣненія, закона, который не имѣетъ особаго отношенія къ обновленію общества. Но такого особаго отношенія къ этому обновленію не имѣетъ и передвиженіе имуществъ, какой бы важный факторъ ни представляло оно для установленія солидарности между поколѣніями; это передвиженіе бываетъ не только переходомъ по наслѣдству, но совершается и путемъ взаимной передачи, путемъ дара и силою принудительныхъ причинъ имущественнаго обмѣна, и даже переходъ по наслѣдству не ограничивается передвиженіемъ имуществъ къ потомкамъ, но можетъ принять направленіе по боковымъ линіямъ.

Но всего яснѣе широкая природа актовъ обновленія соціальной жизни обнаруживается въ обученіи и дисциплинѣ. Какъ обученіе, такъ и дисциплина относятся къ общимъ проявленіямъ соціальной дѣятельности. Обученіе служитъ вообще передачѣ духовнаго содержанія отъ одного сознанія другому, и оно содѣйствуетъ столько же распространенію этого содержанія, сколько и продолженію его существованія. Въ весьма широкихъ размѣрахъ практикуется обученіе, цѣли котораго выходятъ за предѣлы интеллектуальной ассимиляціи потом-

Digitized by Google

ства или даже не имѣютъ къ ней никакого отношенія. Миссія, проповѣдь, религіозная пропаганда суть формы обученія, къ которымъ, правда, присоединяется и обученіе дѣтей и образованіе юношества, но эти формы обращаются къ взрослому поколѣнію, ко „всѣмъ людямъ", какъ говоритъ Писаніе. Всякая наука нуждается въ преподаваніи, какъ въ жизненномъ элементѣ; она должна расширять свѣдѣнія и познанія не только того, кто нашелъ истину, но и всѣхъ, кто ищетъ ея; работа изслѣдованія для своего успѣха нуждается въ сообщеніи: то, что создано уединеннымъ творчествомъ, становится живымъ лишь въ соприкосновеніи съ чужимъ сознаніемъ. Но всякій, кто предлагаетъ другимъ результаты своихъ изслѣдованій и размышленій, является учителемъ, и великіе представители науки суть учителя своихъ современниковъ, если не всѣхъ послѣдующихъ временъ; кружки, которые образуются около нихъ, раздѣляютъ съ мѣстами преподаванія имя школы. Точно также и художникъ, который опредѣляетъ стиль и направленіе творчества своихъ сотоварищей, есть ихъ учитель, равно какъ и приверженцы, собирающіеся около него, называются его школою; въ понятіи мастеръ соединяются понятія объ умѣньи и преподаваніи, и не только ученикъ, но и подмастерье являются учащимися. На ученіи и подражаніи основывается всякій прогрессъ въ области техники и искусства, при чемъ образецъ можетъ заступать мѣсто преподаванія. Всюду въ культурной жизни бьютъ источники обученія, которыхъ индивидуумъ никогда не перерастаетъ и до которыхъ, наоборотъ, онъ дорастаетъ только тогда, когда онъ уже оставилъ за собой обязательное ученіе. Живымъ источникомъ обученія является письмо и письменность, которыя даютъ духовному содержанію нашей жизни видимую и прочную форму и дѣлаютъ раздающійся звукъ поучительнымъ голосомъ, — дѣло, которое древніе склонны были приписывать Богу или богоподобному человѣку. Книга имѣетъ болѣе широкій по пространству и времени кругъ дѣйствія, чѣмъ устное обученіе; своимъ нѣмымъ обу-

Digitized by Google

ченіемъ она можетъ заглушить словесное и указывать цѣли и содержаніе жизни позднѣйшимъ поколѣніямъ.

Съ этой точки зрѣнія то обученіе, путемъ котораго совершается духовная ассимиляція юношества, опять является только особымъ случаемъ общей функціи духовной жизни. Нѣчто подобное можно сказать и о близнецѣ обученія дисциплинѣ. Если человѣкъ никогда не перерастаетъ ученія и для него всегда возможно расширеніе или преобразованіе круга его идей, то столь же мало перерастаетъ онъ сдерживающія и регулирующія вліянія на образъ его жизни, насколько эти вліянія исходятъ отъ соціальныхъ учрежденій. Всѣ общественные союзы оказываютъ сдерживающее или дисциплинирующее вліяніе на своихъ членовъ и не только на подрастающихъ, которыхъ нужно вводить въ существующій порядокъ, но и на тѣхъ, которые уже введены въ этотъ порядокъ, и которыхъ необходимо удерживать въ немъ. Мы говоримъ о церковной дисциплинѣ, о дисциплинѣ военной, о дисциплинарной полиціи въ государствѣ, о дисциплинѣ въ корпораціяхъ всякаго рода; всѣ отправленія уголовнаго права являются дисциплинарными вліяніями вообще, посредствомъ которыхъ общество охраняетъ свой юридическій порядокъ. Рядомъ съ учрежденіями для нравственнаго воспитанія юношества стоятъ учрежденія для нравственнаго воспитанія массъ, и съ заботою о продолженіи нравственныхъ связей тѣснѣйшимъ образомъ переплетается забота о поддержаніи этихъ связей въ настоящемъ. Нѣтъ недостатка даже въ такихъ примѣрахъ, гдѣ границы той и другой задачи сглаживаются; такъ въ старомъ патріархальномъ Китаѣ юношеская дисциплина терялась въ общемъ полицейскомъ надзорѣ за народомъ, въ Спартѣ педагогика переходила въ андрагогію.

Такимъ образомъ тѣ средства, которыя служатъ дѣлу обновленія соціальной жизни, если брать ихъ въ отдѣльности, вовсе не имѣютъ специфическаго отношенія къ подрастающимъ элементамъ, но распространяютъ свое вліяніе, если можно такъ выразиться, и въ коллите-

Digitized by Google

ральныхъ развѣтвленіяхъ. Однако это обстоятельство не наноситъ никакого ущерба единству упомянутаго процесса, и онъ все же является совершенно особою жизненною функціею соціальнаго организма. Отношеніе взрослаго поколѣнія къ подрастающему имѣетъ слишкомъ спеціальный характеръ и заключаетъ въ себѣ слишкомъ ясно выраженныя задачи, чтобы на почвѣ этого отношенія не могли сформироваться строго опредѣленныя и замкнутыя въ себѣ сферы дѣятельностей, мѣропріятій и учрежденій. Такими сферами являются воспитаніе и образованіе. И воспитаніе и образованіе опираются на культурную жизнь во всей ея широтѣ, многократно переплетаются другъ съ другомъ и часто переходятъ въ другія области и однако представляютъ въ достаточной степени характерное явленіе и въ достаточной мѣрѣ выдѣляются своеобразными задачами и функціями.

Воспитаніе въ языкахъ разныхъ народовъ получило свое имя большею частію отъ словъ вести, выводить, дѣлать большимъ или сильнымъ, выращивать и, слѣдовательно, первоначально понималось, какъ продолженіе или усиленіе дѣятельности, направленной къ тѣлесному благосостоянію потомства; но такъ какъ наименованія послѣдней дѣятельности въ свою очередь часто переплетаются съ наименованіями рожденія[1]), то сюда примѣшивается еще, хотя и очень слабо, представленіе, что воспитаніе не только содѣйствуетъ жизни, но и даетъ жизнь. Съ выращиваніемъ воспитаніе раздѣляетъ характеръ заботы о развивающейся жизни, которая нуждается въ охранѣ, помощи и регулированіи со стороны другихъ; съ рожденіемъ воспитаніе аналогично настолько, насколько оно имѣетъ цѣлію созданіе, правда, не внѣшняго и тѣлеснаго, но внутренняго и нравственнаго образа. Для рожденія, питанія и воспитанія предназначено одно и то же мѣсто: тотъ союзъ, который сообщаетъ нравственный характеръ распространенію

[1]) См. выше, стр. 9—10.

Digitized by Google

физическаго бытія, вноситъ сердечную теплоту и въ развивающуюся нравственную жизнь; подобно тому, какъ материнскій языкъ полагаетъ начало умственному развитію, такъ домашніе и семейные нравы полагаютъ начало всякой нравственности. Отъ выращиванія воспитаніе отдѣляется только тогда, когда предметомъ попеченія становятся стремленія ребенка сами по себѣ; регулировать ихъ, подавлять вредныя, поддерживать полезныя, сохранять и укрѣплять слабыя такимъ образомъ, чтобы изъ нихъ возникали привычки, — такова ближайшая и наиболѣе ясная задача воспитанія. Опорою его является отношеніе авторитета и послушанія, и въ этомъ случаѣ воспитаніе совпадаетъ со всякимъ родомъ дисциплинированія; но оно имѣетъ несравненно болѣе богатое содержаніе, чѣмъ простое дисциплинированіе: его дѣйствія имѣютъ характеръ сердечныхъ попеченій и направлены къ будущему; оно имѣетъ цѣлію обезпечить для юношества, на его благо и пользу, жизненный порядокъ въ настоящемъ и послѣдующемъ времени; заступая мѣсто незрѣлаго еще разума, воспитаніе подготовляетъ тò, чтò разумъ, усилившись впослѣдствіи, одобряетъ и развиваетъ далѣе. Переходя отъ укрощенія ребенка къ его нравственному облагороженію, воспитаніе не ограничивается регулированіемъ наличныхъ стремленій и дѣйствій, но вызываетъ новыя болѣе высокія, прививаетъ благородный отпрыскъ къ дикому корню. Для этого необходимы духовныя средства и воспитаніе, прибѣгая къ наставленіямъ, вразумленіямъ, духовному возбужденію, вторгается въ область обученія. Преподаваніе, т.-е. планомѣрное, систематическое обученіе, связанное съ заботой о переработкѣ предлагаемаго матеріала, становится одною изъ могущественнѣйшихъ силъ воспитанія, частію вслѣдствіе того, что оно вноситъ въ среду разнообразныхъ стремленій юношеской природы широкую регулярную дѣятельность, требующую значительнаго напряженія духовныхъ силъ, частію вслѣдствіе того, что оно, расширяя и обогащая умственный кругозоръ, пробуждаетъ интересы, изъ которыхъ

Digitized by Google

вытекаютъ новыя побужденія и дѣйствія. Но аналогично съ тѣмъ, что̀ мы видѣли въ педагогической дисциплинѣ, своеобразная черта воспитательнаго преподаванія заключается въ томъ, что оно, взирая на будущее, ищетъ своей цѣли и мѣры не въ мимолетномъ и частичномъ ростѣ знаній и умѣній, но въ духовномъ развитіи вообще.

Воспитаніе есть нравственная, а потому сознательная дѣятельность; оно исходитъ отъ личности и переходитъ на другую развивающуюся личность; имени воспитанія не заслуживаетъ ни безсознательная или полусознательная ассимиляція, путемъ которой молодые люди уподобляются старымъ, ни дѣятельность, которая довольствуется тѣмъ, что регулируетъ стремленія юношества извѣстными опредѣленіями и учрежденіями, не спрашивая о томъ, достаточно ли глубоко дѣйствуютъ на индивидуальную душевную жизнь вытекающія изъ этой дѣятельности вліянія, и какое дѣйствіе производятъ всѣ эти вліянія, взятыя вмѣстѣ. Воспитаніе есть дѣло, для котораго недостаточно только показать себя, и которое не заключается только въ посѣвѣ сѣмянъ безъ всякихъ заботъ о томъ, чтобы они взошли. Говоря это, мы, однако, не отрицаемъ, что воспитаніе нуждается въ безсознательныхъ и полусознательныхъ вліяніяхъ, вытекающихъ изъ сношеній человѣка съ человѣкомъ, какъ бы въ нѣкоторомъ фонѣ для своей дѣятельности. Наоборотъ, сознательныя воздѣйствія остались бы только аггрегатомъ, если бы не находили опоры и дальнѣйшаго развитія во всей широтѣ тѣхъ средствъ, какими располагаетъ жизненное общеніе людей; и они никогда не укоренились бы, если бы упомянутыя вліянія среды были противоположны имъ. Безсознательное уподобленіе представляетъ могущественный факторъ, съ которымъ воспитаніе должно считаться. Его можно сравнить со стихійной силой, которая, если цѣлесообразно направить ее, помогаетъ намъ выполнить дѣло разума, а оставленная безъ вниманія и руководства, уничтожаетъ и то, что̀ сдѣлано съ громадными усиліями.

Digitized by Google

Насколько воспитаніе своимъ попеченіемъ и содѣйствіемъ сопровождаетъ подрастающее поколѣніе на пути его развитія, взоръ его устремленъ въ будущее; но, подобно двуликой главѣ Януса, оно смотритъ и на прошлое, на цѣпь поколѣній, въ которую оно включаетъ новое звено, и на переходящія отъ одного поколѣнія къ другому блага цивилизаціи, которыя воспитаніе, подобно душеприказчику, старается сохранить и передать въ другія руки. Такимъ образомъ оно является выполненіемъ долга въ двоякомъ смыслѣ: выполненіемъ долга любви къ потомству, и соціальной обязанности въ отношеніи къ обществамъ и представителямъ цивилизаціи, которымъ оно какъ бы вручаетъ юношество, чтобы въ общинѣ не исчезали граждане, въ обществѣ рабочія силы, въ націи соплеменники, въ церкви поклонники Божества. Съ индивидуальнымъ характеромъ воспитанія необходимо связанъ соціальный; въ родительскомъ авторитетѣ отражается авторитетъ общественныхъ властей, въ воспитательной дисциплинѣ — дисциплина общественная, въ семейныхъ нравахъ — нравственная жизнь общества, и то духовное содержаніе, которое лежитъ въ основѣ преподаванія и даетъ руководящія правила для дисциплины, сводится къ содержанію жизни общества. Отсюда воспитаніе, какъ ни велика въ немъ роль индивидуальности, и какъ ни велика она должна быть въ виду того, что воспитаніе имѣетъ дѣло съ личностью, все же принимаетъ форму общепризнанной дѣятельности и, какъ показываетъ исторія, особенно исторія древности, можетъ возвыситься даже до степени дѣятельности коллективной, когда оно разсматривается какъ дѣло общественное, и когда представителемъ его въ большей или меньшей степени выступаетъ община. Но и тамъ, гдѣ воспитаніе не принимаетъ такой коллективной формы, все же можетъ быть рѣчь о воспитательномъ дѣлѣ, какъ о совокупности обычаевъ, учрежденій, мѣропріятій, приспособленій, въ которой выражаются педагогическія заботы, хотя эта совокупность и не получаетъ формы замкнутаго и строго опредѣленнаго органа въ соціальномъ тѣлѣ.

Digitized by Google

Въ процессѣ обновленія соціальной жизни воспитаніе занимаетъ среднее положеніе, размноженіе и выращиваніе потомства падаютъ на время предъ воспитаніемъ, вступленіе подрастающихъ элементовъ въ число членовъ различныхъ сферъ жизни и связанное съ нимъ развитіе и укрѣпленіе умѣній и знаній обыкновенно предполагаютъ завершеніе воспитанія. Послѣднее вращается въ сферѣ извѣстныхъ всеобщихъ основныхъ свойствъ человѣческой природы, и потому противополагается образованію для профессіи и въ профессіи. Правда, и профессіональное образованіе можетъ воспринимать въ себя педагогическіе элементы, — какъ этого напримѣръ, можно желать и требовать въ ремесленномъ обученіи — а съ другой стороны будущее назначеніе иногда опредѣляется уже у колыбели ребенка, — какъ это бываетъ при воспитаніи князей, — но, несмотря на это, характеръ педагогическаго воздѣйствія достаточно ясно отличается отъ характера тенденціи сдѣлать ребенка способнымъ къ извѣстнымъ дѣйствіямъ; для воспитанія индивидуумъ есть предметъ попечительной любви, оно вращается въ области общихъ и основныхъ условій нравственнаго развитія и дѣлаетъ воспитанника способнымъ къ опредѣленной дѣятельности лишь настолько, насколько нравственное уподобленіе юношества, совершаемое воспитаніемъ, является основнымъ условіемъ всѣхъ соціальныхъ функцій. Наоборотъ, приготовляя къ извѣстной профессіи, мы прежде всего считаемся съ интересами извѣстнаго профессіональнаго круга и съ его спеціальными требованіями и только затѣмъ уже съ цѣнными свойствами формирующейся личной жизни.

Такимъ образомъ воспитаніе является согласованною дѣятельностію взрослаго поколѣнія, посредствомъ которой оно внимательно и заботливо регулируетъ стремленія юношеской природы и содѣйствуетъ ихъ нравственному развитію, усвояя потомкамъ основы содержанія своей собственной духовно-нравственной жизни.

Несравненно труднѣе фиксировать кругъ значенія многозначительнаго слова образованіе такимъ обра-

Digitized by Google

зомъ, чтобы не отнять ничего изъ его богатаго содержанія и въ то же время предупредить вторженіе затемняющихъ это понятіе побочныхъ мыслей. Какъ всѣ отглагольныя существительныя, оно обозначаетъ и дѣятельность: образованіе, и состояніе: образованность, и сложныя съ нимъ слова примыкаютъ къ тому или къ другому значенію (дѣло, учрежденіе, цѣль образованія и т. д. и степень, пріобрѣтеніе, источники и т. д. образованія). Свое основное чувственное значеніе: формированіе или форма матеріальнаго предмета, слово это утратило очень поздно и перешло въ духовную область только послѣ того, какъ по наслѣдству заступило мѣсто болѣе старыхъ выраженій, каковы эрудиція, формація, духовная культура, просвѣщеніе и проч.[1]).

Прежде всего представляется намъ въ этомъ понятіи моментъ внутренняго духовнаго формированія, и въ этомъ смыслѣ образованіе противопоставляется простому изученію и обученію; какъ въ образованіи, такъ и въ обученіи предлагается извѣстное содержаніе, но образованіе выходитъ за предѣлы простого пріобрѣтенія знаній и умѣній, такъ какъ дѣлаетъ матеріалъ ихъ элементомъ, который находится въ полномъ нашемъ распоряженіи и духовно оплодотворяетъ насъ. Учебный матеріалъ извѣстнаго предмета есть вкладъ его для расширенія нашихъ знаній, а образовательное содержаніе его есть тотъ приростъ, который сообщается этимъ предметомъ пластической силѣ нашего духа; то, что мы пріобрѣли путемъ изученія и упражненія, можетъ подпасть забвенію; разъ пріобрѣтенное образованіе остается, хотя бы орудія его въ значи-

---

[1]) У Винкельмана преобладаетъ еще чувственное значеніе; Гёте и Шиллеръ употребляютъ въ поэзіи это слово только въ послѣднемъ значеніи (ср. „Bildung und Streben“ — мысль и образъ, — „Bildung und Farbe“ — лѣпка и краска, — „reizende Bildungen“ — обольстительные образы, — „eine Bildung voller Saft“, — сочная лѣпка и проч.). Кантъ употребляетъ слово культура тамъ, гдѣ мы говоримъ образованіе; наше „общее образованіе“ въ прошломъ столѣтіи было „универсальной эрудицией“; образовать себя значило „сформироваться“. Для обозначенія образованія въ смыслѣ пріобрѣтенія духовной самостоятельности употребляли слово просвѣщеніе.

Digitized by Google

тельной мѣрѣ были забыты; первое есть пріобрѣтеніе, а послѣднее есть вмѣстѣ и свойство личности.

Какъ факторъ развитія индивидуальности, образованіе стоитъ на ряду съ другими факторами этого рода, каковы: природа, темпераментъ, талантъ, задатки, но оно противоположно этимъ природнымъ свойствамъ въ томъ отношеніи, что имѣетъ отличительные признаки продукта свободы. Образованіе есть результатъ дѣятельности, и притомъ какъ дѣятельности самого субъекта, такъ и сотрудничества другихъ; къ процессу образованія относится, между прочимъ, самодѣятельное усвоеніе извѣстнаго духовнаго содержанія — въ этомъ смыслѣ мы говоримъ объ образовательномъ стремленіи, о пріобрѣтеніи образованія, его источникахъ и т. д., — а вмѣстѣ съ тѣмъ относятся болѣе или менѣе организованныя учрежденія, совокупность которыхъ составляетъ систему образованія. Образовательная дѣятельность есть вмѣстѣ индивидуальная и соціальная. Насколько несомнѣнно то, что образованіе, которымъ обладаетъ индивидуумъ, есть его подлинная собственность, настолько мало является оно его исключительнымъ владѣніемъ; скорѣе это такое владѣніе, которое владѣющій раздѣляетъ съ другими, хотя бы пріобрѣлъ его и не вмѣстѣ съ ними. Быть образованнымъ — значитъ быть однимъ изъ образованныхъ; носителемъ образованія является не только индивидуумъ, но и извѣстный кругъ, извѣстное, хотя бы слабо сплоченное общество, и въ этомъ смыслѣ образованію дается предикатъ общее, какъ одному общему всѣмъ духовному свойству. Однако этотъ предикатъ не слѣдуетъ понимать во всей строгости; наоборотъ, всеобщность образованія имѣетъ соціальныя границы и ступени. Мы говоримъ о ступеняхъ, формахъ или направленіяхъ образованія и отличаемъ ученое образованіе, какъ особый уровень, отъ публичнаго или свѣтскаго образованія, а то и другое отъ народнаго образованія болѣе крупныхъ массъ, которое мы, хотя и называемъ необразованностью при болѣе исключительномъ пониманіи слова образованіе, но несправедливо,

Digitized by Google

такъ какъ массы вовсе не стоятъ за предѣлами образовательной дѣятельности и на высшихъ ступеняхъ культурнаго развитія имѣютъ своими представителями въ системѣ образованія широкія учрежденія.

Какъ ни различно духовное содержаніе, внутреннимъ усвоеніемъ котораго обусловливается поднятіе на одну изъ ступеней образованія, однако на каждой изъ этихъ ступеней оно имѣетъ ту общую черту, что составляется изъ извѣстныхъ общихъ, широкихъ и основныхъ элементовъ: умѣній, знаній, воззрѣній. И въ этомъ смыслѣ образованіе называется всеобщимъ, такъ какъ оно заключаетъ въ себѣ общее, общепризнанное и общеполезное содержаніе[1]), и какъ такое, оно противополагается спеціальному или профессіональному обученію. Образовательныя занятія ищутъ элементовъ, стоящихъ за предѣлами занятій спеціальныхъ; образовательное стремленіе выступаетъ за предѣлы круга тѣхъ знаній и умѣній, какихъ требуетъ профессія, уничтожая то раздѣленіе, какое принесла съ собою культурная дѣятельность. Въ этой сторонѣ дѣла и заключаются главнымъ образомъ тѣ опасности, какимъ подпадаетъ образованіе, когда оно, принимая форму полуобразованія, только скользитъ по поверхности всего, что заслуживаетъ изученія, или когда, въ формѣ моднаго образованія, оно услаждается пестрымъ платьемъ, какое умѣетъ приготовлять себѣ прихоть изъ различныхъ матерій, соединяемыхъ всегда по новому покрою, или когда, повинуясь духу времени, оно слишкомъ высоко цѣнитъ смѣняющіеся элементы и пренебрегаетъ прочными основами духовной соціальной жизни.

Въ этой связи съ основными элементами духовной жизни обнаруживается то сродство, которое существуетъ между образованіемъ и воспитаніемъ. Общеполезные

---

[1]) Въ греческой терминологіи мы видимъ тотъ же самый переходъ значенія; терминъ *ἐγκύκλια παιδεύματα* или *μαθήματα* первоначально обозначалъ общія всему кругу образованныхъ людей науки, а позднѣе его стали понимать въ смыслѣ указанія на преподаваніе, обнимающее весь кругъ того, что заслуживаетъ изученія, въ его всеобщихъ элементахъ.

Digitized by Google

элементы, которые составляютъ матеріалъ образованія, входятъ въ область тѣхъ основъ содержанія духовно-нравственной жизни, которыя воспитаніе стремится усвоить человѣку. Но и двоякая нравственная задача воспитанія: нравственное образованіе развивающейся жизни и распространеніе благъ цивилизаціи, можетъ быть распространена на образованіе: и образованіе должно представлять изъ себя нѣчто болѣе, чѣмъ простой придатокъ или украшеніе; внутренняя форма, которую оно даетъ личности, должна быть вмѣстѣ и нравственною опорою ея, и не въ меньшей также степени образованіе служитъ дѣлу сохраненія и передачи духовныхъ благъ. Однако существуетъ достаточно устойчивая разница между воспитаніемъ и образованіемъ; первое направлено прежде всего на стремленія и волю, послѣднее — на умственную дѣятельность; первое есть нравственная, а послѣднее — интеллектуальная ассимиляція; первое основано на авторитетѣ и послушаніи, послѣднее, правда, тоже требуетъ подчиненія субъекта высшему воззрѣнію, но вмѣстѣ съ тѣмъ требуетъ и его самодѣятельнаго сотрудничества. Дѣло воспитанія завершается съ созрѣваніемъ разума, образовательная дѣятельность продолжается и за этимъ предѣломъ и можетъ наполнить всю жизнь; воспитаніе опредѣляется характеромъ и формами семейной и общественной жизни, соціальнымъ дѣленіемъ и нравами общества; образованіе прежде всего зависитъ отъ умственной дѣятельности, какъ она обнаруживается въ языкѣ и словесномъ искусствѣ, въ вѣрѣ и знаніи, художественномъ творчествѣ и научныхъ изслѣдованіяхъ; воспитаніе останавливается на общепризнанной формѣ воспитательной дѣятельности, образованіе возвышается до коллективнаго объединенія и организаціи и становится органомъ общества, назначеніе котораго состоитъ въ томъ, чтобы регулировать движеніе интеллектуальныхъ благъ, и представляетъ нѣкоторую аналогію съ рынкомъ, который регулируетъ движеніе благъ матеріальныхъ.

Digitized by Google

Выраженіе Bildungswesen[1]) принадлежитъ къ особенностямъ нѣмецкаго языка; у древнихъ нѣтъ слова для обозначенія этого понятія, извѣстнаго имъ въ болѣе ограниченномъ объемѣ; новѣйшіе языки, выраженія которыхъ соотвѣтствуютъ нашимъ: школьное дѣло, учебное дѣло, публичное преподаваніе и проч., обозначаютъ этотъ предметъ не достаточно полно. Школы, какъ комплексъ образовательныхъ учрежденій въ подлинномъ смыслѣ, конечно составляютъ твердое, какъ бы кристаллизованное ядро образованія, но образованіе въ самомъ широкомъ смыслѣ обнимаетъ и ту образовательную дѣятельность, которая совершается въ формѣ одиночнаго обученія, частныхъ занятій, самообученія, а равно и тѣ учрежденія и источники образованія, которые, какъ духовное общеніе, литература, пресса, искусство, содѣйствуютъ духовному росту въ болѣе свободной формѣ, чѣмъ преподаваніе и изученіе. Равнымъ образомъ не покрываютъ другъ друга понятія образованіе и учебное дѣло; послѣднее не заключаетъ въ себѣ упомянутаго свободнаго изученія, а первое въ свою очередь исключаетъ то обученіе и наставленіе, которое имѣетъ въ виду профессіональную работоспособность: въ область его не входятъ ни занятія ремесленныхъ учениковъ, ни специфическое профессіональное преподаваніе, ни практическое руководство, какое дается въ мѣстахъ самой профессіональной службы. Вмѣстѣ съ тѣмъ слово образованіе (Bildungswesen) говоритъ болѣе, чѣмъ родственныя ему выраженія и чѣмъ, напр., говорило бы слово образованность (Bildewesen): оно выражаетъ и путь и цѣль, и средства и задачу; оно есть то преподаванье и ученье, которое должно вести къ образованію и которое при большомъ разнообразіи формъ находитъ въ образованіи цѣль и мѣру.

Объединяя эти замѣчанія въ одно опредѣленіе, мы должны были бы назвать образованіе комплексомъ учрежденій, заведеній и средствъ, которыя помогаютъ

[1]) Образованіе со всѣми относящимися къ нему учрежденіями и пособіями.

Digitized by Google

индивидууму усвоить извѣстныя основныя общеполезныя умѣнія, знанія и воззрѣнія, сдѣлать ихъ плодотворными элементами духовной жизни, находящимися въ полномъ нашемъ распоряженіи, и такимъ образомъ достигнуть извѣстныхъ ступеней духовно-нравственнаго развитія.

II.

Сократъ у Платона говоритъ, что изумленіе есть аффектъ, вполнѣ приличный для мыслителя, потому что съ нимъ начинается спекуляція, а Аристотель держится даже того мнѣнія, что люди съ древнихъ временъ переходили отъ удивленія къ философіи[1]). Здѣсь весьма удачно обозначается основное настроеніе подлинно научнаго изслѣдованія, которое дѣйствительно основывается на связанномъ съ изумленіемъ погруженіи въ данное явленіе. Это явленіе мы, независимо отъ отношеній его къ нашему счастію и неблагополучію, къ нашимъ планамъ и задачамъ, разсматриваемъ, изслѣдуемъ, изучаемъ только для того, чтобы узнать, что̀ оно такое. Такая свободная отъ всякаго эгоизма воспріимчивость къ увлекательной прелести вещей и явленій обнаруживается въ своихъ первоначальныхъ проявленіяхъ въ полныхъ изумленія вопросахъ дѣтей и въ миѳахъ о природѣ у народовъ, переживающихъ юношескую эпоху; она оказываетъ свое содѣйствіе при всякомъ и каждомъ изслѣдованіи, даже и тамъ, гдѣ это изслѣдованіе служитъ еще непосредственно практическимъ интересамъ; но руководящимъ мотивомъ она становится только тамъ, гдѣ это служеніе утратило свою первоначальную напряженность, и гдѣ рефлексія до нѣкоторой степени освободилась отъ обязанности платить дань житейскимъ потребностямъ.

---

[1]) Plat. Theaet. p. 155. Arist. Met. 1, 2, p. 982. Та же самая мысль часто повторяется въ древности, ср. Олимпіодора *Εἰς τὸν Πλάτωνος πρῶτον Ἀλκιβιάδην* изд. Крейцера, стр. 24 и Прокла въ сочиненіи съ такимъ же заглавіемъ у Крейцера, стр. 46.

Digitized by Google

Различныя науки не въ одно и то же время выходятъ изъ стадіи зависимости отъ практическихъ цѣлей въ высшую стадію, порогомъ которой является упомянутое изумленіе. Весьма немногія изъ нихъ пользуются тѣмъ счастливымъ удѣломъ, какимъ пользуется, напримѣръ, астрономія, которая находитъ чудеса уже въ своей колыбели и которой нѣтъ надобности слагать съ себя служеніе земнымъ интересамъ, чтобы перейти въ чистую сферу науки; громадное большинство наукъ должны еще искать для себя зрительнаго поля, въ которомъ вещи и явленія представляли бы собою нѣчто объективно данное, воспроизводимое нашимъ духомъ; прежде же всего пробуждали духъ изслѣдованія не столько данныя явленія, сколько задачи дѣятельности, и его первое занятіе состояло не въ томъ, чтобы отыскивать факты и законы, а въ томъ, чтобы составлять правила и предписанія. Ранѣе другихъ удается возвыситься до степени чистой науки изслѣдованіямъ, направленнымъ къ изученію природы; позднѣе — изслѣдованіямъ, относящимся къ человѣку и нравственному міру; въ предѣлахъ послѣдняго ранѣе тѣмъ наукамъ, которыя изслѣдуютъ устойчивыя и крупныя явленія, лежащія за предѣлами индивидуальности, позднѣе тѣмъ наукамъ, предметъ которыхъ болѣе подвижной природы, тѣснѣе связанъ съ субъектомъ и подчиненъ его произволу, или простирается въ низменныя сферы жизни и носитъ окраску повседневности, этого самого опаснаго врага изумленія и связаннаго съ нимъ изслѣдованія.

Отъ такого неблагопріятнаго положенія болѣе другихъ наукъ страдаютъ тѣ, которыя имѣютъ своимъ предметомъ воспитаніе юношества и образованіе людей. Онѣ не имѣютъ такихъ крупныхъ осязательныхъ объектовъ, какіе имѣетъ политика въ государствѣ, юриспруденція — въ правовомъ порядкѣ; дѣятельность, которую онѣ должны освѣтить и разъяснить, имѣетъ своимъ представителемъ и объектомъ ближайшимъ образомъ лишь индивидуума, нисходитъ до послѣднихъ мелочей, даетъ значительное мѣсто произволу, природнымъ задат-

Digitized by Google

камъ, индивидуальнымъ интересамъ и потому всюду вызываетъ совѣтъ и регулированіе. Правда, послѣднія цѣли этой дѣятельности — идеальной природы, и разсматриваемыя съ точки зрѣнія этихъ цѣлей педагогика и дидактика являются теоріями идеальнѣйшихъ искусствъ, но уже это самое обстоятельство препятствуетъ имъ смотрѣть на свой предметъ, какъ на нѣчто данное и изучать его съ интересомъ изслѣдователя. Потому-то теоріи воспитанія и обученія большею частію являются комплексами, въ благопріятномъ случаѣ, системами принциповъ, правилъ, проектовъ, богатыхъ совѣтами и благожеланіями, но бѣдныхъ наблюденіями и фактами. Правда, въ извѣстной части этой литературы нельзя отрицать научнаго характера; но этотъ характеръ происходитъ болѣе отъ того, что писатели свои люди въ какой-либо другой наукѣ, напр., теологіи, филологіи, философіи, исторіи, что̀ и служитъ на пользу ихъ изложенію, чѣмъ отъ того, что они изъ самаго предмета выбиваютъ искры, которыя позволили бы имъ обойтись безъ чужого свѣта. Не разъ иногда даже сами представители педагогики и дидактики отрицали у той и другой дисциплины характеръ наукъ; иногда не задумывались даже называть подлинною стихіею ихъ популярныя разсужденія, отраженіе научной рефлексіи. Одинъ остроумный школьный педагогъ полагалъ даже — будто педагогика учитъ или тому, что знаетъ всякій, или тому, чего не можетъ знать никто.

А между тѣмъ стоитъ только выбрать правильную точку зрѣнія, и мы убѣдимся, что та и другая область вовсе не страдаютъ недостаткомъ того, что̀ должно вызывать и можетъ вознаградить научное изслѣдованіе. И въ нихъ есть нѣчто вызывающее изумленіе, *θαυμαστόν*, правда менѣе бросающееся въ глаза и скрытое далѣе въ глубинѣ предмета, и онѣ обнимаютъ обширный кругъ опредѣленныхъ фактовъ, достаточно ясно очерченный и достаточно широкій, чтобы въ него съ изумленіемъ могъ погрузиться изслѣдователь, если только тѣ феномены, которые мы разсматривали выше, заслу-

Digitized by Google

живаютъ такой характеристики. Во всякомъ случаѣ излишне было бы ставить вопросъ о томъ, достойна ли науки и нуждается ли въ ней задача, состоящая въ изслѣдованіи того, что̀ за явленіе представляетъ изъ себя та удивительная солидарность поколѣній, въ силу которой созданія и пріобрѣтенія человѣчества сохраняются при постоянной смѣнѣ его представителей; благодаря какой счастливой заразѣ случается то, что все пріобрѣтенное и взлелѣянное предыдущими поколѣніями, все, составлявшее ихъ цивилизацію и образованіе, передается потомкамъ безъ всякихъ скачковъ и перерыва въ культурной работѣ; какъ этотъ процессъ обновленія соціальнаго организма переплетается и сливается съ его жизненными функціями и однако вмѣстѣ съ тѣмъ создаетъ свои собственные пути и развиваетъ свои спеціальные органы.

Педагогика и дидактика могутъ быть возведены на степень наукъ при томъ условіи, если горизонтъ ихъ расширяется на великія коллективныя явленія, форму которыхъ принимаетъ воспитательная и образовательная дѣятельность людей, и если онѣ такимъ образомъ ставятся въ связь съ изслѣдованіями, которыя имѣютъ своимъ предметомъ соціальные феномены въ отдѣльности и въ цѣломъ.

Въ сущности потребность ввести теорію воспитанія и образованія въ кругъ соціологіи, вовсе не новаго происхожденія, но, какъ показываетъ исторія этихъ родственныхъ дисциплинъ, издавна сознавалась, даже, собственно говоря, изъ этого круга онѣ и возникли. Если древніе систематически разсуждаютъ о воспитаніи дѣтей и образованіи юношества, то это дѣлается, правда, съ практическими цѣлями, но въ связи съ изслѣдованіями, которыя имѣютъ своимъ предметомъ государство и общество, и политика Платона стоитъ во главѣ какъ педагогической, такъ и соціально-политической научной литературы. Въ этомъ произведеніи воспитаніе выступаетъ на сцену два раза: первый разъ, какъ совокупность средствъ, при помощи которыхъ полноправные

Digitized by Google

граждане идеальнаго государства пріобрѣтаютъ характеръ, на которомъ это государство основано[1]); второй разъ, какъ сила, которая ставитъ данное несовершенное общество на путь идеальнаго развитія, формируя философовъ-правителей будущаго государства путемъ направленія духа ихъ къ вѣчному, потустороннему[2]). Въ „Законахъ" основнымъ принципомъ основываемаго колоніальнаго государства является норма, которою регулируются рожденіе и воспитаніе, обученіе и дисциплина, даже самыя игры дѣтей[3]). Но въ этомъ произведеніи мы видимъ даже нѣчто въ родѣ сравнительной педагогики, такъ какъ здѣсь изслѣдуются, сравниваются, оцѣниваются различные способы воспитанія у эллиновъ и варваровъ[4]). Во многихъ замѣчательно глубокомысленныхъ мѣстахъ воспитаніе характеризуется, какъ обновленіе жизни, какъ соціально-религіозная обязанность, какъ передача благъ цивилизаціи; такъ въ изреченіи, отзывающемся идеями пиоагорейцевъ: „мы должны рождать и воспитывать дѣтей, передавая факелъ жизни, чтобы вырастало одно поколѣніе за другимъ для служенія богамъ по закону и обычаю"[5]).

Педагогика Аристотеля также имѣетъ ясно выраженный соціально-философскій характеръ: воспитаніе опредѣляется государственнымъ устройствомъ и является элементомъ, поддерживающимъ это устройство: каждое государственное устройство вытекаетъ изъ характера гражданъ, пріобрѣтаетъ устойчивость путемъ сохраненія этого характера, развивается путемъ его улучшенія, а то и другое лежитъ на обязанности воспитанія[6]). И въ семейномъ воспитаніи необходимо направлять взоръ къ общему и цѣлому: и тотъ, кто хочетъ вести къ добро-

---

[1]) Rep. II, p. 376 до III, p. 412.
[2]) Ib. VI, p. 503 до 541.
[3]) Legg. VII, p. 798.
[4]) Спартанское воспитаніе преимущественно во II, стр. 666; персидское III, стр. 694; древне-аттическое III, стр. 700; египетское VII, стр. 798 и 819.
[5]) Ibid. VI, стр. 776. Ср. Jambl. Vit. Pyth. 85. Въ Legg. еще II, стр. 659; III, стр. 681 и X, стр. 887.
[6]) Arist. Pol. VIII, 1, p. 1336.

Digitized by Google

дѣтели лишь небольшую группу людей, долженъ стараться пріобрѣсти то, что дѣлаетъ человѣка законодателемъ[1]).

Подобно тому, какъ въ этихъ начальныхъ опытахъ дѣло воспитанія изучается въ его соціальныхъ основахъ, такъ и появившіеся много позднѣе опыты методики преподавательскаго искусства разсматриваютъ дѣло образованія въ отношеніяхъ его къ обществу и государству. Появляющаяся въ XVII вѣкѣ Didactica стремится не только сдѣлать занятія учащихъ и учащихся болѣе пріятными и плодотворными, но и возродить все учебное дѣло и тѣмъ содѣйствовать благосостоянію и развитію христіанскаго государства. Вольфгангъ Ратке († 1635) своими реформами стремится къ цѣли не менѣе той, „какъ бы удобнѣе ввести и мирно сохранить во всемъ государствѣ согласный языкъ, согласное правленіе и, наконецъ, также согласную религію“, а Христовъ Гельвигъ († 1617) и Іоахимъ Юнгъ († 1657) въ своихъ замѣчаніяхъ о проектахъ Ратке называютъ преподавательское искусство „болѣе нужнымъ, чѣмъ искусство правителей, и болѣе полезнымъ, чѣмъ всѣ другія искусства, такъ какъ путемъ обученія должна быть достигнута высшая и конечная цѣль правительствъ, какъ сознаютъ это всѣ разумные и правительственные преподаватели“[2]). Еще яснѣе универсальная тенденція дидактики выступаетъ у Амоса Коменскаго, который понимаетъ ее, какъ artificium omnes omnia docendi (искусство учить всѣхъ всему) и какъ „универсальное искусство основывать всеобъемлющія школы“. Какъ мастерскія должны порождать, разъяснять, умножать и „вводить въ весь организмъ человѣческаго общества“ ремесла, церкви — религію, судебныя мѣста — право, такъ школы — образованіе, „свѣтъ мудрости“, чтобы такимъ образомъ занять свое мѣсто во взаимодѣйствіи, которое аналогично взаимодѣйствію членовъ живого тѣла[3]). Что

[1]) Eth. Nic. X, 10, p. 1180.

[2]) Ср. Guhrauer, Joachim Jungius und sein Zeitalter 1850. О Ратке новѣйшія изслѣдованія Г. Краузе, К. А. Г. Штерля и особенно Гид. Фогта.

[3]) Didactica magna 8. 8.

Digitized by Google

для животнаго тѣла желудокъ, то, по Коменскому, для многочленнаго школьнаго организма collegium didacticum, кругъ ученыхъ, на обязанности котораго лежитъ пріобрѣтеніе и упроченіе образовательнаго матеріала[1]). Еще любитъ онъ сравнивать школьное дѣло съ типографскимъ, представляя, такимъ образомъ, преподаваніе чѣмъ-то въ родѣ психическаго умноженія, а преподавательское искусство — духовной типографіей, при чемъ рѣшается даже на образованіе слова: дидахографія[2]). Но при этомъ Коменскій не упускаетъ изъ виду, что школы не обнимаютъ собою всей учебной дѣятельности и не завершаютъ образованія, поэтому онъ обращаетъ вниманіе и на schola materna, первоначальное безформенное обученіе ребенка въ семьѣ[3]); имѣетъ въ виду обученіе въ сферѣ ремеслъ и искусствъ, старыя испытанныя традиціи котораго онъ охотно избираетъ въ руководство для научнаго преподаванія[4]), и набрасываетъ систему средствъ самообразованія, проектъ „пансофической библіотеки“, которая должна представлять seminarium eruditionis universale[5]) (общеобразовательная семинарія).

Грандіозные планы этихъ старыхъ дидактиковъ должны были споткнуться на томъ, что, несмотря на всю широту своего кругозора, они слишкомъ низко цѣнили какъ историческія, такъ и психологическія условія образовательной дѣятельности, и съ теченіемъ времени такое пониманіе преподавательскаго искусства было забыто. Міровоззрѣніе въ эпоху просвѣщенія, остановившееся на субъектѣ и разсуждавшее объ индивидуумѣ самомъ по себѣ, независимо отъ отношеній его къ обществу и къ прошлому, понимало и задачу юношескаго образованія преимущественно какъ задачу индивидуальную, въ основѣ которой лежитъ двойное отношеніе воспитателя и воспитанника, и, такимъ образомъ, опустило

[1]) Didactica magna 31, 15.
[2]) Ib. 32 и Opera didactica omnia Amsterodami 1657, IV, p. 85 и д.
[3]) Did. magn. 28.
[4]) Ib. 21, 21. Meth. ling. nov. Opp. D. O. II, p. 103 до 129 и въ др. мѣстахъ.
[5]) Prodromus Pansophiae. Opp. D. O. I, p. 404 sq.

Digitized by Google

изъ виду его соціальные факторы. Правда, тогда не было недостатка въ голосахъ, которые, въ противоположность частному воспитанію, выдвигали публичное, даже съ этого именно времени ведетъ начало воззрѣніе, что образованіе низшихъ классовъ общества есть положительно дѣло общественное, и это воззрѣніе сказалось въ богатыхъ результатами проектахъ правительственной школьной реформы, но оно все же не составляетъ вполнѣ удовлетворительнаго восполненія упомянутой индивидуалистической точки зрѣнія, такъ какъ оно не знаетъ другой коллективной дѣятельности, кромѣ коллективной дѣятельности государства. Но политическая точка зрѣнія сама по себѣ не въ состояніи открыть дверь къ надлежащему пониманію соціальнаго характера воспитанія и образованія. Если у насъ нѣтъ достаточныхъ основаній упрекать грековъ въ томъ, что они не отдѣлали другъ отъ друга соціальный и политическій взглядъ на образованіе юношества, такъ какъ у нихъ общественные союзы, національныя и родовыя особенности и религіозныя учрежденія въ общественной жизни тѣснѣйшимъ образомъ срастались съ политическимъ устройствомъ, то государственная педагогика прошлаго и настоящаго столѣтія, наоборотъ, заслуживаетъ упрека въ односторонности, такъ какъ она смотрѣла на дѣло образованія или даже на дѣло воспитанія, какъ на учрежденіе государственное и игнорировала другіе соціальные и историческіе факторы, которыми оно было вызвано къ жизни: церковь, общество, нравы. Насколько несомнѣнно, что государство есть только одинъ изъ союзовъ, которые въ своей совокупности составляютъ соціальный организмъ, настолько несомнѣнно, что жизненное обновленіе послѣдняго не можетъ быть понято, если мы будемъ разсматривать его исключительно съ точки зрѣнія государства. Воспитательные идеалы и образовательныя стремленія опираются на блага цивилизаціи и духовной жизни, которыя государство не создаетъ, а только оберегаетъ, въ лучшемъ случаѣ регулируетъ и фиксируетъ. Организующая дѣятельность

Digitized by Google

государства нуждается въ матеріалѣ, который создается въ тѣхъ творческихъ глубинахъ, куда не достигаетъ никакой приказъ повелителя и никакое правительственное распоряженіе. А этого вовсе не понимали въ ту эпоху, когда всюду выдвигалась только сознательная, руководимая разсудкомъ дѣятельность, когда общество объясняли договоромъ, а вѣру и нравственность считали счастливымъ изобрѣтеніемъ просвѣщеннаго мудреца, а потому не обращали никакого вниманія на ту область воспитательной и образовательной дѣятельности, которая лежитъ за предѣлами индивидуума и однако еще не входитъ въ сферу дѣятельности государства.

Вслѣдствіе того, что соціальный взглядъ на образованіе юношества сузился до взгляда политическаго, онъ сдѣлался неспособнымъ восполнить взглядъ индивидуальный, и такимъ образомъ въ теоріи воспитанія и образованія получился пробѣлъ, который тѣмъ настойчивѣе требуетъ восполненія, чѣмъ ближе подходитъ теперь къ дѣлу образованія наука о государствѣ съ исправленными понятіями и построенная на почвѣ предварительныхъ работъ историко-описательнаго характера. Особенно хорошо можетъ напомнить педагогикѣ о ея опущеніи теорія образованія, созданная Лоренцомъ фонъ-Штейномъ и обработанная въ видѣ особой части науки о государственномъ управленіи, теорія, которая построена несравненно шире и глубже, чѣмъ все то, что высказываютъ объ этомъ предметѣ старые представители государственнаго права, каковы Пёлицъ, Аретинъ и даже Моолъ. Штейнъ беретъ исходнымъ пунктомъ понятіе духовнаго блага, подъ которымъ онъ разумѣетъ „знаніе и умѣніе, какъ продуктъ духовной дѣятельности и хозяйственнаго употребленія и какъ моментъ въ производствѣ новыхъ благъ“ [1]). Процессъ воспроизведенія жизни духовныхъ благъ, по Штейну, и есть образованіе, — понятіе, которое ближайшимъ образомъ заключено еще въ личности; но оно выступаетъ за предѣлы личности, такъ какъ

[1]) Verwaltungslehre 1868, т. V, стр. XIX.

Digitized by Google

каждый индивидуумъ нуждается въ содѣйствіи другихъ своему образованію. Возникающая отсюда коллективная дѣятельность и есть образованіе[1]). Оно есть органическій элементъ соціальной жизни, который собственною силою поддерживаетъ свое существованіе и значеніе, и который государство находитъ уже на лицо и не имѣетъ надобности создавать. Но потребность регулировать теченіе духовной жизни опредѣленными границами и устойчивыми категоріями вызываетъ воздѣйствіе сознательной коллективной воли, находящей свое выраженіе въ государствѣ. Теперь, когда государство берется за дѣло образованія и примѣняетъ къ нему лежащіе въ природѣ его принципы, возникаетъ публичное образованіе, поддерживаемое и регулируемое образовательнымъ правомъ[2]). Въ публичномъ образованіи Штейнъ различаетъ три области — элементарнаго образованія, для котораго юридическою общественною формою является народная школа; область профессіональнаго образованія, распадающагося на подготовительное и спеціальное образованіе, при чемъ послѣднее въ свою очередь дѣлится на научное, экономическое и художественное, и въ качествѣ третьей области — область общаго образованія, которое обнимаетъ элементы, образующіе внутреннюю связь профессіональныхъ отраслей, и имѣетъ свои учрежденія въ академіяхъ, библіотекахъ, коллекціяхъ, театрахъ и свои органы въ прессѣ. Штейнъ изучаетъ каждую изъ этихъ широкихъ областей образованія въ главныхъ моментахъ ея развитія и въ той организаціи, какую каждая изъ нихъ имѣетъ въ главныхъ государствахъ Европы. Такъ какъ Штейнъ свободенъ отъ односторонности своихъ предшественниковъ, считавшихъ образованіе и образовательныя учрежденія произведеніемъ государства, и, наоборотъ, признаетъ автономію образовательной дѣятельности, то онъ далекъ и отъ того, чтобы считать педагогику прибавленіемъ къ ученію о государственномъ управленіи. Наоборотъ, онъ указы-

[1]) Тамъ же, стр. 8.
[2]) Тамъ же, стр. 12 и XIX.

Digitized by Google

ваетъ ей свою собственную область изслѣдованія, опредѣляя эту область въ томъ смыслѣ, что педагогика должна установить „принципы и законы, по которымъ индивидуумъ пріобрѣтаетъ духовныя блага чрезъ содѣйствіе другихъ людей“, тогда какъ ученіе объ управленіи разсматриваетъ „опредѣленную внѣшнюю форму и порядокъ отраслей, органовъ и учрежденій образованія, посредствомъ которыхъ управленіе выполняетъ образующую дѣятельность, какъ задачу общества въ отношеніи къ себѣ самому“ [1]).

Здѣсь не мѣсто изслѣдовать, въ какихъ видоизмѣненіяхъ нуждаются воззрѣнія Штейна, чтобы составить собою остовъ теоріи образованія; но что прямо бросается въ глаза, такъ это то, что никакъ нельзя остановиться на только что упомянутомъ дѣленіи областей. Педагогика — или, вѣрнѣе, дидактика, которыя у Штейна не различаются съ достаточною опредѣленностью [2]) — нуждается, если мы примемъ упомянутое опредѣленіе ея, еще въ одномъ посредствующемъ членѣ, чтобы вступить въ связь съ ученіемъ объ управленіи, именно нуждается въ изслѣдованіи, которое показывало бы, какимъ образомъ индивидуальная, направленная къ пріобрѣтенію духовныхъ благъ, дѣятельность развивается въ коллективную, т.-е. какъ изъ вліянія стремленій и трудовъ отдѣльныхъ лицъ выростаетъ общее образованіе и какое формирующее вліяніе оказываютъ на него національные, соціальные, литературные, научные, религіозные факторы еще ранѣе того времени, когда это дѣло дорастетъ до юридическаго фиксированія его государствомъ. Это изслѣдованіе, необходимость котораго Штейнъ въ принципѣ признаетъ, не указывая ему опредѣленнаго мѣста, очевидно относится не къ ученію объ управленіи, а къ теоріи образованія, и существенная заслуга предпріятія Штейна заключается въ томъ, что оно показало, до какихъ предѣловъ должна простираться эта теорія, чтобы приблизиться къ политико-

[1]) Verwaltungslehre 1868. T. V, стр. XIX и XX.
[2]) См. ниже, IV отдѣлъ введенія.

Digitized by Google

юридической области и работать совмѣстно съ ученіемъ о государствѣ, не перенося однако въ свою собственную область чуждыхъ ей принциповъ этого ученія.

Если, такимъ образомъ, указывая педагогикѣ и дидактикѣ на коллективныя явленія, мы вовсе не хотимъ навязать той и другой дисциплинѣ политическую точку зрѣнія, которая всегда даетъ возможность обозрѣть только одну часть упомянутыхъ явленій, то этихъ указаній нельзя понимать и въ томъ смыслѣ, будто они, увлекая изслѣдователя въ ширь, увлекаютъ его вмѣстѣ и на поверхность, и будто, благодаря имъ, воспитаніе и образованіе можно считать, напримѣръ, безформенными массовыми явленіями жизни, безъ опредѣленнаго личнаго субъекта и объекта, безъ индивидуальной и цѣлесообразной разумной дѣятельности. Къ такому взгляду, впрочемъ, склонно наивное, не проникнутое рефлексіей пониманіе, для котораго воспитаніемъ является уже то, когда юношество нѣкоторымъ образомъ наталкивается на правильный путь и удерживается въ порядкѣ, а образованіемъ то, когда толпѣ учениковъ хорошо или дурно передается перешедшій къ намъ учебный матеріалъ. Этотъ наивный взглядъ выражаетъ одинъ софистъ у Платона, полагая, что нельзя искать отдѣльнаго лица, которое могло бы служить посредникомъ нравственнаго образованія, какъ нельзя спрашивать о томъ, кто учитъ мальчика говорить по-гречески, или кто наставляетъ младшее поколѣніе ремесленниковъ въ ихъ занятіяхъ[1]). Этотъ взглядъ такъ мало смущается такимъ многоголовымъ воспитательствомъ, что и къ безличнымъ понятіямъ прилагаетъ въ качествѣ предиката воспитаніе: бездѣльника, говорятъ, воспитаетъ жизнь, нужда воспитываетъ и того, съ которымъ ничего не подѣлали ни школа, ни семья. Въ противоположность этой неясной коллективности, въ которой исчезаютъ всѣ рѣзкія черты, педагогика, опирающаяся на понятіе объ индивидуумѣ, вполнѣ права, требуя, чтобы воспитаніе и образованіе

[1]) Plat. Protag. p. 337.

Digitized by Google

въ его идеальномъ содержаніи и своеобразномъ характерѣ понималось, какъ дѣло личности, направленное къ внутреннему образованію другой личности, и въ этомъ именно заключается заслуга того направленія, котораго по примѣру Локка держалась педагогика въ эпоху просвѣщенія. У Локка все сводится къ индивидуально-личному элементу; этотъ элементъ выдвигается и въ опредѣленіи цѣли воспитанія, какъ тѣлесно-духовнаго здоровья, и въ господствующемъ отношеніи воспитателя къ примѣняемымъ образовательнымъ средствамъ сообразно съ нуждами субъекта, и въ требованіи обращать вниманіе на своеобразный характеръ воспитанника, и, наконецъ, въ оппозиціи публичному преподаванію. У Руссо этотъ взглядъ усиливается до упорнаго индивидуализма, который перерѣзываетъ нити, связывающія отдѣльную личность съ обществомъ и исторіей, и изолируетъ воспитательное дѣло противоестественнымъ и противоисторическимъ образомъ съ цѣлію сохранить его своеобразный характеръ. Но, благодаря этой изоляціи, субъективно-индивидуальный факторъ воспитанія освѣщается тѣмъ яснѣе и, можно сказать, ярче; нѣкоторыя изъ требованій Руссо — какъ, напр., требованія прислушиваться къ дѣтской природѣ, приписывать извѣстную роль дѣятельности внѣшнихъ чувствъ, признавать самодѣятельность ребенка постоянною сотрудницею преподаванія, различать научный и дидактическій методъ — обнаруживаютъ психологическую проницательность, освѣщаютъ специфическія задачи преподавательскаго искусства и послужили ферментомъ методики[1]).

Изъ послѣдователей Локка и Руссо Траппъ въ своемъ „Versuch einer Pädagogik“ (Опытѣ педагогики) 1780

[1]) Когда Гербартъ (Pädagogische Schriften, herausgegeben von Willmann, 1873—1875, II, 240) говоритъ о педагогикѣ Локка и Руссо: „нужно было стать на такую точку зрѣнія, чтобы своеобразный характеръ педагогики, по сравненію съ ученіемъ о нравственности, получилъ свое опредѣленное выраженіе“, то можно согласиться съ этимъ; но въ дальнѣйшемъ предложеніи: будто „истинная сущность воспитанія никогда не открылась бы“, если бы не созданы были упомянутыя теоріи, заключается слишкомъ высокая оцѣнка ихъ, отъ которой Гербартъ въ прежніе годы былъ свободнѣе. Ср. Päd. Schr. I, 336, 506 и II, 241, 258.

Digitized by Google

впервые рѣшился воспользоваться ученіемъ о душѣ, какъ источникѣ познаній, необходимыхъ для воспитателя, и хотя самъ онъ смотритъ на эту задачу поверхностно, однако съ него именно начинается плодотворная связь психологіи и педагогики. Рѣшительное установленіе этой связи есть крупная заслуга Гербарта, который въ качествѣ основной для педагоговъ науки указываетъ еще этику, — правда, въ формѣ системы, которую слѣдовало бы назвать индивидуальной этикой, — и систематически обрабатываетъ педагогику по дедуктивному методу. Основнымъ отношеніемъ является у него двойное отношеніе воспитателя и воспитанника[1]), задачею—возвысить воспитаніе посредствомъ науки до степени искусства, гносеологическимъ принципомъ — цѣль привести внутреннюю природу воспитанника въ идеальное состояніе, которое выражается понятіемъ добродѣтели и ближе опредѣляется, какъ соединеніе многосторонняго интереса и силы нравственнаго характера, но не имѣетъ никакого отношенія къ профессіи и соціальнымъ задачамъ. Изъ этихъ понятій Гербартъ выводитъ категоріи: управленіе, преподаваніе и дисциплина, опредѣленія о пріемахъ, матеріалѣ и ходѣ преподаванія, равно какъ о пріемахъ и направленіи дисциплины. Вспомогательною наукою служитъ у него при этомъ психологія, и съ особенною тщательностію изслѣдуются, съ одной стороны, промежуточные члены, которые являются посредниками между знаніемъ и волей — интересъ, участіе, вниманіе, кругъ идей и пр., а съ другой стороны тѣ сочетанія, въ силу которыхъ множество возбужденій производятъ совмѣстное дѣйствіе[2]). Но къ психологическимъ изслѣдованіямъ, которыя указываютъ педагогикѣ, какъ теоріи искусства, условія и средства ея дѣятельности, у Гербарта присоединяются еще другія, которыя имѣютъ чисто теоретическій характеръ и стараются объяснить воспитаніе

---

[1]) Ср. Päd. Schr. I, 349 и II, 208.

[2]) См. сравнительное обозрѣніе Гербартовской педагогики въ концѣ моего изданія II, 671 — 688.

Digitized by Google

только какъ фактъ съ точки зрѣнія его возможности; здѣсь разсматриваются разнообразная индивидуальная способность воспитанниковъ къ образованію, образовательный элементъ воспитательныхъ средствъ и дѣятельность воспитательныхъ учрежденій[1]); правда, Гербартъ касается только тѣхъ сторонъ, которыя относятся къ характеру, но и здѣсь онъ далъ мастерскіе начатки новой „пробы головъ“[2]).

Педагогика Гербарта представляетъ высшій пунктъ въ развитіи индивидуально-этическаго воззрѣнія на воспитаніе; у Ѳеодора Вайца этическая точка зрѣнія отступаетъ на задній планъ предъ психологической[3]), а Фр. Эд. Бенеке еще менѣе обращаетъ вниманія на множество тѣхъ содержательныхъ отношеній, какія воспитательное дѣло завязываетъ между людьми и какія Гербартъ умѣлъ прослѣдить до ихъ тончайшихъ развѣтвленій[4]). Новѣйшая англійская педагогика не содѣйствовала успѣхамъ нѣмецкой; Гербертъ Спенсеръ не выходитъ за предѣлы моднаго филантропизма[5]), и хотя въ сочиненіи Александра Бена есть нѣсколько полезныхъ замѣчаній, но и у него понятіе личности не достаточно глубоко, чтобы вознаградить насъ за ущербъ, происходящій отъ индивидуалистическаго суженія горизонта[6]). Какъ далекъ онъ былъ отъ соціальной точки зрѣнія, это показываетъ его приговоръ о высказанной Джономъ Стюартомъ Миллемъ (въ ректорской рѣчи въ Сентъ Андрью, Собр. соч., нѣмецкій переводъ Гомперца, т. I, 305 и дал.) мысли: воспитаніе есть „то образованіе, которое каждое поколѣніе даетъ своимъ преемникамъ, чтобы дать имъ возможность, по меньшей

---

[1]) Päd. Schr. I, 340 и дал., 371, 548, II, 283, 292 и дал.

[2]) „Briefen über die Anwendung der Psychologie auf die Pädagogik“. Päd. Schr. II, 291 и дал.

[3]) Allgemeine Päd. II Aufl. herausgegeben von O. Willmann, 1875.

[4]) Erziehungs- und Unterrichtslehre. 1835. Neue Ausgabe, Berlin 1876.

[5]) Erziehungslehre übersetzt von Fritz Schulze. Jena 1874. Книга Спенсера существуетъ и въ русскомъ переводѣ.

[6]) Erziehung als Wissenschaft, Deutsch, Leipzig 1880 (Internationale Bibl. Bd. XLV). И эта книга извѣстна русской публикѣ по русскимъ переводамъ.

Digitized by Google

мѣрѣ, сохранить, а если можно, то и возвысить достигнутую ранѣе степень культурнаго развитія". Бенъ говоритъ объ этомъ опредѣленіи, что оно „болѣе громко. чѣмъ строго-научно, и не можетъ дать ничего" (Воспитаніе какъ наука, стр. 6). Плодотворная мысль Милля кажется Бену, такъ сказать, выше науки, но мы признаемся, что опредѣленіе самого Бена, будто педагогика есть искусство и методъ школьнаго учителя (schoolmaster) стоитъ ниже науки.

Перемѣщенію точки зрѣнія въ сторону индивидуума мы обязаны замѣтнымъ выигрышемъ, именно углубленіемъ педагогическихъ понятій, и этой прибыли въ нашихъ воззрѣніяхъ ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ терять при переходѣ въ соціальную область. Путь въ эту область слѣдуетъ пролагать чрезъ индивидуальную педагогику, и расширеніе горизонта на коллективную воспитательную и образовательную дѣятельность не должно притуплять нашъ взглядъ на индивидуально-этическія и психологическія условія этой дѣятельности.

Но что такой переходъ и такое расширеніе вообще положительно необходимы, и что индивидуалистическій взглядъ не въ состояніи обнять факты даже сѣтью такой остроумно построенной системы, какою является система Гербарта, въ этомъ нельзя сомнѣваться, если только мы ясно представимъ себѣ сущность и положеніе воспитанія и образованія. Безъ сомнѣнія, конечная цѣль того и другого заключается въ томъ, чтобы развить въ человѣкѣ извѣстныя внутреннія свойства, но въ чемъ они состоятъ и что содѣйствуетъ ихъ развитію, этого нельзя выразить въ одной абстрактной формулѣ, которая могла бы служить для насъ гносеологическимъ принципомъ. Воспитаніе и образованіе всегда являются еще и передачей и ассимиляціей, и условіемъ ихъ является богатая содержаніемъ многосторонняя духовно-нравственная жизнь и общественные союзы, носители этого содержанія, обладающіе ассимилирующею силою. Для той и другой дѣятельности матеріалъ, при помощи котораго онѣ работаютъ,

Digitized by Google

никогда не бываетъ простымъ средствомъ, которымъ онѣ могли бы распоряжаться по индивидуальнымъ соображеніямъ, но представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ историческую цѣнность, требующую попеченія. Равнымъ образомъ ихъ формы, пріемы и учрежденія такъ тѣсно связаны и исторически обусловлены другими дѣятельностями, что никакая дедукція не можетъ исчерпать ихъ, а скорѣе всегда можетъ извлечь только отдѣльныя нити этой ткани, оставляя прочія въ еще болѣе запутанномъ видѣ. Воспитаніе, какъ искусство, можетъ-быть, есть одинъ изъ высшихъ пунктовъ педагогической дѣятельности, но всей сферы этой дѣятельности оно не обнимаетъ; гдѣ одно поколѣніе съ попечительною любовью старается возвысить до себя другое и обезпечить успѣхъ его, гдѣ отецъ искренно „заботится за ткацкимъ станкомъ, чтобы росъ его бѣлокурый малецъ“ (Фрейлигратъ), гдѣ мать молится о томъ, чтобы Богъ далъ жизнь и здоровье ея дѣтямъ, тамъ всюду воспитаніе, и можетъ быть такое, полусознательной силы котораго не достигаетъ никакое искусство. Точно такъ же и образовательная дѣятельность не ограничивается одною высшею функціею всесторонняго развитія индивидуальной духовной жизни, наоборотъ ея мѣсто всюду, гдѣ возбуждаются духовные потребности и интересы, гдѣ они ищутъ и находятъ для себя выраженіе. — Конечно, отношеніе между двумя индивидуумами можно назвать основнымъ отношеніемъ, но только подъ тѣмъ условіемъ, если мы не будемъ забывать о томъ, что отношеніе между двумя поколѣніями есть такое же основное отношеніе. Задачу теоріи воспитанія и образованія можно обнять во всемъ ея объемѣ только тогда, когда мы съ самаго начала соединимъ индивидуальный и соціальный взглядъ и такимъ образомъ не опустимъ изъ виду ни богатства и глубины личнаго отношенія, ни разнообразія переплетающихся между собою соціальныхъ и историческихъ вліяній. Характеръ этой проблемы можно выразить парадоксомъ: безъ пониманія воспитательнаго и образовательнаго дѣла во всемъ его

Digitized by Google

объемѣ нельзя рѣшить вопроса о существѣ воспитанія и образованія, но, и наоборотъ, это существо въ свою очередь является ключомъ къ пониманію всего дѣла воспитанія и образованія. Процессы и акты, какіе завязываются и разыгрываются въ отношеніяхъ между индивидуумами, могутъ быть поняты только тогда, когда мы не опускаемъ изъ виду ассимиляціи юношества вообще, но и наоборотъ эта коллективная дѣятельность въ концѣ концовъ должна быть объясняема изъ вліянія безчисленныхъ индивидуальныхъ процессовъ и актовъ. Дидактику съ одинаковымъ правомъ можно опредѣлять и какъ ученіе о дѣлѣ образованія со всѣми его учрежденіями и какъ ученіе о процессѣ пріобрѣтенія образованія, какъ онъ выполняется и поддерживается индивидуумами; только, избравъ послѣднее пониманіе, необходимо твердо помнить, что пріобрѣтеніе образованія всегда обусловливается тою формою, какую уже приняла образовательная дѣятельность, въ которой она какъ бы субстанціонировалась, т.-е. образовательными учрежденіями, и что ни цѣли, ни матеріалы, ни средства преподаванія никогда не могутъ быть автономно установлены индивидуумомъ. Если, наоборотъ, мы примемъ первое пониманіе, то слѣдуетъ имѣть въ виду, что дѣло идетъ здѣсь не только объ изображеніи той оболочки или того зданія, которое построено образовательною дѣятельностью, но вмѣстѣ съ тѣмъ и о раскрытіи движущихся въ ней силъ, которыя въ концѣ концовъ сводятся къ индивидуальнымъ стремленіямъ и индивидуальному творчеству. Въ первомъ случаѣ намъ придется синтетическимъ путемъ подвигаться къ объясненію коллективныхъ явленій, въ послѣднемъ аналитически итти къ индивидуальнымъ процессамъ. Если бы намъ нужно было выразить обѣ стороны этой задачи въ самомъ опредѣленіи, то это опредѣленіе можно было бы формулировать такъ: дидактика есть ученіе о процессѣ пріобрѣтенія образованія, какъ этотъ процессъ выполняется и поддерживается индивидуумами при посредствѣ образовательныхъ учрежденій, составляя

Digitized by Google

въ то же время основу этихъ учрежденій; и по аналогіи съ этимъ педагогику пришлось бы опредѣлить, какъ ученіе о заботливой, направленной къ нравственному уподобленію юношества, дѣятельности, какъ она производится индивидуумами и на индивидуумахъ при посредствѣ и въ качествѣ основы учрежденій воспитательныхъ.

Трудность, заключающаяся въ томъ, что ни индивидуальный, ни соціальный принципъ не даютъ въ отдѣльности вполнѣ твердой опоры и вполнѣ удовлетворительнаго исходнаго пункта, но каждый изъ нихъ указываетъ на другого и какъ бы прячется за него, вовсе не есть исключительная особенность теоріи воспитанія и образованія; съ нею встрѣчаются всѣ изслѣдованія, имѣющія своимъ предметомъ нравственный міръ въ отдѣльныхъ его явленіяхъ и во всей ихъ совокупности, если только эти изслѣдованія достаточно глубоки. Государство опирается на политическое сознаніе своихъ членовъ, на характеръ гражданъ и объясняется изъ него, а между тѣмъ этотъ характеръ самъ есть не что иное, какъ продуктъ государственной жизни, и въ одно и то же время является и корнемъ и цвѣткомъ. Рынокъ есть громадный механизмъ, гдѣ движущія силы, а потому и основы объясненія заключаются въ разнообразныхъ экономическихъ потребностяхъ отдѣльныхъ людей, но безъ него не было бы ни хозяйства, ни экономическихъ потребностей, такъ какъ отцомъ ихъ является обмѣнъ, пріобрѣтающій въ рынкѣ осязательную внѣшнюю форму. Ключомъ къ проблемѣ языка является человѣкъ, обладающій даромъ слова, но что такое человѣкъ безъ языка, который дается ему націей, и какъ понять его иначе, какъ не признавъ его участникомъ того общаго блага, которое и требовалось объяснить изъ его индивидуальной психической дѣятельности? Нравы и учрежденія, духъ націи и духъ времени являются объективными силами, полагающими извѣстный отпечатокъ на духъ индивидуума, отпечатокъ, который безъ нихъ объяс-

Digitized by Google

нить нельзя; но при ближайшемъ разсмотрѣніи эти нравы и учрежденія угрожаютъ разрѣшиться въ явленія сознанія, для которыхъ не остается другого мѣста, кромѣ индивидуальнаго сознанія, и то, что̀ мы хотѣли объяснять ими, намъ приходится дѣлать принципомъ ихъ собственнаго объясненія.

Этотъ двусторонній характеръ проблемы съ одинаковою силою обращаетъ на себя вниманіе какъ тѣхъ мыслителей, которые по своему общему направленію интересовались преимущественно коллективными явленіями, такъ и тѣхъ, которые размышляли съ особенною любовью о явленіяхъ индивидуальной жизни. Платонъ въ своемъ изслѣдованіи о справедливости, которое составляетъ задачу его политики, исходитъ изъ тѣхъ крупныхъ письменъ, какими начертана она въ соціальной жизни людей, и надѣется, что эта справедливость объяснитъ ему тѣ маленькія буквы, какими правда написана въ настроеніи и поступкахъ человѣка [1]); но изслѣдованіе мало-по-малу приводитъ его къ той мысли, что въ сущности крупныя и мелкія буквы, соціальный космосъ и индивидуумъ должны взаимно объяснять другъ друга, и въ этомъ смыслѣ онъ сравниваетъ ихъ съ двумя полѣнами, которыя нужно сложить крестъ-на-крестъ и тереть другъ о друга, чтобы воспламенить огонь [2]). Съ противоположной стороны къ той же мысли приходитъ Гербартъ; психологическое изслѣдованіе, въ основу котораго положено изученіе духовной жизни индивидуума, заставило его признать, что человѣка нельзя понять безъ общества и исторіи, хотя послѣдняя въ свою очередь возникаетъ изъ совмѣстной дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, такъ что „не сразу и не прямымъ путемъ, а только постепенно и съ поперемѣнными движеніями въ разныя стороны можно приблизиться къ правильному пониманію психологическихъ фактовъ“ [3]), — при-

---

[1]) Rep. II, p. 368.
[2]) Rep. IV, p. 435.
[3]) Соч. VI, 21. Ср. IX, 185.

Digitized by Google

знаніе, примѣненіе котораго къ этикѣ и педагогикѣ заставило бы Гербарта дать существенно иную форму этимъ наукамъ [1]).

Новѣйшіе изслѣдователи съ успѣхомъ стали добывать огонь упомянутымъ способомъ тренія, стараясь приблизиться къ пониманію нравственнаго міра указанными попеременными движеніями въ разныя стороны, и требованіе взаимно объяснять другъ изъ друга индивидуумъ и общество, микрокосмъ личной и макрокосмъ соціальной и исторической жизни, по крайней мѣрѣ въ нѣмецкой наукѣ, почти уже пріобрѣло значеніе методологическаго принципа. Для научной разработки теоріи воспитанія и образованія это обстоятельство имѣетъ двоякое значеніе, такъ какъ въ предпріятіяхъ такого рода теорія воспитанія и образованія находитъ какъ воодушевляющій ее примѣръ примѣненія метода, соединяющаго индивидуальный и соціальный взглядъ, такъ и запасъ матеріаловъ и предварительныхъ работъ для выполненія собственной задачи.

Область научныхъ изысканій, въ которой вышеозначенный принципъ получилъ плодотворное примѣненіе, представляютъ начатыя М. Лазаромъ и Г. Штейнталемъ національно-психологическія изслѣдованія, установившія взаимный обмѣнъ между психологіею съ одной стороны и филологіею, этнографіею и исторіею — съ другой, обмѣнъ, которому первая обязана замѣтнымъ расширеніемъ своего горизонта, а послѣднія — болѣе глубокимъ и вмѣстѣ болѣе тонкимъ пониманіемъ своихъ задачъ, а нравственныя науки вообще — цѣнными импульсами.

---

[1]) Въ моемъ изданіи педагогическихъ сочиненій Гербарта отмѣчены мѣста, гдѣ обнаруживается необходимость выйти за предѣлы индивидуалистической теоріи и принять въ соображеніе двусторонній характеръ проблемы. Ср. Педаг. соч. I, XXXV и II, 287. Подобный же поворотъ мы находимъ у Ѳеодора Вайца въ его практической философіи. Вначалѣ онъ строитъ ее, исходя изъ понятія объ индивидуумѣ, абстрактно-конструктивнымъ путемъ, а потомъ приписываетъ соціальнымъ понятіямъ все болѣе и болѣе принципіальное значеніе и наконецъ доходитъ до антропологическихъ изслѣдованій, предпринятыхъ имъ большею частію съ тою цѣлію, чтобы дать этикѣ эмпирико-соціальный базисъ. Ср. мое изданіе педагогики Вайца, стр. LX и дал.

Примѣчаніе автора.

Digitized by Google

Въ педагогикѣ и дидактикѣ можно установить точно такой же обмѣнъ между изслѣдованіями, направленными къ изученію психологическаго процесса воспитанія и образованія, и изслѣдованіями, направленными къ изученію ихъ исторически-соціальной формы, и уже въ виду этой формальной аналогіи наши науки имѣли бы основаніе искать соприкосновенія съ народной психологіей, если бы даже онѣ не побуждались къ тому же самому самымъ предметомъ своимъ. Изъ великихъ союзовъ, которые въ своей совокупности составляютъ соціальный организмъ, союзъ національный, народный, какъ союзъ, подготовляемый непосредственно самою природою, есть союзъ самый первоначальный и прочный, и когда дѣло идетъ объ обновленіи соціальной жизни, то субъектомъ и носителемъ этого обновленія прежде всего является народъ. Національный типъ передается преимущественно путемъ наслѣдственности, національныя блага: языкъ, письменность, народные нравы и вѣрованія служатъ важнѣйшими орудіями какъ безсознательнаго, такъ и сознательнаго уподобленія юношества; можно даже сказать, что юношество принадлежитъ народу: семья говоритъ о своихъ дѣтяхъ, отдѣльные круги общества о своемъ потомствѣ, а юношество, смотря по національности, называется греческимъ, римскимъ, нѣмецкимъ. Правда, то, что сообщаетъ педагогическимъ обычаямъ своеобразный отпечатокъ, не есть исключительно духъ націи, но вліяніе этого духа въ данномъ случаѣ имѣетъ преобладающее значеніе: обычаи христіанскаго воспитанія одни у одного, другіе у другого народа, и даже сословные педагогическіе обычаи не свободны отъ національныхъ разностей, хотя въ воспитаніи дворянства, крестьянскаго сословія и т. д. мы наблюдаемъ постоянно повторяющійся типъ. Отдѣльные попытки сравнительнаго описанія образовательныхъ учрежденій, попытки, — изъ коихъ наиболѣе значительною могутъ быть названы „Нѣмецкія письма объ англійскомъ воспитаніи“ Визе, — показали, какъ и здѣсь, нерѣдко поразительнымъ образомъ, сказывается

Digitized by Google

національный характеръ, начиная съ организаторскихъ идей и кончая школьной практикой и ученическими выходками.

Такимъ образомъ психологическій анализъ народнаго духа, характеристика психическаго типа націи, раскрытіе факторовъ, образующихъ національность, и отношенія этихъ факторовъ другъ къ другу, — задачи, которыя поставила себѣ и за которыя съ успѣхомъ взялась національная психологія, — оказываютъ необходимыя услуги теоріи воспитанія и образованія, и даже случайные лучи свѣта, падающіе на предметъ ея, могутъ освѣтить этотъ предметъ благодарнымъ образомъ [1]). Но и наоборотъ, въ нѣкоторыхъ изслѣдованіяхъ народная психологія можетъ получить разнообразную помощь отъ однородной съ нею педагогики; такъ для рѣшенія вопросовъ о происхожденіи языка и нравовъ пробужденіе филологическаго и нравственнаго сознанія у ребенка имѣетъ существенное значеніе, и хотя это обстоятельство не было опущено изъ виду изслѣдователями [2]), однако такія изслѣдованія могутъ стать на твердую почву только тогда, когда педагогика разработаетъ и приведетъ въ органическую систему принадлежащій ей матеріалъ. Для всей области психическихъ средствъ, которую мы назвали областью непроизвольнаго уподобленія (выше, стр. 11) и которая далеко вторгается въ жизнь народа и народовъ (стр. 15), педагогическія явленія всегда будутъ, — говоря словами Бэкона, — instantiae ostensivae, такъ какъ теорія воспитанія, для которой весьма важно установить болѣе или менѣе опредѣленное различіе между сознательными и безсознательными воздѣйствіями,

---

[1]) Ср. содержательныя замѣчанія Лазара въ статьѣ „Über die Verdichtung des Denkens in der Geschichte“ (Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft II, стр. 55) и въ изслѣдованіи „Über das Verhältniss des Einzelnen zur Gesamtheit“ (ibid. стр. 443 и дал., перепечат. въ „Leben der Seele“, 2 изд., I, 323) и указанія Штейнталя въ статьѣ „Zur Stilistik“ (Zeitschrift IV, стр. 465).

[2]) Lazarus, „Leben der Seele“ 2 изд., II, стр. 166 и дал. и Zeitschrift I, стр. 471. Steinthal, Einleitung in die Sprachwissenschaft, во многихъ мѣстахъ.

Digitized by Google

всего скорѣе даетъ поводъ выдѣлять вышеупомянутую область, какъ область особую.

Но болѣе или менѣе широкая теорія образованія можетъ дать народной психологіи даже цѣлую важную категорію, именно категорію самаго образованія. Тò, чтò народъ считаетъ образованіемъ, т.-е. извѣстный болѣе или менѣе тѣсно сплоченный комплексъ общеполезныхъ и общепримѣнимыхъ умѣній и знаній, составляетъ особую область и вмѣстѣ произведеніе народнаго творчества, конечно обусловленное наличнымъ языкомъ, поэзіей, наукой, искусствомъ, религіей и другими факторами, и однако не совпадающее ни съ однимъ изъ этихъ проявленій духовной дѣятельности. Въ *παιδεία* (образованіи) духъ эллинскаго народа обнаружилъ свою творческую силу нисколько не менѣе, чѣмъ въ его литературѣ, наукѣ и искусствѣ, и греческое образованіе есть нѣчто болѣе, чѣмъ, напр., только форма духовнаго потребленія этихъ благъ; хотя оно заимствуетъ у нихъ свое содержаніе, однако, принципъ, которымъ оно объединяетъ это содержаніе, есть его собственный принципъ и еще не объясняется указаніемъ на это содержаніе. Чтò подъ именемъ гуманизма пріобрѣтаетъ важное значеніе въ XV вѣкѣ, какъ духовное движеніе, а скоро и какъ жизненная сила сначала въ Италіи, а потомъ и среди остальныхъ народовъ Европы, это была не наука и не поэзія и не искусство, хотя представители новаго элемента выступаютъ то какъ ученые, то какъ поэты, то какъ художники и любители искусства; скорѣе это была своеобразная фигура Протея, мастерски изображенная Буркгардтомъ [1]), которая послѣ разныхъ странствованій утвердилась въ образовательныхъ учрежденіяхъ и дѣйствуетъ тамъ и до настоящаго дня. Оба примѣра могутъ показать, что въ ряду произведеній народнаго духа, какими народная психологія признала ближайшимъ образомъ языкъ, миѳы, поэзію, науку и искусство,

[1]) J. Burckhardt, Die Kultur der Renaissanse in Italien, 2. Aulf. 1869.

Digitized by Google

и образованіе имѣетъ право на извѣстное мѣсто, подобно тому какъ въ сферѣ организаторской дѣятельности оно уже получило такое мѣсто въ формѣ образовательныхъ учрежденій.

Другой рядъ изслѣдованій, имѣющихъ связь съ теоріей воспитанія и образованія, это морально-статистическія изслѣдованія, преимущественно тѣ, гдѣ на первомъ планѣ стоитъ выдвинутая Александромъ фонъ Эттингеномъ соціально-этическая точка зрѣнія, которая ставитъ своею задачею согласованіе законосообразности коллективнаго движенія съ индивидуальной свободой [1]). Широкую эмпирическую основу для описанія процесса соціальнаго обновленія даютъ тѣ морально-статистическія данныя, которыя касаются полярности и равновѣсія половъ, заключенія браковъ и размноженія. Особенно пригодны данныя эти для развитія мысли о солидарности общества и поколѣній, въ которой такъ удивительно переплетаются другъ съ другомъ природа и нравственность, необходимость и свобода. Названный въ моральной статистикѣ „закономъ возмѣщенія" фактъ, что послѣ событій, которыя, какъ, напр., великія войны и т. д., замѣтно уменьшаютъ мужское народонаселеніе, рожденія мальчиковъ превышаютъ нормальную мѣру и вмѣстѣ съ тѣмъ смертность мальчиковъ понижается, какъ будто къ поврежденному органу собираются всѣ жизненные соки соціальнаго тѣла для возстановленія его, — этотъ фактъ есть нѣчто поистинѣ *θαυμαστόν* (изумительное) и даетъ почувствовать дѣйствіе силъ, составляющихъ естественный фонъ въ процессѣ соціальнаго обновленія [2]). Статистическія наблюденія надъ смертностію по возрастамъ даютъ возможность нарисовать картину постепеннаго измѣненія численности поколѣнія, вступившаго въ жизнь въ опредѣленное время; графическое изображеніе такого теченія коллек-

---

[1]) A. von Oettingen, Die Moralstatistik und die christliche Sittenlehre. Ein Versuch einer Socialethik auf empirischer Grundlage. Erlangen. Первое изд. 1868.

[2]) Тамъ же I, стр. 343 и дал.

Digitized by Google

тивной жизни представляетъ стволъ, который начинается широкимъ основаніемъ, сначала быстро уменьшается въ ширинѣ — вслѣдствіе дѣтской смертности, уменьшающей спустя одинъ годъ общее количество на цѣлую четверть, а потомъ суживается болѣе медленно, пока не уменьшается до половины основанія тамъ, гдѣ отмѣчается численность извѣстнаго поколѣнія спустя около двадцати лѣтъ. Хотя здѣсь мы не получаемъ еще картины обновленія соціальной жизни, но получаемъ уже устойчивую раму для такой картины. Для наполненія этой рамы школьная статистика даетъ важный вкладъ, указывая широкіе пути образованія, на которые вступаетъ извѣстное поколѣніе, и сопровождая это поколѣніе, по крайней мѣрѣ, до достиженія извѣстнаго уровня. Но пока мы еще не имѣемъ общей картины, которая показывала бы все развѣтвленіе путей образованія и жизни, всю сѣть крупныхъ и мелкихъ жилъ, вводящихъ юную кровь въ соціальный организмъ.

Предпринятое моральною статистикою измѣреніе коллективныхъ явленій духовной жизни также обѣщаетъ дать не мало цѣннаго матеріала для теоріи образованія, утверждая какъ бы столбы для измѣренія поля, которое при простой оцѣнкѣ такъ часто обманываетъ насъ относительно своихъ размѣровъ. Цифры, которыя выражаютъ посѣщеніе школъ, грамотность взрослыхъ (брачущіеся, рекруты), количество писемъ, литературную производительность, размѣры книжной торговли и пр., доставляютъ намъ немаловажныя опредѣленія для оцѣнки степени образованія общества и совершающейся въ немъ циркуляціи духовныхъ благъ, хотя бы то и другое опредѣлялось еще и такими факторами, которые ускользаютъ отъ перечисленія и счета.

Въ изслѣдованіяхъ о вліяніи образованія на народную нравственность, гдѣ въ основу берется по преимуществу преступность, моральная статистика дала богатый матеріалъ для рѣшенія вопросовъ, которые

Digitized by Google

имѣютъ величайшее значеніе для педагогики, какъ и для этики. Правда, въ этой области не было недостатка въ преждевременныхъ и ложныхъ выводахъ, которые, какъ, напр., положеніе Perdonnet'a: „обучать значитъ дѣлать нравственнымъ", основаны на отрицаніи различія между знаніемъ и совѣстью, разумомъ и волей; но въ такихъ ошибкахъ виноваты не столько статистическія наблюденія, сколько скорѣе ошибочныя нравственныя воззрѣнія людей, бравшихъ на себя задачу истолкованія этихъ наблюденій. Индивидуализмъ, который съ XVIII вѣка пріобрѣлъ господство и въ этикѣ, и родственный ему интеллектуализмъ настолько удалили этику отъ соціальной области, что въ этикѣ не оказалось точекъ зрѣнія для раскрытыхъ статистикою коллективныхъ явленій, которыя, можно сказать, внезапно выступили на поле зрѣнія. Заслуга Эттингена и заключалась въ томъ, что онъ настойчиво потребовалъ расширенія старой индивидуальной этики въ этику соціальную и такимъ образомъ открылъ ей путь къ разработкѣ морально-статистическихъ фактовъ. Если при этомъ содержаніе христіанскихъ идей снова получаетъ у него свое конститутивное значеніе, то это не простое, извинительное въ теологѣ, увлеченіе, которымъ объясняли иногда его воззрѣнія; въ основѣ такого отношенія къ христіанскимъ идеямъ лежитъ мысль, что нигдѣ глубже и чище, чѣмъ въ нихъ, не примирены противоположности между индивидуумомъ и обществомъ между личнымъ достоинствомъ и служебнымъ положеніемъ члена общества, между нравственною свободою и естественноисторическою зависимостію, и можно было бы пожелать лишь того, чтобы Эттингенъ обнаружилъ поболѣе безпристрастія въ отношеніи къ крупнымъ соціально-этическимъ явленіямъ христіанскаго міра, которыя лежатъ за предѣлами его лютеранства.

Принципы, на основаніи которыхъ Огюстъ Контъ построилъ свой, не по заслугамъ высоко цѣнимый, планъ соціологіи, не одного происхожденія съ основными мыслями народной психологіи и соціальной этики и

Digitized by Google

особенно мало способны содѣйствовать рѣшенію вопроса о взаимодѣйствіи между индивидуумомъ и обществомъ. Взглядъ Конта, что психологія есть только часть біологіи и имѣетъ свою научную основу въ френологіи, не даетъ мѣста изслѣдованіямъ индивидуальной душевной жизни; вслѣдствіе неорганическаго характера его моральной философіи, сенсуалистическій принципъ которой не исправляется весьма рѣдкими проблесками болѣе высокихъ и чистыхъ элементовъ, его соціологія вовсе не доходитъ до рѣшенія задачъ соціальной этики: она остается соціальной физикой и затемняетъ нравственныя проблемы, слишкомъ поспѣшно распространяя на міръ нравственный понятіе закона, выведенное изъ міра природы. Равнымъ образомъ идеи Конта, относящіяся къ исторіи философіи, не выдерживаютъ безпристрастнаго изслѣдованія; до скуки часто повторяющаяся мысль, что человѣческій разумъ сначала прошелъ періодъ дѣтства, когда господствовала вѣра и теологія, затѣмъ періодъ юношества, когда господствовало абстрактное мышленіе и метафизика, чтобы вступить, наконецъ, въ мужескій возрастъ позитивизма, признакомъ котораго является усвоеніе фактовъ, — эта мысль вовсе не есть ключъ къ пониманію хода развитія человѣческаго духа. По внутреннему достоинству принципы трехъ контовскихъ эпохъ стоятъ прямо въ обратной послѣдовательности: культъ фактовъ, доступныхъ чувственному воспріятію, характеризуетъ низшую ступень міропониманія, спекуляція, стремящаяся перейти отъ явленія къ сущности, — среднюю ступень, а высшую представляетъ тотъ взглядъ, что органъ разумѣнія вообще не въ состояніи и не призванъ постигать дѣйствительность въ ея цѣломъ, и что скорѣе существуетъ реальность, которою духъ человѣческій можетъ овладѣть только въ вѣрѣ. Замѣчанія Конта о воспитаніи и образованіи имѣютъ весьма различную цѣнность: они чрезмѣрно фантастичны, когда онъ называетъ воспитаніе и образованіе рычагомъ новой позитивной міровой эпохи и для регулированія

Digitized by Google

ихъ призываетъ іерархію разума, въ которой нѣтъ ничего священнаго *(ἱερόν)*, и нѣтъ никакой интеллектуально оживляющей силы; наоборотъ, замѣчанія эти остроумны и удачны тамъ, гдѣ онъ ищетъ воспитанія въ системѣ (consensus) соціальныхъ явленій и требуетъ, чтобы для его пониманія мы выступили за предѣлы психологическихъ и абстрактныхъ опредѣленій и принимали въ соображеніе исторически измѣняющееся состояніе цивилизаціи[1]). Въ раскрытіи этой системы, т.-е. связи и взаимодѣйствія коллективныхъ явленій, въ раскрытіи, которое Контъ ставитъ задачею соціальной статики, и заключается интересъ и плодотворность его предпріятія, и такъ какъ соціологія начинается только съ размышленія о всей совокупности соціальныхъ феноменовъ, то Конта можно причислить къ ея основателямъ.

Въ стремленіи установить общій взглядъ на всю совокупность соціальныхъ явленій заключается также заслуга тѣхъ работъ нашего времени, которыя въ основу соціологіи ставятъ современное естествознаніе, особенно теорію эволюціи; таковы соціологическія теоріи Лиліенфельда и Шэффле[2]). Эти изслѣдователи стремятся доказать, что древнее сравненіе, которое объясняетъ соціаль-

---

[1]) Ср. Cours de philosophie positive IV, 349. La vicieuse prépondérance des considérations biologiques et l'irrationel dédain des notions historiques ont pareillement conduit à méconnaître profondément la véritable évolution sociale et à supposer une fixité chimérique à des dispositions essentiellement variables. Cette influence nuisible est surtout très marquée dans la plupart des théories relatives à l'éducation, presque toujours considéré ainsi à la manière théologico-métaphysique, abstraction faite de l'état correlatif de la civilisation humaine.

(Вредное преобладаніе біологическихъ данныхъ и неразумное пренебреженіе историческими понятіями въ одинаковой мѣрѣ вели къ глубокому непониманію истинной соціальной эволюціи и къ мысли о мнимомъ постоянствѣ явленій, въ сущности постоянно измѣняющихся. Это вредное вліяніе особенно весьма замѣтно въ большей части теорій, относящихся къ воспитанію, которое такимъ образомъ почти всегда разсматривается съ точки зрѣнія религіозно-метафизической, при чемъ не обращается никакого вниманія на соотносительное состояніе человѣческой цивилизаціи). Ср. Herm. Gruber, A. Comte. Freib. 1889.

[2]) Paul von Lilienfeld, Gedanken über die Socialwissenschaft der Zukunft, 4. B-de. Mitau 1873 и дал. Albert Schäffle, Bau und Leben des socialen Körpers. Encyklopädischer Entwurf einer realen Anatomie, Physiologie und Psychologie der menschlichen Gesellschaft. 4. B-de. Tübingen 1875 и далѣе.

Digitized by Google

ную жизнь жизнію органическою, не есть только простой образъ, и что аналогія между обществомъ и живымъ тѣломъ есть аналогія реальная, при чемъ какъ общество, такъ и живой организмъ понимаются, какъ комплексы силъ, послѣдній, какъ комплексъ силъ идеальныхъ. Для развитія этой основной идеи даровитый правитель Курляндіи избираетъ по преимуществу афористическую, исходящую отъ различныхъ проблемъ, форму изложенія; наоборотъ Шэффле старается какъ бы нарисовать градусную сѣть на глобусѣ, какимъ является соціальный космосъ, и заполнить эту сѣть при помощи обширныхъ знаній. Для науки о воспитаніи и образованіи, не упускающей изъ виду коллективныхъ явленій, соціологическая энциклопедія Шэффле въ извѣстномъ отношеніи составляетъ terminus ad quem, показывая то мѣсто, какое предметъ этой науки долженъ наполнить въ строѣ всего комплекса, и въ началѣ своихъ изслѣдованій мы уже оцѣнили высокое значеніе понятія соціальнаго тѣла, въ духѣ этихъ теорій, для предстоящей намъ задачи.

Однако не слѣдуетъ свыше мѣры цѣнить точку зрѣнія соціологіи, основанной на естествознаніи: хотя эта точка зрѣнія и обнимаетъ болѣе широкую область, чѣмъ поименованныя ранѣе, но примѣнимость ея къ объясненію явленій все же имѣетъ свои границы. Соціологическія теоріи Лиліенфельда и Шэффле не даютъ ключа къ рѣшенію проблемы о взаимодѣйствіи между индивидуумомъ и соціальнымъ коллективнымъ организмомъ и не могутъ служить такимъ ключомъ, потому что онѣ переносятъ понятія міра физическаго на міръ духовный, не обращая вниманія на родовое различіе между тою и другою областію. Мысль, будто аналогія между обществомъ и живымъ тѣломъ есть нѣчто болѣе, чѣмъ содержательное и плодотворное сравненіе, будто она основывается на реальномъ соотвѣтствіи между ними и потому ею можно пользоваться, какъ гносеологическимъ принципомъ соціологіи, основана на слишкомъ поспѣшномъ обобщеніи. Мы погрѣшили бы противъ общества,

Digitized by Google

если бы назвали его комплексомъ идеальныхъ силъ: скорѣе оно есть идеальный комплексъ силъ. Связанная языкомъ, обычаями, національными интересами и проч. человѣческая масса еще не есть народъ и становится народомъ лишь тогда, когда уже начинаетъ видѣть въ себѣ народъ, считать и сознавать себя народомъ; толпа вѣрующихъ, которые проникнуты однимъ и тѣмъ же религіознымъ міровоззрѣніемъ, еще не составляетъ религіознаго общества, а создается такое общество только сознаніемъ вѣрующихъ, что они соединены въ вѣрѣ. Въ животномъ организмѣ достаточно извѣстнаго сочетанія силъ, чтобы дать тому или другому существу реальное бытіе, въ соціальномъ же организмѣ творческія силы должны сначала вызвать извѣстный фактъ сознанія, который только и сообщаетъ этому организму реальное бытіе; безъ этого факта, т.-е. безъ акта свободы, безъ духовнаго самоположенія, соціальнаго существа совсѣмъ еще нѣтъ. Поэтому индивидуальное сознаніе для соціальнаго коллективнаго существа имѣетъ совсѣмъ другое значеніе, чѣмъ органическая единица, клѣточка, для живого тѣла, — клѣточка есть составная часть организма; индивидуальное сознаніе есть не только составная часть соціальнаго коллективнаго существа, но и очагъ все новаго и новаго идеальнаго рожденія его. Клѣточка въ отношеніи къ организму есть единица низшаго порядка, или, выражаясь телеологически, она существуетъ для него, и онъ является для нея цѣлію; наоборотъ отношеніе между индивидуумомъ и обществомъ нельзя опредѣлять аналогичнымъ подчиненіемъ: оба существуютъ другъ для друга, и ни тотъ, ни другое не служатъ простымъ средствомъ одинъ для другого; нравственный міръ одновременно завершается двумя конечными пунктами: индивидуальною личностію и духовно-нравственнымъ обществомъ; строй ступеней физическаго міра уступаетъ здѣсь мѣсто новому архитектурному принципу.

Глубокая и вмѣстѣ непритязательная мудрость христіанскаго міровоззрѣнія и въ этомъ пунктѣ указываетъ вѣрный путь, и она-то можетъ исправить натурали-

Digitized by Google

стическій взглядъ. Сравненіе съ живымъ тѣломъ для христіанскаго воззрѣнія имѣетъ существенное значеніе, и никакая механическая или индивидуалистическая тенденція времени не въ состояніи была изгнать изъ церкви мысль о ея органическомъ характерѣ; но включеніе въ составъ мистическаго тѣла не обозначаетъ здѣсь уничтоженія абсолютнаго достоинства индивидуальнаго духа; наоборотъ, послѣ славы Божіей, забота о томъ, чтобы каждый человѣкъ былъ живъ и никто не терпѣлъ ущерба для души своей, котораго не могутъ возмѣстить всѣ блага міра, есть высочайшая функція христіанскаго общества.

III.

Съ требованіемъ распространить кругозоръ педагогики на соціальныя и коллективныя явленія въ области воспитанія и обученія тѣснѣйшимъ образомъ связано другое требованіе — расширить горизонтъ ихъ и въ сторону исторіи; оба эти требованія при правильномъ пониманіи являются даже только различными сторонами одного и того же принципа. Разыскать воспитаніе и образованіе въ процессѣ соціальнаго обновленія значитъ не что иное, какъ опредѣлить положеніе ихъ въ историческомъ движеніи жизни, ихъ содѣйствіе исторической непрерывности человѣческихъ явленій; понимать ихъ, какъ извѣстное отношеніе между поколѣніями, какъ передачу и уподобленіе, значитъ разсматривать ихъ съ исторической точки зрѣнія, такъ какъ то, что передается и въ чемъ заключается ассимилирующая сила: духовно-нравственныя блага и человѣческіе союзы всегда есть нѣчто развившееся исторически и можетъ быть объяснено только исторіей; изслѣдовать силы и отношенія, которыя объединяются въ воспитательныхъ и образовательныхъ учрежденіяхъ, значитъ работать надъ историческими явленіями и цѣнностями, потому что, хотя эти явленія и цѣнности, въ концѣ концовъ, и сводятся къ человѣческой природѣ, однако они имѣли различныя формы соотвѣтственно эпохамъ историческаго развитія.

Digitized by Google

Несмотря на это родство соціальной и исторической точки зрѣнія, теорія воспитанія и образованія съ давнихъ поръ обнаруживала нѣкоторое упорство противъ примѣненія послѣдней точки зрѣнія даже тамъ, гдѣ она не пренебрегаетъ первою, такъ что нѣтъ недостатка въ системахъ, которыя хотя и имѣютъ въ виду коллективныя явленія, но не обращаютъ должнаго вниманія на ихъ историческія условія. Причина этого заключается въ томъ, что педагогическая рефлексія вызывается въ большинствѣ случаевъ практическими побужденіями улучшить, если не совершенно обновить, существующіе обычаи воспитанія и формы образованія, и потому менѣе направлена на происхожденіе и развитіе ихъ, чѣмъ на организацію ихъ для будущаго времени. А реформаторы никогда не отдаютъ должнаго прошлому; стремясь къ преобразованію существующаго, они не могутъ безпристрастно изслѣдовать и судить о силахъ и цѣнностяхъ, которыя заключаются въ этомъ существующемъ, и такимъ образомъ не могутъ сохранить способности къ пониманію сконцентрированной въ этомъ существующемъ исторической работы.

Правда, Платонъ не забываетъ поискать опоры для плана воспитанія своихъ правителей-философовъ въ преданіи: частію въ національныхъ обычаяхъ воспитанія, частію въ глубокомысленной педагогикѣ пиѳагорейцевъ; но насколько мало его взглядъ на образованіе юношества можно назвать историческимъ, это показываютъ его требованія, чтобы образованіе осуществлялось безъ семейной жизни, безъ примѣненія народнаго преданія и поэзіи, сначала даже безъ сношеній юношества со старшимъ поколѣніемъ, которое считается неисправимымъ. Даже въ „Законахъ“, гдѣ Платонъ ближе держится дѣйствительности и такъ благоговѣйно выражаетъ взглядъ на воспитаніе, какъ на распространеніе нравственныхъ благъ (выше, стр. 33), онъ не обращаетъ однако вниманія на историческія причины, которыми обусловливаются всѣ общественныя учрежденія и которыя не могутъ быть замѣнены никакими опредѣ-

Digitized by Google

леніями, выведенными изъ какого-либо абстрактнаго принципа[1]). Въ сущности тѣмъ же самымъ недостаткомъ необходимо страдаетъ всякая государственная педагогика, односторонность которой есть несогласіе съ исторіей, состоящее въ томъ, что изъ-за организаторской дѣятельности государства забываются историческіе факторы, которые ранѣе политическаго союза формировали уже воспитательныя и образовательныя учрежденія.

Для дидактическаго искусства XVII вѣка, которое также искало опасной близости къ „искусству правительственному" (стр. 34), характерно изреченіе, поставленное основателемъ этого искусства Вольфгангомъ Ратке на заглавномъ листѣ его сочиненій: vetustas cessit, ratio vicit[2]), и хотя у наиболѣе значительнаго представителя упомянутыхъ стремленій, Коменскаго, разрывъ съ прошлымъ выраженъ не такъ рѣзко, однако и онъ не даетъ себѣ отчета въ томъ, гдѣ его универсальная школьная реформа могла бы найти опору для себя въ предшествующемъ историческомъ развитіи[3]). Впрочемъ эта старинная дидактика все же имѣла еще такую опору, по крайней мѣрѣ, въ удержанномъ ею филологическомъ и богословскомъ элементахъ образованія, слѣдующая же за нею педагогика эпохи просвѣщенія отказалась и отъ этихъ элементовъ. У Руссо полный разрывъ съ прошлымъ является прямо принципомъ, и хотя послѣдователи его правила: „поступайте всегда какъ разъ наоборотъ тому, какъ поступаютъ обычно, и вы не ошибетесь", нѣсколько смягчили это правило, однако они убѣждены были въ томъ,

---

[1]) См. объ этомъ у K. Hildebrandt'a, Geschichte und System der Rechts- und Staatsphilosophie I, 200.

[2]) Древность уступила, разумъ побѣдилъ.

[3]) Хотя Коменскій добросовѣстно цитуетъ своихъ непосредственныхъ предшественниковъ, напр., Ратке, Бодина, Форція, Батея и проч. (ср. Didactica magna, Введеніе § 10 и Methodus linguarum novissima, cap. 8); но какъ крупныя энциклопедическія произведенія средневѣковья, болѣе отдаленные предшественники его пансофическихъ предпріятій, такъ и весьма распространенные старинные школьные учебники, напр., Pappa J. Murmellius'a, гдѣ уже примѣняется принципъ Janua, размѣщеніе словъ по порядку предметовъ, ему неизвѣстны. Столь же мало цѣнитъ онъ систему семи свободныхъ искусствъ, которая заключала въ себѣ требуемые имъ математическіе предметы, и примыкаетъ къ ней только внѣшнимъ образомъ (Did. magna, cap. 30).

Digitized by Google

что все традиціонное по меньшей мѣрѣ подозрительно, и что педагогика должна и можетъ начинать съ самаго начала. Тогда и въ этой области, какъ во всѣхъ другихъ, спасеніе видѣли въ изобрѣтеніи новыхъ методовъ, въ открытіи неизвѣстныхъ ранѣе путей, которые должны были повести къ такому совершенству, о какомъ старыя непросвѣщенныя времена не имѣли даже представленія. Представители этой эпохи весьма далеки были отъ мысли, что въ данномъ случаѣ они произвольно или непроизвольно работаютъ надъ наслѣдіемъ именно старыхъ временъ, зависятъ отъ нихъ и обусловлены тѣмъ, что̀ съ давнихъ поръ люди думали объ этомъ предметѣ, что̀ они устраивали, испробовали и сдѣлали въ этой области.

Этотъ господствовавшій тогда духъ времени у Песталоцци своеобразно связывается съ противоположною потребностію установить связь съ тѣмъ, что давно испытано и давно укоренилось на практикѣ. Стремленія Песталоцци понимаются съ такимъ трудомъ главнымъ образомъ именно благодаря смѣшенію этихъ разнородныхъ элементовъ. Онъ, особенно въ своихъ первыхъ сочиненіяхъ, настойчиво указываетъ на то, что въ дѣлѣ воспитанія слѣдуетъ искать помощи не въ новыхъ изобрѣтеніяхъ, а въ непритязательной, но глубокой семейной мудрости, какою обладали предки, и держаться „достопочтенныхъ остатковъ лучшей воспитательной эпохи нашихъ предшественниковъ“ [1]). Но въ самомъ педагогическомъ предпріятіи своемъ Песталоцци выступаетъ съ сильнѣйшими притязаніями на новизну и совершенство, при чемъ не цѣнитъ и не примѣняетъ даже ближайшіе историческіе прецеденты; когда онъ рекомендуетъ три свои образовательныя средства: языкъ, форму и число, то ему не приходитъ на умъ, что это тѣ же самыя средства, которыя съ древнихъ временъ полагаются въ основу обученія — у пиѳагорейцевъ число и мѣра были основаніемъ мудрости, и самою мудрою считалась та духовная сила, которая дала имена вещамъ,

[1]) Schweizerblatt, 1782. Ges. Werke, herausgegeben von Seyffarth VII, 273, 294 и въ др. мѣстахъ.

Digitized by Google

и Песталоцци забываетъ, что при дидактической организаціи этихъ средствъ необходимо имѣть въ виду это тысячелѣтнее примѣненіе; равнымъ образомъ, отыскивая идеальную основу для народнаго обученія, онъ забываетъ о томъ, что эта основа давно уже дана христіанствомъ и способна къ органическому расширенію позднѣйшими элементами.

Какъ ни велико разстояніе, отдѣляющее безпомощнаго Песталоцци отъ Гербарта, вполнѣ отчетливо сознававшаго свою задачу, однако и у послѣдняго обнаруживается подобный же недостатокъ, происходящій отъ невозможности примирить неисторическое пониманіе воспитанія, какого требовалъ духъ времени, съ болѣе глубокимъ взглядомъ на этотъ предметъ. Принципъ и строй его педагогики имѣютъ индивидуалистическій характеръ и вслѣдствіе этого она имѣетъ слишкомъ узкій базисъ, чтобы возможна была надлежащая оцѣнка историческихъ факторовъ воспитанія. Онъ держится того воззрѣнія, что своеобразный характеръ педагогики и истинная сущность воспитанія обнаружились только благодаря начинающейся съ Локка рефлексіи, направленной къ изученію индивидуально-личныхъ особенностей одного опредѣленнаго воспитанника[1]), и придаетъ важное значеніе лишь тому, что со времени Локка искусство воспитанія развивалось постоянно[2]); въ своей рецензіи о педагогической теоріи Шварца, онъ называетъ его сообщенія объ образовательныхъ учрежденіяхъ средневѣковья „мало привлекательными вещами, которыя имѣютъ свой историческій интересъ, но въ то же время вызываютъ и законное чувство удовольствія по поводу современнаго лучшаго состоянія обученія и воспитанія“; равнымъ образомъ и указанія относительно гуманистовъ интересуютъ его менѣе, чѣмъ вопросъ о томъ, что̀ сдѣлалъ бы въ наше время методистъ въ родѣ Іоанна Штурма[3]): такъ мало мѣста даетъ

[1]) Pädagog. Schriften II, 240 и 233.
[2]) Тамъ же II, 295.
[3]) Тамъ же, I, 233; 237.

Digitized by Google

онъ мысли, что въ среднихъ вѣкахъ имѣютъ свои корни наши университеты, въ эпохѣ Возрожденія — наши гимназіи, и что, не возвратившись къ этимъ старымъ періодамъ, нельзя понять основного строя нашего современнаго образованія. Но въ противоположность этому у Гербарта нѣтъ недостатка въ замѣчаніяхъ, которыя показываютъ, что взоръ его не былъ такъ ограниченъ рамками системы, а иногда направлялся и къ историческимъ условіямъ воспитательнаго дѣла. Уже въ „Общей педагогикѣ“ 1806 года онъ называетъ „истиннымъ и дѣйствительнымъ воспитателемъ все то, что люди когда-либо чувствовали, испытывали и думали“, а „величайшимъ дѣломъ, которое можетъ дѣлать человѣчество въ каждый моментъ своего существованія — передачу молодому поколѣнію всѣхъ результатовъ предшествующихъ опытовъ въ концентрированномъ видѣ“ [1]). Позднѣе, въ связи съ своими психологическими изслѣдованіями, онъ еще яснѣе выдвигаетъ зависимость всѣхъ дѣлъ человѣческихъ отъ историческихъ условій; каждый вѣкъ передавалъ слѣдующему свою наиболѣе разработанную мысль, свой словесный запасъ вмѣстѣ съ своими изобрѣтеніями, искусствами, общественными учрежденіями; въ каждомъ изъ насъ живетъ все прошлое и потому эмпирическая психологія, отдѣленная отъ исторіи рода человѣческаго, не можетъ дать ничего законченнаго [2]).

Это расширеніе и вмѣстѣ углубленіе понятія совершилось не безъ вліянія того общаго поворота къ исторической точкѣ зрѣнія, который обнаружился

---

[1]) Тамъ же, I, 337.

[2]) Lehrbuch zur Einleitung in die Philosophie 1813. W. I. 302. Ср. также сочиненіе „Über einige Beziehungen zwischen Psychologie und Staatswissenschaft“, W. IX, 185 и 210. Когда во Введеніи къ „Pädagogische Schriften“ Гербарта I, XXXV я замѣтилъ, будто позволительно утверждать, что Гербартъ пользуется исторіей, какъ вспомогательною наукой педагогики, то въ этихъ словахъ сказано было слишкомъ много; можно было бы сказать развѣ то, что замѣчанія въ родѣ вышеприведеннаго должны были бы заставить Гербарта обратиться за помощью къ исторіи, какъ наукѣ, лежащей въ основѣ педагогики, хотя Гербартъ и забылъ вывести это слѣдствіе.

Digitized by Google

въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ въ первыя десятилѣтія XIX вѣка подъ вліяніемъ тогдашняго положенія вещей. Индивидуалистическое и болѣе или менѣе неблагочестивое міровоззрѣніе эпохи Просвѣщенія уступило мѣсто жизнепониманію, которое всюду возвращалось къ правамъ прошлаго и въ историческихъ факторахъ видѣло отраженіе и основу объясненія современныхъ явленій. Этотъ поворотъ обнаружился во всѣхъ наукахъ; въ юриспруденціи и языковѣдѣніи онъ составилъ настоящую эпоху, ученіе о государствѣ и политическая экономія обязаны ему существеннымъ обогащеніемъ; теорія воспитанія и образованія, правда, не была еще переработана „съ исторической точки зрѣнія", но и въ этой области стали работать надъ возстановленіемъ порванной въ эпоху Просвѣщенія связи съ прошлымъ и пробудился интересъ къ историческимъ изслѣдованіямъ. При этомъ, какъ въ другихъ наукахъ, такъ и здѣсь, значительное содѣйствіе оказала спекуляція Шеллинга и Гегеля; къ первой склоненъ былъ Шварцъ, который впервые предпринялъ обработку „Исторіи воспитанія въ связи его у различныхъ народовъ" (1813 и 1829); изъ школы Гегеля происходятъ цѣнныя историческія работы Фр. Крамера, Алекс. Каппа, Г. Таулова и др. Но болѣе устойчивое значеніе имѣло возобновленіе христіанскаго элемента, который на ряду съ національнымъ и античнымъ можетъ быть названъ подлинно историческимъ элементомъ нашего нравственнаго воспитанія и образованія, золотою нитью, которая соединяетъ времена, связывая ихъ съ вѣчностью. Не случайно то обстоятельство, что первая составленная по источникамъ исторія педагогики, произведеніе Карла Раумера, которое, несмотря на свою конфессіональную односторонность, можетъ претендовать на постоянную цѣнность, а равно обширная, заключающая въ себѣ цѣлое сокровище изслѣдованій по исторіи педагогики, коллективная работа, начатая К. А. Шмидомъ „Энциклопедія воспитанія и обученія" и составленная имъ основательная „Исторія воспитанія"

Digitized by Google

(съ 1883 г.) стоятъ на христіанской почвѣ. Съ тѣхъ поръ въ области исторической педагогики развилась живая дѣятельностсь, славнымъ свидѣтельствомъ которой являются Monumenta Germaniae paedagogica К. Кербаха, и въ ней справедливо искали нѣкоторой тяжести, элемента, который предохраняетъ педагогическую рефлексію отъ поверхностности, расплывчатости и субъективизма. Во всякомъ случаѣ теперь педготовлена почва для мысли, что между теоріей воспитанія и образованія и исторіей существуютъ разнообразныя связи, и облегчено доказательство того, что между этими связями есть и такія, которыя можно назвать внутренними и существенными.

Итакъ, въ чемъ же заключаются основанія, которыя заставляютъ педагогику и дидактику обращаться къ исторической наукѣ, и какой помощи могутъ онѣ ожидать отъ послѣдней?

Безспорно, прежде всего той помощи, какую всякая наука, развивающаяся ли то, или относительно законченная, направленная ли къ естественному, или къ нравственному міру, получаетъ отъ того, что благодаря исторіи пріобрѣтаетъ возможность обозрѣть ходъ своего собственнаго развитія. Чтобы твердою ногою двигаться впередъ, ей нужно знать, откуда она вышла; чтобы постоянно увеличивать запасъ своихъ знаній, она должна ставить въ связь то, что ею пріобрѣтено, съ тѣмъ, что она получила; чтобы не цѣнить свыше мѣры новое, она должна распознавать въ новомъ старое; чтобы не цѣнить новаго слишкомъ низко, она должна ясно представлять себѣ открытые вопросы, которые тянутся черезъ весь рядъ опытовъ. Педагогика имѣетъ двойное основаніе принципіально настаивать на этой непрерывности изслѣдованія, потому что воспитательныя системы, по самой природѣ своей направленныя въ сторону будущаго, а также окрыляемыя смѣлыми надеждами, сами по себѣ менѣе другихъ духовныхъ произведеній ищутъ связи съ тѣмъ, что существовало и сдѣлано было раньше.

Эти соображенія указываютъ намъ на исторію теоріи воспитанія и образованія. Она имѣетъ дѣло не

Digitized by Google

прямо съ воспитаніемъ и образованіемъ, но съ мнѣніями, теоріями, системами, относящимися къ воспитанію и образованію, съ людьми, отъ которыхъ происходятъ эти теоріи и системы, съ произведеніями, въ которыхъ онѣ изложены. Ея мѣсто находится въ исторіи наукъ; соотвѣтственно природѣ своего предмета, она связана ближайшимъ образомъ съ исторіей философіи, такъ какъ болѣе или менѣе развитая педагогическая рефлексія почти всегда опредѣляется, между прочимъ, и спекуляціей; затѣмъ она соприкасается съ исторіей теологіи, филологіи, литературы, соотвѣтственно важному значенію, какое имѣютъ для воспитательнаго дѣла религія, равно какъ языкъ и словесное искусство. Она тѣмъ лучше будетъ соотвѣтствовать своей задачѣ, чѣмъ опредѣленнѣе будетъ отмѣчать эти и другіе опорные пункты педагогической рефлексіи, чѣмъ яснѣе будетъ затѣмъ освѣщать связь въ этой самой рефлексіи и показывать, какія аналогіи существуютъ между различными построеніями, въ какихъ отношеніяхъ взаимно восполняютъ другъ друга выразившіяся въ этихъ построеніяхъ направленія, наконецъ, какія побужденія и указанія почерпаетъ изъ нихъ наша собственная мысль.

Но при изслѣдованіяхъ этого рода неизбѣжно обнаруживается, что предметъ, теоретическая разработка котораго изучается съ исторической точки зрѣнія, самъ есть предметъ историческій; педагогическія системы различнаго времени предполагаютъ различныя формы воспитательныхъ и образовательныхъ учрежденій, и защищаемые въ нихъ принципы и требованія, стремятся ли они къ реформѣ или только къ освѣщенію и разъясненію, всегда имѣютъ въ виду существующую практику. Уже одно это обстоятельство направляло бы историческій интересъ къ упомянутымъ формамъ, если бы даже эти формы не имѣли вмѣстѣ съ тѣмъ и самаго прямого значенія для изслѣдованія сущности воспитанія и образованія. Правда, основою для объясненія этой сущности является человѣческая природа съ ея постоянными чертами, но эта основа не единственная, и изъ нея далеко

Digitized by Google

нельзя вывести категорій, задачъ, явленій этой области, безъ помощи анализа и сравненія историческихъ данныхъ. Если изслѣдованіе будетъ двигаться исключительно въ сферѣ абстрактныхъ опредѣленій, то ему всегда будетъ угрожать опасность смотрѣть на современное какъ на постоянное, на частное какъ на общее, дѣлать свои обобщенія на слишкомъ узкомъ основаніи фактическихъ данныхъ и въ недостаточной мѣрѣ цѣнить необозримую сѣть прецедентовъ и условій, съ которыми связаны данныя явленія. Предупредить этотъ недостатокъ и дать рефлексіи обширный и прозрачный эмпирико-историческій матеріалъ, такова задача исторіи воспитательныхъ и образовательныхъ учрежденій. Къ исторіи науки о воспитаніи и образованіи она стоитъ въ отношеніи, аналогичномъ тому, въ какомъ исторія церкви стоитъ къ исторіи догматовъ, исторія права къ исторіи юриспруденціи, исторія поэзіи и ораторскаго искусства къ исторіи піитики и реторики; здѣсь предметомъ является самое содержаніе, а тамъ изслѣдуются различныя обработки, опыты объясненія и регулированія этого содержанія. Съ точки зрѣнія исторической науки вообще она является частію культурной исторіи и стоитъ въ ближайшей связи съ исторіей нравовъ, религіи, соціальнаго и политическаго устройства, экономической дѣятельности. Какъ и другимъ отраслямъ культурной исторіи, ей приходится собирать свой матеріалъ изъ весьма разнообразныхъ источниковъ, такъ какъ обычаи и правила воспитанія, образовательныя стремленія и учрежденія, особенно въ болѣе или менѣе отдаленныя времена, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ извѣстны намъ по особымъ описаніямъ, въ громадномъ же большинствѣ случаевъ о нихъ приходится дѣлать выводы изъ случайныхъ сообщеній, изъ законовъ и распоряженій, изъ сохранившихся учебныхъ и образовательныхъ пособій и другихъ болѣе или менѣе непрямыхъ свидѣтельствъ, и даже педагогическія сочиненія, насколько они имѣютъ въ виду обновленіе и реформу, только не прямо могутъ считаться и трактоваться, какъ источники свѣдѣ-

Digitized by Google

ній о дѣйствительномъ положеніи дѣла, — предосторожность, которую нерѣдко приходится распространить и на законы и родственныя законамъ опредѣленія. Для времени, которое лежитъ ближе къ настоящему, источники, документы и пособія увеличиваются и заключаютъ въ себѣ болѣе прямыя сообщенія относительно искомаго предмета; для настоящаго времени статистика, эта „неподвижная исторія,“ оказываетъ свои цѣнныя услуги особенно при ознакомленіи съ образовательными учрежденіями. А изображеніе современнаго состоянія воспитанія и образованія составляетъ существенную часть задачи. Пусть государственная исторія въ правѣ исключить то, что находится еще въ движеніи и потому „еще не принадлежитъ исторіи“; всякая культурная исторія поступитъ вѣрнѣе, если будетъ понимать терминъ *ἱστορία* въ смыслѣ древнихъ, по которому она есть извѣстіе или свѣдѣніе о явленіяхъ и состояніяхъ вообще, относится ли сообщаемое къ прошлому или къ настоящему. Пусть описательное изложеніе отличается отъ изложенія повѣствовательнаго или рисующаго прошлое по тону и даже по строенію, во всякомъ случаѣ то и другое неразрывно связаны между собою: чтобы объяснить существующее путемъ историческимъ, необходимо раскрыть его настоящее положеніе; чтобы показать вливающіеся въ современность потоки, нужно поставить предъ глазами карту бассейна, въ которомъ они собираются.

Прослѣдить эти потоки до ихъ источниковъ, т.-е. ретроспективно изслѣдовать дѣйствующіе въ настоящее время факторы, это привлекательнѣйшая и многообѣщающая задача исторіи воспитанія и образованія; если употребить для характеристики ея другой образъ, то она сводилась бы къ слѣдующему: найти стволъ нашихъ педагогическихъ воззрѣній, идеаловъ, обычаевъ, нашихъ образовательныхъ тенденцій, средствъ, учрежденій, отмѣтить слои, которые накопилъ стволъ въ теченіе исторіи, обозначить мѣста, гдѣ расходятся его сучья и вѣтви, а также указать ткань, которая его питаетъ. Такое из-

Digitized by Google

слѣдованіе неизбѣжно зайдетъ довольно далеко назадъ, потому что наше нравственное воспитаніе и образованіе есть нѣчто весьма сложное и заключаетъ въ себѣ элементы, ведущіе свое начало съ самыхъ отдаленныхъ временъ. Въ заготовкѣ нашего запаса образовательныхъ средствъ работали отдаленные времена и народы; отъ финикіянъ происходитъ нашъ алфавитъ, отъ египтянъ и вавилонянъ календарь и лѣтосчисленіе, отъ первыхъ вѣроятно также и басни изъ міра животныхъ и элементарная математика; отъ индусовъ наша цифровая система и экзотическая часть нашихъ сказокъ, тогда какъ туземная часть указываетъ на кельтическую, германскую, славянскую древность, если не еще далѣе. Классическую древность проходимъ мы на пути къ высшему образованію, но въ еще болѣе широкихъ размѣрахъ древніе господствуютъ надъ нашимъ обученіемъ: грамматическая система, которая развилась въ Александріи, лежитъ въ основѣ всѣхъ нашихъ грамматикъ; къ эвклидовскому учебнику сводится наша школьная математика и мы только еще начали отрѣшаться отъ него; наша реторика, піитика, метрика, теорія музыки держатся древнихъ образцовъ. Не трудно было бы въ нашей системѣ образованія открыть слѣды античной системы семи свободныхъ искусствъ. Такимъ образомъ не только образовательные матеріалы, но и тѣ формы, въ которыхъ они выступаютъ предъ нами и которыя въ свою очередь опредѣляютъ собою методы, отчасти завѣщаны намъ весьма глубокою древностію; да и въ нашихъ цѣляхъ образованія продолжаютъ дѣйствовать такіе идеалы, какъ греческая *παιδεία*, римская humanitas. До среднихъ вѣковъ могутъ прослѣдить свою исторію почти половина нашихъ университетовъ и часть нашихъ гимназій; средневѣковые Origines и Specula суть предки нашихъ реальныхъ энциклопедій, „Утѣшеніе духовное“ и „Алмазъ“ суть предки нашихъ дѣтскихъ книгъ; въ нашей дѣтской жизни не вымерли еще тѣ стишки, изреченія, загадки, игры, которыми забавлялось тогда юношество. Въ общемъ воспитаніе

Digitized by Google

въ силу своей связи съ живымъ обычаемъ хранить менѣе такихъ наслѣдственныхъ благъ, чѣмъ образованіе, но самые обычаи часто имѣютъ свои корни въ прошломъ гораздо глубже, чѣмъ это кажется.

Прелесть, заключающаяся въ изслѣдованіи того, что продолжаетъ жить въ нашемъ настоящемъ, и въ освѣщеніи этого настоящаго прошлымъ, есть сильный рычагъ историческаго изслѣдованія, но рычагъ не единственный; охоту къ изученію историческихъ свѣдѣній возбуждаютъ, трудъ его вознаграждаютъ еще вещи и явленія иного рода, независимыя отъ упомянутаго отношенія настоящаго къ прошлому. Прежде всего возможенъ болѣе широкій родъ любопытства, который ведетъ къ этому изученію, а болѣе зрѣлая наука находитъ для себя богатую добычу въ фактахъ всякаго рода, хотя бы они казались куріозами; ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть названъ слишкомъ ничтожнымъ и слишкомъ отдаленнымъ, чтобы не быть годнымъ въ качествѣ матеріала, способнаго къ организаціи, чтобы не оказать гдѣ-либо и какъ-либо услуги или въ качествѣ предмета сравненія, или въ качествѣ опоры для обобщенія. Здѣсь обозначается болѣе широкая помощь, какую оказываетъ исторія изслѣдованію различныхъ видовъ человѣческой дѣятельности: она показываетъ не только ихъ зависимость отъ историческихъ условій, но и ихъ измѣнчивость; она знакомитъ насъ не только со средствами нашей дѣятельности и творчества, но показываетъ и аналогіи этого творчества въ чуждыхъ намъ сферахъ жизни. Она предлагаетъ эмпирическій матеріалъ, съ которымъ необходимо считаться всякій разъ при образованіи понятій и составленіи общихъ взглядовъ, и безъ разработки котораго эти понятія и взгляды не имѣли бы надлежащей широты и достовѣрности. Для теоріи воспитанія и образованія это примѣненіе историческаго матеріала тѣмъ важнѣе, что она вообще охотно суживаетъ свой кругозоръ и обнаруживаетъ склонность къ обобщеніямъ на слишкомъ узкой почвѣ. Мы легко поддаемся мысли, что мотивы, руководящіе нашею педагогическою дѣя-

Digitized by Google

тельностію, и средства, которыя служатъ этой дѣятельности, формы и матеріалы, въ которыхъ движется наша образовательная дѣятельность, даны въ самой природѣ предмета и не могли бы быть ничѣмъ инымъ безъ какого-либо поврежденія этой природы. Не малое число нашихъ сочиненій по вопросамъ воспитанія производятъ такое впечатлѣніе, какъ будто только нѣмецкій домъ, притомъ же только домъ протестантскій, можетъ скрывать въ себѣ жемчужину воспитанія, какъ будто наши школы обладаютъ монополіей духовнаго образованія, и съ ними не можетъ итти въ сравненіе то, что прежде и въ другихъ мѣстахъ дѣлалось и дѣлается съ этою цѣлію. Если же, припоминая простую старую пословицу, что за горою живутъ тоже люди, мы освобождаемся отъ этой узости взгляда, то опять обнаруживаемъ склонность слишкомъ быстро переходить къ общимъ мѣстамъ, вмѣстѣ съ особенностями опускать изъ виду и жизненныя черты и довольствоваться безцвѣтными и блѣдными опредѣленіями. Тому и другому виду оскудѣнія рефлексіи призвана помочь исторія, раскрывающая предъ нашими глазами множество явленій, которыя, различаясь по характеру и тенденціи, матеріалу и формѣ, различнымъ образомъ выражаютъ лежащее въ основѣ ихъ общечеловѣческое содержаніе и пріучаютъ насъ осторожно извлекать это содержаніе.

Такимъ образомъ исторія воспитанія и образованія стоитъ въ тѣсной внутренней связи съ раскрытіемъ сущности этихъ дѣятельностей: въ системѣ педагогики и дидактики изслѣдованія о происхожденіи и различныхъ формахъ явленій этой области не приложеніе или вставка, а основной элементъ; изученіе фактовъ и размышленіе, разработка эмпирико-историческаго матеріала и составленіе понятій, историческое и философское изслѣдованіе связаны между собою и только въ своемъ соединеніи ведутъ къ достиженію цѣли. И здѣсь опять это отношеніе между упомянутыми дисциплинами не представляетъ чего-либо особеннаго, а повторяется во всѣхъ нравственныхъ наукахъ, которыя всѣ вообще

Digitized by Google

суть науки исторической и философской природы вмѣстѣ. Для опредѣленія сущности права необходимо ознакомленіе съ тѣмъ, что считалось и считается правомъ, и безъ изученія историческихъ формъ права попытки вывести его изъ человѣческой природы, построить его изъ идеи, оказываются шаткими и сомнительными; только соединеніе исторической и раціональной точки зрѣнія разъясняетъ предметъ надлежащимъ образомъ. Простая спекуляція, какъ ни плодотворны были ея усилія, не въ состояніи была рѣшить и проблему красоты, но и историческія изслѣдованія о вкусѣ и художественности сами по себѣ не въ состояніи проникнуть въ эту проблему, и только тогда, когда эстетика и исторія искусства вводятся какъ бы въ одно русло, условія науки объ искусствѣ можно считать выполненными. Точно также и ученіе о нравственности опирается на взаимодѣйствіе двухъ упомянутыхъ элементовъ: оправдывая свое имя, оно должно быть ученіемъ о нравахъ, исторически измѣняющихся формахъ и нормахъ жизни, не поддаваясь, однако, непостоянному движенію эмпирическихъ фактовъ и не отказываясь отъ задачи отыскать въ человѣческой природѣ корни нравственной жизни, въ человѣческомъ назначеніи задачу нравственности. Объ этомъ ученіи, а равно и о всѣхъ дисциплинахъ, имѣющихъ своимъ предметомъ различные виды человѣческой дѣятельности, можно сказать то же самое, что прекрасно и удачно сказалъ о немъ Тренделенбургъ: „его принципъ — человѣческая сущность въ глубинѣ ея идеи и въ богатствѣ ея историческаго развитія; то и другое связано вмѣстѣ; одно историческое было бы слѣпымъ, а одно идеальное пустымъ; и дѣйствительный прогрессъ состоитъ въ томъ, что историческое стремится къ участію въ идеѣ, а идея къ связи съ исторіей“ [1]).

Зависимость нравственныхъ наукъ отъ исторіи, при надлежащемъ пониманіи, не затрогиваетъ ни спекуля-

---

[1]) Naturrecht auf dem Grunde der Ethik. 2 Aufl. 1868, стр. 45; ср. тамъ же, стр. 103.

Digitized by Google

тивнаго, ни нормативнаго ихъ характера: допуская историческій элементъ, онѣ вовсе не уклоняются отъ своей задачи: раскрывать не только то, что есть, но и то, что должно быть, освѣщать не только дѣйствительное, но и нормальное. Правда, сначала, когда историческая точка зрѣнія впервые примѣняется къ извѣстной области изслѣдованія, обнаруживается склонность погружаться въ богатыя и тонкія развѣтвленія наличныхъ фактовъ и оставлять въ сторонѣ вопросъ, какія цѣли и задачи скрываются въ этихъ фактахъ и какимъ образомъ новая точка зрѣнія на предметъ можетъ сдѣлаться плодотворной для нашей дѣятельности. Основатель исторической школы въ области права, привыкнувъ изслѣдовать органическое развитіе и ростъ права, его происхожденіе изъ безсознательной глубины, чувствуетъ себя мало заинтересованнымъ вопросомъ о законодательныхъ задачахъ настоящаго времени[1]); его великій ученикъ, создавшій историческую грамматику нѣмецкаго языка, изслѣдуя съ любовною преданностію „простѣйшіе и удивительнѣйшіе элементы языка, изъ которыхъ каждый оставилъ за собою необозримую древность до своей настоящей формы“, не только малодушно отклоняетъ приглашеніе составить законы для употребленія нѣмецкаго языка, но вообще видитъ въ измышленіи грамматическихъ правилъ убогое безсмысленное занятіе[2]). Въ противоположность безпокойной заботливости полицейскаго государства, которое любитъ заниматься фабрикаціей законовъ, нельзя не цѣнить опасеній Савиньи, боявшагося примѣнять къ потребностямъ дня свою науку, которая только что начала почерпать новую силу въ изученіи прошлаго. Такого же предпочтенія заслуживаетъ и нерасположеніе Гримма приспособить свои глубокія воззрѣнія на развитіе языка къ услугамъ техники рѣчи и письма въ сравненіи съ пошлою назойливостью дюжинныхъ грамматиковъ, учи-

---

[1]) Savigny, Vom Berufe unserer Zeit zur Gesetzgebung und Rechtswissenschaft 1814.

[2]) Jakob Grimm, „Deutsche Grammatik“, 1 Aufl. I. Vorrede.

Digitized by Google

телей и мастеровъ языка. И однако не слѣдуетъ останавливаться на этой сдержанности, — чтобы не сказать бѣгствѣ, — науки предъ лицомъ задачъ жизни. Юридическая наука не можетъ и не должна отказываться быть свѣточемъ для законодательства и юридической практики, потому что въ нихъ заключается проба ея принциповъ и методовъ; точно такъ же и грамматика не можетъ, забывъ свое старинное почетное имя: ars grammatica, отклонять отъ себя задачу служить руководствомъ для живой рѣчи; и она не имѣетъ права ограничиться подслушиваніемъ генія языка въ его прошлой дѣятельности: она должна также истолковать намеки, которые этотъ геній даетъ нашему собственному творчеству. Уклоненіе науки отъ цѣлей жизни не можетъ быть абсолютнымъ, въ сущности это даже не столько уклоненіе, сколько глубокомысленная остановка, какъ бы съ цѣлію прійти въ себя, остановка, за которою слѣдуетъ новое энергичное движеніе. Въ виду массы открывающихся фактовъ наукѣ иногда непріятно бываетъ говорить въ повелительномъ наклоненіи и она выдвигаетъ лишь изъявительную форму, но конечный пунктъ человѣческаго стремленія есть императивъ, императивъ категорическій, какъ назвалъ его Кантъ, и съ нимъ связана цѣлая система гипотетическихъ императивовъ, построеніе и изъясненіе которыхъ относится къ задачамъ науки.

Только въ этомъ смыслѣ требовали мы выше (стр. 31 и дал.), чтобы теорія воспитанія и образованія, отказавшись отъ погони за предписаніями и правилами, погрузилась въ изученіе дѣйствительности, признавъ въ ней нѣчто изумительное: въ такомъ связанномъ съ изумленіемъ изслѣдованіи и изученіи проблемы во всей ея широтѣ не должна ослабѣвать и нравственно-практическая тенденція, а самое изслѣдованіе должно только сдерживать суетливую и вмѣстѣ близорукую поспѣшность, которая хочетъ регулировать и регламентировать, ничего не видя и ничего не зная. Человѣческая дѣятельность, съ какою имѣютъ дѣло эти дисциплины, всегда удержи-

Digitized by Google

ваетъ характеръ рѣшенія задачъ и даже выполненія обязанности, и она слишкомъ тѣсно переплетается съ нашими высшими интересами, чтобы изслѣдованія этой дѣятельности получили и могли получить ту холодную объективность, съ какою мы изслѣдуемъ явленія природы. Изслѣдованіе истины и исканіе правды здѣсь совпадаютъ въ одно и то же. Вопросъ: что̀ такое воспитаніе, образованіе? имѣетъ то же значеніе, какъ и другой вопросъ: что̀ разумно въ этой дѣятельности? Какія идеи лежатъ въ ея основѣ и какія нормы вытекаютъ изъ этихъ идей? Слѣдовательно, въ концѣ концовъ онъ сводится къ вопросу: чѣмъ должно быть воспитаніе, образованіе? Изслѣдованіе, исходящее изъ этой послѣдней формулы, легко можетъ остановиться на томъ, что̀ оно видитъ вблизи и въ настоящемъ и, пожалуй, употребитъ слишкомъ малый масштабъ для построенія нормъ; наоборотъ, то изслѣдованіе, которое имѣетъ въ виду все богатство фактическихъ данныхъ или смотритъ на свой предметъ какъ бы съ высоты птичьяго полета, будетъ свободно отъ упомянутаго недостатка, не отказываясь однако вслѣдствіе этого отъ своего нормативнаго характера. Оно привлекаетъ на помощь исторію воспитанія и образованія, чтобы открыть въ этой исторіи разумъ, лежащій въ основѣ различныхъ фазъ, какія мы наблюдаемъ въ отношеніяхъ зрѣлаго поколѣнія къ подрастающему, чтобы раскрыть движущія идеи, присущія измѣняющимся образованіямъ, и не будетъ никакого скачка̀, никакой перемѣны въ точкѣ зрѣнія, когда историческая рефлексія перейдетъ въ нравственно-практическую: что разумно въ нашей настоящей дѣятельности? Какія идеи являются руководящею звѣздой настоящаго?

Впрочемъ, всегда будетъ оставаться нѣкоторое различіе между научнымъ изслѣдованіемъ въ указанномъ смыслѣ и техническимъ руководствомъ, и теоретическое, т.-е. историко-философское ученіе о воспитаніи и образованіи не совпадаетъ съ практическимъ; первое движется въ сферѣ общихъ понятій, второе считается съ частными условіями; первое раскрываетъ то, что истинно

Digitized by Google

и правильно, послѣднее взвѣшиваетъ данныя въ мѣстныхъ и современныхъ условіяхъ силы и средства къ осуществленію этого истиннаго и правильнаго, первое даетъ верхнія посылки, послѣднее — нижнія и выводитъ заключенія, руководящія дѣятельностію. Теорія стремится къ широтѣ горизонта и глубинѣ пониманія; сила практической науки заключается въ примѣнимости, опредѣленности, въ характерномъ единствѣ ея указаній, которыя должны давать и опорные пункты и просторъ для индивидуальнаго такта. Но теорія и практическая наука не разнородны, въ основѣ ихъ лежатъ не различные взгляды на предметъ, и въ этомъ отношеніи мы не можемъ согласиться съ Гербартомъ, который различаетъ теоретическую педагогику и педагогику практическую или ученіе объ искусствѣ воспитанія, утверждая, что послѣдняя принимаетъ за исходный пунктъ понятія о цѣляхъ, а первая имѣетъ въ виду только условія воспитанія (см. выше, стр. 42). Понятія о цѣляхъ не могутъ быть установлены безъ теоретическаго изслѣдованія и изученія фактовъ и потому не могутъ быть исходнымъ пунктомъ рефлексіи, а съ другой стороны условія какой бы то ни было дѣятельности нельзя изслѣдовать иначе, какъ исходя изъ этой самой дѣятельности, т.-е. съ помощію понятій о цѣляхъ; теорія и ученіе объ искусствѣ относятся между собою не такъ, какъ относятся другъ къ другу существующее и желательное, дѣйствительность и идеалъ, но какъ изслѣдованіе и руководство, а изслѣдованіе стремится постигнуть въ существующемъ и желательное, въ дѣйствительности идеалы.

Если разсмотрѣнное доселѣ отношеніе теоріи воспитанія и образованія къ исторической наукѣ то же самое, что и въ другихъ нравственныхъ наукахъ, то кромѣ этого отношенія существуетъ еще другое, которое составляетъ особенность теоріи воспитанія и образованія. Насколько дѣло воспитанія и образованія составляетъ одну изъ областей человѣческой дѣятельности, оно имѣетъ свою исторію, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно имѣетъ отношеніе къ исторіи вообще, такъ какъ связано съ процессомъ

Digitized by Google

обновленія соціальной жизни, которое является условіемъ всякаго историческаго движенія. Дѣятельность, направленная къ умственному и нравственному уподобленію юношества, работаетъ на исторію и посредствомъ исторіи; на исторію потому, что она въ своемъ мѣстѣ строитъ мостъ отъ настоящаго къ будущему, прибавляетъ къ цѣпи поколѣній новыя звенья; посредствомъ исторіи потому, что орудія, при помощи которыхъ она дѣйствуетъ, блага, которыя она передаетъ, союзы, которые она возобновляетъ, возникли путемъ предшествующаго развитія. Она въ одно и то же время и моторъ будущаго и конденсаторъ силъ прошлаго.

Въ этомъ двоякомъ отношеніи воспитанія къ исторіи вниманіе изслѣдователей обращала на себя преимущественно одна сторона, и на образованіе юношества особенно любили смотрѣть, какъ на рычагъ, которымъ можно повернуть будущее. Отъ введенія подрастающаго поколѣнія на новые пути Платонъ ожидалъ осуществленія своихъ соціальныхъ идеаловъ, и подобно ему — Руссо, Фихте. Базельскій епископъ Христофоръ фонъ Уттенгеймъ говорилъ, что реформу церкви слѣдуетъ начать съ дѣтей; изреченіе Лейбница: Si l'on réformait l'éducation, l'on réformerait le genre humain[1]), сдѣлалось общимъ мѣстомъ. Такихъ чрезмѣрныхъ надеждъ исторія не подтверждаетъ, наоборотъ, безпристрастное изученіе историческихъ переворотовъ способно научить педагогику скромности. Гдѣ совершаются крупныя движенія, тамъ всегда носителемъ ихъ является зрѣлое поколѣніе, и вновь возникающіе принципы преобразуютъ сначала жизнь, а потомъ уже юношеское образованіе: евангеліе проповѣдывалось мужамъ и женамъ, и только въ христіанскомъ обществѣ развилось христіанское обученіе дѣтей; гуманизмъ распространился въ кругахъ ученыхъ, художниковъ, свѣтскихъ людей прежде, чѣмъ овладѣлъ школами; религіозныя движенія XVI вѣка, тамъ, гдѣ они утвердились, внесли перемѣны сначала

[1]) Реформируйте воспитаніе, и вы реформируете родъ человѣческій.

Digitized by Google

въ церковь и общество, а потомъ въ мѣста юношескаго образованія. Мало того, всемірно-историческія измѣненія совершаются не только не въ силу воспитанія, но наперекоръ ему: первые христіане получили іудейское или языческое воспитаніе, гуманисты — схоластическое, реформаторы — католическое. Силы жизни оказываются могущественнѣе юношескихъ впечатлѣній, преобразующая сила настоящаго перевѣшиваетъ ту силу, которая уподобляетъ потомство типамъ прошлаго. Но и въ болѣе спокойныхъ сферахъ, въ болѣе постоянномъ историческомъ процессѣ, какимъ является подъемъ, достиженіе кульминаціоннаго пункта и паденіе искусствъ, литературы и наукъ, вліяніе юношескаго образованія на развитіе, вопреки ожиданію, оказывается незначительнымъ. Великіе мастера поднимаются до своей высоты на почвѣ сравнительно недостаточныхъ образовательныхъ средствъ и бѣдныхъ впечатлѣній; потомки остаются мелкими, вырастая среди полноты совершенныхъ образцовъ; когда въ духовномъ мірѣ начинается весна, отовсюду вырастаютъ таланты, умѣющіе доставать себѣ пищу изъ скудной почвы; а когда поле во всю ширь насытится питательнымъ веществомъ, развиваются осеннія чувства, ослабляющія стремленіе къ творчеству.

И однако вслѣдствіе отмѣченныхъ причинъ воспитаніе не перестаетъ еще быть исторической силой, хотя вліянія этой силы, повидимому, и уничтожаются болѣе могущественными двигателями; въ дѣйствительности эти вліянія продолжаютъ существовать и преобразуютъ дѣйствія упомянутыхъ двигателей, то концентрируя, то распространяя эти дѣйствія. Люди реформы неизбѣжно опирались на старую систему, и юношескія впечатлѣнія ихъ всегда такъ или иначе вліяли на ихъ дѣятельность то въ качествѣ безсознательныхъ и не поддающихся контролю побочныхъ мотивовъ, то хотя бы только въ качествѣ исходнаго пункта для движенія въ противоположномъ направленіи. Такимъ образомъ воспитаніе остается вліятельнымъ факторомъ даже въ поколѣніи, которое является носителемъ историческаго прогресса:

Digitized by Google

со всею же силою дѣйствіе воспитанія обнаруживается тогда, когда нужно ввести новые принципы въ жизненное содержаніе людей на долгое время, такъ какъ для этого требуется пропитать ими цѣлый рядъ поколѣній. Проба этихъ принциповъ и состоитъ въ обнаруженіи того, достаточно ли они сильны, чтобы направить на свой путь образованіе юношества; побѣда остается за ними, когда они въ состояніи сдѣлать это, наоборотъ они спускаются до значенія простыхъ эпизодовъ, когда они слишкомъ слабы, чтобы опредѣлять собою ассимиляцію потомства. Непосредственное вліяніе воспитанія на пробужденіе и ослабленіе художественныхъ и родственныхъ имъ стремленій было, правда, не велико, но вліяніе непрямое было значительно; упадку не можетъ помѣшать никакое дидактическое искусство; но обученіе можетъ сдѣлать плоды творчества общимъ благомъ, облагородить вкусъ въ широкихъ кругахъ, вызвать таланты изъ уединенія и такимъ образомъ иногда задолго подготовить новую эпоху процвѣтанія.

Эти и подобныя соображенія, которыя можно развить далеко подробнѣе, показываютъ, чѣмъ обязана въ этомъ направленіи теорія воспитанія и образованія прагматической исторіи: исторія даетъ ей вѣрный масштабъ для оцѣнки дѣла уподобленія юношества, устраняя, съ одной стороны, чрезмѣрныя надежды, а съ другой стороны — скептическую низкую оцѣнку значенія этого дѣла.

Другая сторона въ двоякомъ отношеніи между воспитаніемъ и исторіей, зависимость воспитанія отъ исторіи — такъ же, какъ и вышеуказанная, не ускользнула отъ вниманія древнихъ временъ, но тогда о ней размышляли тѣмъ менѣе, чѣмъ болѣе педагогическая практика имѣла историческій характеръ. Только новѣйшая педагогика въ своемъ стремленіи возвыситься надъ индивидуализмомъ съ его неисторическимъ пониманіемъ подвергла этотъ моментъ изслѣдованію. Воспитаніе работаетъ при помощи силъ исторіи, насколько оно дѣлаетъ развивающагося человѣка человѣкомъ историческимъ,

Digitized by Google

быстрымъ взмахомъ поднимаетъ его на высоту настоящаго и въ извѣстномъ смыслѣ заставляетъ человѣка въ короткіе годы юношеской воспріимчивости пройти тотъ путь, какой родъ человѣческій прошелъ въ теченіе тысячелѣтій съ громадными усиліями и борьбой. Не мало удовольствія могъ бы испытать тотъ, кто взялъ бы на себя трудъ изслѣдовать эту мысль, болѣе опредѣленно раскрыть аналогію между индивидуальнымъ и родовымъ развитіемъ и установить, какія указанія могло бы дать послѣднее (родовое развитіе) дѣлу воспитанія. Песталоцци охотно занимался этими изслѣдованіями, не имѣя однако возможности воспользоваться ими для своей системы; вліяніе ихъ мы видимъ у Гербарта, когда на основаніи сродства между годами ранняго отрочества и героическою эпохою греческой исторіи онъ указываетъ для этихъ лѣтъ, въ качествѣ учебнаго матеріала и жизненнаго элемента, Одиссею, отсюда, въ параллель съ пробуждающимся эмпирическимъ и симпатическимъ интересомъ воспитанника, переходитъ къ наивному историческому повѣствованію Геродота и къ блещущему красками міру расцвѣта грековъ, а затѣмъ, соотвѣтственно болѣе серіознымъ движеніямъ созрѣвающаго юноши, заставляетъ его принять участіе въ борьбѣ за государственное устройство въ римской исторіи [1]). Новую точку зрѣнія внесла въ этотъ вопросъ современная теорія эволюціи; по этой теоріи человѣческій эмбріонъ послѣдовательно проходитъ типы животнаго царства, чтобы дойти до человѣческой формы, какъ высшаго пункта въ развитіи этого царства, а отсюда недалеко было до аналогичнаго представленія, что юношеское развитіе проходитъ историческіе типы, завершающіеся типомъ настоящаго времени, такъ что, напр., пришлось бы признать вполнѣ естественнымъ явленіе, что наши дѣти проходятъ древность, какъ періодъ юношескаго наслажденія красотой, и получилось бы неорганическое искривленіе пути, если бы, обойдя эту

---

[1]) Pädagogische Schriften I, 293. Anm. 22; дал. стр. 441, 577, 598.

Digitized by Google

фазу, мы слишкомъ рано начали образованіе реальное[1]). Примѣняя разсматриваемый принципъ къ методикѣ обученія, мы получаемъ требованіе построеннаго въ крупномъ стилѣ генетическаго пріема, когда при передачѣ какого-либо духовнаго матеріала преподаватель держится тѣхъ крупныхъ фазъ, какія прошло раскрытіе этого матеріала: т.-е. знакомитъ, напр., учащихся прежде всего съ гомеровской фигурой земли, затѣмъ дѣлаетъ ихъ учениками Птоломея и потомъ учениками Коперника; сначала вмѣстѣ съ предшественниками Пиѳагора сравниваетъ квадраты, построенные на сторонахъ опредѣленныхъ треугольниковъ, потомъ вмѣстѣ съ самимъ Пиѳагоромъ доказываетъ общее положеніе; прежде вмѣстѣ съ наивнымъ естествознаніемъ разсматриваетъ природу съ точки зрѣнія человѣческихъ цѣлей, а потомъ возвышается до безусловной точки зрѣнія, принятой болѣе развитою наукою, и т. д.

Импульсы, какіе даетъ педагогической рефлексіи это соединеніе ея съ рефлексіею исторической, въ высшей степени плодотворны, если избѣгать черезчуръ поспѣшныхъ заключеній и рядомъ съ аналогіей надлежащимъ образомъ цѣнить глубокія различія между развитіемъ рода человѣческаго и развитіемъ индивидуума. Путь, которымъ мы ведемъ юношество, не такъ тѣсно связанъ съ путями, пройденными человѣчествомъ, чтобы его не опредѣляли существеннымъ образомъ цѣли и сужденія самихъ воспитателей; пусть воспитаніе есть сокращенное повтореніе всемірной исторіи: самое сокращеніе мы производимъ въ духѣ опредѣленныхъ идеаловъ, которые наполняютъ насъ. Крупный шрифтъ, которымъ написанъ ходъ развитія рода, недостаточенъ для того, чтобы изъяснить мелкій шрифтъ индивидуальнаго развитія, потому что самъ нуждается въ изъясненіи. Философское изслѣдованіе исторіи, которое пробуетъ дать это изъясненіе, необходимо должно опираться на нѣкото-

[1]) Lilienfeld, Gedanken über die Socialwissenschaft der Zukunft, 1873. I, 274.

Digitized by Google

рыя основныя воззрѣнія религіознаго и нравственнаго характера, и въ этомъ отношеніи оно занимаетъ лишь одинаковое положеніе съ педагогикой, о которой можно сказать то же самое, но не можетъ считаться ея источникомъ. Между тѣмъ натуралистическій взглядъ съ его скороспѣлою готовностью приписывать природѣ произведенія свободы можетъ, правда, бросать поразительные лучи свѣта на предметъ, но и здѣсь оказывается не призваннымъ постигнуть его въ самой глубинѣ.

IV.

Предыдущими изслѣдованіями мы старались намѣтить руководящія линіи, слѣдуя которымъ теорія воспитанія и образованія могла бы получить научную форму и занять подобающее мѣсто рядомъ съ болѣе древними родственными науками, имѣющими дѣло съ другими сферами человѣческой дѣятельности. Все, что мы говорили до сихъ поръ, почти всюду относилось одинаково и къ педагогикѣ и къ дидактикѣ, и такимъ образомъ мы вышли изъ предѣловъ своей настоящей задачи, такъ какъ въ планѣ этого произведенія заключается только изложеніе дидактики, а обработкой педагогики мы предполагаемъ заняться особо впослѣдствіи. Это раздѣленіе двухъ поименованныхъ дисциплинъ нуждается въ особомъ обсужденіи не только потому, что отношеніе между ними, на которомъ основывается упомянутое раздѣленіе, выше еще не подвергнуто было спеціальному изслѣдованію, но еще и потому, что въ различныхъ мнѣніяхъ по этому вопросу обнаруживаются поучительныя противоположности, которыя могутъ освѣтить установленные нами принципы съ другой стороны.

Вообще можно сказать, что гдѣ не достигнуто правильное соединеніе соціальнаго и индивидуальнаго взгляда на воспитаніе и образованіе, одна изъ этихъ двухъ областей также подвергается сокращеніямъ и искаженіямъ. Разъ преобладаетъ интересъ къ коллективной формѣ ассимиляціи юношества, возникаетъ склонность

Digitized by Google

ставить на первое мѣсто образованіе, которое представляетъ нашему взору болѣе устойчивыя и осязательныя формы организованной работы, воспитаніе же понимается, какъ восполненіе образованія, и такимъ образомъ педагогика трактуется, какъ приложеніе къ дидактикѣ. Если, наоборотъ, исходнымъ пунктомъ разсужденій является индивидуумъ, и воспитаніе понимается, какъ внутреннее развитіе его по формулированному такъ или иначе идеалу, то возникаетъ опасность, что не будутъ освѣщены надлежащимъ образомъ широта и многосложность образовательной дѣятельности, и дидактика, введенная въ составъ педагогики, получитъ слишкомъ узкую постановку.

Первую изъ этихъ односторонностей мы встрѣчаемъ въ XVII вѣкѣ, которому мы вообще обязаны идеей дидактики или, какъ онѣ мечили тогда это слово, идеею Lehrkunst[1]) (преподавательскаго искусства).

Что̀ побуждало тогдашнихъ реформаторовъ школьнаго дѣла дать своимъ предпріятіямъ особое новое имя, это былъ не только духъ времени, вообще склоннаго къ громкимъ титуламъ, но и то обстоятельство, что представители этой эпохи, проникнутые болѣе широкими по сравненію съ предшествующимъ временемъ стремленіями, хотѣли обнять дѣло образованія въ его цѣломъ. А въ этомъ цѣломъ, какъ показываетъ систематическое изложеніе упомянутыхъ идей у Коменскаго, заключалось и воспитаніе. Понятіе обученія расши-

---

[1]) Это имя ввелъ, по всей вѣроятности, Вольфгангъ Ратке, который далъ себѣ титулъ didacticus; во всякомъ случаѣ имя это сдѣлалось общеупотребительнымъ благодаря дебатамъ, которые вызвала школьная реформа Ратке; оно представляетъ сокращеніе термина Methodus didactica, который употребляется на ряду съ терминомъ дидактика. Коменскій также говоритъ о Pantodidactica или Pammethodica; одно изъ произведеній Варѳоломея Бекка (Лейпцигъ 1625) носитъ заглавіе Rhadiomathia; Эдмундъ Рихеръ, французскій теологъ, называетъ свою дидактику (Парижъ 1600) именемъ Obstetrix animorum (Повитуха душъ). Въ то же самое время возникли имена: мнемоника, циклопедія или энциклопедія, полиматія, полистория, пансофія, которыми обозначались всѣ вообще предпріятія и стремленія, связанныя съ дидактическими. Однако и термины антропологія и психологія получили свое происхожденіе въ вѣкъ полиматическаго реализма, ср. R. Eucken, Geschichte der philosophischen Terminologie, Leipzig 1879, стр. 75.

Digitized by Google

ряется у него до такой степени, что обнимаетъ собою и упражненіе въ добродѣтели, и нравственное образованіе, и руководство къ благочестію [1]); оно вдвигается даже въ сферу домашнихъ материнскихъ вліяній [2]); въ качествѣ одного изъ условій ученья въ дидактику включается и попеченіе о физическомъ благосостояніи [3]), такъ что дидактика представляетъ вмѣстѣ и педагогику, въ которой, конечно, специфическій характеръ воспитательной дѣятельности совсѣмъ исчезаетъ.

Въ болѣе крупномъ масштабѣ та же самая ошибка повторяется въ теоріяхъ государственнаго права, насколько послѣднія въ своемъ изложеніи касаются этихъ матерій. Главнымъ дѣломъ является въ нихъ образованіе; воспитаніе или включается въ образованіе, или расплывается въ общихъ мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ дисциплинированію и нравственному облагороженію членовъ государства. Послѣднее, между прочимъ, встрѣчаемъ мы у Роберта фонъ Моола; первое у Лоренца фонъ Штейна, который въ этомъ пунктѣ не свободенъ отъ неясности, забывая установить различіе между нравственнымъ облагороженіемъ и образованіемъ, между нравственною и умственною ассимиляціей и указать педагогикѣ особое поле дѣятельности. То, что̀ Штейнъ называетъ педагогикой — ученіе о пріобрѣтеніи образованія, какъ оно совершается индивидуумомъ, — есть въ сущности дидактика или, точнѣе, часть дидактики, посвященная индивидууму. Проектируемая Штейномъ наука объ образованіи, конечно, представляла бы изъ себя полную дидактику, но какъ относится она къ наукѣ о воспитаніи, это остается у него невыясненнымъ.

Какія затрудненія, съ другой стороны, ведетъ за собою опредѣленіе отношенія между теоріей воспитанія и теоріей образованія при индивидуалистическомъ пониманіи этихъ наукъ, это всего яснѣе можно видѣть изъ постановки этихъ наукъ у Гербарта. Педагогика запи-

---

[1]) Великая дидактика IV, 6, XXIII и дал.
[2]) Тамъ же XXVIII.
[3]) Тамъ же XIV, 4 и XV.

Digitized by Google

маетъ у него господствующее положеніе; дидактика является частью ея, занимая мѣсто рядомъ съ ученіемъ объ управленіи и дисциплинѣ. Гносеологическій принципъ ея заключается въ понятіи о многостороннемъ интересѣ, которое выводится изъ идеи добродѣтели. Предметъ дидактики — исключительно воспитывающее обученіе, т.-е. такое, которое образуетъ индивидуума соотвѣтственно идеалу добродѣтели. Къ цѣлямъ и мотивамъ, которые лежатъ за предѣлами индивидуума, педагогика, а слѣдовательно и ея дидактическая часть, не имѣютъ никакого отношенія; такъ Гербартъ называетъ соціальныя основанія для изученія классическихъ языковъ — подготовку правящихъ классовъ общества, охрану древнихъ памятниковъ науки и искусства и т. д. — „столь же мало педагогичными, какъ обычай жестоко пороть кучку мальчиковъ около вновь поставленныхъ пограничныхъ камней, чтобы они точно замѣтили границы и ихъ обозначеніе“ [1]). „Все, что̀ изучается ради выгоды или успѣха или по прихоти, при чемъ вовсе не ставится вопросъ о томъ, становится ли отъ этого человѣкъ лучше или хуже“, все это относится къ категоріи преподаванія не педагогическаго, и потому не есть предметъ дидактики, какъ и тѣ пріемы обученія, въ которыхъ заботятся только о томъ, чтобы все шло tuto, cito, jucunde (ровно, живо и весело) [2]). Соотвѣтственно этому даже школьное дѣло не относится къ вопросамъ дидактики; Гербартъ называетъ это дѣло „сложнымъ и труднымъ предметомъ, который не только зависитъ отъ педагогическихъ принциповъ, но имѣетъ цѣлію и поддержаніе ученаго знанія, распространеніе полезныхъ свѣдѣній и развитіе необходимыхъ искусствъ“ [3]). Въ послѣднемъ отношеніи дѣло образованія относится у него къ практической философіи и именно къ ученію о „системѣ культуры“, которая вмѣстѣ съ юридическимъ обществомъ, системою наградъ, правительствен-

---

[1]) Päd. Schr. II, 470.
[2]) Päd. Schr. II 531. (Umriss päd. Vorl. § 57).
[3]) Päd. Schr. II, 666 (Umriss § 338).

Digitized by Google

ною системой, одушевленнымъ обществомъ, является членомъ въ ряду „общественныхъ идей“ и имѣетъ своимъ содержаніемъ проявленіе разнообразныхъ силъ ради самого проявленія [1]).

При безпристрастномъ изслѣдованіи несостоятельность этихъ опредѣленій не можетъ остаться незамѣченной: они слишкомъ суживаютъ кругъ дидактики, разсматривая преподаваніе только съ одной стороны и не обнимая образовательной дѣятельности въ ея цѣломъ. Между тѣмъ выдѣлять изъ сферы этой дѣятельности преподаваніе, направленное къ развитію добродѣтели, невозможно, не разрывая всюду нитей, соединяющихъ тѣсно связанныя между собою явленія. Цѣль сдѣлать юношество посредствомъ учебныхъ занятій и упражненій нравственнымъ, добродѣтельнымъ, не отрицается ни въ одной изъ историческихъ формъ образованія, но она нигдѣ не является единственною; на ряду съ нею выдвигается такъ или иначе выраженное намѣреніе дать юношеству знанія и умѣнья, сдѣлать его способнымъ или подготовить къ функціямъ болѣе общей или болѣе частной природы, вооружить ихъ на жизненный ли путь вообще, или на спеціальныя дороги, и со всѣми этими субъективными цѣлями связана объективная, безличная цѣль: путемъ преподаванія и ученія сохранить цѣнный матеріалъ для послѣдующаго времени, заставить юношество служить дѣлу распространенія духовныхъ благъ. Противопоставлять этой цѣли цѣль образованія къ добродѣтели, какъ нравственную *κατ' ἐξοχήν* (по преимуществу) и трактовать вышеупомянутыя цѣли, какъ мотивы иного рода, невозможно; потому что сдѣлать человѣка способнымъ къ извѣстнымъ функціямъ и такимъ образомъ ввести его въ извѣстный трудъ, это — тоже нравственное дѣло, и такимъ же дѣломъ является сохраненіе духовнаго наслѣдія предковъ путемъ передачи слѣдующимъ поколѣніямъ. Несмотря на возвышенную нравственную тенденцію Гербарта, выражающуюся въ при-

[1]) Gesammelte Werke herausgegeben von Hartenstein VIII, 96, IX, 424. Päd. Schr. II, 34.

Digitized by Google

мѣненіи понятія о добродѣтели, у него такимъ образомъ не отдается должное нравственной задачѣ образованія во всей ея широтѣ, не говоря уже о разнообразныхъ сочетаніяхъ образованія, какія обнаруживаются въ жизни и исторіи. Равнымъ образомъ и матеріалы преподавательской дѣятельности нельзя раздѣлить на такіе, которые служатъ добродѣтели, и такіе, которые служатъ внѣшнимъ цѣлямъ: всѣмъ школьнымъ занятіямъ и упражненіямъ можно дать нравственное направленіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ они имѣютъ извѣстное отношеніе къ какимъ-либо внѣшнимъ обстоятельствамъ и условіямъ.

Такимъ образомъ самый предметъ всюду выступаетъ за указываемые ему слишкомъ узкіе предѣлы; но даже, если мы расширимъ понятіе воспитанія за предѣлы индивидуально-личнаго отношенія, которымъ ограничиваетъ это понятіе Гербартъ, то оно все же будетъ не достаточно широко, чтобы вполнѣ обнять предметъ дидактики. Съ точки зрѣнія нравственной ассимиляціи юношества процессъ образованія и связанную съ нимъ организацію нельзя обозрѣть полностію, — обстоятельство, которое побудило и Гербарта искать для этого процесса и этой организаціи особаго мѣста въ системѣ культуры. Но онъ забываетъ дать этой системѣ культуры руководящее значеніе для дидактики и сопоставить тѣ коллективныя образованія, которыя разсматриваются въ упомянутой системѣ культуры, съ дѣятельностями и процессами, которыми занимается теорія преподаванія. Если бы онъ дошелъ до этого — а въ попыткахъ къ этому не было у него недостатка [1]) — то теорія преподаванія нашла бы точку опоры внѣ педагогики, и ясно обозначилась бы проблема дидактики въ ея цѣломъ: процессъ образованія съ его соціальной и индивидуальной стороны.

Въ противоположность индивидуальной морали, этическія воззрѣнія Шлейермахера направлены къ возстановленію правъ, принадлежащихъ крупнымъ организмамъ

[1]) Особенно въ статьѣ „Искусство воспитанія“ въ Философской Энциклопедіи. Педаг. соч. II, 452 и дал.

Digitized by Google

нравственнаго міра, и у него мы встрѣчаемся съ такими опредѣленіями понятія о теоріи воспитанія и образованія, которыя заслуживаютъ вниманія. Педагогика, по его мнѣнію, есть одна изъ „техническихъ дисциплинъ“, которыя вытекаютъ изъ этики. Она занимается вопросомъ: „чего хочетъ старое поколѣніе для молодого? насколько соотвѣтствуетъ его дѣятельность этой цѣли, а результатъ — дѣятельности?“ Она стоитъ на ряду съ политикой и переходитъ въ послѣднюю, потому что и въ педагогику входитъ проблема, какимъ образомъ государство можетъ продолжать свое существованіе и развитіе при смѣнѣ поколѣній. Но такъ какъ къ области нравственныхъ задачъ относится и продолженіе общественной жизни въ церкви, то воспитаніе вступаетъ въ связь и съ церковью, а педагогика — съ ученіемъ о религіозномъ обществѣ, въ той формѣ, въ какой это ученіе составляетъ часть этики [1]). Для дидактики точку опоры даетъ третій нравственный организмъ: общество знанія и языка. Это общество основывается на интеллектуальномъ взаимодѣйствіи между индивидуальнымъ и общественнымъ сознаніемъ. Основнымъ отношеніемъ въ этомъ обществѣ является отношеніе преподаванія и ученія, состоящее въ передачѣ идей отъ одного личнаго сознанія другому; нравственный процессъ въ этой области совершается въ формѣ взаимодѣйствія между изобрѣтеніемъ и сообщеніемъ, между возвышеніемъ таланта и общимъ интеллектуальнымъ достояніемъ. Носителемъ этой дѣятельности является школа въ самомъ широкомъ значеніи этого слова, обнимающая школу въ собственномъ смыслѣ, университетъ и академію наукъ. Она создаетъ знаніе индивидуума и знаніе цѣлаго народа, т.-е. индивидуальность и національность [2]).

Дисциплина, которая имѣетъ своимъ предметомъ организацію этого нравственнаго общества, и есть дидактика,

---

[1]) Erziehungslehre, herausgegeben von Platz, 1846, стр. 7, 12 и дал.
[2]) Entwurf eines Systems der Sittenlehre herausgegeben von Schweizer. 1835, § 179.

Digitized by Google

„которая“, какъ замѣчаетъ Шлейермахеръ, „заслуживаетъ разработки въ болѣе широкомъ смыслѣ и болѣе серіозномъ стилѣ и должна разсмотрѣть всѣ формы сообщенія, не опуская при этомъ изъ виду и національныхъ особенностей“ [1]).

Шлейермахеръ разработалъ только теорію воспитанія; впрочемъ, въ извѣстныхъ чтеніяхъ о воспитаніи онъ даетъ воспитанію еще болѣе широкое основаніе, чѣмъ въ только что приведенныхъ методологическихъ изслѣдованіяхъ, такъ какъ онъ ставитъ воспитаніе въ извѣстную связь не только съ государствомъ и церковью, но и съ обществомъ языка и обществомъ нравовъ — четвертою нравственною областію въ шлейермахеровской системѣ морали, — т.-е. со всею совокупностью различныхъ видовъ разумной дѣятельности [2]). Дидактики онъ не составилъ, потому ли, что нашелъ эмпирико-историческій матеріалъ ея слишкомъ мало разработаннымъ, чтобы ее можно было составить по такому широкому плану, или потому, что онъ самъ не довѣрялъ гибкости своихъ нравственныхъ категорій, которыя онъ насильственнымъ образомъ выводитъ изъ метафизическихъ.

Дидактика, составленная въ духѣ Шлейермахера, не страдала бы недостаткомъ широты горизонта, наоборотъ, пришлось бы опасаться, что ея задачи не будутъ имѣть необходимыхъ границъ, а потому и опредѣленности. Какъ ученіе о сообщеніи, она простиралась бы на весь кругъ явленій, какой представляютъ намъ ученіе и преподаваніе во всей ихъ широтѣ, преданіе, духовный обмѣнъ, циркуляція идей; она обнимала бы и науку о языкѣ, какъ о важнѣйшемъ средствѣ сообщенія, и даже дисциплины, трактующія о произведеніяхъ словеснаго искусства: реторику, піитику, теорію словесности, и такъ какъ предметомъ ея являются не только мѣста преподаванія, но и самые питомники наукъ, то она

[1]) Entwurf eines Systems der Sittenlehre herausgegeben von Schweizer 1835, § 282.

[2]) Erziehungslehre, стр. 40, 108, 607.

Digitized by Google

расширяется отъ теоріи передачи идей до теоріи разработки идей, т.-е. до ученія о наукѣ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова.

Несмотря на эти сомнѣнія, положенія Шлейермахера весьма интересны и плодотворны. Хотя и не окончательно, они отдѣляютъ дидактику отъ педагогики, указывая для той и другой науки особые исходные пункты, и такимъ образомъ дѣлаютъ ихъ самостоятельными; въ отношеніи къ педагогикѣ они заключаютъ въ существѣ дѣла правильныя соображенія, но и недостатки ихъ относительно дидактики заключаются болѣе въ неопредѣленности и вмѣстѣ безжизненности руководящихъ понятій, чѣмъ въ томъ, что въ нихъ опущены изъ виду существенныя стороны дѣла.

Отношеніе между педагогикой и дидактикой опредѣляется тѣмъ отношеніемъ, въ какомъ стоятъ другъ къ другу предметы этихъ наукъ: два великія явленія нравственнаго міра, которыя мы называемъ воспитаніемъ и образованіемъ. Хотя оба эти явленія принадлежатъ къ одной и той же сферѣ: совокупности тѣхъ средствъ, которыя служатъ жизненному обновленію соціальнаго организма, но въ предѣлахъ этой сферы они представляютъ особыя и притомъ равноправныя области. Область воспитанія не провинція и еще менѣе придатокъ къ области образованія: задача самоотверженнаго попеченія о развивающейся нравственной жизни имѣетъ свой особый характеръ, свои особые мотивы, цѣли, средства, учрежденія сравнительно съ задачею сдѣлать извѣстныя интеллектуальныя блага общимъ достояніемъ, оплодотворяющимъ духовную жизнь человѣка. Но и наоборотъ, образованіе не есть простое средство для воспитательныхъ цѣлей: дѣло образованія и служащая ему коллективная дѣятельность создаютъ для себя организмъ, который нельзя понять исключительно съ точки зрѣнія нравственной ассимиляціи потомства.

Если бы требовалось только описаніе и опредѣленіе мѣста той и другой области въ картинѣ всей жизни народа или во всей совокупности культурныхъ стре-

Digitized by Google

мленій извѣстной эпохи, то несомнѣнно оказалось бы, что каждая изъ нихъ занимаетъ особое положеніе. Описаніе того, какъ народъ воспитываетъ свое потомство, всего удобнѣе можно сдѣлать въ связи съ изображеніемъ его политическаго и соціальнаго устройства, его общественныхъ и домашнихъ нравовъ, его воззрѣній на Бога и міръ вообще; наоборотъ, что̀ считается въ народѣ образованіемъ, какія духовныя блага находятся у него въ общемъ употребленіи, какія считаются образовательною цѣнностью и какія учрежденія служатъ возникающимъ отсюда потребностямъ, — обо всемъ этомъ наиболѣе умѣстно трактовать тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о его интелектуальныхъ интересахъ, о его литературѣ и наукѣ, поэзіи и искусствѣ. Эта разница сказывается еще яснѣе при историческомъ изслѣдованіи обѣихъ областей. Исторіи воспитанія всюду приходится держаться рядомъ съ исторіей цивилизаціи, нравовъ, соціальныхъ учрежденій; методъ изслѣдованія въ ней по преимуществу національно-психологическій, такъ какъ она должна показать, какъ забота о потомствѣ опредѣляется духомъ національности и времени. Наоборотъ, основою исторіи образованія является прежде всего исторія интелектуально-эстетической жизни, особенно исторія такъ называемой изящной литературы, въ которой всего ближе сказывается уровень интеллектуально-эстетическаго развитія; какъ исторія учебниковъ, образовательныхъ сочиненій, энциклопедій, исторія образованія превращается даже въ исторію литературы; какъ исторія учебныхъ методовъ, она стоитъ въ связи съ исторіей наукъ; только тамъ, гдѣ она слѣдитъ за образовательными учрежденіями, особенно за школьнымъ дѣломъ, она примыкаетъ къ исторіи соціально-политическаго развитія. Правда, и она должна держаться національно-психологической точки зрѣнія, изслѣдуя связь между характеромъ націи и эпохи и образовательными идеалами и стремленіями; но вмѣстѣ съ тѣмъ на ней лежитъ обязанность прослѣдить тотъ часто столь удивительный процессъ наслѣдственной передачи, въ силу котораго

Digitized by Google

образовательные элементы переходятъ отъ одного народа къ другому, отъ одной эпохи къ другой, суммируются, соединяются все въ новыя и новыя сочетанія, — процессъ, для котораго въ области воспитанія нѣтъ столь же ясно выраженныхъ соотвѣтствующихъ явленій.

Это раздѣленіе воспитанія и образованія совершается какъ бы само собою, когда мы описываемъ или составляемъ исторію ихъ. Но уничтожать его въ философскомъ изслѣдованіи воспитанія и образованія тѣмъ менѣе основаній, чѣмъ болѣе пользы философское изслѣдованіе можетъ извлечь изъ описательнаго и историческаго. Однако и индивидуальныя проблемы педагогики и дидактики оказываются различными въ томъ отношеніи, что понуждаютъ изслѣдователя избирать отдѣльные исходные пункты. Правда, та и другая дисциплина одинаково направляютъ насъ къ психологіи и притомъ, съ одной стороны, къ психологіи, какъ ученію о феноменахъ сознанія, а съ другой стороны, къ тому, доселѣ ожидающему еще подробнаго раскрытія, ученію о человѣческихъ типахъ, которое называли то именемъ этологіи (Джонъ Стюартъ Милль), то именемъ характерологіи (Банзенъ), то разсматривали какъ часть антропологіи; но однѣ части этихъ наукъ служатъ опорою педагогики, другія — дидактики. Педагогика обращается къ ученію о стремленіяхъ и чувствованіяхъ, равно какъ къ ученію о нравственныхъ типахъ или характерахъ; наоборотъ, дидактика — къ ученію о познавательной дѣятельности и къ изслѣдованіямъ объ интеллектуальныхъ типахъ: талантахъ, „умахъ“. Первая заботится о томъ, чтобы психологически обозрѣть кругъ интересовъ, опредѣлить ихъ источники, понять ихъ индивидуальныя несходства и причины этихъ несходствъ; послѣдняя имѣетъ дѣло съ умственнымъ кругозоромъ, съ психологическими дѣятельностями, которыми онъ создается, съ задатками и духовными направленіями, которые сообщаютъ ему индивидуальную форму.

И къ этикѣ та и другая дисциплина стоятъ въ различномъ отношеніи: педагогика въ болѣе близкомъ,

Digitized by Google

дидактика — въ болѣе отдаленномъ. Та и другая наука имѣютъ дѣло съ оцѣнкою явленій, съ мотивами, задачами, благами, какъ элементами нравственной личности; но педагогика должна прослѣдить развитіе нравственной личности во всѣхъ его основахъ и отношеніяхъ; далѣе она должна объяснить одно изъ существенныхъ условій сохраненія и, не прямымъ путемъ, — самаго появленія всѣхъ идеальныхъ благъ и освѣтить дѣятельность, которая носитъ характеръ исполненія долга, тогда какъ дидактика можетъ ограничиться лишь указаніемъ на нравственныя задачи нашей жизни, какъ на завершеніе и какъ бы предѣлъ тѣхъ духовныхъ стремленій, которыми она занимается. Зато дидактика стоитъ въ связи съ другими философскими науками, которыя лежатъ вдали отъ педагогики: съ логикою, какъ методологіею мышленія, и съ гносеологіей или теоріей познанія, какъ ученіемъ о выработкѣ духовнаго матеріала — связь, которая въ настоящее время является болѣе желательною, чѣмъ дѣйствительно установленною.

Но противъ возвышенія дидактики на степень особой, отдѣльной отъ другихъ области изслѣдованія выставляются еще другія и болѣе важныя сомнѣнія, кромѣ разсмотрѣнныхъ уже верховныхъ правъ педагогики, сомнѣнія, которыя касаются не столько самостоятельности теоріи образованія, сколько возможности разработки ея однимъ лицомъ.

Одно изъ существенныхъ свойствъ образованія заключается въ томъ, что оно почерпаетъ свой матеріалъ изъ различныхъ областей знанія и умѣнія. Въ своихъ болѣе развитыхъ формахъ оно обнимаетъ цѣлый рядъ элементовъ, и каждый изъ нихъ представляетъ собою вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе или менѣе широкую область изслѣдованія или сферу практическаго искусства; особенно много разнообразныхъ матерій обнимаетъ современное среднее образованіе: кромѣ исторически перешедшихъ къ намъ элементовъ — филологически-литературнаго, заключающаго въ себѣ мертвые и живые языки, богословскаго, философскаго и математическаго — въ немъ

Digitized by Google

заключаются разнообразныя знанія, относящіяся къ области исторіи, міровѣдѣнія и естественныхъ наукъ, и сверхъ того техническія, музыкальныя, гимнастическія умѣнія. Но при такой универсальной тенденціи образованія становится неизбѣжнымъ явный или молча подразумѣваемый отказъ отъ попытки достигнуть въ такихъ разнородныхъ областяхъ вполнѣ удовлетворительныхъ фактическихъ познаній и мастерства: образованный человѣкъ, только какъ образованный, довольствуясь обычными общеполезными духовными пріобрѣтеніями и многостороннею воспріимчивостію, не высказываетъ притязаній ни на имя ученаго, ни на имя виртуоза, и образовательное преподаваніе довольствуется тѣмъ, что всюду побѣждаетъ только элементарныя затрудненія, создаетъ извѣстный основной фондъ знанія, дѣлаетъ привычными психическіе процессы, необходимые для его расширенія, въ лучшемъ случаѣ даетъ намъ, такъ сказать, почувствовать прелесть различныхъ учебныхъ занятій.

Если эту необходимость — ограничиваться только элементарными и популярными свѣдѣніями, можно еще извинить въ образовательной дѣятельности, то на подобное извиненіе не имѣетъ права тотъ, кто дѣлаетъ попытку подвергнуть изслѣдованію эту самую дѣятельность и создать теорію образованія. Для такого предпріятія необходимо обозрѣть происхожденіе образованія изъ науки и даже изъ искусства, слѣдовательно быть хорошо знакомымъ и съ послѣднимъ, не только знать плоды, собираемые путемъ образованія, но и деревья, на которыхъ эти плоды выросли. Кто хочетъ высказывать свое мнѣніе объ образовательныхъ элементахъ въ учебныхъ предметахъ, о выборѣ, распредѣленіи и обработкѣ учебныхъ матеріаловъ, тотъ долженъ изучить эти матеріалы болѣе глубоко, чѣмъ это необходимо въ образовательныхъ занятіяхъ, и, повидимому, ему нельзя отказаться отъ требованія, чтобы его знаніе равнялось образованію по универсальности и въ то же время не уступало наукѣ по основательности.

Такія требованія были въ извѣстной мѣрѣ исполнимы

Digitized by Google

въ ту эпоху, къ которой относится происхожденіе идеи и начатковъ дидактики: въ XVII вѣкѣ стремленіе къ энциклопедической учености было въ порядкѣ вещей; слова: полиисторія, полиматія, памматія, пансофія, энциклопедія были въ большомъ ходу, и, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ представителей дидактическаго искусства, напр.: Іоахимъ Младшій, Коменскій, І. І. Бехеръ — обладали широкими и многосторонними познаніями. Еще въ прошломъ вѣкѣ Іог. Мат. Геснеръ въ своемъ знаменитомъ геттингенскомъ чтеніи: Isagoge in eruditionem universalem [1]) могъ давать своимъ слушателямъ руководящія указанія касательно образовательныхъ занятій во всѣхъ направленіяхъ, едва ли страдавшія гдѣ-либо недостаткомъ фактическихъ свѣдѣній и даже глубины, а теологъ и филологъ Іог. Авг. Эрнести въ своихъ Initia doctrinae solidioris [2]) (появились впервые въ 1734 г.) былъ въ состояніи съ успѣхомъ разрабатывать философскія дисциплины, а вмѣстѣ съ тѣмъ математическія и физическія матеріи. Въ настоящее время такое объединеніе различныхъ сферъ познанія въ индивидуальномъ сознаніи, вслѣдствіе необыкновеннаго расширенія ихъ и развитія свойственныхъ имъ методовъ, становится затруднительнымъ; всесторонняя ученость, энциклопедическое изслѣдованіе сдѣлались понятіями, заключающими въ себѣ внутреннее противорѣчіе, такъ какъ съ именемъ ученаго изслѣдованія мы соединяемъ представленіе только объ извѣстной ограниченной области и отрицаемъ научный характеръ въ бѣгломъ обозрѣніи orbis doctrinae [3]). Полиматія для насъ неотдѣлима отъ мысли о разсѣянности и мелочности, универсальность — отъ мысли о поверхностности и высокопарности. Дидактика, которая, подобно преподавательскому искусству въ эпоху Возрожденія, имѣетъ претензію быть artificium omnes omnia docendi [4]), кажется намъ, съ современной точки

---

[1]) Введеніе въ универсальную эрудицію.
[2]) Начала серіозной науки.
[3]) Кругъ науки.
[4]) Искусство учить всѣхъ всему.

Digitized by Google

зрѣнія, мыльнымъ пузыремъ, предпріятіемъ безъ почвы, если не совсѣмъ безъ цѣли, и у насъ возникаетъ вопросъ, не заслуживаетъ ли такого приговора всякое аналогичное, хотя бы и иначе формулированное, предпріятіе.

Среди ученыхъ мы почти всюду встрѣчаемся съ мнѣніемъ, что вопросы о предметахъ и способахъ образовательныхъ занятій въ школахъ слѣдуетъ рѣшать съ точки зрѣнія отдѣльныхъ спеціальныхъ наукъ, представители которыхъ какъ люди, вполнѣ овладѣвшіе матеріалами и методами своего предмета, въ состояніи наилучшимъ образомъ рѣшить вопросъ о цѣлесообразной учебной постановкѣ его; только близость къ спеціальнымъ наукамъ обезпечиваетъ, говорятъ, надежность и годность дидактическихъ предписаній; чѣмъ болѣе удаляется отъ нихъ рефлексія, чтобы перейти въ сферу общихъ понятій, тѣмъ болѣе теряетъ она устойчивость и научный характеръ. Такимъ образомъ только спеціальная, составленная нѣсколькими учеными спеціалистами, дидактическая теорія имѣла бы законныя права на существованіе; она получила бы форму сборника, коллективной работы; все, что выходитъ за эти предѣлы, было бы воздушной постройкой, нуждающейся въ постоянныхъ передѣлкахъ сообразно съ упомянутыми основами, и слѣдовательно общая дидактика, вслѣдствіе раздѣленія задачъ ея по отдѣльнымъ наукамъ, на которыя указываетъ намъ матеріалъ образованія, не имѣла бы подъ собою никакой почвы. Съ тѣхъ поръ, какъ въ школьномъ преподаваніи и въ подготовкѣ учителей система спеціализаціи получила преобладающее значеніе, подобные взгляды стали распространяться и среди школьныхъ дѣятелей, и не малое число этихъ дѣятелей противъ общей дидактики, хотя бы въ числѣ ея представителей были такія громкія имена, какъ имена Гербарта, Шлейермахера и др., помимо другихъ сомнѣній, высказываютъ недовѣріе и потому еще, что такая общая дидактика побуждала бы ихъ заглянуть въ незнакомыя имъ области учебныхъ занятій. Въ дидактической лите-

Digitized by Google

ратурѣ также сказывается стремленіе къ спеціализаціи; общія размышленія о преподаваніи и образованіи охотно предоставляютъ педагогикѣ, ограничиваясь изученіемъ опредѣленныхъ типовъ учебныхъ заведеній или учебныхъ предметовъ, такъ что дидактика, стѣсняемая сосѣднею областью (педагогики) и узкою почвою спеціальныхъ изслѣдованій, лишается мѣста для развитія.

И однако мы все же не можемъ остановиться на этомъ отклоненіи или устраненіи общихъ дидактическихъ вопросовъ; имѣть части въ своихъ рукахъ и отказываться отъ попытки установить внутреннюю связь между ними — это едва ли гдѣ такъ не позволительно, какъ въ томъ случаѣ, когда дѣло идетъ о задачахъ и о теоріи образованія. Здѣсь никакая спеціальная работа не можетъ опускать изъ виду примѣненія общихъ опредѣленій: цѣль преподаванія, отношеніе одного предмета къ другому, ступени развитія учениковъ, общія дидактическія средства, господствующія учебныя заведенія, духовные интересы эпохи — все это безусловно необходимо имѣть въ виду и при самомъ спеціальномъ изслѣдованіи, какъ бы близко ни стояло оно къ извѣстной спеціальной наукѣ, а потому и такое изслѣдованіе всегда стоитъ въ сферѣ вліянія извѣстныхъ общихъ дидактическихъ воззрѣній и даже учительскихъ мнѣній. Отъ знакомства съ этими условіями, отъ осмотрительнаго примѣненія упомянутыхъ категорій, отъ тщательнаго приспособленія частныхъ предписаній къ общимъ достоинство такихъ работъ зависитъ нисколько не менѣе, чѣмъ отъ того, овладѣлъ или не овладѣлъ авторъ своимъ матеріаломъ. Коллективная работа безъ общихъ руководящихъ принциповъ была бы аггрегатомъ, мало соотвѣтствующимъ конечной цѣли; а такіе принципы можно установить не иначе, какъ путемъ особой направленной къ этой цѣли и достаточно широкой рефлексіи. Мало того, самыя настоятельныя задачи современнаго образованія указываютъ намъ на необходимость разрѣшенія вопросовъ о системѣ и общемъ характерѣ его и стоятъ въ самомъ рѣшительномъ противорѣчіи съ склонностью

Digitized by Google

къ спеціализаціи его; въ наше время методическая разработка отдѣльныхъ учебныхъ предметовъ важна далеко менѣе, чѣмъ выясненіе ихъ взаимныхъ отношеній, указаніе связей, соединяющихъ различныя знанія и умѣнія, изъ которыхъ вырастаетъ образованіе, и опредѣленіе выбора, распредѣленія и способа обработки отдѣльныхъ матеріаловъ сообразно съ общимъ дѣйствіемъ преподаванія. Наши учебные планы страдаютъ не отсутствіемъ научнаго характера, а неорганическимъ наслоеніемъ учебнаго матеріала, недостаткомъ дидактическаго распредѣленія; наше среднее преподаваніе угнетаетъ не невѣжество учителей, а то, что каждый изъ нихъ игнорируетъ интересы своего товарища и общія цѣли школы; и помочь этому горю могутъ не спеціальныя науки и не спеціальная методика, но общая теорія образованія.

Предразсудокъ, будто такая теорія при своей слишкомъ широкой тенденціи должна страдать нѣкоторымъ безсиліемъ или безплодной абстракціей, опирается на извѣстныя впечатлѣнія, которыя неизбѣжно испытываются даже защитниками ея, но которыми однако не слѣдуетъ неосмотрительно руководиться, какъ рѣшающими основаніями при обсужденіи нашего вопроса. Указанія объ образованіи и преподаваніи, какія даются учеными знатоками съ точки зрѣнія ихъ спеціальной науки, часто отличаются благодѣтельною опредѣленностью и убѣдительною ясностію и этимъ нерѣдко выгодно отличаются отъ положеній абстрактной теоріи преподаванія. Изъ водянистыхъ безднъ Базедовой и Трапповой учительской мудрости consilia scholastica [1]) Ф. А. Вольфа, основанные на наукѣ о древностяхъ, возвышаются, какъ островъ, на которомъ можно спокойно стать на ноги; замѣчанія Якова Гримма и изслѣдованія Филиппа Ваккернагеля о преподаваніи нѣмецкаго языка сразу освобождаютъ насъ отъ того доктринерскаго формализма, которымъ, по примѣру Песталоцци, школьная методика опутала этотъ учебный предметъ; предъ не-

[1]) Школьные совѣты.

Digitized by Google

притязательною годностью предписаній Нэгельсбаха, Рота, Пальмера и другихъ во многихъ пунктахъ отступаютъ на задній планъ даже глубоко продуманныя опредѣленія Гербартовской дидактики, которая не свободна отъ упрека въ томъ, что изъ-за формальной тенденціи опускаетъ изъ виду специфическій характеръ различныхъ учебныхъ матеріаловъ и довольствуется простымъ возбужденіемъ психическихъ актовъ, не доходя до сообщенія опредѣленныхъ познаній. Вообще теорія преподаванія, разъ только она приблизилась къ какой-либо изъ спеціальныхъ наукъ, филологіи, теологіи или исторіи, испытывала укрѣпляющее и освѣжающее вліяніе ихъ, и такимъ образомъ легко прійти къ мысли, что для своего успѣшнаго развитія она должна какъ можно болѣе заботиться о поддержаніи связей съ упомянутыми науками.

Какъ ни справедливы эти замѣчанія, однако изъ нихъ нельзя выводить заключенія о безплодности опытовъ систематизаціи. Такъ, если остановиться на приведенныхъ примѣрахъ, филантропизмъ можно оцѣнивать не только по его результатамъ, но и по его цѣлямъ, а къ числу этихъ цѣлей принадлежало вполнѣ законное стремленіе поставить учебныя занятія въ связь другъ съ другомъ и съ естественными склонностями учащагося и смягчить ихъ тяжесть интеллектуальнымъ оживленіемъ, хотя бы это оживленіе и понималось мелочнымъ образомъ. Эта гуманная тенденція педагогики Просвѣщенія и въ послѣдующее время имѣла рѣшительное и далеко не вредное только вліяніе; водянистая мудрость вышеупомянутыхъ мужей смыла не мало шиповъ и шероховатостей, и даже теоріи ихъ оказали благодѣтельное дѣйствіе, такъ какъ вызвали появленіе лучше обоснованныхъ общихъ изслѣдованій.

То же можно сказать и о предпріятіи Песталоцци, хотя онъ часто впадаетъ въ безплодный формализмъ. Руководящая идея Песталоцци: отыскать для учебныхъ предметовъ народной школы послѣдніе истинные элементы и соотвѣтствующіе имъ элементарные духовные

Digitized by Google

процессы, чтобы образовать учебный матеріалъ путемъ комбинаціи и развѣтвленія этихъ элементовъ и сдѣлать ученіе рядомъ психическихъ дѣйствій, развивающимся съ внутреннею необходимостію, свидѣтельствуетъ о глубинѣ пониманія, до которой едва ли возвышались какія-либо спеціально научныя методическія указанія. И эта его руководящая мысль не только оплодотворила теорію преподаванія — мы обязаны ей нагляднымъ преподаваніемъ геометріи, а вмѣстѣ и восполненіемъ Эвклидовскаго метода, умственнымъ счисленіемъ, начатками раціональнаго преподаванія рисованія и родиновѣдѣнія — но возбуждающимъ образомъ подѣйствовала даже на одну область научнаго изслѣдованія, — случай, правда, единственный, но самъ по себѣ свидѣтельствующій о томъ, что дидактикѣ вовсе не приходится все только получать отъ спеціальныхъ наукъ, и что въ ней достаточно самостоятельной силы, чтобы иногда давать и отъ себя. Кругъ познаній, для котораго методомъ Песталоцци созданъ существенный ферментъ, есть новѣйшая географія, основатель которой Карлъ Риттеръ обязанъ основною идеею своего произведенія сношеніямъ со Швейцарскимъ педагогомъ и примѣненію его метода [1]).

[1]) Ср. Kramer, „K. Ritter, ein Lebensbild" I, 307, изъ письма Риттера, гдѣ онъ касается своего Землевѣдѣнія. „Моимъ первымъ намѣреніемъ въ началѣ этой работы было исполнить обѣщаніе, которое я далъ Песталоцци, обработать географію для его института въ духѣ его метода; дѣйствительно, я началъ свою работу, но при обработкѣ географическаго матеріала находилъ только случайные отрывки, другими словами, въ постановкѣ этой науки — произволъ. Такъ какъ сообразно съ духомъ метода (хотя методисты сами ничего не понимаютъ въ географіи) я презиралъ всякій произволъ и искалъ только необходимаго, то, я полагаю, я счастливо выбился изъ географическаго хаоса, и разъ въ рукахъ у меня оказалась нить, весь запутанный клубокъ распутался у меня самъ собою". И тамъ же II, 146 изъ Vulliemin'a, Le Chrétien évangélique 1869, p. 24: „Не иному кому, какъ Песталоцци Риттеръ приписываетъ первый толчокъ своему генію и главную часть того, что есть лучшаго въ его произведеніи. Сорокъ лѣтъ спустя послѣ его пребыванія въ Ивердонѣ мы слышали, какъ онъ говорилъ съ добродушной улыбкой: „Песталоцци", говорилъ онъ намъ, „не зналъ въ географіи и того, что знаетъ ребенокъ нашихъ начальныхъ школъ; тѣмъ не менѣе отъ него именно всего болѣе узналъ я въ этой наукѣ; потому что, слушая его, я почувствовалъ, какъ пробуждается во мнѣ инстинктъ натуральныхъ методовъ, и то, что дано было мнѣ сдѣлать, я съ удовольствіемъ приписываю ему, какъ по праву ему принадлежащее". Далѣе тамъ же I, 275 и Риттера „Землевѣдѣніе", т. I, введеніе.

Digitized by Google

Равнымъ образомъ если дидактика Гербарта нуждается въ разнообразныхъ поправкахъ въ формѣ безпристрастной оцѣнки какъ положительнаго содержанія преподаванія вообще, такъ и отдѣльныхъ учебныхъ матеріаловъ въ частности, то отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы намъ нужно было оставить проложенные имъ пути и признать ихъ безнадежными. Противъ такого близорукаго пренебреженія тѣмъ, что предложено намъ Гербартомъ, можно было бы возразить словами Гёте, которыя могутъ быть отнесены ко всѣмъ значительнымъ произведеніямъ: пусть потомство не „издѣвается надъ произведеніями своихъ художниковъ и учителей и не предъявляетъ къ нимъ требованій, какія даже не пришли бы ему въ голову, если бы не сдѣлали такъ много тѣ, отъ которыхъ теперь требуютъ еще болѣе“ [1]). Никакое спеціально научное методическое указаніе не можетъ замѣнить того, что даетъ Гербартъ, какъ дальновидный представитель общей задачи преподаванія, настойчиво требуя, чтобы его вліянія совмѣщались въ объединенномъ кругѣ идей воспитанника и, сливаясь другъ съ другомъ, производили цѣлостное дѣйствіе, которое имѣетъ уже не только интеллектуальный, но и нравственный характеръ. Гербартъ приставляетъ свои инструменты какъ разъ къ больному мѣсту современнаго школьнаго образованія, до котораго вовсе не доходятъ спеціальныя изслѣдованія; если тотъ или другой изъ этихъ инструментовъ долженъ быть замѣненъ новымъ, если даже направленіе разрѣза должно быть иное, то слѣдуетъ ли отсюда, что нужно отказаться отъ операціи?

Въ извѣстномъ числѣ постоянныхъ проблемъ и все снова возвращающихся задачъ дидактика обладаетъ центромъ, благодаря которому она представляетъ особый и вполнѣ опредѣленный кругъ изслѣдованій, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ своей периферіи она соприкасается съ цѣлымъ рядомъ научныхъ областей, и эти соприкосновенія побуждаютъ ее къ спеціальнымъ развѣтвленіямъ. Усту-

[1]) Сочиненія, послѣднее изданіе автора, 1830, XXXVII, стр. 62 (о Винкельманѣ).

Digitized by Google

пать этому побужденію на счетъ центра такъ же непозволительно, какъ и принимать центръ за цѣлое и пренебрегать упомянутыми пограничными сношеніями. Вообще, какъ говоритъ старинная пословица, для успѣха въ дѣлахъ человѣческихъ нужно не только много рукъ, но и много головъ, и особенно вопросы объ образованіи и обученіи слѣдуетъ разсматривать не съ одной только точки зрѣнія; кто свѣдущъ въ одной какой-либо изъ ихъ отраслей, тотъ имѣетъ право быть выслушаннымъ; но если онъ хочетъ содѣйствовать успѣху общаго дѣла въ его цѣломъ, то онъ долженъ умѣть говорить языкомъ человѣка, свѣдущаго въ преподаваніи вообще, долженъ усвоить тотъ запасъ представленій и понятій, которымъ располагаетъ теорія обученія.

То правда, что противоположное требованіе: человѣкъ, свѣдущій въ преподаваніи, вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ обладать универсальными свѣдѣніями, при современномъ состояніи науки неисполнимо; но при нашемъ пониманіи дидактики оно не имѣетъ существеннаго значенія, хотя и можетъ показаться существеннымъ. Если бы дидактика, какъ это было у ея основателей въ эпоху Возрожденія, имѣла претензію быть искусствомъ обученія, т.-е. стремилась къ тому, чтобы во всѣхъ подробностяхъ регулировать многосложныя учебныя занятія, то необходимымъ условіемъ ея построенія, конечно, было бы полное обладаніе всѣми областями знанія, которыя платятъ дань преподаванію; если же наоборотъ, отрѣшившись отъ этой непосредственно практической и организаторской тенденціи, она довольствуется скромною задачею быть теоріей обученія или еще ýже — теоріей образованія, то она не связана съ такою универсальностью. Правда, теорія образованія также должна быть хорошо знакома съ широкими проблемами, должна быть въ состояніи показать, какъ наука превращается въ образованіе, при помощи какихъ средствъ матеріалъ познанія становится духовною собственностью, отъ какихъ условій зависятъ плодотворныя учебныя занятія; но эти и другія задачи подобнаго рода

Digitized by Google

можно выполнить и безъ энциклопедической учености, разъ эта ученость для насъ такъ же невозможна, какъ невозможно сдѣлать желѣзо изъ дерева; для этого достаточно ограниченныхъ спеціально научныхъ познаній, лишь бы только мы сумѣли надлежащимъ образомъ воспользоваться этими познаніями. Чтобы понять превращеніе науки въ образованіе, конечно нужно принять за исходный пунктъ разсужденій науку, но существенно необходимо прослѣдить этотъ процессъ только въ одной области и познакомиться съ нимъ, такъ сказать, при помощи собственныхъ глазъ, чтобы такимъ образомъ сдѣлаться воспріимчивымъ къ тѣмъ заключеніямъ, какія свѣдущіе люди даютъ объ аналогичномъ процессѣ въ другихъ областяхъ. Равнымъ образомъ дидактическія средства можно и даже должно изучать на какомъ-либо опредѣленномъ матеріалѣ, чтобы затѣмъ воспользоваться полученными результатами, правда,не какъ шаблономъ для другихъ областей, но все же какъ ключомъ для пониманія пріемовъ преподаванія въ другихъ областяхъ. Условія пластическихъ силъ преподаванія мы будемъ отыскивать не иначе, какъ, если можно такъ выразиться, путемъ раскопокъ въ опредѣленномъ мѣстѣ, и, разобравъ поверхность, будемъ слѣдить за развѣтвленіями, которыя намъ представятся здѣсь, восполняя собственную силу изслѣдованія открытіями другихъ. Не къ тому побуждаетъ насъ теорія образованія, чтобы мы производили всякіе опыты или какъ можно болѣе опытовъ, но къ тому, чтобы путемъ опытовъ на опредѣленной почвѣ учились ставить надлежащіе вопросы прежде всего о природѣ предмета, затѣмъ о явленіяхъ, создаваемыхъ общими проблемами, и, наконецъ, о знатокахъ, сужденіе которыхъ дѣйствуетъ восполняющимъ образомъ тамъ, гдѣ оканчиваются наши собственныя свѣдѣнія о предметѣ. Слѣдовательно затрудненіе, состоящее въ томъ, что научная обработка дидактики ведетъ къ несовмѣстимымъ требованіямъ: универсальной широты съ одной стороны и научной глубины съ другой, разрѣшается въ томъ смыслѣ, что на самомъ дѣлѣ остается только послѣднее

Digitized by Google

требованіе, а упомянутая широта сводится къ извѣстной многосторонней воспріимчивости, способной восполнять частичныя неполныя свѣдѣнія заключеніями различныхъ знатоковъ, — отношеніе, которое не стоитъ въ противорѣчіи съ весьма разумнымъ школьнымъ правиломъ: in uno habitandum, in ceteris versandum [1]).

Но въ требованіи многосторонней воспріимчивости не заключается ли все еще остатокъ универсализма и побужденіе переступать границы, которыя установила въ своемъ развитіи современная наука, слѣдуя плодотворному принципу раздѣленія труда? На этотъ вопросъ мы съ полнымъ правомъ можемъ отвѣтить противоположнымъ вопросомъ: дѣйствительно ли этотъ принципъ раздѣленія труда есть единственный принципъ, которому современная наука обязана своими успѣхами, или характернымъ ея признакомъ являются еще и другіе принципы, которые ограничиваютъ первый и такимъ образомъ уничтожаютъ предписываемые имъ предѣлы? Конечно, современная наука сдѣлала весьма много, благодаря разложенію нераздѣльныхъ прежде сферъ познанія на секторы и сегменты, но она провела и новые круги, вдвинула другъ въ друга тѣ, которые прежде были раздѣлены, и сдѣлала точки пересѣченія этихъ круговъ источниками свѣта. Въ теченіе настоящихъ изслѣдованій мы имѣли случай поименовать нѣсколько наукъ, возникшихъ благодаря паденію традиціонныхъ преградъ между отдѣльными научными областями и имѣющихъ методическимъ принципомъ комбинацію разнообразныхъ познаній. Такъ, соціологія получаетъ возможность составить цѣлостное воззрѣніе на явленія общественной жизни только путемъ соединенія данныхъ науки о государствѣ въ самыхъ широкихъ ея рамкахъ, культурной исторіи, антропологіи, психологіи, этики, даже естествознанія, и если бы соціологу, который, конечно, только въ одной изъ этихъ широкихъ областей можетъ быть настоящимъ знатокомъ, мы стали говорить: ne-ultra

[1]) Въ одномъ мѣстѣ жить, остальныя посѣщать.

Digitized by Google

crepidam! [1]) то это значило бы заставлять его бросить все дѣло. Народная психологія основывается на томъ, что матеріи и данныя, относящіяся къ различнымъ областямъ науки: филологіи, лингвистикѣ, этнографіи, психологіи, культурной исторіи и пр., ставятся въ жизненное соприкосновеніе другъ съ другомъ подъ объединяющими ихъ точками зрѣнія. Точно такъ же и новѣйшая индивидуальная психологія ищетъ для себя опорныхъ пунктовъ въ разнородныхъ областяхъ: и въ естествознаніи, и въ моральныхъ наукахъ, и она должна будетъ опираться на послѣднія тѣмъ чаще, чѣмъ шире примѣняется въ нихъ принципъ объясненія индивидуальныхъ психическихъ феноменовъ коллективными явленіями (см. выше стр. 47 и дал.). Характеристическая особенность новой, основанной Карломъ Риттеромъ, географіи заключается въ томъ, что она не есть ни историческая, ни естественно-научная, но то и другое вмѣстѣ, такъ какъ соединяетъ математико-астрономическое, физическое, естественно-историческое, культурно-историческое и нравственное изслѣдованіе земного шара въ одномъ общемъ воззрѣніи, которымъ и освѣщается всякое частное изслѣдованіе.

Этимъ научнымъ предпріятіямъ, несмотря на широту и разнообразіе ихъ условій, нельзя сдѣлать упрека въ непосильной универсальности. То же можно сказать и объ опытѣ теоріи образованія, тѣмъ болѣе, что условія этой теоріи, какъ было показано, требуютъ усвоенія разнородныхъ матерій въ болѣе ограниченной мѣрѣ, чѣмъ какая-либо изъ поименованныхъ выше наукъ.

Сообразно съ вышеизложенными общими методическими изслѣдованіями мы можемъ теперь въ краткихъ чертахъ опредѣлить, по какому плану слѣдуетъ изучать область, самостоятельность и единство которой мы теперь доказали.

Предметъ дидактики есть образовательная дѣя-

---

[1]) Не въ свои сани не садись.

Digitized by Google

тельность, какъ она представляется намъ и въ коллективной своей формѣ: образовательныхъ учрежденіяхъ, и въ своихъ индивидуальныхъ проявленіяхъ: образовательныхъ занятіяхъ отдѣльныхъ лицъ.

Система образовательныхъ учрежденій есть въ одно и то же время и организмъ и органъ: организмъ потому, что она представляетъ относительно замкнутое цѣлое или совокупность учрежденій и заведеній для сообщенія образованія, органъ, — въ отношеніи къ соціальному организму, такъ какъ въ общей совокупности различныхъ функцій этого организма она занимаетъ опредѣленное мѣсто. Эту систему нужно будетъ изслѣдовать, съ одной стороны, съ точки зрѣнія того разнообразія, которое она заключаетъ въ себѣ и которое нужно будетъ соединить въ одну общую картину, а съ другой стороны съ точки зрѣнія тѣхъ историческихъ условій, на которыхъ основывается упомянутое разнообразіе, другими словами — въ тѣхъ смѣняющихся формахъ, какія эта система принимала въ теченіе времени.

Образовательныя занятія въ сущности представляютъ сознательную и свободную дѣятельность, а потому жизненнымъ нервомъ и основою этихъ занятій является цѣль ихъ. Въ виду этого намъ прежде всего нужно будетъ изслѣдовать ихъ съ телеологической точки зрѣнія. По своему матеріалу образовательныя занятія являются весьма разнообразными, и намъ нужно будетъ показать различныя области, изъ которыхъ эти занятія почерпаютъ элементы своего содержанія. Форма, какую получаютъ эти элементы, какъ соотвѣтственно своему идейному содержанію, такъ и сообразно цѣлямъ образовательной дѣятельности, и, наконецъ, различныя дидактическія средства, обусловливаемыя психологическими факторами — душевными силами и психическимя функціями, — а равно индивидуальными особенностями характера — различіями въ способности къ образованію и въ ступеняхъ развитія, — таковы дальнѣйшіе предметы изслѣдованія, которое такимъ образомъ безъ всякой

Digitized by Google

натяжки можетъ пользоваться тѣми категоріями, какія даются намъ четырьмя древними принципами Аристотеля, хотя и въ измѣненномъ порядкѣ.

Руководящимъ началомъ для рѣшенія вопроса о порядкѣ для изслѣдованія этихъ пунктовъ является то совмѣщеніе соціальной и индивидуальной точки зрѣнія (выше, стр. 45 и далѣе), которое запрещаетъ разъединять изслѣдованіе образовательныхъ учрежденій и индивидуальныхъ образовательныхъ занятій, такъ какъ и тѣ и другія могутъ быть поняты лишь въ связи другъ съ другомъ. Этому требованію всего цѣлесообразнѣе можно будетъ удовлетворять въ томъ случаѣ, если въ ученіе объ образовательныхъ учрежденіяхъ мы вставимъ ученіе объ образовательныхъ занятіяхъ и притомъ такимъ образомъ, чтобы историческая часть ученія объ образовательныхъ учрежденіяхъ стояла въ самомъ началѣ, а общая картина этихъ учрежденій и описаніе развѣтвленія ихъ въ общей совокупности различныхъ видовъ соціальной дѣятельности составляли заключеніе. При такомъ порядкѣ намъ всего скорѣе можно будетъ составить себѣ ясное представленіе и о соціальномъ характерѣ образовательныхъ занятій и о возникновеніи образовательныхъ учрежденій изъ индивидуальныхъ стремленій и дѣятельности индивидуумовъ.

Размышляя о наиболѣе подходящемъ наименованіи этихъ отдѣловъ изслѣдованія, мы должны относительно исторической части принять во вниманіе то обстоятельство, что задача ея заключается не въ составленіи исторіи образованія, потому что такая исторія есть самостоятельное предпріятіе, а не составная часть дидактической системы. Такою частью можетъ быть лишь такое изслѣдованіе, которое, опираясь на исторію, отыскиваетъ типическія формы, какія принимала образовательная дѣятельность, и въ разнообразіи положительныхъ данныхъ создаетъ намъ базисъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій, не теряясь однако въ тысячекратныхъ развѣтвленіяхъ и видоизмѣненіяхъ этихъ данныхъ.

Отдѣлъ, имѣющій своимъ предметомъ цѣли образо-

Digitized by Google

ванія, при ближайшемъ разсмотрѣніи требуетъ нѣкотораго расширенія, такъ какъ въ немъ необходимо разсмотрѣть и тѣ побужденія къ образовательнымъ занятіямъ и къ сообщенію образованія, которыя не настолько ясно сознаются нами, чтобы принять форму сознательныхъ цѣлей. Такимъ образомъ все поле относящихся сюда изслѣдованій составляютъ не столько цѣли, сколько общѣе — мотивы и цѣли образовательной дѣятельности, какъ она проявляется въ ученьѣ и преподаваніи.

Равнымъ образомъ для слѣдующаго отдѣла обычное заглавіе: матеріалъ или матерія образованія (обыкновенно учебный матеріалъ) лучше замѣнить болѣе содержательнымъ выраженіемъ: образовательное содержаніе учебныхъ матеріаловъ, такъ какъ это выраженіе въ противовѣсъ разнообразію матеріаловъ указываетъ на единство точки приложенія ихъ и побуждаетъ насъ отыскивать въ каждомъ матеріалѣ его образовательные элементы. Вопросы о формахъ и средствахъ образовательныхъ занятій цѣлесообразнѣе будетъ изслѣдовать нераздѣльно, такъ какъ эти формы и средства часто переходятъ другъ въ друга; наоборотъ, общее описаніе образовательныхъ учрежденій и указаніе мѣста ихъ среди другихъ соціальныхъ учрежденій требуютъ для себя каждое особаго отдѣла; послѣдняя задача будетъ охарактеризована и съ точки зрѣнія ея значенія для соціологіи и этики, если мы будемъ понимать ее, какъ попытку отыскать мѣсто образовательной дѣятельности въ общей совокупности задачъ человѣческой жизни.

Мы намѣтили теперь цѣли и пути своего изслѣдованія, руководясь болѣе тѣми вопросами, какіе представлялись намъ при разсмотрѣніи дѣла, чѣмъ соображеніями о средствахъ, какими мы располагаемъ для отвѣта на эти вопросы. Можетъ быть, эти соображенія побудили бы насъ ставить цѣли не такъ высоко и поискать болѣе ровныхъ путей; но во всякомъ случаѣ

Digitized by Google

убавить что-нибудь изъ тѣхъ задачъ, какія ставятся нашимъ предметомъ изслѣдователю, нельзя даже и въ томъ случаѣ, если эти задачи превышаютъ его силы. Если бы предлагаемый опытъ, вызванный подобною задачею, оказался недостаточно удовлетворительнымъ, чтобы его можно было назвать ея рѣшеніемъ, то съ него довольно будетъ и того, что онъ разъяснитъ задачу и послужитъ поводомъ къ осуществленію недостающихъ теперь предварительныхъ условій ея рѣшенія.

Digitized by Google

Digitized by Google

ОТДѢЛЪ I.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ТИПЫ ОБРАЗОВАНІЯ.

Digitized by Google

Digitized by Google

I.

Отношеніе образованія къ культурѣ, цивилизаціи и нравственности.

§ 1.

Совокупность учрежденій, дѣятельностей и цѣнностей, которыя сообщаютъ человѣческой жизни характеръ гуманности и достойное человѣка содержаніе, или, какъ говорили древніе, возвышаютъ ζῆν (жизнь) до εὖ ζῆν, καλῶς ζῆν (хорошей, прекрасной жизни)[1]), мы обыкновенно называемъ двойнымъ выраженіемъ: цивилизація и культура. Соотвѣтственно происхожденію слова подъ цивилизаціей мы разумѣемъ преимущественно тѣ учрежденія и формы жизни, которыя дѣлаютъ человѣка членомъ какого-либо общества, т. е. учрежденія, побуждающія къ соединенію въ группы и къ общенію, побѣждающія дикій и одинокій эгоизмъ такъ называемаго естественнаго состоянія. Въ словѣ культура также сохраняется еще основное значеніе, такъ какъ этимъ словомъ обозначается обработка разнообразныхъ полей дѣятельности, какія представляются вышедшему изъ неподвижности естественнаго состоянія уму и награждаютъ потраченный на нихъ трудъ цѣнностями, которыя сообщаютъ человѣческому существованію благодѣтельную полноту и достоинство.

Основою цивилизаціи служатъ религіозное и государственное устройство, обычай, право и соціальный

---

[1]) Arist. Pol. I, 2; III, 9. Diod. XII, 13 и въ другихъ мѣстахъ.

Digitized by Google

порядокъ; основою культуры — вѣра, знаніе, умѣніе, трудъ и обмѣнъ, искусства и творческая дѣятельность всякаго рода. Цивилизація обнимаетъ тѣ основы жизни, въ которыхъ глубокомысленная вѣра древнихъ видѣла благодатный плодъ обученія и воспитанія людей благодѣтельными божествами: Озирисомъ и Изидой, Діонисомъ и Деметрой; культура обнимаетъ въ себѣ блага, которыми, по сказанію миѳа, Прометей пробудилъ дремавшій родъ смертныхъ, при чемъ миѳъ не забываетъ сдѣлать предостереженіе относительно того, чтобы возбужденное такимъ образомъ стремленіе не сдѣлалось слишкомъ безпокойнымъ и неумѣреннымъ.

Цивилизація сообщаетъ человѣческое достоинство, соединяя людей, а культура — оживляя ихъ; сила первой заключается въ постоянствѣ ея основъ и въ прочности создаваемыхъ ею связей; слава послѣдней — въ ея широтѣ и полнотѣ. Первая вездѣ одинаково составляетъ основу гуманности, и потому мы привыкли думать, что національныя различія ея не затрогиваютъ: мы говоримъ о цивилизованныхъ націяхъ, а не о національныхъ цивилизаціяхъ: культуру же мы охотно представляемъ связанною съ творческою силою народнаго духа и прямо называемъ культуры по націямъ, — намекъ со стороны языка, который остается поучительнымъ, хотя на ряду съ этимъ намекомъ не слѣдуетъ опускать изъ виду и постояннаго взаимодѣйствія между общечеловѣческими и національными задатками.

Оба эти понятія нѣмецкій языкъ сумѣлъ воспроизвести словами туземнаго происхожденія, однако не безъ творческаго преобразованія ихъ и не безъ своеобразной апперцепціи ихъ сложнаго содержанія: въ словахъ Gesittung и Bildung (нравственность и образованіе) повторяется противоположность между цивилизаціей и культурой, но съ видоизмѣнившимся содержаніемъ и объемомъ этихъ понятій.

Слово нравственность выражаетъ такія отношенія, которыя остаются необозначенными въ соотвѣтствующемъ иностранномъ словѣ (цивилизація). Послѣднее

Digitized by Google

исходитъ изъ понятія о гражданскомъ союзѣ, а слово нравственность — изъ понятія о тѣхъ обязанностяхъ, какія устанавливаются нравами; но оно обозначаетъ не только совокупность нравовъ въ объективномъ смыслѣ, но и соотвѣтствующій нравамъ характеръ чувства или настроеніе духа и такимъ образомъ указываетъ и на внутреннія дѣйствія, которыя исходятъ отъ учрежденій цивилизаціи на отдѣльнаго человѣка. Быть нравственнымъ значитъ быть болѣе чѣмъ цивилизованнымъ: слово это выражаетъ ту мысль, что форма, которую цивилизація сообщаетъ ближайшимъ образомъ внѣшней жизни, опредѣляетъ и жизнь внутреннюю и оправдывается ею; можно говорить о внѣшне-цивилизованномъ, но не о внѣшне-нравственномъ существѣ, о кажущейся цивилизаціи, но не о кажущейся нравственности. Нравственность есть цивилизація, проникающая до внутреннихъ расположеній человѣка, побѣда надъ дикостію, насколько эта побѣда является и началомъ нравственнаго развитія.

Отношеніе между культурою и образованіемъ аналогично этому отношенію между цивилизаціею и нравственностію, такъ какъ и здѣсь въ словѣ образованіе субъективный элементъ выдвигается болѣе, чѣмъ въ словѣ культура, которое является обще-европейскимъ достояніемъ. Слово образовывать хватаетъ глубже и опредѣляетъ болѣе многостороннимъ образомъ, чѣмъ слово культивировать; культивированіе вызываетъ изъ воздѣлываемой почвы творческія силы, образованіе доводитъ ихъ до внутренняго сформированія. Называя какой-либо народъ образованнымъ, мы даемъ ему этимъ самымъ болѣе высокій предикатъ, чѣмъ какой заключался бы въ выраженіи: культурный народъ; мы выражаемъ ту мысль, что этотъ народъ умѣетъ не только пріобрѣтать и владѣть благами культуры, но и пользоваться ими такъ, чтобы они становились для индивидуумовъ источниками личныхъ свойствъ, какъ-то: развитаго чувства, утонченнаго вкуса, благороднаго характера. Чтобы участвовать въ благахъ культуры, для этого до-

Digitized by Google

статочно умѣренной воспріимчивости, а кто хочетъ украсить себя образованіемъ, тому приходится искать этого украшенія, и носить его онъ долженъ съ разумѣніемъ; культурный человѣкъ тотъ, который родился и выросъ въ культурной сферѣ; а чтобы быть образованнымъ, необходимо еще, чтобы собственныя и чужія усилія надлежащимъ образомъ соединили элементы этой сферы и превратили ихъ въ достояніе личности. Культура, опираясь на раздѣленіе труда, заставляетъ человѣка служить себѣ и указываетъ ему болѣе или менѣе спеціальную дѣятельность: образованіе старается вновь соединить раздѣленныя области, заимствуя свой матеріалъ изъ всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, изъ многихъ областей и, освобождая человѣка отъ строгой связи съ какимъ-либо опредѣленнымъ дѣломъ, даетъ субъекту возможность болѣе свободно распоряжаться цѣнностями культурной работы.

Но культура и образованіе обнаруживаютъ еще дальнѣйшую разность, выступающую за предѣлы той разности, которая существуетъ между цивилизаціей и нравственностію. Чтобы различить цивилизацію и нравственность, достаточно сказать, что онѣ относятся между собою, какъ внѣшнее къ тому, что сдѣлалось внутреннимъ, при различеніи же культуры и образованія имѣетъ значеніе и различный объемъ того и другого понятія. Культура обозначаетъ болѣе широкую область, чѣмъ образованіе, и послѣднее есть только одно явленіе въ ряду другихъ въ предѣлахъ самой культуры. Культура обнимаетъ все многосложное творчество въ области языка, литературы, вѣрованій, науки, культа, искусства, техники, хозяйства; образованіе имѣетъ свое мѣсто въ этихъ и среди этихъ областей, не совпадая ни съ одною и соприкасаясь со всѣми. Правда, его содержаніе имѣетъ отношеніе ко всѣмъ явленіямъ культуры, но оно воспроизводитъ эти явленія лишь съ выборомъ и какъ бы въ уменьшенномъ масштабѣ; образовательное стремленіе направлено къ извѣстнымъ общимъ и основнымъ умѣніямъ, знаніямъ, воззрѣніямъ, къ обще-

Digitized by Google

годному и общеполезному содержанію умѣній и знаній, которое относится къ содержанію культурной дѣятельности приблизительно такъ же, какъ маленькій кругъ къ большому концентрическому кругу. Образовательная дѣятельность осязательнымъ образомъ выражается въ системѣ образовательныхъ учрежденій, какъ совокупности институтовъ для образовательныхъ занятій, тогда какъ культурная дѣятельность при ея универсальномъ характерѣ и развѣтвленіяхъ по периферіямъ не можетъ совмѣститься такимъ же образомъ въ какомъ-либо институтѣ. Носителями образованія могутъ быть названы соціальныя группы: образованныя сословія, образованныя сферы; носителемъ культуры является народъ въ его цѣломъ, или, лучше, соціальный организмъ, обнимающій собою всѣ сословія и сферы.

§ 2.

Если такимъ образомъ изъ четырехъ, разсматриваемыхъ здѣсь, соціально-психологическихъ понятій понятіе образованія имѣетъ наименьшій объемъ, то можно ожидать, что по содержанію своему оно есть понятіе наиболѣе зависимое и обусловленное; и дѣйствительно, какъ культура, такъ и цивилизація и нравственность заключаютъ въ себѣ условія, которыя своими видоизмѣненіями создаютъ различные типы образованія.

То, что̀ народъ хранитъ и передаетъ какъ свое образованіе, прежде всего зависитъ отъ происхожденія и направленія національной культуры, и эта зависимость бросается въ глаза всего скорѣе. Обязанъ ли народъ своею культурою въ существенныхъ ея чертахъ себѣ самому, или толчокъ и руководящіе элементы культурнаго развитія получены были имъ отъ другихъ народовъ, это можно распознать во всѣхъ сферахъ его дѣятельности, а всего болѣе въ области духовной общественной жизни, на которой покоится образованіе. Народы самородной культуры встрѣчаютъ источники и памятники своего образованія на туземной почвѣ

Digitized by Google

и въ собственномъ прошломъ; образовательное наслѣдіе, которое они передаютъ своему потомству, есть наслѣдіе національное; языкъ, на которомъ оно изложено, имѣетъ, можетъ быть, оттѣнокъ, сдѣлавшійся чуждымъ народу, но все-же есть языкъ предковъ и не отрекается отъ родства съ живою рѣчью. Наоборотъ, народы производной (заимствованной) культуры вынуждены искать образовательныхъ цѣнностей на чужой почвѣ и съ большими усиліями пролагать себѣ путь къ образованію чрезъ иностранный языкъ или даже черезъ нѣсколько языковъ, — обстоятельство, которое неизбѣжно ведетъ за собою болѣе строгое раздѣленіе между образованными и необразованными классами: образованіе этихъ народовъ похоже на акклиматизированное растеніе, воздѣлываніе котораго требуетъ терпѣливаго и старательнаго ухода и все-же ограничено только извѣстными сферами. Зато такое неблагопріятное положеніе можетъ сдѣлаться прямо импульсомъ болѣе высокаго полета, если на лицо окажется достаточно дарованій и энергіи, чтобы вполнѣ ассимилировать взятые у другихъ нароровъ элементы и рядомъ съ заимствованнымъ образованіемъ поставить возникшее нѣсколько позднѣе національное, сроднивъ послѣднее съ первымъ; въ такомъ случаѣ взаимодѣйствіе того и другого фактора вызываетъ болѣе богатое развитіе, чѣмъ какое можно встрѣтить у народовъ только національнаго образованія, гдѣ постоянное воспроизведеніе одного и того же содержанія легко можетъ повести къ неподвижности и духовному застою.

Если такимъ образомъ исходный пунктъ культуры въ значительной мѣрѣ опредѣляетъ собою характеръ образованія, то не менѣе сильное вліяніе производитъ на него направленіе культурнаго развитія, которое опредѣляется тѣмъ, что преобладающее и руководящее значеніе получаетъ то одна, то другая культурная дѣятельность. Если жизнь народа образуется и наполняется преимущественно религіознымъ элементомъ, то этотъ элементъ естественно становится и основою его образованія. Работа учителей и учениковъ служитъ тогда

Digitized by Google

прежде всего сохраненію священнаго преданія; попеченіе о духовныхъ интересахъ возлагается на духовенство, и религіозное образованіе, составляющее общее духовное достояніе духовенства, представляетъ высшій уровень умѣній и знаній; и даже тамъ, гдѣ отъ него отдѣляется особое свѣтское или простонародное образованіе, оно по содержанію и формѣ опредѣляется первымъ. Образованіе получаетъ строго-опредѣленныя и строго-соблюдаемыя формы и ступени; обученіе сводится болѣе къ усвоенію учебнаго матеріала, чѣмъ къ духовному оплодотворенію, но отношеніе между учителемъ и ученикомъ въ такой мѣрѣ проникается благочестіемъ, что обученіе производитъ нравственно-развивающее дѣйствіе.

Противоположность этому типу образованія составляетъ тотъ, который развивается на почвѣ культуры съ преобладающею эстетическою тенденціею. Тогда поэтъ становится распорядителемъ образовательнаго наслѣдія, которое пріобрѣтаетъ извѣстный авторитетъ не только въ силу своего внутренняго содержанія, но и на основаніи своей совершенной формы; художникъ и ораторъ открываютъ новые и новые источники образованія; умѣніе не только наслаждаться ихъ произведеніями, но и цѣнить ихъ характеризуетъ образованнаго человѣка и возвышаетъ его надъ массою простыхъ зрителей и слушателей. Учителемъ является тотъ, кто можетъ сказать что-либо заслуживающее общаго интереса; школы это кружки учениковъ; образованія ищутъ не какъ пріобрѣтенія, высоко цѣнимаго по традиціи, но какъ благороднаго украшенія, какъ средства къ развитію и усовершенствованію личности.

Но болѣе твердыя формы образованіе и образовательныя учрежденія получаютъ тамъ, гдѣ до высоты руководящаго элемента жизни поднялся интересъ къ наукѣ и изслѣдованію. Ученыя занятія отдѣляются отъ стремленій къ образованію, процессъ изслѣдованія — отъ элементарнаго, пропедевтическаго, популярнаго пріобрѣтенія познаній; школа, какъ болѣе или менѣе органи-

Digitized by Google

зованная совокупность людей съ учеными познаніями, противопоставляется школѣ, какъ учебному заведенію. Насколько послѣдняя получаетъ задачу подготовлять къ наукѣ, она становится ученою школою и ядромъ прочно сплоченной системы образовательныхъ учрежденій. Рядомъ съ ученымъ образованіемъ ищутъ себѣ особыхъ путей образованіе свѣтское и простонародное, но и они пользуются для своихъ цѣлей результатами научной дѣятельности; популярныя изложенія, энциклопедіи, произведенія изящной литературы, народныя сочиненія становятся орудіями распространенія пріобрѣтенныхъ изслѣдованіемъ сокровищъ не всегда ко благу науки, а въ силу свойственной наукѣ тенденціи къ распространенію, такъ какъ, благодаря этой тенденціи, наука становится „подобною бьющей водѣ, которая течетъ непрерывно, пламени, которое, разъ оно зажжено, изливаетъ изъ себя потоки свѣта и теплоты“ [1]).

Идеальный характеръ, какой образованіе получаетъ благодаря преобладанію религіознаго, эстетическаго или научнаго элемента, нѣсколько понижается, когда руководящею жизненною силою становятся хозяйственно-техническіе интересы. Они направляютъ преподаваніе и изученіе къ тому, что̀ допускаетъ практическое примѣненіе, возвышаютъ общеполезное до степени безусловно цѣннаго, и тенденціи развить въ юношествѣ практическія способности даютъ перевѣсъ надъ другою тенденціею — дать ему духовное образованіе. Однако эти интересы не дѣйствуютъ только понижающимъ образомъ на образовательное стремленіе, но возмѣщаютъ упомянутыя вредныя стороны цѣнными импульсами и дарами: стремленіе къ пріобрѣтенію практическихъ способностей становится противовѣсомъ склонности услаждаться и любоваться самимъ собою, которую развиваетъ чисто эстетическая тенденція; возвышеніе труда ведетъ къ пониманію его нравственнаго значенія и усиливаетъ побужденія къ тому, чтобы сообщить жизни

---

[1]) J. Grimm, „Über-Schule, Universität, Akademie“, въ началѣ.

Digitized by Google

тружениковъ всѣхъ классовъ достойный человѣка характеръ. Благодаря этому въ системѣ образовательныхъ учрежденій обезпечивается мѣсто не только хозяйственно-техническому, но и народному образованію; а для образовательной дѣятельности вообще умножаются и улучшаются средства и орудія духовнаго обмѣна, создаваемыя улучшенной техникой; успѣхи въ этомъ направленіи, какъ показываетъ искусство книгопечатанія, могутъ даже дать совсѣмъ иную форму образовательной дѣятельности: образованіе націй, знакомыхъ съ книгопечатаніемъ, представляетъ особый и въ извѣстномъ отношеніи болѣе высокій типъ по сравненію съ тѣмъ, какого могли достигнуть народы и эпохи, знакомые лишь съ письмомъ.

Порядокъ жизни, которымъ мы обязаны цивилизаціи, является болѣе отдаленнымъ, но не менѣе культурной дѣятельности необходимымъ условіемъ возникновенія общей духовной жизни, на почвѣ которой развивается образованіе. Всякому внутреннему образованію должна предшествовать дисциплина непостоянныхъ стремленій, всякому болѣе тонкому психическому взаимодѣйствію — регулированіе внѣшнихъ отношеній человѣка къ человѣку. Поэтому цивилизующія силы являются основами образованія, и хотя не порождаютъ, а только поддерживаютъ и ограждаютъ его, однако вліяніе ихъ на образованіе сказывается въ самой разнообразной формѣ. Поворотные пункты возрастовъ жизни, которые фиксируютъ обычай и право, отдѣляя другъ отъ друга незрѣлость, зрѣлость и совершеннолѣтіе, имѣютъ важное значеніе для хода какъ воспитанія, такъ и образованія индивидуума, такъ какъ въ большей или меньшей степени они имѣются въ виду при распредѣленіи образованія по ступенямъ или при завершеніи его. Отъ той формы и того способа, какъ обычай и право опредѣляютъ отношеніе другъ къ другу соціальныхъ классовъ, зависитъ то, принимаетъ ли образованіе сословно-замкнутый характеръ, или базисомъ его является болѣе широкая однородная духовная жизнь. Нравственныя и юридическія воззрѣнія рѣшаютъ вопросъ о томъ,

Digitized by Google

можетъ ли и въ какой мѣрѣ можетъ принимать участіе въ духовныхъ благахъ женскій полъ, и такимъ образомъ вызываютъ или задерживаютъ развитіе своеобразной отрасли образованія, дѣйствіе важнаго фермента образовательныхъ тенденцій. Вліяніе государственной власти на образованіе всего рѣшительнѣе выступаетъ тамъ, гдѣ образованіе достигло такихъ размѣровъ и такого значенія, которые дѣлаютъ желательною юридическую организацію его. Тогда отъ характера государственнаго устройства, отъ отношенія государства къ остальнымъ соціальнымъ силамъ, отъ господствующаго въ управленіи духа будетъ зависѣть, какое направленіе получитъ образованіе, какъ юридически-опредѣленный органъ общественной жизни, и это направленіе имѣетъ рѣшительное вліяніе на самыя разнообразныя, даже самыя незначительныя функціи образовательной дѣятельности. Но еще прежде чѣмъ наступаетъ такое вмѣшательство, общественная власть оказываетъ постоянныя вліянія на развитіе образованія: иные пути пролагаетъ оно себѣ въ большихъ государствахъ, чѣмъ въ маленькихъ обществахъ, иные въ государствахъ монархическихъ, чѣмъ въ республиканскихъ, иные тамъ, гдѣ консервативный духъ господствуетъ въ общественной жизни, чѣмъ тамъ, гдѣ находитъ себѣ свободное поприще любовь къ перемѣнамъ и новшествамъ. Въ одномъ случаѣ въ болѣе благопріятномъ положеніи находится ростъ замкнутыхъ неподвижныхъ формъ образовательной дѣятельности, въ другомъ — ея подвижный и индивидуальный элементъ, хотя бы и безъ прямого воздѣйствія государства, а исключительно въ силу согласія, какое устанавливается само собою въ различныхъ направленіяхъ человѣческой дѣятельности.

Если жизненный и юридическій порядокъ вліяетъ преимущественно на формы и учрежденія образовательной дѣятельности, то нравственностію обусловливаются внутреннѣйшія побужденія, заставляющія стремиться къ соотвѣтственной обработкѣ духовныхъ цѣнностей. Идеалы образованія, какъ бы ни разнообразны были

Digitized by Google

они при различномъ направленіи культурныхъ стремленій, коренятся въ концѣ концовъ въ нравственныхъ воззрѣніяхъ, сужденіяхъ, понятіяхъ, въ которыхъ народъ выражаетъ свою нравственность. Среди мотивовъ образовательнаго стремленія всегда есть мотивъ, вытекающій изъ убѣжденія, что законно, хорошо и согласно съ назначеніемъ человѣка воспринимать и усвоять духовное содержаніе въ той или иной формѣ и такимъ образомъ вводить себя въ извѣстное общество. Тамъ, гдѣ рефлексія, хотя бы это была только наивная народная рефлексія, излагающая свои результаты въ изреченіяхъ и пословицахъ, стремится дать себѣ отчетъ въ этихъ вопросахъ, она не можетъ не поставить въ извѣстное отношеніе другъ къ другу нравственность и образованіе, и различія обнаруживаются лишь въ томъ, что это дѣлается съ большею или меньшею серьезностью. Идеалъ образованнаго человѣка имѣетъ своимъ предшественникомъ идеалъ мудреца. Еще задолго до того времени, какъ является мысль объ общемъ духовномъ достояніи, облагораживающемъ всякаго человѣка, народъ взираетъ на достопочтенный образъ мудреца, который, получивъ отъ божества высшія дарованія, обладаетъ всѣми духовными благами и вмѣстѣ служитъ образцомъ поведенія. Признаками, которые, по общему мнѣнію, приличны для мудреца, Аристотель называетъ слѣдующіе: его знаніе простирается по возможности на все, не останавливаясь на частностяхъ; онъ знаетъ и то, что другому узнать трудно; всюду извѣстны ему основанія; ему дана способность учить другихъ; онъ умѣетъ дѣлать удачныя распоряженія[1]). Все это черты, встрѣчающіяся и въ идеалѣ образованія; и образованіе должно соединять универсальность съ основательностію; кто обладаетъ имъ, тотъ долженъ обладать способностію высказаться и примѣнить свое знаніе и умѣніе. Образованный человѣкъ въ извѣстномъ смыслѣ потомокъ мудреца, ослабленное повтореніе этого древняго

---

[1]) Arist. Met. I, 2.

Digitized by Google

свѣтлаго образа. Но онъ есть и его умноженіе; что было преимуществомъ немногихъ высокоодаренныхъ людей, то становится общимъ достояніемъ большинства, духовная жизнь съ высочайшихъ вершинъ спускается въ низменности [1]).

§ 3.

Такимъ образомъ порядокъ и достойная полнота жизни являются условіями духовнаго облагороженія и уподобленія людей, на которыхъ основывается образованіе; а потому мы должны отрицать образованіе на тѣхъ ступеняхъ развитія, гдѣ эти условія еще не выполнены. Естественные народы, получившіе свое имя отъ того, что ихъ жизнь, не имѣя прочныхъ учрежденій и вмѣстѣ регулированной дѣятельности, находится подъ непрерывнымъ вліяніемъ естественныхъ условій ихъ мѣстожительствъ, не имѣютъ ни образованія, ни образовательныхъ учрежденій.

То же самое можно сказать о юношескихъ націяхъ, которыя, хотя и предназначены своими природными задатками и благопріятными обстоятельствами къ болѣе высокому развитію, но еще не переступили за порогъ этого развитія. Правда, и на этихъ ступеняхъ мы видимъ общее достояніе представленій, умѣній и даже знаній, усвоеніе котораго содѣйствуетъ духовному развитію и отчасти становится цѣлію сознательныхъ стремленій. Уже въ языкѣ заключается идейное содержаніе, получаемое подрастающимъ поколѣніемъ въ качествѣ драгоцѣннаго наслѣдія, и языки естественныхъ народовъ въ своемъ строеніи нерѣдко обнаруживаютъ слѣды своеобразнаго остроумія и въ своемъ запасѣ словъ поразительное богатство наблюденій надъ природою; преданія, восходящія до сѣдой древности, каковы, напр., часто встрѣчающіеся разсказы о великомъ наводненіи, саги и миѳы, въ которыхъ нельзя отрицать

[1]) Ср. „Geschichte des Idealismus", т. I, § 14.

Digitized by Google

ни глубины, ни поэзіи, образуютъ родовое достояніе, которое не можетъ не производить облагораживающаго вліянія; къ этому достоянію часто присоединяются пѣніе и музыкальное искусство, какъ истолкователи чувства; въ изреченіяхъ, пословицахъ и загадкахъ заключены уроки, увѣщанія, образчики разсудительности и остроумія; танцы и воинственныя упражненія выполняются не только ради удовольствія и пользы, но и для того, чтобы сообщить тѣлу эластичность и привлекательность. Въ націяхъ, подготовляющихся къ культурной миссіи, характеристическія черты ихъ позднѣйшаго образованія становятся замѣтными уже въ юношескую эпоху. Хотя герои Гомера не могли еще обладать тою *παιδεία*, какая развилась только на почвѣ самой Гомеровой поэзіи, однако родство того юношескаго обученія, цѣли котораго воспитатель Ахиллеса Финиксъ выражаетъ словами: *μύθων τε ῥητῆρ' ἔμεναι, πρηκτῆρα τε ἔργων* (Il. IX, 445)*), съ образовательною системою въ эпоху процвѣтанія Греціи не подлежитъ никакому сомнѣнію. Точно также въ томъ обученіи, какое въ пѣснѣ Ригсмалъ въ древней Эддѣ получаетъ юный Ярлъ отъ Аза Геймдаллъ-Ригра, не трудно открыть зародыши средневѣковаго рыцарскаго образованія. Однако въ виду всего этого нельзя еще и болѣе даровитымъ естественнымъ народамъ приписывать какой либо типъ образованія. Для этого имъ недостаетъ серьезнаго и сформировавшагося учебнаго матеріала, законченнаго въ извѣстной мѣрѣ круга предметовъ знанія и умѣнія, опредѣленныхъ формъ и ступеней интеллектуальныхъ занятій и начатковъ коллективной организаціи этихъ занятій. Но для изслѣдованія такая не получившая еще прочной формы духовная общественная жизнь, представляющая во всякомъ случаѣ явленіе, аналогичное образованію, имѣетъ важное значеніе потому, что въ этой жизни мы видимъ какъ бы въ жидкомъ состояніи тѣ элементы, постепенная кристаллизація которыхъ обусло-

*) Быть сказателемъ миѳовъ и дѣлъ совершителемъ.

Digitized by Google

вливаетъ возникновеніе извѣстнаго типа духовной культуры, а вмѣстѣ съ тѣмъ видимъ дѣйствіе силъ, которыя продолжаютъ свою работу и на высшихъ ступеняхъ, но легче могутъ быть опущены здѣсь изъ виду: видимъ самопроизвольную ассимиляцію юношей старшимъ, невынужденную передачу и усвоеніе, столь плодотворный, несмотря на свою непринужденность, обмѣнъ въ повседневной жизни.

Какіе успѣхи на поприщѣ цивилизаціи, культуры и нравственности ведутъ за собою выходъ изъ состоянія необразованности, это трудно сказать опредѣленно, однако мы не ошибемся, если отнесемъ поворотный пунктъ къ тому времени, когда въ какомъ либо народѣ начинаетъ распространяться письменность. Письмо есть ферментъ, который наиболѣе могущественнымъ образомъ содѣйствуетъ фиксированію духовнаго содержанія народной жизни: благодаря письму религіозныя представленія получаютъ устойчивую форму въ священныхъ книгахъ; передаваемыя по традиціи свѣдѣнія превращаются въ концентрированное знаніе, которое можетъ сдѣлаться зерномъ ученаго изслѣдованія; изъ распространявшихся устно сагъ и поэтическихъ твореній развиваются каноническія творенія поэзіи; воспоминанія о прошломъ становятся историческими описаніями, правовые обычаи и нравы превращаются въ законы. Только такое твердо установившееся, возвысившееся до письменности, содержаніе становится предметомъ обученія въ собственномъ смыслѣ, а искусство письма, посредствомъ котораго это содержаніе фиксируется, — предметомъ планомѣрнаго упражненія. Чтенію и письму посвящена первая серьезная работа учителя и ученика, и подобно тому, какъ азбука и теперь еще въ процессѣ образованія дѣтей нашихъ стоитъ на порогѣ обученія, такъ она же обозначаетъ начало обученія въ исторіи. Но къ изученію грамоты сводится и возникновеніе школъ, по крайней мѣрѣ, у народовъ, не имѣющихъ письменности, мы хотя и находимъ всюду соединеніе юношества въ цѣляхъ дисциплины и тѣлесныхъ упражненій,

Digitized by Google

но не видимъ соединенія въ цѣляхъ общаго обученія. Пусть данное Коменскимъ названіе школы: officina transfundendae eruditionis e libris in homines[1]) не совсѣмъ удачно, однако школа и книга связаны между собою и стояли въ связи гораздо ранѣе, чѣмъ появились школьные учебники. Но книга есть не только базисъ ученія, но и его восполненіе; „писать значитъ говорить зрѣнію, читать значитъ слушать зрѣніемъ“ [2]); буква становится звукомъ, который слышенъ далѣе и звучитъ долѣе, чѣмъ живой голосъ, и раньше или позже раздается во всей сферѣ народной жизни; еще задолго до появленія литературы для чтенія, въ которой публика ищетъ и находитъ свое образованіе, надпись, листъ и книга становятся орудіями общеполезнаго знанія и сильнѣйшими средствами къ уравненію знаній и умѣній людей.

Иногда все направленіе, принимаемое образованіемъ народа, находится въ рѣшительной зависимости отъ того, въ какой стадіи его развитія распространяется въ немъ письменность, и какое содержаніе впервые пріобрѣтаетъ благодаря ей устойчивую форму и каноническое значеніе; немаловажное содѣйствующее или задерживающее вліяніе на успѣхъ образованія оказываютъ характеръ письма, смотря по тому, облегчаетъ или затрудняетъ онъ изученіе письма, даже техническія средства письма, особенно письменный матеріалъ и сравнительная легкость или трудность его доставки. Иныя слѣдствія получаются тогда, когда первою книгою является сборникъ гимновъ, иныя тогда, когда прежде всего заносятся въ книги историческія воспоминанія, и иныя тогда, когда во главѣ письменности стоятъ законы и юридическія нормы; особыя формы получаетъ изученіе и примѣненіе письма тамъ, гдѣ другъ возлѣ друга употребляются нѣсколько видовъ письма — священный и свѣтскій, архивный и простонародный — и осо-

---

[1]) Opp. Did. O. II, p. 527.

[2]) Heinrich Wuttke, Geschichte der Schrift und des Schrifttums, Leipzig, 1872, стр. 11.

Digitized by Google

быя тамъ, гдѣ существуетъ только одна система; иныя формы тамъ, гдѣ система письма настолько трудна, что все время обученія поглощается ея изученіемъ, и иныя тамъ, гдѣ маленькіе мальчики могутъ овладѣть искусствомъ письма; иныя тогда, когда письменные знаки изображаются на древесныхъ листьяхъ и корѣ или аспидѣ и бумагѣ, и другія тогда, когда письменнымъ матеріаломъ служитъ какой-либо цѣнный предметъ.

Если о народахъ, не имѣющихъ письменности, можно сказать, что они не достигли порога образованія, то остается еще открытымъ вопросъ, всѣмъ ли народамъ, достигшимъ той культурной степени, на которой появляется письменность, можно приписывать и образовательную дѣятельность съ образовательными учрежденіями, или нужно думать, что происхожденіе такой дѣятельности связано еще съ особыми дарованіями и обстоятельствами.

Если принять во вниманіе тѣ признаки образованія, которыми оно отличается отъ культуры, то легко прійти къ мысли, что образованіе есть такой цвѣтъ гуманности, который выростаетъ на почвѣ нравственности и культуры лишь при благопріятныхъ обстоятельствахъ. Легко можетъ показаться, что необходима особая, еще не заключающаяся въ самой культурѣ, творческая дѣятельность, чтобы объединить извѣстные культурные элементы и сдѣлать ихъ такимъ достояніемъ личности, которое бы интеллектуально оплодотворяло, эстетически и нравственно облагораживало ее; легко можетъ возникнуть мысль, что необходимо сначала возвыситься надъ принудительнымъ характеромъ культурной работы, чтобы болѣе свободно пользоваться ея цѣнностями для развитія внутренней жизни. Есть народы и ступени національной жизни, гдѣ обнаруживается уже значительное развитіе культуры, но идея личности развита еще слишкомъ мало, чтобы ея образованіе могло служить цѣлью стремленій. Слѣдуетъ ли въ виду этого отрицать у нихъ и образовательное стремленіе, или же недостатокъ упомянутыхъ моментовъ мы должны объяснять тѣмъ, что

Digitized by Google

идея образованія, какъ и всякая идея, переходитъ въ историческую дѣйствительность не сразу, но съ послѣдовательнымъ расширеніемъ и углубленіемъ?

Отъ рѣшенія этого вопроса зависитъ въ особенности то положеніе, какое можно дать восточнымъ культурнымъ народамъ въ исторіи образованія. Ихъ права на цивилизацію и даже на богатое культурное развитіе стоятъ внѣ всякаго сомнѣнія; но неподвижность ихъ учрежденій и воззрѣній, строгая зависимость индивидуума отъ общества и отъ обычая, повидимому, задерживаютъ болѣе свободныя движенія образовательнаго стремленія. Они смотрѣли на свой жизненный порядокъ и связанное съ нимъ содержаніе жизни, какъ на сокровища, стоящія выше личности, сохраненіе и передача которыхъ составляетъ настоятельнѣйшую задачу человѣка; цѣнность отдѣльной личности полагалась въ томъ, что она занимаетъ свое мѣсто въ соціальномъ организмѣ, охраняетъ и сберегаетъ ввѣренныя ей сокровища, подобно сосуду, наполненному драгоцѣннымъ содержаніемъ. Для древне-восточнаго міровоззрѣнія справедливость то же, что корректное поведеніе, знаніе — то же, что знаніе наизусть, мастерство — умѣнье дѣлать то, что умѣли предки. Хотя мы сказали бы слишкомъ много, если бы стали говорить о „запутавшейся въ узахъ жреческой мудрости и въ глубочайшемъ суевѣріи необразованности“ народовъ древняго востока, однако несомнѣнно, что ихъ соціальное устройство неблагопріятно было для развитія однородной духовной жизни, а ихъ преклоненіе предъ традиціями не благопріятствовало свободному употребленію культурныхъ цѣнностей въ качествѣ образовательныхъ матеріаловъ.

Но отрицать въ виду этого существованіе восточнаго типа образованія значило бы слишкомъ низко цѣнить духовную дѣятельность и творчество этихъ древнихъ почтенныхъ націй и придерживаться предразсудковъ, которые въ наше время можно считать устраненными. При ближайшемъ ознакомленіи съ древнимъ востокомъ обычное представленіе о ревнивыхъ, гордыхъ своими

Digitized by Google

пустыми тайнами жреческихъ кастахъ, возбранявшихъ народу доступъ къ знанію съ цѣлію держать его въ тупомъ повиновеніи, оказывается несостоятельнымъ. Народы эти въ разныхъ формахъ раскрыли идеалъ мудреца и вмѣстѣ разработали идеалъ образованнаго человѣка. Относительно Египта уже греческія извѣстія свидѣтельствуютъ, что тамъ очень рано отъ жреческаго образованія отдѣлилось, какъ особая вѣтвь, образованіе простонародное, которое Платонъ не колеблется рекомендовать своимъ соотечественникамъ, какъ образованіе во многихъ отношеніяхъ образцовое[1]); что у индусовъ знаніе Ведъ не составляло монополіи браминовъ, а религіозное обученіе одинаково назначалось, да и теперь еще назначается, для воиновъ и ремесленниковъ, это можно считать несомнѣннымъ. Учебныя учрежденія индусовъ представляютъ весьма широкую и сложную систему, хотя по формѣ имѣютъ болѣе семейный, чѣмъ школьный характеръ; учебное дѣло египтянъ было хорошо организовано и распредѣлено по ступенямъ; индусы обладаютъ не только ученою, но и изящною литературой, которая служитъ не цѣлямъ научныхъ занятій, а благородному досугу. Но нельзя сказать и того, что личный факторъ образованія вовсе не имѣетъ представителей на востокѣ, какъ это можетъ показаться на первый взглядъ. Индусъ отличаетъ ученаго отъ образованнаго и заимствуетъ названіе послѣдняго отъ того же самаго представленія, которое лежитъ въ основѣ и нашего слова, только связываетъ это понятіе не съ лѣпкой сосуда, какъ мы, но, въ сущности еще болѣе выразительно, соединяетъ это понятіе съ обжиганіемъ сосуда: для него образованный человѣкъ vidagdha, хорошо обожженный; есть у него выраженіе и для полуобразованнаго человѣка: между viçêshajna, всесторонне обученнымъ человѣкомъ, и ajna, несвѣдущимъ, стоитъ durvidagdha, плохо обожженный, съ которымъ самъ Брама не можетъ ничего подѣлать, который все равно,

[1]) Plat. Legg. VII, p. 819.

Digitized by Google

что никуда негодная середина[1]). Если благородное самосознаніе можетъ считаться доказательствомъ внутренней переработки знанія, то и его нельзя отрицать у египтянъ, разъ можно считать подлинными гордыя слова египетскаго жреца у Платона: „вы, греки, всегда дѣти, и грекъ никогда не сдѣлается старикомъ; у всѣхъ васъ ребячій умъ, такъ какъ у васъ нѣтъ подслушаннаго у древности знанія и сѣдого отъ старости ученія“ [2]), — слова, въ которыхъ одинаково хорошо выражается и духъ восточной традиціонности, и достоинство достигшей извѣстнаго совершенства личности. Но начинать исторію образованія прямо народомъ съ вѣчно дѣтскимъ умомъ это значило бы быть несправедливымъ къ своеобразному и нелишенному глубины, хотя еще и несовершенному, пониманію идеи образованія, которое мы встрѣчаемъ въ націяхъ древняго востока, бывшихъ отчасти учителями грековъ и даже всего запада.

[1]) Bhartrihari I, 52, 87 въ Sanskrit-Chrestomathie Böthlingk'a, St. Petersburg 1845, стр. 198.
[2]) Plat. Tim. p. 22.

Digitized by Google

II.

Восточное образованіе.

---

§ 4.

Изъ великихъ самородныхъ культуръ востока, начатки которыхъ теряются въ глубокой древности, а существованіе измѣряется тысячелѣтіями, культура индійскихъ арійцевъ сдѣлалась наиболѣе доступною для насъ и ея внутреннія пластическія силы стали понятными ранѣе всѣхъ другихъ. Племенное родство наше съ санскритскимъ народомъ позволяетъ намъ до нѣкоторой степени перебросить мостъ чрезъ двойную пропасть, отдѣляющую восточный и западный, древній и современный міръ; нѣкоторую связь между ними устанавливаютъ, съ одной стороны, западные элементы, имѣющіеся и въ индійскомъ образованіи, а съ другой стороны — дары и импульсы, которыми мы обязаны этому образованію; наконецъ то обстоятельство, что эта культура продолжаетъ еще существовать, даетъ намъ возможность получить наглядное представленіе, по крайней мѣрѣ, о нѣкоторыхъ развившихся изъ нея жизненныхъ формахъ.

Основою индійскаго образованія является литература, которую индусъ называетъ именемъ Веды, т.-е. науки. Ядро этой литературы, въ свою очередь, составляютъ гимны, молитвы, формулы и изреченія, относящіеся къ богослуженію, особенно къ жертвоприношеніямъ;

Digitized by Google

Ригведа обнимаетъ воззванія къ богамъ, которыя долженъ произносить особо назначенный для этого жрецъ (Hôtar); Самаведа — молитвы жреца, приносящаго жертвы (Udgâtar), въ которыхъ повторяются стихи Ригведы въ другихъ сочетаніяхъ; Яюрведа (Yajurveda) заключаетъ священныя формулы, которыя произноситъ Adhvaryu; Атарваведа есть служебникъ особой группы жрецовъ, служащихъ огню, которая не имѣетъ опредѣленной функціи въ общественномъ богослуженіи. Къ sanhitâ каждой изъ этихъ четырехъ Ведъ, т. е. къ самому тексту молитвъ и формулъ, или къ гимнологической части, примыкаютъ brâhmana и sûtra, т.-е. объясненія литургическаго, догматическаго и назидательнаго содержанія, которыя составляютъ основной стволъ теологіи Ведъ[1]).

Если оба эти элемента, гимнологическій и догматико-литургическій, составляютъ какъ бы внутренніе поясы Ведъ, то на периферіи вокругъ нихъ располагаются и примыкаютъ къ нимъ всѣ произведенія индійской науки и литературы и притомъ такъ тѣсно, что строгое опредѣленіе границъ, до которыхъ простираются Веды и за которыми начинаются ихъ пристройки и отпрыски, кажется почти невозможнымъ[2]). Какія направленія указывало изученіе Ведъ для духовной дѣятельности, это показываютъ различныя системы, въ которыя приведены были способы объясненія священныхъ текстовъ. Иногда различались четыре способа объясненія Ведъ: этимологическій, миѳическій, т. е. объясненіе посредствомъ разсказовъ и исторій, обрядовый, состоявшій въ изъясненіи жертвеннаго ритуала, и, наконецъ, способъ мотивирующій, имѣвшій въ виду раскрытіе внутреннихъ основаній и связей[3]). Иногда указывали на шесть Vêdânga, т. е. членовъ Ведъ или направленій изслѣдованія, вытекающихъ органически изъ основной книги: фонетику (çikshâ), ученіе о церемоніалѣ (kalpa),

---

[1]) A. Weber, Vorlesungen über indische Litteraturgeschichte, 2 Aufl. 1876, стр. 8 и дал.
[2]) A. Ludwig, Der Rigveda, Bd. III, стр. 15 и дал.
[3]) Тамъ же, стр. 75.

Digitized by Google

грамматику (vyâkarana), экзегезисъ (nirukta), метрику (chanda), астрономію (jyôtisha); послѣдняя является важною частію жреческой науки, потому что время жертвъ нужно было тщательно опредѣлять заранѣе[1]). Еще обширнѣе система десяти наукъ, которыя, какъ говорится въ этой системѣ, извлечены изъ Ведъ „старыми учителями, знакомыми съ содержаніемъ Ведъ, и изложены отдѣльно для болѣе легкаго пониманія". Эта система, кромѣ упомянутыхъ шести дисциплинъ, содержитъ еще: книгу законовъ, т. е. юриспруденію (dharmaçâstra), легенду (purâna), логику (nyâya — vistava) и догматику (mîmânsâ) [2]). Точно такъ же обѣ Упаведы, которыя трактуютъ о музыкѣ и врачебномъ искусствѣ, относятся къ развѣтвленіямъ Ведъ.

Въ этой системѣ выдающееся положеніе какъ по древности, такъ и по достоинству, занимаетъ грамматика, являющаяся важнѣйшею дисциплиной и въ индійскомъ образованіи. Брамины воздавали языку божескія почести и обращались къ нему съ гимнами, но вмѣстѣ съ тѣмъ подвергали организмъ языка самому искусному расчлененію. Знаніе звуковой системы, по всей вѣроятности, древнѣе, чѣмъ завершеніе гимнологической части Ригведы[3]); опираясь на работы многихъ поколѣній, Панини, время жизни котораго большая часть санскритологовъ относитъ къ эпохѣ Александра Великаго, создалъ каноническую грамматику, излагающую въ восьми книгахъ и четырехъ тысячахъ правилъ законы санскритскаго языка. Объ этой грамматикѣ М. Мюллеръ говоритъ, что она выполняетъ чисто эмпирическій анализъ языка полнѣе, чѣмъ какое бы то ни было произведеніе всей

---

[1]) Тамъ же, стр. 74.

[2]) Max. Müller, Rigvêda-Prâtiçâkhya, das älteste Lehrbuch der vedischen Phonetik. Text und Übersetzung mit Anmerkungen. Leipzig 1869, стр. VIII.

[3]) Людвигъ объясняетъ 15 и 16 строфу гимна X, 37 (въ его переводѣ № 978) въ томъ смыслѣ, что въ семи сильныхъ, которые поднимаются снизу, олицетворяются губные звуки, въ восьми, спускающихся сверху,— гортанные, въ девяти, выводимыхъ языкомъ, — поднёбные, въ десяти, проходящихъ чрезъ сводъ скалъ, — зубные и язычные, въ послѣднихъ десяти — гласные, въ матери — голосъ, въ литомцѣ — дыханіе.

Digitized by Google

грамматической литературы всѣхъ націй[1]). Значеніе преподаванія грамматики должно было возвышаться тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе удалялся разговорный языкъ отъ классическаго (sanskrita) языка литературы и чѣмъ труднѣе становилось пониманіе текстовъ; отсюда напыщенныя похвалы по адресу грамматики, какъ искусства, которое ведетъ къ блаженству, сообщаетъ откровенія о божествѣ, достигнуто аскетическими подвигами людей и т. д. Для преподаванія составлены были особые учебники, такъ какъ грамматика Панини, въ виду ея чрезмѣрной краткости, казалась менѣе пригодною для этой цѣли; позднѣйшаго происхожденія, но въ большомъ употребленіи былъ учебникъ языка Siddhânta Kaumudi, „Лунный свѣтъ законовъ языка“, изъ котораго въ свою очередь сдѣлано было извлеченіе: Laghu — siddhânta Kaumudi, „Малый лунный свѣтъ“. Послѣдній и теперь еще служитъ обычнымъ элементарнымъ руководствомъ изучающаго санскритскій языкъ молодого индуса[2]).

Подобно грамматикѣ, и словесное искусство индусовъ имѣетъ свои корни въ Ведахъ; крупныя эпическія поэмы Mahâbhârata и Ramâyana, называемыя общимъ именемъ itihâsa, пользуются такимъ же каноническимъ уваженіемъ, какъ Веды, и называются иногда пятою Ведой[3]). Въ нихъ историческіе и назидательные элементы переплетаются другъ съ другомъ; но только послѣдніе развиваются подробнѣе; историческій интересъ, при всемъ благоговѣніи къ прошлому, у индусовъ не

---

[1]) Max Müller. Vorlesungen über die Wissenschaft der Sprache. Deutsch von C. Böttger, Leipzig 1866, I, стр. 99.

[2]) Это руководство составлено на санскритскомъ языкѣ, при чемъ индусы также мало смущались тѣмъ, что ученикъ изучаетъ ignotum per ignotum, какъ наши предки написанными на латинскомъ языкѣ грамматиками латинскаго языка. Оно въ 1000 сутръ излагаетъ: ученіе о звукахъ, группы которыхъ усвояются въ остроумныхъ сокращеніяхъ, правила благозвучія, склоненіе (въ неудачномъ порядкѣ), спряженіе и словообразованіе. По усвоеніи „Малаго луннаго свѣта“ слѣдуетъ самый „Лунный свѣтъ“, затѣмъ лексиконъ корней (Dhâtupatha) и перечень синонимовъ въ стихахъ (Amara-kosha, „безсмертное сокровище“). Затѣмъ уже переходятъ къ чтенію поэтовъ. Ср. статью Баллантина въ газетѣ: „The Pandit“: „The Pandits and their manner of teaching“, 1867, № 10 и 1868, № 21 и 23.

[3]) Людвигъ, цитованное сочиненіе, стр. 16.

Digitized by Google

развился, потому ли, что онъ извращенъ былъ наклонностію къ фантастическимъ и аллегорическимъ понятіямъ, или потому, что элегически-мистическій взглядъ на преходящій характеръ всего человѣческаго внушалъ мысль о низкой цѣнности историческихъ описаній. За то тѣмъ болѣе благопріятную почву нашла нравоучительная поэзія, особенно басня; поэтическія басни были въ ходу уже до македонскаго нашествія[1]), и еще прежде, чѣмъ они получили форму извѣстныхъ намъ сборниковъ, обитатели западныхъ частей востока дѣлали уже заимствованія изъ запаса индійскихъ сказаній; ихъ посредству главнымъ образомъ обязаны мы распространившимися у насъ отраслями животнаго эпоса[2]). Подобно нравоучительному разсказу весьма популярна и приточная мудрость, хотя ей и не удѣлялось особаго вниманія въ преподаваніи; наоборотъ, пѣсня отступаетъ на задній планъ, музыка также не сдѣлалась элементомъ жизни и образованія, хотя и употребляется при богослуженіи, имѣетъ представителей въ миѳологіи въ лицѣ гандгарвовъ и даже разработана была теоретически[3]); то же можно сказать о драмѣ: начатки ея стояли въ связи съ культомъ и имѣютъ національное происхожденіе, но раскрыты были они только благодаря греческому вліянію.

Теорія словеснаго искусства, болѣе поздняго происхожденія, чѣмъ грамматика, также возвысилась до значенія предмета образовательныхъ занятій. Индійская

---

[1]) Lassen, Indische Altertumskunde, Bonn 1847, II, 501.

[2]) Ср. подробное изслѣдованіе Бензея въ его переводѣ Pancatantra, Лейпцигъ, 1859, т. I. Введеніе: О главномъ индійскомъ произведеніи и его развѣтвленіяхъ, равно какъ объ источникахъ и распространеніи его содержанія; и Hermann Varnhagen: Ein indisches Märchen auf seiner Wanderung durch die asiatischen und europäischen Litteraturen. Berlin 1882 (Индійская сказка и ея странствія въ азіатскихъ и европейскихъ литературахъ. Берлинъ 1882).

[3]) Одинъ учебникъ называется Gândharvavêda, „наука гандгарвовъ". Отъ индусовъ ведетъ свое происхожденіе названіе тоновъ по ихъ начальнымъ буквамъ; по Бензею („Индія" въ „Энциклопедіи" Эрша и Грубера), индійская формула: sa ri ga ma pa dha ni перешла сначала къ персамъ, потомъ къ арабамъ и наконецъ къ итальянцамъ (Guida von Arezzo). Ср. A. Weber, Vorlesungen, стр. 291.

Digitized by Google

реторика и піитика, начатки которыхъ восходятъ къ шестому вѣку до Рождества Христова, трактуютъ о значеніи словъ, о видахъ поэтическаго искусства, о родахъ стиля и ихъ соединеніи, объ ошибкахъ стиля и объ украшеніи дикціи[1]).

Логика является вспомогательною наукою догматики и находится въ самой тѣсной связи съ послѣднею; она есть ученіе о трехъ доказательствахъ и ихъ источникахъ, которыми называются: ощущеніе, умозаключеніе и авторитетъ священныхъ писаній. Правда, греки сообщаютъ объ индійскихъ логикахъ, которые занимались своимъ искусствомъ ex professo — о *πρᾶμναι* (prâmâna),— однако они презирались браминами, какъ болтуны, и въ качествѣ учителей не имѣли никакого значенія[2]).

Хотя изъ математическихъ наукъ къ дисциплинамъ Ведъ причисляется только астрономія, однако и происхожденіе остальныхъ математическихъ наукъ связано съ теологіей; первые начатки индійской алгебры находятся въ учебникѣ метрики Ведъ, гдѣ смѣны долгихъ и короткихъ звуковъ, возможныя въ метрѣ съ опредѣленнымъ числомъ слоговъ, изображаются въ формѣ загадки, а геометрическія указанія впервые появляются въ сочиненіяхъ, которыя трактуютъ о ритуалѣ[3]). Принадлежа къ предметамъ ученыхъ занятій жрецовъ, математика,

---

[1]) Изъ наиболѣе употребительнаго теперь учебника Sâhitya Dêrpana Баллантинъ въ цитованныхъ выше (стр. 137, прим. 2) статьяхъ приводитъ нѣсколько образчиковъ: „Что такое предложеніе?“ „Совокупность словъ, которыя соединимы, относятся другъ къ другу и связаны между собою“. Для объясненія прибавляется: „Онъ поливаетъ огнемъ“ не будетъ предложеніемъ, потому что здѣсь слова не соединимы; „корова, лошадь, человѣкъ, слонъ“ тоже не предложеніе, потому что эти слова не имѣютъ никакого отношенія другъ къ другу; если я скажу теперь: „Dêvadatta“ и 24 часа спустя: „идетъ“, то опять не будетъ предложенія, потому что слова раздѣлены между собою. — „Что такое слово?“ „Рядъ буквъ, которыя связаны употребленіемъ, но не въ логическомъ порядкѣ (т. е. не въ той смѣнѣ звуковъ, какую они имѣютъ въ звуковой системѣ) и имѣютъ какое либо значеніе“. Значеніе можетъ быть троякое: прямое, косвенное и подразумѣваемое. По роду слова раздѣляются на имена пола, имена свойства, собственныя имена, имена дѣятельности.—Поэзія бываетъ двухъ родовъ, наглядная (т. е. такая, которая занимаетъ наглядное воззрѣніе), и такая, которую можно только слышать“.

[2]) Strabo, XV, p. 719 и Lassen, цитов. сочин., I, 835.

[3]) A. Weber, цитов. соч., стр. 274, прим.

Digitized by Google

однако, не осталась безъ вліянія на духовную жизнь всего народа; индусы изобрѣли систему обозначенія чиселъ, основанную на геніальной мысли выражать мѣстомъ цифръ, какую степень 10 эти цифры имѣютъ своимъ производителемъ. Впослѣдствіи эту систему заимствовали у нихъ всѣ культурные народы и отъ нея зависѣли всѣ успѣхи ариѳметики. Такое изобрѣтеніе могло появиться только въ народѣ, который долго и охотно оперировалъ съ числами, и должно было въ свою очередь повліять на развитіе чувства чиселъ и счисленія во всей націи[1]). О математическихъ дарованіяхъ, проявлявшихся внѣ сферы ученыхъ занятій, свидѣтельствуетъ и тотъ фактъ, что въ Индіи же изобрѣтена была и шахматная игра, самая остроумная изъ всѣхъ военныхъ игръ, настоящая школа памяти на мѣста и комбинирующей способности.

Носителемъ индійскаго образованія является собственно каста браминовъ, ведущая свое происхожденіе изъ головы Бога, изъ частей котораго возникъ міръ; однако, Веда открыта также и членамъ касты воиновъ и ремесленниковъ, т. е. всѣмъ арійцамъ (Агуа) или соплеменникамъ; не допускаемая къ этому изученію каста судръ отдѣлялась отъ остальныхъ не только въ соціальномъ, но и въ этнографическомъ отношеніяхъ. Чрезъ опоясаніе священнымъ поясомъ молодой аріецъ принимается въ число членовъ религіознаго союза: браминскій мальчикъ — на восьмомъ, сынъ кшатрія — на одиннадцатомъ, сынъ вайсія — на двѣнадцатомъ году, а затѣмъ слѣдуетъ наставленіе въ Ведахъ, начинающееся съ грамматики. Обученіе ведетъ браминъ: мальчики становятся его домочадцами и вмѣстѣ слугами, скорѣе подручными, чѣмъ учениками; формы обученія

---

[1]) Индійскія цифры суть сокращенныя формы начальныхъ буквъ санскритскихъ именъ числительныхъ отъ 1 до 9; знакомъ для нуля, въ изобрѣтеніи котораго заключается чисто спекулятивный результатъ системы, служитъ начальная буква слова çûnya (пустой). У индусовъ децимальную цифровую систему и ея знаки заимствовали прежде всего арабы, бывшіе посредниками въ дальнѣйшемъ распространеніи ея на западѣ.

Digitized by Google

торжественныя и древнія[1]), дисциплина мягкая. На изученіе одной Веды назначается двѣнадцать лѣтъ; для всѣхъ четырехъ Ведъ 48 лѣтъ. Время обученія заканчивается религіознымъ актомъ, который празднуетъ „второе рожденіе“ ученика. Большая часть учениковъ оставляютъ домъ учителя (guru) приблизительно въ возрастѣ 20 лѣтъ другіе остаются при немъ всю свою жизнь.

Браминскія школы съ коллегіальнымъ обученіемъ появились поздно и, вѣроятно, возникли по подражанію магометанскимъ медрессе (академіямъ). Подобно тому, какъ богослуженіе индусовъ не концентрируется около извѣстныхъ храмовъ, а ученость ихъ около храмовыхъ библіотекъ и архивовъ, такъ и высшее образованіе не принимаетъ у нихъ замкнутыхъ коллективныхъ формъ. Наоборотъ, школы письма и чтенія въ Индіи весьма многочисленны, но также безъ твердой организаціи. Ученики сидятъ большею частью подъ открытымъ небомъ вокругъ учителя и упражняются въ письмѣ на пальмовыхъ листьяхъ; если число ихъ слишкомъ велико, учитель употребляетъ болѣе зрѣлыхъ въ качествѣ помощниковъ по способу взаимнаго обученія, которому д-ръ Андрей Белль (Andreas Bell), директоръ сиротскаго

---

[1]) Въ Rigvêda-prâtiçâkya, изданной Максомъ Мюллеромъ въ 1869 году, находимъ слѣдующія правила: „Пусть учитель произноситъ слова передъ учениками, посвятившими себя ему и ученію, слѣдующимъ образомъ: пусть онъ сядетъ лицомъ въ хорошую страну свѣта: къ востоку, сѣверу или сѣверо-востоку. Одинъ ученикъ пусть садится вправо (на югъ), также и двое, а если ихъ много, то садятся такъ, какъ позволяетъ мѣсто. Всѣ ученики, обнявъ ноги учителя и возложивъ ихъ на свою голову, просятъ его, говоря: „читай, господинъ“. Учитель отвѣчаетъ: „Om! Пусть первая молитва, которая есть дверь къ небу для учителей и учениковъ, всегда будетъ началомъ занятій...“ По новому приглашенію учитель начинаетъ произносить слова и притомъ каждое слово выговариваетъ два раза. Когда произнесена извѣстная группа или нѣсколько словъ, первый ученикъ произноситъ первое слово, а когда что-нибудь нужно объяснить, то приглашеніе къ этому дѣлается словомъ Bho (достопочтенный); когда слово объяснено, согласіе выражается словами Om Bhô. Послѣ того, какъ окончена будетъ такимъ образомъ одна Praçna, ученики запоминаютъ ее и для этого безъ перерыва повторяютъ ее ровнымъ высокимъ тономъ, при чемъ самостоятельныя слова не сокращаются, а составные члены въ сложныхъ словахъ легонько отдѣляются другъ отъ друга... Послѣ того, какъ всѣ произнесутъ такимъ образомъ свой урокъ, Praçna за Praçna, и обнимутъ ноги учителя, ученики отпускаются, куда имъ угодно“.

Digitized by Google

дома въ Мадрасѣ († 1832), выучился у индусовъ, чтобы пересадить его въ Европу въ формѣ системы мониторовъ. Грамотность широко распространена и была извѣстна населенію болѣе, чѣмъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ: македоняне изумлялись надписямъ съ указаніемъ мѣста и разстоянія, которыя они повсюду встрѣчали по дорогамъ Пенджаба[1]).

Если теперь мы спросимъ, какое значеніе приписывали индусы духовнымъ пріобрѣтеніямъ, то найдемъ много свидѣтельствъ, что они чрезвычайно высоко цѣнили знаніе, ученіе и преподаваніе. Одно изъ изреченій Бхартрихари гласитъ: „знаніе (vidyâ) есть величайшее украшеніе человѣка, вѣрное сокровище; оно даетъ наслажденіе, славу и счастіе; знаніе — это учитель учителей, другъ на чужбинѣ, непреходящая сила, чистая драгоцѣнность, достойная царей; отними у человѣка знаніе, и онъ сдѣлается животнымъ“[2]). Въ книгѣ законовъ Ману, кодексѣ индійской юриспруденціи, говорится: „Кто сообщаетъ священное знаніе Ведъ, тотъ отецъ, заслуживающій болѣе высокаго уваженія, чѣмъ тотъ, кто даетъ только естественное бытіе, такъ какъ второе или божественное рожденіе даетъ возрожденнымъ вѣчную жизнь не только въ этомъ мірѣ, но и въ будущемъ. Тò, чтò родители для своего взаимнаго удовольствія даютъ какому либо существу, есть лишь человѣческое рожденіе; между тѣмъ рожденіе, которое даетъ учитель Ведъ, есть истинное рожденіе, которому не можетъ повредить ни смерть, ни возрастъ. Кто дѣлаетъ кому либо благодѣяніе священнаго знанія, будетъ ли оно велико или мало, того за это небесное благодѣяніе слѣдуетъ называть Guru или достопочтеннымъ отцомъ“[3]). Изъ подобнаго же воззрѣнія вытекаетъ взглядъ, что человѣкъ есть троякій должникъ: во первыхъ, должникъ мудрецовъ, основателей и отцовъ вѣры, затѣмъ уже должникъ боговъ, наконецъ, должникъ ро-

---

[1]) Megasthenes frg. 34, 3 Schwanb.
[2]) Въ Sanskritchrestomathie Böthlingk'a, стр. 199.
[3]) Manu II, 146—149.

Digitized by Google

дителей[1]). Въ этихъ и многихъ другихъ изреченіяхъ знаніе объявляется достойнымъ стремленій ради мистическаго совершенства, къ которому оно ведетъ; при всей высокой оцѣнкѣ его оно есть только средство къ цѣли, переходный пунктъ къ концу дороги. Разъ цѣль и конецъ достигнуты, сокровища знанія уже не имѣютъ никакой цѣны и могутъ подвергнуться забвенію. Круговоротъ стремленія къ знанію принимаетъ у индуса такую форму, что мальчикъ съ благоговѣйною преданностью изучаетъ Веды, съ цѣлью вѣрно исполнять ихъ предписанія въ возрастѣ мужчины, а въ возрастѣ старика забыть ученіе и законъ въ глубокомъ созерцаніи. „Есть еще браминскія семейства, въ которыхъ сынъ слово за словомъ заучиваетъ наизусть старинныя священныя пѣсни, отецъ ежедневно исполняетъ свои обязанности и жертвоприношенія, тогда какъ дѣдъ считаетъ суетными всѣ обряды и церемоніи, въ божествахъ Ведъ не видитъ ничего, кромѣ наименованій того, что, какъ онъ знаетъ, выше всякаго имени, и ищетъ покоя тамъ, гдѣ только можно найти его, въ высшемъ философскомъ познаніи, которое есть для него и высшая религія: оно есть Vêdânta, конецъ, цѣль, исполненіе всей Веды“[2]). Подобное саморазложеніе знанія мы видимъ у одностороннихъ мистиковъ всѣхъ временъ, но какъ система, оно встрѣчается только у индусовъ, заслуги которыхъ въ области изслѣдованія и образованія кажутся тѣмъ удивительнѣе, если сопоставить ихъ съ конечною цѣлью ихъ духовной дѣятельности: futura oblivio (конечнымъ забвеніемъ).

§ 5.

Въ образованіи египтянъ есть несомнѣнныя аналогіи индійскому: и у нихъ сборники гимновъ составляютъ ядро богословской литературы, а эта литература

[1]) Max Müller, Religion und Philosophie. Deutsche Rundschau. 1879, I, стр. 57 и далѣе.
[2]) Тамъ же.

Digitized by Google

въ свою очередь служитъ исходнымъ пунктомъ науки и образовательныхъ занятій, жреческая каста является питомникомъ и хранителемъ знанія, въ извѣстной мѣрѣ знаніе озаряетъ лучами своего свѣта весь народъ и даже чужія націи, и умственная дѣтельность служитъ нравственно-религіознымъ интересамъ. Но въ частностяхъ обнаруживаются разности, заслуживающія вниманія.

Священная литература древнихъ египтянъ состояла изъ 42 книгъ, происхожденіе которыхъ они приписываютъ богу Тотъ; послѣдняго греки отождествляли со своимъ Гермесомъ,— отсюда имя герметическія книги. Самою древнею и священною считалась книга хвалебныхъ пѣсней; полагаютъ, что книга эта открыта въ сборникѣ гимновъ, который въ бо́льшихъ или меньшихъ размѣрахъ встрѣчается въ свиткахъ папируса въ древне-египетскихъ гробницахъ (изданъ Лепсіусомъ въ 1842 году подъ заглавіемъ: „Книга мертвыхъ у египтянъ"); второе мѣсто занимала книга о правомъ или царскомъ поведеніи, заключающая житейскія предписанія, читавшаяся, подобно книгѣ гимновъ, во всѣхъ торжественныхъ процессіяхъ и по своему содержанію извѣстная всему народу. Ученаго содержанія были четыре слѣдующія книги гороскопа содержавшія описаніе неба, ученіе о солнцѣ и лунѣ и о восходѣ звѣздъ. Слѣдующія десять книгъ заключали въ себѣ ученость жреца-книжника (*ἱερογραμματεύς*), которая состояла въ знаніи іероглифовъ, въ описаніи міра — „касавшемся законовъ солнца, луны и планетъ"—, въ землеописаніи и въ искусствѣ измѣренія, особенно примѣнительно къ Нилу, наконецъ въ наукѣ о сооруженіи и украшеніи храмовъ. Дальнѣйшія десять книгъ были литургическаго содержанія и составляли знаніе церемоніймейстера; слѣдующія десять были жреческими книгами въ собственномъ смыслѣ и составляли науку верховнаго жреца (пророка): ученіе о богахъ и законахъ, т.-е. вѣроученіе и правовѣдѣніе. Послѣднія шесть книгъ по авторитету уступаютъ перечисленнымъ и собственно

Digitized by Google

не принадлежатъ къ канону: „онѣ трактуютъ о свойствахъ тѣла, о болѣзняхъ, объ инструментахъ, о лѣкарствахъ, объ обращеніи съ глазами и о женскомъ полѣ“ [1]).

Эти произведенія, списокъ которыхъ находился въ архивѣ каждаго храма, составляли ядро весьма обширной литературы; количество всѣхъ, относящихся къ ней, сочиненій египтяне опредѣляли въ 36525, число большого періода Сотисъ, получившееся отъ умноженія дней года на сто.

Сравнительно съ науками Ведъ, въ содержаніи книгъ Тота грамматика занимаетъ менѣе видное мѣсто (выступая, повидимому, только въ формѣ ученія объ іероглифахъ); наоборотъ, мы видимъ здѣсь болѣе широкое развитіе математическихъ наукъ, особенно астрономіи, рядомъ съ которой стоитъ здѣсь и географія, точно такъ же видимъ и болѣе высокую оцѣнку врачебнаго искусства. Сверхъ того, у египтянъ весьма ясно выраженъ интересъ къ исторіи: они вели ежегодныя записи о дѣяніяхъ своихъ царей, увѣковѣчивали достопамятныя событія всякаго рода въ надписяхъ и видѣли свою славу въ знаніи древности, которое охотно сообщали и иностранцамъ [2]).

Попеченіе объ этихъ многосложныхъ познаніяхъ лежало на обязанности жреческаго сословія, однако такъ, что отдѣльныя группы жрецовъ занимались опредѣленными науками; они должны были знать наизусть и „носить на устахъ“ книги Тота, въ которыхъ заключались эти науки, и только жрецамъ высшаго ранга предоставлена была вся совокупность знанія. Однако такое распредѣленіе знанія не препятствовало египтянамъ считать извѣстныя духовныя блага общимъ достояніемъ, хотя и въ условномъ смыслѣ слова. Такимъ достояніемъ

---

[1]) Главное мѣсто у Климента Алекс. Strom. VI, 4, p. 269 ed. Sylburg, изслѣдовано у Ленсіуса, Chronologie der Ägypter, у E. Röth'a, Geschichte der abendländischen Philosophie, Mannheim 1862, I, стр. 112 и дал., и у Heinrich'a Wuttke, Geschichte der Schrift, Leipzig 1872, стр. 557 и дал.

[2]) Her. II, 3 и 100. Diod. I, 73. Tac. Ann. II, 60.

Digitized by Google

считались шесть даровъ общественной жизни, дарованныхъ всѣмъ египтянамъ отъ Тота-Гермеса: языкъ, письмо, культъ боговъ, знаніе звѣздъ, музыкальное искусство и искусство ухода за тѣломъ[1]). Употребленіе письма имѣло чрезвычайно широкіе размѣры, и умѣнье читать и писать распространено было во всемъ народѣ. „Исполинскимъ письмомъ говорили храмы, въ воззваніяхъ къ богамъ и въ похвалахъ князьямъ давали они зрителямъ уроки вѣры и напоминанія о національной славѣ; открыто предъ взорами каждаго эти надписи глубоко начертаны были на надежнѣйшихъ памятникахъ, на гранитѣ и порфирѣ, чтобы постоянно говорить народу[2]). Письменные свитки давались умершимъ для таинственнаго путешествія въ загробный міръ; благочестивыя изреченія, пожеланія и замѣтки всякаго рода были написаны на предметахъ повседневнаго употребленія; судебный процессъ, заключеніе договоровъ были письменные; все, сколько-нибудь значительное, заключалось въ письмена; изображенія часто представляютъ боговъ и людей пишущими. Изъ іероглифическаго письма, знаки котораго, почти 650 числомъ, выражаютъ частью отдѣльные звуки, а въ большинствѣ случаевъ нѣсколько звуковъ и большинствомъ египтологовъ объясняются символически, а Зейффартомъ и его послѣдователями — фонетически, развилось, путемъ сокращенія знаковъ, гіератическое или жреческое книжное письмо, а изъ послѣдняго, съ 500 года до Рождества Христова, путемъ дальнѣйшихъ сокращеній,— демотическое или рукописное письмо, обнимающее 350 знаковъ[3]). Ученыя занятія, которыхъ требовала эта система письма, были дѣломъ жрецовъ[4]); но и члены низшихъ кастъ получали элементарное обученіе письму и чтенію[5]).

---

[1]) Diod. I, 16. Срв. Plat. Phaedr. p. 213.
[2]) Heinrich Wuttke, цитов. сочин., стр. 576 и дал.
[3]) M. Uhlemann, Thoth oder die Wissenschaften der alten Ägypter. Göttingen 1850, стр. 173 и дал.
[4]) Diod. I, 81, нач.
[5]) Plat. Legg. VII, p. 819.

Digitized by Google

Дальнѣйшимъ предметомъ народнаго обученія было искусство счисленія и ученіе о пространствѣ; Платонъ съ похвалою указываетъ на общераспространенность этихъ знаній въ народѣ и не одобряетъ лишь того, что они имѣли въ виду только практическія цѣли и не производили болѣе высокаго, облагораживающаго вліянія[1]). Такими практическими цѣлями были цѣли сношеній, техники, особенно строительнаго искусства и управленія; египетскій локоть отличался точностью своего дѣленія; сохранившіеся рисунки гробницъ точно соотвѣтствуютъ дѣйствительнымъ; рисованіе полевыхъ и земельныхъ картъ для внесенія въ поземельную книгу и для статистическихъ цѣлей восходитъ къ глубокой древности[2]). Въ цифровой системѣ египтянъ нѣтъ спекулятивной идеи системы индійской[3]), но ихъ теорія чиселъ, равно какъ ихъ геометрія, не разъ служившія сильными импульсами для греческихъ мыслителей, нужно думать, имѣли философскій характеръ[4]). Изученіе и изъясненіе звѣздъ по существу дѣла не могли имѣть такого же распространенія, какъ искусство счисленія и измѣренія; но то обстоятельство, что они встрѣчаются въ священныхъ книгахъ два раза: въ качествѣ высшей науки іерограмматевса и низшей науки гороскопа показываетъ, что нѣкоторыя важнѣйшія познанія и воззрѣнія считались болѣе общепонятными и были болѣе въ ходу. Безъ сомнѣнія, всѣ египтяне знакомы были со своимъ календаремъ и съ его миѳологически-астрономическимъ аппаратомъ и не менѣе знакомы были съ тѣми состоящими изъ смѣси наблюденій и суевѣрій представленіями, на которыхъ основывается горо-

---

[1]) Plat. Legg., VII, p. 819 и V, p. 747. Rep. IV, p. 436.

[2]) M. Uhlemann, цитов. соч., стр. 262 и дал.

[3]) Числа 1, 10, 100, 1000 имѣли знаки, повтореніемъ которыхъ обозначалось количество единицъ, десятковъ, сотенъ, тысячъ; внѣ Египта эти знаки не получили распространенія; наоборотъ, египетскій знакъ сложенія (+) и обозначеніе дробей (первоначально изображеніе рта, сверху котораго ставился числитель, а снизу знаменатель), вошли во всеобщее употребленіе. Ср. H. Brugsch, Numerorum apud veteres Aegyptios demoticorum doctrina. Berol. 1839.

[4]) Röth, цитов. соч., стр. 586 и дал.

Digitized by Google

скопъ; доступные всѣмъ памятники указываютъ для важныхъ событій, кромѣ имени и описанія, еще и расположенія звѣздъ, подъ которыми они совершались, и для каждаго новорожденнаго его будущая судьба опредѣлялась по сочетанію звѣздъ[1]). Съ астрономіей различнымъ образомъ переплетено было музыкальное искусство; каждому изъ семи тоновъ соотвѣтствовала планета, три главныхъ тона: основной тонъ, квинта и октава соотвѣтствовали временамъ года: высокій тонъ — лѣту, низкій — зимѣ, средній — веснѣ[2]). Музыка тѣснѣйшимъ образомъ срослась съ культомъ; строго запрещено было вводить какія либо новшества въ пѣніе и игру, и жрецамъ принадлежала музыкальная цензура[3]), — учрежденіе, доказывающее не отсталость этого искусства, но, наоборотъ, свидѣтельствующее о такомъ распространеніи его, которое вызывало опасенія, какъ бы оно не уклонилось отъ священныхъ образцовъ.

Равнымъ образомъ уходъ за тѣломъ, соприкасающійся съ гимнастикой, нужно думать, былъ популярнымъ, хотя греки и отрицаютъ у египтянъ упомянутое искусство; Тотъ-Гермесъ считается изобрѣтателемъ палестры, риѳмы и изящнаго развитія тѣла; чистоплотность, умащеніе тѣла, діэта во всякомъ случаѣ принадлежали къ національнымъ обычаямъ.

Средоточными пунктами учебныхъ заведеній, гдѣ эти послѣднія достигали болѣе или менѣе прочной организаціи, въ древнемъ Египтѣ были хорошо организованныя жреческія коллегіи большихъ храмовъ, а также архивы и библіотеки, связанные со святилищами. Египтологъ Г. Эберсъ рисуетъ картину школьнаго дѣла при храмѣ Ѳивъ; судя по этой картинѣ, организація этого

---

[1]) Гороскопъ основывается на представленіи, что душа новорожденнаго спускается изъ звѣзднаго міра; онъ есть градусъ эклиптики въ моментъ рожденія; ближайшая къ этому градусу планета и есть жизненная звѣзда. Ср. Röth, цит. соч. I, стр. 214.

[2]) Heinrich Wuttke, цитов. соч., стр. 569. Diod. I, 16.

[3]) Plat. Legg. II, p. 656 и VII, p. 799.

Digitized by Google

дѣла стояла на поразительно высокой ступени[1]). Оно поставлено было по образцу болѣе древнихъ мѣстъ жреческой мудрости въ Геліополисѣ и Мемфисѣ; здѣсь была высшая школа, гдѣ будущіе жрецы, врачи, судьи, математики, астрономы, грамматики не только пользовались обученіемъ, но, послѣ пріобрѣтенія ими доступа къ высшимъ степенямъ знанія и достоинства книжниковъ, т.-е. ученыхъ, получали и помѣщеніе. Большая библіотека, въ которой хранились тысячи рукописныхъ свитковъ и къ которой примыкала фабрика для выдѣлки папируса, находилась въ распоряженіи ученыхъ. Нѣкоторые изъ нихъ занимались обученіемъ болѣе молодыхъ учениковъ, которые подготовлялись въ элементарной школѣ, также принадлежавшей къ дому Сети (къ зданіямъ храма). Эта послѣдняя школа открыта была для всякаго ученика, принадлежавшаго къ сословію гражданъ, и посѣщалась болѣе, чѣмъ сотнею мальчиковъ, имѣвшихъ здѣсь и ночныя квартиры. Въ особомъ зданіи жили храмовые пансіонеры, нѣкоторые сыновья знатнѣйшихъ фамилій и даже царскаго дома. Переходъ отъ элементарнаго обученія въ высшую школу связанъ былъ съ испытаніемъ. По выдержаніи этого испытанія, каждый студентъ выбиралъ себѣ изъ среды ученыхъ высшихъ степеней учителя, который бралъ на себя научное руководительство ученикомъ и которому ученикъ въ теченіе всей своей жизни оставался преданнымъ, какъ кліентъ патрону. Вторымъ экзаменомъ можно было получить титулъ „книжника“ и доступъ къ общественнымъ должностямъ. На ряду съ этой ученой школой существовало здѣсь и учебное заведеніе для художниковъ, гдѣ получали обученіе тѣ воспитанники, которые предназначались къ строительному искусству, скульптурѣ и живописи; и въ этомъ заведеніи каждый ученикъ выбиралъ себѣ учителя — выборъ призванія преимуще-

---

[1]) Въ романѣ „Уарда“, т. 1, стр. 17 и дал., Эберсъ замѣчаетъ, что его описаніе „во всѣхъ подробностяхъ заимствовано изъ источниковъ, которые происходятъ отъ временъ Рамзеса II и преемника его Мернепта“, т.-е. отъ средины второго тысячелѣтія до нашего времясчисленія.

Digitized by Google

ственно, если не исключительно, опредѣлялся призваніемъ родителей: въ могилѣ одного архитектора найдены были документы, показывающіе, что искусство его было наслѣдственнымъ въ семьѣ въ теченіе 25 поколѣній. Всѣ учителя этихъ учрежденій принадлежали къ жреческой коллегіи храма Сети, состоявшей болѣе, чѣмъ изъ 800 членовъ, дѣлившихся на пять классовъ, и руководимой тремя такъ называемыми пророками. Обученіе производилось въ открытыхъ вымощенныхъ и устланныхъ цыновками дворахъ отдѣльныхъ зданій; въ проходы между колоннами этихъ дворовъ выходили помѣщенія жрецовъ и ученыхъ, въ верхнихъ этажахъ были помѣщенія учениковъ. Дисциплина была суровая: „уши ученика на спинѣ его; онъ слушаетъ, когда его бьютъ“, гласитъ изреченіе одного древне-египетскаго педагога; работа памяти обрѣзывала преждевременное умствованіе, строгое подчиненіе авторитету учителя давало суровую духовную выправку.

Сравнительно съ индійскимъ образованіемъ древне-египетское обнаруживаетъ черту, которую можно назвать реалистическою: рядомъ съ богословско-спекулятивнымъ интересомъ стоитъ интересъ къ исторической и естественной дѣйствительности; числовыя и пространственныя фигуры являются не только объектомъ размышленія, но и объектомъ техническаго выполненія; рядомъ съ потребностями духа принимаются въ соображеніе и потребности тѣла; сохраненіе и развитіе духовныхъ благъ становится предметомъ коллективной организаціи. Но и здѣсь въ основѣ образованія лежитъ религіозный элементъ: земля есть „домъ молитвы“, вся дѣятельность человѣка, въ концѣ концовъ, имѣетъ своею цѣлью служеніе божеству, люди ищутъ знанія ради нравственно-религіознаго усовершенствованія; сокровища книгъ должны быть мѣстомъ врачеванія души, ἰατρεῖον ψυχῆς[1]).

---

[1]) Такую надпись сдѣлалъ Озимандіасъ на основанной имъ въ Ѳивахъ библіотекѣ. Діод., I, 49.

Digitized by Google

§ 6.

Что̀ сдѣлало дешифрированіе іероглифовъ для разъясненія древне-египеткой жизни, то̀ обѣщаетъ дать чтеніе клинообразнаго письма относительно народовъ передней Азіи. Различаясь этнографически, народы эти связаны общимъ употребленіемъ упомянутой системы письма: это туранскіе халдеи, семитическіе повелители Вавилона и Ниневіи и арійскіе иранцы. По господствующему теперь воззрѣнію, эти народы уступаютъ египтянамъ по древности и оригинальности своихъ культуръ, и предполагаютъ, что они обязаны толчкомъ къ своему развитію египтянамъ, при чемъ халдеи находились непосредственно подъ египетскимъ вліяніемъ, а семитическіе завоеватели усвоили себѣ культуру и образованіе халдеевъ и со своей стороны повліяли на мидянъ и персовъ. Однако, по высказанному въ послѣднее время взгляду, вавилоняне были болѣе древнимъ культурнымъ народомъ и учителями египтянъ[1]). Отношеніе между халдеями и семитами изслѣдователи клинообразныхъ письменъ опредѣляютъ такъ, что въ этомъ отношеніи можно видѣть переходъ законченнаго образованія отъ болѣе древняго культурнаго народа къ болѣе молодому — во всякомъ случаѣ, первый фактъ въ такомъ родѣ въ исторіи образованія.

Раскопки Лайарда въ Ниневіи повели къ открытію значительнаго числа глиняныхъ досокъ, покрытыхъ клинообразнымъ письмомъ, и дешифрированіе ихъ показало, что онѣ составляютъ остатки обширной библіотеки[2]). Доски эти заключаютъ матеріи изъ области миѳологіи, исторіи, географіи, статистики, естественной исторіи, астрономіи, ариѳметики, архитектуры и грамматики; различные научные предметы обозначаются

---

[1]) Hommel, Die semitischen Völker und Sprachen, Bd. I, 1887.

[2]) Съ дальнѣйшими свѣдѣніями ср.: Röth, цит. соч. II, стр. 339. H. Wuttke, цит. соч. стр. 647. A. Scholz, Die Keilschrift urkunden und die Genesis. Würzburg, 1877. Bensey, Geschichte der Sprachwissenschaft, стр. 33.

Digitized by Google

краскою досокъ, черною, сѣрою, голубою, фіолетовою, красною, желтою, темно-коричневою, бѣлою. О происхожденіи библіотеки одна изъ относящихся къ грамматикѣ досокъ сообщаетъ въ слѣдующихъ словахъ: „Дворецъ Ассурбанипала, царя вселенной, царя Ассиріи, которому богъ Нево и богиня обученія дали уши, чтобы слышать, и открыли глаза, чтобы видѣть, что составляетъ основу господства. Они открыли царямъ, моимъ предшественникамъ, это клинообразное письмо. Я записалъ на доскахъ откровеніе бога Нево, бога высшаго знанія, обозначилъ его, привелъ въ порядокъ, выставилъ въ моемъ дворцѣ для обученія моихъ подданныхъ". Основателемъ этой библіотеки былъ четвертый царь съ именемъ Ассурбанипала, воинственный Сарданапалъ грековъ, который обладалъ царствомъ Ниневіи около середины седьмого вѣка до Христа. Но памятники науки, выставленные имъ, не произведенія семитическаго народа ассиріянъ, къ которому онъ принадлежалъ, а переводы изъ болѣе древней литературы халдеевъ, изобрѣтателей клинообразнаго письма и древнѣйшихъ представителей культуры передней Азіи. Къ ихъ произведеніямъ, написаннымъ по древней системѣ письма (на урало-алтайскомъ нарѣчіи, родственномъ венгерскому и финскому языкамъ), долженъ былъ обращаться ассиріецъ, искавшій научнаго образованія, и изученіемъ этихъ же произведеній занимался пророкъ Даніилъ и его товарищи въ теченіе трехъ лѣтъ при дворѣ Навуходоносора, гдѣ они обучены были „всякому писанію и наукѣ" (Дан. I, 4, 5 и 17). Что путь къ высшемуобразованію у ассиріянъ шелъ чрезъ чуждый имъ литературный языкъ, это прямо устанавливается досками грамматическаго содержанія. Въ этихъ доскахъ — около 100 числомъ — распознали книгу для чтенія или словарь, который объясняетъ чужое болѣе древнее нарѣчіе обычнымъ; изъ трехъ столбцовъ на этихъ доскахъ первый заключаетъ въ себѣ ассирійское слово, написанное ассирійскимъ шрифтомъ, второй столбецъ — объясняемое начертаніе турано-халдейскаго слова и третій — объясненіе

Digitized by Google

на ассирійскомъ, т. е. семитическомъ языкѣ. Безспорно, этотъ элементарный учебникъ древнѣе библіотеки Ассурбанипала и, какъ всѣ произведенія Ниневіи, сводится къ вавилонскимъ образцамъ.

Что касается способа обученія у халдеевъ, то древніе хвалятъ его простую безыскусственность и серьезную основательность. „Они передаютъ", говоритъ Діодоръ, „свою мудрость отъ одного поколѣнія къ другому: мальчикъ, освобожденный отъ всякихъ другихъ занятій, получаетъ ее отъ своего отца; а такъ какъ учителями у нихъ являются собственные родители, то обученіе принимаетъ у нихъ широкіе размѣры, и ученики относятся къ нему со вниманіемъ и полнымъ довѣріемъ; вырастая такимъ образомъ съ дѣтскихъ лѣтъ въ занятіяхъ, они при способности юношескаго возраста къ обученію и при продолжительномъ времени обученія достигаютъ высокаго искусства"[1]). Но ученое образованіе тѣхъ, для которыхъ халдейскій языкъ не былъ отечественнымъ языкомъ, нужно думать, имѣло форму болѣе школьнаго характера: изъ книги пророка Даніила мы узнаемъ, что существовало нѣчто въ родѣ дворцовой школы для юношей семитическаго происхожденія. На многіе вопросы, которые вызываетъ своеобразный характеръ этого производнаго образованія, въ настоящее время мы не имѣемъ отвѣта, но можемъ ожидать дальнѣйшихъ открытій отъ быстро подвигающейся впередъ ассирологіи.

Какъ духовная жизнь персовъ формировалась на почвѣ заимствованной халдейско-ассирійской и ихъ собственной арійской культуры, этого сказать мы не въ состояніи. Греческіе историки съ похвалою указываютъ на воспитаніе персовъ, которое направлено было къ тому, чтобы пробудить чувство истины и пріучить къ полезной дѣятельности; въ учителя опредѣлялись самые благоразумные мужи, которые словами и пѣснями изображали предъ юношествомъ дѣянія боговъ и вели-

---

[1]) Diod. II, 29.

Digitized by Google

кихъ людей; для образованія царскихъ сыновей избирались четыре мудрѣйшихъ мужа, которые вели ихъ къ истинѣ, справедливости, мужеству и вводили въ „магію Зороастра“ [1]). Открытыя въ прошломъ вѣкѣ священныя книги Зендъ, содержащія эту „магію“, даютъ намъ понятіе о древне-персидской религіозной системѣ и основанномъ на ней законодательствѣ; онѣ показываютъ, что сословіе жрецовъ-учителей пользовалось такимъ же уваженіемъ, какъ у индусовъ, религіозное обученіе распространялось на всѣ касты, и сообщаютъ много интересныхъ свѣдѣній, дающихъ возможность познакомиться съ восточными формами обученія [2]); но изъ нихъ не видно, чтобы здѣсь, какъ въ Индіи и Египтѣ, жреческая мудрость развѣтвлялась въ сложныхъ ученыхъ и образовательныхъ занятіяхъ. Что этого дѣйствительно не было, это подтверждается быстрымъ вытѣсненіемъ національно-персидской культуры греческимъ образованіемъ, проникшимъ сюда со временъ Александра Великаго. Упомянутая культура обладала слишкомъ малымъ тѣломъ, чтобы оказать противодѣйствіе новому элементу; она всюду отступила назадъ, и во времена сассанидовъ нужна была формальная реставрація древней народности, для которой опорнымъ пунктомъ послужила религіозная

---

[1]) Her. I, 136. Strab. XV, p. 733. Plut. Alc. I, p. 121 и др.

[2]) По мѣстамъ мы встрѣчаемъ въ Зендъ-Авестѣ катехететическую форму обученія и употребленіе чиселъ въ качествѣ мнемоническихъ пособій. Вотъ одно мѣсто, гдѣ мы можемъ видѣть и то и другое, мѣсто, интересное и по содержанію, потому что оно заключаетъ характеристику иранскаго соціальнаго устройства и правоученія въ самой краткой формѣ: „Рѣчь, которую сказалъ Агура-Мазда, заключаетъ три отдѣла, называетъ четыре сословія и пять властителей. Какіе это отдѣлы? Добрая мысль, доброе слово, доброе дѣло. Что это за сословія? Жрецы, воины, земледѣльцы, ремесленники. Все славное соединяется съ чистымъ мужемъ, когда онъ вѣрно мыслитъ, говоритъ и дѣйствуетъ, какъ внушается Господомъ по ученію закона. Отъ дѣлъ чистыхъ людей увеличивается чистота міровъ. Что это за властители? Владыка дома, глава рода, начальникъ общины, областной князь; Заратустра пятый. Что такое добрая мысль? Чистое въ мысли самаго разумнаго. Что такое доброе слово? Священная рѣчь. Что такое доброе дѣло? То, что дѣлается самыми чистыми съ похвальными пѣснопѣніями. Такъ сказалъ Агура-Мазда. Кому онъ сказалъ? Чистымъ на небѣ и въ мірѣ. Какъ онъ сказалъ? Какъ наилучшій царь“. Jaçna XIX, 44—58 у Spiegel'я II, стр. 99.

Digitized by Google

система. Только тогда, т. е. съ третьяго вѣка нашей эры, къ священнымъ первоисточникамъ, вновь принятымъ съ живѣйшею ревностью, стали примыкать ученыя занятія, которыя вышли за предѣлы объясненія и истолкованія этихъ источниковъ и ввели въ свой кругъ матеріи изъ области міровѣдѣнія, естествовѣдѣнія, исторіи, какъ это мы видимъ въ книгѣ Бундегешъ, составленіе которой, впрочемъ, относится уже къ среднимъ вѣкамъ[1]).

§ 7.

Принадлежа къ семейству семитическихъ народовъ, рано подвергнувшись вліянію египетской, а позднѣе передне-азіатской культуры, израильскій народъ занимаетъ, однако, въ древнемъ востокѣ особое положеніе, отражающееся и въ типѣ образованія, созданномъ этимъ народомъ. Уже съ внѣшней стороны Священное Писаніе, которое іудеи и христіане почитаютъ, какъ первоисточникъ вѣроученія, характерно отличается отъ каноническихъ книгъ политеистическихъ народовъ. Въ основѣ этого Писанія лежитъ не сборникъ гимновъ, изъ котораго вырастали бы священныя постановленія, исторія, изслѣдованіе, но начинается оно повѣствованіемъ, строитъ законъ на исторіи и только вслѣдъ за нею заключаетъ въ себѣ хвалебныя и пророческія изліянія божественнаго вдохновенія и мудрость изреченій. Gesta Dei (дѣла Божіи) являются основою всего, ключемъ закона, источникомъ благоговѣнія и созерцанія. Пятокнижіе первоначально вовсе не обнаруживаетъ свойственной Ведамъ или книгамъ Тота тенденціи распространяться болѣе и болѣе широкими кругами и вызывать созерцательное и поэтическое развитіе религіознаго содержанія; ученіе

---

[1]) Эта книга, изданная и переведенная Фердинандомъ Юсти въ 1868 г., въ 35 главахъ, въ краткой формѣ и въ постоянной связи съ Авестой, трактуетъ о мірозданіи, о борьбѣ между добрыми и злыми силами, о свойствахъ земли, горъ, морей, рѣкъ, животныхъ и т. д., о первобытной исторіи человѣка, о рожденіи, о космическомъ движеніи, о воскресеніи, о миѳическихъ исторіяхъ, времясчисленіи и о династіяхъ.

Digitized by Google

о единомъ Богѣ не благопріятствуетъ погруженію въ космическія явленія, которое порождаетъ астрономію, геометрію и ариѳметику; теократическая идея препятствуетъ историческому интересу поставить своею цѣлью прославленіе подвиговъ воиновъ и повелителей въ хроникѣ и эпосѣ; богослуженіе безъ изображеній задерживаетъ развитіе искусства и техники и связанныхъ съ ними наукъ. Такимъ образомъ здѣсь мы не видимъ условій для развитія жреческой науки и мудрости и для организаціи обученія. Обученіе у древнихъ израильтянъ по содержанію ограничено было закономъ и священной исторіей, но за то тѣмъ свободнѣе было по формѣ; слову Божію отецъ семейства учитъ такъ же, какъ и священникъ, какъ пророкъ; какъ бы подражая вездѣприсутствію Божію, оно должно входить въ уши дома и внѣ дома, при укладываніи въ постель и во время вставанія; оно должно падать на глаза, воплощенное въ чувственномъ образѣ посредствомъ письма и памятныхъ знаковъ (Второз. 6, 7), поучительная рѣчь должна неутомимо разъяснять богослужебные обряды и памятники (Исх. 12, 26; 13, 14; Іис. Нав. 4, 6; Второз. 32, 7).

Но свое достоинство и освященіе обученіе и сопровождающая его дисциплина получаютъ отъ самого Бога, Который свой избранный народъ „вырастилъ, подобно тому, какъ человѣкъ воспитываетъ своего сына“ (Второз. 8, 5), Который „научаетъ его полезному и ведетъ его по тому пути, по которому ему слѣдуетъ итти“ (Исаія 48, 17). Такимъ образомъ, всякое руководство и наставленіе во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ только повторяетъ то самое, что было удѣломъ всего народа въ ряду его поколѣній, и посредствомъ обученія все снова и снова насаждается и предохраняется отъ естественной склонности къ многобожію высшій принципъ въ томъ самомъ видѣ, какъ съ самаго начала онъ насажденъ и укрѣпленъ былъ Господомъ. Поэтому призваніе учителя есть отображеніе божественной дѣятельности: „учители будутъ сіять, какъ свѣтила на тверди,

Digitized by Google

и обратившіе многихъ къ правдѣ — какъ звѣзды, во вѣки, навсегда" (Даніилъ 12, 3). Но, подобно народу, и всякій отдѣльный человѣкъ является предметомъ попеченія и руководительства со стороны Бога, Который зналъ его, „когда онъ образуемъ былъ въ глубинѣ утробы и опредѣлилъ дни его, когда ни одного изъ нихъ еще не было" (Пс. 138, 15; срв. 21, 10; Іерем. 1, 7). Вслѣдствіе этого, у библейскаго народа цѣна личнаго существованія является болѣе высокою, индивидуумъ болѣе глубоко проникается и какъ бы перерабатывается религіозною жизнію, чѣмъ это мы видимъ въ другихъ мѣстахъ древняго востока; рядомъ съ индивидуально выраженными образами пророковъ, напр., ни одинъ изъ восточныхъ народовъ не можетъ поставить чего-либо подобнаго, у нихъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ изъ рядовъ касты выдѣляется какое-либо замѣтное явленіе.

Такимъ образомъ, древніе израильтяне были учительнымъ народомъ, не обладая организованными учебными учрежденіями, и ихъ вѣра въ Бога давала имъ внутреннее образованіе, какимъ въ другихъ мѣстахъ люди обязаны были только богатымъ и открытымъ для всѣхъ образовательнымъ элементамъ. Во времена до плѣна вавилонскаго мы видимъ только начатки учебныхъ заведеній. Не разъ упоминаемыя въ Библіи пророческія школы[1]), во всякомъ случаѣ, не имѣли учрежденія, которое давало бы возможность сравнить ихъ, напр., съ египетскими храмовыми школами. Ихъ объясняли самымъ различнымъ образомъ: отцы церкви видѣли въ нихъ предшественниковъ монастырской жизни, раввины — академіи, протестантскіе богословы — проповѣдническія семинаріи, деисты — очаги свободомыслія и учебныя учрежденія для изученія моральной философіи; но теперь можно считать рѣшеннымъ, что это были кружки юношей, собиравшіеся вокругъ выдающихся святыхъ мужей для изученія священнаго преданія и

[1]) 1 Цар. 10, 5 и дал.; 4 Цар. 2, 3 и дал., 4, 38.

Digitized by Google

богослужебной музыки и не имѣвшіе устойчиваго характера и прочной организаціи[1]).

О народномъ обученіи болѣе древняго времени преданіе не сохранило никакихъ извѣстій; однако, повидимому, умѣніе писать было весьма распространено, какъ это можно заключать изъ заповѣди, чтобы каждый писалъ основныя изреченія ученія Іеговы „на косякахъ дома своего и на воротахъ своихъ“ (Втор. 6, 9).

Землемѣрное искусство, которое израильтяне принесли съ собою изъ Египта (Іис. Нав. 18, 4 и дал.), едвали было ими утрачено; общераспространеннымъ умѣньемъ была музыка, прежде всего при богослуженіи, въ которомъ народъ принималъ участіе пѣніемъ и игрой (Пс. 67, 26 и далѣе и въ др. мѣстахъ).

Развитіе учености и учебныхъ учрежденій относится уже къ временамъ послѣ плѣна и, подобно тому, какъ это было у персовъ, начинается стремленіемъ поддержать находившіяся въ опасности національныя сокровища. Во времена угнетенія связь между разсѣявшимся народомъ поддерживалась только закономъ, и послѣ своего возсоединенія народъ сталъ держаться его съ усиленною преданностью, стараясь слѣдовать его предписаніямъ съ добросовѣстно-боязливою точностью. А для этого необходимо было самое тщательное изслѣдованіе закона. Эту задачу взяли на себя книжники (sopherim), изъ которыхъ первымъ былъ Ездра (около 450 года до Р. Хр.). Въ книгѣ Премудрости Іисуса сына Сирахова, принадлежащей къ Александрійской эпохѣ, изображается книжникъ, теперь уже представитель соціальнаго класса и извѣстной ступени образованія, и опредѣляется кругъ его занятій (гл. 38, ст. 24 и дал.). „Мудрость книжника пріобрѣтается въ благопріятное время досуга, и кто мало имѣетъ своихъ занятій, можетъ пріобрѣсть мудрость, которая наполнитъ его; ремесленники не могутъ судить, ни обучать писанію,

---

[1]) Ср. статью Oehler'a въ энциклопедіи Schmid'a: Pädagogik des Alten Testaments.

Digitized by Google

ни провозглашать осужденіе и оправданіе, ни заниматься притчами. Мудрецъ долженъ искать мудрости всѣхъ древнихъ, замѣчать сказанія мужей именитыхъ и углубляться въ тонкіе обороты притчей, изслѣдывать сокровенный смыслъ изреченій и заниматься загадками притчей". Но знаніе его не ограничивается словами писанія; доказательствомъ этого можетъ служить похвала мудрецу въ „книгѣ Премудрости", относящейся къ той же эпохѣ. Здѣсь мудрецу приписывается наука (гл. 7, 17) „о раздѣленіи земного круга, о силѣ стихій, о началѣ, концѣ и серединѣ временъ, о смѣнѣ и движеніи временъ года, о кругахъ годовъ и о положеніи звѣздъ, о природѣ животныхъ, о силѣ вѣтровъ, о мысляхъ людей, о различіяхъ растеній и цѣлебной силѣ корней, о всемъ сокровенномъ и невиданномъ прежде, о чемъ научаетъ его художница Премудрость". Такъ открытъ былъ путь къ развитію наукъ богословскихъ и наукъ вспомогательныхъ, которыя теперь возрастающими кругами расположились вокругъ Писанія, какъ своего центра, и впослѣдствіи соединились въ Мишнѣ и Талмудѣ.

Но измѣненіе положенія послѣ плѣна повело за собою новыя задачи и въ народномъ обученіи. Языкъ Писанія пересталъ быть народнымъ языкомъ и потребовалась учебная передача его въ семьѣ и школѣ. Первосвященнику Іисусу бенъ Гамла (около 67 года послѣ Рожд. Христова) приписывается организація элементарной школы, такъ какъ онъ сдѣлалъ распоряженіе объ учрежденіи дѣтскихъ школъ въ каждомъ городѣ и каждомъ селеніи. Объ іудеяхъ среднихъ вѣковъ Моисей Маймонидъ говоритъ, что они повсемѣстно назначаютъ дѣтскихъ учителей и предаютъ проклятію городъ, гдѣ нѣтъ никакого обученія, а если и это не помогаетъ, разрушаютъ его, „потому что міръ существуетъ только благодаря дыханію школьныхъ мальчиковъ"[1]). Величайшая живая ревность къ ученымъ занятіямъ и обученію

[1]) Указанія у Шварца, Erziehungslehre. Leipzig 1829, I, 1, стр. 204.

Digitized by Google

послужили поводомъ къ тому, что въ Библіи и древности стали находить древнѣйшія учебныя учрежденія; раввины видѣли въ патріархахъ основателей академій, въ колѣнѣ Симеоновомъ колѣно учителей, равное по положенію жреческому колѣну Левія и пр. Изъ формъ обученія наибольшее развитіе получилъ экзегесисъ или изъясненіе; своеобразную особенность іудеевъ составляетъ диспутъ, который возникъ изъ потребности согласовать различныя изъясненія. Наоборотъ, обученіе языку остановилось на примитивныхъ формахъ, и только въ XI вѣкѣ раввинъ Іона положилъ начало еврейской грамматикѣ по примѣру арабскихъ языковѣдовъ.

Старый и общеупотребительный, донынѣ еще не вымершій пріемъ вводить ребенка въ языкъ Торы состоитъ въ произнесеніи вслухъ, переводѣ и повтореніи словъ и предложеній текста, которыя сразу читаются, изъясняются и усвояются memoriter (памятью) безъ всякаго грамматическаго анализа[1]). Не иначе учили и раввины, у которыхъ изучали еврейскій языкъ Рейхлинъ, Тротцендорфъ, А. Г. Франке и др., и Ездра Эцарди, учитель Франке, главнымъ правиломъ обученія языку ставилъ требованіе: lege biblia, relege biblia, repete biblia,— пріемъ, который въ XVII вѣкѣ перенесенъ былъ Вольфгангомъ Ратке и др. на преподаваніе древнихъ языковъ и принесъ нѣкоторую пользу въ качествѣ противовѣса мертвому грамматизму.

Іудеи позднѣйшаго времени не разъ оказывали услуги западному образованію, особенно въ качествѣ посредниковъ въ передачѣ восточныхъ элементовъ. Въ средніе вѣка они были связующимъ звеномъ между мусульманами и христіанами; ихъ философскія и медицинскія занятія не разъ приносили пользу послѣднимъ; восточныя пѣсни и сказки сдѣлались извѣстными на западѣ преимущественно благодаря іудеямъ[2]). Въ эпоху Возрожденія является спросъ на раввиновъ, какъ на

---

[1]) Сообщенія объ этомъ смотри у Jost'а въ Zentralbibliothek Brzoska, 1839, Februarheft, стр. 49 и дал.

[2]) Benfey, Pantschatantra I, стр. 10, 26 и дал.

Digitized by Google

учителей еврейскаго и другихъ восточныхъ языковъ; пантеистическая философія Каббалы имѣетъ постоянное вліяніе на спекуляцію; въ популярной философіи XVIII вѣка іудейскіе просвѣтители играютъ замѣтную роль. При развивающейся ассимиляціи іудейства съ западными культурными формами спеціально іудейское образованіе отступаетъ на задній планъ и представляетъ только еще пережитокъ, но, во всякомъ случаѣ, остается интереснымъ явленіемъ. „Ни въ одномъ народѣ не бываетъ такъ мало книгъ у ученыхъ и такъ много у неученыхъ, какъ среди іудеевъ, тамъ, гдѣ они въ массѣ преданы древнему образованію; и никто съ такимъ увлеченіемъ не услаждается содержаніемъ книгъ, какъ тѣ же іудеи, которые, во время отдыха, часто послѣ самой жалкой торговли, почти всегда занимаются чѣмъ-либо въ этомъ родѣ, или возвращаются къ чему-либо подобному. Часто самый простой ветошникъ или скотопромышленникъ въ субботу и въ зимніе вечера сидитъ за своими фоліантами, назидаясь тяжелѣйшей казуистикой, или наслаждаясь еврейскими исторіями и стихотвореніями, а также занимаясь письмомъ или даже составленіемъ поэтическихъ произведеній“ [1]).

§ 8.

Образованіе китайскаго народа, стоявшее внѣ всякихъ воздѣйствій или испытавшее лишь незначительныя вліянія со стороны доселѣ поименованныхъ націй, шло особыми путями и представляетъ восточный типъ съ немаловажными видоизмѣненіями. Образованіе китайцевъ, подобно всей ихъ культурѣ, не имѣетъ религіознаго основанія; чувство народа направлено въ сторону временнаго и опускаетъ изъ виду связь его съ высшимъ порядкомъ; искусство, корень котораго есть религіозное одушевленіе, стоитъ на заднемъ планѣ, тогда какъ хо-

[1]) Jost у Brzoska, цитов. соч.

Digitized by Google

зяйственная дѣятельность рано достигаетъ значительной высоты; нравственной жизни недостаетъ освященія, которое возвышало бы ее надъ мелочностію и поверхностностью; наука, распространяясь въ ширь, лишена глубины, какую изслѣдованіе получаетъ только благодаря погруженію въ міръ сверхчувственный; „жизнь китайцевъ имѣетъ будничный и мірской характеръ, вмѣсто церкви у нихъ государство, вмѣсто священниковъ только міряне, вмѣсто праздничныхъ дней рабочіе дни, вмѣсто храмовъ одни памятники“ [1]). Каноническія или классическія произведенія, которыя составляютъ основу китайскаго образованія, не имѣютъ характера священныхъ книгъ; онѣ не наслѣдственное достояніе, хранимое жреческимъ сословіемъ, но составлены на основаніи всѣхъ преданій для нравственныхъ и образовательныхъ цѣлей „царемъ учителей“ Конгъ-фу-тзе (около 550 до Р. Хр.). Они распадаются на группы книгъ Кингъ и Шу; пятеричное число Кингъ составляютъ: книга перемѣнъ, состоящая изъ 64 непонятныхъ уже во время редакціи фигуръ, имѣющихъ, вѣроятно, космологическое значеніе, далѣе книга пѣснопѣній, съ 311 пѣснями нравственнаго, политическаго и лирическаго характера, затѣмъ книга церемоній или зеркало нравовъ и двѣ книги историческаго содержанія; четыре Шу содержатъ: ученіе о государствѣ, ученіе о нравственности, нравоучительные діалоги и изреченія. Къ каноническимъ книгамъ непосредственно примыкаютъ многочисленные комментаріи и парафразы, посредственно — необозримая китайская литература, преимущественно историческаго, нравственнаго, поэтическаго содержанія. Для фиксированія образовательнаго матеріала величайшее значеніе пріобрѣли работы полиисторика Чу-хи, — названнаго „царемъ знанія,“ — въ XII вѣкѣ послѣ Р. Хр., — который и для цѣлей юношескаго обученія составилъ Энциклопедію, книгу Сіао-хіо, т. е. „малую науку“ [2]). Наука о языкѣ не раз-

---

[1]) Adolf Wuttke, Geschichte des Heidentums. Breslau 1853, II, стр. 68.

[2]) Heinrich Wuttke, Geschichte der Schrift und des Schifttums. Leipzig 1872, стр. 353.

Digitized by Google

вилась на почвѣ изученія этихъ первоисточниковъ; для китайца живое слово есть нѣчто безразличное, простое выраженіе или отпечатокъ письменнаго знака, который, сверхъ того, можетъ быть прочитанъ болѣе, чѣмъ на одномъ нарѣчіи или языкѣ. Такимъ образомъ грамматика превращается у нихъ въ объясненіе письменныхъ знаковъ [1]). Что касается наукъ математическихъ, то начатки ихъ встрѣчаются очень рано: уже въ XI вѣкѣ до Христа распространены были счисленіе и календарныя свѣдѣнія, на вазахъ рисовались карты государства, и статистическія данныя на мѣдныхъ дощечкахъ выставлялись къ свѣдѣнію всякаго; но только въ средніе вѣка арабы познакомили китайцевъ съ астрономіей и искусствомъ измѣренія, а индусы съ десятичной цифровой системой [2]). Музыку, какъ воспитательное средство, китайцы ставятъ весьма высоко: она служитъ гармоніи сердецъ, является преддверіемъ мудрости, представляетъ отображеніе общественнаго порядка; однако она не получила развитія ни съ эстетической, ни съ теоретической стороны, и нотное письмо китайцы узнали только отъ христіанскихъ миссіонеровъ.

Главнымъ предметомъ высшаго обученія являются книги Кингъ: семь томиковъ, къ которымъ, впрочемъ, присоединяется множество комментаріевъ; учащіеся списываютъ тексты и усвояютъ относящіеся къ этимъ текстамъ письменные знаки; успѣвающіе изучаютъ затѣмъ расчлененіе этихъ знаковъ и упражняются въ умѣньи пользоваться списками фигуръ, изображающихъ слова; но самымъ важнымъ упражненіемъ является сочиненіе, въ основу котораго полагаются темы изъ каноническихъ и энциклопедическихъ сочиненій [3]); кромѣ того составляются стихи и упражненія въ дѣловомъ стилѣ. Несмотря на сухость и строгость этого обученія — письменный

---

[1]) Тамъ же, стр. 320 и дал., 402 и дал.

[2]) Тамъ же, стр. 277, 364 и дал.

[3]) Тамъ же, стр. 388. Образцовое китайское сочиненіе, составленное по восьмичленному шаблону, сообщаетъ Lechler въ своихъ „Acht Vorträgen über China“ (Восемь докладовъ о Китаѣ), Basel 1862, перепечатано въ Исторіи педагогики Карла Шмидта I, стр. 89 и дал.

Digitized by Google

знакъ для слова кіао (учить) представляетъ руку съ палкой[1]) — ученики уносятъ съ собой въ жизнь живой литературный интересъ; каждый образованный человѣкъ имѣетъ библіотеку изъ научныхъ и беллетристическихъ произведеній, пользуется многочисленными публичными библіотеками и въ большей или меньшей степени слѣдитъ за повседневной литературой.

Элементарное обученіе есть также въ сущности обученіе письму, но имѣетъ дѣло только съ вульгарными письменными знаками, знаніе которыхъ не даетъ умѣнья читать произведенія болѣе высокой литературы. Самымъ употребительнымъ элементарнымъ учебникомъ является „книга трехъ словъ" (санъ-тзе-кингъ), составленная учителемъ Вангъ-по-хеу въ XIII вѣкѣ по Р. Хр. Она заключаетъ въ себѣ текстъ изъ 1068 изображеній словъ въ группахъ по три изображенія, связанныхъ заключительною риѳмой, и касается наиболѣе любопытныхъ матерій. Содержаніе этой книги, равно какъ и методъ, котораго слѣдуетъ держаться въ преподаваніи, изслѣдуются во многихъ объяснительныхъ произведеніяхъ, предназначенныхъ въ руководство учителямъ[2]). Дѣти начинаютъ учиться въ возрастѣ отъ 5 до 6 лѣтъ; упраж-

---

[1]) Plath, Über Schule, Unterricht und Erziehung bei alten Chinesen. München 1868, стр. 26.

[2]) Книга эта впервые сдѣлалась извѣстною въ Европѣ благодаря Нейману, который издалъ ее подъ заглавіемъ „Lehrsaal des Mittelreiches" („Классъ въ серединномъ царствѣ"), München 1836, перевелъ и комментировалъ. Содрежаніе вкратцѣ слѣдующее: важность воспитанія, примѣры удачныхъ дѣтей, числа, три основныхъ существа (небо, земля, человѣкъ), три обязанности (патріотизмъ, благочестіе, супружеская любовь), черыре времени года, четыре страны свѣта, пять элементовъ (вода, огонь, дерево, металлъ, земля), пять добродѣтелей (человѣчность, справедливость, искусство, мудрость, вѣрность), шесть породъ хлѣба, шесть домашнихъ животныхъ, семь страстей (радость, гнѣвъ, отвращеніе, страхъ, любовь, ненависть, сладострастіе), восемь тоновъ, девять поколѣній отъ пращура до праправнука, десять нравственныхъ союзовъ (между отцомъ и сыномъ, супругами, братьями, царемъ и народомъ, отарыми и молодыми и друзьями). Затѣмъ слѣдуетъ перечисленіе каноническихъ книгъ, обзоръ государственной исторіи, наконецъ увѣщанія къ прилежанію и образцы его. Большая популярность этой азбуки въ послѣднее время побудила христіанскихъ миссіонеровъ изложить христіанскія истины и библейскія исторіи въ точно аналогичной формѣ, — мудрый пріемъ, который, вѣроятно, достигъ и хорошихъ результатовъ.

Digitized by Google

ненія въ грубомъ срисовываньи словесныхъ знаковъ занимаютъ нѣсколько лѣтъ, и столько же упражненія въ болѣе тонкомъ подражаніи; въ возрастѣ отъ 14 до 16 лѣтъ ученики могутъ только читать и писать[1]).

Сохранились свидѣтельства, что обученіе уже въ очень раннее время составляло предметъ попеченій со стороны государства; при императорѣ Ю (2205—2198 до Р. Хр.) составленъ былъ планъ дѣленія государственныхъ земельныхъ участковъ въ правительственныхъ цѣляхъ, причемъ не малая часть назначена была для обученія[2]); въ 1097 году до Р. Хр. императоръ Чеу сдѣлалъ распоряженіе объ учрежденіи малыхъ и большихъ школъ по всей области государства[3]). Въ періодъ древняго царства до 750 года предъ Р. Хр. школы были государственными учрежденіями; придворная школа, по рангу самая высокая, имѣла особыхъ учителей; въ школахъ провинцій и округовъ чиновники обучали и молодыхъ и старыхъ[4]); обученіе принадлежало въ сущности къ сферѣ полицейскаго надзора за народомъ. Въ новомъ Китаѣ образовательныя учрежденія являются частными предпріятіями, и государство, посредствомъ принятой съ 650 года послѣ Р. Хр. испытательной системы, заботится только объ однородности и о распространеніи образованія. Такъ какъ отъ испытаній зависитъ соціальное положеніе отдѣльныхъ лицъ, особенно высота ранга въ чиновнической іерархіи, то ревность къ ученью и учебнымъ занятіямъ отличается необычайною живостію и распространена всюду; не только каждая деревня имѣетъ свою школу, но въ городахъ есть еще вечернія школы, и даже ночныя школы для рабочаго населенія[5]). Экзаменъ, посредствомъ котораго пріобрѣтается положеніе привиллегированнаго члена общества и вмѣстѣ право принадлежать къ числу

---

[1]) H. Wuttke, цитов. соч., стр. 386 и дал.
[2]) Plath, цитов. соч., стр. 13.
[3]) H. Wuttke, цит. соч., стр. 278.
[4]) Plath, цитов. соч., стр. 56.
[5]) Fr. Müller, Ethnographie, стр. 392.

Digitized by Google

получившихъ извѣстное образованіе, состоитъ въ составленіи нѣсколькихъ сочиненій въ одиночномъ заключеніи, главнымъ образомъ о предметахъ книгъ Кингъ; на четыре текста требуется составить три сочиненія и одно стихотвореніе. Производится вычисленіе, чтобы при каждомъ испытаніи выдерживали лишь пять процентовъ кандидатовъ. Число получившихъ такую степень считается различно, сами китайцы считаютъ его въ милліонъ. Для удержанія пріобрѣтеннаго достоинства испытаніе должно повторяться каждые три года. Слѣдующее болѣе высокое испытаніе открываетъ доступъ къ общественнымъ должностямъ и состоитъ также въ одиночныхъ работахъ, которыя требуютъ для своего выполненія почти мѣсяцъ; третье даетъ достоинство ученаго и открываетъ высшую чиновническую карьеру; оно продолжается тринадцать дней, имѣетъ своимъ предметомъ сочиненія чистаго и элегантнаго стиля и сдается только въ столицѣ. Самому высокому и послѣднему испытанію подвергаются тѣ ученые, которые желаютъ быть принятыми въ существующую съ IX вѣка по Р. Хр. академію наукъ въ Пекинѣ; оно производится въ самомъ императорскомъ дворцѣ и не связано, какъ всѣ остальныя, съ опредѣленными сроками[1]).

Вслѣдствіе этой системы образованіе и ученость получаютъ политико-экономическое значеніе; знаніе есть соціальная сила, даже болѣе — аттрибутъ общественной власти. Но при этомъ энциклопедическій характеръ знанія и значеніе формальнаго умѣнія сохраняются на всѣхъ ступеняхъ; высшія соціальныя положенія открываются не спеціальными свѣдѣніями, но образовательнымъ знаніемъ и словеснымъ искусствомъ, и ученость отличается отъ образованія не матеріаломъ и направленіемъ, а только болѣе значительною широтою и полнотою знаній; элементарное обученіе и высшее образованіе въ извѣстномъ отношеніи направлены на тѣ же самыя матеріи. При этой однородности образовательнаго

[1]) Всего яснѣе этотъ часто обсуждавшійся предметъ изложенъ у Плата, цитов. сочин., стр. 6.

Digitized by Google

матеріала тенденція къ пріобрѣтенію знанія и его распространенію идутъ у китайцевъ рука объ руку; характерно, что одно изъ выраженій, соотвѣтствующихъ нашему „учить“ (hoei), обозначается словеснымъ знакомъ, который соединяетъ въ себѣ знаки для понятія „слово“ и понятія „каждый“, слѣдовательно, обозначаетъ: слова для каждаго; точно также характерно и то, что выраженія для понятій „знатокъ“ и „учитель“ переходятъ другъ въ друга, подобно тому, какъ въ нашемъ словѣ „мастеръ“ [1]); въ китайскихъ пословицахъ: „ученье и преподаваніе растутъ рука объ руку“, „обученье — половина ученья“ — выражается то же самое представленіе о связи между воспріятіемъ и передачей духовнаго содержанія.

Что ученье и преподаваніе должны быть направлены къ конечной нравственной цѣли, эта мысль повторяется всюду въ китайскихъ постановленіяхъ и изреченіяхъ. Въ „Зеркалѣ нравовъ“ говорится: „для настоящаго ученаго честное сердце должно сдѣлаться его сокровищемъ, правда — самымъ дорогимъ достояніемъ и обогащеніе духа — пріобрѣтеніемъ“ [2]), и Чу-хи характеризуетъ двѣ ступени обученія словами: „низшее обученіе даетъ указаніе относительно того, какъ жить согласно съ нравственнымъ порядкомъ и совершенствоваться въ немъ; но способность ясно проникать въ основу этого порядка дается высшимъ обученіемъ; оно есть высшее завершеніе всѣхъ нормъ и самое тонкое образованіе духа; оно учитъ, почему слѣдуетъ жить съ порядкомъ и совершенствоваться въ немъ“ [3]).

Китайское образованіе часто цѣнили выше, чѣмъ слѣдуетъ; хвалили то, что въ срединномъ царствѣ въ чиновники назначались ученые, и забывали, что, вслѣдствіе этого, ученые становились чиновниками; радовались тому, что писатели достигали тамъ важныхъ мѣстъ, но упускали изъ виду, что, вслѣдствіе этого,

---

[1]) Plaht, цитован. соч., стр. 26.
[2]) Heinrich Wuttke, цитов. соч. стр. 391.
[3]) Adolf Wuttke, цитов. соч., II, стр. 198.

Digitized by Google

письменность перешла въ руки сановниковъ; удивлялись энергіи китайцевъ въ образовательной дѣятельности, не обращая вниманія на ничтожное достоинство распространяемыхъ этою дѣятельностью матеріаловъ; называли китайцевъ счастливыми, указывая на то, что ихъ образованіе не знаетъ антагонизма между церковью и государствомъ, между духовными и свѣтскими образовательными элементами, какъ будто это преимущество не покупалось слишкомъ дорогою цѣною недостатка идеальности и глубины, который всюду обнаруживается въ хлопотливой и безпокойной учебной дѣятельности этого народа.

Digitized by Google

III.

Греческое образованіе.

§ 9.

Противоположность между восточнымъ и эллинскимъ духомъ имѣетъ слишкомъ ясно выраженный характеръ, чтобы не занимать уже греческихъ изслѣдователей и мыслителей и не давать повода къ народно-психологическимъ параллелямъ. При этомъ, говоря о свойствахъ и дѣятельностяхъ, имѣющихъ отношеніе къ государству и общественной жизни, они отдаютъ преимущество своему народу, достигшему высокаго достоинства благодаря своему темпераменту, энергіи и вытекающему изъ самоуваженія общественному чувству свободы, тогда какъ восточные народы, не имѣя политическихъ добродѣтелей, впали въ рабство[1]); но зато они свидѣтельствуютъ о полномъ своемъ уваженіи къ мудрости и наукѣ востока, которая, имѣя свои корни въ глубокой древности и постоянно разрастаясь вокругъ прочнаго ядра, разработывается и передается отъ поколѣнія къ поколѣнію съ благоговѣйною серіозностью. Тамъ и сямъ они выражаютъ даже желаніе, чтобы живая, но склонная къ вѣтренности и разсѣянности духовная жизнь грековъ пріобрѣла нѣкоторую устойчивость, опираясь на подобныя же прочныя основанія[2]).

---

[1]) Her. VII, 101—105 и во мн. др. мѣстахъ. Arist. Pol. VII, 6, p. 1327. Her. II, 4, 77, 79 и дал.

[2]) Plat. Tim. p. 22 (см. выше стр. 132). I Alc. p. 121. Legg. VII, p. 798 и дал. Diod. II, 29 (см. выше стр. 153).

Digitized by Google

Что въ блестящей и богатой красками ткани греческаго образованія есть нити восточныхъ элементовъ, это въ настоящее время признается болѣе непринужденно, чѣмъ въ эпоху преувеличеннаго культа эллинизма, когда полагали, будто для него оскорбительно самое предположеніе о хамитическихъ и семитическихъ вліяніяхъ. Доказано, что расцвѣтъ греческой учености въ Александріи, между прочимъ, обусловленъ былъ собранными здѣсь сокровищами знанія египтянъ, а также и то, что послѣдніе уже гораздо ранѣе были учителями грековъ въ математическихъ и техническихъ наукахъ; несомнѣнно также, что греки часто заимствовали восточные культы, миѳы, саги, исторіи, пѣсни, изреченія и уже до Гомера переняли у семитовъ употребленіе письма. Восточныя вліянія въ различные періоды Эдуардъ Ротъ представляетъ какъ бы звеньями одной цѣпи, защищая взглядъ, что духовная жизнь грековъ прямо таки имѣетъ свой корень въ восточной, особенно египетской жизни[1]). Обширный матеріалъ собранъ въ работѣ Отто Группе[2]), которая, къ сожалѣнію, вызываетъ сомнѣнія вслѣдствіе ошибочныхъ представленій автора о сущности религіи. При этомъ опять выступилъ факторъ, отмѣченный уже Фридрихомъ Крейцеромъ[3]), но впослѣдствіи снова забытый: догомеровская теологія грековъ, обнаруживающая близкое родство съ восточными вѣрованіями, которое, однакоже, не можетъ быть объясняемо исключительно заимствованіемъ, — слѣдовательно жреческій и притомъ туземный культурный элементъ.

Въ этомъ элементѣ и слѣдовало бы намъ искать исходнаго пункта духовной жизни, а потому и образованія грековъ. Кругъ вѣрованій, связанныхъ съ именемъ Аполлона, — кругъ, къ которому принадлежитъ

---

[1]) E. Röth, Geschichte unserer abendländischen Philosophie. Mannheim 1862, особ. т. II, стр. 278 и дал. и II, 1 и дал., 71 и дал.

[2]) O. Gruppe, Die griechischen Kulte und Mythen in ihren Beziehungen zu den orientalischen Religionen. Band I. Leipzig 1887.

[3]) Fr. Creuzer, Symbolik und Mythologie der alten Völker, besonders der Griechen. 2 Aufl. I—IV. Leipzig 1819 и дал.

Digitized by Google

культъ музъ, и изъ котораго происходятъ эпосъ и лирика,—представляетъ одну сторону упомянутаго жреческаго образовательнаго матеріала, тогда какъ другую составляютъ вѣрованія, связанныя съ мистеріями, изъ которыхъ вытекаютъ, съ одной стороны, тайныя ученія различнаго рода, а съ другой стороны — драма[1]).

Служеніе музамъ, — выраженіе, которымъ позднѣе стали называть преданность искусству и наукѣ,— первоначально было богослуженіемъ, имѣвшимъ своихъ представителей въ жрецахъ разнаго рода; благами, которыми люди обязаны были Піеридамъ, были не только пѣніе и музыкальное искусство, но, какъ показываютъ имена: Мнэмэ, Кліо, Уранія, Полиматія[2]), и свѣдѣнія о древности, воспоминанія о славныхъ подвигахъ, знаніе космическихъ явленій, ученость разнаго рода. Платонъ называетъ двумя древнѣйшими музами Калліопу и Уранію, т.-е. считаетъ науку о древности и астрономію древнѣйшими науками[3]). Орфей былъ предметомъ поклоненія не только ради своего пѣнія, но и потому, что онъ проникъ въ тайны природы, училъ искусству врачеванія, облагородилъ нравы; Музею приписывалась астрономія, Лину — астрономическія и естественно-научныя стихотворенія[4]). Гимны и молитвы жреческихъ пѣвцовъ и впослѣдствіи хранились въ храмахъ, напр., въ Делосѣ; въ позднѣйшую поэзію изъ нихъ перешли „устойчивыя представленія о мірозданіи, о битвахъ между олимпійскими богами и титанами, постоянные эпитеты боговъ, часто совсѣмъ несогласные съ остальною эпическою миѳологіей“[5]). Но кругъ идей, представленный въ этихъ молитвахъ и гимнахъ, не получилъ болѣе устойчивой формы священныхъ перво-

---

[1]) Ср. объ этомъ цитованную выше „Geschichte des Idealismus“ (Исторію идеализма) §§ 2, 3, 10 и дал.

[2]) Послѣднее имя носила одна изъ трехъ музъ Сикіона, Plut. Quaest. conv. X, 14, 7.

[3] Plat. Phaedr. p. 259 d.

[4]) Hor. Ars. poet. 391 и толкованія на это мѣсто, и Diog. Laert. prooem. § 3 и 4.

[5]) K. Otf. Müller, Geschichte der griechischen Litteratur. Breslau 1857, I, стр. 47.

Digitized by Google

источниковъ, къ которымъ могло бы примкнуть жреческое образованіе; наоборотъ, пріобрѣсти каноническое значеніе для всего послѣдующаго времени суждено было эпической поэзіи.

Греки почитали въ Гомерѣ основаніе всей своей духовной жизни. По общепризнанному воззрѣнію, онъ, въ союзѣ съ Гезіодомъ, „составилъ родословное дерево боговъ, опредѣлилъ ихъ имена, образы и культы“[1]); онъ былъ учителемъ всѣхъ позднѣйшихъ поэтовъ, произведенія которыхъ „были крохами съ его царской трапезы“[2]); онъ былъ для всѣхъ произведеній словеснаго искусства „образцомъ и началомъ, какъ океанъ для всѣхъ рѣкъ и источниковъ“[3]), онъ былъ кладяземъ національнаго сознанія, изъ котораго оно постоянно почерпало новыя силы въ борьбѣ съ варварствомъ[4]); его произведенія считались неисчерпаемымъ источникомъ идей, воззрѣній на жизнь и природу, даже ученыхъ познаній и мотивовъ спекуляціи[5]); „отъ него пошло въ жизнь все образованіе, а въ концѣ концовъ и наука“[6]); онъ былъ „образователемъ Эллады, давшимъ нормы для внутренняго и внѣшняго образованія жизни“[7]).

Такимъ образомъ каноническую литературу посвященнаго музамъ образованія составляютъ не памятники древне-жреческой письменности, но произведенія поэтическаго генія, сосредоточивался ли этотъ геній въ одной

---

[1]) Her. II, 53.

[2]) Plat. Rep. X, p. 585. Athen, VIII, 49, гдѣ Эсхилъ называлъ свою трагедію *τεμάχη τῶν Ὁμήρου μεγάλων δείπνων.*

[3]) Quint. X, 1 in.

[4]) Isokr. Paneg. § 159.

[5]) Платонъ, который, хотя и былъ противникомъ гомеровскаго міровоззрѣнія, всюду примыкаетъ къ гомеровскимъ изреченіямъ, называетъ ихъ *ἔπη κατὰ θεὸν πῶς εἰρημένα καὶ κατὰ φύσιν* (слова, согласныя съ Богомъ и природой). Legg. III, p. 682. Алкивіадъ называетъ Одиссею *καλὸν ἀνθρωπίνου βίου κάθοπτρον* (прекрасное зрѣлище человѣческой жизни). Arist. Rhet. III, 3. Софисты хотѣли видѣть въ Гомерѣ своего родоначальника. Plat. Prot. p. 316. Кратесъ маллосскій выводитъ изъ этого поэта всю ученость александрійскаго періода. Strab. III, p. 157.

[6]) Dion. Hal. ad. Cn. Pomp. § 13. *δι' ὃν ἥ τε ἄλλη παίδεια πᾶσα παρῆλθεν εἰς τὸν βίον καὶ τελευτῶσα φιλοσοφία.*

[7]) Plat. Rep. X, p. 606. *τὴν Ἑλλάδα πεπαίδευκεν οὗτος ὁ ποιητὴς κ. τ. λ.*

Digitized by Google

личности Гомера, или имѣлъ своихъ представителей въ цѣлой школѣ пѣвцовъ-гомеридовъ; въ основѣ этого образованія лежалъ не замкнутый образовательный матеріалъ, фиксирующій мысль на извѣстномъ содержаніи, но богатая образами картина національныхъ подвиговъ, которая вліяетъ и оживляетъ и разумнымъ содержаніемъ и совершенною формою. Смотрѣть на эту картину, понимать ее и наслаждаться ею предоставлялось не привилегированному сословію, которое могло бы допускать народъ лишь къ ограниченному участію въ своемъ знаніи, но каждому позволялось знать о гнѣвѣ Ахиллеса и о странствованіяхъ Одиссея, упражнять свое ухо на ритмѣ гекзаметра, оплодотворять свою фантазію великолѣпіемъ образовъ эпическаго языка и свой духъ — мудрыми изреченіями отца поэтовъ. Но подобное же широкое вліяніе обезпечено было и для всего поэтическаго и художественнаго творчества, которое развивало многосторонніе импульсы гомеровской поэзіи и обогащало греческую жизнь самыми разнообразными благородными украшеніями.

Посвященное музамъ образованіе имѣло своею задачею сообщить каждому отдѣльному человѣку многостороннюю и тонкую воспріимчивость къ общимъ интеллектуальнымъ сокровищамъ. Обученіе, посредствомъ котораго сообщалась эта воспріимчивость, обнимало: изученіе письма и чтенія, чтеніе и запоминаніе текстовъ, затѣмъ пѣніе и музыку. Обученіе азбукѣ называлось *γραμματιστική* или *γραμματική παιδική*, и его велъ *γραμματιστής*, не безъ употребленія методическихъ пособій; такимъ пособіемъ является составленная драматическимъ поэтомъ Калліасомъ около 400 года до Р. Хр. *γραμματικὴ τραγῳδία* (грамматическая трагедія), въ которой по порядку выводятся 24 буквы (вновь вводившагося тогда іонійскаго алфавита), а затѣмъ слѣдуютъ группы буквъ въ стихахъ и мелодіи, съ сохраненіемъ дѣленія трагедіи на прологъ, пѣснь хора и т. д.[1]). Въ александрійскій

[1]) Самыя подробныя свѣдѣнія у Grassberger'a, Erziehung und Unterricht im klassischen Altertum, II. Teil, Würzburg 1875, стр. 263 и дал.

Digitized by Google

періодъ съ элементарнымъ обученіемъ связывалось преподаваніе грамматики: различали три части рѣчи (*ὀνόματα, ῥήματα, συνθεσμοί* — имена, глаголы, союзы), излагали ученіе о фонетическихъ измѣненіяхъ (*συστολαί, ἐκτάσεις*), акцентахъ и категоріяхъ флексіи (*γένη, πτώσεις, ἀριθμοί, ἐγκλίσεις* т. е. modi — роды, падежи, числа, наклоненія[1]). Матеріалы для запоминанія и чтенія, а также отчасти и тексты для пѣнія, были различнаго рода; критяне запоминали свои законы въ формѣ мелодій, аркадяне — въ гимнахъ, а аѳиняне — въ тѣхъ и другихъ[2]); всюду распространены были басни Эзопа: для характеристики необразованнаго человѣка употреблялись превратившіяся въ пословицу слова: онъ не ходилъ по стопамъ Эзопа[3]). Гомера всюду изучали въ школахъ, и повидимому въ употребленіи были нѣчто въ родѣ христоматіи; по крайней мѣрѣ сборникъ образцовъ, составленный Платономъ (Legg. VII, p. 810), предполагаетъ нѣчто болѣе древнее въ этомъ родѣ. Поучительныя объясненія прочитаннаго и упражненія въ изложеніи, повтореніе разсказа и т. д. были уже обычными явленіями въ эпоху процвѣтанія; въ александрійскій періодъ стали болѣе опредѣленно различать стилистически-реторическій и фактическій экзегезисъ и связывали съ первымъ стилистическія упражненія: развитіе сентенцій, характеристики (описанія характеровъ или положеній) и т. д.[4])

---

[1]) Тамъ же, стр. 259 и Ussing, Darstellung des Erziehungs-und Unterrichtswesens bei den Griechen und Römern, übersetzt von Friedrichsen. Altona 1870, стр. 107. Главныя мѣста у Dionys. Halic. de compos. verb. 25 и de admir. vi dic. in Dem. 52.

[2]) Aelian Var. hist. II, 39. Polyb. IV, 20; Aristoph. Nubb. 967. Luc. Anach. 22.

[3]) Aristoph. Av. 471. *ἀμαθὴς γὰρ ἔφυς κοὐ πολυπράγμων, οὐδ' Αἴσωπον πεπάτηκας.* Эзопова басня является популярнѣйшимъ изъ заимствованныхъ съ востока образовательныхъ средствъ грековъ. Что ея родина востокъ, этого не оспариваютъ; но эту родину видятъ частію въ Египтѣ, такъ Zündel, „Aesop in Aegypten", Bonn 1846, частію въ Индіи, какъ Keller, „Untersuchungen über die Geschichte der griechischen Fabel", Leipzig 1862; A. Weber, „Indische Litteraturgeschichte", 2 Aufl. стр. 228, склоненъ считать греческую басню изъ міра животныхъ „семитическимъ растеніемъ", тогда какъ Keller допускаетъ лишь ассирійское посредничество.

[4]) Ussing, цитов. сочин., стр. 123 и дал.

Digitized by Google

Музыкальной сторонѣ обученія, посвященнаго музамъ, народный взглядъ придавалъ большое значеніе, а пиѳагорейская школа подтвердила это представленіе и сдѣлала его болѣе глубокимъ: ритмъ и гармонія проникаютъ въ душу, освобождаютъ ее отъ грубости и сообщаютъ ей тактъ и равновѣсіе; вообще они развиваютъ въ ней тонкую чувствительность къ красотѣ и правдѣ уже въ такомъ возрастѣ, для котораго еще не существуетъ никакихъ разсудочныхъ основаній, даже никакого ученья; сверхъ того музыкальное искусство есть достойное занятіе во время досуга, и пониманіе музыкальныхъ произведеній есть источникъ благороднаго наслажденія[1]). Тонкое музыкальное чувство грековъ приписывало различнымъ инструментамъ и тонамъ вполнѣ опредѣленный характеръ и соотвѣтствующія этому характеру дѣйствія: игра на флейтѣ считалась средствомъ возбужденія страсти, звуку семиструнной лиры приписывалась благородная полнота и облагораживающее вліяніе; дорійскій тонъ былъ тономъ сдержанной силы и мужества; веселымъ и смягчающимъ спутникомъ дорійскаго ставятъ одни фригійскій, другіе лидійскій тонъ. Рядомъ съ обученіемъ, посвященнымъ музамъ, какъ его восполненіе, стоитъ обученіе гимнастическое; но то и другое обученіе являются родственными благодаря общимъ цѣлямъ и связующимъ звеньямъ. Гимнастика также разсчитана на то, чтобы сообщить сдержанную силу и вмѣстѣ изящество; въ искусствѣ танца и марша, сопровождающаго исполняемую мелодію, то и другое обученіе встрѣчаются другъ съ другомъ[2]); широко развитая система гимнастическихъ правилъ сообщала этому искусству теоретическій элементъ, который велъ за собою планомѣрное преподаваніе; какъ

---

[1]) Особ. Plat. Prot. p. 326; Rep. III, p. 398 sq.; Arist. Pol. VIII, 5, p. 1339 sq.

[2]) Plat. I Alc. p. 108 причисляетъ *ἐμβαίνειν ὀρθῶς* (правильное движеніе) къ *μουσικῇ* (музыкѣ); но обыкновенно танецъ и маршъ относятся къ гимнастикѣ.

Digitized by Google

искусство тѣлеснаго ухода, гимнастика переходила во врачебную науку[1]).

Образованіе, посвященное музамъ, и образованіе гимнастическое не заканчивались съ завершеніемъ юношескаго обученія, но вступали только въ стадію свободныхъ занятій и наслажденія. Гимназія приглашала взрослыхъ въ свои залы для упражненія тѣлесныхъ силъ и для общей бесѣды; исполненіе музыкальныхъ произведеній постоянно оживляло музыкальный интересъ; декламація и театръ поддерживали и возвышали знакомство съ кругомъ гомеровыхъ сагъ и идей; публичныя рѣчи и совѣщанія питали вкусъ къ словесному искусству и къ остроумному выраженію мысли. Школѣ достаточно было сдѣлать ученика воспріимчивымъ къ этимъ бившимъ со всѣхъ сторонъ источникамъ образованія: Аристиппъ остроумно называлъ самымъ незначительнымъ, но все же полезнымъ слѣдствіемъ обученія то, что молодой человѣкъ, самъ не камень, занимаетъ мѣсто на каменныхъ сидѣньяхъ театра[2]). При такомъ взаимодѣйствіи между школой и жизнію, первая легко расширяла кругъ своего преподаванія, если жизнь обогащалась новыми интересами. „Когда благосостояніе стало возрастать, когда стало увеличиваться число часовъ досуга и стремленія стали направляться къ болѣе отдаленнымъ цѣлямъ, поддерживаемыя особенно гордымъ сознаніемъ подвиговъ въ войнѣ съ мидянами, тогда стали браться за все, что только можно было учить, помышляя менѣе о выборѣ, чѣмъ о количествѣ“[3]). Такъ около середины IV вѣка до Р. Хр. сдѣлалось популярнымъ изученіе искусства рисованія, благодаря почину живописца Памфила Сикіонскаго[4]); софисты

---

[1]) Особенно Plat. Rep. III, p. 403 sq.

[2]) Diog. Laert. VIII, § 72.

[3]) Arist. Pol. VIII, 6, p. 1341.

[4]) Plin. Nat. Hist. 35, 10, 77. Pamphili auctoritate effectum est Sicyone primum, deinde in tota Graecia, ut pueri ingenui omnia ante graphicen, hoc est picturam in buxo docerentur recipereturque ars ea in primum gradum liberalium. (Авторитетъ Памфила произвелъ сначала въ Сикіонѣ, а потомъ во всей Греціи то, что даровитыхъ юношей прежде всего учили черченію или рисованію на букѣ, и это искусство принято было въ качествѣ первой ступени свободныхъ искусствъ). Arist. l. c. 3.

Digitized by Google

уже ранѣе распространили обученіе искусству произносить рѣчи и вести диспуты; познанія изъ области математики и міровѣдѣнія перешли изъ философскихъ школъ въ сферу народнаго образованія.

Образованіе, посвященное музамъ, есть не что иное, какъ облагороженіе духовной жизни, приличное для свободнаго человѣка; оно имѣетъ свѣтскій характеръ и первоначально не было ни жреческимъ, ни ученымъ по содержанію. Культурный элементъ, который представляетъ основа этого образованія, гомеровская поэзія, въ полной мѣрѣ заключаетъ въ себѣ побужденія къ образованію, но къ изслѣдованію и наукѣ побуждаетъ съ меньшею силою. Если горячіе почитатели поэта сдѣлали его и отцомъ науки, то они зашли слишкомъ далеко; съ бо́льшимъ основаніемъ начатковъ изслѣдованія искали одни въ теологіи жреческихъ пѣвцовъ, другіе въ восточной мудрости[1]). Въ историческую эпоху представителями изслѣдованія являются философы: они занимаются далеко не одною спекуляціей, но обладаютъ знаніемъ, которое съ полнымъ правомъ можно назвать ученымъ. Ѳалесъ, это первый греческій астрономъ, Анаксимандръ — первый географъ, Пиѳагоръ — первый знатокъ всѣхъ математическихъ наукъ. Ихъ теоріи не только не коренятся въ томъ духовномъ матеріалѣ, на который опирается образованіе, посвященное музамъ, но даже стоятъ въ оппозиціи съ этимъ образованіемъ; „съ древнихъ временъ существовалъ раздоръ между философіей и поэзіей, и сохранились безчисленные слѣды ихъ стараго спора“[2]): такой слѣдъ можно видѣть прежде всего въ нападеніяхъ изслѣдователей противъ Гомера. Въ основѣ этихъ нападеній лежатъ частію теологическіе мотивы, напр., у Ксенофана и Платона, когда они возвышаютъ голосъ противъ человѣкообразнаго представленія о божествѣ, частію и нравственные, какъ это видимъ особенно у Платона, когда онъ порицаетъ поэта за то,

---

[1]) Diog. Laert. Prooem. § 1, sq.
[2]) Plat. Rep. X, p. 607.

Digitized by Google

что тотъ идеализируетъ національный характеръ не только съ его добродѣтелями, но и съ его слабостями, и не беретъ на себя задачи утвердить въ народномъ сознаніи болѣе высокій принципъ; наконецъ въ основѣ этой противоположности лежитъ и различное пониманіе образованія: такъ, напр., Платонъ упрекаетъ „миметическаго“ (подражательнаго) поэта въ томъ, что онъ хотя и умѣетъ копировать пеструю полноту человѣческихъ дѣятельностей и искусствъ, но подобно художнику, претендующему на знаніе тысячи искусствъ, ни въ одной изъ нихъ не является своимъ человѣкомъ и ни одной не знаетъ, какъ слѣдуетъ, и такимъ образомъ держитъ умы на миражѣ миражей, вмѣсто того, чтобъ заставлять ихъ проникать въ предметъ и его существо[1]); повидимому, подобныя же соображенія руководили и Гераклитомъ, врагомъ всякой многопредметности въ изученіи, когда онъ требуетъ, чтобы Гомеръ былъ снятъ со сцены и подвергнутъ палочнымъ ударамъ[2]).

Противоположность между духовною культурой, основанной на изслѣдованіи, и тѣмъ народнымъ образованіемъ, которое связано было съ именемъ музъ, съ наибольшею ясностію выступаетъ въ планахъ учебныхъ занятій, которые дѣйствовали въ пиѳагорейскомъ союзѣ и по образцу которыхъ Платонъ составилъ свой идеальный планъ обученія въ „Государствѣ“. У Пиѳагора пріемъ въ учрежденіе *(σύστημα)* связанъ былъ съ испытаніемъ, которое простиралось на предшествующую жизнь, склонности, даже физіономію претендовавшаго на поступленіе юноши: „художникъ ищетъ подходящаго дерева, когда хочетъ сдѣлать статую Гермеса“, вотъ пиѳагорейское правило, которое въ формѣ изреченія: Non ex quovis ligno fit Mercurius, сдѣлалось пословицей. Учебный курсъ продолжался пять лѣтъ, въ теченіе которыхъ обученіе велось во всякое время. Ученики были сначала *ἀκουσματικοί,* они должны были молчать и слушать и упраж-

---

[1]) Plat. Rep. X, p 598 sq.
[2]) Diog. Laert. IX, § 1.

Digitized by Google

няться въ работѣ памяти; положеніе: „мы знаемъ столько, сколько имѣемъ въ памяти“, тоже пиѳагорейскаго происхожденія. Учебный матеріалъ состоялъ въ коротенькихъ предложеніяхъ съ богатымъ идейнымъ содержаніемъ, въ гномической или катехетической формѣ, напр. „Оставь большую дорогу, иди по тропинкамъ“. „Не говори безъ озаренія“. „Что всего мудрѣе? Мѣра и число. А потомъ? Творецъ языка“. Музыкальное образованіе ограничивалось богослужебными формами; искусство звуковъ считалось искусствомъ врачеванія духа. Въ словахъ *νόμος* и *κόσμος* соединялось представленіе о музыкальномъ произведеніи и нравственномъ порядкѣ, совершенно въ духѣ аполлоновской теологіи. Высшую ступень учениковъ составляли *μαθηματικοί*, т.-е. занимающіеся наукой; ихъ занятіе *(μάθημα)*, составляли ариѳметика и геометрія, астрономія и теорія музыки, науки, которыя поэтому получили имя математическихъ. Вѣроятно уже здѣсь, какъ полагаетъ Ротъ, существовало различіе между элементарнымъ преподаваніемъ этихъ наукъ, когда положенія ихъ предлагались въ изолированномъ видѣ, какъ матеріалъ для запоминанія и размышленія, и высшимъ, излагающимъ эти науки въ связномъ видѣ. Завершеніемъ учебнаго курса были науки богословскія, имѣвшія своимъ предметомъ *ἱερὸς λόγος*; онѣ открывали и доступъ къ наукамъ эсотерическимъ, космологіи, физикѣ, цифровой символикѣ[1]). Платонъ называетъ воспитаніе искусствомъ врачеванія души[2]): *παιδεία δύναμις θεραπευτικὴ ψυχῆς*, представляя отзвукъ таинственнаго ученія мистерій, имѣла цѣлью уходъ за душою: ея очищеніе и врачеваніе. Платоновскій учебный планъ устраняетъ изъ тѣхъ *λόγοι* (матеріаловъ), которые служатъ образованію, посвященному музамъ, все, что унижаетъ божеское до человѣческаго, и слѣдовательно — всю гомеровскую поэзію, даетъ преобладаніе лирико-дидакти-

---

[1]) Röth., цитов. соч., II, стр. 473—516 и стр. 765 и дал.

[2]) Plat. *Ὅροι* p. 416. *Ὅροι* принадлежатъ если не самому Платону, то во всякомъ случаѣ старой академіи.

Digitized by Google

ческому элементу предъ эпическимъ и признаетъ только священную музыку; онъ требуетъ окружать юношеское чувство впечатлѣніями, которыя со всѣхъ сторонъ отображаютъ ему основныя формы красоты и добра въ ритмѣ и образѣ, такъ что эти формы становятся для него обычными и извѣстными, какъ азбука нравственнаго міра. Въ болѣе зрѣломъ отроческомъ возрастѣ начинается преподаваніе математики, но ведется оно несистематически (χύδην) и еще менѣе въ какой-либо принудительной формѣ; ариѳметика и искусство счисленія должны были дать навыкъ работать головою и научить быстрому пониманію; геометрія должна привязать умъ къ покоящимся формамъ въ потокѣ вещей, астрономія должна раскрыть вѣчные законы въ космическомъ движеніи, теорія музыки — въ движеніи звука. Для даровитыхъ юношей въ болѣе зрѣлые годы математическія занятія возобновляются, но теперь ведутся уже въ систематической связи и являются предварительной ступенью къ діалектикѣ, т. е. къ ученію объ идеяхъ, наукѣ о вѣчномъ.

Такимъ образомъ оба мыслителя даютъ образованію, посвященному музамъ, только пропедевтическое положеніе, преобразуютъ его соотвѣтственно этому положенію и указываютъ для него продолженіе въ математическихъ занятіяхъ, которыя составляютъ переходъ къ изслѣдованію въ собственномъ смыслѣ, къ наукѣ, къ философіи. Если Платонъ называетъ иногда самую философію искусствомъ музъ или, наоборотъ, включаетъ это послѣднее въ философію[1]), то въ этомъ воззрѣніи можно видѣть отзвукъ древняго, болѣе серіознаго культа музъ, а не доказательство того, будто Платонъ спускается до обычнаго представленія. Такой отзвукъ встрѣчаемъ мы и въ слѣдующемъ изреченіи: „служителями музъ являются всѣ образованные люди, прежде всего музыкальные художники, а равно и слуги Аполлона, совер-

---

[1]) Phaedon, p. 61: *φιλοσοφία μεγίστη μουσική*, Tim. p. 88: *μουσικὴ καὶ πᾶσα φιλοσοφία.*

Digitized by Google

щенно такъ же, какъ хранители и толковники священныхъ тайнъ являются слугами Деметры"[1]). Платонъ также называлъ философовъ настоящими Вакхами и жрецами[2]).

При подвижности умственныхъ интересовъ, которая характеризуетъ грековъ, неизбѣжно должно было случиться такъ, что общее образованіе усвоило кое что изъ занятій и взглядовъ, распространенныхъ въ кругахъ изслѣдователей. Когда о Пиѳагорѣ говорится, что „онъ сдѣлалъ математическое изслѣдованіе элементомъ образованія свободныхъ людей"[3]), или, какъ говоритъ Овидій: „in medium discenda dabat"[4]), то рѣчь идетъ здѣсь о вліяніи, выходящемъ за предѣлы круга его учениковъ; уже во времена Платона мы видимъ, что полувзрослые юноши занимаются спорными вопросами изъ области математической географіи[5]); исправленное Пиѳагоромъ нотное письмо и его теорія музыки рано проникли въ музыкальныя школы; еще болѣе потрудились ученики Платона для распространенія математическихъ познаній; Спевзиппъ изложилъ ихъ въ школьной связи[6]); въ александрійскій періодъ элементарное преподаваніе математики было распространено всюду. Точно такъ же высшія нравственно-религіозныя воззрѣнія проникли въ кругъ популярныхъ идей, и дѣлались попытки согласовать ихъ съ гомеровскимъ міровоззрѣніемъ: уже Анаксагоръ изъясняетъ Гомера съ нравственной точки зрѣнія, чѣмъ позднѣе съ особенною ревностью занимались стоики[7]).

---

[1]) Strab. X, 3, 10.

[2]) Plat. Phaed. p. 69 d и Phaedr. p. 249 d.

[3]) Procl. Comment. in Eucl. II, p. 19. *τὴν περὶ τὴν γεωμετρίαν φιλοσοφίαν εἰς σχῆμα παιδείας ἐλευθέρου μετέστησεν.*

[4]) Ov. Met. 15, 66.

[5]) Въ приписываемомъ Платону діалогѣ Amatores p. 132 они спорятъ о положеніяхъ Анаксагора и Ойнопида, рисуютъ круги и изображаютъ углы склоненія ихъ руками. Въ „Облакахъ" Аристофана, стихъ 200 и дал., одинъ молодой умникъ разбрасываетъ кругомъ себя астрономію, геометрію, географію.

[6]) Такъ слѣдуетъ понимать слова *ἐν τοῖς μαθήμασιν ἐθεάσατο τὸ κοινὸν καὶ συνῳκείωσεν ἀλλήλοις* у Diog. Laert. IV, § 2, такъ какъ спекулятивная связь этихъ дисциплинъ установлена была Платономъ, если уже не Пиѳагоромъ.

[7]) Diog. Laert. II, § 11 и толковники на Hor. Ep. 1, 31 sq.

Digitized by Google

Если такимъ образомъ строгое изслѣдованіе, возвращавшееся къ болѣе серіозному міровоззрѣнію догомеровскаго періода, содѣйствовало расширенію содержанія образованія, то инымъ способомъ дѣйствовала въ этомъ же самомъ направленіи популярная и житейская философія. Правда, въ популярной философіи софистовъ обнаруживается нѣкоторое усыпленіе спекулятивнаго и научнаго духа и упадокъ нравственной серіозности, которая въ прежнее время господствовала, какъ въ жизни, такъ и въ искусствѣ и наукѣ, но для интеллектуальной дѣятельности эта философія во многихъ отношеніяхъ служила импульсомъ, и исторія образованія можетъ цѣнить ее нѣсколько выше, чѣмъ это дѣлаетъ исторія философіи. Софисты мѣриломъ знанія и умѣнія считали пользу и искали искусства поставить силы и факторы жизни въ служебное отношеніе къ индивидууму. Такимъ искусствомъ Горгіасъ признавалъ ораторское, о которомъ онъ говорилъ, что оно обнимаетъ всѣ другія и дѣлаетъ излишними всякія знанія; не такъ далеко заходили другіе, обращавшіе вниманіе и на пріобрѣтеніе познаній въ цѣляхъ ораторскаго искусства, а иногда, какъ Гиппіасъ Элійскій, вторгавшіеся въ изученіи и преподаваніи въ самыя разнообразныя области знанія. Когда рефлексія обратилась къ вопросамъ жизни, открылся путь не только для резонерства, но и для примѣненія знаній и опытовъ къ практическимъ вопросамъ. Въ кругозоръ введены были политика, правовѣдѣніе, экономія, мораль, хотя точка зрѣнія, съ какой они разрабатывались, была низменная. Далѣе, разъ возбужденный интересъ къ ораторскому искусству не остановился на томъ, чтобы систематизировать эффектныя средства оратора, но, съ одной стороны, обратился къ изслѣдованію различныхъ формъ сочетанія мысли въ рѣчи и бесѣдѣ, а съ другой стороны перешелъ къ изслѣдованіямъ о языкѣ: софистическое искусство дебатовъ вызвало діалектику и логику; ихъ грамматическія различенія положили начало философіи языка, изъ которой у грековъ — совершенно инымъ процессомъ развитія,

Digitized by Google

чѣмъ у восточныхъ народовъ — выросла грамматика; во главѣ ея стоятъ замѣчанія софиста Протагора, который впервые указалъ различіе видовъ предложенія, названныхъ имъ „корнями рѣчи“ *(πυθμένες λόγων)*, и открылъ родъ именъ, равно какъ отношеніе соотвѣтствія[1]).

Въ тѣхъ же самыхъ сферахъ, какъ діалектика софистовъ, вращалась и направленная противъ этой діалектики жизненная философія Сократа, только искусство жизни, котораго онъ ищетъ, понимается здѣсь болѣе глубоко. Сильныя побужденія къ пріобрѣтенію познаній и научнымъ занятіямъ Сократъ давалъ своимъ ученіемъ о томъ, что мудрость не только средство къ добродѣтели, но тождественна съ добродѣтелью; такое же вліяніе производили и постоянныя указанія Сократа на тѣ строгія требованія, которыя заключаются въ предметѣ изслѣдованія, и отъ исполненія которыхъ нельзя отдѣлаться никакимъ шуточнымъ разсужденіемъ, которыя непосильны для человѣка съ неустойчивымъ расплывчатымъ стремленіемъ къ знанію и могутъ быть выполнены только путемъ серіознаго изслѣдованія. Онъ до нѣкоторой степени сгладилъ въ діалектикѣ тотъ эристическій и шуточный характеръ, какой сообщили ей софисты, и, разработавъ индукцію и опредѣленіе, заложилъ фундаментъ для зданія логики, которое выстроилъ потомъ Аристотель. Въ сократическомъ методѣ діалектическій и дидактическій пріемы сливаются другъ съ другомъ; обученіе становится раскрытіемъ знанія, преподаваніе — побужденіемъ къ открытію, кругъ идей ученика — мѣстомъ зарожденія знаній.

Въ развитіи и соединеніи импульсовъ, исходящихъ отъ софистовъ и отъ Сократа, заключается заслуга Изократа, изъ школы котораго въ Хіосѣ, какъ говорили, вышло столько же мужей благороднаго образованія, сколько героевъ изъ троянскаго коня. Онъ возвысилъ

---

[1]) Diog. Laert. IX, § 53. Arist. Rhet. III, 5. Soph. elench. 14. Различаемые имъ виды предложенія сводятся то къ четыремъ, то къ семи; или: желаніе, вопросъ, отвѣтъ, приказаніе, или: изъявленіе, вопросъ, отвѣтъ, приказаніе, увѣдомленіе, просьба, воззваніе.

Digitized by Google

ораторское искусство до степени образовательнаго средства, направленнаго къ конечнымъ нравственнымъ цѣлямъ, облагородилъ эгоистическую полиматію софистовъ до многосторонней воспріимчивости, образцомъ которой охотно ставилъ пчелу, умѣющую высасывать взятку изъ всѣхъ цвѣтовъ[1]); сдѣлалъ популярнымъ пиѳагорейско-платоновское пониманіе математики, какъ подготовительной школы къ философіи[2]), и побуждалъ къ занятіямъ исторіей подобно тому, какъ онъ же положилъ начало и сліянію реторики съ исторіографіей, которое, впрочемъ, послужило не въ пользу послѣдней[3]).

Объединеніе всѣхъ обязанныхъ философскимъ школамъ общеобразовательныхъ матеріаловъ принадлежитъ александрійскому періоду, утвердившему учебную систему, которой подъ именемъ семи свободныхъ искусствъ суждено было на столько вѣковъ получить каноническое значеніе. Имя этой системы: *ἐγκύκλιος παιδεία*, *ἐγκύκλια παιδεύματα*, *ἐγκύκλια μαθήματα*[4]), т. е. общее образованіе или общія занятія, но съ побочнымъ значеніемъ: кругъ образованія или занятій. Онъ обнималъ: грамматику, реторику, діалектику, ариѳметику, музыку, геометрію, астрономію.

Грамматика не утратила еще въ эту эпоху своего первоначальнаго характера философіи языка — его поддерживали преимущественно стоики, — но вмѣстѣ съ тѣмъ стала въ служебное отношеніе къ ученымъ изслѣдованіямъ, исправленію, критикѣ и изъясненію текста, и филологическая ученость, возвращаясь къ исходному пункту образованія, обратилась преимущественно къ Гомеровымъ стихотвореніямъ. Въ грамматикѣ различали техническую или методическую и экзегетическую или историческую часть; изъ нихъ первая имѣла дѣло съ языкомъ и рѣчью, а послѣдняя — съ объясненіемъ

---

[1]) Ad Demon. § 52 и дал.
[2]) De permutatione § 264 и 265.
[3]) Droysen, Grundrïss der Historik, 2 Aufl. Leipzig 1875, стр. 76.
[4]) Подробнѣйшія указанія см. у Wower'a, De polymathia tractatio 1603, cap. XXIV, p. 208—213.

Digitized by Google

авторовъ[1]). Въ цѣляхъ преподаванія и именно для обученія молодыхъ римлянъ греческому языку, Діонисій Ѳракійскій около 60 года до Р. Хр. объединилъ результаты грамматическаго изслѣдованія въ систему, заключающую въ себѣ первую практическую и элементарную греческую грамматику, совокупность грамматическихъ категорій и техническихъ выраженій, которыя перешли впослѣдствіи въ латинскій языкъ, а изъ него во всѣ другія грамматики[2]). Реторика изслѣдовала различные виды рѣчи, трактовала объ изобрѣтеніи и распредѣленіи матеріала, о выраженіи, усвоеніи и дѣйствіи (произношеніи), разсматривала образцовыя формы изслѣдованія, *χρεία*, отсюда хріи, и приводила въ систему тропическіе и фигуральные обороты рѣчи. Что представляла учебная практика, это показываютъ намъ *τέχνη ῥητορική* Діонисія Галикарнасскаго, младшаго современника Діонисія Ѳракійскаго, и *προγυμνάσματα* Гермогена, Афѳонія и другихъ ораторовъ или „техниковъ", какъ они назывались, изъ временъ имперіи[3]). Учебника элементарной діалектики, входившей въ кругъ предметовъ общаго образованія, не сохранилось; римскія энциклопедіи, которыя воспроизводятъ учебный матеріалъ греческаго обученія (§ 12), представляютъ подъ именемъ діалектики матеріи изъ аристотелевской и отчасти стоической логики, матеріи, приспособленныя болѣе къ потребностямъ реторики, чѣмъ къ выясненію настоящей задачи логики[4]).

Научной основой для геометріи и ариѳметики служили *στοιχεῖα* (элементы) платоника Эвклида изъ Гелы (около 300 года до Р. Хр.), которые хотя и не были первымъ систематическимъ учебникомъ, такъ какъ пиѳа-

---

[1]) Относительно различныхъ опредѣленій и дѣленій грамматики ср. Sext. Emp. adv. Gram. p. 224 sq. Fabr. Другія мѣста у Wower'a, цитов. соч., стр. 51 и дал.

[2]) Ср. M. Müller, Vorlesungen über die Wissenschaft der Sprache, перев. Böttger'a. Leipzig 1866, I, стр. 86 и дал.

[3]) Krause, Geschichte der Erziehung, des Unterrichts und der Bildung bei den Griechen и т. д. Halle 1851, стр. 179 и дал. K. Volkmann, Die Rhetorik der Griechen und Römer. Berlin 1872.

[4]) Prantl, Geschichte der Logik I, стр. 528, 578 и дал.

Digitized by Google

гореецъ Гиппократъ уже на полтораста лѣтъ ранѣе написалъ *στοιχεῖα*[1]), но затмили своею славою все прежнее. Они излагаютъ въ шести книгахъ планиметрію, въ четырехъ книгахъ ариѳметику: въ трехъ книгахъ стереометрію до правильныхъ тѣлъ; изложеніе имѣетъ ту типическую столь прославленную, служившую примѣромъ и для философовъ, форму, которая и теперь все еще является образцомъ для нашихъ учебниковъ: опредѣленія *(ὅροι)*, постулаты *(αἰτήματα)* и аксіомы *(κοιναὶ ἔννοιαι)* стоятъ во главѣ, учебный матеріалъ предлагается въ теоремахъ *(θεωρήματα)* и задачахъ *(προβλήματα)* вмѣстѣ съ доказательствами и рѣшеніями ихъ; построеніе весьма искусно, но не даетъ возможности проникнуть въ связь математическихъ истинъ, такъ какъ математическія положенія являются здѣсь скорѣе „матеріалами памяти и мысли“, чѣмъ членами научнаго организма. Повидимому, въ болѣе широкомъ употребленіи была только первая книга, которая оканчивалась Пиѳагоровой теоремой и комментировалась особенно часто. Судя по римскимъ энциклопедіямъ, въ геометрію включались и географическія свѣдѣнія, и входившая въ кругъ семи свободныхъ искусствъ ариѳметика, соотвѣтственно своему пиѳагорейскому происхожденію, имѣла своимъ предметомъ только матеріалъ теоріи и символики чиселъ, а не искусство счисленія и теорію четырехъ ариѳметическихъ правилъ[2]). Что обнимала входившая въ кругъ наукъ астрономія, это можно выводить изъ тѣхъ условій, какія ставитъ читателю своего географическаго произведенія Страбонъ, замѣчая, что тотъ, кто хочетъ читать его произведеніе, „не долженъ быть настолько невѣжественнымъ и лишеннымъ всякаго интереса человѣкомъ, чтобы не знать ни глобуса, ни круговъ его, параллельныхъ, перпендикулярныхъ и наклонныхъ, ни

---

[1]) Röth, цитов. соч., II, стр. 586. Ср. Bretschneider, Die Geometrie und die Geometer vor Eukleides. Leipzig 1870. Объ Евклидѣ чтенія Кантора по исторіи математики, Лейпцигъ, 1880, стр. 221 и дал.

[2]) О техникѣ счисленія ср. Grassberger, цитов. соч., стр. 321 и G. Friedlein, Die Zahlzeichen und das elem. Rechnen der Griechen и т. д. Erlangen 1869.

Digitized by Google

положенія тропиковъ, экватора и зодіака, путей солнца, которые даютъ понятіе о различіяхъ широтъ и о вѣтрахъ", „если кто не понялъ надлежащимъ образомъ всего этого", продолжаетъ онъ, „и ученія о горизонтахъ и полярныхъ кругахъ и прочаго, что еще предлагается въ первыхъ начаткахъ математики, то какъ можетъ онъ слѣдить за тѣмъ, что преподается здѣсь?"[1]) Что къ этому ученію о глобусѣ примыкали и географическія указанія, это вполнѣ естественно; изложенныя въ стихахъ руководства по географіи изъ александрійской эпохи дѣлаютъ вѣроятною догадку о школьномъ ихъ употребленіи[2]). Теорія музыки обнимала ученіе объ инструментахъ (органика), о высотѣ и глубинѣ звуковъ (теорія гармоніи) и ихъ продолжительности (ритмика); нотное письмо, особое для пѣнія и особое для инструментальной музыки, было сложнѣе нашего и требовало нѣсколькихъ мѣсяцевъ для изученія[3]).

Если посвященное музамъ школьное образованіе въ эпоху процвѣтанія Греціи продолжалось въ формѣ свободнаго развитія, обезпечиваемаго разнообразіемъ духовныхъ интересовъ общественной жизни, то общее образованіе александрійскаго періода нуждалось въ продолженіи въ формѣ изученія литературы и высшихъ учебныхъ занятій. Къ этому времени относится развитіе литературы для чтенія, которая своими импульсами и содержаніемъ должна была замѣнять то, что давали прежде жизнь и сношенія въ источникахъ свободнаго образованія и въ доступныхъ всѣмъ духовныхъ благахъ[4]). Къ этой литературѣ принадлежитъ и дидактическая поэзія; хотя художественное достоинство этой поэзіи невысоко, но ея нельзя не цѣнить, какъ орудіе образованія, такъ какъ она частію распространяла разнс-

---

[1]) Strab. I, p. 12 и 13.

[2]) Bernhardy, Griech. Litt-Geschichte I, стр. 99.

[3]) Boeckh, Encyklopädie und Methodologie der philologischen Wiss., herausgegeben von Bratuschek. Leipzig 1877, стр. 503 и дал.

[4]) Въ это время слово *ἀναγιγνώσκειν* пріобрѣтаетъ значеніе: заниматься чтеніемъ, книгами; писатели книгъ для чтенія называются *ἀναγνωσκικοί*. Bernhardy, Griechische Litteratur, стр. 57. Grassberger, цит. соч. стр. 283 и дал.

Digitized by Google

образныя ученыя познанія, частію приспособляла ихъ къ практическимъ цѣлямъ; такъ въ дидактическихъ стихотвореніяхъ излагались астрономія, географія какъ родной, такъ и чужихъ земель, исторія, миѳологія, далѣе свѣдѣнія о земледѣліи и охотѣ, врачеваніи и пр. Для обозначенія свободнаго или профессіональнаго занятія наукой вошло въ употребленіе имя *φιλολόγος* и *φιλολογία*, которое ранѣе хотя и употреблялось въ смыслѣ научнаго и образовательнаго интереса (*φιλολόγος: φιλῶν λόγους καὶ σπουδάζων περὶ παιδείας*), но не было устойчивымъ выраженіемъ, въ какое превратилъ его Эратосѳенъ, впервые назвавшій себя филологомъ. Понятіе филологіи соприкасается съ понятіемъ полиматіи (*πολυμάθεια*), которое также было тогда въ почетѣ, только въ первомъ понятіи въ качествѣ главнаго момента мыслился интересъ къ ученымъ, почерпаемымъ изъ книгъ, свѣдѣніямъ, а въ послѣднемъ — многосторонняя жажда ученія.

Филологія и полиматія еще не были собственно завершеніемъ образовательныхъ занятій, а только раздвигали границы этихъ занятій; высшею областью, къ которой они должны были вести, считалась философія. Въ этомъ смыслѣ Страбонъ приписываетъ филологу Эратосѳену среднее положеніе между тѣмъ, кто хочетъ посвятить себя философіи, т.-е. строгому изслѣдованію, и тѣмъ, кто не отваживается на это и однако изъ интереса и стремленія къ образованію выходитъ за предѣлы общеобразовательныхъ занятій[1]). Но философія имѣла право на болѣе высокое положеніе сравнительно съ другими науками еще и потому, что со временъ Аристотеля она начала вводить въ свою сферу полиматію, и великій Стагиритъ, „учитель знающихъ“, какъ называетъ его Данте, на порогѣ этого періода является примѣромъ стремленія, обнимающаго глубокое изслѣдованіе и обширную ученость. Всѣ философскія школы согласны въ томъ, что завершенія образованія

[1]) Strab., I, p. 15.

Digitized by Google

слѣдуетъ искать въ представляемой ими наукѣ, и расходятся только въ оцѣнкѣ общеобразовательныхъ занятій; стоики не хотѣли приписывать имъ никакого пропедевтическаго значенія, тогда какъ другіе, особенно академики, выступили въ защиту этихъ занятій и, вѣрные своему учителю, видѣли, особенно въ математическихъ занятіяхъ, „рукоятки" философіи[1]); о тѣхъ же, которые довольствовались упомянутой пропедевтикой и не переходили къ изслѣдованію, было въ ходу остроумное изреченіе Аристиппа, что они похожи на жениховъ Пенелопы, которые, получая отказы отъ госпожи, довольствовались ея служанками[2]).

Какимъ образомъ глубокія натуры стремились соединить философію и полиматію, это можетъ показать прекрасная притча, принадлежащая Николаю Дамасскому, современнику и другу Августа; онъ сравнивалъ изученіе съ путешествіемъ: путешественникъ въ одно мѣсто заходитъ, въ другомъ только принимаетъ пищу, въ третьемъ останавливается на цѣлый день; иное разсматриваетъ онъ точно, другое поверхностно, но, возвратившись на родину, постоянно живетъ въ собственномъ домѣ; такъ и другъ науки: на одномъ предметѣ останавливается онъ долго, на другомъ короткое время, иныя дисциплины усвояетъ вполнѣ, въ другихъ довольствуется элементами, и когда попробуетъ всего, что его привлекало, то обращается къ философіи, чтобы искать въ ней своего постояннаго мѣстопребыванія[3]). Въ стремленіи свести философію къ ея теологическимъ элементамъ заключается характеристическая особенность неопиѳагорейцевъ и неоплатониковъ. Они старались возобновить древнюю и древнѣйшую мудрость и воз-

---

[2]) Сужденіе Зенона у Diog. Laert. VII, § 22; болѣе благопріятно высказывался Хризиппъ, ibid. § 129. Ксенократъ сказалъ одному молодому человѣку, который хотѣлъ слушать его преподаваніе, но былъ несвѣдущъ въ музыкѣ, геометріи и астрономіи: *πυρεύου, καβάς γάρ οὐκ ἔχεις φιλοσοφίας* (Ступай, ты не владѣешь рукоятками философіи). Ibid. IV, § 10.

[3]) Ib. II, § 79, ср. Pseudoplut. de lib. educ. X.

[4]) Suidas, см. слово *Νικόλαος*, ср. Pseudoplut. de lib. educ. 10, и G. J. Vossius, de ratione studiorum Ultraj. 1651, p. 12.

Digitized by Google

высить философію до божественной мудрости. Вслѣдствіе этого формальныя дисциплины философіи стали въ пропедевтическое положеніе относительно теологіи, и послѣдняя получила характеръ центра этихъ дисциплинъ, такъ что теперь образованіе въ высшемъ смыслѣ этого слова строится на четырехъ ступеняхъ: посвященной музамъ, математической, философской и теологической.

Такимъ образомъ греческое образованіе искало своего завершенія въ томъ, изъ чего вышло восточное, а въ извѣстной мѣрѣ и само оно. Тогда какъ въ жреческомъ образованіи восточныхъ народовъ и грековъ эпохи пелазговъ прежде всего создается твердый базисъ для научныхъ изслѣдованій, который служитъ опорнымъ пунктомъ болѣе распространенныхъ образовательныхъ занятій, въ Элладѣ рано развилось свободное, насыщенное эстетическими элементами, народное образованіе, которому потомъ стали противопоставлять себя постепенно возникающіе кружки изслѣдователей, чтобы все болѣе и болѣе вводить въ него результаты болѣе серіозной духовной работы и своими ученіями дать духовной жизни такую же опору, такой же фундаментъ, какими древность обладала въ своихъ вѣрованіяхъ. Часто и справедливо называли провиденціальнымъ то обстоятельство, что греческое образованіе при появленіи христіанства распространило въ древнемъ мірѣ однородную духовную жизнь, которая въ состояніи была всюду разнести новые импульсы, но можно было бы усматривать провиденціальную черту и въ структурѣ содержанія этого образованія: не разросшійся слоями на старыхъ вѣрованіяхъ образовательный матеріалъ, но слабо сплоченный, хотя и искавшій укрѣпленія и углубленія, былъ наиболѣе благопріятнымъ элементомъ для образованія новаго понятія о Богѣ и новаго міровоззрѣнія.

§ 10.

Дифференціація греческаго духа по племенамъ и общинамъ и, не менѣе того, различіе духовныхъ направленій, которыя возлѣ и послѣ другъ друга имѣли вліяніе

Digitized by Google

на эллинскую жизнь и творчество, затрудняютъ составленіе краткой и связной характеристики греческаго образованія. *Παιδεία* (образованіе) для аѳинянина было нѣчто иное, чѣмъ для лакедемонянина: первый могъ высказывать притязаніе на то преимущество, что онъ „былъ въ состояніи съ пользою и вмѣстѣ съ величайшимъ искусствомъ и изяществомъ проявлять свою личность во многихъ видахъ дѣятельности и для своего города могъ требовать славы „образовательнаго учрежденія всей Эллады“ [1]); спартанцу приходилось выслушивать отъ своихъ соплеменниковъ бранное названіе *ἄμουσος* и искать своей силы въ собственной замкнутой личности, проникнутой сознаніемъ внутренней мощи и достоинства; „не слѣдуетъ думать“, говоритъ Архимедъ: „что человѣкъ значительно отличается отъ человѣка, но что всѣхъ годнѣе тотъ, кто прошелъ самую суровую школу“ [2]). Равнымъ образомъ существуетъ немалое разстояніе между серіознымъ и глубокимъ пониманіемъ человѣческаго образованія у пиѳагорейцевъ, выразившимся въ ихъ положеніяхъ объ испытаніи умовъ и сердецъ, о безмолвной искренности ученія, о его строго опредѣленной постепенности, и взглядомъ словоохотливыхъ многознающихъ софистовъ, которые считали возможнымъ изучать и преподавать все, какъ будто природа и божество не раздѣлили дарованій различно [3]); и почти не менѣе далеко лежатъ другъ отъ друга доктринерство, съ какимъ Ксенофанъ или Гераклитъ оспариваютъ народную вѣру и связанное съ нею образованіе, и дальновидная, прошедшая путь историческаго изслѣдованія, универсальность Аристотеля; даже въ одномъ и томъ же мыслителѣ соединяются противоположныя теченія: въ

---

[1]) Перикль Thuc. II, 41, 1: *τῆς Ἑλλάδος παίδευσιν*, ср. Diod. XIII, 27, *κοιν παιδευτήριον πᾶσιν ἀνθρώποις*. Isocrat. Pan. 50 говоритъ, что аѳинянинъ настолько превосходитъ всѣхъ другихъ людей, что кто тамъ ученикъ, тотъ могъ быть учителемъ другихъ, и что эллиномъ называется не тотъ, кто родился въ Элладѣ, но тотъ, кто усвоилъ себѣ аттическое образованіе.

[2]) Thuc. I, 84, 4.

[3]) На это „филистерство“ удачно указалъ Штейнталь въ Zeitschrift für Völkerpsychologie Bd. IV, стр. 470.

Digitized by Google

своемъ „Государствѣ“ Платонъ видитъ завершеніе умственнаго образованія въ спекуляціи, въ „Законахъ“ глубокая потребность исторической вѣры заставляетъ его, не обращая вниманія на все несовершенство народной религіи, искать внутренняго успокоенія въ поклоненіи богамъ предковъ.

Однако есть извѣстныя обще-эллинскія черты пониманія образовательной дѣятельности, и одна изъ наиболѣе выдающихся есть строгое отдѣленіе образовательныхъ занятій отъ изученія и упражненія, направленныхъ къ профессіональнымъ цѣлямъ; только первыя приличествуютъ свободному человѣку, имѣютъ дѣло со свободными искусствами и произведеніями (*ἔργα, μαθήματα ἐλεύθερα*), послѣднія же имѣютъ въ себѣ нѣчто ремесленное, наемническое, рабское (*βάναυσον, θητικόν, δουλικόν*). И свободными искусствами рекомендуется заниматься только до извѣстной степени, а не до виртуозности (*πρὸς τὸ ἐντελές*); гимнастическое образованіе стремится создать не атлетовъ, музыкальное не музыкантовъ. Достойно свободнаго человѣка только то, что изучается и дѣлается изъ интереса къ дѣлу или ради друзей, или въ видахъ добродѣтели, или для достойнаго наполненія досуга; изъ такихъ занятій состоитъ *παιδεία ἐλευθέριος καὶ καλή* (свободное и прекрасное образованіе)[1]). Экономическое примѣненіе изучаемаго казалось греку недостойнымъ и безвкуснымъ; и въ различныхъ анекдотахъ ремесленный духъ является мишенью остроумія. Таковъ извѣстный анекдотъ объ ученикѣ Эвклида, который, послѣ того, какъ учитель предложилъ ему первую теорему, спросилъ: „но какая мнѣ польза отъ того, что я узнаю это?“ Эвклидъ пристыдилъ его, сказавъ слугѣ: „дай ему полдрахмы, такъ какъ онъ требуетъ, чтобы ученіе приносило ему что-нибудь“. Точно такъ же противно было греческому духу брать деньги за руководство въ занятіяхъ, и софисты, которые впервые потребовали гонорара за свое преподаваніе,

---

[1]) Arist. Pol. VIII, 2 и 3 in. p. 1337 и 1338.

Digitized by Google

подверглись суровому порицанію аѳинянъ; Изократъ, который сдѣлалъ нѣчто подобное, повидимому, именно потому и устроилъ свою ораторскую школу не въ Аѳинахъ, а въ Хіосѣ; впрочемъ въ позднѣйшее время „техники" постоянно брали гонораръ, и вмѣстѣ съ тѣмъ начинаютъ раздаваться жалобы, что уже ничто не изучается изъ болѣе высокаго интереса, а только ради пользы[1]).

Образованіе должно быть не орудіемъ или вооруженіемъ, но красою, украшеніемъ человѣка; такъ называлъ его Аристотель[2]), и Діогенъ сравнивалъ его съ золотымъ вѣнцомъ, всегда сохраняющимъ свою цѣну и блескъ[3]). Еще лучше говорилъ Демонаксъ: какъ города слѣдуетъ украшать священными сокровищами *(ἀναθήμασι)*, такъ умы — благами образованія *(μαθήμασι)*[4]). Но это украшеніе не должно быть наружнымъ уборомъ, оно должно слиться съ личностью. Образованіе есть самая подлинная и не подлежащая утратѣ собственность человѣка; въ этомъ смыслѣ Стильпонъ на вопросъ, что потерялъ онъ при разграбленіи отечественнаго города, сказалъ: „изъ своего ничего: разумъ и образованіе я сохранилъ, все остальное я имѣю не болѣе права назвать своею собственностію, чѣмъ и завоеватели"[5]). Въ такомъ же смыслѣ можно понимать и одно изреченіе Демокрита, которое гласитъ: „природа и обученіе сходны между собой: обученіе перемѣняетъ настроеніе человѣка и этою перемѣною создаетъ ему вторую природу"[6]). Какъ элементъ личности, образованіе даетъ внутреннюю устойчивость и равновѣсіе, сообщаетъ бодрость духовной жизни, раз-

---

[1]) Diod. II, 29. Galen. Method. med. I, 1. Нашему: „хлѣбное занятіе" соотвѣтствуетъ греческое выраженіе *ἐργολαβία*.

[2]) У Diog. Laert. V, § 19.

[3]) Joh.Damasc., въ приложеніи къ Gaisford Stob. Ecl. phys. et eth. Bd. II. Nr. 92. *καὶ γὰρ τιμὴν ἔχει καὶ πολυτέλειαν.*

[4]) Gaisford, l. c. Nr. 53.

[5]) Ib. Nr. 152. *λόγος καὶ παιδεία.*

[6]) Mullach Democr. fragm. Berlin 1843, стр. 186 и 293: *ἡ φύσις καὶ ἡ διδαχὴ παραπλήσιόν ἐστι καὶ γὰρ ἡ διδαχὴ μεταῤῥυσμοῖ τὸν ἄνθρωπον, μεταῤῥυσμοῦσα δὲ φυσιοποιέει.*

Digitized by Google

виваетъ радостную и увѣренную умственную дѣятельность; въ этомъ смыслѣ о лицахъ, не получившихъ образованія, говорится, что они бродятъ среди предметовъ, какъ чужеземцы по улицамъ, или ведутъ сонную жизнь, а въ похвалу образованному человѣку указывается на то, что радостныя надежды въ немъ не переводятся, онъ владѣетъ священнымъ прибѣжищемъ въ себѣ самомъ[1]).

Какъ самое прекрасное украшеніе свободнаго человѣка, образованіе слѣдуетъ и можно давать безъ всякаго принужденія: „добровольное занятіе наукою и искусствомъ правильно и ведетъ къ цѣли, вынужденное — дурно и безцѣльно“[2]); „никакое знаніе не должно быть изучаемо свободными людьми рабскимъ образомъ; тѣло и вынужденная тѣлесная дѣятельность не сдѣлаетъ хуже, но къ душѣ навязываемое знаніе не пристанетъ“[3]). Побужденіемъ къ ученью, послѣ удовольствія, какое оно доставляетъ, должно служить стремленіе „всегда быть первымъ и возвышаться надъ другими“[4]), то честолюбивое стремленіе, которое одушевляло борцовъ на олимпійскихъ играхъ, вызывало соревнованіе между поэтами и художниками и представляетъ нервъ всего античнаго творчества, и на которое только умирающая древность научилась смотрѣть, какъ на инородный, вредный для свободы, мотивъ. Свободныя формы должно имѣть и самое преподаваніе: чѣмъ болѣе свободы и творчества обнаруживаетъ преподаватель въ умѣньи владѣть духовнымъ матеріаломъ, тѣмъ плодотворнѣе преподаваніе: по одному остроумному сравненію тремъ вѣкамъ Гезіода соотвѣтствуютъ три вида научныхъ занятій *(μαθήματα)*: золотыми являются научныя занятія тѣхъ, которые даютъ другимъ, сами не получивъ ничего, серебряными — занятія тѣхъ, которые возвращаютъ полученное, мѣдными — тѣхъ, которые получили, но не воз-

---

[1]) Gaisford. l. c. Nr. 134, 131, 140. Diog. Laert. I, § 69.
[2]) Aristoxenos у Gaisford, l. c. Nr. 119.
[3]) Plat. Rep. VII, p. 537.
[4]) Il. VI, 208, XI, 783.

Digitized by Google

вращаютъ[1]); изреченіе, которое прекрасно характеризуетъ греческій взглядъ въ его противоположности традиціонализму востока, но вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживаетъ и склонность къчрезмѣрно высокой оцѣнкѣ субъективной духовной производительности.

Дальнѣйшимъ признакомъ *παιδεία* (греческаго образованія) является полнота и многосторонность. Сократъ сравнивалъ его съ праздничной процессіей или праздничной толпой, въ которой есть что посмотрѣть и послушать[2]), или съ плодородной страной, которая производитъ все лучшее[3]). Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ совѣтуетъ подражать земледѣльцу, который оставляетъ борозды между рядами деревьевъ, чтобы они не отнимали другъ у друга мѣста[4]). При особомъ характерѣ образовательнаго матеріала и при подвижности греческаго духа необходимо было не столько побужденіе къ многостороннему расширенію знанія, сколько, наоборотъ, напоминаніе о томъ, чтобы не терять изъ-зъ полноты единства, изъ-за пестрой внѣшности — самаго существа дѣла. Опасность ненормальнаго увлеченія непостоянною многопредметностью и безсистемнымъ изученіемъ всякой всячины всегда угрожала греческому образованію, и всегда были голоса, которые предостерегали отъ этой опасности. Уже гомеровскій „Маргитъ“ изображалъ разсѣяннаго знатока тысячи искусствъ, „который умѣлъ дѣлать много, но все дѣлалъ плохо“[5]); Пиндаръ также предостерегалъ отъ склонности „ненасытнаго духа пробовать тысячу добродѣтелей“; Гераклитъ училъ: „полиматія не учитъ уму“[6]), а Демокритъ говорилъ, что слѣдуетъ заботиться не о *πολυμαθίη*, а о *πολυνοΐη*[7]). Полемика Сократа

[1]) Gaisford, l. c. Nr. 97.

[2]) Gaisford, l. c. Nr. 44: *πανήγυρίς ἐστι ψυχῆς ἡ παιδεία, πολλὰ γὰρ ἔστιν ἐν αὐτῇ ψυχῆς θεάματα καὶ ἀκούσματα.*

[3]) Gaisford, l. c. Nr. 103.

[4]) Ib. Nr. 102.

[5]) *Πόλλ' ἠπίστατο ἔργα, κακῶς δ' ἠπίστατο πάντα.*

[6]) *Πολυμαθίη νόον οὐ διδάσκει.* Diog. Laert. IX, § 7 и дал.

[7]) *Πολυνοΐην, οὐ πολυμαθίην ἀστέειν χρή.* (Слѣдуетъ заботиться не о томъ, чтобы у насъ было больше знаній, а о томъ, чтобы у насъ было больше ума). Mulloch, l. c., p. 187.

Digitized by Google

и Платона противъ софистовъ сурово порицаетъ разбросанность и неосновательность ихъ преподаванія; „если мы не знаемъ всего, то это вовсе не такъ дурно и далеко не такое большое зло: гораздо вреднѣе, когда подъ дурнымъ руководствомъ люди занимаются всѣмъ и берутся за изученіе всего“ [1]). Въ противовѣсъ многопредметности занятій своихъ современниковъ Платонъ ставилъ свое требованіе: „каждый дѣлай свое дѣло“, и основывалъ на этомъ требованіи планъ своего идеальнаго общества. Въ александрійскій періодъ разсматриваемая національная склонность снова обнаруживается въ стремленіи къ пестрой учености; въ римскій періодъ „голодный гречонокъ, который можетъ все и, если приказать, можетъ даже влѣзть на небо“ [2]), является мишенью насмѣшекъ.

Этого блужданія образовательныхъ стремленій въ самомъ его корнѣ касаются тѣ мыслители, которые выдвигаютъ нравственную сторону всякаго образованія и отъ обычнаго эстетическаго взгляда на образованіе возвращаются къ этическому. Мы поступили бы несправедливо въ отношеніи къ болѣе древнимъ мыслителямъ, особенно къ Пиѳагору, если бы стали называть Сократа первымъ представителемъ этого воззрѣнія, какъ и вообще то мнѣніе, будто онъ впервые свелъ философію съ неба на землю, на мѣсто физической спекуляціи поставилъ этическую, нуждается въ поправкѣ; но, несомнѣнно, его дѣятельность въ значительной мѣрѣ содѣйствовала тому, что его современники и преемники обратили вниманіе на нравственный моментъ образованія. При его интеллектуалистическомъ воззрѣніи, которое отождествляетъ добродѣтель и знаніе, образованіе естественно является у него сильнѣйшимъ, если не единственнымъ, рычагомъ добродѣтели и интеллектуальное развитіе совпадаетъ съ нравственнымъ. Позднѣйшіе философы удержали мысль о конечныхъ нравственныхъ цѣляхъ образованія, хотя и не слѣдовали

[1]) Plat. *Legg.* VII, p. 819.
[2]) Juv. Sat. III, 77.

Digitized by Google

Сократу въ слишкомъ высокой оцѣнкѣ мудрости и силы преподаванія. У Аристотеля преподаваніе является однимъ изъ средствъ къ достиженію добродѣтели, но имѣетъ одинаковое достоинство съ дисциплиной и навыкомъ[1]), для стоиковъ всѣ занятія являются дисциплинарными, даже врачебными средствами духа.

Предъ нравственною и эстетическою стороною образованія религіозная сторона въ собственномъ смыслѣ этого слова отступала у грековъ на задній планъ, не подвергаясь, однако, вслѣдствіе этого полному забвенію. Образованіе, посвященное музамъ, получило свое имя отъ богинь: въ лицѣ Аполлона и Гермеса оно воплощалось въ олимпійскихъ образахъ; пѣвцы, произведенія которыхъ были общимъ достояніемъ, считались не только учениками и поклонниками музъ, но и истолкователями боговъ[2]). „Попеченіе о своемъ образованіи и объ образованіи своихъ" считается „чѣмъ-то божественнымъ"[3]), даже самое образованіе олицетворяется въ формѣ божества, и поклонники его называются религіознымъ обществомъ, *θίασος*[4]). Въ стремленіи направить умъ въ сторону божественнаго Пиѳагоръ и Платонъ видѣли сущность духовной культуры; для послѣдняго это направленіе есть вмѣстѣ отвращеніе *(περιαγωγή, μεταστροφή)* отъ пустого миража, какимъ окружаетъ насъ чувственный міръ, а обученіе есть очищеніе и оживленіе душевнаго органа, „который заслуживаетъ сохраненія болѣе, чѣмъ тысяча глазъ, такъ какъ этимъ органомъ созерцается истина, божественное"[5]). На этомъ положеніи и остановились неоплатоники, чтобы фиксировать завершеніе образованія въ теологіи. Соціально-этическій взглядъ, по которому преподаваніе и ученіе служатъ сохраненію перешедшаго къ намъ отъ предковъ наслѣдія, также выра-

---

[1]) Arist. Pol. VII, 13, p. 1332 и Eth. Nic. X, 10, p. 1179.
[2]) Plat. Legg. III, p. 882.
[3]) Plat. Theag. 122.
[4]) Мѣста у Grassberger'а, цитов. соч., I, стр. 192 и II, 30.
[5]) Plat. Rep. VII, p. 521 и 527.

Digitized by Google

жается у названныхъ мыслителей[1]), но вообще чувство грековъ не было направлено въ сторону такой самоотверженной передачи духовныхъ сокровищъ; со стремленіемъ къ увѣковѣченію этихъ сокровищъ соединяется стремленіе къ славѣ собственнаго имени: сила не въ томъ, что для потомства сохраняется содержаніе знаній и умѣній, а въ томъ, что связанная съ ними заслуга безсмертна.

Вопросы объ образованіи, какъ и вопросы о воспитаніи у грековъ часто подвергались изслѣдованію и составляли предметъ всеобщаго интереса. Пункты, около которыхъ вращались дебаты, указываетъ намъ Аристотель: „въ наше время", говоритъ Аристотель, „спорятъ о задачахъ юношескаго образованія; не согласны въ томъ, чему слѣдуетъ учить юношество, чтобы достигнуть добродѣтели ли то, или жизненнаго счастія; не рѣшено и то, слѣдуетъ ли дѣйствовать болѣе на разумъ или на характеръ; повседневное воспитаніе оставляетъ этотъ вопросъ невыясненнымъ и не даетъ опредѣленнаго рѣшенія, слѣдуетъ ли заниматься тѣмъ, чего требуютъ житейскія нужды, или тѣмъ, что ведетъ къ добродѣтели, или слѣдуетъ также заниматься занятіями, выходящими за эти предѣлы: каждый изъ этихъ взглядовъ находилъ своихъ представителей"[2]). Философы трактовали объ этомъ предметѣ ближайшимъ образомъ въ связи съ соціально-философскими изслѣдованіями: такъ платоновскія сочиненія о „Государствѣ" и „Законахъ" заключаютъ въ себѣ педагогику и дидактику, а равно и аристотелевская Политика, которая къ сожалѣнію прерывается на изслѣдованіи этихъ матерій (см. выше, стр. 33). Но не было недостатка и въ сочиненіяхъ, которыя посвящены были собственно теоріи образованія, частію въ связи съ теоріей воспитанія, частію отдѣльно; изъ нихъ сохранилось только приписываемое Плутарху изслѣдованіе о воспитаніи дѣтей; объ обра-

---

[1]) Ср. выше, стр. 32 и 33.
[2]) Arist. Pol. VIII, 2, p. 1337.

Digitized by Google

зованіи (*περὶ παιδείας*) писали Демокритъ, Антисѳенъ, Аристиппъ, Аристотель, Ѳеофрастъ, Клеархъ. Сочиненіе послѣдняго, нужно думать, касалось и матерій изъ исторіи образованія: по крайней мѣрѣ, онъ трактовалъ въ немъ объ отношеніи между мудростію индійскихъ гимнософистовъ и мудростію маговъ[1]). Стоикъ Зенонъ писалъ „о греческомъ образованіи", имѣя, однако, въ виду и противоположность этого образованія образованію другихъ народовъ[2]). Объ изученіи поэтовъ трактовалъ тотъ же самый философъ, а также Хризиппъ и Плутархъ; указанія относительно самообученія, въ связи съ общими увѣщаніями и наставленіями, составляютъ содержаніе многихъ изслѣдованій Изократа, напр., писемъ къ Демонику и Никоклу, а также содержаніе многочисленныхъ *λόγοι προτρεπτικοί* позднѣйшихъ философовъ[3]). Отдѣльными сообщеніями изъ утраченныхъ сочиненій мы обязаны позднѣйшимъ авторамъ, дѣлавшимъ извлеченія изъ нихъ, особенно Стобею и Іоанну Дамаскину; послѣдній ставилъ изреченія философовъ въ параллель съ изреченіями церковнаго ученія.

§ 11.

Учрежденія, служившія образованію, за немногими исключеніями, въ древней Греціи были учрежденіями свободнаго строя; школы были частными предпріятіями и имѣли самое непритязательное устройство. Учителя письма и чтенія нерѣдко преподавали въ лавкахъ, даже на открытой улицѣ и на рынкахъ, такъ что праздные болтуны, какъ описываетъ это Ѳеофрастъ въ своихъ „Характерахъ", каждое мгновеніе могли мѣшать учителямъ и ученикамъ. Профессія грамматистовъ была бѣдна и пользовалась не высокимъ уваженіемъ; о пропавшемъ безъ вѣсти пословица гово-

---

[1]) Diog. Laert. Prooem. § 9.
[2]) Diog. Laert. Prooem. VII, § 4.
[3]) Ср. перечисленіе педагогически-дидактическихъ сочиненій у Grassberger'a, цитов. соч., II, стр. 10 и дал.

Digitized by Google

рила: „онъ или умеръ, или пошелъ въ учителя“. Часто дѣломъ обученія занималась вольноотпущенники и рабы, люди состоятельные возлагали дѣло элементарнаго обученія на рабовъ; даже школьникамъ, для надзора за ними и въ помощь имъ, давались рабы, *παιδαγωγοί*, обыкновенно такіе, которыхъ нельзя было употребить на работу; когда однажды при сборѣ плодовъ одинъ рабъ упалъ съ дерева и сломалъ ногу, господинъ сказалъ: вотъ вамъ и педагогъ“ [1]). Для преподаванія музыки существовали особыя школы, нѣсколько солиднѣе, чѣмъ школы грамоты, иногда украшенныя даже статуями Аполлона и Аѳины. Государство ограничивалось извѣстными общими опредѣленіями: въ Аѳинахъ ограничено было число мальчиковъ, которые могли получать образованіе совмѣстно, и назначено было время дня для учебныхъ занятій [2]); были предписанія и относительно учебнаго матеріала: такъ, при архонтѣ Эвклидѣ государственною властію введенъ былъ іонійскій алфавитъ; на родителей возлагалось обязательство давать дѣтямъ извѣстную степень музыкально-гимнастическаго образованія [3]). Образчикъ элементарнаго обученія на государственный счетъ представляетъ лишь законодательство Харонды, знаменитаго правителя Великой Греціи: онъ распорядился, чтобы сыновья всѣхъ гражданъ учились грамотѣ и чтобы учителя для бѣдныхъ оплачивались государствомъ [4]). Все, что дѣлалось въ Спартѣ для общаго, посвященнаго музамъ, образованія мальчиковъ, при публичномъ характерѣ тамошняго воспитанія, также исходило отъ государства; такъ производившаяся эфорами строгая музыкальная цензура, задерживавшая введеніе новыхъ напѣвовъ, очевидно, имѣетъ отношеніе къ обученію.

---

[1]) Gaisford, цит. соч. Nr. 121.
[2]) Aesch. Timarch. 9.
[3]) Plat. Crit. p. 50.
[4]) Diod. XII, 2. Gräfenhahn, Geschichte der Philologie im Altertum I, стр. 67, и Ussing, цит. соч., считаютъ сообщеніе Діодора недостовѣрнымъ, такъ какъ случай этотъ является единичнымъ. Однако слѣдуетъ принять во вниманіе, что рѣчь идетъ здѣсь не о государственныхъ школахъ, которыя, несомнѣнно, чужды были грекамъ, а скорѣе объ извѣстной формѣ вспомоществованія бѣднымъ.

Digitized by Google

Внимательнѣе заботились общества, съ одной стороны, объ образовательномъ наслажденіи искусствомъ, какое давали театръ, концерты и представленія всякаго рода, а съ другой стороны, о гимнастическомъ образованіи; въ каждомъ городѣ была общественная гимназія; въ Аѳинахъ нѣсколько гимназій; въ нихъ были не только мѣста для упражненій, но и парки, аллеи и залы и они украшались статуями боговъ и героевъ. Обученіе и упражненія взрослыхъ находились подъ надзоромъ начальниковъ, попеченіе о всемъ учрежденіи лежало на особыхъ комиссіяхъ, софронистахъ; гимназіархи, въ достоинствѣ которыхъ смѣнялись самые богатые граждане, должны были заботиться объ устройствѣ состязаній и праздниковъ. Въ Аѳинахъ уже законы Солона регулировали посѣщеніе, поведеніе и надзоръ въ гимназіяхъ. Помѣщенія гимназій были вмѣстѣ мѣстами общественной бесѣды и умственнаго обмѣна; такъ, философамъ онѣ давали мѣсто для преподаванія, которое также считалось достойнымъ наполненіемъ досуга *(σχολή)*: Платонъ и его послѣдователи преподавали въ академіи, посвященной Аѳинѣ и названной по имени героя Академа, гдѣ, въ платановой рощѣ стоялъ храмъ музъ, къ скульптурнымъ украшеніямъ котораго ученики Платона присоединили статую учителя; Аристотель и его приверженцы преподавали въ аллеяхъ посвященнаго Аполлону лицея; циники — въ посвященной Геркулесу гимназіи Киносарга, назначенной въ прежнее время для тѣхъ юношей, которые не отъ обоихъ родителей получили право на гражданское достоинство[1]). На эти самыя школы переносится иногда названіе палестра, не безъ побочной мысли, что онѣ даютъ уму нѣчто подобное тому, что атлетическія школы даютъ тѣлу[2]).

Философскія школы въ большинствѣ случаевъ имѣли характеръ свободныхъ союзовъ между жажду-

---

[1]) Ussing. цит. соч., стр. 135 и дал.

[2]) Ср. Longin. 4, 4. *Ξενοφῶν καὶ Πλάτων ἐκ τῆς Σωκράτους ὄντες παλαίστρας.*

Digitized by Google

щими знанія людьми, соединявшимися около одного учителя; хотя пріемъ и связанъ былъ съ обладаніемъ извѣстными свѣдѣніями, — такъ Платонъ въ извѣстной надписи отклонялъ всѣхъ, которые не занимались математикой[1]), — но никакое требованіе гонорара не затрудняло доступа въ эти школы для лицъ, не обладающихъ средствами. Непрерывность существованія школъ поддерживалась только преподаваніемъ и регулярною смѣною руководителей (схолархов); о попыткахъ обезпечить для школъ и матеріальныя средства свидѣтельствуютъ завѣщанія Θеофраста и Эпикура, которые завѣщали своимъ преемникамъ земельные участки[2]). Болѣе прочную организацію имѣли только пиθагорейскія товарищества, которыя не безъ основанія сравнивали съ египетскими жреческими школами. Благодаря своему иноземному характеру онѣ казались опасными для государства, и Пиθагору пришлось пережить разложеніе своей школы въ Кротонѣ. Равнымъ образомъ процессъ властей противъ Сократа показываетъ, что государство съ недовѣріемъ смотрѣло на болѣе серіозную преподавательскую дѣятельность. Еще въ концѣ четвертаго вѣка въ Аθинахъ дѣло доходило до конфликта между государственною властію и философскими школами; когда демагогъ Софоклъ настоялъ на постановленіи, чтобы безъ согласія совѣта и народа ни одинъ философъ не открывалъ школы, то философы, между прочимъ, послѣдователь Аристотеля, Θеофрастъ, оставили городъ и возвратились только тогда, когда постановленіе было отмѣнено и виновникъ его за противозаконное предложеніе былъ наказанъ[3]).

Среднее положеніе между философскими школами и низшими учрежденіями занимаютъ появившіяся со временъ Изократа школы риторовъ и грамматиковъ, которыя, подобно первымъ, не были подчинены правительственному надзору и устройство которыхъ составляло

[1]) *Μηδεὶς ἀγεωμέτρητος εἰσίτω μου τὴν στέγην.* Tzetz. Chil. 8, 972.
[2]) Diog. Laert. V, § 52 и X, § 17.
[3]) Diog. Laert. V, § 38.

Digitized by Google

одно изъ средствъ пропитанія. Какъ ни естественно было соединить грамматическія и реторическія занятія въ учебныхъ программахъ одного учрежденія, однако этого не случилось; научившись читать и писать у грамматиста, мальчики шли къ грамматику и часто еще до завершенія его преподаванія слушали оратора[1]). Точно такъ же и преподаваніе математики не было связано съ опредѣленнымъ возрастомъ и предварительными занятіями, такъ что науки, входившія въ кругъ семи свободныхъ искусствъ, не представляютъ собственно школьной или классной системы, а только общую норму знаній.

Профессіональная подготовка не имѣла опредѣленной связи съ подготовкой, пріобрѣтаемой у различныхъ учителей и школо-содержателей. Изъ высшихъ профессій званіе жреца требовало, правда, извѣстныхъ познаній, но они передавались не школьнымъ путемъ; такъ какъ важнѣйшія жреческія мѣста были наслѣдственными, то семейныхъ традицій достаточно было для сохраненія необходимыхъ знаній; повидимому, начинающихъ жрецовъ наставляли еще такъ называемые ἐξηγηταί, т.-е. истолкователи священныхъ постановленій и обычаевъ[2]). Для техническихъ ремеслъ и рукодѣлій существовали товарищества или цехи, которые, безъ сомнѣнія, заботились и о передачѣ соотвѣтствующихъ умѣній[3]). Какъ необычное учрежденіе, отмѣчается фактъ, что въ Сиракузахъ преподавались знанія, необходимыя для прислуги разнаго рода, т.-е. учебнымъ предметомъ служили „рабскія науки“[4]).

Если образовательныя и научныя занятія въ эпоху процвѣтанія Греціи какъ бы не хотѣли заключиться въ твердыя и регулированныя формы, то въ александрійскій періодъ въ этой области обнаруживается органи-

---

[1]) Ср. Quint. II. 1, 12 sq., который одобряетъ такое соединеніе занятій.

[2]) Christian Petersen, Ursprung und Auslegung des heiligen Rechts-bei-den Griechen, Philologus, Supp.-Band I, стр. 155—212.

[3]) Boeckh, цитов. соч. стр. 397.

[4]) Arist. Pol. I. p. 1255.

Digitized by Google

заторская дѣятельность, которая на первомъ планѣ имѣетъ своимъ представителемъ величественное въ своемъ родѣ, служившее цѣлямъ изслѣдованія и преподаванія, учрежденіе, выросшее на почвѣ древнѣйшей учености: александрійскій музей. Вызванный къ жизни Птоломеемъ Филадельфомъ въ 322 г., онъ соединялъ въ своихъ обширныхъ великолѣпныхъ помѣщеніяхъ до сотни ученыхъ; во главѣ его стоялъ ἱερεύς, жрецъ музъ, нѣчто въ родѣ канцлера нашихъ университетовъ; вслѣдъ за нимъ наиболѣе уважаемымъ членомъ былъ библіотекарь; различныя философскія школы, равно какъ представители отдѣльныхъ наукъ имѣли особыхъ начальниковъ. Учрежденіе это имѣло собственное состояніе, члены его пользовались не только помѣщеніемъ и общимъ столомъ, но получали сверхъ того ежегодное жалованье отъ царя; въ распоряженіи ихъ находилась обширная библіотека, которая снабжена была произведеніями не только греческой, но и восточныхъ литературъ, затѣмъ астрономическіе и физическіе инструменты, медицинскія учрежденія, ботаническій садъ и звѣринецъ для изученія естественной исторіи и т. д. Для переписки ихъ произведеній употреблялись особые писцы; чтобы имѣть въ достаточномъ количествѣ матеріалъ для письма, распоряженіемъ царя запрещенъ былъ вывозъ папируса; обращено было вниманіе даже на работы по украшенію книгъ. Въ какой мѣрѣ ученымъ вмѣнялось въ обязанность преподаваніе, не видно; однако вокругъ нихъ собиралось большое число учениковъ, и портики дворовъ употреблялись для чтеній. Свободныя занятія наукою дѣлаютъ это учрежденіе сходнымъ съ философскими школами; но совмѣстная жизнь ученыхъ, ихъ дѣленіе на коллегіи, ихъ глава — жрецъ, организація ученаго аппарата напоминаютъ египетскія храмовыя школы, и въ данномъ случаѣ мы также не можемъ отрицать того, что онѣ послужили образцомъ, какъ не можемъ отрицать вліянія ученыхъ сокровищъ Египта на развитіе александрійской полиматіи. Историческое значеніе музея состоитъ съ одной стороны, въ развитіи и орга-

Digitized by Google

низаціи ученаго образованія, а съ другой стороны въ томъ, что въ эпоху имперіи, когда онъ продолжалъ процвѣтать въ формѣ императорскаго учрежденія, онъ служилъ образцомъ для высшихъ учебныхъ заведеній, хотя подражанія никогда не достигали этого образца вполнѣ [1]).

Съ александрійскими кружками ученыхъ успѣшно соперничали пергамскіе, которые соединены были Атталидами въ ихъ резиденціи. Имѣли ли *κύκλοι Περγαμηνοί* организацію, аналогичную музею, не видно; несомнѣнно только, что ученые получали всевозможное содѣйствіе: основанная Евменомъ II библіотека по блеску приближалась къ александрійской; въ видахъ заготовки письменнаго матеріала занимались фабрикаціей пергамента, получившаго свое имя отъ Пергама; Атталъ III основалъ ботаническій садъ [2]). Вслѣдствіе связи съ Римомъ пергамскіе ученые пріобрѣли важное значеніе въ дѣлѣ передачи греческаго образованія римлянамъ. Точно такъ же и Селевкиды, основавшіе свое царство на древнихъ культурныхъ территоріяхъ Вавилона и Ниневіи, не оставались позади другихъ въ попеченіи объ образованіи; при дворѣ Антіоха въ Антіохіи жили ученые, процвѣтала знаменитая ораторская школа и существовала значительная библіотека; отсюда греческіе образовательные элементы перешли въ восточныя страны, въ Персію и Индію.

Но что не однѣ только столицы были мѣстомъ обширныхъ и организованныхъ научныхъ занятій, это доказываетъ слава, какою пользовался городъ Тарсъ, о которомъ Страбонъ говоритъ: „обитатели его обнаруживаютъ такую ревность къ философіи и остальнымъ, входящимъ въ кругъ образованія, наукамъ, что превосходятъ даже Аѳины и Александрію и всякое другое мѣсто, гдѣ были школы и преподаваніе философовъ; различіе заключается лишь въ томъ, что занимающіеся здѣсь всѣ туземцы, чужіе поступаютъ сюда не легко,

---

[1]) Указанія у Parthey, Das alexandrinische Museum. Berlin 1838.
[2]) Gräfenhahn, цитов. соч., I, стр. 410 и дал.

Digitized by Google

тогда какъ въ другихъ мѣстахъ живутъ болѣе иноземцы, а въ Александріи наблюдается не только притокъ иноземцевъ, но и выселеніе туземцевъ“ [1]). Здѣсь получилъ свое греческое образованіе апостолъ Павелъ; Діонисій Лонгинъ причисляетъ его къ греческимъ ораторамъ; не разъ цитуетъ онъ мѣста изъ греческихъ поэтовъ [2]).

---

[1]) Strab. XIV, p. 673.

[2]) Тит. 1, 19 о склонныхъ ко лжи критянахъ; 1 Кор. 15, 33: *φθείρουσιν ἤθη χρησθ' ὁμίλιαι κακαί*; Дѣян. 17, 28: *τοῦ γὰρ καὶ γένος ἐσμέν* изъ астрономической поэмы Арата.

Digitized by Google

IV.

Образованіе у римлянъ.

§ 12.

Подобно греческой, римская наука и образованіе также указываютъ на жреческіе начатки, при чемъ учителемъ римскаго народа является болѣе древній культурный народъ этрусковъ, имѣвшій жреческую литературу въ тагетическихъ[1]) книгахъ. Еще въ четвертомъ вѣкѣ до Р. Хр. римское юношество почерпало ученыя знанія у тосканскихъ жрецовъ[2]). Тагетическія книги были источникомъ римской авгуральной дисциплины, которая изложена была въ особыхъ сочиненіяхъ; самыя книги не разъ комментировались, — такъ ихъ комментировали этрускъ Тарквицій и юристъ Лабео, жившій при Августѣ, — а книги эти заключали также и указанія о богопочтеніи и даже преданія о природѣ вещей и періодахъ міра[3]). Естественно приходитъ въ голову мысль о сравненіи этой disciplina Tagetis съ литературою Ведъ и Тота, но сравненіе это нельзя провести во всѣхъ подробностяхъ; римляне развили изъ нея преимущественно ученіе о прорицаніи, гадательное искус-

---

[1]) Tages — внукъ Юпитера, найденный въ Этруріи при паханіи земли; основатель всякаго рода гадательства. См. лексиконъ Кронеберга подъ словомъ Tages.

[2]) Liv. IX, 32. Habeo auctores, vulgo tum Romanos pueros, sicut nunc Graecis, ita Etruscis litteris erudiri solitos. (Знаю авторовъ, затѣмъ вообще римскихъ отроковъ, имѣвшихъ обычай учиться какъ греческому, такъ и этрурійскому языку).

[3]) Diod. V, 40. *γράμματα δὲ καὶ φυσιολογίαν καὶ θεολογίαν ἐπὶ πλέον.*

Digitized by Google

ство и ученіе объ обрядахъ [1]). Обученіе жреческимъ наукамъ существовало въ Римѣ всегда, и люди, занимавшіе то или другое общественное положеніе, были болѣе или менѣе знакомы съ матеріями theologia civilis, которую по примѣру грековъ отличали отъ theologia fabulosa поэтовъ и отъ theologia naturalis философовъ [2]). Цезарь написалъ книгу объ augurium, и во времена имперіи между познаніями многосторонне образованнаго человѣка отмѣчалось знакомство съ гадательнымъ искусствомъ [3]).

Образовательный элементъ, какой представляла суровая, мрачная, но, можетъ-быть, не слишкомъ бѣдная мудрость этрусковъ, долженъ былъ отступить на задній планъ предъ полнотою импульсовъ, какіе дало ознакомленіе съ греческимъ образованіемъ. Послѣднее сдѣлалось для римлянъ прививкой, которая сообщаетъ свои соки чужому корню и производитъ плодъ смѣшаннаго характера. Римское образованіе не есть цвѣтъ національной культуры, но вырастаетъ путемъ ассимиляціи чужой, готовой образовательной системы. Здѣсь мы имѣемъ предъ собою первый болѣе извѣстный случай въ исторіи образованія, когда для извѣстнаго народа путь къ пріобрѣтенію образованія идетъ чрезъ область чужого языка и литературы. Вслѣдствіе этого обстоятельства у римлянъ изученіе языка и словеснаго искусства занимаетъ болѣе важное положеніе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, и позднѣйшее представленіе о грамматикѣ, какъ матери и руководительницѣ всѣхъ искусствъ и наукъ, въ сущности примѣнимо уже къ римскому образованію.

Что прежде всего побуждало римлянъ къ усвоенію греческаго языка, это политическія и соціальныя отношенія, и только послѣ второй пунической войны мотивами этого усвоенія являются, между прочимъ, и цѣли

---

[1]) Объ этомъ предметѣ ср. главнымъ образомъ Fr. Creuzer, Symbolik und Mythologie II², стр. 819 и дал. и K. O. Müller, Etrusker, Bd. II, стр. 3 и дал.

[2]) Boeckh, цитов. соч., стр. 290. August. de Civ. Dei VI, 5.

[3]) Krause, цитов. соч., стр. 368, примѣч. 3.

Digitized by Google

образованія. Греческому языку учились сначала свободно, у греческихъ рабовъ или вольноотпущенниковъ, путемъ бесѣдъ и чтенія; грамматическое изученіе начинается только съ Кратеса Маллосскаго, который въ 159 г. до Р. Хр. прибылъ въ Римъ изъ Пергама по дѣламъ царя Аттала II и вслѣдствіе какого-то несчастнаго случая вынужденъ былъ остаться въ городѣ на болѣе продолжительное время. Если школа пергамскихъ грамматиковъ можетъ претендовать на честь ознакомленія Рима съ изученіемъ языка, то александрійская школа въ грамматикѣ Діонисія Ѳракійскаго (см. выше § 9, стр. 185) дала ему весьма цѣнное учебное пособіе для достиженія этой цѣли. Во времена республики изученіе греческаго языка ограничивалось еще кружками тонко образованныхъ людей, и только въ началѣ имперіи, и то не надолго, оно сдѣлалось общимъ достояніемъ болѣе широкихъ круговъ. Тогда было въ обычаѣ начинать обученіе языку съ греческаго и въ этомъ отношеніи заходили такъ далеко, что мальчика долгое время заставляли читать и говорить только на этомъ языкѣ. Квинтиліанъ порицаетъ этотъ обычай, указывая на то, что онъ отчуждаетъ ухо отъ отечественнаго языка, но въ то же время высказывается за то, чтобы начинать съ греческаго, лишь бы только за нимъ скорѣе слѣдовалъ и латинскій [1]).

Разъ пробудившійся и развившійся на иностранномъ языкѣ и грамматикѣ грамматическій интересъ по необходимости обратился и къ языку отечественному. Научной обработкѣ латинскаго языка положилъ начало Л. Элій Преконій, получившій прозваніе Stilo, „стилиста“. Онъ занимался объясненіемъ древнихъ памятниковъ языка и преподавалъ его своимъ пріятелямъ, Цицерону, Варрону, Луцилію. Начатыя имъ научныя изслѣдованія въ быстро возрастающихъ размѣрахъ стали предметомъ школьныхъ занятій; въ первыя времена имперіи пріобрѣли извѣстность содержатели школъ О. Реммій

[1]) Quint. I, 1, 12 sq. — M. Müller, Vorlesungen über die Wissenchaft der Sprache. Leipzig 1866, I, стр. 93.

Digitized by Google

Палемонъ и М. Валерій Флаккъ, два первые artis scriptores или artilatores, т.-е. составители школьныхъ грамматикъ. Но грамматика интересовала не однихъ только учителей; самые выдающіеся мужи занимаются грамматическими вопросами; М. Варронъ, величайшій ученый своего времени, написалъ 24 книги о латинскомъ языкѣ, Ц. Луцилій, товарищъ государственныхъ мужей Лэлія и Сципіона, посвятилъ девятую книгу своихъ сатиръ исправленію орѳографіи; Ю. Цезарь, „занимаясь во время галльскихъ войнъ подъ свистъ стрѣлъ склоненіями именъ и законами глаголовъ“, составилъ произведеніе de analogia, въ которомъ, между прочимъ, сдѣлалъ нововведеніе, давъ шестому падежу оставшееся за нимъ названіе ablativus; императоръ Клавдій старался пополнить алфавитъ нѣкоторыми новыми буквами (для звуковъ v и ps и для средняго звука между i и u), которыя, впрочемъ, не утвердились въ алфавитѣ [1]). Эта грамматическая ревность не свободна отъ примѣси моднаго увлеченія, она нерѣдко погрѣшаетъ при перенесеніи на латинскую почву категорій и техническихъ выраженій греческой грамматики [2]), но въ ней обнаруживается и горячая патріотическая любовь къ языку отцовъ; прилежаніе и остроуміе употребляются на то, чтобы не только открыть законы и правила этого языка, но и ввести ихъ въ дѣйствіе. Этимъ занятіямъ латинскій языкъ обязанъ предохраненіемъ отъ угрожавшей ему потери звуковъ, ограниченіемъ числа вторгавшихся въ него греческихъ элементовъ и сохраненіемъ въ чистотѣ въ то время,

---

[1]) Boeckh, цитов. соч., стр. 740.

[2]) Такъ, переводъ названія второго падежа, которому греческіе грамматики дали имя *γενική*, переведенное на латинскій словомъ genitivus, нельзя признать удачнымъ; греки считали его падежомъ, который выражаетъ родъ (*γένος*), а римляне падежомъ происхожденія или рожденія, какъ если бы онъ назывался у грековъ *γεννητική* (M. Müller, цит. соч.). Точно такъ же названіе четвертаго падежа *αἰτιατική*, т.-е. падежъ основанія или причины, неправильно переведено словомъ accusativus (у Варрона casus accusandi), такъ какъ въ греческомъ словѣ нѣтъ мысли объ обвиненіи, а въ латинскомъ переводѣ исчезаетъ намекъ на лежащее въ основѣ этого падежа отношеніе; ср. Trendelenburg, Act. Soc. Gr. Lips. I, p. 119.

Digitized by Google

когда на немъ, какъ на языкѣ государственномъ, говорили варвары всѣхъ расъ; а народы, сдѣлавшіеся наслѣдниками римскаго образованія, обязаны хорошо разработанною грамматическою системой, неоцѣненнымъ средствомъ интеллектуальной дисциплины, образцомъ и схемой для обработки туземныхъ нарѣчій.

Подобно развитію грамматики, производный характеръ римскаго образованія повелъ за собою и развитіе словеснаго искусства, и реторика не менѣе грамматики является въ немъ основною дисциплиной. Правда, ораторское искусство пользовалось уваженіемъ уже въ древнее время, вслѣдствіе практическаго значенія, какое оно имѣло при публичномъ характерѣ политической жизни и судебныхъ процессовъ; но къ искусственной выработкѣ рѣчи перешли только вслѣдствіе соприкосновенія съ греческимъ образованіемъ, когда въ умѣніи владѣть словомъ начали видѣть болѣе, чѣмъ потребность государственнаго человѣка и юриста, и стали смотрѣть на него, какъ на средство къ развитію духовной жизни, къ усовершенствованію личности. Матеріаломъ новаго искусства опять былъ ближайшимъ образомъ чужой языкъ; Цицеронъ, Помпей, Антоній, Августъ „декламировали“ сначала по-гречески, прежде чѣмъ стали пользоваться для этого отечественнымъ языкомъ; первыя ораторскія школы Рима были греческія; только Л. Плоцій Галлъ (около 90 года до Р. Хр.) открылъ школу римскаго ораторскаго искусства, и rhetores Latini (латинскіе ораторы) утвердились на римской почвѣ не безъ борьбы, какъ со стороны римскихъ патріотовъ, такъ и со стороны государственныхъ ораторовъ, настаивавшихъ на болѣе основательной школьной подготовкѣ [1]). Съ тѣхъ поръ, какъ въ лицѣ Цицерона явился классическій римскій ораторъ съ неоспоримымъ авторитетомъ, латинское краснорѣчіе получаетъ права гражданства, хотя первенство не всегда признавалось за Цицерономъ, такъ какъ въ вѣкѣ Адріана и Анто-

[1]) Suet. de clar. rhet. 1 sq.

Digitized by Google

нина обращались къ болѣе древнимъ авторамъ[1]). Ораторское искусство считалось вершиною и концомъ образованія и воспитанія, и Квинтиліанъ могъ включить въ свой учебникъ реторики педагогику и дидактику.

Но грамматика и реторика, эти въ собственномъ смыслѣ образовательныя науки римлянъ, имѣя формальный характеръ, не представляютъ такой образовательной цѣнности, въ какой нуждается обученіе юношества и какая могла бы служить основою этого обученія. Въ древнее время такою основою были національныя героическія пѣсни, которыя изучались мальчиками и пѣлись за праздничной трапезой юношами и старцами[2]), а также законы двѣнадцати таблицъ, составлявшіе еще во время юности Цицерона матеріалъ для запоминанія. Пиѳагорейскія изреченія, которыя соединилъ въ одномъ стихотвореніи Аппій Клавдій Цекусъ (около 300), можно считать первой попыткой взять для подобной цѣли чужой матеріалъ. Но первою школьною книгою въ собственномъ смыслѣ была Odyssia, которую составилъ тарентинскій грекъ Андроникъ, по прозванію Ливій, жившій около 240 въ Римѣ, вольноотпущенникъ и преподаватель грамматики; эта книга держалась въ школахъ до временъ Августа, когда она слишкомъ устарѣла по стилю и по формѣ — Андроникъ пользовался въ ней стариннымъ сатурниновымъ стихомъ. Едва пятьдесятъ лѣтъ спустя послѣ Андроника „полугрекъ“ О. Эннiй изъ Кампаніи сталъ оспаривать его мѣсто своими „Анналами“, въ которыхъ онъ излагалъ исторію Рима съ заимствованіями у Гомера и размѣромъ гомеровскаго стиха. Оба эти произведенія вытѣснены были стихотвореніями Виргилія, которыя отчасти уже при жизни поэта употреблялись въ обученіи грамматикомъ О. Цециліемъ Эпиротой. Горацій также рано проникъ въ школы; въ началѣ временъ имперіи цѣлію честолюбія для писателя считалось чтеніе его юношествомъ; Горацій называетъ

[1]) Eckstein въ Encyklopädie Schmid'a, смотри слово Lateinische Sprache, I Aufl. Bd. XI, стр. 498.

[2]) Ussing оспариваетъ это въ цитов. сочиненіи на стр. 129.

Digitized by Google

прекраснѣйшею задачею поэта: „формировать лепечущія нѣжныя уста ребенка, отучать его ухо отъ низкой рѣчи, образовывать въ немъ сердце дружелюбнымъ ученіемъ, знакомить въ пѣснѣ съ отважными дѣяніями и указывать молодому поколѣнію на испытанные образцы“ [1]). Квинтиліанъ также рекомендуетъ ставить на первомъ планѣ современныхъ поэтовъ и знакомить съ древними только болѣе зрѣлыхъ учениковъ; но во второмъ вѣкѣ послѣ Р. Хр. опять возвратились къ древнимъ: Виргилій на время долженъ былъ уступить мѣсто Эннію, какъ Цицеронъ Катону [2]). Такимъ образомъ нужны были различные эсперименты, чтобы наполнить мѣсто, которое въ греческомъ образованіи занималъ Гомеръ; и хотя стихотворенія Виргилія, несмотря на упомянутыя возвратныя колебанія, пріобрѣли почти каноническое значеніе, однако они далеко не такъ срослись съ римскою духовною жизнію, какъ гомеровскія стихотворенія съ жизнію грековъ, и при двуязычномъ характерѣ образованія должны были дѣлить первенство съ послѣдними.

Послѣ школьныхъ авторовъ въ эпоху пробуждающагося интереса къ греческому образованію комическіе поэты наиболѣе содѣйствовали ознакомленію широкихъ сферъ съ новыми элементами образованія; сентенціи Плавта и особенно Теренція нерѣдко пріобрѣтали значеніе пословицъ, сцена изображала греческую жизнь и популяризировала греческое міровоззрѣніе и миѳологію. Дальнѣйшими источниками общаго образованія были публичныя рѣчи и декламаціи, и при той популярности, какою пользовалось въ Римѣ право, тонко образованный адвокатъ могъ оказывать значительное вліяніе на развитіе вкуса. Но въ Римѣ не было публичныхъ состязаній произведеніями поэтическаго искусства; новинки декламировали въ кругу друзей, за обѣдомъ или въ банѣ, — обычай, который впервые ввелъ ораторъ и критикъ Азиній Полліонъ. Если въ этомъ обычаѣ

[1]) Hor. Ep. II, 1, 126 sq.
[2]) Eckstein, цитов. соч., и Hertz, Renässance und Rokoko in der römischen Litteratur. Berlin 1865.

Digitized by Google

выражается стремленіе образованнаго римлянина наполнять каждый свободный часъ интеллектуальнымъ наслажденіемъ, то все же такого рода чтеніе не достигаетъ высоты остроумныхъ бесѣдъ грековъ, на почвѣ которыхъ могла развиться художественная форма платоновскаго діалога [1]).

Такимъ образомъ изъ греческой системы наукъ, входившихъ въ кругъ общаго образованія, грамматика и реторика встрѣтили наиболѣе благопріятную почву; что же касается другихъ наукъ, то пріобрѣтеніе ими правъ гражданства до нѣкоторой степени задерживалось практическимъ направленіемъ римскаго духа. Изъ учебниковъ, составленныхъ для сына цензоромъ Катономъ, который „изслѣдовалъ, зналъ и описалъ все, что знали и чему учили въ его время“ [2]), можно видѣть, какія знанія казались наиболѣе необходимыми римлянину стараго пошиба. Катонъ былъ того мнѣнія, что слѣдуетъ только обозрѣть, но не проштудировать, греческую литературу [3]), и потому тѣмъ менѣе связывалъ себя схемою греческихъ занятій. Для своей „нравоучительной поэмы“ онъ пользовался, вѣроятно, пиѳагорейскими источниками, свою реторику онъ составилъ примѣнительно къ потребностямъ форума, но на основаніи Ѳукидида и Демосѳена; его историческое произведеніе Origines, которое онъ, съ цѣлію облегчить мальчику чтеніе, написалъ особенно крупными и ясными буквами [4]), имѣло своимъ содержаніемъ національную исторію; къ ней примыкали руководства по наукѣ права, по теоріи сельскаго хозяйства, военнаго искусства и врачеванія. Такимъ образомъ у него еще нѣтъ мѣста для наукъ математическихъ, или, вѣрнѣе, онѣ всецѣло предоставлены были элементарному обуче-

---

[1]) Krause, цитов. сочин., стр. 305.

[2]) Cic. de or. III, 33, 135.

[3]) Plin. Hist. nat. 29, 1, 14: bonum illorum litteras inspicere non perdiscere.

[4]) Plut. Cat. Maj. 20: *τὰς ἱστορίας συγγράψαι φησὶν αὐτὸς ἰδίᾳ χειρὶ καὶ μεγαλοις γράμμασιν, ὅπως οἴκοθεν ὑπάρχῃ τῷ παιδὶ πρὸς ἐμπειρίαν τῶν παλαιῶν καὶ πατρίων ὠφελεῖσθαι.*

Digitized by Google

нію, которое ревностно занималось счисленіемъ. Еще Цицеронъ находитъ большое разстояніе между греками, у которыхъ геометрія пользовалась высокимъ почетомъ, а математика — всеобщимъ уваженіемъ, и своими соотечественниками, которые „опредѣляли размѣры этого изученія пользою, какую приносятъ измѣреніе и счисленіе“ [1]). Еще менѣе благопріятную почву встрѣтила теорія музыки, такъ какъ занятіе музыкальнымъ искусствомъ прямо считалось неприличнымъ [2]). Наиболѣе привлекала римлянъ астрономія, которая была полезна для земледѣлія и мореплаванія и, какъ описаніе неба, заключала много миѳологическихъ матерій; астрономическія дидактическія поэмы Арата (Phaenomena и Diosemeia) переводились не разъ между прочимъ и Цицерономъ, и также проникли въ школы.

Въ качествѣ общеобразовательныхъ наукъ математическія дисциплины впервые появляются въ libri IX disciplinarum М. Теренція Варрона, которые обнимали весь кругъ наукъ и служили источникомъ для всѣхъ слѣдующихъ энциклопедій. Варронъ выступаетъ за предѣлы седмеричнаго числа, вводя въ кругъ наукъ медицину и архитектуру, — примѣнительно, съ одной стороны, къ древней высокой оцѣнкѣ искусства врачеванія, а съ другой стороны — къ пробудившемуся въ высшемъ римскомъ обществѣ интересу къ постройкамъ. О земледѣліи и гражданскомъ правѣ Варронъ трактуетъ въ особыхъ сочиненіяхъ, а отечественной исторіи этотъ многосторонній изслѣдователь, въ которомъ какъ бы концентрируются научные элементы въ эпоху паденія республики, посвятилъ свое произведеніе de vita populi Romani и Antiquitates rerum humanarum et divinarum, въ которыхъ отецъ церкви Августинъ хвалилъ полноту учености и богатство мысли [3]). Занятія математикой Варронъ поощряетъ указаніемъ на то, что значеніе этихъ занятій сознается только при прогрессивномъ

[1]) Tusc. I, 2, 5.
[2]) Nep. Ep. 1.
[3]) De civ. Dei VI, 2.

Digitized by Google

движеніи въ этой области: „къ сожалѣнію“, говоритъ онъ, „мы или вовсе не изучаемъ этихъ вещей, или прерываемъ это изученіе, прежде чѣмъ у насъ явится пониманіе того, почему онѣ заслуживаютъ изученія; прелесть и польза этихъ наукъ заключаются въ томъ, что̀ выходитъ за предѣлы элементовъ (in postprincipiis), въ ихъ законченной разработкѣ, тогда какъ элементы ихъ могутъ казаться безцѣльными и сухими“ [1]). Квинтиліанъ умѣетъ цѣнить и образовательное значеніе математики и (по Изократу) полагаетъ его въ томъ, что она даетъ серіозную работу нашему разуму, обостряетъ разсудокъ, усиливаетъ способность пониманія, и что польза ея сказывается не тогда только, когда мы ее усвоимъ, какъ это бываетъ въ другихъ занятіяхъ, но въ самомъ ученіи; для оратора математическія науки имѣютъ то значеніе, что даютъ ему примѣръ порядка и строгости въ заключеніяхъ и полезно расширяютъ его фактическія знанія [2]). Предметомъ спеціальнаго изученія сдѣлалось землемѣрное искусство, съ тѣхъ поръ какъ Цезарь вызвалъ изъ Египта геометровъ въ Римъ для размежеванія государственныхъ земель; литература этой отрасли науки и искусства была немалозначительна; она открывается Юліемъ Фронтиномъ, первымъ изъ громатиковъ [3]) или землемѣровъ (около 74 послѣ Р. Хр.), и имѣетъ значеніе для средневѣкового образованія [4]). Римское образованіе ассимилировало познанія этой области, по крайней мѣрѣ, до извѣстной степени, и въ энциклопедическихъ учебникахъ позднѣйшихъ временъ имперіи матеріи изъ математики занимаютъ прочное положеніе.

Учебники или краткія руководства, которыя въ извѣстной системѣ заключали все достойное знанія, характерны для тенденціи римскаго образованія къ практическимъ цѣлямъ и къ сбереженію времени. Въ первыя времена имперіи А. Корнелій Цельзъ на-

[1]) Gell. N. A. 16, 18.
[2]) Quint. Just. I. 1, S. 34 sq.
[3]) Имя это, вѣроятно, есть искаженіе слова *γνώμων*.
[4]) Ср. Werner Gerbert von Aurillar. Wien 1878, стр. 74.

Digitized by Google

писалъ одно такого рода произведеніе, которое несомнѣнно трактовало объ ораторскомъ искусствѣ, правоученіи, правовѣдѣніи, военномъ дѣлѣ, сельскомъ хозяйствѣ и медицинѣ и, вѣроятно, носило заглавіе cesti; отъ него сохранилось только восемь книгъ изъ медицинскаго отдѣла — Celsus medicorum Cicero; въ вѣкъ Антонина неоплатоникъ Л. Апулей изъ Мадуры, основатель африканской латинской литературы, обработалъ діалектику, реторику и математическія науки; сохранилось только руководство по діалектикѣ подъ заглавіемъ de dogmate Platonis [1]). Его соотечественникъ и, подобно ему, приверженецъ неоплатонизма, Маркіанъ Капелла, писавшій около 410—427, достигъ незаслуженной славы благодаря тому, что его энциклопедія сдѣлалась учебникомъ средневѣковья. Двѣ первыя книги его Satiricon libri IX изображаютъ бракосочетаніе Меркурія съ филологіей, при чемъ Фебъ представляетъ невѣстѣ семь свободныхъ искусствъ въ качествѣ служанокъ, и каждая изъ нихъ излагаетъ содержаніе соотвѣтствующей науки съ сухостью, которая невыгодно отличается отъ краснорѣчиваго разсказа, составляющаго рамку изложенія; медицина и архитектура также относятся къ прислугѣ, но уже не говорятъ ничего [2]). Во время своей преподавательской дѣятельности въ качествѣ оратора, великій отецъ церкви Августинъ предпринялъ составленіе энциклопедіи, но закончилъ только сочиненія по грамматикѣ и музыкѣ, тогда какъ книги по діалектикѣ, реторикѣ, геометріи, ариѳметикѣ и философіи были только начаты [3]). Всю эту область обнимало произведеніе Кассіодора, современника Теодориха, de artibus ac disciplinis liberalium litterarum (объ искусствахъ и наукахъ свободнаго образованія), назначенное для образованія клириковъ. Многія другія произведенія заключаютъ въ себѣ ученыя познанія всякаго рода, не выдерживая схемы круга наукъ,

---

[1]) Jahn, Über römische Encyklopädieen въ Ber. d. königl. sächs. Gesellschaft der Wissenschaften Philol.-hist. Klasse II, 1856, стр. 263—287.
[2]) Ebert, Geschichte der christl. Litteratur, Leipzig 1874, I, стр. 459.
[3]) August. Retract. I, 6.

Digitized by Google

нѣкоторыя безъ всякаго плана. Памятникомъ громаднаго прилежанія въ собираніи разныхъ матеріаловъ и источникомъ для послѣдующихъ временъ является Естественная Исторія Плинія Старшаго, которая въ 37 книгахъ заключаетъ въ себѣ извлеченія болѣе чѣмъ изъ 2000 писателей о предметахъ астрономіи, географіи, антропологіи, зоологіи, ботаники, медицины, минералогіи и исторіи искусства, и которую Плиній Младшій могъ назвать opus diffusum, eruditum, nec minus varium, quam ipsa natura (произведеніе обширное, ученое, не менѣе разнообразное, чѣмъ сама природа)[1]). Представителемъ извлеченій безъ плана, но все же приспособленныхъ къ цѣлямъ собственнаго просвѣщенія и просвѣщенія другихъ людей, является А. Геллій, авторъ „Аттическихъ ночей", составленныхъ имъ въ формѣ поучительной бесѣды для дѣтей своихъ. Въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ этого рода дидактическая тенденція выражается во вступительномъ посвященіи сыну или другу автора,— обычай, который заимствованъ не у грековъ, но, повидимому, ведетъ свое начало отъ Катона, какъ и вообще литература, посвященная нуждамъ индивидуальнаго обученія, представляетъ особый родъ римской литературы[2]).

Римскій умъ былъ болѣе склоненъ къ филологіи и полиматіи, чѣмъ къ философіи, и эта наука не получила развитія на римской почвѣ. Однако она пріобрѣла извѣстное значеніе, какъ образовательная дисциплина, хотя только для болѣе узкихъ сферъ. Въ философствованіи развитіе и регулированіе собственной духовной жизни сообразно съ собственными наклонностями привлекали римлянина болѣе, чѣмъ настоящее спекулятивное изслѣдованіе; изреченіе Эннія: philosophari est mihi necesse, at paucis, nam omnino haud placet (мнѣ необходимо философствовать, но немного, такъ какъ философствованіе мнѣ вовсе не нравится)[3]) указываетъ

[1]) Plin. Ep. III, 5.
[2]) Mercklin, Die isagogischen Schriften der Römer. Philologus, Jahrg. IV, 1849, стр. 413—429.
[3]) Cic. Tusc. II, 1, 1, ср. de or. II, 37, 156. Rep. I, 18.

Digitized by Google

на субъективный и эклектическій характеръ занятія этой наукой, и хотя Цицеронъ и Сенека не останавливаются на „немногомъ", однако самоуслажденіе философскою спекуляціей оставалось ея главнымъ мотивомъ. У Цицерона присоединялось еще побужденіе испробовать силу языка на абстрактныхъ матеріяхъ, и съ него, если не считать Варрона, „въ устахъ котораго діалектика заговорила на латинскомъ языкѣ", начинается развитіе латинской философской терминологіи, имѣвшей такое необозримое значеніе для послѣдующаго времени [1]). Другой прочный результатъ имѣли занятія философіей для римской науки права, которая, благодаря философіи, не только получила идейную подкладку, но и достигла того логическаго совершенства, въ силу котораго она, какъ идейное художественное произведеніе, можетъ быть поставлена рядомъ съ математикою грековъ [2]). Въ возобновленіи пиѳагорейскихъ и платоновскихъ ученій предъ началомъ нашего времясчисленія принимали участіе и римляне, напр. ученый мистикъ Нигидій Фигулъ и послѣдователи Секста. Здѣсь, какъ и у грековъ, философское міросозерцаніе возвращается къ теологіи, изъ которой оно вышло. Въ связи съ этимъ стоитъ наклонность къ мистеріямъ, которая обнаруживается въ это время въ Римѣ и которую никакъ нельзя объяснять исключительно стремленіемъ къ чудесному и таинственному. „Если для болѣе поверхностнаго ума", говоритъ Фр. Крейцеръ [3]), „достаточно было пестраго, яснаго, свѣтлаго міра боговъ, то болѣе серіозный, болѣе глубокій человѣкъ искалъ спасенія для своего болѣе зрѣлаго мышленія и своего болѣе святого чувства въ лонѣ мистерій. Въ смутныя времена онѣ были для римлянина убѣжищемъ, гдѣ пламенная душа находила поддержку и средства уврачеванія".

---

[1]) Eucken, Geschichte der philosophischen Terminologie, Leipzig 1878, стр. 52 и дал. Менѣе благопріятное сужденіе о терминологіи Цицерона высказываетъ Prantl, Geschichte der Logik I, стр. 512.

[2]) Boeckh, цитов. соч., стр. 705.

[3]) Creuzer, Symbolik II², стр. 996.

Digitized by Google

Такимъ образомъ всѣ существенные элементы греческаго образованія входятъ въ римское; но процессъ воплощенія послѣдняго въ этихъ элементахъ невыгодно отличается отъ развитія содержанія въ греческомъ образованіи. Не литературный памятникъ глубокой древности и высокаго авторитета, сросшійся со всею народною жизнію, составляетъ основу римскаго образованія: наоборотъ, мы видимъ, какъ греческіе учители стараются дать Риму одновременно литературу и учебный матеріалъ; не совмѣстное дѣйствіе поэзіи и науки постепенно доводитъ до полной зрѣлости словесное искусство и его теорію, а наоборотъ, послѣдняя принимаетъ ускоренный ходъ развитія, свойственный тепличному растенію, и умъ направляется на форму и на формальную сторону ранѣе, чѣмъ на содержаніе, производящее форму; пересаженная на римскую почву полиматія пріобрѣтаетъ широкое развитіе, но не имѣетъ объединяющаго начала въ философіи, которая сама становится эклектизмомъ и получаетъ безплодное направленіе въ сторону практическаго и полезнаго. И однако нельзя не признать, что форма, какую Римъ далъ греческому образовательному матеріалу, была наиболѣе благопріятна для распространенія и сохраненія его. Чтобы вступить въ сферу античной культуры, народы, составлявшіе царство средиземнаго моря, а позднѣе народы сѣвера нуждались въ подготовкѣ, для которой образовательный матеріалъ въ формально-практической обработкѣ былъ гораздо болѣе подходящей основой, чѣмъ матеріалъ, полный одухотвореннаго содержанія. Составленный Донатомъ сборникъ правилъ языка былъ болѣе умѣстенъ, чѣмъ стоическая философія языка или аристарховская критика Гомера; ораторское искусство, связанное съ наукою права, было болѣе умѣстно, чѣмъ этическая реторика Изократа, практическія познанія громатиковъ (землемѣровъ) умѣстнѣе, чѣмъ остроумная логическая архитектоника Евклида. Римскій образовательный матеріалъ, несмотря на его неорганическій внѣшній видъ, все же воспринятъ былъ не внѣшнимъ только обра-

Digitized by Google

зомъ; онъ вошелъ въ національное сознаніе и вслѣдствіе этого сдѣлался для великаго народа завоевателей средствомъ къ духовной ассимиляціи различныхъ народовъ, однимъ изъ элементовъ, поддерживающихъ единство въ сферѣ латинской культуры.

§ 13.

Подобно образовательному матеріалу, идеалы греческаго образованія при перенесеніи ихъ на западъ также должны были подвернуться видоизмѣненіямъ вслѣдствіе тенденцій, свойственныхъ римскому характеру. Римляне переняли у грековъ ясно выраженное различіе между образованіемъ и профессіональной подготовкой, и выраженія artes ingenuae, liberales, studia ingenua, liberalia (благородныя, свободныя искусства и науки) суть только переводы греческихъ названій; только въ имени bonae artes (добрыя искусства), которое обнимаетъ занятія и упражненія патріота и честнаго человѣка, vir bonus (добраго мужа), заключается нѣчто специфически римское. Какъ и въ Греціи, образовательныя занятія считаются дѣломъ достойно наполненнаго досуга, наслажденіемъ, украшеніемъ, срастающимся съ личностію элементомъ: „другія дѣятельности ограничены временемъ, возрастомъ жизни, мѣстомъ; образовательныя занятія суть движущая сила юности, наслажденіе старости, украшеніе въ счастіи, прибѣжище и утѣшеніе въ несчастіи; они восхищаютъ насъ дома, не обременяютъ на чужбинѣ; онѣ служатъ для насъ дружелюбными спутниками ночи, путешествія, сельской жизни“ [1]). Но съ этими мыслями съ точки зрѣнія римлянина вполнѣ соединимо представленіе, что эти занятія должны вмѣстѣ сдѣлать способными къ извѣстнымъ дѣйствіямъ; римлянинъ гораздо опредѣленнѣе грека требуетъ, чтобы чистый барышъ этихъ занятій сказывался въ умѣніи владѣть словомъ. Къ in-

[1]) Cic. pro Arch. 7.

Digitized by Google

genuas pectus coluisse per artes (развитію благородныхъ чувствъ искусствами) относится linguas edidicisse duas (изученіе двухъ языковъ) [1]), и ораторское искусство, а на второмъ планѣ и писательское, является осязательною цѣлію для разнообразныхъ учебныхъ занятій; образованный человѣкъ еще не тотъ, кто занимался тѣми или другими науками, но тотъ, „кто прилежно, остроумно и со знаніемъ дѣла умѣетъ писать и говорить о чемъ-либо“ [2]). При тѣсной связи ораторскаго искусства съ юридическою ученостію, эта послѣдняя также является практическою цѣлью образованія: настоящій juris consultus, въ отличіе отъ legulejus, есть человѣкъ вполнѣ образованный, и, наоборотъ, знаніе права есть завершеніе подготовки къ званію оратора, т.-е. завершеніе высшаго образованія. [3]) Съ тѣхъ поръ, какъ императоры, особенно Адріанъ, создали сословіе чиновниковъ, тенденція образованія къ практическимъ способностямъ выступаетъ еще болѣе опредѣленно, и теперь цѣлью образованія ставятся требованія, предъявляемыя чиновнику.

Не разъ у римскихъ авторовъ встрѣчаются жалобы на то, что юношеское обученіе и учебныя занятія не имѣютъ отношенія къ жизни и потому безполезны; однако, въ основѣ такихъ заявленій лежитъ совсѣмъ иное мнѣніе, чѣмъ это кажется на первый взглядъ, и заявленія эти не имѣютъ ничего общаго съ современными явленіями, съ которыми ихъ ставили въ связь. Когда Сенека произноситъ свое восклицаніе: Non vitae, sed scholae discimus, которое вошло въ пословицу и сдѣлалось настоящимъ лозунгомъ обученія, приспосо-

---

[1]) Ovid. d. arte am. II, 121.

[2]) Corn. Nepos, у Suet. de ill. gramm. 4: litterati—qui aliquid diligenter et acute scienterque possint aut dicere aut scribere. Litteratus есть переводъ слова γραμματικός, какъ litteratura переводъ слова γραμματική, и спеціальное значеніе этого слова: истолкователь литературныхъ произведеній; греческому слову γραμματιστής, элементарный учитель, соотвѣтствуетъ латинское litterator.

[3]) Cic. de or. I, 55, 236; ср. тамъ же 46, 202, и Brut. 49; далѣе Quint. XII, 3.

Digitized by Google

бленнаго къ жизненной практикѣ, то онъ огорчается не тѣмъ, что юношество изучаетъ вещи, при помощи которыхъ ничего не можетъ предпринять въ жизни, но тѣмъ, что занятія его не ведутъ къ жизненной мудрости, что изящество духа не ведетъ къ добродѣтели [1]). Ближе къ обычнымъ у насъ сѣтованіямъ о несоотвѣтствіи между школою и жизнью подходитъ сатирическая выходка Петронія объ ораторскихъ школахъ, гдѣ онъ говоритъ: „я думаю, что въ школахъ мальчики дѣлаются глупыми, потому что не видятъ и не слышатъ въ нихъ ничего полезнаго", и затѣмъ, указавъ образчики пустоты реторическихъ упражненій, продолжаетъ: „кто получаетъ такую пищу, тому такъ же трудно прійти въ разумъ, какъ трудно благоухать человѣку, живущему на кухнѣ" [2]). Подобно насмѣшливому изреченію Катона о греческихъ ораторахъ, которые вѣчно учатся говорить рѣчи и никогда не могутъ произносить ихъ, сатирикъ вооружается здѣсь противъ безсодержательно-остроумныхъ мелочей ораторскаго искусства, но онъ вовсе не думаетъ, что это самое искусство неумѣстно въ обученіи; практическое значеніе fari posse (умѣнья говорить) и глубоко укоренившійся въ античномъ человѣкѣ интересъ къ словесному искусству были слишкомъ велики, чтобы поэту могла прійти на умъ такая широкая реформа. Глубокаго раздѣленія между жизнію и школой не существовало въ римской древности, хотя вслѣдствіе производнаго характера римскаго образованія въ немъ невозможно было то гармоническое взаимодѣйствіе

---

[1]) Sen. Ep. 106 fin. Не безполезно выписать это мѣсто, которымъ такъ много злоупотребляли, въ связи съ контекстомъ. Non faciunt bonos ista — рѣчь шла о діалектическихъ остротахъ — sed doctos; apertior res est sapere, immo simplicior, paucis est ad mentem bonam uti litteris: sed nos ut cetera in supervacuum diffundimus, ita philosophiam ipsam; quemadmodum omnium rerum, sic litterarum quoque intemperantia laboramus: non vitae, sed scholae discimus. Vale. (Онѣ не дѣлаютъ добрыми, а учеными; мудрость яснѣе, даже проще, для хорошаго ума достаточно пользоваться немногими книгами: а мы распространяемъ до чрезмѣрности какъ все прочее, такъ и самую философію; мы страдаемъ невоздержаніемъ какъ во всѣхъ вещахъ, такъ и въ самыхъ наукахъ: учимся не для жизни, а для школы. Будь здоровъ).

[2]) Petron. Sat. in.

Digitized by Google

между ученьемъ и дѣятельностью, слухомъ и зрѣніемъ, какое характеризуетъ эпоху процвѣтанія Аттики.

Въ связи съ болѣе виднымъ положеніемъ, какое занимало у римлянъ ораторское искусство, какъ моментъ образованія, стоитъ различеніе умѣнія и знанія, которыя въ *παιδεία* были соединены нераздѣльно. Моментомъ умѣнія была eloquentia (краснорѣчіе), моментомъ знанія — eruditio (эрудиція). Послѣднее выраженіе вовсе не покрывается словомъ *παιδεία*; оно не только не указываетъ на гимнастическую сторону образованія, но отодвигаетъ на задній планъ и сторону формальную, выдвигая пріобрѣтеніе положительныхъ знаній, почему оно противополагается какъ элоквенціи, такъ и философствованію [1]). Для римскаго образованія, опиравшагося на изученіе книгъ, характерно то обстоятельство, что латинскій языкъ не воспринялъ въ себя упомянутаго греческаго слова, ни въ адекватной передачѣ, ни въ качествѣ иностраннаго слова, тогда какъ слово *φιλολογία* до нѣкоторой степени пріобрѣло права гражданства и нерѣдко употребляется тамъ, гдѣ слѣдовало бы ожидать эквивалента для слова *παιδεία* [2]).

Тенденція образованія къ многосторонности обнаруживается и въ римской духовной культурѣ, но, по закону послѣдовательности, понимается какъ задача дать художественному умѣнію владѣть словомъ прочную основу въ фактическихъ познаніяхъ. Гораздо менѣе

---

[1]) Такъ у Suet. Cal. 53: E disciplinis liberalibus minus eruditioni, plurimum eloquentiae attendit. (Изъ свободныхъ наукъ онъ менѣе занимался эрудиціей, а болѣе элоквенціей). Cic. Fin. 1, 7 fin. Vellem equidem aut ipse (Epicurus) doctrinis fuisset instructior — est enim non satis politus iis artibus, quas qui tenent eruditi appellantur — aut ne deterruisset alios a studiis. (Мнѣ хотѣлось бы, чтобы или самъ онъ — Епикуръ — былъ болѣе наставленъ въ наукахъ — такъ какъ онъ недостаточно знакомъ съ тѣми изъ нихъ, обладающіе которыми называются образованными—eruditi — или другихъ не отклонялъ отъ занятій).

[2]) Именемъ philologus впервые назвалъ себя Attejus Capito, который multiplici variaque doctrina censebatur (пользовался репутаціей человѣка, обладающаго сложными и разнообразными познаніями). Suet. de ill. gramm. 10. У Virtuv. Prooem. Гомеръ называется poetarum parens et philologiae omnis dux (отцомъ поэтовъ и вождемъ всей филологіи); у Маркіана Капеллы образованіе олицетворяется подъ именемъ Philologia.

Digitized by Google

было нужды въ совѣтѣ разработывать изученное до способности къ изящному выраженію въ словѣ, чѣмъ въ совѣтѣ стремиться къ словесному искусству лишь на основѣ усвоенія матеріала. Въ этомъ смыслѣ Цицеронъ требуетъ отъ оратора, чтобы онъ былъ свѣдущъ во всѣхъ наукахъ и искусствахъ, Квинтиліанъ составляетъ свой учебный планъ, Тацитъ характеризуетъ истинное краснорѣчіе замѣчаніемъ, что „источникомъ его служатъ сложныя занятія, разнообразныя умѣнья и обширныя фактическія знанія, такъ какъ искусство оратора опирается не на узкую ограниченную сферу, какъ другія дѣятельности, но только тотъ заслуживаетъ этого имени, кто по каждому вопросу можетъ говорить изящно и красиво, убѣдительно и съ пониманіемъ дѣла, соотвѣтственно положенію вещей и къ удовольствію слушателей“ [1]). Опасности стремленія къ многостороннему образованію не ускользнули и отъ римлянъ, какъ не ускользнули онѣ отъ грековъ, и у нихъ нѣтъ недостатка въ предостереженіяхъ изъ-за множества не терять единства, изъ-за интереснаго не упустить изъ виду необходимаго. Изреченіе Плинія Младшаго: Non multa, sed multum превратилось въ пословицу, и нападенія Сенеки на жалкое всезнайство являются талантливыми дополненіями къ словамъ Гераклита и другихъ писателей противъ ложной полиматіи.

Нравственная цѣль образованія выступаетъ у римлянъ особенно въ томъ, что они ставятъ для образованія цивилизаторскую задачу. Уже въ словѣ erudire выражается мысль о нравственно облагороживающемъ вліяніи обученія и учебныхъ занятій; народу, состоявшему изъ воиновъ-земледѣльцевъ, и не менѣе того народу-завоевателю, которому предстояло распространить свою цивилизацію среди некультурныхъ націй, болѣе всего должно было броситься въ глаза это дѣйствіе духовной дѣятельности: „вѣрное изученіе благородныхъ искусствъ смягчаетъ нравы и не позволяетъ людямъ

[1]) Tac. Dial. 30.

Digitized by Google

оставаться дикими“ [1]). Словесному искусству Цицеронъ приписываетъ силу, которая соединила одинокихъ людей древности въ общество и склонила ихъ къ гражданскому образу жизни [2]). Но и нравственно развивающая сила образованія въ собственномъ смыслѣ слова и его малоцѣнность въ томъ случаѣ, когда оно отрѣшается отъ нравственныхъ цѣлей, съ одинаковою силою отмѣчаются какъ старымъ римляниномъ Катономъ, такъ и стоикомъ Сенекой, который привлекаетъ къ суду этики „ничтожный блескъ моднаго образованія и книги, не приносящія никакой пользы“ [3]). Въ связи съ тѣмъ, что у римлянъ яснѣе отмѣчается педагогическій моментъ образованія, у нихъ яснѣе, чѣмъ у грековъ, выдвигается и благоговѣйное отношеніе ученика къ учителю: „учитель по волѣ боговъ занимаетъ священное мѣсто отца“ [4]); „учители суть родители не тѣла, но духа, и отъ благоговѣнія къ нимъ зависитъ успѣхъ ученія“ [5]).

Соціально-этическій мотивъ передачи образованія, при ясно выраженномъ соціально-политическомъ духѣ римлянъ, также имѣетъ важное значеніе: „воспитаніемъ и образованіемъ юношества оказывается величайшая и лучшая услуга государству“ (Цицеронъ); „не малая честь и стоитъ величайшаго богатства, когда человѣкъ воспитываетъ дѣтей, чтобы увѣковѣчить себя и родъ свой“ (Плавтъ); но, какъ и у грековъ, въ стремленіи къ сохраненію духовныхъ благъ дѣйствуетъ отчасти и индивидуальное побужденіе сдѣлать безсмертнымъ собственное я, заслуга котораго связана съ этими благами. Но гордость римлянина заключается въ томъ, что онъ передаетъ духовныя пріобрѣтенія не только потомству, но и современникамъ: онъ хвалится тѣмъ, что не только наложилъ на народы свое иго, но далъ имъ

---

[1]) Ovid. Pont. 2, 9, 47. Didicisse fideliter artes Emollit mores nec sinit esse feros.

[2]) Cic. de or. I, 8, 33. De inv. I, 2; ср. напротивъ Quint. III, 2, 4.

[3]) Sen. Ep. 59. Studiorum liberalium vana ostentatio et nihil sanantes litterae.

[4]) Juv. Sat. 7, 209. Di praeceptorem sancti voluere parentis esse loco.

[5]) Quint. inst. II, 2, 8, ср. Sen. Ep. 73, de benef. VI, 15, 2.

Digitized by Google

и свой языкъ и объединилъ ихъ государственнымъ языкомъ и государственнымъ образованіемъ [1]): „теперь греческія Аѳины и наши Аѳины — достояніе всего міра; Галлія достаточно свѣдуща въ языкѣ, чтобы готовить британскихъ адвокатовъ, и въ Ѳулѣ говорятъ о томъ, какого оратора нужно выбрать“ [2]). Въ этой космополитической тенденціи римское образованіе выступаетъ за предѣлы греческаго идеала образованія, который тѣснѣе сросся съ національностію; противоположность между эллинами и варварами исчезаетъ; то состояніе духа, въ которомъ совмѣщаются высшія стремленія, называется не по имени народа, а по имени человѣка. Латинское выраженіе humanitas первоначально обозначаетъ: человѣчность, человѣколюбіе, соотвѣтственно греческому *φιλανθρωπία*, но потомъ получаетъ смыслъ: достойное человѣка облагороженіе духа: „тѣ, которые создали и правильно употребляли латинскія слова, называли именемъ humanitas приблизительно то, что̀ греки называютъ словомъ *παιδεία*, и что мы называемъ эрудиціей и наставленіемъ въ добрыхъ искусствахъ, которыя дѣлаютъ искренно предающихся и посвящающихъ себя имъ людьми въ полномъ смыслѣ; стремленіе къ такому знанію и упражненіе въ немъ всѣхъ живыхъ существъ даны только человѣку, почему оно и названо было гуманностью“ [3]). Такимъ образомъ humanitas есть специфическое выраженіе римлянъ для обозначенія образованія и употребляется въ связи съ названіями его отдѣльныхъ моментовъ: мы видимъ слово humanitas въ связи со словами doctrina (наука), litterae (литература), bonae artes (добрыя искусства), а также со сло-

---

[1]) Ср. Aug. de Civ. Dei XIX, 7.

[2]) Juv. Sat. 15, 111 sq.; ср. Plin. N. H. 3, 6, 39.

[3]) Gell. N. A. 13, 16. Qui verba Latine fecerunt, quique iis probe usi sunt... humanitatem appellaverunt id propemodum, quod Graeci *παιδείαν* vocant, nos eruditionem institutionemque in bonas artes dicimus, quas qui sinceriter percipiunt (al. cupiunt) appetuntque, ii sunt vel maxime humanissimi. Hujus enim scientiae cura ac disciplina ex universis animantibus uni homini data est, idcircoque humanitas appellata est. Cp. Cic. Rep. 1, 17.

Digitized by Google

вами sermo (рѣчь) [1]), а вмѣстѣ съ тѣмъ оно не теряетъ и своего основного значенія человѣчности, благородства, и во внѣшней формѣ этого выраженія съ одинаковою силою выступаетъ какъ космополитическая, такъ и нравственная тенденція римскаго образованія.

§ 14.

Возникновеніе римскихъ школьныхъ учрежденій обыкновенно связывается съ именемъ вольноотпущенника Спурія Карвилія, который около 250 г. до Р. Хр. открылъ учрежденіе, гдѣ преподавали за плату [2]). Причина, почему этотъ фактъ считался заслуживающимъ вниманія, можетъ-быть, заключается въ томъ, что этотъ Спурій былъ первымъ извѣстнымъ учителемъ,— онъ ввелъ въ письмо нѣкоторыя нововведенія, въ частности, установилъ твердое различіе между C и G, —или въ томъ, что школьная плата обратила на себя вниманіе, какъ новость; во всякомъ случаѣ есть свидѣтельства, что школы существовали уже въ болѣе древнее время [3]), и въ этомъ нельзя сомнѣваться, когда рѣчь идетъ о народѣ, который уже за 200 лѣтъ до упомянутаго школосодержателя имѣлъ писанные законы и еще ранѣе искалъ знакомства съ жреческой наукой своихъ сосѣдей. Можетъ-быть, болѣе древнее имя школы, ludus, указываетъ на связь ея съ культомъ; ludi — это связанныя съ культомъ праздничныя игры, и гораздо вѣроятнѣе, что школы получили свое имя отъ нихъ, чѣмъ отъ того, что на ученіе смотрѣли, какъ на нѣчто въ родѣ игры; если мы въ правѣ придавать особенное значеніе тому, что до Спурія преподавали безплатно,

---

[1]) Cp. Cic. de or. 1, 16, 71. In omni genere sermonis, in omni parte humanitatis dixerim oratorem perfectum esse debere. (Я сказалъ бы, что оратору слѣдуетъ быть совершеннымъ во всякомъ родѣ рѣчи, во всѣхъ сторонахъ гуманности).

[2]) Plut. Quaest. Rom. 59: *ὀψὲ δ' ἤρξαντο μισθοῦ διδάσκειν καὶ πρῶτος ἀνέῳξε γραμματοδιδασκαλεῖον Σπόριος Καρβίλιος, ἀπελεύθερος Καρβιλίου.*

[3]) Liv. III, 44 въ разсказѣ о Виргиніи и V, 27 въ исторіи объ измѣнническихъ учителяхъ Фалерія.

Digitized by Google

то и въ этомъ обстоятельствѣ можно видѣть намекъ на учрежденія, связанныя съ культомъ, хотя мы и не имѣемъ подтвержденія этой мысли въ прямыхъ свидѣтельствахъ.

Изъ общественныхъ должностей республиканской эпохи цензура имѣла извѣстное право надзора за юношескимъ образованіемъ, такъ какъ цензору предоставлено было порицать какъ дурное поведеніе и безбрачіе, такъ и небрежное воспитаніе; въ остальномъ попеченіе о воспитаніи и обученіи дѣтей предоставлялось каждому отдѣльному лицу: „римляне не считали нужнымъ опредѣлять и регулировать воспитаніе законами, равно какъ организовать его однообразно для всѣхъ“ [1]), — принципъ, который не разъ осуждаемъ былъ греческими критиками. Только перевороты, которые стали грозить римлянамъ со времени вторженія греческаго образованія, вызвали правительственныя мѣропріятія относительно образованія. Послѣдовавшее въ силу распоряженія сената въ 161 г. до Р. Хр. изгнаніе греческихъ философовъ является первымъ, хотя и отрицательнымъ, воздѣйствіемъ государственной власти въ этой области. Противъ латинскихъ ораторовъ въ 93 году до Р. Хр. цензоры Кн. Домицій Агенобарбъ и Л. Лициній Крассъ издали сохранившійся до нашего времени эдиктъ, который, хотя и не имѣлъ успѣха, представляетъ интересный документъ въ исторіи образованія: „дошло до нашего свѣдѣнія, что есть люди, которые ввели новый видъ обученія, и что юношество собирается въ ихъ школахъ; говорятъ, они называютъ себя латинскими ораторами и молодые люди должны оставаться у нихъ въ теченіе цѣлаго дня. Но нашими предками установлено, чему слѣдуетъ учить юношество и какія школы оно должно посѣщать. Это новое занятіе, погрѣшающее противъ обычая и права предковъ, не можетъ нравиться намъ и не можетъ получить нашего соизволенія: поэтому мы объявляемъ упомянутымъ содержателямъ школъ и

[1]) Cic. Rep. VI, 2.

Digitized by Google

тѣмъ, которые собираются къ нимъ, нашъ неодобрительный приговоръ“ [1]).

Несмотря на неблагосклонное отношеніе властей, новыя учебныя заведенія быстро распространились, и въ послѣдующее время въ Римѣ было не менѣе 20 школъ, иногда находившихся подъ руководствомъ знаменитыхъ грамматиковъ и ораторовъ. Рядомъ съ стариннымъ именемъ ludus входитъ въ употребленіе иностранное греческое слово schola; вмѣстѣ съ тѣмъ начинаетъ развиваться аналогичное греческому распредѣленіе учебныхъ заведеній по ступенямъ. Ludi magister — называвшійся также litterator,— слово, которое однако позднѣе замѣняется именемъ grammatistes,— ведетъ элементарное обученіе; школа его должна довольствоваться скромнымъ доходомъ, самъ онъ — ничтожнымъ вознагражденіемъ; что онъ даетъ, это trivialis scientia [2]): знаніе, которое можно найти на улицѣ — возможно, что положеніе школьныхъ лавокъ на перекресткахъ улицъ (in triviis) подало поводъ къ этому выраженію, которое позднѣе получило такое широкое употребленіе; въ болѣе значительныхъ школахъ были учительскіе помощники и даже особые учителя чистописанія (notarii) и счисленія (calculatores).

Болѣе высокимъ уваженіемъ пользовался litteratus или grammaticus, который преподавалъ грамматику, объяснялъ поэтовъ, упражнялъ въ декламаціи и диспутахъ, а также излагалъ реторику. Въ ряду грамматиковъ, біографіи которыхъ сообщаетъ Светоній, мы видимъ не мало характерныхъ умовъ; таковъ многосвѣдущій, но задорный Орбилій Пуниллъ, учитель Горація, который, поссорившись со всѣмъ міромъ, написалъ книгу о страданіяхъ школьнаго учителя и умеръ въ бѣдности, но въ Беневентѣ, своемъ отечественномъ городѣ, удостоился статуи; таковъ Вервій Флаккъ, который ввелъ среди своихъ учениковъ состязанія на преміи и, выбранный Августомъ въ учители внуку императора, не хотѣлъ

[1]) Suet. de clar. rhet. 1.
[2]) Quint. I, 4, 27.

Digitized by Google

оставить своихъ учениковъ, почему Августъ долженъ былъ перемѣстить всю школу во дворецъ; далѣе Ремміи Палемонъ, который, родившись рабомъ и состоя при сынѣ своего господина, усвоилъ въ школѣ познанія и ораторское искусство при помощи одного слуха и въ званіи учителя пріобрѣлъ значительное состояніе, но производилъ соблазнъ своею притязательностію — онъ говорилъ, что наука съ нимъ родилась и умретъ съ нимъ, — а также своею распущенностію.

Обученіе грамматика заканчивалъ ораторъ; въ первое время существованія ораторскихъ школъ въ числѣ учениковъ оратора были и взрослые и даже уважаемые мужи. Большой кругъ слушателей собирался, когда самъ онъ и его воспитанники декламировали публично; каждый новый оборотъ, каждый пикантный намекъ привѣтствовался рукоплесканіями; для образованнаго міра всякій актъ въ уважаемой ораторской школѣ былъ событіемъ; сами участники хранили неизгладимое воспоминаніе о своихъ упражненіяхъ: такъ Сенека въ дни старости могъ еще писать на память множество отрывковъ декламацій изъ своей юности[1]). Техническія предписанія были весьма обширны; подробно трактовалось не только о построеніи рѣчей и о художественныхъ средствахъ стиля, но и о благозвучіи и о произношеніи: „важнымъ вопросомъ было то, въ какихъ случаяхъ предложеніе нужно было начинать анапестомъ, спондеемъ и т. д. Каждый жестъ рукою, каждое движеніе съ цѣлію опустить или поднять платье имѣли свои законы; ораторское искусство возвысилось до художественности всей духовной и тѣлесной природы человѣка“[2]), и ораторская школа сдѣлалась также мѣстомъ, гдѣ можно было пріобрѣсти вкусъ, тонкость въ обращеніи, благородную осанку.

Чтобы пріобрѣсти философское и высшее научное образованіе, молодые римляне и послѣ основанія туземныхъ школъ отправлялись въ чужія земли; Аѳины и

---

[1]) Ussing., цитов. соч., стр. 148 и дал.

[2]) Burckhardt, Die Zeit Konstantins des Grossen, 2 Aufl. 1880, стр. 380.

Digitized by Google

Родосъ, рѣже центръ строгой учености, Александрія, были цѣлью этихъ образовательныхъ путешествій. Высшаго греческаго краснорѣчія также искали на его родинѣ, и вокругъ софистовъ временъ имперіи, представителей вторичнаго расцвѣта греческой реторики, собирались ученики изъ самыхъ различныхъ частей государства[1]).

Число низшихъ учебныхъ заведеній не слѣдуетъ представлять незначительнымъ; „это предразсудокъ, будто по общераспространенности элементарныхъ знаній древность стояла значительно ниже нашего времени; и среди низшихъ классовъ и рабовъ много читали, писали и считали: въ сельскихъ рабахъ Катонъ предполагаетъ умѣнье читать и писать“[2]). Хорошія головы изъ самыхъ низшихъ классовъ всюду находили случай усвоить себѣ элементы образованія, а вмѣстѣ и условія для дальнѣйшаго развитія. Для провинцій школы какъ низшія, такъ и высшія были органомъ романизаціи, который производилъ не менѣе сильное вліяніе, чѣмъ гарнизоны и суды. Въ Испаніи Серторій около 80 года до Р. Хр. основалъ учебное заведеніе въ городѣ Оска (Huesca) съ цѣлію ввести греко-римское образованіе, и уже въ первомъ вѣкѣ по Р. Хр. испанскія школы могли хвалиться тѣмъ, что подготовили такихъ мужей, какъ М. Анней Сенека, отецъ философовъ, и знаменитый ораторъ Квинтиліанъ. Провинція Африка во второмъ вѣкѣ сдѣлалась литературнымъ центромъ, а Утика, Карѳагенъ, Мадура знаменитыми средоточіями учебныхъ занятій; Галлія такъ быстро переняла римскія школьныя учрежденія, что уже Горацій могъ надѣяться встрѣтить среди своихъ читателей potor Rhodani (человѣка, пьющаго воду изъ Роны), и не мало городовъ во Франціи и сосѣднихъ частяхъ Германіи могли хвалиться своими школами уже въ римскую эпоху; у британцевъ уже Агрикола возбудилъ ревность къ изученію латинскаго

---

[1]) О софистахъ временъ имперіи ср. содержательную статью Kämmel'я въ Encyklopädie Schmid'a, VIII, стр. 880 и дал. и Rohde, „Der griechische Roman“, стр. 288 и дал., 358 и дал.

[2]) Mommsen, Römische Geschichte, I, стр. 892.

Digitized by Google

языка; жители Паннонія изучали государственный языкъ при Августѣ[1]). Менѣе воспріимчивымъ оказался востокъ, который владѣлъ болѣе древнимъ образовательнымъ матеріаломъ въ греческомъ языкѣ и литературѣ; однако нужно думать, что и тамъ возникли латинскія школы, какъ это показываетъ составленный Досиѳеемъ учебникъ латинскаго языка, назначенный для учениковъ, говорившихъ по гречески[2]).

Имѣя въ виду задачу равномѣрнаго и прочнаго оплодотворенія многосложнаго всемірнаго царства духовными сокровищами греко-римскаго образованія, мы должны цѣнить и то, что сдѣлано было для образованія цезарями, и напрасно было бы разсыпаться въ жалобахъ, будто вслѣдствіе этого учебныя занятія утратили свой свободный характеръ и регламентированы были бюрократическимъ образомъ. Лучше признать, что во всякомъ случаѣ необходимъ былъ регулированный аппаратъ, чтобы создать то широкое и вмѣстѣ прочное развѣтвленіе образовательной дѣятельности, которое тя-

---

[1]) Ср. Eckstein въ Encyklopädie Schmid'a XI, стр. 497 и Röllу, Übersicht der vorzüglichsten Studien und Studienorte im Occident während der röm. Kaiserherrschaft, Programm 1868.

[2]) Подробности объ этомъ у Eckstein'a, цит. соч., стр. 509. Примѣры въ этой книгѣ расположены параллельно на томъ и другомъ языкѣ. Такъ какъ они могутъ дать намъ довольно ясное понятіе о пріемахъ обученія и о школьной жизни, то приведемъ здѣсь образчики этихъ примѣровъ. „Я иду въ школу; привѣтствую учителя, который отвѣчаетъ на привѣтствіе. Здравствуйте, господинъ учитель, здравствуйте, товарищи! Пустите меня на мѣсто. Скамейку и стулъ сюда. Подвинься. Подите сюда. Я сижу, я учусь, я запоминаю. Я знаю свой урокъ, могу разсказать его. Пиши! Я пишу. Я учился и разсказывалъ, затѣмъ началъ читать нѣкоторыя строки (или стихи). Писать для образца я не могу; напиши ты мнѣ, какъ можешь. Воскъ слишкомъ твердъ, ему слѣдовало бы быть мягкимъ. Я пишу, стираю. Страница, ремень, карандашъ. Я знаю, что мнѣ задано. Я просилъ, чтобы онъ отпустилъ меня домой на завтракъ. Онъ отпустилъ меня, я распрощался; онъ отвѣчалъ на привѣтствіе. Когда я воротился послѣ завтрака, я отвѣчалъ. Мальчикъ, подай мнѣ доску! Другіе отвѣчали по порядку. И я знаю свой урокъ. Я долженъ итти въ баню. Я иду, я приказалъ приготовить бѣлье. Я побѣжалъ и иду въ баню".— Кромѣ этихъ разговоровъ въ книгѣ находятся: латинская грамматика, греко-латинскій словарь, Эзоповы басни, краткая исторія троянской войны, имена божествъ, созвѣздія, миѳологическіе разсказы, судебныя рѣшенія императора Адріана въ формѣ анекдотовъ и отрывки изъ юридическаго сборника. Такимъ образомъ пестрая смѣсь нашихъ книгъ для чтенія имѣетъ свои классическіе прецеденты.

Digitized by Google

нется чрезъ всю исторію позднѣйшихъ временъ; императорскія школы суть предшественники университетовъ, ихъ учебная практика и учебныя пособія являются исходнымъ пунктомъ школъ средневѣковья и возрожденія, и для дидактики послѣднихъ образцомъ служилъ учебникъ императорскаго профессора Квинтиліана.

Начало государственной опекѣ надъ образовательными учрежденіями положилъ основатель самой имперіи: Цезарь далъ учителямъ свободныхъ искусствъ въ городѣ Римѣ права гражданства и предпринялъ основаніе публичной греко-латинской библіотеки въ Римѣ, начальникомъ которой выбралъ Варрона. Августъ щедро поддерживалъ представителей и друзей науки и учредилъ октавіанскую и палатинскую библіотеку. Государственное жалованье для высшихъ учительскихъ должностей впервые назначилъ Веспасіанъ, и Квинтиліанъ называется первымъ латинскимъ ораторомъ, который получалъ императорское содержаніе. Съ Траяна начинается попеченіе о воспитанія дѣтей, не имѣющихъ средствъ; этотъ же императоръ создалъ себѣ памятникъ въ знаменитой Ульпіи, которая превосходила прежнія библіотеки. Со времени Траяна въ провинціальныхъ городахъ пробудилась все возрастающая, усиливаемая примѣромъ императора, ревность къ публичному обученію и назначенію учителей. Адріанъ основалъ Атенеумъ на капитолійскомъ холмѣ, гдѣ ораторы и поэты произносили свои рѣчи и гдѣ преподавали не только латинскіе, но и греческіе ораторы; онъ возвысилъ школы Аѳинъ до новаго процвѣтанія, украсилъ этотъ городъ великолѣпною гимназіей и библіотекой и наградилъ провинціи, особенно свое отечество Испанію, учебными заведеніями; учителей онъ отпускалъ съ почетомъ и пенсіями. Его преемникъ Антонинъ Пій награждалъ преподавателей наукъ изъ всѣхъ провинцій почестями и содержаніемъ, онъ сдѣлалъ сословіе учителей привилегированнымъ, освободивъ философовъ, ораторовъ и грамматиковъ отъ податей, военной службы, квартирной повинности и другихъ общественныхъ обязанностей; однако число

Digitized by Google

привилегированныхъ мѣстъ ограничено было такимъ образомъ, что менѣе значительные города получили ихъ только шесть, болѣе значительные — одиннадцать, столицы — пятнадцать[1]). Маркъ Аврелій давалъ содержаніе на двѣ каѳедры въ каждой изъ четырехъ философскихъ школъ Аѳинъ (академической, перипатетической, стоической, епикурейской), а также для двухъ учителей краснорѣчія. Александръ Северъ учредилъ въ Римѣ новыя каѳедры для реторики, грамматики, медицины, математики, механики, строительнаго и гадательнаго искусства и назначилъ стипендіи для бѣдныхъ учениковъ. Діоклитіанъ въ 301 году сдѣлалъ постановленія противъ вздорожанія обученія и постановилъ, что учитель (magister, institutor litterarum) можетъ требовать отъ каждаго мальчика въ мѣсяцъ въ качествѣ гонорара, самое большее, 50 динаріевъ, учитель счисленія (calculator) — 75, столько же учитель скорописи (notarius), а архитекторъ — 100, учитель латинской или греческой грамматики 200, столько же геометръ; ораторъ или софистъ всего болѣе, именно 250[2]). Константинъ подтвердилъ привилегіи учительскаго сословія и прибавилъ къ нимъ право личной неприкосновенности.

Обезпеченіе каѳедръ жалованьемъ дѣлало ихъ предметомъ состязанія и повело за собою необходимость выбора и испытаній соискателей. Прямо устанавливается такой выборъ только императоромъ Юліаномъ, въ распоряженіи котораго по этому вопросу мы имѣемъ древнѣйшій случай регулированія доступа къ учительскому званію. Оно гласитъ: „наставники и учители должны отличаться прежде всего своимъ поведеніемъ, потомъ краснорѣчіемъ; а такъ какъ я не въ каждой общинѣ могу присутствовать лично, то я постановляю, чтобы тотъ, кто ищетъ учительской должности, не былъ до-

---

[1]) Такъ по Ussing'у, цитов. соч., 116. Такимъ образомъ эти числа нормируютъ не число учащихъ въ городѣ вообще, которое во всякомъ случаѣ было болѣе значительно, а только число привилегированныхъ учителей.

[2]) Th. Mommsen, Über das Edikt Diocletians и т. д. въ Ber. der königl. sächs. Ges. der Wiss. 1851, стр. 1 и дал.

Digitized by Google

пускаемъ къ этому званію безъ дальнихъ разсужденій и легкомысленнымъ образомъ, но только тогда, когда онъ будетъ объявленъ способнымъ къ этому приговоромъ властей (ordo) и когда пріобрѣтетъ единогласное расположеніе первыхъ мужей совѣта (curiales optimi)"[1]). — Первый примѣръ академическихъ законовъ представляетъ постановленіе Валентиніана; по этому постановленію студенты при пріемѣ въ учебное заведеніе столицы должны были представлять властямъ свой отечественный видъ, избрать себѣ научную спеціальность, избѣгать запрещенныхъ союзовъ и недостойныхъ представленій и оканчивать свои занятія на 20-мъ году жизни. Выпускное свидѣтельство должно заключать въ себѣ отмѣтки о поведеніи и успѣхахъ, „чтобы", какъ говорится въ заключеніи, „Мы могли знать о заслугахъ и занятіяхъ каждаго и взвѣсить, пригодны (necessarii) ли и когда пригодны они для Насъ"[2]). О составѣ учительскихъ корпорацій въ болѣе крупныхъ учебныхъ заведеніяхъ находимъ извѣстіе въ постановленіи Θеодосія II отъ 425 года, гдѣ для Константинополя, высшая школа котораго соперничала съ римскою, устанавливаются 31 каѳедра, именно три для латинской, пять для греческой реторики, десять для латинской и столько же для греческой грамматики, одна для философіи и двѣ для юриспруденціи; только замѣстители этихъ коѳедръ имѣли право читать лекціи въ залахъ Капитолія, закрытыхъ для другихъ учителей; но и публичные учителя не имѣли права заниматься частнымъ преподаваніемъ.

Надзоръ за образовательными учрежденіями находился въ рукахъ политической власти; однако, повидимому, они имѣли иногда особаго начальника; по крайней мѣрѣ, встрѣчается придворная должность *ἐπὶ τῶν βιβλιοθηκῶν καὶ ἐπὶ παιδείας* (по дѣламъ библіотекъ и образованія).

---

[1]) Cod. Theod., XIII, 3, 5.
[2]) Cod. Theod. XIV, 9.
[3]) Grassberger, цитов. соч., II, стр. 3.

Digitized by Google

V.

Христіанское образованіе на римской почвѣ.

§ 15.

Общество, государственными рамками котораго служила римская имперія, было первымъ по времени объектомъ всемірно-историческаго преобразованія, вызваннаго христіанствомъ, и христіанизація греко-римской духовной культуры составляетъ основу всѣхъ послѣдующихъ явленій въ области образованія. Впрочемъ, это не значитъ, будто уже въ то время обнаружились всѣ импульсы, которые имѣло дать образовательной дѣятельности христіанство: старѣющіе народы, бывшіе въ это время носителями исторіи, обязаны были христіанству иными импульсами, чѣмъ юношескія націи, призванныя къ исторической жизни послѣ этихъ народовъ; опять иными импульсами обязана христіанству эпоха, съ которою наступило для этихъ націй время зрѣлости; каждый вѣкъ испыталъ на себѣ его творческія вліянія, но ни одинъ не исчерпалъ его благодатныхъ даровъ. Патристическій періодъ какъ въ другихъ областяхъ, такъ и въ области образованія создаетъ условія для дальнѣйшаго развитія лишь въ томъ смыслѣ, что онъ съ замѣчательнымъ одушевленіемъ и радостнымъ подъемомъ духа впервые вводитъ культурные и образовательные элементы новаго ученія въ богатую духовную жизнь иного рода и такимъ образомъ пробуетъ и вмѣстѣ вооружаетъ силу, которой впослѣдствіи предстояло развивать свое дѣйствіе въ самой разнообразной формѣ.

Digitized by Google

Евангеліе не принесло съ собою образовательной системы и только въ ограниченной мѣрѣ дало для нея матеріалъ; можно даже сказать, что этотъ матеріалъ лишь собирался вокругъ указанныхъ имъ идеальныхъ цѣлей. Но эти цѣли существеннѣйшимъ образомъ отличаются отъ цѣлей классически-античнаго образованія, и христіанское образованіе по своему характеру во многихъ отношеніяхъ противоположно образованію греко-римскому. Въ послѣднемъ религіозный элементъ хотя и не отсутствовалъ, однако занималъ лишь второстепенное положеніе; благочестіе (*εὐσέβεια*) въ образованномъ человѣкѣ древности было только однимъ свойствомъ между другими, и ему только давалось мѣсто въ сформировавшейся личности; между тѣмъ въ процессѣ выработки содержанія христіанской жизни и образованія этотъ элементъ былъ средоточнымъ пунктомъ и представлялся сознанію не въ абстрактной неопредѣленности и не въ поэтической полнотѣ образовъ, но въ лично-реальной примѣрной жизни: „другого основанія никто не можетъ положить, кромѣ положеннаго, которое есть Іисусъ Христосъ“ (1 Кор. 3, 11). Подобно тому, какъ спасительное благовѣстіе возвѣщается „не отъ человѣческой мудрости изученными словами, но изученными отъ Духа Святого, соображая духовное съ духовнымъ“ (тамъ же 2, 13), такъ и какое бы то ни было знаніе и умѣніе, отрѣшенное отъ того, предъ которымъ мудрость міра сего есть безуміе, не можетъ претендовать на какое-либо значеніе. Христіанское чувство было въ одинаковой мѣрѣ не расположено, какъ къ іудейской книжной учености, такъ и къ эстетически-свѣтскому образованію грековъ и слѣдовало тому, что̀ для первой было соблазномъ, а для послѣдняго безуміемъ. Въ той и другомъ оно должно было видѣть очагъ высокомѣрія и самооправданія, противоположность той нищеты духовной, которой обѣщано было блаженство, того дѣтскаго настроенія, которое необходимо для усыновленія Богу.

Не менѣе чуждъ былъ древнему міру элементъ сознанія, заключавшійся въ христіанскомъ чаяніи вѣчной

Digitized by Google

жизни. Жизненное чувство античнаго человѣка нераздѣльно срослось съ земнымъ міромъ, какъ мѣстомъ достойной человѣка дѣятельности, творчества, наслажденія, хотя серіозные мыслители, примыкая къ древнимъ вѣрованіямъ, учили о безсмертіи и о судѣ боговъ. Христіанинъ видѣлъ и теперь видитъ въ потустороннемъ мірѣ истинное отечество человѣка, „который не имѣетъ здѣсь постояннаго града, но ищетъ будущаго“ (Евр. 13, 14). Онъ различаетъ въ своемъ поведеніи и дѣятельности то, что имѣетъ свою цѣль во временной жизни, и то, что дѣлается для вѣчности. Поэтому для христіанскаго воззрѣнія то различіе въ рангѣ, какое въ свою очередь обнаруживается и между временными цѣлями дѣятельности и обученія, должно было казаться гораздо менѣе важнымъ, чѣмъ для воззрѣнія античнаго, которое такъ опредѣленно отличало занятія благороднаго досуга отъ профессіональной дѣятельности; для христіанина центръ тяжести лежалъ внѣ этого отношенія, и его вѣра уничтожила рѣзкій характеръ противоположности между свободными и несвободными искусствами. Теперь требуется направлять чувства юношества „къ скромному и возвышенному“[1]); возвышенное принадлежитъ къ другому порядку; въ настоящемъ мірѣ цѣлью можетъ быть только скромное; присоединяетъ ли человѣкъ къ христіанской вѣрѣ и христіанской добродѣтели еще и интеллектуально-эстетическія пріобрѣтенія досуга, или только умѣнье служебнаго ремесла, это уже не имѣетъ рѣшающаго значенія для оцѣнки его личности. Образованіе юношества исполняетъ свой долгъ, когда достигаетъ того, „да будетъ совершенъ Божій человѣкъ, ко всякому доброму дѣлу приготовленъ“ (2 Тим. 3, 17). Неподатливость греческаго идеала образованія ко всякой связи съ соціальною дѣятельностію и профессіей тѣмъ менѣе могла устоять предъ судомъ христіанства, что оно сводитъ раздѣленіе дарованій и служеній и ихъ органическое взаимодѣйствіе къ божественному учрежденію и

---

[1]) Clem. Rom. ad Cor. I, 1.

Digitized by Google

видитъ въ немъ образъ церковнаго общества (см. выше, стр. 2 и 58). Христіанскіе народы выработали существенно иную идею призванія, чѣмъ классическіе, и нѣмецкое слово Beruf (призваніе), которое сводится къ κλῆσις, vocatio Новаго Завѣта, ясно указываетъ и на опредѣляющее вліяніе христіанства.

Уже вслѣдствіе этого перемѣщенія центра тяжести въ цѣляхъ образованія христіанство не могло помириться съ тою исключительностію образованія, въ силу которой знающіе или образованные противопоставлялись духовно неоживленной массѣ, и уничтоженіе которой казалось невыполнимымъ и благороднѣйшимъ умамъ древности. Изреченіе Платона: „образователя и отца вселенной найти трудно, возвѣстить Его всѣмъ невозможно“ [1]), нашло свое опроверженіе въ христіанствѣ; и самому послѣднему христіанину не запрещена просьба Филиппа: „Господи! покажи намъ Отца“ (Іоан. 14, 9), и св. Златоустъ могъ прославлять въ крестѣ Христовомъ то, что этотъ крестъ всѣхъ сдѣлалъ философами. Несомнѣнно, ученіе церкви давало и даетъ всякому, независимо отъ различій пола, происхожденія, жизненнаго положенія, такое идеальное зерно внутренней жизни, которое въ древности могло быть замѣнено, и то несовершеннымъ образомъ, только длиннымъ путемъ учебныхъ занятій. Христіанство, можно сказать, всѣмъ указываетъ путь къ жизни духомъ и такимъ образомъ всѣмъ открываетъ духовную жизнь. Античное міровоззрѣніе понимало духъ, какъ νοῦς, mens, мыслительную способность, интеллектъ, какъ душевную силу, которая предназначена къ господству надъ чувственными стремленіями и которую поэтому нужно всячески систематически и искусственно укрѣплять, развивать, дѣлать самостоятельною, что, между тѣмъ, по существу дѣла возможно лишь для привиллегированнаго меньшинства; христіанство полагаетъ ядро человѣка въ другой области его многосложнаго существа; не въ умственномъ или интеллектуальномъ, а въ пневматическомъ или спиритуалистическомъ элементѣ. Въ этомъ смыслѣ оно гово-

Digitized by Google

ритъ о духѣ (*πνεῦμα*) въ противоположность плоти (*σάρξ*), при чемъ послѣдняя обнимаетъ не только чувственныя стремленія, но все то, что переплетено съ земнымъ міромъ. Духовное въ человѣкѣ, духъ, который животворитъ, источникъ, который течетъ въ жизнь вѣчную, также нуждается въ пробужденіи словомъ, въ усиленіи дисциплиной, но такъ какъ онъ происходитъ отъ дыханія Божія, то въ его области возможно лишь скромное примѣненіе человѣческаго образованія и упражненія. Его стихія — жизнь вѣры, но всѣ внутреннія силы могутъ сдѣлаться его орудіями, въ томъ числѣ и интеллектъ. Отсюда значеніе интеллекта не абсолютно, это — значеніе весьма вліятельнаго средства; хотя духовная жизнь не связана съ его развитіемъ, но такъ какъ онъ возвышаетъ надъ чувственностію, то становится сильнымъ оружіемъ въ борьбѣ противъ плотскаго. Такимъ образомъ стремленіе античнаго образованія къ одухотворенію получаетъ новыя болѣе высокія основанія: исключительность, какую ведетъ за собою это стремленіе, прекращается, но нравственное содержаніе этого стремленія сохраняется и изъ духовныхъ стремленій вырастаютъ новыя, хотя и не прямыя побужденія къ развитію и возвышенію разума въ человѣкѣ: *λογικαὶ αἱ πύλαι τοῦ λόγου*, говоритъ Климентъ александрійскій. „Разумны врата мудрости (логоса)“ [1]).

Духовное возрожденіе, котораго требуетъ христіанство, совершается въ глубинѣ внутренней жизни, въ области которой обученіе и руководство не могутъ проявлять пластической силы въ такой мѣрѣ, какъ въ той области, какую отгородило для себя античное образованіе. Христіанство не стремится къ тому, чтобы сдѣлать изъ внутренней и внѣшней жизни человѣка художественное произведеніе, и потому на первыхъ порахъ отклоняетъ эстетическую тенденцію образованія; христіанскій идеалъ болѣе настоятельно указываетъ на преобразованіе, чѣмъ на всестороннее образованіе личности;

---

1) Клим. алекс. Coh. 1. fin.

Digitized by Google

вытекающее изъ этого идеала обученіе и руководство стремится быть болѣе закваскою во внутреннемъ существѣ человѣка, чѣмъ орудіемъ его изящнаго сформированія. И однако непрямымъ образомъ эстетическій элементъ также получилъ значеніе въ христіанскомъ образованіи, благодаря тому, что церковь въ широкихъ размѣрахъ привлекла искусства къ служенію культу, и христіанскій духъ наполнилъ эстетическія формы сроднымъ ему содержаніемъ. Если при этомъ потерпѣла ущербъ ближайшимъ образомъ чистота формъ, то содержаніе, наполнившее эти формы, вполнѣ возмѣстило этотъ ущербъ. Глубокое одухотворяющее вліяніе христіанства на всѣ направленія творчества, — вліяніе, въ силу котораго созданія христіанскаго міра такъ опредѣленно отличаются отъ созданій дохристіанскаго міра, что послѣднія при всемъ величіи и совершенствѣ формы часто кажутся намъ холодными, безсердечными, даже бездушными,— развивалось все болѣе и болѣе, какъ въ области музыки и пластическихъ искусствъ, такъ и въ области поэзіи и словеснаго искусства и, посредствомъ послѣдняго, въ области образованія и обученія. Но того господствующаго положенія, какое заняло искусство въ греческомъ образованіи, оно уже не получило въ христіанской культурѣ; послѣдняя выработала такой глубокій, серіозный взглядъ на жизнь, что стремленіе человѣка къ благороднымъ удовольствіямъ уже не могло быть руководящимъ мотивомъ внутренняго образованія.

Подобно тенденціи эстетической, тенденція къ многосторонности, свойственная античному образованію, также не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ христіанскому идеалу и сначала была скорѣе вредна, чѣмъ полезна для его укорененія: метрополія суеты, гдѣ „туземцы и иностранцы ни въ чемъ охотнѣе не проводили время, какъ въ томъ, чтобы говорить или слушать что-нибудь новое“ (Дѣян. 17, 21), не была плодотворною почвою для проповѣди евангелія. Однако универсальный характеръ христіанства неизбѣжно выдвигалъ

Digitized by Google

задачу поставить его содержаніе въ соприкосновеніе съ человѣческими знаніями и умѣніями во всей ихъ широтѣ. Христіанскій умъ почувствовалъ призваніе постигать истину всякаго рода, такъ какъ въ концѣ концовъ „всякая истина происходитъ отъ Того, Кто сказалъ о Себѣ: Я истина“ [1]). — и даже въ этомъ отношеніи христіанинъ хотѣлъ оправдать слово апостола: „міръ, или жизнь, или смерть, или настоящее, или будущее, все ваше“ (1 Кор. 3, 22). Но христіанская универсальность стремится болѣе къ цѣлостности, чѣмъ къ многопредметности, и законченность цѣнитъ выше разнообразія. Съ этой стороны христіанство имѣло высокое значеніе для науки и вмѣстѣ съ тѣмъ, непрямымъ путемъ, для образованія. Чтобы освѣтить характеръ науки, какъ организма, представляющаго изъ себя нѣчто единое, необходимо было цѣлостное бого- и міровоззрѣніе и основанная на немъ руководящая дисциплина, какою могла быть только теологія. Сѣтовали на то, что христіанская теологія надѣла на науку какъ бы мѣдный панцырь и задержала ея свободное развитіе: но не слѣдовало бы забывать и того, что вмѣстѣ съ тѣмъ она сконцентрировала изслѣдованіе, сдѣлала его болѣе солиднымъ и глубокимъ, и что та тишина, которая наступила съ тѣхъ поръ, какъ замолкли споры между философскими школами, была тишиною сосредоточенности, какъ бы всемірно-историческимъ пиоагорейскимъ безмолвіемъ. Изъ отдѣльныхъ отраслей изслѣдованія, историческая, безспорно, получила универсальный характеръ только благодаря тому, что библія сдѣлалась всемірною книгою и соединила въ одномъ руслѣ, какъ восточную, такъ и греко-римскую исторіографію, давъ руководящія идеи для исторіи рода человѣческаго; въ аѳинской проповѣди Павла и въ Градѣ Божіемъ Августина лежатъ начатки всякой философіи исторіи [2]). Точно такъ же наука о языкѣ обязана главнымъ усло-

[1]) Aug. de doctr. Christ. proem. 8.
[2]) Ср. Rocholl, Die Philosophie der Geschichte, Göttingen 1878, стр. 21 и дал. и 391.

Digitized by Google

віемъ универсальной разработки своего предмета „разрѣшенію языковъ“, евангельской проповѣди на всѣхъ языкахъ[1]). Но и естествовѣдѣніе получило отъ христіанства не только то „направленное въ глубину предмета стремленіе, которое дѣлало эту науку болѣе способною къ серіозной работѣ изслѣдованія, чѣмъ легкомысленное преклоненіе язычества предъ жизнію“[2]), но еще и понятіе о необоготворенной природѣ и вмѣстѣ представленіе объ общихъ господствующихъ въ твореніи законахъ; только монотеистическая идея единаго творческаго акта была въ состояніи установить единство природы, и только христіанскій монотеизмъ привелъ въ дѣйствіе силу этой идеи, которая въ ветхозавѣтномъ монотеизмѣ оставалась еще безъ примѣненія.

Ложная многосторонность, тяготѣніе античнаго образованія къ раздробленію интереса, наклонность пробовать и отвѣдывать всякія духовныя наслажденія были тѣмъ менѣе опасны для древне-христіанскаго образованія, что послѣднему чужда была слишкомъ высокая оцѣнка субъективнаго фактора, то потворство субъекту, съ какимъ связана эта оцѣнка. Средоточнымъ пунктомъ христіанскаго учебнаго матеріала являются факты спасенія, благовѣстіе, проповѣдь, которую нужно принять и положительная объективность которой не позволяетъ ей улетучиться въ простое настроеніе субъекта. *Κήρυγμα*, вѣсть глашатая о наступленіи царства Божія, равно какъ *δόγμα*, постигаемая вѣрою истина, являются цѣннымъ содержаніемъ, которое требуетъ вѣрнаго сохраненія и передачи; къ этому содержанію и должны быть возведены индивидуальное мышленіе и чувство, но они не призваны быть мѣрою и основаніемъ его. А этимъ самымъ всему учебному матеріалу возвращается объективность, въ силу которой онъ уже не можетъ быть только образовательнымъ средствомъ, но

[1]) J. Grimm, Deutsche Grammatik. Bd. I. Widmung an Savigny и M. Müller, Vorlesungen über die Wissenschaft der Sprache. I, стр. 109.

[2]) Dubois-Reymond, Kulturgeschichte und Naturwissenschaft. Leipzig 1878, стр. 30.

Digitized by Google

является и образовательною цѣнностію, и уничтожается односторонность господствовавшаго, по крайней мѣрѣ, отчасти въ греческомъ образованіи положенія софистовъ, что человѣкъ есть мѣра вещей. Противоположная односторонность, которая лежитъ въ основѣ древне-восточнаго пониманія и дѣлаетъ субъектъ только сосудомъ извѣстнаго цѣннаго содержанія, не чужда была образованію христіанскихъ народовъ и не разъ вызывала въ качествѣ восполненія античный субъективизмъ: но въ правильно понятомъ христіанскомъ воззрѣніи соединены оба момента: объективность содержанія и требованіе, чтобы это содержаніе дѣлалось жизненнымъ элементомъ личности, и это воззрѣніе всегда снова возстановляло нормальное отношеніе между субъектомъ и содержаніемъ христіанскаго образованія.

Подобно тому какъ, въ противоположность субъективно-эстетическому направленію древности, христіанство выдвинуло служеніе истинѣ, присущее всякому преподаванію и ученью, такъ главнымъ мотивомъ сохраненія и передачи познанной истины оно сдѣлало попечительную любовь; а этимъ самымъ стѣснена была античная тенденція къ славѣ и безсмертію и вообще, по крайней мѣрѣ, смягчено было стремленіе къ почету и отличію, которое составляло такой сильный мотивъ въ античной образовательной дѣятельности.

§ 16.

Образовательный матеріалъ, собравшійся около указанныхъ христіанствомъ цѣлей образованія, не въ малой части своей происходитъ отъ культуры обоихъ классическихъ народовъ; но процессъ, посредствомъ котораго совершается это собираніе и организація матеріала, обнаруживаетъ нѣкоторую аналогію съ ростомъ образованія у тѣхъ восточныхъ народовъ, у которыхъ духовная жизнь беретъ свое начало изъ круга религіозныхъ вѣрованій. Правда, у этихъ народовъ распространеніе и развѣтвленіе вѣрованій въ сферѣ духов-

Digitized by Google

ныхъ произведеній націи облегчалось частію подвижностію, свойственною миѳу и миѳологической философіи, частію тѣмъ, что все развитіе находило свою опору и границы въ національномъ сознаніи. Ростъ христіанскаго образованія лишенъ былъ этихъ благопріятныхъ обстоятельствъ; кругъ вѣрованій, лежащій въ его основѣ, родился не изъ миѳа и вырощенъ не поэзіею и поэтическою спекуляціей, а также не сросся съ какою-либо народностію и языкомъ. Христіанскій духъ долженъ былъ сначала ассимилировать тѣ элементы изъ окружающаго культурнаго міра, которые онъ употребилъ потомъ для созданія соотвѣтствующаго ему языка, литературы, науки, искусства. образованія, а для этого нужна была несравненно болѣе сильная энергія, чѣмъ какая выражается въ какомъ бы то ни было созданіи восточной или классической древности.

Впрочемъ, не было недостатка во внѣшнихъ обстоятельствахъ, которыя благопріятствовали рѣшенію этой задачи; но къ нимъ почти всюду опять примѣшиваются внутреннія затрудненія, на которыхъ должна была испробовать себя творческая сила христіанства. Христіанство нашло предъ собою два міровыхъ языка, греческій, господствующій на востокѣ, усовершенствованный многовѣковою духовною дѣятельностію и сдѣлавшійся самымъ гибкимъ органомъ умственнаго творчества, и латинскій, языкъ настойчивой силы и строгой точности; однако сначала нужно было сдѣлать оба эти языка способными воспринимать идейное содержаніе, колыбелью котораго было существенно отличное отъ нихъ семитическое нарѣчіе, и христіанская переработка греческихъ и латинскихъ словъ всюду носитъ на себѣ характеръ творческой дѣятельности. Для выраженія новыхъ понятій эластичная подвижность греческаго языка была весьма кстати, такъ какъ „образованный грекъ любилъ примѣнять весь свой лексическій запасъ со всѣми его тонкостями ко всякому предлагаемому ему содержанію, а отсюда любилъ совершенно непроизвольно ставить множество вопросовъ и христіанской религіи и извлекать изъ нея

Digitized by Google

отвѣты"[1]), но въ чрезмѣрной тонкости и діалектической изворотливости даровитѣйшаго изъ всѣхъ языковъ заключалось столько же опасностей, сколько и благопріятныхъ моментовъ, и ни его радужное сіяніе, ни тотъ рѣзкій свѣтъ, какой римскій языкъ бросаетъ на объективный міръ, не имѣли достаточно свѣтящей силы, чтобы освѣтить глубины, которыя открыло новое ученіе.

Связанныя съ языкомъ образовательныя науки: грамматика, реторика, діалектика своимъ формальнымъ характеромъ облегчили ассимиляцію. Направленныя къ тому, чтобы сообщить рѣчи чистоту, полноту и поражающую силу, онѣ соотвѣтствовали цѣлямъ проповѣди не менѣе, чѣмъ цѣлямъ свѣтскаго словеснаго искусства; однако въ то же время онѣ переплетены были съ литературой и поэзіей, несовмѣстимость которыхъ съ христіанскимъ содержаніемъ наложила на самыя науки эти отпечатокъ язычества. Христіанизація ихъ совершилась ранѣе на греческой почвѣ, гдѣ онѣ возникли и съ давнихъ поръ были туземными растеніями, позднѣе на римской, гдѣ ихъ связь съ правомъ и государствомъ представляла новую помѣху. Нужно было необычайно продолжительное время, чтобы направить самыя дисциплины эти, нѣкоторымъ образомъ, на христіанское содержаніе. Можно было бы думать, что одни посланія Павла съ огнемъ ихъ краснорѣчія, съ полнотою и силою ихъ сравненій и послѣдовательностію въ умозаключеніяхъ могли бы послужить достаточнымъ основаніемъ для новаго построенія реторики и діалектики; но техническія системы отличаются замѣчательно неподвижною жизнію, и легче преобразовать языкъ и литературу, чѣмъ создать для нихъ новый органъ: вѣдь и до настоящаго дня упомянутыя дисциплины устояли предъ рѣшительными реформаціонными попытками, такъ что и теперь еще, обладая сравнительнымъ языковѣдѣніемъ

---

[1]) J. A. Möhler, Patrologie. Regensburg 1840. I, стр. 37. Тонкія замѣчанія объ этомъ предметѣ находимъ у R. v. Raumer'a въ сочиненіи „Die Einwirkung des Christentums auf die althochdeutsche Sprache". Stuttg. 1845, стр. 155 и дал.

Digitized by Google

и иными вполнѣ достаточными точками опоры для строгаго пересмотра грамматики, стилистики и логики, мы движемся въ античныхъ колеяхъ, какъ будто Аристотель и александрійцы дѣйствительно разрѣшили эти вещи на всѣ времена.

Легче произошло включеніе математическихъ дисциплинъ въ составъ христіанскаго образовательнаго матеріала; геометрія и ариѳметика оказывались почти индифферентными въ отношеніи къ великимъ спорнымъ вопросамъ бого- и міровоззрѣнія; музыкальное искусство и его теорія, а также астрономія, въ формѣ календарной теоріи, безъ труда приспособились къ служенію церкви. Изреченіе писанія: „Ты все расположилъ мѣрою, числомъ и вѣсомъ“ [1]), сдѣлалось путеводною звѣздой этихъ занятій, что не противорѣчило и характеру ихъ прежней разработки. Особенно благопріятно было то обстоятельство, что древность вообще дала математическимъ наукамъ пропедевтическое положеніе; если въ древности наукою, къ которой должны были вести занятія математикой, считалась философія, тогда какъ христіанство признавало такою наукою теологію, то и этотъ фактъ не былъ большою перемѣною, такъ какъ и у грековъ конечною цѣлью математики была теологія. Если церковные писатели требуютъ, чтобы ариѳметика занималась тайнами чиселъ и числовыми отношеніями, какія встрѣчаются въ Священномъ Писаніи, геометрія — измѣреніемъ библейскихъ и богослужебныхъ предметовъ, астрономія — эпохами и пасхальными кругами, то эти задачи, конечно, на первый взглядъ могутъ показаться натянутыми; однако это впечатлѣніе исчезаетъ, если мы припомнимъ, что на востокѣ математика исторически появилась, какъ вспомогательная богословская наука, что исходнымъ пунктомъ ея были аналогичныя задачи [2]), и что у пиѳагорейцевъ, какъ и у платониковъ, память о жреческомъ происхожденіи этой науки никогда не исчезала.

---

[1]) Прем. 11, 21.
[2]) Выше, § 4, стр. 139 и § 5, стр. 144—145.

Digitized by Google

Къ филологіи, какъ сложной системѣ ученыхъ знаній, христіане увидѣли себя вынужденными обратиться не столько вслѣдствіе потребностей образованія, сколько въ силу необходимости касаться при опроверженіи язычества его исторіи, воспоминаній, древностей, то съ цѣлію показать ничтожество старыхъ и новыхъ миѳологическихъ сказаній, то съ цѣлію указать въ болѣе древнихъ ученіяхъ отголоски первобытнаго откровенія и consensus gentium (согласія народовъ). Направленному на эти предметы прилежанію писателей церковныхъ мы обязаны сохраненіемъ немалаго числа извѣстій изъ древности: такъ, если ограничиться только самыми извѣстными примѣрами, указанія Климента Александрійскаго касательно литературы египтянъ служатъ руководящею нитью въ лабиринтѣ шаткихъ свѣдѣній объ этой темной области[1]). Августиновская характеристика Варрона сохранила намъ образъ этого рѣдкаго человѣка и его универсальныхъ изслѣдованій[2]). Но включеніе такихъ свѣдѣній въ богословскія сочиненія было полезно и для христіанскаго образованія того времени, которое такимъ путемъ обогащалось цѣнными элементами античной учености.

Съ величайшею воспріимчивостію христіанскій интересъ шелъ на встрѣчу историческому знанію, руководимый потребностію понять „полноту временъ", какъ завершеніе разнообразныхъ судебъ народовъ и какъ начальный пунктъ новой міровой эпохи. При этомъ въ кругозоръ христіанина входила какъ исторія восточныхъ, такъ и исторія классическихъ народовъ, первая, какъ фонъ судебъ народа избраннаго, послѣдняя, какъ фонъ исторіи церковной. Такъ дано было побужденіе къ христіанской исторіографіи, но не одна только она питала историческій интересъ, наоборотъ, онъ почерпалъ себѣ пищу изъ всюду распространенныхъ источниковъ. Христіанскій учебный матеріалъ, подобно Моисееву, по своей природѣ указываетъ на повѣствовательное изло-

[1]) Выше, § 5, стр. 145.
[2]) Выше, § 12, стр. 215.

Digitized by Google

женіе, и на основаніи этой его природы блаж. Августинъ могъ начертать тотъ историко-генетическій учебный планъ, гдѣ „сердце и уста никогда не теряютъ нити разсказа, но послѣдній составляетъ золотую основу, которая поддерживаетъ драгоцѣнную вязь религіозныхъ ученій“ [1]). А историческій характеръ высшей образовательной цѣнности необходимо долженъ былъ оживлять историческое чувство вообще. Въ томъ же самомъ направленіи дѣйствовала и потребность благоговѣйно хранить память о первыхъ борцахъ и исповѣдникахъ вѣры и такимъ образомъ поддерживать живую солидарность съ ними. Уже въ первые вѣка христіанства стала развиваться та грандіозная память церкви, въ которой она хранитъ всѣ воспоминанія о радости и горѣ, о тріумфѣ и преслѣдованіи, въ связи съ жизненными образами древнихъ борцовъ за имя Божіе; но эта христіанская Мнемозина, подобно греческой, была и матерью музъ: всѣмъ чувствамъ христіанскимъ она сообщила углубляющіе и облагороживающіе элементы.

Что касается вершины античнаго образованія, *философіи*, то при введеніи ея въ составъ христіанскаго образовательнаго матеріала неизбѣжны были болѣе значительныя трудности, чѣмъ при введеніи какой бы то ни было другой области: изъ нея брали свое оружіе борцы противъ евангелія, а еретики свою пагубную для вѣры закваску. Если другія области знанія похожи были на плодоносныя поля, на которыхъ новые саженцы могли постепенно вытѣснить старый посѣвъ, то философію скорѣе можно было сравнить съ враждебнымъ лагеремъ, который нужно было взять штурмомъ; ассимилировать ее можно было только собравъ всѣ силы, и эта ассимиляція должна была вмѣстѣ съ тѣмъ получить характеръ пре- и новообразованія. Въ этой борьбѣ благопріятнымъ для христіанства обстоятельствомъ была та противоположность, въ какой философскія школы стояли другъ къ другу, и то родство, какое имѣли отдѣльные пункты

[1]) De catech. rudibus c. 6.

Digitized by Google

ученія главныхъ представителей почти всѣхъ школъ съ христіанскимъ. Въ платонизмѣ съ его стремленіемъ къ трансцедентному скорѣе всего можно было искать точекъ соприкосновенія съ христіанствомъ; но по мѣрѣ того, какъ развивалась борьба и подвигалась впередъ формулировка догматико-философскихъ понятій, системы съ этическимъ и религіознымъ настроеніемъ стали вызывать противъ себя особенно рѣзкую оппозицію, такъ какъ въ нихъ стали видѣть, правда, благороднѣйшую, но и самую опасную форму язычества, и потому Платонъ, *Μωσῆς ἀττικίζων* (аттическій Моисей), могъ получить имя отца всѣхъ ересей. Замѣчательно, что падающее язычество примкнуло теперь къ глубокомысленнѣйшимъ философамъ древности, Пиѳагору и Платону, подслушивая въ ихъ ученіяхъ отголоски древнѣйшихъ вѣрованій, тогда какъ христіанская философія, постигая сверхчувственное вѣрою, для земныхъ вещей избрала свѣточемъ разсудительно яснаго Аристотеля съ его проницательнымъ и дальновиднымъ взоромъ.

Какою продолжительною и трудною работою была ассимиляція языческаго образовательнаго матеріала, и какія разнообразныя чувства то радостной побѣды, то утомленія, то гордости, то пренебреженія наградою за борьбу вела за собою эта ассимиляція, объ этомъ даютъ намъ понятіе многочисленныя относящіяся сюда замѣчанія церковныхъ писателей. Они расходятся между собою такъ далеко, что въ нихъ одинаково легко можно было бы найти какъ доказательства того, что церковь скоро заключила дружескій союзъ съ языческими науками, такъ и наоборотъ, основанія для раскрытія мысли, что церковь смотрѣла на эти науки съ недовѣріемъ и даже отвращеніемъ[1]). Къ сожалѣнію, при изслѣдованіи этого предмета не выдвинута была чисто историческая

[1]) Первую точку зрѣнія находимъ, между прочимъ, у C. Daniel'я, Classische Studien in der christlichen Gesellschaft. Deutsche Ausgabe 1855; послѣднюю у Abbé Gaume, Le ver rongeur des societés modernes. Paris 1851. Deutsche Ausgabe, Regensburg 1851.

Digitized by Google

точка зрѣнія, которая въ подъемѣ и упадкѣ мнѣній и настроеній въ первые вѣка христіанства должна искать симптомовъ великаго духовнаго кризиса, совершавшагося въ то время, кризиса величайшаго въ исторіи образованія.

Въ общемъ на востокѣ съ его говорившимъ по-гречески населеніемъ сліяніе античнаго образованія съ содержаніемъ христіанской жизни происходитъ болѣе легкимъ путемъ. Греческіе богословы того времени почерпали свое свѣтское образованіе въ древнихъ знаменитыхъ центрахъ духовной дѣятельности и учителями ихъ были иногда выдающіеся представители языческой науки; къ тому же имъ никакъ нельзя было обойтись безъ этой науки въ духовной борьбѣ съ язычествомъ и ересями, которая выпала прежде всего на ихъ долю. Поэтому у нихъ преобладаетъ убѣжденіе, что христіанинъ можетъ и долженъ усвоить себѣ языческое образованіе и что устраненіе политеистическаго элемента въ этомъ образованіи не представляетъ неразрѣшимой трудности. Климентъ Александрійскій († 217), знаменитый начальникъ огласительной школы въ Александріи, впервые соединилъ въ одной обширной системѣ языческія и христіанскія ученія; науки, входящія въ кругъ семи свободныхъ искусствъ, составляютъ низшую ступень, философскія — среднюю, направленныя къ христіанской мудрости — высшую. Къ этой послѣдней ведетъ обученіе, которое въ свою очередь распредѣляется по степенямъ. Климентъ сравниваетъ это обученіе съ пропедевтикою у пиѳагорейцевъ и мистиковъ[1]); оно обнимаетъ: опроверженіе язычества, наставленіе въ христіанскомъ поведеніи и христіанское ученіе, въ связи съ болѣе чистыми познаніями у язычниковъ; изложилъ Климентъ эту пропедевтику въ трехъ произведеніяхъ: *Λόγος προτρεπτικός, Παιδαγωγός* и *Στρωμάτεις*[2]). Если въ учебной про-

---

[1]) Strom. VII, p. 845.

[2]) Полное заглавіе послѣдняго сочиненія таково: *Τῶν κατὰ τὴν ἀληθῆ φιλοσοφίαν ὑπομνημάτων στρωμάτεις*, т.-е. приблизительно: Примѣры замѣчаній въ духѣ истинной философіи.

Digitized by Google

граммѣ Климента преобладаетъ эклектическій пріемъ, то Оригенъ († 254), его преемникъ, пользовался античными науками, какъ проседевтикой христіанскаго ученія, въ широкихъ размѣрахъ: черезъ діалектику, натурфилософію, математику, астрономію онъ велъ своихъ учениковъ къ этикѣ; затѣмъ возвращался къ древнимъ философамъ и поэтамъ, рукою художника распутывая путаницу, отдѣляя ложь; затѣмъ только слѣдовало объясненіе Священнаго Писанія, въ которомъ изъяснялся смыслъ буквальный, нравственный и таинственный[1]).

Примѣры подобной силы захвата и объединенія всѣхъ образовательныхъ элементовъ времени встрѣчались тогда неоднократно, такъ у Досиѳея, пресвитера Антіохійскаго, который зналъ еще и еврейскій языкъ (около 300), и у Анатолія, епископа Лаодикійскаго, котораго александрійцы хотѣли сдѣлать начальникомъ своей перипатетической школы[2]). Однако нѣтъ недостатка и въ такихъ примѣрахъ, которые показываютъ, что античная мудрость была вредна для укорененія христіанской; такъ у Стефана Лаодикійскаго, который во время гоненія на христіанъ не оказался ни христіаниномъ, ни философомъ[3]), и даже въ великомъ Оригенѣ церковь не могла одобрить того, что онъ избѣгалъ страданій за вѣру болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, и допускалъ слишкомъ много непозволительныхъ уступокъ античной спекуляціи.

Обстоятельное изслѣдованіе вопроса объ отношеніи христіанскаго юношества къ античной литературѣ заключаетъ въ себѣ часто воспроизводимая и цитуемая съ разными цѣлями рѣчь святого Василія († 379), „Къ юношамъ о томъ, какъ съ пользою читать языческихъ писателей“. Примыкая къ платоновскому сравненію, Василій называетъ языческую литературу матеріаломъ, на которомъ, какъ на тѣняхъ и отображеніяхъ, слѣдуетъ упражнять духовное зрѣніе юношества для укрѣпленія глаза къ созерцанію Священнаго Писа-

---

[1]) Gregor. Thaum. Paneg. in Orig. c. 5 и дал.
[2]) Евсевій, Церк. исторія VII, 32.
[3]) Тамъ же, гл. 33.

Digitized by Google

нія; христіанская мудрость есть плодъ души, свѣтское образованіе *(κοσμικὴ παιδεία, παιδεύματα τὰ ἔξωθεν)* это лиственный покровъ, который оберегаетъ плодъ и сообщаетъ ему пріятную внѣшность; Моисей также былъ ученикомъ мудрецовъ египетскихъ, Даніилъ халдейскихъ, слѣдовательно оба были учениками язычниковъ. Изучая произведенія поэтовъ, мы можемъ облагородить душу и научиться уважать добро; одинъ знатокъ Гомера увѣряетъ, что вся гомеровская поэзія есть похвала добродѣтели, а въ томъ же духѣ, какъ Гомеръ, говорили поэты, историки и другіе представители *θύραθεν σοφία* (внѣшней мудрости). Этими сочиненіями слѣдуетъ пользоваться по примѣру пчелъ, которыя летаютъ не на всѣ цвѣты и берутъ не весь цвѣтокъ, но высасываютъ то, что полезно имъ, оставляя все остальное. Подобно тому какъ мы избѣгаемъ шиповъ, когда срываемъ розу съ куста, такъ мы должны извлекать полезное въ упомянутыхъ произведеніяхъ, но остерегаться вреднаго. Мы должны съ самаго начала испытывать всякое знаніе и согласовать его съ конечною цѣлью или, какъ говоритъ дорійская пословица: „обдѣлывать камень по шнурку“ *(τὸν λίθον ποτὶ τὰν σπάρτον)*.

Несравненно яснѣе, чѣмъ св. Василій, выдвигаетъ необходимость свѣтскихъ наукъ соотечественникъ и товарищъ Василія святой Григорій Назіанзинъ въ погребальной рѣчи о своемъ почившемъ другѣ, которая заключаетъ въ себѣ весьма цѣнныя указанія объ учебныхъ занятіяхъ того времени. Здѣсь говорится (гл. 11): „я полагаю, всѣ благоразумные люди согласны съ тѣмъ, что образованіе есть первое изъ нашихъ благъ и притомъ не только то возвышенное, данное въ собственность намъ, христіанамъ, которое можетъ пренебрегать изяществомъ и красотою рѣчи и держится только спасенія и красоты истины, но и языческое, которое большинство христіанъ презираютъ, какъ вредное, опасное и отводящее отъ Бога. Подобно тому, какъ мы не должны презирать небо, землю, воздухъ и все, что принадлежитъ къ нимъ, изъ-за того, что люди имѣли глупость

Digitized by Google

воздавать божеское почитаніе этимъ твореніямъ Божіимъ, но можемъ пользоваться въ нихъ тѣмъ, что полезно для жизни и наслажденія, и избѣгать того, что опасно, всячески удаляясь отъ того неразумія, чтобы возвышать тварь предъ Творцомъ, но, наоборотъ, постигая изъ произведеній Художника и весь умъ предавая въ послушаніе Христу; подобно тому, какъ ни огонь, ни пища, ни желѣзо, ни какая бы то ни было вещь сама по себѣ ни полезна, ни вредна, но дѣлается такою вслѣдствіе употребленія; подобно тому, какъ даже черви, смѣшанные съ лѣкарствомъ, могутъ сообщить ему лѣчебную силу: такъ то же самое можно сказать и о языческихъ наукахъ, которыя занимаются изученіемъ и изслѣдованіемъ вещей и которыя мы переняли съ устраненіемъ всего того, что ведетъ къ демонамъ, заблужденію, гибели. Благодаря этому страхъ Божій только усилился въ насъ: чрезъ менѣе хорошее мы достигли познанія лучшаго, изъ безсилія язычниковъ создали опору для вѣры. Поэтому никакъ не слѣдуетъ презирать образованія, хотя нѣкоторые и думаютъ такъ: скорѣе можно обвинять въ неразуміи и необразованности тѣхъ людей, которые хотѣли бы прикрыться, сдѣлавъ всѣхъ похожими на себя, чтобы среди общаго невѣжества ихъ собственное не бросалось въ глаза". При этой настоятельной рекомендаціи образовательныхъ занятій ставится условіе, которое архіепископъ самъ выполнилъ въ свои школьные годы: чтобы „сердце было утверждено и ограждено", чтобы, подобно рѣкѣ Алфею, которая сладкимъ потокомъ протекаетъ чрезъ соленое море, его собственная твердая вѣра отклоняла всякую мутную примѣсь (тамъ же, гл. 22). Св. Іоаннъ Златоустъ, исходя изъ подобнаго взгляда, не совѣтуетъ употреблять басни миѳологіи для первоначальнаго обученія и насаждать въ юношествѣ удивленіе къ тѣмъ героямъ, которые не умѣли владѣть своими страстями[1]); въ его собственномъ образованіи подъ руководствомъ матери его Анфусы тща-

[1]) Бесѣда 21 на посланіе къ Ефесеямъ.

Digitized by Google

тельное наставленіе въ христіанскомъ ученіи занимало первое по времени мѣсто, а созрѣвшаго отрока мать безъ опасенія ввѣрила знаменитому софисту и поборнику язычества Ливанію для реторическаго образованія.

Въ предѣлахъ латинской культуры затрудненія и сомнѣнія при ассимиляціи античнаго образованія выступаютъ гораздо опредѣленнѣе, чѣмъ въ предѣлахъ культуры греческой. Римское образованіе еще болѣе греческаго проникнуто было элементами реторическихъ изящныхъ наукъ уже потому, что эти элементы были здѣсь заимствованными; и если греческое образованіе, стремясь къ философіи, по крайней мѣрѣ, искало себѣ завершенія въ идеальной и потому родственной христіанству области, то образованіе римское заканчивалось адвокатскою практикой, и хотя эта практика, благодаря развитію римскаго права, имѣла научное основаніе, однако она не могла почерпать изъ него идеальныхъ ймпульсовъ. Чтобы оцѣнить нерасположеніе церковныхъ писателей къ римскому изящному образованію, нужно припомнить, что иногда и языческіе властители высказываютъ о немъ еще болѣе суровыя сужденія, такъ соправитель и позднѣе противникъ Константина, Лициній, называлъ литературное образованіе ядомъ и язвою государства[1]). Художественный вкусъ homines litterati (образованныхъ людей) съ трудомъ могъ привыкнуть къ величію и простотѣ Св. Писанія, и отъ этихъ людей скорѣе, чѣмъ отъ образованныхъ грековъ, можно было ожидать упрека въ варварствѣ по адресу источниковъ новой вѣры. Такимъ образомъ извѣстная противоположность: Ciceronianus — christianus, disertus — desertus cultura Dei (цицероніанинъ — христіанинъ; образованный — свободный отъ служенія Богу), могла обостриться, и даже тѣ христіанскіе авторы, которые имѣли въ виду классическіе образцы, какъ св. Амвросій, составившій свою книгу de officiis ministrorum въ подражаніе цицероновской de officiis, а также великій стилистъ Лактанцій не забываютъ

[1]) Burckhardt, Die Zeit Constantins des Grossen. 2 Aufl. Leipzig 1880, стр. 327.

Digitized by Google

предостеречь отъ увлеченія свѣтскими науками[1]). „Эти басни“, говоритъ Минуцій Феликсъ относительно миѳологіи, „мы изучаемъ у нашихъ неученыхъ родителей, даже, что еще важнѣе, мы сами разработываемъ ихъ въ нашихъ научныхъ занятіяхъ и въ школахъ, особенно въ произведеніяхъ поэтовъ, которые своимъ вліяніемъ причинили величайшій вредъ истинѣ. Поэтому Платонъ былъ вполнѣ правъ, изгоняя знаменитаго, прославленнаго и увѣнчаннаго Гомера изъ своего государства“[2]). Со всею ревностію своей пылкой природы блаж. Іеронимъ возставалъ противъ культа языческихъ авторовъ, съ которыми вѣра также несовмѣстима, какъ Христосъ съ Веліаромъ, какъ чаша Господа съ чашею діавола; онъ старался изгнать изъ своего стиля всякіе слѣды античныхъ воспоминаній и заявляетъ, что если онъ еще даетъ имъ мѣсто, то это не по своей свободной волѣ, но въ силу тяжкой необходимости[3]). Индивидуальныя свойства и обстоятельства обостряли въ этомъ отцѣ церкви борьбу противоположныхъ элементовъ; самый сильный приговоръ противъ классическихъ занятій онъ произноситъ въ разсказѣ о видѣніи въ пустынѣ, гдѣ всемірный Судія, какъ громомъ, поражаетъ его словами: „ты цицероніанинъ, а не христіанинъ“[4]). Но это наиболѣе рѣзкое выраженіе мысли о противоположности между античною культурою и христіанствомъ находится въ тѣснѣйшей связи съ мѣстопребываніемъ, временемъ жизни и положеніемъ Іеронима: удалившись въ пустыню для христіанскихъ размышленій, Іеронимъ, уступая своей потребности въ непрерывной умственной работѣ, взялъ съ собою свою собранную въ Римѣ библіотеку, между прочимъ сочиненія Цицерона и Плавта, и читалъ ихъ попеременно съ пророками, съ одинаковою поспѣшностію стараясь найти въ нихъ развлеченіе и успокоеніе,—

---

[1]) Мѣста у Haume, цитованное сочиненіе, стр. 72.

[2]) Min. Fel. Oct. 23.

[3]) Si quando cogimur litterarum saecularium recordari et aliqua ex his dicere; non nostrae sit voluntatis, sed, ut ita dicam, gravissimae necessitatis. Proleg. in Dan. у Haume, цитов. соч., стр. 76, примѣч.

[4]) Ep. 22 ad Eustachium c. 30 (Vallarsi).

Digitized by Google

пріемъ, который, конечно, долженъ былъ повести къ сильному кризису. Однако нѣтъ недостатка въ позднѣйшихъ заявленіяхъ этого отца церкви, гдѣ онъ признаетъ необходимымъ, чтобы христіанскій писатель зналъ античную литературу и могъ приводить изъ нея цитаты; въ своемъ письмѣ къ оратору Магну онъ подробно раскрываетъ, что заимствовали у свѣтскихъ авторовъ борцы за вѣру, начиная съ апостола Павла[1]).

Но въ наиболѣе грандіозной формѣ борьба античнаго образованія съ христіанскимъ принципомъ выступаетъ у величайшаго изъ учителей церкви этого времени, блаженнаго Августина, у котораго она занимаетъ не короткое протяженіе времени, но распредѣляется на продолжительную и богатую человѣческую жизнь. Юношей онъ безраздѣльно предавался прелести поэзіи, сопровождалъ Энея въ его путешествіяхъ и оплакивалъ смерть Дидоны; свободными искусствами онъ овладѣлъ быстро безъ учителя и вскорѣ послѣ этого самъ сталъ заниматься преподаваніемъ; Гортензій Цицерона воспламенилъ въ немъ стремленіе къ безсмертію мудрости; въ проповѣдяхъ Амвросія прежде всего плѣняла его совершенная реторическая форма. Когда пришелъ часъ его внутренняго обращенія и возрожденія, онъ уже въ мужескомъ возрастѣ подвергъ склонности юношескихъ лѣтъ строжайшей оцѣнкѣ, коснувшись при этомъ и всѣхъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній и обычнаго образованія, характеристику котораго онъ нашелъ возможнымъ объединить въ слѣдующихъ словахъ: „и такое безуміе называютъ болѣе почетнымъ и плодотворнымъ занятіемъ, чѣмъ письмо и чтеніе“ [2]). Но духовная борьба въ годы зрѣлости не позволила ему отбросить пріобрѣтенныя въ юности знанія и умѣнья: Августинъ долженъ былъ признать, что спекуляція грековъ можетъ сообщить мысли и изслѣдованію глубину, а словесное искусство римлянъ — силу и блескъ изложенію. На ряду съ христіанскою возвышенностію въ произведеніяхъ Августина всегда съ оди-

[1]) Ep. 70 ad Magnum c. 3—5.
[2]) Confess. I, 13.

Digitized by Google

наковымъ правомъ удивлялись и античному величію, которое такъ сильно привлекало Карла Великаго, а гуманистовъ начала эпохи Возрожденія, Петрарку, Вивеса, Эразма заставляло смотрѣть на эти произведенія, какъ на мостъ къ древности. Изреченія и сужденія Августина объ античномъ образованіи и его дисциплинахъ, смотря по времени составленія и основному настроенію его произведеній, весьма различны; съ наибольшею ясностію и безпристрастіемъ трактуетъ онъ объ этомъ въ сочиненіи de doctrina Christiana (книга II, составлена около 396). Здѣсь съ точки зрѣнія Священнаго Писанія набросана система свѣтскихъ образовательныхъ занятій, которая имѣла сильное вліяніе на послѣдующее время. Вѣрный и правдивый умъ — такова основная мысль — будетъ смотрѣть на истину, гдѣ бы ни находилъ ее, какъ на собственность Господа; заблужденія, примѣшиваемыя къ ней людьми, не должны устрашать насъ; мы не колеблемся изучать и буквы, хотя изобрѣтеніе ихъ приписывается Меркурію. То, чѣмъ язычники занимались подъ именемъ науки и искусства, есть частію человѣческое изобрѣтеніе, частію отображеніе дѣйствительнаго, богоустановленнаго, и потому самими язычниками съ вѣрнымъ предчувствіемъ приписывается Божеству. Человѣческія произведенія частію должны быть отвергнуты, какъ, напр., гаруспиціи, астрологіи и т. д., частію излишни, какъ, напр., масса басенъ, пустыхъ измышленій и ничего не говорящихъ изображеній, но частію необходимы, какъ весь аппаратъ соціальной жизни: вѣсъ, мѣра, деньги, письмо, языкъ и т. д. Изслѣдованія, относящіяся къ дѣйствительности, движутся частію въ сферѣ чувственнаго, частію въ сферѣ абстрактнаго; къ изслѣдованіямъ перваго рода принадлежитъ прежде всего исторія, которая трактуетъ, правда, о человѣческихъ дѣлахъ, но сама не есть человѣческое учрежденіе, такъ какъ все совершающееся принадлежитъ къ цѣпи временъ, основанной и устроенной Богомъ; повѣствовательной наукѣ родственны описательныя, естественная исторія и астрономія; рядомъ съ ними стоятъ технико-эмпирическія теоріи искусства,

Digitized by Google

какъ-то: медицина, теорія сельскаго хозяйства, теорія управленія и механическія и гимнастическія искусства. Со всѣми этими искусствами нужно познакомиться, хотя бы только поверхностно, не для того, чтобы заниматься ими на практикѣ — если только этого не требуетъ профессія — но для того, чтобы правильно судить о нихъ и понимать относящіяся къ нимъ выраженія и отдѣлы Св. Писанія. Абстрактныя дисциплины — это діалектика, реторика и математика. Діалектика — произведеніе не человѣческое, по крайней мѣрѣ, настолько, насколько прочность логическихъ соединеній сводится не къ человѣческому установленію, и насколько положенія ея остаются истинными даже при ошибочномъ примѣненіи. Краснорѣчіе — та же діалектика, только болѣе богатая словами; правила относительно того, какъ привлекать, оживлять, плѣнять слушателей, также сводятся къ законамъ, которые происходятъ не отъ людей. Эти дисциплины не замѣняютъ собою здраваго разума, который скорѣе опережаетъ ихъ замысловатыя изобрѣтенія; но онѣ даютъ наслажденіе и служатъ школою ума, слѣдовательно полезны, лишь бы только въ нихъ устранялась вся мишура, къ которой онѣ наклонны. Математическія истины только открыты, а не изобрѣтены людьми; онѣ учатъ понимать числовыя отношенія Писанія и другія встрѣчающіяся въ немъ указанія на числа, формы и тоны; вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ направляютъ умъ на обсужденіе вопроса объ отношеніи измѣняемаго къ неизмѣняемому и служатъ для него источникомъ мудрости, если онъ умѣетъ поставить это отношеніе въ связь, въ концѣ концовъ, съ любовью. — Безъ осторожности любознательные и даровитые юноши, боящіеся Бога и ищущіе блаженной жизни, не должны предаваться ни одной изъ вышеуказанныхъ наукъ, развивающихся внѣ церкви, но благоразумно и тщательно изслѣдовать ихъ. Тѣми учрежденіями, которыя имѣютъ значеніе для соціальной жизни, пренебрегать не слѣдуетъ; изъ наукъ же нужно заниматься слѣдующими, какъ наиболѣе полезными: исторіей дѣлъ прошлаго и

Digitized by Google

настоящаго, діалектикой и математикой; но и къ нимъ приложимъ принципъ: „не увлекаться ничѣмъ". Въ основу эмпирическихъ знаній слѣдуетъ полагать такія произведенія, какъ хроника Евсевія и предметныя объясненія Св. Писанія. Допускаютъ ли особую обработку и діалектическія матеріи Писанія, этого Августинъ не рѣшаетъ, но склоняется къ отрицательному отвѣту на этотъ вопросъ, „такъ какъ искусство аргументировать за и противъ, подобно сѣти нервовъ, связываетъ весь составъ Св. Писанія"[1]), и онъ предоставляетъ изучать діалектическія формы въ школахъ, находящихся внѣ церкви[2]). Тѣ истинныя познанія, какими обладаютъ язычники, особенно философы и между ними въ свою очередь болѣе всего платоники, можно сравнить съ золотыми и серебряными сосудами, которые израильтяне, по повелѣнію Божію, отвлекли отъ служенія идоламъ и посвятили на служеніе истинному Богу: имъ долженъ подражать христіанинъ, отвлекая отъ служенія демонамъ и употребляя въ духѣ евангелія тотъ благородный металлъ, который древніе мыслители извлекли на свѣтъ изъ рудниковъ всѣмъ управляющаго Божественнаго Промысла[3]).

Съ прогрессивнымъ развитіемъ христіанской литературы и образованіе христіанское стало находить для себя все болѣе широкую и сродную ему подкладку, и чѣмъ болѣе отступала предъ нею на задній планъ литература языческая, тѣмъ легче стало усвоять заимствованные изъ нея элементы и превращать ихъ въ прочную и безопасную собственность. Такъ мало-по-малу выработался античный образовательный матеріалъ, какъ составная часть содержанія христіанскаго образованія, не обнимающая, но во всякомъ случаѣ сохраняющая для будущаго значительную долю духовныхъ сокровищъ древности. Оболочкой этого матеріала является система семи

[1]) Ibid. II, 40. 56 (ratio disputandi) per totum textum scripturarum colligata est nervorum vice.

[2]) Ibid. 32. Относительно реторики срв. VI, I.

[3]) Тотъ же образъ для того же предмета находимъ и у Григорія Нисскаго, De vita Mosis. Opp. Par. 1638. I, p. 209.

Digitized by Google

свободныхъ искусствъ, которую мы встрѣчаемъ въ африканской вычурной оправѣ—у Марціана Капеллы, а въ безыскусственной формѣ и въ примѣненіи къ христіанскимъ матеріямъ—у Кассіодора († 562). Филологія принимаетъ на западѣ энциклопедическій характеръ, какимъ отличается столь важный для среднихъ вѣковъ сборникъ Исидора, епископа Севильскаго († 636), ученѣйшаго мужа VII вѣка. Въ своихъ Origines или Etymologiae, вмѣстѣ съ свободными искусствами и библейско-богословскими матеріями, Исидоръ излагаетъ все, что достойно знанія и что можно рекомендовать для изученія, подобно тому, какъ въ своихъ Sententiae онъ объединяетъ самое существенное изъ христіанскаго вѣроученія, подготовляя тою и другою работою сборники и компендіумы среднихъ вѣковъ[1]). Для изученія философіи на западѣ величайшее значеніе пріобрѣтаетъ Боецій, переводчикъ и истолкователь Аристотеля († 525). При ознакомленіи съ изящной литературой не придерживались систематическаго выбора; кромѣ внутренняго достоинства и голоса самихъ древнихъ, рѣшающее значеніе часто имѣютъ побочныя соображенія, нерѣдко даже недоразумѣнія. Произведенія Виргилія пользуются высокимъ уваженіемъ, не только потому, что это уваженіе было традиціоннымъ, но и потому, что четвертая эклога поэта причислялась къ предсказаніямъ о Христѣ; его стихотворенія объясняли аллегорически и въ Энеидѣ находили образъ человѣческой жизни. Августинъ (de civ. Dei I, 3) говоритъ о немъ, что его читаютъ уже дѣти, чтобы великій, замѣчательнѣйшій и

---

[1]) Матеріи, о которыхъ трактуется въ Origines, слѣдующія. Книга 1: Грамматика. 2. Реторика и діалектика. 3. Ариѳметика, геометрія, астрономія, музыка. 4. Медицина. 5. Юриспруденція. 6. О книгахъ, письмѣ, литературѣ, духовныхъ должностяхъ. 7. О Богѣ и святыхъ людяхъ. 8. О церкви. 9. О языкахъ. 10. Этимологіи въ алфавитномъ порядкѣ. 11. О человѣкѣ. 12. О животныхъ. 13 и 14. О мірѣ, земномъ кругѣ и его частяхъ. 15. О городахъ, домахъ и землевладѣніи. 16. О металлахъ, камняхъ, мѣрѣ и вѣсѣ. 17. О земледѣліи и садоводствѣ и о растеніяхъ. 18. О военномъ дѣлѣ и объ играхъ. 19. О строительномъ дѣлѣ, мореплаваніи, одеждѣ. 20. О пищѣ и о хозяйствѣ. — Объ отношеніи Исидора къ Боецію и Кассіодору ср. Eckstein, Analecten zur Geschichte der Pädagogik. Programm, Halle 1861.

Digitized by Google

лучшій изъ всѣхъ поэтъ оставался незабвеннымъ, когда изъ него полною чашею будутъ пить уже въ нѣжные годы. Вслѣдъ за Виргиліемъ высоко почитали Стація, котораго христіанское преданіе называло тайнымъ приверженцемъ евангелія; Горацій своимъ мѣстомъ среди незабвенныхъ авторовъ обязанъ традиціи и обилію сентенцій въ своихъ произведеніяхъ; Ливію предпочитали Саллюстія, въ виду морально-философскихъ введеній къ его монографіямъ, но тотъ и другой отступаютъ на задній планъ предъ составителями сокращенныхъ исторій; изъ философовъ почитали Сенеку за его сентенціозный стиль; позднѣйшая традиція и его называла христіаниномъ, даже мученикомъ.—У грековъ долгое время было въ ходу эклектическое изученіе классиковъ; собирали мѣста преимущественно нравственнаго содержанія и сопоставляли ихъ съ мѣстами Священнаго Писанія и отцовъ церкви; величайшимъ уваженіемъ въ восьмомъ вѣкѣ пользовались составленные въ такомъ родѣ сборники Іоанна Дамаскина. Въ духовныхъ школахъ въ Византіи въ это время преподавались науки, входившія въ кругъ семи свободныхъ искусствъ, и науки философскія, читались и объяснялись Гомеръ, Гезіодъ, Демосѳенъ, Плутархъ и др.

§ 17.

Какъ въ образовательномъ матеріалѣ, такъ и въ учебныхъ заведеніяхъ ассимиляція наличной дѣйствительности съ новыми потребностями совершается лишь постепенно. До шестого вѣка христіанамъ приходилось получать грамматико-реторическое образованіе въ школахъ, которыя продолжали античныя традиціи и часто имѣли ясно выраженный языческій характеръ. Это среднее общеобразовательное обученіе могло ассимилироваться и войти въ составъ христіанскаго образованія лишь очень поздно, тогда какъ сформированіе элементарныхъ и высшихъ христіанскихъ учебныхъ заведеній

Digitized by Google

относится къ гораздо болѣе раннему времени. Христіанское обученіе дѣтей легко соединилось съ преподаваніемъ тѣхъ умѣній, которымъ долженъ былъ обучать грамматистъ или литераторъ; школы, въ которыхъ обучали чтенію, письму и пѣнію псалмовъ, впервые появляются въ Сиріи, гдѣ необходимость переводить Св. Писаніе на мѣстный языкъ рано пробудила живую литературную и учебную дѣятельность; пресвитеръ Протогенъ въ Эдессѣ во второй половинѣ второго вѣка называется основателемъ такой школы. Развитіе этихъ пресвитерскихъ школъ прослѣдить невозможно; но въ V вѣкѣ онѣ являются учрежденіемъ, распространеннымъ, по меньшей мѣрѣ, во всей Италіи, какъ показываетъ постановленіе собора Везонскаго (Vasio) въ 443 году, которое предписываетъ галльскимъ пресвитерамъ, по установившемуся въ Италіи обычаю, принимать мальчиковъ въ свои дома, быть для нихъ духовными отцами и наставлять ихъ въ чтеніи псалмовъ и Св. Писанія и въ Законѣ Божіемъ. Учрежденія школъ въ приходахъ требуютъ соборы въ Оранжѣ и Валенсѣ на Ронѣ въ 529; чтобы священники въ селеніяхъ своего прихода (per villas et vicos) содержали школы, это постановляетъ и третій соборъ Константинопольскій въ 681 году. Изъ многочисленныхъ подробностей легенды можно заключать, что и миссіонеры, кромѣ обученія вѣрѣ, обучали письму и чтенію; по словамъ легенды, Кассіана, странствующаго епископа Реційскаго, его собственные языческіе ученики въ 304 году убили за строгость грифелями; Патрикій, апостолъ Ирландіи, написалъ столько азбукъ, сколько дней въ году.

Другое начало христіанскихъ школъ слѣдуетъ искать въ монастырской жизни; восточныя монастырскія правила опредѣляютъ, чтобы каждый принимаемый въ монастырь учился читать, и дѣлаютъ постановленія о воспитаніи и обученіи приводимыхъ въ монастырь дѣтей; это видимъ мы не только въ правилахъ св. Василія Великаго, но уже въ болѣе древнихъ правилахъ св. Пахомія († 348), такъ что мѣсто дѣятельности послѣдняго,

Digitized by Google

Египетъ, является колыбелью монастырскихъ школъ[1]). Около этого же времени возникаютъ сиротскіе дома, сначала въ Константинополѣ и Римѣ, въ послѣднемъ въ связи съ пѣвческими школами.

Высшее христіанское образованіе связано съ институтомъ катехумената. Выраженіемъ *κατηχεῖν* — первоначально перекрикивать, говорить громко — древняя церковь обозначаетъ обученіе вѣрѣ предъ крещеніемъ въ связи съ соотвѣтствующею дисциплиною[2]). Потребность въ коллективномъ обученіи оглашаемыхъ повела къ формѣ огласительныхъ учебныхъ курсовъ, которые велись во время поста съ цѣлію подготовить оглашаемыхъ къ крещенію въ праздникъ Пасхи, частію самими предстоятелями церквей, частію особо назначенными для этого учителями (doctores, *διδάσκαλοι*); школьную форму эти курсы принимали тамъ, гдѣ болѣе живыя научныя стремленія побуждали учащихъ и учащихся къ болѣе глубокому изслѣдованію развѣтвленій и основаній вѣроученія. Начало александрійской огласительной школы, которая вела свое происхожденіе отъ евангелиста Марка, положено было наставленіемъ оглашаемыхъ, но затѣмъ она перешла къ ученой разработкѣ христіанскихъ истинъ съ цѣлію какъ склонять къ вѣрѣ образованныхъ язычниковъ, такъ и подготовлять ученыхъ защитниковъ вѣры, т.-е. готовить не столько оглашаемыхъ, сколько огласителей[3]). Рядомъ съ Александріей

---

[1]) Ср. превосходную работу P. L. Braummüller'a, Über den Bildungszustand der Klöster des IV und V Jahrhunderts. Programm der Benedictinerstudienanstalt Metten 1856.

[2]) Ср. Ad. G. Weiss, Die altchristliche Pädagogik dargestellt in Katechumenat und Katechese der ersten sechs Jahrhunderte. Freiburg im Br. 1869, стр. 40.

[3]) Что это учрежденіе всегда имѣло въ виду свое первоначальное назначеніе, это показываетъ предпринятое при Оригенѣ отдѣленіе обученія вѣрѣ для начинающихъ отъ богословскаго обученія болѣе совершенныхъ. Евсевій, Церковная исторія VI, 15. Соединеніе языческихъ и христіанскихъ учебныхъ занятій, подобное тому, съ какимъ мы встрѣчаемся въ Александріи, мы видимъ и въ миссіонерскихъ школахъ много позднѣе на совершенно иной почвѣ. Въ учрежденныхъ съ 1840 года католическихъ учебныхъ заведеніяхъ Китая въ теченіе отъ 7 до 8 лѣтъ преподаются сначала китайскія науки, какія требуются для общеобразовательныхъ испытаній, и только затѣмъ дѣлается переходъ къ наукамъ христіанскимъ.

Digitized by Google

Антіохія, Эдесса, Низибія, Гандсапора и др. сирійскіе города имѣли знаменитыя ученыя христіанскія школы. О Низибіи христіанскій епископъ Юнилій говоритъ, что тамъ божественный законъ преподается публичными учителями такъ же, какъ въ свѣтскихъ школахъ грамматика и реторика, — въ порядкѣ и регулярно (ordine et regulariter traditur)[1]). Перенесеніемъ этого учрежденія на западъ занимался Кассіодоръ при папѣ Агапитѣ, хотя и не могъ выполнить своего намѣренія при смутныхъ обстоятельствахъ того времени[2]).

На западѣ ученое преподаваніе нашло себѣ мѣсто прежде всего въ общежитіяхъ, основанныхъ, по примѣру блаж. Августина, въ епископскихъ резиденціяхъ. По свидѣтельству Поссидія, біографа Августина, изъ одного только общежитія иппонскаго вышло десять извѣстныхъ своею ученостію епископовъ, которые сами въ свою очередь устроили подобныя учрежденія. Цѣль заключалась здѣсь въ томъ, чтобы обезпечить преемниковъ для епархіальнаго клира; однако требовалось допускать въ эти школы и тѣхъ, которые еще не избрали окончательно духовнаго призванія; не разъ рѣчь идетъ о болѣе широкихъ и болѣе тѣсныхъ кружкахъ учениковъ, собиравшихся около епископовъ; это мы видимъ, между прочимъ, въ жизнеописаніи святого Петра Хрисолога, который получилъ свое образованіе въ первыя десятилѣтія пятаго вѣка у Корнилія, епископа Имольскаго, и изъ экзотерическаго перешелъ въ эсотерическій кругъ учениковъ, гдѣ уже и получилъ подготовку къ пресвитерской должности[3]). Развитіе епископальныхъ школъ запада идетъ рука объ руку съ развитіемъ школъ монастырскихъ. Правда, правила св. Бенедикта не заключаютъ въ себѣ болѣе ясныхъ опредѣленій объ обученіи, чѣмъ болѣе древнія монастырскія правила, самъ основатель ордена былъ скорѣе противъ, чѣмъ за учебныя занятія, великій Григорій, гордость ордена, заявлялъ,

---

[1]) Junilius, De part. div. legis у Conring, De antiq. academ. I, 29.
[2]) Cassiodor, De divin. et hum. lection. Praef.
[3]) Ср. біографію его, составленную K. v. Stablevski. Posen 1871.

Digitized by Google

что слова божественнаго прорицанія не слѣдуетъ приспособлять къ правиламъ Доната[1]), и что похвала Христу не можетъ ужиться въ однихъ устахъ съ похвалою Юпитеру; однако постановленіе правилъ, чтобы братья ежедневно занимались по три часа чтеніемъ и въ теченіе поста проходили цѣлыя книги, заключало въ себѣ зародышъ столь плодотворныхъ научныхъ стремленій ордена; обученіе oblati—дѣтей, отданныхъ на попеченіе монастыря—и подготовка братьевъ ордена во священники для монастырскаго богослуженія скоро приняли школьныя формы. Но свое педагогическое призваніе братья сознали только тогда, когда вдали отъ средоточій культурной жизни они увидѣли себя среди полуварварскихъ народовъ, которыхъ они не иначе могли привязать къ христіанству, какъ сдѣлавшись для нихъ учителями и наставниками въ земледѣліи, ремеслахъ, искусствѣ, наукѣ и культурной дѣятельности всякаго рода. Бенедиктинская школа ранняго средневѣковья есть только часть цѣлаго комплекса учрежденій съ цивилизаторскими, вытекающими изъ миссіонерскихъ задачъ, цѣлями; она распространяетъ свою дѣятельность на весь образовательный матеріалъ: элементарныя свѣдѣнія, свободныя искусства, чтеніе авторовъ, теологію, и вводитъ въ свой кругъ даже спеціальныя науки, какъ, напр., медицину, землемѣрное искусство; чтобы удовлетворить своей первоначально духовной и новымъ свѣтскимъ задачамъ, она расчленяется на schola claustri или interior, назначенную для молодого поколѣнія монастыря, и на лежащую внѣ монастырской ограды schola canonica или exterior для юношества, готовящагося къ свѣтскимъ профессіямъ; благодаря

---

[1]) Одно изреченіе Григорія гласитъ: Non metacismi collisionem fugio, non barbarismi confusionem devito, situs motusque praepositionum, casusque servare contemno; quia indignum vehementer existimo, ut verba coelestis oraculi restringam sub regulis Donati (я не избѣгаю столкновенія буквы „м“, не уклоняюсь отъ примѣси барбаризма, не забочусь о томъ, чтобы соблюдать положеніе и движеніе предлоговъ и падежи, потому что считаю недостойнымъ подчинять слова небеснаго прорицанія правиламъ Доната). Praef. Jobi. I, p. 6. Нельзя сказать, что здѣсь объявляется война грамматикѣ; излишнею для богослова представляется здѣсь только грамматическая мелочность.

Digitized by Google

неутомимой и самоотверженной дѣятельности, развивающейся въ ея священныхъ помѣщеніяхъ, она возвышается до такой степени, что получаетъ значеніе образца для всѣхъ школьныхъ учрежденій средневѣковья.

Сравнительно съ учебными заведеніями классической древности въ древнехристіанскихъ учебныхъ заведеніяхъ замѣчаются, главнымъ образомъ, три отличительные признака. Вслѣдствіе своей ясно выраженной религіозно-нравственной конечной цѣли они являются не только образовательными, но и воспитательными учрежденіями, что и внѣшнимъ образомъ выражается въ ихъ общежительной формѣ, чуждой греко-римскимъ школамъ; далѣе они имѣютъ тенденцію, исходя изъ центра религіознаго обученія, вводить въ свою сферу всѣ образовательные матеріалы и такимъ образомъ взять на себя всю задачу образованія, тогда какъ античныя школы ограничиваются извѣстными дисциплинами, и потому учащійся долженъ былъ проходить нѣсколько школъ, школу грамматика, оратора, музыканта и т. д.; наконецъ, вслѣдствіе своей связи съ церковью они имѣютъ характеръ публичныхъ учрежденій, содержимыхъ и руководимыхъ замкнутымъ и уважаемымъ сословіемъ, тогда какъ античныя учебныя заведенія, по крайней мѣрѣ, въ эпоху ихъ процвѣтанія представляютъ лишь слабо связанный аггрегатъ частныхъ предпріятій. Если бы мы захотѣли искать въ древности аналогіи для христіанскихъ образовательныхъ учрежденій, то намъ пришлось бы возвратиться къ восточнымъ народамъ и указать, напр., на древнеегипетскія школы при храмахъ съ ихъ жреческимъ обученіемъ и учительскимъ персоналомъ. Однако едва ли можно придавать особенное значеніе этому сходству, такъ какъ оба эти явленія далеко расходятся между собою по духу и цѣли. Древневосточное образованіе работало надъ матеріаломъ, ограниченнымъ предѣлами націи; въ этомъ матеріалѣ строго раздѣленные между собою классы общества получили неодинаковыя доли, и самъ онъ чѣмъ далѣе, тѣмъ бо-

Digitized by Google

лѣе впадалъ въ бездушное оцѣпенѣніе. Наоборотъ христіанская школа есть членъ организма, который уничтожаетъ въ себѣ различія національности и смягчаетъ различія соціальнаго положенія, приводя всякаго человѣка внѣшними узами къ внутренней свободѣ; опора и основаніе этой школы — учащая церковь; въ образовательныхъ цѣнностяхъ, находящихся въ распоряженіи церкви, она имѣетъ источникъ, который въ смѣнѣ временъ всегда снова и снова освѣжалъ и подкрѣплялъ ее. Христіанскіе народы — народы учащіе; они сдѣлались такими, потому что христіанская церковь сама есть церковь учащая, и въ развитіи образованія они далеко опередили древность, потому что въ этомъ развитіи принимали участіе и пластическія силы, дѣйствующія въ церкви.

Digitized by Google

VI.

Средневѣковое образованіе.

§ 18.

Выраженіемъ „средніе вѣка“, происхожденіе котораго относится къ XVII вѣку, мы называемъ тысячелѣтній періодъ времени, начинающійся переселеніемъ народовъ и оканчивающійся новообразованіями XVI вѣка. Принимая это названіе, мы даемъ мѣсто не совсѣмъ удачной терминологіи, такъ какъ въ основѣ ея лежатъ самые внѣшніе признаки. Въ дѣйствительности это время не столько средняя, сколько начальная эпоха: періодъ начинающейся христіанско-европейской цивилизаціи и культуры, юношескій возрастъ современныхъ народовъ. Подобно имени, мало состоятельны и связанныя съ нимъ побочныя представленія, будто этотъ періодъ былъ пустынной эпохой, зимнимъ сномъ человѣчества, паузой культурной исторіи. Скорѣе можно сказать, что его наполняла обширная и живая историческая дѣятельность, которой новое время обязано значительною частію условій своего творчества. Въ теченіе этого періода для цивилизаціи пріобрѣтаются новыя націи, смѣшанные народы выясняются въ характерныя національности, вмѣсто географической единицы греко-римской исторіи, области Средиземнаго моря — значеніе такой единицы пріобрѣтаетъ Европа, на мѣсто всемірной имперіи, единственной извѣстной въ древнее время формы коллективной дѣятельности народовъ, ставится культурное общеніе самостоятельныхъ націй. Правда, средневѣковые народы уступаютъ древнимъ въ томъ

Digitized by Google

отношеніи, что они менѣе послѣднихъ черпали изъ собственныхъ источниковъ, а скорѣе получили существенные импульсы своей исторической жизни извнѣ, вслѣдствіе чего необходимъ былъ длинный процессъ для усвоенія воспринятыхъ элементовъ, который зато и служитъ началомъ такого богатаго развитія. Цивилизація и культура, начальныя стадіи которыхъ падаютъ на средніе вѣка, имѣютъ производный характеръ; толчкомъ къ своимъ произведеніямъ онѣ обязаны, съ одной стороны, христіанству, а съ другой античнымъ традиціямъ,— мотивы, которые сначала нужно было ввести въ содержаніе жизни, прежде чѣмъ могли освободиться и оказать свое содѣйствіе силы національныя.

Подобно этому, и образовательныя учрежденія среднихъ вѣковъ сначала были построены на воспріятіи, продолженіи, подражаніи тому, что уже существовало, и не свободны отъ той неподвижности и тяжеловѣсности, которая является неизбѣжнымъ спутникомъ начальныхъ ступеней какого бы то ни было рода. Ищущимъ образованія въ средніе вѣка приходилось итти несравненно болѣе трудными путями, чѣмъ, напр., классическимъ народамъ; вмѣстѣ съ христіанскимъ вѣроученіемъ нужно было овладѣть жесткимъ и неподатливымъ матеріаломъ, осадкомъ римскаго образованія, взять въ путеводители сухія и тернистыя руководства, пользоваться, въ качествѣ образовательнаго средства, чужимъ устарѣвшимъ языкомъ, связаннымъ съ чуждымъ кругомъ идей; церковь дала ему мѣсто, и ея организующая сила послужила ему на пользу, но вмѣстѣ съ тѣмъ она потребовала отъ него безраздѣльной службы и такимъ образомъ опредѣлила его сферу. Суровая учебная работа этихъ вѣковъ въ отдѣльныхъ случаяхъ часто кажется намъ бѣдною и безплодною; но въ цѣломъ она является строгой школой, которую должны были пройти юношескіе народы, чтобы дойти до болѣе свободнаго движенія и собственнаго творчества. Но средніе вѣка вовсе не остановились въ этой области на ученическихъ работахъ: наоборотъ, они не только усвоили, но и разработали и

Digitized by Google

распространили тѣ формы, какія приняло христіанское образованіе на римской почвѣ: монастырскую школу, епископское общежитіе и приходскую школу, и на ряду съ ними создали новыя формы, для которыхъ не было образца въ древности: рыцарскія образовательныя учрежденія, учебныя заведенія цеховъ и ученый цехъ, представителями котораго являются университеты.

Изъ монастырскихъ средневѣковыхъ учебныхъ заведеній бенедиктинскія школы получили безспорное почетное мѣсто въ исторіи образованія. Старинный девизъ черныхъ монаховъ, что спасеніе, сокровище, слава и крѣпость ордена заключаются въ его школахъ [1]), особенно ясно подтвердился въ эпоху новообразованій послѣ переселенія народовъ. Люди, руководившіе образованіемъ въ періодѣ Каролинговъ и Оттоновъ, почти всѣ принадлежали къ этому ордену или, по крайней мѣрѣ, обязаны ему своимъ развитіемъ. Рядъ ихъ открываетъ Беда Достопочтенный, Scholasticus изъ Ярроу, отецъ англійской исторіографіи, † 735 [2]); преданіе сдѣлало ученикомъ его Алкуина или Альбина (родился въ 735, умеръ 804), ошибочно принявъ внутреннюю связь между ними за внѣшнюю. Алкуинъ, совѣтникъ и другъ Карла Великаго, является первымъ изъ учителей, отъ которыхъ образовательные импульсы шли въ разныя стороны на подобіе солнечныхъ лучей; его монастырская школа въ Турѣ была первымъ изъ тѣхъ далеко свѣтившихъ образцовыхъ учрежденій и учительскихъ разсадниковъ, которые въ эти вѣка служили опорой учебныхъ заведеній: его товарищъ Пасхазій Радбертъ организовалъ монастырскую школу въ Корби, сним-

---

[1]) Ziegelbauer, Hist. Ord. S.13. I, p. 652. Veterum coenobitarum frequens erat istud keleusma: Ex scholis omnis nostra salus, omnis felicitas, divitiae omnes ac ordinis splendor constansque stabilitas.

[2]) Karl Werner, Beda der Ehrwürdige und seine Zeit 1875. Его ученость пользовалась такою славой, что позднѣе ему приписывали весьма распространенный сборникъ философскихъ изреченій, хотя въ немъ были имена мужей, жившихъ долго спустя послѣ него. Erdmann, Grundriss der Geschichte der Philosophie. I², § 153.

Digitized by Google

комъ которой была, въ свою очередь, саксонская Корвейская школа; его другъ Лейдрадъ довелъ до цвѣтущаго состоянія соборную школу въ Ліонѣ, Арнульфъ — школу въ Зальцбургѣ; изъ его учениковъ Рабанъ организовалъ по образцу Турской школы учебное заведеніе фульдскаго монастыря, Людгеръ создалъ соборную школу въ Мюнстерѣ, Гайминъ — школу въ Аррасѣ, которая, въ свою очередь, послужила образцомъ для учебныхъ занятій въ Сентъ Аманѣ (Милонъ и музыкантъ Гукбальдъ) и въ Оксерѣ (Гейрикъ), не говоря уже о тѣхъ импульсахъ, какіе разнесены были учебниками Алкуина далеко за предѣлы Франціи[1]). Въ слѣдующемъ поколѣніи узловымъ пунктомъ бенедиктинскихъ учрежденій и вмѣстѣ школьнаго дѣла вообще является учебное заведеніе фульдскаго монастыря, которое устроилъ Рабанъ Маврь (родился 775, умеръ 856), и по образцу котораго реформированы были школы болѣе древнихъ аббатствъ въ Сенъ Галленѣ (Верибертъ и Гартмутъ) и въ Рейхенау (Валафридъ Страбонъ) и устроены были другія школы въ Вейссенбургѣ (Отфридъ), Герсфельдѣ (Страбусъ), Гиршау (Гидульфъ и Рутардъ), Ферьерахъ (Серваціи Люпусъ); своими методическими и энциклопедическими сочиненіями Рабанъ, praeceptor Germaniae, также вліялъ далеко за предѣлами тѣхъ сферъ, которыя непосредственно испытывали на себѣ силу его значительной личности. Человѣкъ, имѣющій подобное же значеніе для эпохи Оттоновъ и первыхъ Капетинговъ, Гербертъ, родомъ изъ Оверни, на папскомъ престолѣ Сильвестръ II († 1003), не принадлежитъ самому ордену, но обязанъ ему своимъ образованіемъ; онъ получилъ его въ Аврилакскомъ монастырѣ, доведенномъ до цвѣтущаго состоянія Одо Клюпійскимъ, ученикомъ Ремигія Оксерскаго, который въ свою очередь, при посредствѣ своего учителя Гейрика, связанъ съ кругомъ учениковъ Алкуина. Гербертъ, „какъ учитель, отличавшійся такъ, что каждая школа подъ его руководствомъ дѣла-

[1]) K. Werner, Alcuin und sein Jahrhundert, 1876.

Digitized by Google

лась учительскою семинаріей", трудился въ Реймсѣ и Парижѣ; ему же обязаны были своею славою школы въ St. Germain aux prés (Инго), въ Оксерѣ (Іоаннъ Оксерскій), во Флери (Аббо), въ Шартрѣ (Фульбертъ), въ Миттелахѣ (Нитгардъ и Ремигій) и пр.; съ него начинается вліяніе арабской науки на западъ, и съ діалектическимъ интересомъ, который пробудился въ его школѣ, начинается схоластика[1]). Однимъ изъ ея древнѣйшихъ разсадниковъ, знаменитѣйшею школою діалектики въ христіанскомъ мірѣ, былъ бенедиктинскій монастырь Бекъ, въ Нормандіи, гдѣ аббатомъ былъ Ланфранкъ Пріоръ и ученикъ его Анзельмъ Кентерберійскій (родился 1035, умеръ 1109). Аббатство въ Монте Кассино около этого же времени снова достигло цвѣтущаго состоянія; отсюда получила тогда свое начало побочная отрасль реторики, ars dictandi; здѣсь занимался и блаженный Ѳома Аквинатъ.

Многочисленные ордена, которые, начиная съ X вѣка, отдѣлились отъ бенедиктинскаго ордена, обновляя и усиливая его правила, имѣли менѣе прямое вліяніе на образовательныя учрежденія, но не прямо дѣйствовали на нихъ подъемомъ церковной жизни и христіанской строгости. Правила клюнійскихъ монаховъ (Cluniacenses) отвергали изученіе языческихъ сочиненій, какъ дѣло опасное, а Цистерціане (Cisterzienses) и Премонстраты не придавали учебнымъ занятіямъ такого значенія, какъ родоначальный орденъ; однако ихъ монастыри имѣли для восточныхъ странъ: Бранденбурга, Мейсена, Шлезвига, Польши, значеніе, подобное тому, какое имѣли для западныхъ областей монастыри бенедиктинцевъ, и многіе изъ этихъ монастырей были извѣстными центрами учебныхъ занятій. Какой факторъ общественной жизни представляли всѣ эти ордена, объ этомъ можно заключать изъ того числа, до котораго возросли ихъ монастыри въ концѣ среднихъ вѣковъ; около 1500 года въ христіанствѣ насчитывали не менѣе 37.000 домовъ,

[1]) K. Werner, Gerbert von Aurillac, 1877.

Digitized by Google

принадлежащихъ бенедиктинскому и происшедшимъ отъ него орденамъ; если представимъ себѣ, что хотя бы только двадцатая часть ихъ снабжена была учебными заведеніями, то послѣднія составятъ не малый контингентъ школьныхъ учрежденій этого времени.

Два большихъ, возникшихъ въ эпоху крестовыхъ походовъ и быстро достигшихъ цвѣтущаго состоянія, нищенствующихъ ордена францисканцевъ и доминиканцевъ вліяли на образовательныя учрежденія существенно инымъ образомъ. Посвящая себя проповѣди и религіозному обученію народа, они первоначально уклонялись отъ ученыхъ занятій; начальника одного орденскаго дома въ Болоньѣ св. Францискъ Ассизскій лишилъ принадлежавшаго ему достоинства за то, что послѣдній учредилъ тамъ учебное заведеніе, и сказалъ: „жизнь должна быть ученостію братьевъ, благочестіе — ихъ краснорѣчіемъ“; но о Францискѣ разсказываютъ также, что онъ заботливо поднималъ каждый исписанный листъ, который находилъ: „потому что изъ буквъ составляется преславное имя Божіе“. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ орденской жизни скоро установился взглядъ, что никакой видъ обученія не можетъ имѣть успѣха безъ умственной работы и изслѣдованія, и въ помянутыхъ орденахъ развилась разнообразная преподавательская дѣятельность, которая обнимала какъ высшую, такъ и элементарную школу. Для развитія ихъ научной дѣятельности весьма важное значеніе имѣло то обстоятельство, что съ 1259 года каждый изъ нихъ завоевалъ себѣ право на каѳедру въ парижскомъ университетѣ; учители церкви, Ѳома Аквинатъ, „князь схоластики“, и Бонавентура, были первыми, которые воспользовались этимъ правомъ. Подобно болѣе древнимъ орденамъ, нищенствующіе соединяли учебныя заведенія со своими монастырями, но кромѣ того трудились и какъ учителя въ городскихъ школахъ, какъ странствующіе проповѣдники и начальные учителя въ деревняхъ, какъ составители книгъ для юношества и народа, учебниковъ, сборниковъ. Миноритъ Александру изъ Вилледье при-

Digitized by Google

надлежитъ самое популярное средневѣковое руководство по латинскому языку, Doctrinale, написанное около 1200 года и до 1500 года напечатанное болѣе 100 разъ[1]); доминиканецъ Викентій де Бове (около 1300) составилъ большую энциклопедію, обнимающую знаніе позднѣйшаго средневѣковья (см. ниже, § 19).

Вслѣдъ за монашескими орденами преподаваніемъ занимались и организованные подобно имъ ордена, общества и братства, гдѣ духовный и свѣтскій элементы являются смѣшанными. Іоанниты (родосцы, мальтійцы, орденъ основанъ въ 1048 году) не разъ называются основателями и содержателями школъ; точно также рыцари Маріи (Нѣмецкіе владыки, орденъ, основанный въ 1190), гофмейстеръ которыхъ Винрихъ фонъ Книпродъ († 1382) ревностно содѣйствовалъ публичному преподаванію въ орденской землѣ Пруссіи — гдѣ первыя школы приказалъ учредить уже папа Гонорій III около 1228 г.; ему приписываются слова: „въ нашемъ орденѣ никогда не будетъ недостатка ни въ деньгахъ, ни въ имѣньяхъ, а въ умныхъ и вѣрныхъ людяхъ, поэтому со всею тщательностію слѣдуетъ устроить въ Пруссіи не только нѣсколько, а много школъ". Появляющіяся съ XIII вѣка Каландскія братства, вмѣстѣ съ попеченіемъ о бѣдныхъ, взяли на себя и воспитаніе сиротъ и тамъ и сямъ также являются основателями школъ. Болѣе высокое значеніе пріобрѣло „Общежительное братство" (Іерониміане, Грегоріане, братья), основанное Геертомъ Гротомъ (Жерардомъ Великимъ) изъ Девентера и устроившее свой первый домъ въ 1384 году въ Девентерѣ; сто лѣтъ спустя братскіе дома распространены были отъ Шельды до Вислы; поддер-

---

[1]) Напечатано въ XII т. Monumenta Germaniae Paedagogica 1893 съ весьма любопытными приложеніями д-ра Д. Reichlin'a. Какъ источникъ варварской латыни, оно подверглось суровымъ нападеніямъ гуманистовъ, но въ послѣднее время встрѣтило болѣе благопріятную оцѣнку со стороны Haase, Echstein'a и др.; изъ синтаксиса Doctrinale (diasintactica) не мало именъ и опредѣленій перешло въ наши грамматики, ср. Eckstein въ статьѣ „Lateinische Sprache" въ Энциклопедіи Шмида, IX[1], стр. 512.

Digitized by Google

живая связь между собой путемъ сношеній со своею метрополіей, они трудились въ области народнаго и ученаго преподаванія, популяризировали Св. Писаніе и подготовили учебную реформу, введенную гуманизмомъ.

Изъ епископскихъ общежитій прежняго времени въ средніе вѣка развились соборныя или каѳедральныя школы. Канонъ Хродеганга Мецскаго († 766), примыкая къ правиламъ св. Бенедикта, устанавлялъ общежитіе для клира епископскихъ церквей и ввѣрялъ особому лицу съ именемъ Scholasticus (scholaster, didascalus, magiscola, cancellarius) попеченіе о юношахъ, ввѣряемыхъ обществу клириковъ. Въ эпоху процвѣтанія соборныхъ школъ нерѣдко преподавали сами епископы, а постоянно — схоластики; позднѣе стали назначать учителями свѣдущихъ монаховъ, особенно бенедиктинцевъ, или даже свѣтскихъ людей; воспитанниками въ этихъ школахъ были не только будущіе клирики, но и сыновья дворянства и даже княжескихъ домовъ. Какъ въ монастырскихъ школахъ (§ 17, стр. 267). и здѣсь мы видимъ раздѣленіе учрежденій на внутреннія общежительныя школы, назначавшіяся для молодого поколѣнія клира, и школы внѣшнія, открытыя для мірянъ, при чемъ первыя имѣли характеръ болѣе воспитательныхъ, а послѣднія — учебныхъ заведеній. Выдающіяся соборныя школы, какъ, напр., учебное заведеніе въ Латеранѣ въ Римѣ, школы въ Ліонѣ, Реймсѣ, Люттихѣ, Падерборнѣ, Госларѣ и др. не уступаютъ по славѣ монастырскимъ учебнымъ заведеніямъ, но въ отношеніи къ послѣднимъ являются болѣе учрежденіями воспринимающими и подражающими. То обстоятельство, что въ XI вѣкѣ каноники прекратили общежительную жизнь и преподаваніе ввѣрено было состоявшимъ на жалованьи замѣстителямъ, повело за собою упадокъ каѳедральныхъ школъ, тѣмъ болѣе, что у нихъ скоро явились соперники въ лицѣ университетовъ, съ которыми онѣ не могли состязаться. Великій папа, который

Digitized by Google

старался поддержать и усилить всѣ элементы церковной власти и духовнаго образованія, сохранившіеся отъ прежняго времени, Иннокентій III, хотѣлъ предупредить упадокъ этихъ учрежденій: благодаря ему состоялось постановленіе латеранскаго собора 1215, чтобы при всѣхъ каѳедральныхъ соборахъ назначались учителя грамматики и лекторы теологіи, а въ каноническихъ процессахъ противъ епископа онъ всегда придавалъ важное значеніе тому, принималъ ли тотъ на себя образованіе юношества или нѣтъ.

Попеченіе епископовъ о школьномъ дѣлѣ состояло не только въ поддержаніи соборной школы, но и въ надзорѣ за всѣми учебными заведеніями епархіи, особенно за приходскими школами. Что въ средніе вѣка при приходскихъ церквахъ велось болѣе или менѣе систематическое школьное преподаваніе, объ этомъ свидѣтельствуютъ частію относящіяся сюда постановленія соборовъ и синодовъ, частію прямыя извѣстія. Учителями называются то сами приходскіе священники, то ихъ помощники: будущіе клирики, кистеры и другіе церковнослужители. Что въ деревнѣ кистерская школа уже тогда была обычнымъ учрежденіемъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ интересное во многихъ отношеніяхъ распоряженіе епархіальнаго собора въ Сентъ-Омерѣ отъ 1183 года, которое гласитъ: „Такъ какъ школы служатъ для подготовки всѣхъ тѣхъ, на которыхъ впослѣдствіи будетъ лежать руководство свѣтскими и духовными дѣлами въ государствѣ и церкви, то мы повелѣваемъ, чтобы во всѣхъ городахъ и деревняхъ нашей епархіи приходскія школы снова возстановлены были тамъ, гдѣ онѣ пришли въ упадокъ, а гдѣ онѣ еще сохранились, развивались болѣе и болѣе. Съ этою цѣлію приходскіе священники, магистраты и уважаемые члены общины должны заботиться о томъ, чтобы учителямъ, которыми въ деревняхъ обыкновенно назначаются кистеры, доставлялось необходимое содержаніе. А школу слѣдуетъ устраивать въ подходящемъ домѣ вблизи приходской церкви, чтобы съ одной сто-

Digitized by Google

роны пастору и знатнымъ прихожанамъ легче было наблюдать за учителемъ, а съ другой стороны удобнѣе было пріучать учениковъ къ религіознымъ упражненіямъ"[1]). Относительно регулированія школьныхъ посѣщеній и школьнаго надзора со стороны пастора межевая книга прихода Бинге и Брилонскомъ округѣ, утвержденная въ 1270 архіепископомъ Кёльнскимъ Энгельбертомъ II, опредѣляетъ, чтобы „поселившіеся въ приходѣ подъ опасеніемъ штрафа въ 12 марокъ обязаны были посылать своихъ дѣтей въ школу, дабы тлѣющее еще во многихъ сердцахъ язычество совершенно угасло", и чтобы кистеры-шульмейстеры обучали юношество письму и чтенію лѣтомъ отъ 7 до 10 утра и отъ 1 до 3 или 4 пополудни, зимою отъ 8 до 10 и отъ 1 до 3 и ежемѣсячно доставляли пастору письменное сообщеніе о томъ, „какъ успѣваютъ ученики въ христіанскихъ нравахъ, письмѣ и чтеніи и день ото дня возрастаютъ въ страхѣ Божіемъ, чтобы съ теченіемъ времени они избѣгали зла и все болѣе утверждались въ добрѣ"[2]). Хотя въ приходскихъ школахъ этого рода мы имѣемъ народную школу во всѣхъ ея существенныхъ чертахъ, однако нельзя упускать изъ виду, что обычное у насъ представленіе, по которому религія, письмо, чтеніе и т. д. составляютъ особую элементарную область обученія съ соотвѣтствующимъ особымъ видомъ школы, чуждо среднимъ вѣкамъ; тамъ, гдѣ преподаваніе выходитъ за предѣлы религіознаго обученія дѣтей, оно стремится уже къ латинскому языку, безъ котораго не могли и представить себѣ настоящей дѣйствительной школы, заимствовавшей у этого языка самое имя свое; элементарное народное обученіе казалось только придаткомъ попеченія о душахъ, т.-е. функціею церкви, подобно тому, какъ и ученое преподаваніе искало для себя сферы примѣненія преимущественно въ подобной же функціи, церковномъ учительствѣ.

---

[1]) A. Stöckl, Lehrbuch der Geschichte der Pädagogik. Mainz 1876, стр. 118.

[2]) Stöckl, цитов. соч., стр. 117.

Digitized by Google

Въ духовныхъ школьныхъ учрежденіяхъ среднихъ вѣковъ міряне занимали извѣстное мѣсто и въ качествѣ учениковъ и даже въ качествѣ учителей, а потому за этотъ періодъ мы не видимъ противоположной духовнымъ школамъ свѣтской школы, какъ особаго учрежденія. Тѣ свѣтскія школы, которыя существовали въ болѣе древнее время, сводятся въ существѣ дѣла къ римскимъ традиціямъ; особенно въ Италіи и Южной Франціи ученые міряне занимались преподаваніемъ семи свободныхъ искусствъ, съ разрѣшенія и подъ надзоромъ, но не по порученію церкви; римское право продолжали преподавать въ Италіи свѣтскіе учителя, пока его не взяли на себя университеты[1]); точно также и врачебное искусство, хотя и находило себѣ пріютъ въ нѣкоторыхъ монастыряхъ, однако на ряду съ ними преподавалось, нужно думать, и свѣтскими учителями, прежде чѣмъ это преподаваніе досталось въ удѣлъ медицинскимъ факультетамъ. Нѣкоторую связь съ цезарскими школами имѣютъ придворныя школы (Scholae palatii или palatinae), появившіяся впервые во Франціи; уже Меровинги имѣли такую школу, устроенную, вѣроятно, по образцу schola Gallica palatii въ Трирѣ; она процвѣтала при Карлѣ Великомъ благодаря преподавательской дѣятельности Алкуина и Петра Пизанскаго; утвердившись при Карлѣ Лысомъ въ Парижѣ, она считала въ числѣ своихъ учителей грека Маннона, который принесъ на западъ сочиненія Платона и Аристотеля, и Іоанна Скота (Еригену), а потомъ и Ремигія Оксерскаго; позднѣе она сливается съ соборною школою при церкви Notre Dame. Въ X вѣкѣ появляется придворная школа Оттоновъ, при Бруно, братѣ Оттона I, позднѣе архіепископѣ Кёльнскомъ[2]). По своему устрой-

---

[1]) Въ Римѣ въ X вѣкѣ существовала юридическая школа и „римскій судья въ торжественной церемоніи получалъ кодексъ Юстиніана", „чтобы судить по нему Римъ, Трастеверъ и всю землю". Gregorovius, Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter III, 161 и 525 и дал.

[2]) О придворныхъ школахъ ср. Kämmel, Mittelalterliches Schulwesen въ Encyklopädie Schmid'a, IV[1], стр. 778 и дал. и стр. 789, 793.

Digitized by Google

ству эти учрежденія не слишкомъ рѣзко отличались отъ духовныхъ школъ, имѣли преподавательскій персоналъ изъ духовныхъ лицъ и подготовляли не только къ свѣтскимъ, но и къ церковнымъ почетнымъ мѣстамъ, но они были учрежденіями свѣтской власти и потому представляютъ особую категорію и зародышъ провинціальныхъ княжескихъ придворныхъ школъ, какія возникли уже при Гогенштауфенахъ.

Своеобразное свѣтское образованіе безъ школьныхъ формъ и ученаго содержанія возникаетъ съ появленіемъ рыцарства, благороднаго созданія періода крестовыхъ походовъ. Въ немъ дѣйствуютъ и національные элементы, восходящіе къ дохристіанской германской жизни, и картина воспитанія, какое по Эддѣ получаетъ молодой человѣкъ благороднаго происхожденія, предупреждаетъ нѣкоторыя черты рыцарской дисциплины: „Мать родила ребенка и одѣла его въ шелкъ; онъ былъ окропленъ и названъ Ярломъ; у него были свѣтлые кудри и сіяющія щеки, глаза острые, какъ коварныя змѣйки; вырастая дома, научился Ярлъ сдирать кору съ липы, скручивать тетивы, натягивать лукъ и вырѣзывать стрѣлы, бросать копья, размахивать пикой, разъѣзжать верхомъ на жеребцахъ, травить собакъ, обнажать шпагу, переплывать проливъ; затѣмъ отправился онъ въ домъ Ригра. Ригръ познакомилъ его съ рунами, назвалъ его сыномъ, далъ ему собственное имя и въ наслѣдство и собственность отказалъ ему наслѣдіе, собственность и замки предковъ“ [1]). Въ рыцарскомъ образованіи военныя упражненія древняго времени усиливаются до тѣхъ умѣній и искусствъ, проба которыхъ производилась на турнирахъ; на мѣсто рунъ и древнихъ сказаній становятся искусство струнной игры, знаніе языковъ и приключеній. Словомъ vrümecheit, которое съ филологической точки зрѣнія соотвѣтствуетъ нѣмецкому Frömmigkeit (благочестіе), но по значенію должно быть переведено словами: способность, годность, обозна-

---

[1]) Die Edda übersetzt von Simrock, Stuttgart 1885, стр. 128.

Digitized by Google

чается добродѣтель рыцаря, а выраженіе hübschheit, т. е. Höfischkeit (придворный лоскъ), переводъ французскаго courtoisie, обозначаетъ благородное украшеніе его личности. Ходъ образованія молодого рыцаря былъ регулированъ не менѣе опредѣленно, чѣмъ ходъ образованія будущаго клирика, и даже распредѣленіе семи свободныхъ искусствъ по ступенямъ перенесено было на рыцарскія упражненія. Школою благороднаго мальчика былъ дворъ уважаемаго рыцаря; правда, отецъ руководилъ общимъ ходомъ воспитанія, но выполненіе его предоставлялъ другимъ: ученье считалось неотдѣлимымъ отъ службы, а для службы чужой домъ считался болѣе подходящимъ мѣстомъ, чѣмъ отцовскій. Низшая ступень этой службы проходилась до четырнадцатаго года; съ врученіемъ меча, которое совершалось предъ алтаремъ съ благословеніемъ священника, благородный отрокъ (juncserre, damoiseau) достигалъ высшей ступени; съ посвященіемъ въ рыцари рыцарскимъ ударомъ, котораго юноша достигалъ доказательствами мужества и рыцарскими подвигами и къ которому готовился молитвою, постомъ и принятіемъ Святыхъ Таинъ, онъ отпускался на свободу на двадцать первомъ году. Въ періодъ службы и обученія изучались прежде всего рыцарскія упражненія, начиная отъ умѣнья лазить и прыгать и кончая искусствомъ обороны и борьбы съ мечомъ и щитомъ въ рукахъ; далѣе церемоніалы всякаго рода, служеніе дамамъ, hovespil, т. е. общественныя игры, благопристойное поведеніе: mit zühten sprechen unde stên, игра на струнныхъ инструментахъ и пѣніе. Отъ обученія искусству письма рыцарскій ученикъ часто освобождался, но важное значеніе придавалось умѣнью senden durch vremde sprâche unt vremdin lant; нѣмецкій мальчикъ учился понимать итальянскія книги; не разъ упоминается также и объ изученіи латинскаго, даже греческаго языка. Но въ кругъ идей дворцоваго вѣка вводили юношество aventiuren, саги, стихотворенія, разсказы о рыцарскихъ подвигахъ всѣхъ временъ: si bezeigent vil gar waz ein ieglich man tuon sol, der nach

Digitized by Google

vrümcheit wil leben wol[1]); въ составъ этого образовательнаго элемента вносила нѣчто и древность въ передѣланныхъ въ романтическомъ духѣ сагахъ о Троянской войнѣ, странствованіяхъ Энея, военныхъ походахъ Александра[2]). Рыцарское образованіе — образованіе сословное и потому имѣетъ въ виду извѣстное призваніе, но оно построено на общихъ элементахъ духовной жизни, христіанскомъ, германскомъ, романскомъ и романтическомъ и не въ малой степени разсчитано на переработку личности[3]).

Какъ ни велика противоположность между придворною и городскою жизнью, однако учебныя учрежденія цеховъ обнаруживаютъ нѣкоторое сходство съ учрежденіями рыцарства; въ основѣ ихъ лежитъ то же самое предположеніе, что ученье и служба нераздѣльно связаны между собою, также соблюдаются въ нихъ строго разграниченныя ступени, которыя долженъ пройти ученикъ, чтобы сдѣлаться членомъ замкнутаго общества, и происходитъ такая же передача специфическихъ умѣній, обычаевъ, представленій, которые однако въ то же время стоятъ въ связи съ общимъ сознаніемъ и кругомъ идей времени, такъ что эти учебныя учрежденія, будучи профессіональными, все же могутъ считаться отраслью общеобразовательной дѣя-

---

[1]) Они разсказываютъ много такого, что долженъ дѣлать каждый, кто хочетъ жить по правдѣ.

[2]) Томазинъ Цирклэрскій въ „Итальянскомъ гостѣ“ (составленъ около 1216) указываетъ сказки, которыя должно слушать или читать юношество, чтобы развить въ себѣ мужество: Juncfrowen suln gern vernemen Andrômaches, dâ von si nemen mugen bilde und guote lêre, des habent si beidin, vrum und êre. Si suln hôren von Enit, daz si volgen âne nît; si suln ouch Penêlopê, der frowen, volgen und Oenonê, Galliânâ und Blanscheflor, Lucînia unt Sordamor: sint si niht alle chüneginne, si mugenz sin an schoenem sinne. Juncherrn suln von Gâwân hôrn, Clies, Êrec, Jwân unt suln rihten sine jugent gar nâch Gâwânes reiner tugent. Volgt Artûs, dem chünige hêre, der treit in vor vil guoter lêre; unt hapt ouch in iuwerm muot chünic, Charl, den helt guot. Lât niht verderben iuwer jugent: gedencht an Alexanders tugent. An gefuoge volget ir Tristande, Segremors, Kalogreânde. Wartâ, wartâ! wi si drungen di ritter von der tâvelrunden einer fürn ander ze vrumcheit.

[3]) Подробности о придворномъ образованіи въ средніе вѣка у A. Schultz'a. Das höfische Leben zur Zeit der Minnesänger, Leipzig 1879, I, стр. 120 и дал.

Digitized by Google

тельности. Цехи, на ряду съ своею ближайшею цѣлію оказывать покровительство и помощь своимъ членамъ, имѣли и другую цѣль: хранить и распространять ремесленныя умѣнья и испытанные на дѣлѣ ремесленные обычаи, поэтому они носили имя scholae, и полноправные члены ихъ назывались magistri, мастерами. Кто искалъ доступа къ ремеслу, отъ того требовалось, чтобы онъ „родился законнымъ и честнымъ образомъ, отъ законнаго брака, отъ отца и матери, по закону и установленію св. церкви“ [1]), потому что ремесло, т. е. цехъ, должно „быть чистымъ, какъ если бъ его очищали голуби“ [2]); принимаемые въ цехъ должны быть знакомы съ христіанскимъ ученіемъ, послѣ появленія школъ грамоты въ XIV вѣкѣ они приносили съ собою и элементарныя познанія; пріемъ производился не отдѣльнымъ мастеромъ, но цехомъ, какъ это выражаетъ формула: „съ согласія всего ремесла я хочу нанять этого мальчика“. Мастеръ долженъ былъ взять мальчика въ „ученье“, показывать ему, „какъ онъ долженъ дѣйствовать рукой“, прилично содержать его и регулярно посылать въ церковь; точно такъ же онъ долженъ былъ „давать ему немного (денегъ) на баню“, „потому что каждый рабочій, большой или малый, долженъ быть опрятнымъ и содержать свое тѣло въ чистотѣ, это полезно и для души“ [3]). А мальчикъ (также ученикъ, посыльный, служка) долженъ прилежно „слушать мессу и проповѣдь и учиться читать хорошія книги, быть прилежнымъ къ работѣ и искать чести не иначе, какъ черезъ честь Божію“ [4]). Мальчикъ уплачивалъ деньги за ученіе, но если онъ ничему не выучивался, то эти деньги возвращались мастеромъ родителямъ; если мальчикъ убѣгалъ вслѣдствіе дурного обращенія, то мастеръ не имѣлъ

---

[1]) Уставъ мукосѣевъ въ Данцигѣ 1412 г. у W. Stahl'я, Das deutsche Handwerk. Giessen 1874, I, стр. 100.

[2]) Выраженіе относится къ позднѣйшему времени, правило имѣло значеніе главнымъ образомъ для Германіи. Stahl, цитов. соч., стр. 94.

[3]) J. Jansen, Geschichte des deutschen Volkes. I, 2. стр. 341.

[4]) Тамъ же, стр. 329 изъ брошюры: „Eyn christlich ermanung“ изъ XV вѣка.

Digitized by Google

права принимать никакого другого, „такъ какъ плата за обученіе со стула не сходитъ". Успѣвающій мальчикъ становился среднимъ, ученикомъ, полуподмастерьемъ; въ рѣчи мастера при этомъ актѣ заключаются слѣдующія слова: „доселѣ ты былъ мальчикомъ и держался съ мальчиками, теперь ты будешь ученикомъ и будешь держаться съ учениками, а если Богъ сподобитъ тебя вступить въ число подмастерьевъ, ты будешь держаться и съ честными подмастерьями" [1]). Выпускъ ученика и возвышеніе его въ подмастерья производились на основаніи испытанія и связаны были съ торжественными церемоніями, при чемъ дѣло не обходилось безъ шутокъ, издѣвательствъ и насмѣшекъ надъ новичкомъ [2]). Подмастерье подчинялся еще власти мастера, однако онъ могъ выбирать себѣ послѣдняго; свое знаніе и умѣнье онъ расширялъ путешествіемъ, которое въ XIV вѣкѣ было уже общимъ обычаемъ, въ XV — обязательнымъ правиломъ. Усовершенствовавшись у своихъ и чужихъ мастеровъ, онъ „надѣется", т.-е. ожидаетъ возвышенія въ достоинство мастера, которое даетъ цехъ по мѣрѣ надобности на основаніи представленной образцовой работы. — Эти учебныя учрежденія сохранились и за предѣлами среднихъ вѣковъ до тѣхъ временъ, когда чувствовался только ихъ гнетъ, но уже не сознавалась ихъ польза; между тѣмъ съ устраненіемъ ихъ ремесленное обученіе утратило твердыя формы, которыхъ вовсе не замѣнила улучшенная народная школа вмѣстѣ съ реальною и ремесленною школою, и наше время все еще ищетъ того, что было въ распоряженіи среднихъ вѣковъ въ формѣ, соотвѣтствующей ихъ болѣе примитивнымъ и ограниченнымъ условіямъ: разумѣемъ ремесленную подготовку, которая давала ремесленнику хорошее техни-

---

[1]) Stahl, цитов. соч., стр. 222.

[2]) Hänseln или Hansen (насмѣшки) происходитъ отъ Hansa, и потому основное значеніе этого слова было бы: принимать въ союзъ. Обычай принимать новичковъ съ издѣвательствами и даже мученіями перешелъ къ ремесленнымъ цехамъ отъ купечества, а съ нимъ вмѣстѣ и имя, указанія у Stahl'я, цитов. соч., стр. 224 и дал.

Digitized by Google

ческое умѣніе и сословное самосознаніе на религіозно-нравственной основѣ.

Организованное городское общество должно было получить вліяніе на учебное дѣло и внѣ сферы цеховъ, и это вліяніе обнаруживается въ городскихъ школахъ средневѣковья, которыя учреждались частію городскими властями (совѣтскія школы, scholae senatoriae), частію частными лицами. Иногда, въ формѣ школъ грамоты или письма, эти городскія школы имѣли въ виду непосредственныя нужды экономическихъ сословій, иногда же онѣ воспринимали въ себя элементы ученаго образованія. Хотя мѣстное духовенство нерѣдко смотрѣло на нихъ косо, какъ на неудобныхъ конкурентовъ, однако въ общемъ онѣ не встрѣчали препятствія со стороны церкви въ своемъ развитіи и могли имѣть въ составѣ преподавателей какъ лицъ изъ бѣлаго духовенства, такъ и монаховъ[1]); но вмѣстѣ съ тѣмъ на эти школы опирается сословіе свѣтскихъ учителей, которое къ концу среднихъ вѣковъ сформировалось на подобіе цеха. Въ немъ распространены были наемъ и отпускъ на волю и другіе ремесленные обычаи, а также, ко вреду учебнаго дѣла, обычай странствованія, усвоенный не только школьниками, но и учителями. Мало связанные непрочными договорами

---

[1]) Какъ мало раздѣляли папы узкіе взгляды отдѣльныхъ церковныхъ органовъ, это показываетъ распоряженіе папы Александра III отъ 1170 года, которое вызвано было запрещеніемъ противъ одного содержателя школы въ Шалонѣ на Марнѣ со стороны тамошняго школьнаго наблюдателя. Для устраненія конфликта онъ обращается къ архіепископу Реймскому и пишетъ ему: Unde quoniam, cum donum Dei sit scientia litterarum, liberum esse debet cuique talentum gratiae cui coluerit erogare, fraternitati tuae per Apostolica scripta mandamus, quatenus tam Abbati quam Magistro scholarum praecipias, ne aliquem probum et litteratum virum regere scholas in civitate vel suburbiis, ubi voluerit, aliqua ratione prohibeant vel interdicere qualibet occasione praesumant (А посему, такъ какъ знаніе науки есть даръ Божій и въ виду этого каждый долженъ пользоваться свободою раздавать талантъ благодати, кому угодно, мы апостольскими писаніями повелѣваемъ твоему братству предписать какъ аббату, такъ и магистру школъ, чтобы они ни подъ какимъ видомъ не препятствовали и ни подъ какимъ предлогомъ не рѣшались запрещать какому-либо честному и образованному мужу управлять школами въ городѣ или подгородныхъ мѣстахъ, гдѣ захочетъ). Ср. Schwarz, Erziehungslehre. 2 Aufl. 1829, I, 2. Стр. 169.

Digitized by Google

съ городскими властями, учителя переходили съ мѣста на мѣсто, разбивая свои лавочки и вывѣшивая свои щиты. Та же самая страсть къ путешествіямъ овладѣла учениками, которые во главѣ со scholares vagantes или вакхантами также бродили въ поискахъ за пропитаніемъ и образованіемъ, — бродяжничество, которое представляетъ реакцію противъ твердыхъ и строгихъ формъ средневѣкового обученія.

Самое богатое слѣдствіями созданіе средневѣковья въ области обученія, — созданіе, въ которомъ какъ бы окончательно объединяются его образовательныя стремленія, представляютъ университеты. Они опираются на всѣ факторы средневѣковой жизни: они связаны съ церковью, такъ какъ своимъ главнымъ начальникомъ признаютъ папу, какъ высшаго правителя школъ, и въ своихъ богословскихъ факультетахъ становятся питомниками церковной науки; въ параллель рыцарству они представляютъ ученую аристократію, и выдающіеся члены ихъ могли высказывать притязанія на положеніе, равное съ nobiles; по своему коллегіальному устройству они сходны съ цехами городского сословія и въ своихъ степеняхъ: школярахъ, баккалаврахъ и магистрахъ, повторяютъ рядъ учениковъ, подмастерьевъ, и мастеровъ; они становятся могущественною опорою усиливающейся государственной власти и вмѣстѣ орудіемъ, при помощи котораго эта власть позднѣе все болѣе и болѣе овладѣвала образованіемъ; несмотря на свою кажущуюся ученую замкнутость, они связаны съ народною жизнію во всей ея широтѣ, и то изреченіе, которое вышло изъ Оксфорда, приложимо и къ другимъ университетамъ: Chronica si penses, cum pugnant Oxonienses, post paucos menses volat via per Angligenenses[1]). Соединяя въ себѣ учителей и учениковъ изъ земель всѣхъ владѣтелей и раздавая степени, признаваемыя во всемъ христіанскомъ мірѣ, университеты развивали интеллек-

[1]) Разсмотри хроники и увидишь, что когда сражаются въ Оксфордѣ, то чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ спорятъ по всей Англіи.

Digitized by Google

туальныя сношенія между европейскими націями и существеннымъ образомъ содѣйствовали тому, что духовныя движенія, вызванныя крестовыми походами, схоластикою и позднѣе гуманизмомъ и религіозными состязаніями, распространялись въ очень широкой сферѣ.

Подобно отношеніямъ этихъ оригинальныхъ учрежденій, разнообразны и обстоятельства ихъ происхожденія. Нѣкоторые университеты развились изъ болѣе древнихъ духовныхъ школъ, то путемъ расширенія schola externa и превращенія ея въ самостоятельное учрежденіе, какъ, напр., Кембриджскій университетъ [1]), то путемъ присоединенія другихъ учрежденій, какъ университетъ Парижскій [2]); Оксфордъ относитъ свое происхожденіе къ конституціонному акту мѣстнаго князя, если только построенныя Альфредомъ Великимъ aulae (дворцы) можно считать началомъ этого учрежденія [3]); рядъ многочисленныхъ, основанныхъ князьями, университетовъ открываетъ университетъ Неаполитанскій, созданіе императора Фридриха II. Въ Болоньѣ изученіе юридическихъ наукъ стояло въ связи съ императорскимъ судомъ, представители котораго работали въ качествѣ учителей; оно достигло здѣсь высокаго развитія благодаря Ирнерію, который въ началѣ XII вѣка

---

[1]) Родоначальникомъ Кембриджа является монастырь Круландъ или Кройландъ, аббатъ котораго Гойсфредъ, получившій свое образованіе въ Орлеанѣ и управлявшій монастыремъ съ 1109 по 1124, поселилъ нѣкоторыхъ изъ своихъ учениковъ въ имѣніи Коттенгамъ при Кембриджѣ. Отсюда монахи каждый день ходили въ Кембриджъ, чтобы обучать мальчиковъ грамматикѣ, болѣе зрѣлыхъ — діалектикѣ, а позднѣе реторикѣ и теологіи; сначала достаточно было для этого одного зданія, но потомъ пришлось раздѣлить жаждущихъ знанія по различнымъ домамъ и школамъ, и уже предъ концомъ XII вѣка изъ этого учрежденія выходили учителя и преподаватели на всю Англію. Ср. Hurter, Kirchliche Zustände zu Papst Innocenz III Zeiten. Bd. IV, стр. 558. — Huber, Die englischen Universitäten. Kassel 1839, стр. 103.—A. Zimmermann, Die Universitäten Englands im XVI Jahrhundert 1889.

[2]) Зародышъ его составляетъ соборная школа при церкви Notre Dame, въ которую превратилась болѣе древняя придворная школа; къ ней присоединилась школа св. Виктора, школа Августиновскаго общежитія, основаннаго Вильгельмомъ де Шампо, равно какъ монастырская школа св. Женевьевы и болѣе мелкія свѣтскія школы. Ср. Hahn, Das Unterrichtswesen in Frankreich. Breslau 1848, стр. 15 и дал.

[3]) Huber, цитов. соч. I, 57 и дал.

Digitized by Google

читалъ лекціи, привлекавшія къ себѣ большое число слушателей. Въ Салерно толпа учениковъ, собравшаяся около Константина Карѳагенскаго, крещенаго іудея, положила начало знаменитой врачебной школѣ. Тамъ, гдѣ въ основѣ лежали болѣе древнія школы, universitas составляли учителя, а гдѣ, какъ въ Болоньѣ, Салерно и ихъ развѣтвленіяхъ, университеты обязаны были своимъ происхожденіемъ кружкамъ слушателей, тамъ учителя попали въ зависимость отъ школяровъ, которые составляютъ товарищество и выбираютъ ректора и магистровъ; но обѣ эти основныя формы совпадаютъ въ томъ отношеніи, что университетскія учрежденія являются корпораціями съ автономнымъ управленіемъ. Ихъ автономія прежде всего и съ самаго начала обнаруживается въ правѣ возводить въ достоинство учителя (magister, doctor), тогда какъ за канцлеромъ, какъ духовнымъ начальникомъ, оставалась еще привилегія давать право на преподаваніе; присужденіе низшей степени баккалавра сначала было дѣломъ отдѣльныхъ преподавателей, но съ 1250 года отнесено было къ функціямъ всего общества, т. е. университета, и такимъ образомъ основана была система степеней [1]); собственный судъ и другія привилегіи были внѣшними гарантіями самостоятельности учительскихъ корпорацій. Предметъ обученія въ университетахъ по сю сторону горъ первоначально былъ тотъ же самый, какъ въ монастырскихъ и соборныхъ школахъ: образовательныя науки, т. е. теологія и свободныя искусства (artes); послѣднія преподавались и въ юридическихъ и медицинскихъ школахъ Италіи. Система факультетовъ (ordines) возникла вслѣдствіе отдѣленія богословскаго преподаванія отъ преподаванія искусствъ и вслѣдствіе позднѣйшаго присоединенія римскаго права и медицины. Положеніе universitatem esse fundatam in artibus (университетъ основанъ на искусствахъ) ближайшимъ образомъ указываетъ на это историческое отношеніе

[1]) Huber, цит. соч. стр. 37 и дал.

Digitized by Google

между факультетами, но затѣмъ получаетъ тотъ смыслъ, что общее, извлекаемое изъ свободныхъ искусствъ, образованіе должно быть основою спеціальныхъ занятій. Равнымъ образомъ идея, что университетъ является представителемъ всей совокупности наукъ, появилась лишь въ дальнѣйшемъ его развитіи; имя universitas первоначально относится не къ совокупности знанія, но къ союзу учителей, а отчасти и учениковъ, другое обычное названіе studium generale указываетъ на признаваемую всюду дѣйствительность академическихъ дипломовъ; но затѣмъ происходитъ богатая слѣдствіями перемѣна въ значеніи словъ, напоминающая ту, какая въ древности имѣла мѣсто съ выраженіемъ ἐγκύκλιος, которое съ носителей образованія перенесено было на его содержаніе (стр. 25—26 и 184).

Зерномъ духовныхъ школъ, назначавшихся не только для обученія, но и для воспитанія, было общежитіе, которое составляло внутреннюю школу; университеты, выросшіе отчасти изъ внѣшнихъ школъ и бывшіе прежде всего учебными заведеніями, сначала не имѣли такого зерна и должны были чѣмъ-либо замѣнить его. Къ этому должны были побуждать многія обстоятельства. Прежде всего въ средніе вѣка господствовалъ взглядъ, что съ обученіемъ связано и воспитаніе, и что путь къ образованію идетъ чрезъ дисциплину. Затѣмъ, хотя въ число школяровъ извѣстный контингентъ доставлялся болѣе или менѣе зрѣлымъ возрастомъ, однако не менѣе значительную часть ихъ составляло и нуждающееся еще въ воспитаніи юношество. Наконецъ, монастыри, посылавшіе своихъ членовъ въ университеты, признавали необходимымъ устраивать для нихъ нѣчто въ родѣ ограды, т. е. какъ бы перемѣщать въ университетскій городъ свою внутреннюю школу. Учрежденіемъ, которое въ извѣстномъ отношеніи замѣняло внутреннюю школу, являются коллегіи, бурсы, залы, кодеріи, т. е. общежитія школяровъ, въ которыхъ послѣдніе находили пищу и жилище, состояли подъ надзоромъ особыхъ начальниковъ (provisores), наблюдавшихъ за

Digitized by Google

ихъ нравами и прилежаніемъ, и пользовались услугами особыхъ преподавателей, подготовлявшихъ къ университету или помогавшихъ при изученіи наукъ университетскаго курса. Сліяніе такихъ учрежденій съ университетами совершилось тѣмъ легче, что послѣдніе сами имѣли тенденцію къ общежительной организаціи. Они, какъ говоритъ одинъ новѣйшій изслѣдователь, были „коллегіальными учрежденіями съ болѣе свободною организаціей, на которыхъ изъ двухъ задачъ такихъ учрежденій, богослуженія и обученія, существеннымъ образомъ лежала послѣдняя“ [1]). Развитіе коллегіальныхъ учрежденій принимало весьма разнообразныя формы: въ Оксфордѣ и Кембриджѣ они сдѣлались центромъ тяжести университета и задерживали развитіе факультетовъ; въ Парижѣ выросли коллегіи, развившія, подобно коллегіи Сорбонской (учреждена въ 1255), собственную значительную преподавательскую дѣятельность, и въ срединѣ XV вѣка принадлежавшіе къ коллегіямъ школяры составляли большинство; однако университетское преподаваніе въ собственномъ смыслѣ этого слова сохранило свое господствующее положеніе; въ Германіи бурсы не достигли такого авторитета, но получили вліятельное положеніе благодаря тому, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напр. въ Кёльнѣ, онѣ сдѣлались подготовительными учрежденіями и въ качествѣ такихъ учрежденій въ XV вѣкѣ назывались и именемъ gymnasia [2]).

---

[1]) Paulsen, Geschichte des gelehrten Unterrichts 1885, стр. 15.

[2]) Wiese, Das höhere Schulwesen in Preussen. Berlin 1864. I, стр. 338. Слово gymnasium, въ большинствѣ случаевъ въ формѣ gignasium или gingnasium, сохраняя свое основное значеніе: состязательная школа, въ средніе вѣка употребляется для обозначенія монастырей, но употребляется также и въ смыслѣ образовательнаго учрежденія. Такъ, по Ducange'у (см. слово Gymnasium), объ одномъ аббатѣ изъ Монте Кассино говорится: hoc sacrum Gymnasium regere promeruit (онъ удостоился чести управлять этой священной гимназіей); и выраженіе gymnasium monasteriale объясняется въ смыслѣ указанія на studium vitae praesentis agonizando percurrere (искусство проходить школу настоящей жизни путемъ борьбы); монастырь Бекъ съ его знаменитою школой называется gignasium Lanfranci; о двухъ единомышленникахъ говорится: acsi essent in uno gingnasio educati (какъ будто они воспитаны были въ одной гимназіи). Кружокъ философовъ, который поддерживалъ папа Урбанъ IV,

Digitized by Google

Такъ какъ facultas artium (факультетъ искусствъ) взялъ на себя преподаваніе основныхъ общеобразовательныхъ предметовъ, то въ учебномъ матеріалѣ не было достаточныхъ основаній для общей организаціи подготовительныхъ школъ, которыя также могли избрать своимъ предметомъ только artes (словесныя искусства), и въ этомъ отношеніи средневѣковые университеты одновременно выполняютъ функцію нашихъ высшихъ школъ и гимназій. Но мѣстныя условія не разъ вызывали частію отдѣленіе элементарныхъ учрежденій, частію введеніе болѣе мелкихъ школъ въ сферу вліянія университетовъ, т. е. создавали ученую подготовительную школу. Такъ, въ Англіи великій канцлеръ епископъ Уайкгамъ (Wykeham) Винчестерскій не только основалъ коллегію въ Оксфордѣ, Newcollege (1386), но и пансіонъ для 70 учениковъ — соотвѣтственно числу учениковъ Спасителя — въ своей епископской резиденціи, Winchestercollege, какъ школу подготовительную въ отношеніи къ первой, и въ подражаніе ему король Генрихъ VI одновременно основалъ Kings-College (Королевскую коллегію) въ Кэмбриджѣ и подготовительную Eton-College (Итонскую коллегію) (1441) для такого же числа учениковъ [1]). Парижскій университетъ уже въ XIII вѣкѣ руководилъ многочисленными латинскими школами въ городѣ и внѣ его [2]), а Пражскій въ началѣ XV вѣка былъ средоточіемъ всѣхъ свѣтскихъ школъ Богеміи [3]).

Университеты среднихъ вѣковъ не свободны были отъ нѣкоторыхъ недостатковъ; ихъ цеховое устройство стѣсняетъ свободу движенія учителей, ихъ преподаваніе

называется philosophiae gymnasium (Jourdain, Geschichte der arist. Schrift. Übers. von Stohr, 1831, стр. 55). Для обозначенія руководителя школы встрѣчается имя gignasiarcha, для обозначенія учениковъ gignasista. Но какъ въ средніе вѣка, такъ и въ эпоху Возрожденія это слово не было техническимъ выраженіемъ для обозначенія особаго рода школы. Ср. § 23.

[1]) Schöll въ Энциклопедіи Шмида, III[1], стр. 80 и A. Zimmermann, Englands öffentliche Schulen. 1891.

[2]) Bücheler, тамъ же II[1], стр 444.

[3]) Tomek, Geschichte der Prager Universität 1849, стр. 41. Ср. 187 и дал.

Digitized by Google

ограничивается сухимъ диктантомъ и комментированіемъ текстовъ, ихъ диспуты кажутся намъ пустыми и безплодными. Однако эти учрежденія представляютъ замѣчательное явленіе въ исторіи образованія; въ первый разъ въ лицѣ университетовъ появляются автономныя учебныя корпораціи, соціальные организмы, снабженные правами, обновляющіеся принятіемъ въ свою среду новыхъ членовъ, занимающіеся исключительно развитіемъ и распространеніемъ знанія. Они становятся хранилищами ученыхъ познаній во всемъ ихъ объемѣ; въ союзѣ факультетовъ они воплощаютъ единство науки, а въ распредѣленіи ихъ по ступенямъ — принципъ, что ученіе о дѣлахъ божескихъ должно предшествовать ученію о дѣлахъ человѣческихъ, и основанная на первомъ философія — служить связью между отдѣльными науками, а поэтому и учебныя занятія должны переходить отъ общихъ наукъ къ спеціальнымъ, отъ образованія къ спеціальному знанію. Если свобода преподаванія была условная, то свобода изученія была полная и возвышалась однообразнымъ устройствомъ университетовъ, общераспространенностью языка преподаванія и учебныхъ пособій, благодаря которой возможны были свободныя передвиженія учащихся, не ограниченныя никакими мѣстными предѣлами.

§ 19.

Соотвѣтственно производному характеру своей культуры, народы среднихъ вѣковъ искали содержанія для своего образованія, прежде всего, въ тѣхъ элементахъ, которые пришли къ нимъ со стороны и привели ихъ духовную жизнь въ движеніе: въ христіанствѣ и въ античныхъ традиціяхъ, и только на второмъ планѣ — въ томъ, что произвела ихъ собственная народность. Высшее знаніе представляла теологія; она была послѣднею цѣлію ученыхъ занятій, средоточнымъ пунктомъ, къ которому направлены были всѣ образовательныя дисциплины. Для послѣднихъ древность въ системѣ

Digitized by Google

семи свободныхъ искусствъ давала готовую уже наполненную схему, которая пріобрѣла каноническій авторитетъ; седмеричному числу приписывали высшій смыслъ, считали упомянутыя дисциплины семью столпами мудрости или семью ступенями возвышенія духа, сравнивали ихъ съ семью планетами, семью добродѣтелями и такъ далѣе. Ихъ значеніе и взаимодѣйствіе часто занимало рефлексію, фантазію, остроуміе; оно изслѣдуется въ прозѣ и поэзіи, раскрывается въ стихахъ, назначенныхъ для запоминанія[1]). Античное имя artes liberales удерживается, но въ немъ уже не видѣли указанія на образованіе свободнаго человѣка; по примѣру Кассіодора слово liberalis производили отъ слова liber, книга, слѣдовательно подъ artes разумѣли книжныя науки. Другимъ названіемъ ихъ было sapientia Hybernica или methodus H., — названіе, которое напоминаетъ о руководящей роли ирландскихъ монаховъ въ учебномъ дѣлѣ ранняго средневѣковья.

Грамматика, діалектика и реторика называются trivium, artes triviales, a. sermonicinales, a. rationales, logica; діалектика какъ въ порядкѣ изученія, такъ и по рангу занимаетъ второе мѣсто. Математическія дисциплины: ариѳметика, геометрія, музыка, астрономія обо-

---

[1]) Такъ, все это часто встрѣчаемъ у Алкуина, De arte gramm. in.; Epist. 78; Carmen de Pontif. et Sanct. Eccl. Ebor. 1431 sq. и въ другихъ мѣстахъ, у Рабана Мавра, De inst. cleric. c. 18 sq., у Вильгельма Конхезія (von Conches), de elem. philos. въ Opp. Bedae. Basil. 1563 II, p. 313, у Гуго де Сенъ-Викторъ, Erud. did. III, 3, и у другихъ. Поэтическое описаніе artes, составленное Вальтеромъ фонъ Шпейеромъ, у Pez Thes. Anecd. II, 3, p. 27. Трактуютъ объ этомъ и минне- и мейстерзенгеры, такъ Генрихъ д'Андели (см. ниже), Мускатблютъ, Михель Бехаймъ. Ср. Liliencron: Über den Inhalt der allg. Bildung zur Zeit der Scholastik. München 1876, стр. 35. Часто встрѣчаются картинныя изображенія этой системы; уже Алкуинъ описываетъ картину такого рода. Изъ заучиваемыхъ на память стиховъ самыми употребительными являются гекзаметръ: Lingua, tropus, ratio, numerus, tenor, angulus, astra и варварское двустишіе: Gram loquitur, Dia vera docet, Rhe verba colorat, Mus canit, Ar numerat, Geo ponderat, As colit astra. — Въ политическихъ стихахъ византійскій ученый Тцетцесъ (Tzetzes) въ *Χιλιάδες*, II, 525 и дал. перечисляетъ искусства: *Ὁ κύκλος καὶ συμπέρασμα πάντων τῶν μαθημάτων Γραμματικῆς, ῥητορικῆς, αὐτῆς φιλοσοφίας, Καὶ τῶν τεσσάρων τε τεχνῶν τῶν ὑπ' αὐτὴν κειμένων, Τῆς ἀριθμούσης, μουσικῆς καὶ τῆς γεωμετρίας καὶ τῆς οὐρανοβάμονος αὐτῆς ἀστρονομίας.*

Digitized by Google

значаются терминомъ quadrivium, который произошелъ отъ неправильнаго толкованія слова trivium, но встрѣчается уже у Боеція; онѣ называются также artes quadriviales, reales или physica, mathematica; въ опредѣленіи порядка ихъ руководящее значеніе имѣлъ Кассіодоръ [1]). Изъ учебниковъ употреблялись сочиненія Марціана Капеллы, Кассіодора, Боеція, а также многочисленныя обработки всей системы и отдѣльныхъ дисциплинъ, которыя породило средневѣковье и въ которыхъ учебный матеріалъ излагается то въ катехетической, то въ поэтической формѣ, то въ распространенномъ, то въ сокращенномъ или табеллярномъ видѣ [2]).

Несмотря на высокое уваженіе, какимъ пользовалась система свободныхъ искусствъ, и несмотря на убѣжденіе въ ихъ органической связи между собою, члены этой системы имѣли однако неодинаковое значеніе для духовной жизни, а съ теченіемъ времени мы видимъ и

---

[1]) Порядокъ искусствъ у Марціана Капеллы, который примыкаетъ къ Варрону: 1) грамматика, 2) діалектика, 3) реторика, 4) геометрія, 5) ариѳметика, 6) астрономія, 7) музыка; у Кассіодора: 1) грамматика, 2) реторика, 3) діалектика, 4) ариѳметика, 5) музыка, 6) геометрія, 7) астрономія.

[2]) Литература учебниковъ по грамматикѣ и реторикѣ указана у Eckstein'a, въ статьѣ „Lateinische Sprache" въ Энциклопедіи Шмида XI[1], 507 и дал. Интересныя подробности о грамматикѣ среднихъ вѣковъ и ея учебной постановкѣ сообщаетъ Ch. Thurot въ Notices et extraits de divers manuscrits latins pour servir à l'histoire des doctrines grammaticales au moyen-âge, 1868, въ 22 томѣ Not. et ext. des man. de la biblioth. impériale. Учебники діалектики у Prantl'я, Geschichte der Logik II; математики у Cantor'a, Vorlesungen über Geschichte der Mathematik, I, Lpzg. 1880, стр. 703 и дал. Табеллярные компендіумы у Lipowsky, Das Schulwesen Bayerns 1836. — Послѣднимъ знаменитымъ средневѣковымъ учебникомъ, обнимающимъ всѣ матеріи artes съ разными прибавками, является Margaritha philosophica картезіанца Грегора Рейша отъ XV вѣка; онъ обнимаетъ 12 книгъ: I. De rudimentis grammatices. II. De principiis logices. III. De partibus orationis, de memoria, de condendis epistolis. IV. Arithmetica. V. De principiis musicae: и именно musicae speculativae и practicae. VI. De elementis geometriae, опять speculativae и practicae. VII. De principiis astronomiae. VIII. De principiis rerum naturalium. IX. De origine rerum naturalium. X. De anima. XI. De potentiis animae. XII. Principia philosophiae moralis. Форма діалогическая, въ страссбургскомъ изданіи 1215 года есть заглавныя виньетки и иллюстраціи. Въ Appendix помѣщены: Graecarum litterarum institutiones, Hebraicarum litterarum rudimenta, musicae figuratae institutiones, architecturae rudimenta, compositio quadrantum, astrolabii, torqueti, polymetri съ многочисленными рисунками.

Digitized by Google

нѣкоторую перемѣну въ оцѣнкѣ ихъ. Квадривіумъ никогда не достигалъ общаго значенія, какое имѣлъ тривіумъ; наоборотъ, въ большинствѣ случаевъ его оставляли на долю ученыхъ спеціалистовъ, тѣмъ болѣе, что матеріалъ квадривіума, который сначала почерпали только изъ старинныхъ энциклопедій и у грамматиковъ (§ 12, стр. 214—216), увеличился благодаря распространенію открытыхъ арабами сочиненій Эвклида[1]). Правда, нѣтъ недостатка въ примѣрахъ глубокаго погруженія въ тайны пространства и числа[2]), цѣнили также и апріорный характеръ математики[3]), но въ средніе вѣка она не могла еще возвыситься до значенія настоящаго фермента образованія. Только прикладныя науки: музыка и астрономія, находятъ точки соприкосновенія съ руководящими интересами; заботы о церковномъ пѣніи побуждали къ изслѣдованію музыкальныхъ отношеній и къ усовершенствованію ихъ обозначенія, а подвижные праздники церковнаго года вызывали для духовныхъ лицъ необходимость понимать календарь[4]). Но знаніе календаря и міровой системы часто встрѣчается и въ кругахъ свѣтскихъ лицъ; взаимоотношеніе птоломеевыхъ сферъ, ихъ группировка около центральнаго тѣла земли, легкость установленія связи съ христіанскими представленіями дѣлали вселенную доступнѣе

---

[1]) Эвклидъ впервые переведенъ былъ на латинскій языкъ съ арабскаго Аделярдомъ Батскимъ, авторомъ перевода, извѣстнаго подъ именемъ: Текстъ Кампана. Ср. Sprenger, Muhamed. Berlin 1861, I, стр. III[1].

[2]) Ср. описаніе прилежныхъ, тянувшихся и въ зимнія ночи, занятій Гуго де Сенъ-Викторъ въ его Eruditio didascalica VI, 3.

[3]) Такъ у Рабана de inst. cler. c. 22 sq. и дал. Изъ схоластиковъ болѣе всѣхъ выдвигаетъ математику Роджеръ Бэконъ, называя ее alphabetum philosophiae. Erdmann, Grundriss I[2]. § 212. 5.

[4]) Для ознакомленія съ календаремъ служило учебное пособіе, характерное для вкуса среднихъ вѣковъ: стихи Cisio-janus, происходящіе отъ X или XI вѣка. Праздники января: Circumcisio Domini (1 января), Epiphania (6), Octava Epiphaniae (13), Felix (14), Marcellus (16), Antonius (17), Prisca (18), Fabianus (20), Agnes (21), Vincentius (22), Conversio Pauli (25), Polycarpus (26), Carolus M. (28), помѣщены въ стихахъ для заучиванія: Cisio-janus Epi sibi vendicat Oc Feli Mar An Prisca Fab Ag Vincenti Pau Pol Car nobile lumen, при чемъ число соотвѣтствующаго дня мѣсяца указывается мѣстомъ, какое занимаетъ въ стихѣ первый слогъ сокращеннаго слова: E—6 слогъ, Fe—14 и т. д.

Digitized by Google

для разсудка, фантазіи, поэзіи, чѣмъ наша далеко подвинувшаяся впередъ астрономія. Самый значительный даръ, который принесла математика въ средніе вѣка для интеллектуальной жизни всего общества, есть индійская цифровая система, распространенная арабами, которая, впрочемъ, уже поздно сдѣлалась общимъ достояніемъ [1]).

Изученіе тривіума было очень распространено, и онъ-то представляетъ образовательныя занятія въ болѣе тѣсномъ смыслѣ; но въ оцѣнкѣ дисциплинъ тривіума позднѣйшіе вѣка существенно уклоняются отъ взгляда болѣе древнихъ, и поворотнымъ пунктомъ было здѣсь появленіе схоластики въ началѣ XII вѣка. Досхоластическій періодъ ближе держался опредѣленій отцовъ церкви о научныхъ занятіяхъ; такъ, напр., Рабанъ Мавръ въ своемъ сочиненіи объ образованіи духовенства почти только воспроизводитъ тѣ точки зрѣнія, которыя указалъ Августинъ въ „Христіанскомъ ученіи" (§ 16, стр. 253 и дал.). Грамматика считается основаніемъ и матерью всѣхъ искусствъ, такъ какъ она учитъ правильно писать и говорить и объяснять тексты; она является поэтому и органомъ теологіи, такъ такъ послѣдняя въ это время еще не получила систематической формы, но ограничивалась изъясненіемъ Св. Писанія и отцовъ. Изученіе древнихъ авторовъ старались согласовать съ богословскими занятіями, главнымъ образомъ,

---

[1]) О значеніи этой системы ученые среднихъ вѣковъ имѣли еще недостаточно ясное представленіе. Викентій де Бове очень сухо сообщаетъ объ этомъ въ его время еще довольно молодомъ нововведеніи въ Speculum doctrinae c. 16: „Inventae sunt novem figurae tales (слѣдуютъ цифры); quaelibet in primo loco ad dexteram posita significat unitatem vel unitates, in secundo denarium vel denarios, in tertio centenarium cet.; quaelibet figura posita in secundo loco significat decies magis quam in primo et sic in infinitum. Inventa est igitur decima figura talis 0 nihilque repraesentat, sed facit aliam figuram decuplum significare. (Изобрѣтены девять слѣдующихъ фигуръ — слѣдуютъ цифры; — всякая фигура, стоящая на первомъ мѣстѣ справа, обозначаетъ единицу или единицы, на второмъ десятокъ или десятки, на третьемъ сотню и проч.; всякая фигура, стоящая на второмъ мѣстѣ, обознач етъ въ десять разъ болѣе, чѣмъ на перномъ, и такъ до безконечности. Изобрѣтена и десятая такая фигура 0 и она не обозначаетъ ничего, но показываетъ, что другая фигура обозначаетъ въ десять разъ болѣе).

Digitized by Google

путемъ символическаго изъясненія; Виргилія и Сенеку считали полухристіанами; у Горація, котораго называли ethicus, нравственнымъ, Алкуинъ заимствовалъ прозвище Флакка, которое онъ носилъ въ тонко образованномъ кружкѣ, собравшемся около Карла Великаго; Гербертъ со своими учениками читалъ также Теренція, Ювенала, Лукана, Цицерона, Цезаря, Саллюстія и другихъ. Въ латинскомъ языкѣ старались держаться, по крайней мѣрѣ, поближе къ древнимъ, хотя и не совсѣмъ понимали различія между классическимъ и позднѣйшимъ римскимъ стилемъ. Реторика ставилась въ связь съ теологіей чрезъ примѣненіе ученія о тропахъ и фигурахъ къ Св. Писанію; сравнительно съ ея положеніемъ въ древности, значеніе ея, конечно, было лишь незначительнымъ, такъ какъ средніе вѣка, хотя и сохранили аппаратъ этой дисциплины, но утратили живой интересъ къ словесному искусству; въ учебникахъ отмѣчается, что изученіе реторики не должно стѣснять болѣе настоятельныя и высокія потребности, и что оно можетъ быть полезнымъ лишь при быстромъ усвоеніи, возможномъ только при соотвѣтствующемъ талантѣ, а въ противномъ случаѣ можетъ быть замѣнено слушаніемъ или чтеніемъ ораторовъ [1]). Наконецъ, діалектика, искусство oratio concisa (краткой рѣчи), какъ понимаетъ ее Кассіодоръ, получаетъ свое значеніе частію вслѣдствіе тѣхъ формальныхъ услугъ, какія она оказываетъ всякому изслѣдованію, частію какъ оружіе противъ софизмовъ лжеучителей. Изученіе ея до середины XII вѣка опиралось на учебники Боеція, Введеніе Порфирія и Аристотелевскія сочиненія de categoriis и de interpretatione, составляющія такъ называемую vetus logica.

Внѣшнимъ толчкомъ къ необычайному размаху діалектическихъ занятій и вмѣстѣ къ перемѣнѣ въ образовательныхъ стремленіяхъ послужило ознакомленіе съ Аристотелевскимъ органономъ въ цѣломъ его объемѣ. Этотъ органонъ и сдѣлался орудіемъ схоластики. Снова ожививъ

[1]) Rhabanus, 1, 1, cap. 19.

Digitized by Google

спекулятивные элементы теологіи и взявшись за систематическое построеніе этихъ элементовъ, схоластика должна была дать иную форму и тѣмъ занятіямъ, которыя служили для подготовки къ теологіи и ко всѣмъ наукамъ, и искусство опредѣленія, различенія, доказательства, диспутированія, систематизированія должно было получить совершенно иное значеніе, чѣмъ какое приписывалось ему ранѣе. Такимъ образомъ знакомство со всѣмъ аппаратомъ логическихъ формулъ, которыми тотчасъ же распространили античную логику, сдѣлалось потребностію для человѣка ученаго образованія; искусство диспутировать стало казаться прекрасной школой для всякой науки и всякаго изслѣдованія; безъ точно согласованныхъ съ правилами схоластики За и Противъ, Если и Но считали невозможнымъ высказать какое-либо сужденіе о какомъ бы то ни было предметѣ и полагали, что необходимо какъ можно ранѣе налагать на юношество тернистое изученіе силлогизмовъ. Чѣмъ въ античныхъ ораторскихъ школахъ было произнесеніе рѣчи и декламація, тѣмъ въ высшихъ школахъ былъ публичный диспутъ; не только магистры и школяры, но и князья и сановники любили слушать діалектическіе турниры;— говорятъ, Карлъ IV, просидѣвъ долгое время за однимъ диспутомъ, заявилъ, что, насытившись этимъ удовольствіемъ, онъ уже не нуждается въ обѣдѣ — и даже въ народъ проникла нѣкоторая доля увлеченія столкновеніемъ и борьбою основаній за и противъ. Но предъ этимъ новымъ интересомъ грамматико-литературныя занятія отступили на задній планъ: число античныхъ школьныхъ авторовъ уменьшилось и въ преподаваніе стали вводить современныхъ писателей; грамматики приспособились къ господствующему словоупотребленію и узаконили его барбаризмы; вслѣдствіе примѣненія діалектики къ языку возникла наука модистовъ, названная такъ по заглавію ихъ сочиненій de modis significandi, замѣняемому иногда другимъ заглавіемъ: grammatica speculativa[1]). Реторика, благодаря изученію

[1]) Eckstein, цит. соч., стр. 513.

Digitized by Google

права, особенно возродившагося римскаго, получаетъ практическое направленіе: она называется громкимъ именемъ liberalium artium imperatrix et utriusque juris alumna[1]) и производитъ побочную вѣтвь въ формѣ ars dictandi, ученія о правильномъ употребленіи письменнаго и дѣлового стиля[2]). Друзья античной поэзіи и ораторскаго искусства встрѣчались не часто и только немногія школы посвящали себя ихъ изученію; городомъ классическихъ авторовъ и грамматики былъ Орлеанъ[3]); съ ученой и даже эстетической точки зрѣнія изучалъ древнихъ писателей кружокъ, собравшійся около Бернарда Шартрскаго (родился около 1070 года), къ которому принадлежали Вильгельмъ Конхезій, Аделярдъ Батскій и Іоаннъ Салисберійскій; въ Шартрской школѣ въ ходу была пословица, что новые люди сидятъ на плечахъ древнихъ, какъ карлики на великанахъ[4]). Культу Аристотеля противопоставляли здѣсь изученіе Платона, которое вызывало и интересъ къ математикѣ, какъ показываетъ Аделярдъ, познакомившій западъ съ Эвклидомъ. Противоположность между схоластическимъ и ан-

---

[1]) Повелительница свободныхъ искусствъ и воспитанница обоихъ правъ.

[2]) Объ ars dictandi ср. Rockinger, Sitzungsberichte der k. bayerischen Akademie d. Wissenschaften 1871, I, стр. 98 и дал.; задачею этого искусства ставится congrua et apposita litteralis editio de quolibet vel mente retenta vel sermone aut litteris declarata (вѣрное и точное литературное изложеніе чего-либо, содержимое въ умѣ или опубликованное посредствомъ рѣчи или письма).

[3]) Главный предметъ занятій въ различныхъ университетахъ указывается въ одномъ мѣстѣ изъ Гелиандa, цистерціанскаго монаха, †1227: Ecce quaerunt clerici Parisiis artes liberales, Aureliani auctores, Bononiae codices (corpus juris), Salerni pyxides, Toleti daemones (алхимія) — въ Парижѣ клирики занимаются свободными науками, въ Орлеанѣ — классиками, въ Болоньѣ — правомъ, въ Салерно — банками (медициной), въ Толето — демонами (алхиміей). У Thurot, цит. соч., стр. 114[2], говорится: Aurelianis Educat in cunis autorum lacte tenellos (въ Орлеанѣ нѣжная юность съ колыбели питается молокомъ авторовъ).

[4]) Это изреченіе, которое часто повторяли Бернардъ, а также Петръ де Блуа, гласитъ: Nos esse quasi nannos gigantium humeris insidentes, ut possimus plura iis et remotiora videre, non utique proprii visus acumine aut eminentia corporis, sed quia in altum subvehimur et extollimur magnitudine gigantea. (Мы какъ карлики, сидящіе на плечахъ гигантовъ, чтобы намъ можно было видѣть болѣе и далѣе ихъ, не силою собственнаго зрѣнія и превосходствомъ тѣла, но потому, что насъ возводитъ и поднимаетъ на высоту величіе гигантовъ). Ср. Schaarschmidt, Joh. Saresbriensis. Lpzg. 1862, стр. 60 и дал.

Digitized by Google

тичнымъ направленіемъ изобразилъ Генрихъ д'Андели, трубадуръ XIII вѣка, въ аллегорическомъ стихотвореніи: „Битва семи искусствъ"; сражающіеся противники — орлеанскіе и парижскіе ученые; первые борются подъ знаменемъ грамматики, и соратниками ихъ являются древніе авторы[1]), послѣдніе идутъ подъ знаменемъ логики, и вспомогательныя войска ихъ — теологія, физика, хирургія, мантика и квадривіумъ; побѣждаютъ парижане, но поэтъ предсказываетъ, что наступитъ нѣкогда время, когда авторы снова будутъ возстановлены въ старомъ рангѣ.

Пророчество это исполнилось съ появленіемъ гуманистовъ въ XV вѣкѣ; тѣ изъ нихъ, которые враждебно относились къ церкви, распространили дурную славу о схоластическомъ образованіи и затруднили безпристрастное отношеніе къ этому явленію. Легче показать безплодность и смѣшныя стороны искусства схоластическихъ диспутовъ, чѣмъ оцѣнить тѣ духовныя произведенія, какія произвелъ этотъ періодъ; „когда строятъ цари, есть дѣло и извозчикамъ": изъ-за діалектической черной работы, которою все переполнено въ это время, не слѣдуетъ забывать поистинѣ царскихъ сооруженій, какія выполнили Альбертъ, Ѳома, Бонавентура. Школьная постановка діалектики похожа на украшенія въ готической архитектурѣ; взору не слѣдуетъ останавливаться на нихъ, онъ долженъ скользить по громаднымъ свѣтлымъ помѣщеніямъ съ ихъ неподвижными колоннами и высокими пестрыми окнами. Въ соборѣ схоластической науки связаны были въ одно цѣлое теологія и философія, ученія отцовъ церкви и мудрость Платона и Аристотеля, мистика и діалектика; поколѣнія и народы принимали участіе въ этомъ сооруженіи, которое велось въ одномъ духѣ, имѣло въ виду одну цѣль. Великіе учители стояли очень далеко отъ

---

[1]) Называются: Донатъ, Прискіанъ, Персій, Виргилій, Горацій, Ювеналъ, Стацій, Лукіанъ, Седулій, Проперцій, Пруденцій, Араатъ, Теренцій, Гомеръ; а на сторонѣ противниковъ стоятъ: Платонъ, Аристотель, Порфирій, Боецій и др. Ср. Liliencron, цитов. соч., стр. 47.

Digitized by Google

пристрастившейся къ состязаніямъ діалектики, да и лично они уважали и любили другъ друга; правда, изложеніе имѣетъ у нихъ и форму вопросовъ, гдѣ методически изслѣдуются аргументы за и противъ, но на ряду съ этою формой мы встрѣчаемъ и форму связнаго изслѣдованія. Summa contra gentiles Ѳомы Аквината есть образецъ прозрачно-яснаго, при всей глубинѣ, генетическаго движенія мысли.

Въ средніе вѣка необходимость изученія формальныхъ образовательныхъ дисциплинъ сказывалась болѣе настоятельно, чѣмъ въ другіе періоды, потому что средневѣковые ученые имѣли предъ собою познавательный матеріалъ, для обработки котораго нужна была предварительная интеллектуальная гимнастика; тѣмъ не менѣе мы замѣчаемъ въ эти вѣка и интересъ къ областямъ фактическаго, особенно историческаго знанія. Хотя историческое знаніе не составляетъ отдѣльной отрасли преподаванія и не имѣетъ прочнаго мѣста въ системѣ учебныхъ занятій, однако оно занимало ученыя и даже неученыя сферы. Интересъ къ этому знанію питало историческое содержаніе первоисточниковъ вѣры и благоговѣйное отношеніе церкви къ своему прошлому, далѣе мысль о связи между древнимъ и новымъ римскимъ государствомъ, которая ставила исторію древности въ непосредственное отношеніе къ современной дѣйствительности; сокращенныя руководства изъ христіанской древности, Іеронимъ—Евсевій и Сульпицій Северъ, были вполнѣ сподручными пособіями; изъ римскихъ историковъ не забыто было достаточно авторовъ, чтобы они могли служить для исторіографіи и въ качествѣ источника, и въ качествѣ образца. Впрочемъ, то, что было въ ходу у всѣхъ подъ именемъ историческаго знанія, имѣетъ сильную примѣсь легендарнаго и поэтическаго элемента и не выдерживаетъ критики въ хронологическомъ отношеніи; но такія произведенія, какъ Hannolied (хвалебная пѣснь въ честь епископа Ганно) и императорская хроника, оба изъ конца XII в., на которыя мы могли бы здѣсь сослаться, являются прекраснымъ свидѣтель-

Digitized by Google

ствомъ о стремленіи ставить настоящее въ связь съ великимъ и богатымъ прошлымъ и соединять въ одно цѣлое древне-библейскіе, христіанскіе и античные элементы; замѣтно также и стремленіе отдѣлять истину и вымыселъ и передавать юношеству только правдивыя извѣстія, стремленіе, которое выражается, напр., въ словахъ императорской хроники: „многіе измышляютъ ложныя свѣдѣнія и соединяютъ ихъ въ обманчивыхъ словахъ; я сильно опасаюсь, какъ бы душа ихъ не пострадала въ пламени; это не угодно Богу; такъ учатся лжи дѣти, являющіяся на свѣтъ послѣ насъ; они также будутъ поддерживать ложь и выдавать ее за истину; а ложь и высокомѣріе никому не приносятъ пользы; мудрецы не любятъ и слушать о нихъ". Намъ можетъ показаться смѣшнымъ, когда городскія хроники нерѣдко начинаютъ съ сотворенія міра и съ потопа и, въ качествѣ введенія, предпосылаютъ мѣстной исторіи всю еврейскую, римскую и отечественную исторію, но въ этомъ стремленіи установить связь малаго съ великимъ, мѣстныхъ и современныхъ событій съ самыми отдаленными человѣческими воспоминаніями, выражается благоговѣйное историческое чувство, и Нибуръ не безъ основанія причисляетъ автора изданной въ 1499 году и построенной по такому плану Кёльнской хроники къ „самымъ яснымъ умамъ и правдивѣйшимъ сердцамъ."[1])

Менѣе интереса историческаго развитъ былъ въ средніе вѣка интересъ къ естествовѣдѣнію; умъ средневѣковаго человѣка былъ направленъ несравненно болѣе въ сторону внутренняго, чѣмъ въ сторону внѣшняго міра, и изреченіе св. Бернарда Клервосскаго: „весь міръ не стоитъ человѣческой души, потому что для всего міра Богъ не сдѣлалъ того, что сдѣлалъ для души: помни объ этомъ и молись", — характеризуетъ общее направленіе мысли того времени. Къ тому же изслѣдованіе книгъ, которое лежало въ основѣ средневѣковой науки, не оставляло мѣста для наблюденій надъ при-

---

[1]) J. Jansen, Geschichte des deutschen Volkes. I, стр. 245. и дал.

Digitized by Google

родою, а ходячія книги древнихъ естественнонаучнаго содержанія, особенно произведеніе Плинія, побуждали скорѣе собирать курьезы, чѣмъ проникать въ самое существо вещей. Настоящее изслѣдованіе природы скрывалось въ подвалахъ алхимиковъ, которые занимались вовсе не ничтожными пустяками, какъ думали ранѣе, а изслѣдованіемъ дѣйствительныхъ проблемъ[1]), но не имѣли вліянія на общественныя знанія и міровоззрѣніе. Однако нельзя сказать, что средніе вѣка утратили всякое пониманіе природы и всякій интересъ къ ея богатымъ и разнообразнымъ явленіямъ. У средневѣковыхъ поэтовъ мы находимъ слѣды глубокихъ и широкихъ воззрѣній на природу; сравненія Данте проникнуты ясно выраженнымъ реализмомъ, животный эпосъ пользуется чертами, подслушанными у дѣйствительности съ тонкимъ пониманіемъ, монахи и рыцари вовсе не лишены были чувства красоты ландшафта и прислушивались къ его голосу при устройствѣ монастырей и замковъ. Тотъ же Бернардъ, который направляетъ умъ къ явленіямъ внутренняго міра, цѣнитъ однако и соприкосновеніе его съ міромъ вещественнымъ. Его изреченіемъ: „ты найдешь въ лѣсахъ много такого, чего не найдешь въ книгахъ, деревья и камни научатъ тебя тому, чего ты не узналъ бы отъ своего учителя“, реалисты XVII вѣка, ученики Бэкона, могли пользоваться, какъ свидѣтельствомъ[2]). Въ своеобразной формѣ руководящій религіозный интересъ связанъ съ естественнонаучнымъ въ такъ называемыхъ Physiologi, которые существуютъ въ латинской и древней верхненѣмецкой обработкѣ и, нужно думать, имѣли широкое распространеніе; это назидательныя книги, въ которыхъ свойства животныхъ толкуются въ примѣненіи ко Христу и

---

[1]) Серьезную научную тенденцію алхиміи весьма удачно отмѣчаетъ Либихъ въ Chemische Briefe (№ 3, изданіе 1865, стр. 26 и дал.); въ изслѣдованіяхъ о камнѣ мудрецовъ онъ видитъ начало неорганической, а въ изслѣдованіяхъ о жизненномъ элексирѣ — начало органической химіи.

[2]) Comenius, Did. magna 5, 8 и 18, 28.

Digitized by Google

діаволу, къ добродѣтелямъ и порокамъ людей[1]). Но предметы природы употреблялись не только въ качествѣ подобій; извѣстную цѣну придавали и ознакомленію съ ними, о чемъ свидѣтельствуютъ естественнопаучные отдѣлы сборниковъ. Если въ большинствѣ случаевъ эти отдѣлы излагаются безъ всякой критики и съ небольшимъ знаніемъ дѣла, то это будетъ вполнѣ понятно, когда мы припомнимъ, что и ходячія энциклопедіи XVII вѣка съ такою же непринужденностію, какъ средневѣковые сборники, сообщаютъ о драконахъ и василискахъ и др. Нѣчто въ родѣ энциклопедіи по естествовѣдѣнію представляетъ произведеніе De proprietatibus rerum libri XIX, которое составлено было Миноритомъ Варѳоломеемъ Англійскимъ (Bartholomeus Anglicus) изъ Суффолька въ XIV вѣкѣ и къ концу XV вѣка выдержало по меньшей мѣрѣ 15 латинскихъ и сверхъ того много французскихъ, англійскихъ, нидерландскихъ и испанскихъ изданій[2]).

Знанія различнаго рода и изъ различныхъ источниковъ соединяютъ въ себѣ энциклопедическіе сборники, которые имѣли особенное значеніе въ интеллектуальной жизни среднихъ вѣковъ. Въ то время, когда книги были рѣдки и дороги, эти сборники замѣняли цѣлыя библіотеки; они спасали отъ забвенія отрасли знанія, которыя менѣе другихъ интересовали общество, такъ, напр., экономику, ученіе о древностяхъ и др.; они ожи-

---

[1]) Ср. R. v. Raumer, Die Einwirkung des Christentums auf die althochdeutsche Sprache. Stuttgart 1845, стр. 46.

[2]) Liliencron, цитов. соч., стр. 27, и Gesner, Isagoge in erud. univ. ed. Niclas 1775, § 25. Варѳоломей, который пользуется не только западными, но и арабскими авторами, соединяетъ лишь то, что нашли другіе, онъ говоритъ: Parum vel nihil de meo opposui, sed simpliciter Sanctorum verba et philosophorum dicta pariter et commenta veritate praevia sum secutus (Мало или ничего не прибавилъ я отъ себя, но просто въ предшествіи истины слѣдовалъ словамъ святыхъ, а также изреченіямъ и замѣчаніямъ философовъ). Матеріи этого произведенія: книга 1. Богъ. 2. Ангелы. 3. Душа. 4. Тѣло. 5. Члены. 6. Возрасты. 7. Болѣзни. 8. Міръ и небесныя тѣла. 9. Время и его дѣленіе. 10. Матерія и форма. 11. Воздухъ. 12. Птицы. 13. Вода. 14 и 15. Земля и ея части. 16. Драгоцѣнные камни. 17. Растенія. 18. Животныя. 19. Объ акциденціяхъ: цвѣтѣ, запахѣ, вкусѣ, текучести, числѣ, вѣсѣ, мѣрѣ, звукѣ.

Digitized by Google

вляли неподвижную систему учебныхъ занятій введеніемъ интересныхъ подробностей или даже привлеченіемъ поэзіи и изобразительнаго искусства; отводя извѣстное мѣсто разнообразнымъ явленіямъ жизни, они связывали науку съ современностію. Исходнымъ пунктомъ во всѣхъ этихъ сборникахъ являются богословскія матеріи, и о свѣтскихъ матеріяхъ они трактуютъ также съ богословской точки зрѣнія; составители ихъ видятъ свою задачу болѣе въ богатствѣ матеріала, чѣмъ въ единствѣ стиля и въ искусствѣ упорядоченія; ихъ сборники часто имѣютъ видъ кентоновъ; позднѣйшіе авторы заимствуютъ цѣлыя мѣста и главы у предшественниковъ, басни и нелѣпости по наслѣдству переходятъ изъ книги въ книгу, — недостатки, которые позднѣе распространили дурную славу объ этихъ произведеніяхъ и были причиною низкой оцѣнки значенія ихъ въ исторіи образованія. Отцомъ этой литературы является Исидоръ Севильскій (см. выше, § 16, стр. 262); въ періодъ каролинговъ наиболѣе значительнымъ явленіемъ было произведеніе Рабана Мавра подъ заглавіемъ de universo[1]). Одинъ сборникъ, назначавшійся для обученія монахинь, носитъ заглавіе Hortus deliciarum; его составила ученая Геррада фонъ Ландсбергъ, съ 1167 года аббатисса въ Гогенбургѣ, въ Эльзасѣ, для своихъ канониссъ, жившихъ по правилу св. Августина. Назидательное содержаніе

---

[1]) Содержаніе вкратцѣ слѣдующее: книга 1. Богъ и ангелы. 2. Люди. 3. Лица ветхаго завѣта. 4. Лица новаго завѣта; мученики, клирики; монахи; еретики; культъ. 5. Священное Писаніе; канонъ евангелій и соборовъ. Пасхальный циклъ, каноническая жизнь и т. далѣе. 6. Человѣкъ и его части. 7. Возрастъ, степени родства, бракъ, смерть и т. д. 8. Животныя. 9. Міръ; элементы, небо, свѣтъ, небесныя тѣла и т. д. 10. Время, моментъ, часъ, день, недѣля, мѣсяцъ, годъ, столѣтіе; праздники. 11. Вода; океанъ, море, рѣка и т. д. 12. Земля; кругъ земной, рай, страны свѣта, острова и т. д. 13. Горы, долины, рощи, морской берегъ и т. д.; здѣсь же Эребъ и Коцитъ. 14. Городъ; улицы, рынокъ, ратуша, состязательная школа (gymnasium), театръ, замокъ, баня, тюрьма, храмъ, могильные памятники и т. д. 15. О философіи; поэты, сивиллы, маги, язычники. 16. О языкахъ; народы съ производными языками; выраженія общественной жизни и военнаго дѣла. 17. Минералогія. 18. Вѣсъ, мѣра, число, музыка, медицина. 19. Земледѣліе и ботаника. 20. Военное и морское дѣло. 21. Ремесла. 22. Повседневная жизнь; обѣды, припасы и т. д.

Digitized by Google

этого сборника оживляется частію разсѣянными тамъ и сямъ латинскими стихотвореніями, къ которымъ въ большинствѣ случаевъ приложены музыкальныя прибавленія, частію многочисленными, для своего времени превосходно выполненными, картинами къ библейской исторіи и къ богословскимъ матеріямъ, — украшеніе, благодаря которому это произведеніе пріобрѣло значительный художественно и культурно-историческій интересъ[1]).

Скорѣе годегетику (нравоученіе), чѣмъ энциклопедію, представляетъ произведеніе монаха августиновскаго ордена Гуго де Сенъ-Викторъ, родившагося въ 1096 году въ замкѣ Бланкенбургъ въ Гарцѣ и умершаго въ 1141 году

---

[1]) Ср. Engelhard, Herrad von Landsberg, Stuttg. u. Tüb. 1818, съ атласомъ картинъ. Рукопись Hortus deliciarum находилась въ Страссбургѣ и сгорѣла при осадѣ города въ 1870 году вмѣстѣ со всею городскою библіотекою; но къ счастію сохранилась копія ея, сдѣланная въ Парижѣ. Картинами пользовались часто; о содержаніи книги находимъ сообщенія у Энгельгарда. Руководящею нитью служитъ исторія въ краткомъ текстѣ въ связи съ картинами. Съ исторіей творенія міра связываются космологическія замѣчанія, между картинами есть и солнце на солнечной колесницѣ. Грѣхопаденіе и столпотвореніе ведутъ къ миѳологіи и свѣтскимъ искусствамъ; здѣсь видимъ девять музъ и семь свободныхъ искусствъ: въ серединѣ философія, изъ ея головного украшенія выглядываютъ три головы съ названіями: ethica, logica, phisica; подъ нею пишутъ Сократъ и Платонъ. Изъ философіи, какъ потоки, выходятъ искусства; однако, при этомъ прибавляется: Spiritus sanctus est inventor septem liberalium artium (Духъ Святый есть изобрѣтатель семи свободныхъ искусствъ). Искусства изображены въ видѣ женщинъ, у грамматики символомъ служитъ книга и розга, у реторики — грифель и доска, у діалектики собачья голова въ рукѣ, у музыки цитра въ рукахъ, лира и органъ въ сторонѣ, у ариѳметики веревка съ узлами, у геометріи циркуль и межевая сажень, у астрономіи — шефель и звѣзда. Круги и полукруги съ изреченіями охватываютъ всю картину; внизу сидятъ четыре пишущихъ и читающихъ фигуры, съ черными птицами на плечахъ; для объясненія подписано: Isti immundis spiritibus inspirati scribunt artem magicam et poeticam fabulosa commenta (Эти, вдохновленные нечистыми духами, пишутъ баснословные вымыслы магическаго и поэтическаго искусства). За исторіей ветхаго завѣта слѣдуетъ свѣтская исторія до Тиверія; затѣмъ исторія новаго завѣта съ многочисленными отступленіями по поводу символическихъ объясненій; такъ въ качествѣ символовъ мірского искушенія изображаются сирены съ плывущимъ мимо Одиссеемъ; къ картинѣ корабля прибавляются замѣчанія объ именахъ кораблей и о частяхъ корабля. Далѣе слѣдуетъ ученіе о церкви: какъ объ учрежденіи, сосудахъ, лицахъ богослуженія, такъ и о назначеніи церкви и т. д.; въ концѣ помѣщенъ послѣдній судъ; затѣмъ слѣдуетъ списокъ папъ, календарь, мартирологъ, вычисленіе пасхальнаго цикла съ 1175 по 1707 годъ! Послѣдняя картина изображаетъ Герраду съ ея канонисами. Текстъ вездѣ латинскій, однако трудныя слова (около 1200) объясняются приставленными къ нимъ нѣмецкими.

Digitized by Google

въ своемъ монастырѣ около Парижа. Оно носитъ заглавіе: Eruditio didascalica, или Didascalos, или Didascalion, и имѣетъ важное значеніе благодаря установленной въ немъ системѣ наукъ, которую принимали за основаніе и составители позднѣйшихъ энциклопедій. Все знаніе Гуго обнимаетъ подъ именемъ philosophia, которую онъ опредѣляетъ какъ disciplina omnium rerum humanarum atque divinarum rationes plene investigans (наука, въ полнотѣ изслѣдующая основанія всѣхъ вещей человѣческихъ и божескихъ) (I, 5); она раздѣляется на: theoretica, practica, mechanica, logica (II, 2); теоретическая философія распадается на теологію, математику (ариѳметику, музыку, геометрію) и физику, практическая на этику, экономику, политику, которыя трактуютъ о личности, о семьѣ или домѣ и объ обществѣ (II, 20); механическая область обнимаетъ семь песвободныхъ искусствъ—называемыхъ adulterinae (прелюбодѣйными), потомучто mechanicus выводится отъ moechus (прелюбодѣяніе) — къ числу ихъ относятся: ткацкое искусство, кузнечное искусство, мореплаваніе, земледѣліе, охота, врачеваніе, театральное искусство. Логика есть disciplina sermocinalis, потому что она трактуетъ о словахъ; она есть частію grammatica, частію dissertiva, т. е. діалектика (III, 19); всѣ науки связаны другъ съ другомъ, если недостаетъ одной, то остальныя не могутъ произвести философа (III, 5). Поэзія и исторія не включаются въ orbis disciplinae (кругъ науки); онѣ суть appendices artium (приложенія къ искусствамъ) и имѣютъ значеніе только для того, кто прошелъ artes[1]).

Обширнѣйшая ученость заключена въ объемистомъ сборникѣ доминиканца Викентія де Бове (Bellovacensis) (умеръ 1264), названнаго speculator'омъ отъ за-

---

[1]) Erud. didascalica, составляя въ венеціанскомъ изданіи произведеній Гуго 1638 начало третьей части (стр. 1—17), содержитъ шесть книгъ; седьмую, de eruditione theologica, можно считать приложеніемъ. Книга I трактуетъ de studio legendi (о чтеніи) вообще. II. О раздѣленіи наукъ. III. Объ условіяхъ изученія, вспомогательныхъ средствахъ, запоминаніи, изслѣдованіи и т. д. IV. О Св. Писаніи. V. Объ изъясненіи Писанія. VI. Объ изученіи Св. Писанія.

Digitized by Google

главія Speculum, какое онъ далъ своимъ произведеніямъ. Планъ этой работы опредѣляется свящ. исторіей: рѣчь идетъ здѣсь о Творцѣ и твореніи, о паденіи человѣка и его возстановленіи съ помощію науки и нравственнаго очищенія и, наконецъ, о послѣдовательности временъ; этой задачѣ соотвѣтствуютъ четыре зерцала: Speculum naturale, гдѣ предлагается ученіе о Богѣ, объ ангелахъ и о предметахъ природы въ порядкѣ дней творенія; Speculum doctrinale, излагающее науки и составляющее энциклопедію въ тѣсномъ смыслѣ[1]); Speculum morale, которое трактуетъ о добродѣтеляхъ, концѣ міра и грѣхѣ, и, наконецъ, Speculum historiale, которое въ 32 книгахъ изображаетъ всемірную исторію, начиная отъ сотворенія міра до императора Фридриха II. Только три части всего произведенія происходятъ отъ самого Викентія; Speculum morale обработано другимъ лицомъ, но не позднѣе начала XIV вѣка. Во всѣхъ четырехъ частяхъ текстъ составленъ изъ своего и чужого матеріала: цитатъ изъ Библіи, отцовъ, классиковъ, переводовъ изъ арабскихъ писателей и т. д. Методическія указанія объ учебныхъ занятіяхъ Викентій даетъ частію въ первой книгѣ зерцала наукъ, частію въ особомъ сочиненіи de eruditione filiorum regalium, посвященномъ королевѣ Маргаритѣ французской; объ обученіи трактуютъ главы 3—22; главный источникъ Гуго де Сенъ-Викторъ[2]).

---

[1]) Здѣсь разсматриваются слѣдующія матеріи: книга 1. Введеніе и словарь. 2. Грамматика. 3. Логика, реторика, піитика. 4. О наукѣ практической жизни. 5. О добрыхъ нравахъ (здѣсь cap. 48 de pueri instructione, заключающая въ себѣ большею частію мѣста изъ блаж. Августина). 6. Экономія. 7. Политика. 8—10. Юридическія матеріи. 11. О механическихъ искусствахъ: выдѣлкѣ шерсти, строительномъ искусствѣ, о ружейномъ и военномъ дѣлѣ, театрѣ, мореплаваніи, торговлѣ, охотѣ, земледѣліи, алхиміи. 12. Практическая медицина. 13. Теоретическая медицина (физіологія). 14. Виды болѣзней. 15. Physica или naturalis philosophia: метафизическія, естественно-историческія и миѳологическія матеріи. 16. Математика, включая метафизическія части. 17. Теологія и притомъ a) theologia fabulosa: миѳологія, б) vera: христіанская теологія.

[2]) F. Chr. Schlosser, Vincent von Beauvais, Hand- und Lehrbuch mit drei Abhandlungen über Gang und Zustand der sittlichen und gelehrten Bildung in Frankreich bis zum XIII Jahrhundert. 2 Bde. Frankfurt a. M.

Digitized by Google

Викентіемъ пользуются составители всѣхъ послѣдующихъ сборниковъ; подъ его вліяніемъ находился и Брунетто Латини, авторъ произведенія подъ заглавіемъ Grand Tresor. Въ этомъ произведеніи мы имѣемъ первую энциклопедію, написанную на современномъ автору языкѣ и назначенную для распространенія за предѣлами ученыхъ сферъ. Какъ учитель Данте, Брунетто имѣлъ значительное вліяніе на универсальную тенденцію его работъ[1]). Вошло въ обычай ставить Данте во главѣ гуманистовъ, потомучто онъ блестящимъ свѣтомъ освѣтилъ величіе древняго Рима и популяризировалъ античныя представленія. Но при этомъ онъ вовсе не покидаетъ круга средневѣковыхъ идей, наоборотъ, все мышленіе и творчество его такъ глубоко коренится въ немъ, что Данте можно считать самымъ возвышеннымъ представителемъ этого круга. Если что и можно назвать въ Данте современнымъ, такъ это, не считая выбраннаго имъ языка, его мощную субъективность, въ силу которой онъ не отдается всецѣло сокровищамъ знанія и не хочетъ быть только сосудомъ идей, какъ это было въ средніе вѣка, но съ величайшею смѣлостію вставляетъ въ картину неба и ада свою радость и горе, любовь и ненависть. Хотя значеніе „Божественной комедіи“ далеко еще не исчерпывается указаніемъ на отношеніе ея къ энциклопедіямъ средневѣковья, однако далеко не излишне взглянуть на нее и съ этой точки зрѣнія. Эта поэма — картина вселенной, комментарій ея — энциклопедія, и флорентійцы могли учредить особую каѳедру для объясненія этого произведенія своего величайшаго соотечественника. Надъ созданіемъ его трудились не только небо и земля, какъ говоритъ

1819 и R. v. Liliencron, Inhalt der allg. Bildung an der Zeit der Scholastik. München 1876.

[1]) Данте называетъ его учителемъ, который его „ежечасно поучалъ, какъ человѣкъ увѣковѣчиваетъ себя“. Inferno 15, 85. Написанное на итальянскомъ языкѣ Tesoro или Tesoretto представляетъ аллегорическую дидактическую поэму; болѣе обширное произведеніе Le Livre don Tresor или Grand Tresor Брунетто написалъ на французскомъ языкѣ. Ср. Wegele, Das Leben Dantes. 3 Aufl. 1879, стр. 50 и дал.

Digitized by Google

самъ поэтъ[1]), но всѣ науки: соціологія и философія исторіи даютъ руководящія идеи, астрономія и физика сооружаютъ остовъ исполинскаго зданія, наука о древности доставляетъ образы особенно для первой части, а теологія и схоластика, понимаемыя въ духѣ великаго Аквината, — идейное содержаніе для двухъ послѣднихъ частей; исторія всюду ведетъ насъ по мѣстамъ, гдѣ сконцентрировались вина и заслуга человѣчества, географія и естествовѣдѣніе даютъ краски для той массы картинъ, которыя развертываются предъ нашими глазами на протяженіи всего произведенія. Но все, что даютъ наука и поэзія вмѣстѣ, Данте назначаетъ для своего народа, все это должно было создать цѣль для его неустойчивыхъ соціальныхъ стремленій, дать достойное содержаніе его творчеству и поэзіи, сдѣлаться источникомъ національнаго образованія, — назначеніе, которое выполнено было въ гораздо большемъ размѣрѣ, чѣмъ могли ожидать этого самыя смѣлыя чаянія поэта.

Попытка Брунетто и Данте изложить ученое знаніе на современномъ языкѣ есть явленіе единичное; вообще же въ средніе вѣка распространено было воззрѣніе, что орудіе науки, какъ и орудіе образованія, есть латинскій языкъ. Едва ли можно сказать, что онъ былъ мертвымъ или даже только книжнымъ языкомъ въ эпоху, когда онъ продолжалъ жить не только въ церкви, но и въ общественной жизни и государственныхъ сношеніяхъ, стоялъ еще во взаимодѣйствіи съ романскими нарѣчіями, въ качествѣ языка риомованной поэзіи принялъ новый метрическій принципъ, а въ качествѣ органа науки приспособлялся къ образу мысли современниковъ; но, какъ языкъ книжный, онъ изучался по грамматическому способу и такимъ образомъ сохранилъ свой ученый характеръ. Въ одномъ остроумномъ сравненіи онъ называется царемъ языковъ, тогда какъ греческому дается имя учителя языковъ, а еврейскому —

[1]) Par. 25 in.

Digitized by Google

имя матери ихъ, всѣ же три называются языками культа и благовѣстія[1]). Изученіе греческаго языка на западѣ въ теченіе среднихъ вѣковъ никогда не угасало совсѣмъ, но и никогда не было существеннымъ элементомъ ученаго образованія; въ эпоху до отдѣленія греческой церкви побужденіемъ къ этому изученію служили церковныя и политическія сношенія съ Византіей; въ бенедиктинскихъ монастыряхъ Италіи были свои fratres Ellinici, въ Англіи въ VII вѣкѣ во главѣ церкви стоялъ ученый грекъ Θеодоръ Тарсійскій, и еще спустя тридцать лѣтъ послѣ него были мужи, которые говорили на обоихъ древнихъ языкахъ, какъ на своемъ отечественномъ[2]). Карлъ Великій поручалъ епископамъ оснабрюккскимъ подготовлять въ своей соборной школѣ, для дипломатическихъ сношеній, клириковъ, знающихъ греческій языкъ[3]). При дворѣ Карла Лысаго была мода вставлять греческіе слова и стихи въ латинскія стихотворенія[4]); къ IX или X вѣку относится одинъ элементарный учебникъ на греческомъ языкѣ, найденный въ Лаонѣ[5]). Схоластика, правда, стѣсняла филологическій интересъ, но она ввела въ кругъ своихъ идей теоріи Платона и Аристотеля и такимъ образомъ заставляла обращаться къ греческимъ текстамъ философскихъ сочиненій; начало переводу послѣднихъ съ оригинальнаго текста полагаетъ Робертъ Большая Голова († 1255), Θома Аквинатъ также ревностно занимался этимъ дѣломъ: „чрезъ всѣ средніе вѣка идетъ ростъ знанія книгъ и учебныхъ

---

[1]) Hugo v. Trimbergъ „Renner“, 22, 278: Judisch, kriechisch unt latin, müezen in allen messen sin, wanne aller sprachen lêraerin ist kriechisch, sô muoz judisch sin der sprache muoter über lant: daz ist den wisen wol bekant. Aber aller sprache künigin über alle werlde ist latin. Diese dri sprachen sint rosen bluomen vor andern ûf der verlde heide, die wile man unt wîp lebent beide. Mit den dri sprachen schriben hiez einen brief Pilâtus, den man stiez oben an das criuz, dô Krist an leit die marter umb unser sêlikeit.

[2]) Kämmel, цитов. соч., стр. 782. Объ этомъ предметѣ вообще ср. Программу Крамера de Graecis medii aevi studiis 1848.

[3]) Дипломъ у Conring'a, De antiquitatibus academicis. Изданіе 1739, стр. 73 и 302.

[4]) Kämmel, цитов. соч., стр. 789.

[5]) Eckstein, Analecten zur Geschichte der Pädagogik, Halle 1861.

Digitized by Google

пособій древности"[1]). Представленіе, что для болѣе глубокой учености требуется изученіе греческаго языка, повело къ распространенію моды употреблять въ заголовкахъ книгъ греческія слова[2]); придворные поэты иногда заставляютъ своихъ героевъ учиться по-гречески[3]). Основаніе латинской имперіи въ Византіи (1204), кажется, послужило поводомъ къ новымъ соприкосновеніямъ съ греческими культурными сферами: папа Иннокентій III требовалъ отъ парижскаго университета посылать знатоковъ греческаго языка въ Византію, а Филиппъ Августъ основалъ въ Парижѣ collegium Constantinopolitanum для молодыхъ грековъ[4]); но только попытки соединенія церквей въ XV вѣкѣ и переселеніе ученыхъ вслѣдствіе турецкаго нашествія произвели болѣе плодотворное сближеніе, уже послѣ того, какъ гуманистическія стремленія подготовили для этого почву. До пониманія и надлежащей оцѣнки греческой поэзіи и греческаго искусства средніе вѣка не дошли; но за ними остается слава, что они ввели въ кругъ своей спекуляціи руководящія идеи греческой философіи: платоновское ученіе объ идеяхъ и аристотелевское ученіе о формахъ, и въ концѣ концовъ эта греческая мудрость все же представляетъ болѣе высокую цѣнность, чѣмъ словесное искусство, въ которомъ видѣла свою силу слѣдующая эпоха, отодвинувшая греческую мудрость до нѣкоторой степени на задній планъ.

Изученіе еврейскаго языка, которое уже въ патристическій періодъ было дѣломъ не часто встрѣчавшейся научной ревности и особенно выносливаго прилежанія, въ средніе вѣка также остается одиночнымъ явленіемъ; Ланфранкъ занимался этимъ языкомъ въ Беккской школѣ, въ Парижѣ языкъ этотъ имѣлъ своихъ пред-

---

[1]) Dilthey, Einleitung in die Geisteswissenschaften, 1884, стр. 452.

[2]) Такъ Бернардъ Шартрскій назвалъ свое сочиненіе Мегалокосмомъ и Микрокосмомъ, Вильгельмъ Конхезій писалъ peri didaxeon (*περὶ διδάξεων*), Іоаннъ Салисберійскій написалъ Policraticus или Metalogicus и т. д.

[3]) Цитаты у Schultz'a, Das höfische Leben im Mittelalter, Leipzig 1879, I, стр. 120 и дал.

[4]) Jourdain, цитов. соч., стр. 51.

Digitized by Google

ставителей, однако мы не можемъ указать цѣлаго ряда учителей „священнаго языка“; постановленіе Вьеннскаго собора 1312 года, чтобы учреждены были каѳедры еврейскаго языка въ Парижѣ, Оксфордѣ, Саламанкѣ и Болоньѣ,—Германія, какъ страна учености, въ расчетъ не принималась,—въ точности никогда не выполнялось[1]). Что препятствовало развитію изученія еврейскаго языка, это, кромѣ его трудности, нерасположеніе къ іудейскимъ учителямъ, безъ которыхъ нельзя было обойтись, а затѣмъ убѣжденіе въ превосходствѣ Вульгаты блаж. Іеронима предъ оригинальнымъ текстомъ. Кардиналъ Хименесъ, распоряжавшійся изданіемъ Комплютенской полиглотты, держался того мнѣнія, что Вульгата среди еврейской библіи и перевода LXX похожа на крестъ Спасителя между крестами разбойниковъ.

Какъ ключъ къ богатой научной литературѣ, арабскій языкъ пріобрѣлъ себѣ извѣстное мѣсто въ филологическихъ занятіяхъ средневѣковья и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ живой культурный языкъ, оказывалъ разнообразныя вліянія на европейскія нарѣчія. Мусульманская наука и образованіе въ періодъ своего быстраго расцвѣта опередили христіанское образованіе въ математическихъ и естественныхъ наукахъ, и арабы, которые въ VII вѣкѣ были учениками восточныхъ христіанъ, начиная съ X вѣка, могли быть учителями западныхъ. Культура, созданная исламомъ, несмотря на враждебное отношеніе къ христіанской, представляетъ извѣстную аналогію съ послѣднею. Толчокъ къ своему развитію она получаетъ отъ религіознаго принципа, умѣетъ удачно ассимилировать предшествующіе культурные элементы и втягиваетъ въ кругъ своего вліянія различныя національности, объединяя ихъ для духовнаго взаимодѣйствія. Основа мусульманской науки есть первоисточникъ вѣры, „ученые суть наслѣдники пророковъ“, говоритъ традиціонное изреченіе; изслѣдованіе корана породило теологію и тѣсно связанную съ нею юридическую науку;

[1]) L. Geiger, Johann Reuchlin. Leipzig 1871, стр. 103.

Digitized by Google

у народовъ не арабскаго происхожденія изученіе закона вело къ изслѣдованію языка, которое начали арамеи и персы, а продолжали сами арабы. Чтеніе и письмо, какъ средство обученія корану, рано сдѣлались общею потребностію, которой должны были служить мектебы, элементарныя школы, частію связанныя съ мечетями и обслуживаемыя ихъ персоналомъ, частію основанныя въ качествѣ частныхъ учрежденій при рынкахъ, колодцахъ, кладбищахъ и т. д. Такимъ образомъ новая религія сама давала не мало элементовъ для развитія школьнаго дѣла, другіе явились вслѣдствіе соприкосновенія съ греческимъ образованіемъ. Изъ свободныхъ искусствъ арабы съ особенною охотою усвоили діалектику и математическія науки; изъ реторики они заимствовали то, что казалось полезнымъ для собственнаго словеснаго искусства, тогда какъ изящная литература грековъ имѣла у нихъ мало вліянія; но съ наибольшею ревностію разрабатывали они естествовѣдѣніе и связанное съ нимъ искусство врачеванія; съ философскою пытливостью съ самаго начала соединяется у нихъ полиматическая тенденція, вызвавшая появленіе многочисленныхъ энциклопедій, среди которыхъ выдѣляются „Книга науки и ея дѣленіе“ Алкенди, отъ IX вѣка, и сочиненіе Ибнъ Сины (Avicenna) „Стройные ряды перловъ“, отъ XI вѣка[1]). Мѣстомъ ученаго преподаванія первоначально служили мечети: подъ одной и той же кровлей общество совершало свои молитвы, ученый

[1]) Ср. Hammer, Encyklopädie der Wissenschaft des Orients 1804 и его же въ Denkschriften der kais. Akademie d. Wiss. 1856, стр. 205 и дал. Заглавія мусульманскихъ сборниковъ весьма разнообразны: Припасы наукъ, Восходы наукъ, Ключъ наукъ, Базаръ наукъ, Авангардъ наукъ, Сады свѣта въ истинахъ тайнъ, Восточные листы свѣтлаго сіянія, Божественное древо, Ожерелья драгоцѣнностей, Небесные лучи наставленій, Перлы знаній и много другихъ. Въ раздѣленіи и распредѣленіи матеріала эти энциклопедіи далеко расходятся другъ отъ друга; часто выдерживается схема четырнадцати наукъ: въ произведеніи Союти (Sojuthi) отъ 1505 года находимъ слѣдующія науки: 1. Основы вѣроученія. 2. Экзегезисъ. 3. Ученіе о преданіи. 4. Основы права. 5. Ученіе о дѣлежѣ наслѣдства. 6. Синтаксисъ. 7. Грамматика. 8. Искусство письма. 9. Ученіе о распредѣленіи рѣчи. 10. Ученіе о фигурахъ рѣчи. 11. Ученіе о выраженіи рѣчи. 12. Анатомія. 13. Ученіе о лѣкарствахъ. 14. Мистика.

Digitized by Google

объяснялъ законъ, другой ученый — поэта, третій читалъ свои собственныя поэтическія произведенія[1]). Начиная съ XI вѣка, возникли учебныя заведенія высшаго типа, основанныя князьями, а также частными лицами, медрессе, и распространились отъ Индіи до Испаніи; устройство ихъ разнообразно и допускало свободу преподаванія и изученія; государство вступалось только тогда, когда вѣра казалась въ опасности. Странствующіе учителя и ученики служили посредниками въ духовныхъ сношеніяхъ между самыми отдаленными центрами учебныхъ занятій[2]). Интересъ къ наукѣ выступилъ за предѣлы круга ученыхъ, всюду распространяя свое плодотворное вліяніе; различали ученаго: aalim (множ.: ulema), который болѣе глубоко проникаетъ въ одну науку, отъ образованнаго: edib (множ.: udeba), который занимается нѣсколькими науками, но съ меньшею основательностію; на ступени народнаго образованія стоитъ тотъ, „кому достаточно науки о религіи и того, что спасаетъ отъ невѣжества“ [3]).

Христіанскій западъ заимствовалъ у мусульманъ прежде всего математическія и медицинскія познанія и познакомился, благодаря имъ и въ ихъ передѣлкахъ, съ греческими источниками: Птоломеемъ, Эвклидомъ, Галеномъ, Иппократомъ; многочисленныя арабскія и арабизирован-

---

[1]) Haneberg, Das Schul- und Lehrwesen der Muhamedaner im M.-A. München 1850, стр. 10.

[2]) Тамъ же, стр. 22. Любовь мусульманъ къ ученымъ путешествіямъ прекрасно изображается въ стихахъ Абу Сейда, послужившихъ образцомъ для стиховъ Рюккерта: „Я рѣшился на путешествія, отказался отъ родины и прошелъ цѣлыя страны въ погонѣ за наукой, я бодро садился на коней, переѣзжалъ рѣки и перерѣзывалъ моря, чтобы слышать истину; меня не огорчала необходимость переходить чрезъ пустыни, — чтобы затѣмъ пить изъ источника, вмѣсто ручья“. „Съ тѣхъ поръ, какъ я снялъ съ себя дѣтскіе амулеты и навязалъ себѣ на голову тюрбанъ мужчины, меня томило стремленіе къ образованію и добродѣтели, и на рѣзвомъ конѣ я отправился искать ихъ по всѣмъ странамъ, чтобы они сдѣлались для меня украшеніемъ предъ народомъ, тѣнистымъ облакомъ въ полуденный жаръ. Мнѣ такъ жадно хотѣлось пастись на лугахъ ихъ и облечься въ ихъ одѣянье, что я обращался съ вопросами и къ высокимъ и къ низкимъ, и къ друзьямъ и къ врагамъ, гдѣ только могъ встрѣтить слѣдъ ихъ, гдѣ кротость ихъ могла осѣнить меня каплями или дождемъ“.

[3]) Hammer, Denkschriften и т. д., стр. 215.

Digitized by Google

ныя техническія выраженія, особенно въ области астрономіи и химіи, которыя отчасти сохранились до настоящаго времени, являются свидѣтелями глубокаго вліянія арабской науки[1]). Философія получила въ даръ отъ мусульманъ не только арабскіе комментаріи къ Аристотелю, но и самыя сочиненія Аристотеля, особенно метафизику и физику, и это расширеніе философскихъ знаній существенно содѣйствовало развитію схоластики; мы склонны даже признать вліяніе семитическаго элемента и въ увлеченіи схоластическаго періода искусствомъ диспутовъ. Арабская полиматія послужила матеріаломъ для позднѣйшихъ энциклопедическихъ произведеній; „Перлы" Авиценны переведены были въ XVI вѣкѣ подъ заглавіемъ: Liber de divisione scientiarum.

Такимъ образомъ по волѣ своеобразной судьбы мусульманское образованіе сдѣлалось связующимъ звеномъ между образованіемъ греческимъ и западно-христіанскимъ; въ этомъ, да еще въ роли стимула и возбудителя христіанской науки, и заключалась его культурная миссія; въ исламѣ не было зародыша развитія, изъ котораго могли бы вырасти вліятельныя произведенія[2]). Иногда высоко цѣнили въ исламѣ то, что онъ давалъ просторъ для быстраго и свободнаго развитія науки, тогда какъ христіанская теологія держала изслѣдованіе въ зависимости отъ вѣры. Дѣйствительно, нѣтъ недо-

---

[1]) Произведеніе Птоломея по астрономіи въ средніе вѣка носило имя Альмагестъ, составленное изъ слова *μεγίστη*, т.-е. *τέχνη* и арабскаго члена; для обозначенія искусства счисленія обычно было выраженіе Алгоризмъ, происшедшее отъ имени арабскаго математика Алхваризми, жившаго въ IX вѣкѣ; книга его Al jebr walmukâbala, т.-е. возстановленіе и противоположеніе, дала имя алгебрѣ. Ср. Cantor, Vorles. über d. Geschichte d. Math. I, стр. 611. Для обозначенія алгебры употреблялось и другое названіе, составленное изъ итальянскаго имени этой науки regola della cosa, т. е. правило о (неизвѣстномъ) предметѣ: правило Coss или просто Coss. Алхимія своимъ именемъ указываетъ на египетское происхожденіе (Chemi, Хамъ) и на посредничество арабовъ. Наша астрономія заимствовала выраженія: зенитъ, надиръ, азимутъ и много звѣздныхъ именъ; химія: алкали, алкоголь и др.; торговля и мореплаваніе сохранили въ числѣ остатковъ культурныхъ сношеній съ арабами слова: магазинъ, арсеналъ, калибръ и много названій товаровъ; не ушло съ пустыми руками и суевѣріе, какъ показываютъ слова: элексиръ, талисманъ, амулетъ.

[2]) Erdmann, цитов. соч., I², § 181.

Digitized by Google

статка въ изреченіяхъ пророческаго преданія, гдѣ знаніе ставится весьма высоко, даже выше, чѣмъ проявленіе вѣры; такъ одно изреченіе гласитъ: „чернила, стекающія съ перьевъ ученыхъ, болѣе цѣнны, чѣмъ кровь мучениковъ, пролитая на пути Божіемъ“, и еще: размышленіе одного часа лучше, чѣмъ молитва въ теченіе шестидесяти лѣтъ“[1]). Но едва ли можно смотрѣть на эту высокую оцѣнку знанія, какъ на результатъ просвѣтительной тенденціи, скорѣе она объясняется бѣдностію вѣроученія, которое не въ состояніи было удовлетворять разъ пробудившемуся духу и должно было помириться съ восполненіемъ въ формѣ свѣтскаго знанія. Ученіе корана о Богѣ и мірѣ, само по себѣ представлявшее смѣсь различныхъ вѣрованій, не обладало такими свойствами, чтобы вліяніе античной философіи могло сдѣлать его болѣе глубокимъ, и теологію корана нельзя было поставить во внутреннюю связь съ творчествомъ мыслителей и изслѣдователей; наоборотъ, пантеизмъ и сенсуализмъ философскихъ системъ занялъ извѣстное мѣсто въ мусульманскомъ образованіи только рядомъ, но безъ всякой связи съ деизмомъ господствующей религіи. Быстрые успѣхи и свободное движеніе были преимуществами этого обстоятельства; на болѣе же высокое достоинство могла претендовать только болѣе продолжительная и трудная работа ума и вмѣстѣ сердца, которая была выполнена для примѣненяі христіанскаго принципа съ его внутреннею полнотою и творческою силою къ знанію и изслѣдованію.

Перечень общепризнанныхъ и общераспространенныхъ въ средніе вѣка матеріаловъ знанія не исчерпывается указаніемъ на занятія, которыя входятъ съ систему свободныхъ искусствъ или группируются около нея. Придворно-рыцарское образованіе показываетъ, что и національные и современные элементы были достаточно значительны, чтобы давать матеріалъ для

---

[1]) Hammer, цитов. соч., стр. 215 и 211.

Digitized by Google

особой формы духовной культуры. Церковь должна была стѣснять національныя традиціи народовъ, воспитаніе которыхъ назначено было ей Промысломъ, лишь до тѣхъ поръ, пока она видѣла въ нихъ опору язычества; но какъ только эта опасность исчезла, она стала оказывать имъ свое снисхожденіе и даже покровительство. Были духовные, которые исполняли приказаніе Карла Великаго собирать нѣмецкія героическія пѣсни и одинъ епископъ приказалъ списать сагу о Нибелунгахъ; въ монастыряхъ національныя героическія саги употреблялись иногда въ качествѣ матеріала латинскихъ стилистическихъ упражненій, и евангелія излагались въ народной формѣ. На почвѣ легенды мирно уживались вмѣстѣ христіанскія и національныя традиціи; саги и басни древнихъ временъ переходили изъ школъ въ народъ; съ востока шли сказки, чудесныя исторіи и нравоучительные разсказы, первоначальнымъ отечествомъ которыхъ была Индія. Такъ возникло множество исторій, повѣстей, сказокъ, басенъ, „примѣровъ“ и т. д., которые переходили изъ устъ въ уста, изъ страны въ страну, отъ поколѣнія къ поколѣнію и представляютъ цѣнное достояніе и духовную пищу тѣхъ слоевъ общества, которые не принимали участія въ ученыхъ занятіяхъ. Изъ этого запаса черпала и придворная поэзія, перерабатывая въ немъ то, что сродно было рыцарскому идеалу; почерпала изъ него пѣснь мейстерзенгеровъ и дидактическая поэзія позднѣйшаго средневѣковья, кое что продолжало жить еще въ XVI и XVII вѣкахъ въ народныхъ книгахъ или въ летучихъ листкахъ; а иное сохранилось и до нашего времени или вновь подарено намъ наукой и составляетъ лучшую составную часть нашихъ сочиненій для юношества и книгъ для чтенія. Какимъ цѣннымъ достояніемъ владѣли средніе вѣка въ этой эпико-дидактической поэзіи, это почувствовалось лишь тогда, когда, начиная съ XVII вѣка, наступило оскудѣніе въ ея области: „о, какъ много тонкихъ исторій и изреченій“, говоритъ Лютеръ въ письмѣ къ совѣтникамъ, „могли бы мы имѣть теперь,

Digitized by Google

исторій, ходившихъ въ нѣмецкихъ земляхъ, изъ которыхъ теперь мы не знаемъ ни одной; это значитъ, не было никого, кто записалъ бы ихъ, или, если онѣ были уже записаны, никто не сохранилъ книгъ". Эти тонкія исторіи и изреченія составляютъ фонъ духовной жизни съ средніе вѣка, который часто цѣнятъ слишкомъ низко и не ставятъ въ связь съ народнымъ образованіемъ, потому что онъ не имѣетъ никакого отношенія къ школѣ. Школа и книжная ученость пытались иногда поставить на его мѣсто народную литературу, — предпріятіе похвальное, хотя оно и не хотѣло, да и не могло возобновить оригинальности, свѣжести и полноты стараго творчества.

§ 20.

Центральное положеніе религіознаго элемента, которое характеризуетъ внутреннюю жизнь христіанскаго средневѣковья, опредѣляетъ собою и духъ и направленіе его образовательной дѣятельности. Средневѣковому человѣку чуждо представленіе, что пріобрѣтеніе знаній, занятія, изслѣдованіе, духовное образованіе должны имѣть цѣль въ себѣ самихъ, наоборотъ, они разсматриваются, какъ средство къ христіанскому совершенству. „Вся человѣческая дѣятельность и стремленія, если только они руководятся мудростію, имѣютъ ту цѣль и задачу, чтобы возстановлять первоначальную чистоту нашей природы или смягчать ту тяжесть и тѣ недостатки, которымъ подлежитъ наша временная жизнь... Истинное ученіе снова даетъ намъ то, что мы нѣкогда имѣли, и такимъ образомъ стремленіе къ мудрости является величайшимъ утѣшеніемъ въ жизни; кто находитъ ее, тотъ счастливъ, кто ею обладаетъ, тотъ блаженъ"[1]). Работа ученія серьезна и продолжительна и къ ней слѣдуетъ привлекать уже раннюю юность: „дни человѣка кратки и болѣе продолжительныхъ ему приходится ожидать въ будущемъ; мы назначены къ вели-

[1]) Hugo a S-to Victore. Erud. did. 1, 2.

Digitized by Google

кимъ дѣламъ, окружены безчисленными опасностями, далеки отъ цѣли, движеніе наше медленно: какъ же не вступать намъ на дорогу въ рай въ утреннюю пору нашего дѣтства?" [1]). Высокая задача учебныхъ занятій требуетъ, чтобы отклонены были всѣ низшія цѣли, которыя могутъ примѣшаться къ этому дѣлу: „иные учатся только затѣмъ, чтобы знать выученное: это жалкое любопытство; другіе учатся, чтобы знали о нихъ: къ нимъ относится насмѣшка сатирика: знаніе твое ничто для тебя, если никто другой не знаетъ, что ты знаешь; это постыдное тщеславіе; другіе учатся, чтобы за свое знаніе получать деньги и почетныя мѣста: это позорное корыстолюбіе; а иные учатся, чтобы назидать: это христіанское милосердіе, и еще иные, чтобы назидаться: это мудрость. Только два послѣдніе не злоупотребляютъ наукой, потому что они ищутъ знанія, чтобы поступать правильно" [2]). Средства, которыя сообщаютъ уму и сердцу духовную сосредоточенность, отчасти тѣ же самыя, которыя обезпечиваютъ успѣхъ учебныхъ занятій; это: смиреніе, любовь къ изслѣдованію, спокойствіе, безмолвное размышленіе, бѣдность, чужбина [3]).

Настоящая образовательная дѣятельность и примѣненіе ея въ жизни есть какъ бы богослуженіе: „ученики, которые ведутъ чистую жизнь и радостно учатся, поистинѣ подобны исповѣдникамъ, и если впослѣдствіи они примѣняютъ преподанныя имъ искусства въ обществѣ или еще лучше въ служеніи Господу, то получатъ великую награду отъ Бога" [4]), Конечная религіозно-нравственная цѣль обученія запрещаетъ тратить силу на неизмѣримыя задачи или раздроблять ее: „есть люди", говоритъ Гуго, „которые хотятъ знать и читать все, но множество книгъ не имѣетъ числа; поэтому не пус-

---

[1]) Vinc. Bell. de erud. fil. reg. cap. 24.

[2]) Bern. Claravall. у Vincent'a l. l. cap. 13, ср. Hugo, l. l. III, 15 и J. J. Becher, Methodus didactica. München 1668. Vorrede.

[3]) Изреченіе Бернарда Шартрскаго: Mens humilis, studium quaerendi, vita quieta, scrutinium tacitum, paupertas, terra aliena: Haec reserare sient multis obscura legendo.

[4]) Caesarius von Heisterbach у Kämmel'я, цит. соч. стр. 806.

Digitized by Google

кайся въ безконечность, такъ какъ гдѣ нѣтъ конца, тамъ нѣтъ и покоя, а слѣдовательно и мира, а гдѣ нѣтъ истиннаго мира, тамъ Богъ обитать не можетъ; потому что въ мирѣ уготовано мѣсто Его" [1]). „Множество предметовъ и краткость времени", гласитъ одно изреченіе святого Бернарда, „не допускаютъ, чтобы мы брались за все; кто хочетъ обнять слишкомъ много, тотъ блуждаетъ, не подвигаясь впередъ, и ничего не знаетъ вполнѣ; направляя умъ сразу на многое, нельзя точно понять ничего въ отдѣльности" [2]). Однако въ виду опасностей безпокойной полиматіи не отрицаются и преимущества разнообразнаго знанія; тотъ же Гуго говоритъ о своихъ собственныхъ занятіяхъ: „я могу увѣрить, что никогда не цѣнилъ низко чего бы то ни было изъ того, что относится къ образованію (quod ad eruditionem pertineret), но часто изучалъ много предметовъ, которые могли бы показаться другимъ смѣшными или превратными", и ставитъ правиломъ: „изучай все и позднѣе ты увидишь, что нѣтъ ничего лишняго; одностороннее знаніе не представляетъ ничего привлекательнаго" (coarctata scientia jucunda non est) [3]).

Преобладаніе религіознаго элемента повело къ тому, что нѣкоторая доля той благоговѣйной преданности, съ какою относились въ тѣ времена къ вѣроученію, и того послушанія, какое оказывали авторитетнымъ представителямъ этого вѣроученія, переносилась на всякій учебный матеріалъ и его представителей. „Учащійся долженъ вѣрить своему учителю во всемъ, что касается его искусства, тѣмъ болѣе слѣдуетъ держаться изобрѣтателей или тѣхъ, которые излагали науку съ глубочайшимъ знаніемъ или величайшимъ краснорѣчіемъ: въ грамматикѣ Прискіана, въ логикѣ Аристотеля, въ медицинѣ Иппократа" [4]). Подобно тому, какъ различные виды жизненной дѣятельности получили особыхъ по-

---

[1]) Hugo у Vincent'a l. l. cap. 13.
[2]) Bern. Clar. у Vincent'a l. l. cap. 13.
[3]) Hugo, Erud. did. VI, 3.
[4]) Vincent, Spec. doct. I.

Digitized by Google

кровителей, такъ и во главѣ каждой области знанія поставленъ былъ какой-либо мудрецъ древности, какъ бы въ качествѣ начальника[1]). Господствующее положеніе въ преподаваніи занимали авторитетныя учебныя руководства, и его формою была по преимуществу форма изъясненія текста учебниковъ. Однако послѣдними въ рѣдкихъ только случаяхъ были произведенія великихъ учителей и слѣдовательно настоящіе источники, наоборотъ, сюда вторглись переложенія, и особенно учебныя руководства конца римской эпохи стали пользоваться незаслуженнымъ авторитетомъ; почитали Цицерона, какъ представителя краснорѣчія, но краснорѣчіе изучали по Марціану Капеллѣ; исповѣдывали ученіе Аристотеля, но долго знали только одинъ отрывокъ Органона и то въ неудовлетворительной обработкѣ. Правда, позднѣйшее средневѣковье кое-что наверстало, но появившіеся къ этому времени сборники: Sententiae, Summae, Catenae aureae и др., объединявшіе въ себѣ самый ходкій учебный матеріалъ, почти еще болѣе загораживали путь къ оригинальнымъ произведеніямъ. Принятые разъ учебные матеріалы и положенія переходилиизъ книги въ книгу, въ большинствѣ случаевъ безъ поименованія автора и источника; отсюда наивные плагіаты, встрѣчающіеся въ средневѣковыхъ учебникахъ на каждомъ шагу, и отсутствіе критическаго отношенія къ заблужденіямъ, которыя можно было бы исправить на основаніи извѣстныхъ древнихъ авторовъ, — недостатки, которые впослѣдствіи гуманисты порицали самымъ суровымъ образомъ и ко-

---

[1]) Рисунокъ на заглавномъ листѣ сочиненія Margarita philosophica въ страссбургскомъ изданіи 1512 года изображаетъ похожее на башню зданіе, въ нижнемъ этажѣ котораго помѣщается школа Доната и Прискіана, а изъ оконъ слѣдующихъ этажей выглядываютъ, въ качествѣ представителя логики — Аристотель, реторики и піитики — Цицеронъ, ариѳметики — Боецій, музыки — Пиѳагоръ, геометріи — Эвклидъ, астрономіи — Птоломей (какъ можно судить по коронѣ, которою украшали его, считая его родственникомъ царскаго дома), морали — Сенека, физики — фигура, названная словомъ philosophus; на самомъ верху сидитъ Петръ Ломбардъ, какъ представитель Theologia seu Methaphisica.

Digitized by Google

торыми могли пользоваться, какъ доказательствами варварства среднихъ вѣковъ.

Авторитетъ, окружавшій ученіе, дѣлалъ и учителя предметомъ личнаго уваженія. Ученаго Беду благодарность учениковъ его украсила именемъ venerabilis (Достопочтенный), Алкуинъ, Рабанъ и др. пользовались сыновнею любовію со стороны своихъ слушателей; когда Ланфранкъ пришелъ къ своему бывшему воспитаннику папѣ Александру II, послѣдній почтительно поднялся съ мѣста со словами: Assurgo tibi tanquam magistro et deosculor tanquam paedagogum[1]). Какія узы благоговѣнія соединяли кружокъ Бернарда Шартрскаго, объ этомъ свидѣтельствуетъ Іоаннъ Салисберійскій, который въ своемъ Metalogicus воздвигъ настоящій памятникъ уважаемому senex Carnotensis.

Это благоговѣйное отношеніе между учителемъ и ученикомъ, кажется, до нѣкоторой степени смягчало учебную тяготу и строгую дисциплину средневѣковыхъ школъ. Сохраненіе античныхъ традицій при совершенно измѣнившихся обстоятельствахъ повело къ тому, что ученье сдѣлалось тяжелымъ занятіемъ. Латинская грамматика, написанная для римскихъ мальчиковъ, а теперь чуждая для ученика и по содержанію и по языку, была крутымъ подъемомъ къ образованію; трудную работу для памяти представляла и каждая область преподаванія; измышленія діалектики, которая теперь уже обычно считалась однимъ изъ элементарныхъ искусствъ, были духовною пищею созрѣвающаго отроческаго возраста. Въ болѣе древнихъ монастырскихъ школахъ духъ воздержанія, наполнявшій учителей, мѣшалъ оказывать снисхожденіе къ юношеской слабости; въ свѣтскихъ школахъ учитель не доходилъ до того, чтобы помогать отдѣльнымъ ученикамъ; голосъ отчаянія слышенъ въ разсказѣ Ѳомы Платтера о томъ, какъ онъ сидѣлъ въ углу школьной комнаты и говорилъ себѣ: „здѣсь ты

---

[1]) Встаю предъ тобой, какъ предъ учителемъ, и цѣлую, какъ воспитателя.

Digitized by Google

будешь учиться или умрешь". Но въ противоположность этому слѣдуетъ указать и на то, что образовательная дѣятельность нашихъ предковъ все же не проходила только въ безсмысленной долбнѣ подъ управленіемъ палки; о школѣ Рабана ходила пословица: laeti tirones, laeti magistri, laetissimus rector (веселые ученики, веселые учителя, развеселый ректоръ); Александръ Нехамскій въ XII вѣкѣ хвалитъ монастырскую школу св. Альбана, какъ мѣсто своей счастливой юности[1]); Гуго изобразилъ умственное творчество въ уединенной кельѣ, изслѣдованіе извилистыхъ путей науки[2]); какъ показываютъ изложенные въ стихахъ учебники и многочисленные стихи для облегченія памяти, въ схоластическій періодъ въ извѣстной мѣрѣ заботились и объ облегченіи учениковъ; употреблялись и наглядныя пособія, напр., пособіе Кантора Петра[3]) въ Парижѣ, который изобразилъ для учениковъ исторію ветхаго завѣта въ формѣ деревьевъ (родословныхъ); нельзя также сказать, что преподаваніе прямо ставило ученика въ пассивное положеніе: схоластическія упражненія въ детерминаціи (т.-е. опредѣленіи), въ диспутахъ и изложеніи изученнаго требовали самодѣятельности въ высокой степени[4]). Извѣстно также, что въ прекрасныхъ школьныхъ праздникахъ средневѣковья давалось мѣсто и юношеской жизнерадостности.

Повидимому, тяжеловѣсная образовательная работа ученаго имѣетъ лишь незначительное сродство съ тѣмъ привлекательнымъ способомъ, какимъ будущій рыцарь подготовлялся къ своему призванію. Если первая напоминаетъ строгія и суровыя формы востока, то придворно-рыцарское образованіе въ извѣстномъ отношеніи можно сравнивать съ греческою *παιδεία*. Во vrümecheit

---

[1]) Стихи гласятъ: Hic locus aetatis nostrae primordia novit Annos felices, laetitiaeque dies! Hic locus ingenuis pueriles imbuit annos Artibus, et nostrae laudis origo fuit. Hic artes didici docuique fideliter. Изъ Hurter'a, Leben des Papstes Innocenz III. Bd. III, стр. 574.

[2]) De erud. did. VI, 3.

[3]) Hurter, цитов. соч., IV, стр. 552.

[4]) Huber, Die englischen Universitäten I, стр. 35.

Digitized by Google

заключается нѣкоторая доля эллинской *καλοκἀγαθία*, искусство сражаться на турнирахъ представляетъ гимнастику, игра на струнныхъ инструментахъ и знаніе пѣсенъ и сагъ — музыкальное образованіе, и гомеровскіе герои, образцы эфебовъ, имѣютъ нѣкоторую аналогію въ образцахъ рыцарской добродѣтели, восхваляющихъ приключенія; въ сильной, ловкой, закругленной личности знаніе и умѣнье соединяются въ прекрасное единство, благородная игра силъ служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и подготовкою къ выполненію жизненныхъ задачъ. И однако при ближайшемъ разсмотрѣніи и эта форма духовной культуры не выходитъ изъ рамокъ средневѣковой жизни. Религія и здѣсь составляетъ конечную цѣль: благородный мальчикъ долженъ сдѣлаться борцомъ за Христа, онъ получаетъ рыцарскій ударъ „во славу Бога и Маріи", онъ готовится не только къ службѣ князю, но и къ служенію церкви, и военное паломничество съ братьями по оружію составляетъ его высшую жизненную задачу. Если бы мы стали искать нѣчто до нѣкоторой степени родственное этому явленію въ древности, то можно было бы назвать, напр., *φύλακες* (стражей) платоновскаго государства, готовящихся къ охранѣ общества, идеальныя блага котораго призваны хранить начальники, посвятившіе себя созерцанію вѣчнаго. И строгость подготовки рыцаря напоминаетъ скорѣе предписанія Платона, чѣмъ обычное у грековъ воспитаніе. Молодой господинъ не избавлялся отъ учебной тяготы; онъ долженъ былъ, какъ говорится въ Тристанѣ Готфрида, „въ странахъ далекихъ и чуждыхъ изучать чужіе языки; а прежде всего науку книжную, которою онъ долженъ былъ заниматься со всею силою прежде всякаго иного ученія: это была первая тяжесть, первое паденіе изъ состоянія свободы... книжная наука и принужденіе были началомъ его заботъ; на странствія по книгамъ и языкамъ употреблялъ онъ много своихъ часовъ". Такимъ образомъ христіанская серьезность не исчезаетъ и въ образованіи господствующаго свѣтскаго сословія, и если въ эстетическомъ совершенствѣ оно уступаетъ своему

Digitized by Google

античному образцу, то нравственное содержаніе его значительно выше.

Жаловались на то, что средніе вѣка, фиксируя умъ человѣка на мірѣ небесномъ, удерживали его отъ „человѣчески изящной и гармонической обработки міра земного“, и что ихъ „односторонній спиритуализмъ“ препятствовалъ пониманію древнихъ, общенію съ природой, безпристрастной оцѣнкѣ человѣческихъ силъ. Признавая въ извѣстныхъ предѣлахъ эти недостатки, слѣдовало бы однако принять въ соображеніе и то, чѣмъ обладали средніе вѣка въ этомъ глубокомъ и серьезномъ стремленіи къ иному міру и въ своемъ движеніи въ сторону міра духовнаго и внутренняго. И если въ такихъ вещахъ вообще умѣстны какія-либо жалобы, то при безпристрастномъ изслѣдованіи дѣла скорѣе можно было бы пожаловаться на то, какъ мало, въ концѣ концовъ, можетъ обнять человѣческое сознаніе и сердце, вынуждаемое для усвоенія новыхъ благъ жертвовать въ значительной мѣрѣ старыми, и какъ узко наше поле зрѣнія, если въ то время, когда мѣсто на немъ занимаетъ земля, съ него угрожаетъ исчезнуть небо, и такимъ образомъ каждый успѣхъ приходится покупать потерями, всякій ростъ одного органа — искривленіемъ другого.

Digitized by Google

VII.

Возрожденіе.

---

§ 21.

Въ духовной жизни среднихъ вѣковъ древность постоянно была и точкой приложенія и точкой опоры: схоластика опиралась на Аристотеля, энциклопедическая ученость — на сокровища знанія, собранныя римскими писателями, обученіе — на систему свободныхъ искусствъ и на извѣстный, правда ограниченный, кругъ древнихъ авторовъ, латинскій языкъ былъ органомъ ученой литературы и основою всякаго высшаго образованія. Поэтому, когда въ числѣ предѣльныхъ границъ средневѣковья называютъ возобновленіе интереса къ изученію древности, то при этомъ не можетъ быть и рѣчи о находкѣ пропавшей вещи, о вступленіи на оставленные пути; въ дѣйствительности не столько новый предметъ вступилъ теперь въ поле зрѣнія, сколько установилась новая точка зрѣнія, преобразовавшая и самый кругозоръ. Средніе вѣка въ духовныхъ сокровищахъ древности видѣли цѣнное наслѣдство, безъ котораго нельзя обойтись при собственномъ творчествѣ, и которое, съ одной стороны, заслуживаетъ ученаго уваженія, но, съ другой стороны, все же должно быть подчинено интересамъ настоящаго; сочиненія древнихъ были для средневѣковья канономъ свѣтской мудрости, источникомъ пособій и доказательствъ, а вмѣстѣ и ядромъ, вокругъ котораго все болѣе и болѣе широкими кругами располагалась ученая свѣтская письменность, такъ что по-

Digitized by Google

слѣдняя въ извѣстномъ отношеніи казалась продолженіемъ античной, особенно римской, литературы, и эта послѣдняя столь же мало считалась документомъ или памятникомъ законченнаго и давно прошедшаго времени, какъ латинскій языкъ — языкомъ мертвымъ, а римское государство — исчезнувшимъ.

Новая точка зрѣнія разрываетъ съ этимъ простымъ, можно сказать, наивнымъ взглядомъ и ставитъ древность на другое зрительное разстояніе. Въ произведеніяхъ древнихъ, и притомъ по преимуществу въ произведеніяхъ поэтическихъ, ораторскихъ и историческихъ, на которыя средневѣковье смотрѣло, какъ на придатки artes, она видитъ своеобразное и величавое человѣчество давно прошедшихъ временъ, міръ, полный ясно очерченныхъ возвышенныхъ образовъ, пеструю ткань, на которую можно смотрѣть и которой можно подражать, но которую нельзя уже ткать далѣе; для нея изъ древнихъ книгъ звучитъ живая рѣчь людей прошлаго къ людямъ настоящаго, проникнутымъ такимъ же настроеніемъ, устанавливая идеальное общеніе съ умами древности. Исторически древность отступаетъ вдаль, чтобы производить на живыхъ болѣе непрерывное и всестороннее гуманизирующее вліяніе, языки древности считаются мертвыми, но классическими и потому безсмертными.

Въ виду этого названіе періода духовной жизни, начинающагося съ этой новой точки зрѣнія на древность, періодомъ гуманизма вполнѣ справедливо; правда, не въ томъ смыслѣ, будто христіанское средневѣковье не имѣло глубокихъ воззрѣній на природу человѣка или не испытывало истинно человѣческихъ ощущеній и не вызвало истинно человѣческой дѣятельности, но въ томъ смыслѣ, что теперь чрезъ книги стали доходить до людей, стали почерпать изъ нихъ пищу для всякихъ человѣческихъ движеній и интересовъ, начали распознавать различіе временъ и національныхъ характеровъ и въ то же время перебросили мостъ чрезъ это различіе и снова пріобрѣли способность по-

Digitized by Google

нимать античную гуманность съ ея яснымъ широкимъ взоромъ и ея простыми благородными формами. Однако выраженіе гуманизмъ не вполнѣ пригодно для того, чтобы обнять въ одномъ общемъ представленіи ту форму, какую отмѣченное выше движеніе сообщило образованію, потому что теорія обученія и исторія образованія такъ часто и нерѣдко такъ безсмысленно пользовались этимъ выраженіемъ, что характерный смыслъ его сдѣлался почти неузнаваемымъ. Къ тому же вошло въ обычай противопоставлять гуманизму, какъ руководящему принципу образованія въ XV и XVI вѣкѣ, реализмъ XVII вѣка — обычай, въ которомъ имѣлись въ виду болѣе педагогическія теоріи, чѣмъ образованіе въ его цѣломъ — и потому это выраженіе сдѣлалось непригоднымъ для обозначенія всей исторической сферы, которую должно обнять наше изслѣдованіе. Такимъ образомъ для исторіи образованія, а особенно для нашей работы, благоразумнѣе заимствовать изъ исторіи искусствъ названіе, которое, правда, также можетъ вызвать недоразумѣнія, но не наталкивается на вышеуказанныя затрудненія и вмѣстѣ съ тѣмъ въ словоупотребленіи все болѣе и болѣе распространяется съ области искусства на болѣе широкую область духовной жизни вообще, имя: Возрожденіе. Исторія искусства обозначаетъ этимъ именемъ художественное творчество, вызванное изученіемъ древности и существенно связанное съ античными идеями и мотивами. Это творчество начинается въ Италіи въ XV вѣкѣ, достигаетъ вершины своего развитія и дѣлается господствующимъ въ слѣдующемъ вѣкѣ и въ XVII вѣкѣ переходитъ въ стиль и вкусъ Рококо. Исторія образованія также нуждается въ какомъ-либо терминѣ для обозначенія продолжавшейся около трехъ столѣтій работы, которая имѣла своею цѣлію усвоить образованію и образовательнымъ учрежденіямъ античные матеріалы и идеи. И эта работа, начинаясь въ Италіи, становится европейскою, въ XVI вѣкѣ обнаруживаетъ наибольшіе успѣхи, но продолжается еще и въ полиматіи слѣдующаго вѣка. Здѣсь, какъ и тамъ,

Digitized by Google

рѣчь можетъ быть о возрожденіи не въ безусловномъ, а только въ ограниченномъ смыслѣ. Искусство не нуждалось въ возрожденіи, такъ какъ оно никогда не вымирало, разъ романскіе и готическіе соборы могутъ помѣряться съ лучшими произведеніями всякаго времени; точно также нельзя сказать, чтобы наука и образованіе исчезли въ общераспространенныхъ учебныхъ занятіяхъ и придворныхъ кругахъ средневѣковья, наоборотъ, они породили тамъ цвѣты, въ которыхъ только пристрастные дѣятели эпохи переворота могли горделиво усматривать варварство: но, дѣйствительно, все творчество возрождено было въ смыслѣ оплодотворенія элементами, которые ранѣе дѣйствовали лишь не прямо и частично, а теперь раскрыли всю свою силу, — въ смыслѣ глубокаго и освобождающаго новыя силы возбужденія новымъ принципомъ, который опредѣлялъ собою кругозоръ, міровоззрѣніе, жизненное чувство упомянутыхъ поколѣній. Можно говорить и о возрожденіи образованія, въ томъ смыслѣ, что образованіе и непосредственно обогатилось и стало на новые пути, усвоивъ себѣ тенденціи, формы и матеріалы античной духовной культуры, и посредственно подверглось оживляющимъ воздѣйствіямъ, которыя шли на него со стороны различныхъ оплодотворенныхъ новымъ принципомъ областей творчества. Однако при этомъ не слѣдуетъ опускать изъ виду и того, что возрожденіе повело за собою и вымираніе прежнихъ стремленій, преданность новому принципу вызвала разрывъ съ прошлымъ, и въ силу этого разрыва могло случиться, что для насъ греко-римская древность сдѣлалась болѣе родственною, чѣмъ христіанское средневѣковье, чужбина болѣе сродною, чѣмъ собственное прошлое, и въ XIX вѣкѣ потребовалось второе возрожденіе или реставрація, чтобы до нѣкоторой степени вновь связать порванныя нити и удовлетворить историческому сознанію.

Хотя въ своемъ стремленіи сообщить образованію античный характеръ дѣятели разсматриваемой эпохи имѣли въ виду древность вообще, но руководящимъ

Digitized by Google

началомъ является при этомъ преимущественно римское пониманіе задачъ образованія. Правда, греческій языкъ, которымъ въ средніе вѣка занимались только ученые, и то въ единичныхъ случаяхъ, возвышается до значенія особой области образовательныхъ занятій, и нѣтъ даже недостатка въ голосахъ, требующихъ, чтобы во времени и размѣрахъ ему давалось первенство предъ латинскимъ; но, подобно тому какъ послѣдній остается господствующимъ учебнымъ предметомъ, такъ institutiones Квинтиліана составляютъ кодексъ гуманистической дидактики. Не эллинская *παιδεία* съ ея музыкально-гимнастическою основою, ея энциклическимъ развѣтвленіемъ въ математическихъ дисциплинахъ и съ ея завершеніемъ въ философіи является путеводною звѣздою учебныхъ занятій, но римская элоквенція. Послѣдняя, имѣя существенно формальный характеръ, ищетъ себѣ восполненія въ разнообразной эрудиціи, но не имѣетъ внутренней связи съ философіей. Отсюда въ эпоху Возрожденія происходитъ такъ часто доходившая до односторонности тенденція образованія къ словесной способности, fari posse, какъ къ завершенію и пробному камню всякаго образованія, школьная стилистическая дрессировка, культъ Цицерона и реторики, воспламенившаяся продуктивность латинистовъ. Пріобрѣтеніе положительныхъ знаній скоро отступило на задній планъ передъ задачею усвоенія латинскаго языка, даже самое содержаніе авторовъ — предъ изученіемъ примѣняемаго ими словеснаго искусства. Дѣйствительно, никогда образованіемъ не овладѣвали въ такой мѣрѣ чары языка и никогда не тяготѣло оно въ такой степени къ словесной производительности, даже у самихъ римлянъ, какъ и всегда подражаніе превосходитъ мотивы своего образца. Какъ будто снова пробудилось тогда долго дремавшее чувство къ благороднѣйшимъ изъ всѣхъ художественныхъ матеріаловъ, къ самому тонкому изъ всѣхъ орудій, и если мы не хотимъ быть несправедливыми къ формалистической тенденціи того времени, ее слѣдуетъ противопоставить

Digitized by Google

натурализму, съ какимъ средніе вѣка пользовались языкомъ Рима, какъ орудіемъ учености, безъ эстетическаго пониманія и сознательно художественныхъ мотивовъ. Пусть это пробужденіе Туллія и Марона заключаетъ въ себѣ нѣчто поддѣльное и искусственное, пусть виртуозность poëtae laureati (увѣнчанныхъ поэтовъ) предъ безсознательною силою языка рыцарскихъ поэтовъ кажется пустою и холодною, во всякомъ случаѣ увлеченіе организмомъ высоко-развитаго языка и стремленіе подслушать у него его технику до тончайшихъ оттѣнковъ были школою филологическаго чутья и вкуса, и современные народы едва ли будутъ жалѣть о томъ, что они прошли эту школу.

Понятіе элоквенціи или латинства понималось такъ широко, что заключало въ себѣ всю область эстетическаго облагороженія духа и какъ бы простиралось до порога или даже за порогъ нравственнаго и религіознаго момента образованія. Такъ, Эразмъ въ похвалу своихъ Colloquia могъ говорить, будто они — съ трудомъ вѣрится — дѣлали мальчиковъ latiniores et meliores, а Іоаннъ Штурмъ могъ ставить цѣлью школьнаго обученія sapiens atque eloquens pietas (мудрое и краснорѣчивое благочестіе). Отъ утонченія чувства изученіемъ древнихъ языковъ ожидали утонченія настроенія вообще, могучаго содѣйствія въ развитіи civilitas morum и въ этомъ непосредственномъ приложеніи интеллектуальныхъ занятій къ жизненнымъ формамъ и нравамъ, въ этомъ пониманіи образованія, какъ освобожденія отъ дикости и грубости (erudire), также можно видѣть римскую черту. Въ гармоніи благородной рѣчи, „которая, воспринимаемая ухомъ, указываетъ на пріятное созвучіе духа, болѣе понятное для насъ, чѣмъ никѣмъ не слышанная гармонія вселенной, о которой говорили нѣкогда пиѳагорейцы“ [1]), видѣли отображеніе изящнаго

[1]) Joh. Sturmius, Nobilitas litterata in H. Grotii et aliorum dissertationes de studiis instituendis Amstel. 1645, p. 166: Linguae concinnitas, quae quum auribus audientium repraesentatur, mentis suavissimum concentum indicat, qui magis intelligi a nobis potest quam coelestis machinae nunquam audita tamen tradita olim a Pythagoricis *ἁρμονία*.

Digitized by Google

человѣчества и въ искреннемъ самотверженномъ стремленіи къ этой гармоніи — путь къ совершенству, которое понимали, какъ совершенство нравственное.

Съ римскою гуманностію гуманность Возрожденія раздѣляла и космополитическую черту; такою чертою является стремленіе времени „собрать всю Европу подъ знаменемъ музъ“, и въ этомъ стремленіи шевелится нѣкоторая доза того мірообъемлющаго чувства, которое наполняло великую націю завоевателей. Лоренцо Валла, римлянинъ по рожденію, могъ съ радостью воскликнуть: „мы потеряли Римъ, но силою блестящаго господства латинскаго языка мы управляемъ значительною частію земного шара: наша Италія, наша Испанія, Германія, Паннонія, Далмація, Иллирія и многіе другіе народы, потому что гдѣ господствуетъ римскій языкъ, тамъ римское царство“ [1]). Европейская семья народовъ считала тогда себя связанною не только союзомъ вѣры, но и культомъ общихъ имъ духовныхъ предковъ — majores nostri, какъ называлъ Рейхлинъ грековъ и римлянъ. Возрожденію принадлежитъ основаніе „ученой республики“, т. е. комплекса получившихъ ученое образованіе сферъ, не связанныхъ ни націей, ни сословіемъ и послѣднею особенностію отличающихся отъ ученаго міра среднихъ вѣковъ, ядро котораго составлялъ клиръ. Но въ предѣлахъ упомянутыхъ сферъ снова возвращаются различія рожденія, даже различія пола: допускали и женщинъ къ участію въ благахъ гуманнаго образованія, и ученыя занятія въ латинскихъ элементарныхъ школахъ доходили до низшихъ сословій, изъ которыхъ образованный міръ и получалъ постоянный притокъ свѣжихъ силъ. Обработка новыхъ полей интеллектуальной дѣятельности считалась человѣческою обязанностію; ее ставили въ параллель съ обновленіемъ церковной жизни; престарѣлый каноникъ мюнстерскій, Рудольфъ фонъ-Ланге († 1519), высказываетъ надежду на то, что въ буду-

[1]) K. v. Raumer, Geschichte der Pädagogik I², стр. 42.

Digitized by Google

щемъ „изъ церквей и школъ исчезнетъ мрачный духъ, и въ церкви возвратится свѣтъ, а въ школы чистота латинскаго языка“ [1]). Дидактика XVII вѣка доходитъ уже до пониманія школы, какъ органа, а образованія — какъ функціи общества, приглашая къ попеченію о немъ государство.

Однако съ этими соціально-этическими мотивами къ попеченію объ „изящныхъ наукахъ“ переплетаются и болѣе эгоистическіе мотивы, заимствованные также отъ древности: самымъ могущественнымъ является стремленіе къ славѣ, которое было однимъ изъ сильнѣйшихъ побужденій античнаго творчества, но стѣснено и обуздано было христіанствомъ. Этотъ мотивъ является сильно выраженнымъ особенно у болѣе древнихъ итальянскихъ гуманистовъ во главѣ съ ихъ вождемъ Петраркой [2]), но и во всей новолатинской литературѣ звучитъ страстное желаніе жить въ устахъ потомства, гордость похвалою отъ современниковъ, раздраженіе тщеславія, оскорбленнаго противниками. И въ дѣлѣ юношескаго образованія слишкомъ охотно привѣтствовали совѣтъ Квинтиліана ловить учащихся на честолюбіи, которое сообщаетъ духу, какъ поднимающейся лозѣ, силу стремленія вверхъ. Такъ Іахимъ Форцій († 1536) въ своемъ наставленіи касательно обученія пишетъ: „въ глазахъ безсмертныхъ боговъ желаніе оставаться на срединѣ является знакомъ низменнаго, трусливаго, даже презрѣннаго настроенія; наоборотъ, какъ велика высота духа, побѣждающая противниковъ и одолѣвающая городъ, изъ котораго она становится видимою до конца временъ, прославляемая такимъ множествомъ тысячъ, какъ песокъ морской. Поэтому мы повелѣваемъ всѣмъ, которыхъ коснулись своимъ дыханіемъ сладкія музы, искать своей цѣли

---

[1]) Raumer, цит. соч., I², стр. 92²: ut tenebrae ex ecclesiis et scholis exstirpentur et redeat puritas in ecclesias et mundities Latini sermonis in scholas.

[2]) Ср. объ этомъ G. Voigt, Die Wiederbelebung des Altertums, Berlin 1859, стр. 72, 403 и въ другихъ мѣстахъ. (Третье изданіе 1893).

Digitized by Google

тамъ, куда стремятся самые отважные"[1]). Въ школахъ тѣмъ охотнѣе обращались къ честолюбію, что отвергли средневѣковую строгость, какъ нѣчто варварское, и такимъ образомъ возникла та система ученическихъ должностей и достоинствъ, премій и позорныхъ наказаній, которая является наиболѣе ясно выраженною въ школѣ Тротцендорфа въ Гольдбергѣ, но была въ ходу и въ школахъ іезуитовъ.

Образовательный идеалъ, въ которомъ художественная способность имѣетъ такое высокое значеніе, долженъ былъ питать стремленія, связанныя со всякою художественностію. Эта послѣдняя, основываясь на полномъ сліяніи духовнаго матеріала съ субъектомъ и на улетучиваніи этого матеріала до простого украшенія личности, является преобладающею особенностію не малаго числа характеровъ эпохи Возрожденія и оказываетъ немаловажное вліяніе на складъ духовной жизни этого времени вообще. Въ ней въ различныхъ сочетаніяхъ, смотря по индивидуальностямъ, соединяются: самочувствіе свободнаго умѣнья и творчества, многопредметный интересъ, не имѣющій родины внутри и нигдѣ не находящій ея внѣ человѣческаго духа, скептическій взглядъ на человѣческія дѣла, эпикурейская натуралистическая жизненная философія, культъ субъективности, отрѣшившейся отъ великихъ нравственныхъ и историческихъ устоевъ. Серьезный характеръ времени, особенно появленіе спорныхъ религіозныхъ вопросовъ, и работа, направленная къ укрѣпленію основъ церковной и общественной жизни, сдерживали еще эти элементы, но они послужили связующимъ звеномъ для слѣдующей эпохи: поле Вольтера обработано было Эразмомъ въ его Encomium moriae (Похвала глупости) и Жанъ-Жакъ Руссо нашелъ въ опытахъ Мишеля де Монтэня основныя черты своей педагогики.

---

[1]) Joach. Fortii, De ratione studii liber, въ поименованномъ выше на стр. 333, примѣч. 1, сборникѣ страница 252. Сочиненіе это вновь издано было Коменскимъ, и замѣчательно, что и этого поистинѣ благочестиваго мужа не соблазнялъ языческій духъ, вѣющій въ этомъ сочиненіи.

Digitized by Google

Усиленныя занятія древностію и возстановленіе античныхъ идеаловъ не могли не внести нѣкоторыхъ чуждыхъ христіанству мотивовъ въ образовательную дѣятельность: однако, эпоха Возрожденія искала послѣднихъ цѣлей этой дѣятельности тамъ, гдѣ предначертало ихъ христіанство, и въ этомъ отношеніи она совпадаетъ со средними вѣками[1]). Когда являлось желаніе выяснить отношеніе классическихъ занятій къ религіи, охотно возвращались къ великимъ отцамъ церкви, которымъ удалось примирить духъ древности съ христіанскимъ сознаніемъ; часто издавали, переводили, цитовали рѣчь св. Василія къ юношамъ; въ сильной личности Августина видѣли ручательство за возможность сліянія элементовъ, которые грозили превратиться въ непримиримыя противоположности. Что облегчало процессъ этого сліянія, такъ это было то обстоятельство, что интересъ направленъ былъ преимущественно къ формамъ античной литературы и къ подраженію этимъ формамъ: тамъ, гдѣ всего настоятельнѣе было стремленіе писать и говорить, какъ древніе, можно было оставить въ покоѣ ихъ чуждое для христіанъ представленіе о Богѣ и міровоззрѣніе. Однако умъ не въ такой уже мѣрѣ поддавался очарованію языка, чтобы языческій элементъ древнихъ писателей не производилъ въ немъ борьбы и сомнѣнія, заблужденія и разрозненности. Въ это время, особенно въ эпоху перваго расцвѣта гуманизма, не было недостатка въ людяхъ, которые проникнуты были не только античнымъ настроеніемъ, но и прямо античнымъ направленіемъ, а равно и въ такихъ людяхъ, которые, будучи язычниками по уму, но христіанами въ сердцѣ, утратили внутреннее единство; были также люди, умѣвшіе господствовать надъ противоположностями только силою чувства, а не силою мысли. У многихъ христіанство составляло лишь

[1]) Первое подробное оправданіе „поэзіи“ противъ возраженій схоластическихъ теологовъ находимъ у Боккачіо въ XIV и XV книгахъ его написанной около 1370 года Genealogia deorum, гдѣ онъ въ защиту древнихъ поэтовъ указываетъ на то, что и они были theologi, правда, не sacri.

Digitized by Google

задній фонъ той массы образовъ и идей, которая выступила изъ древнихъ книгъ; у другихъ стремленіе къ христіанскому совершенству было руководящимъ мотивомъ, который долженъ былъ подчинить себѣ новые интересы; у даровитыхъ натуръ въ итальянскихъ гуманистическихъ сферахъ преобладаетъ первое настроеніе, однако Гварино, Витторино, Пико, Траверсари относятся къ послѣднему, будучи родственными по духу первымъ нѣмецкимъ гуманистамъ Агриколѣ, Гегію, Вимфелингу, Тритемію. Въ духѣ этихъ мужей опредѣляетъ характеръ образованія испанецъ Луи Вивесъ, произведеніе котораго de disciplinis (1531) имѣетъ конститутивное значеніе для образованія въ эпоху Возрожденія[1]). „Образованіе зависитъ отъ многихъ условій: отъ природнаго дарованія, силы сужденія, памяти, изученія. Откуда три первыя? Конечно отъ Бога; только послѣднимъ можетъ похвалиться обученный человѣкъ, но оно изъ всѣхъ самое неважное и вѣситъ не тяжело; къ тому же и оно нуждается въ надлежащемъ устройствѣ тѣла и въ здоровьѣ, т. е. опять въ дарахъ Божіихъ... Поэтому мы должны просить Того, Кто даетъ все и дѣйствуетъ чрезъ насъ по волѣ своей, чтобы наше образованіе прежде всего служило къ собственному нашему благу, чтобы оно не дѣлало изъ насъ орудія на пользу другихъ, которое само предназначено къ гибели, и чтобы съ нами не случилось... какъ со свѣчами, которыя другимъ свѣтятъ, а сами сгораютъ. Всякій разъ, какъ мы приступаемъ къ занятіямъ, мы должны начинать молитвою, какъ сообщаетъ объ этомъ преданіе о Ѳомѣ Аквинатѣ и другихъ святыхъ мужахъ, и вотъ о чемъ должны мы молиться: чтобы наша духовная дѣятельность была здоровой, никому не вредила, но всѣмъ вообще приносила спасеніе“[2]).

---

[1]) Только недавно оцѣнено было значеніе Вивеса въ исторіи образованія Фр. Ланге (въ Энциклопедіи Шмида, см. слово Вивесъ, т. IX, стр. 734—814), который приписываетъ ему „одну изъ наиболѣе продуманныхъ системъ, извѣстныхъ намъ изъ исторіи педагогики“. Ср. также Höfler, Papst Hadrian VI. Wien 1880, стр. 353.

[2]) Joh. Lud. Vivis de disciplinis libri XII, Neap. 1764, стр. 385.

Digitized by Google

Въ рѣшительную стадію вступилъ процессъ ассимиляціи гуманистическихъ образовательныхъ элементовъ съ христіанствомъ съ появленіемъ религіозныхъ споровъ XVI вѣка. Сначала споры эти вообще стѣсняли образовательные интересы и отодвигали вопросъ объ изученіи древности на второй планъ, направляя умы къ богословскимъ проблемамъ. Но когда отъ борьбы перешли къ организаціи новыхъ учрежденій, гуманистическое теченіе, снова пошло своимъ путемъ, только какъ бы раздѣленное водораздѣломъ, выступившимъ изъ почвы; оба противоположныя исповѣданія стали направлять его въ свою область и опредѣлять его согласно со своими принципами. Протестантство XVI вѣка имѣетъ важныя точки соприкосновенія съ гуманизмомъ, который оно нашло предъ собою: оба они стоятъ въ оппозиціи къ среднимъ вѣкамъ и ихъ схоластикѣ; оба, обходя цѣлые вѣка, возвращаются къ древности, гуманизмъ — къ классической, протестантство — къ тому, что̀ оно выдаетъ за христіанскую древность; оба выдвигаютъ индивидуально личный элементъ въ противоположность преданію и коллективному сознанію, гуманизмъ въ эстетической сферѣ, протестантство въ области религіозной жизни. Возобновившееся изученіе древнихъ языковъ оказало такую значительную поддержку принципу возвращенія къ Священному Писанію, какъ единственной нормѣ вѣры, что Лютеръ могъ сказать: „никто не зналъ, зачѣмъ Богъ повелѣлъ явиться языкамъ, пока только теперь мы не увидѣли, что это сдѣлано было ради евангелія, которое онъ благоволилъ открыть позднѣе“. Своимъ послѣдователямъ Лютеръ далъ такое наставленіе: „если дорого намъ евангеліе, будемъ твердо держаться за языки“; филологію и теологію нельзя болѣе сблизить другъ съ другомъ, чѣмъ это дѣлаетъ тотъ же Лютеръ въ другомъ своемъ изреченіи: nihil aliud esse theologiam, nisi grammaticam in spiritus sancti verbis occupatam[1]). Въ этомъ

[1]) Теологія не что иное, какъ грамматика, занимающаяся словами Святого Духа.

Digitized by Google

духѣ производили сліяніе гуманистическихъ и христіанскихъ идей тѣ многочисленные школьные дѣятели, во главѣ которыхъ стоитъ Меланхтонъ; какъ на формулу, характеризующую цѣль образованія, какую они имѣли въ виду, можно смотрѣть на вышеупомянутое „мудрое и краснорѣчивое благочестіе“ Штурма. Если въ XVII вѣкѣ Коменскій опредѣляетъ эту цѣль, какъ подготовку къ вѣчности богопочтеніемъ, чистою нравственностію и эрудиціей, основанной на знаніи вещей и умѣніи выражаться, то въ этомъ опредѣленіи высказывается та же самая мысль только съ болѣе яснымъ указаніемъ на положительное содержаніе образовательныхъ занятій.

Католичество въ гуманистическихъ занятіяхъ видѣло прежде всего продолженіе образовательной дѣятельности среднихъ вѣковъ, только въ расширенномъ объемѣ и въ утонченной формѣ, и заботилось о сліяніи ихъ не только съ католическимъ принципомъ, но и съ существеннымъ содержаніемъ схоластики. Для него особенно важное значеніе имѣла та авторитетность древнихъ, которая составляетъ условіе возстановленія античнаго словеснаго искусства и побуждаетъ pro lege accipere, quidquid magnis auctoribus placuit (принимать за законъ то, что одобряемо было великими авторами), какъ формулировалъ это Валла[1]): авторитетъ св. Ѳомы въ догматической области имѣлъ нѣкоторую аналогію въ авторитетѣ Аристотеля въ философской области и въ авторитетѣ Цицерона въ вопросахъ стиля и композиціи. Эстетическая культура, какую даютъ древніе, не могла возбуждать серьезнаго сомнѣнія, тѣмъ болѣе, что пластическое искусство эпохи Возрожденія показало, что облагороженный на античномъ мірѣ вкусъ вовсе не отвращается отъ тѣхъ задачъ, какія ставятъ ему религія и церковь, наоборотъ, можетъ взяться за эти задачи съ усовершенствованными средствами. Нельзя было низко цѣнить и значеніе антикварной учености, такъ какъ къ существовавшимъ издавна мотивамъ, по-

[1]) Laur. Valla Elegantiae II praef.

Digitized by Google

буждавшимъ возвращаться къ источникамъ: Писанію, отцамъ и церковной исторіи, присоединилась еще необходимость искать противниковъ на ихъ собственной почвѣ, и развитіе пробудившагося историческаго интереса вообще могло имѣть лишь высокую цѣну. Регулированная и опредѣленная учебная дѣятельность, какую юношество должно было посвятить древнимъ языкамъ, представлялась также и средствомъ дисциплины и объединенія воспитательной дѣятельности.

Несмотря на это, мысль, что сочиненія древнихъ все же являются источникомъ языческаго направленія, тамъ и сямъ находитъ себѣ выраженіе какъ у католиковъ, такъ и у протестантовъ; дѣлаются и напоминанія о неодобрительныхъ отзывахъ отцовъ церкви о греко-римской литературѣ. Ученый іезуитъ Поссевинъ требовалъ, чтобы въ основу обученія юношества полагались только христіанскіе авторы[1]), и Коменскій — но крайней мѣрѣ, въ своей дидактикѣ — высказывается за латинство безъ возвращенія къ классикамъ[2]). Но господствующій взглядъ склонялся къ той мысли, что нельзя обойтись безъ образцовыхъ произведеній древности въ дѣлѣ образованія разума и развитія филологическаго сознанія, и что въ христіанскомъ учебномъ матеріалѣ достаточно силы для подавленія чуждыхъ моментовъ, заключающихся, можетъ-быть, въ этихъ произведеніяхъ.

§ 22.

Самый обширный и важный предметъ образовательныхъ занятій въ эпоху Возрожденія представляетъ новая, современная наука, филологія. Она зародилась въ XIV вѣкѣ въ Италіи, не столько какъ наука, сколько какъ органъ всеобщей духовной потребности, и первоначально въ такой же мѣрѣ направлена была на собираніе антикварнаго матеріала, какъ и на оживленіе словеснаго искусства. Только послѣ выполненія пред-

[1]) Gaume, цитов. соч., стр. 81.
[2]) Did. magna, cap. 25.

Digitized by Google

варительной черновой ученой работы развилась эстетически-формальная тенденція, характеризующая итальянскую эпоху. Преимущественно благодаря французскимъ ученымъ, „изящныя науки“ получили вмѣстѣ и тенденцію къ строгому изслѣдованію и расширенію познаній; культъ формы встрѣтилъ себѣ противовѣсъ въ стремленіи возстановить thesaurus eruditionis и достигнуть универсальнаго пониманія античной жизни. Однако для рѣшенія послѣдней задачи этому времени недоставало предварительныхъ философскихъ работъ, и филологія усвоила себѣ направленіе въ сторону полиматической учености, которая въ XVII вѣкѣ привлекала къ себѣ особенный интересъ и по другимъ причинамъ.

Но въ качествѣ школьной науки филологія всюду обнаруживаетъ формальный характеръ: по господствующему воззрѣнію школа должна обращать свое вниманіе на краснорѣчіе, тогда какъ пріобрѣтеніе эрудиціи падаетъ на долю дальнѣйшихъ занятій въ болѣе зрѣлые годы. Эразмъ, дидактическія указанія котораго имѣли величайшее вліяніе, хотя и придаетъ изученію вещей болѣе высокое значеніе, но пальму первенства оставляетъ за изученіемъ словъ и предостерегаетъ отъ склонности спѣшить „неумытыми ногами“ къ изученію вещей[1]). Въ школьныхъ планахъ для усвоенія содержанія и пріобрѣтенія антикварныхъ познаній или вовсе не отводится никакого мѣста, или, какъ въ учебномъ планѣ іезуитовъ, подъ именемъ эрудиціи требуются случайныя сообщенія о разныхъ ученыхъ матеріяхъ, болѣе для возбужденія и оживленія и во всякомъ случаѣ не на счетъ стилистическихъ упражненій[2]). Только ди-

---

[1]) Erasmus, De ratione studii tract. in.: „Principio duplex omnino videtur cognitio, rerum ac verborum; verborum prior, rerum potior. Sed nonnuli, dum ἀνίπποις (ut ajunt) ποσίν ad res discendas festinant, sermonis curam neglegunt et male affectato compendio, in maxima incidunt dispendia.

[2]) Въ Ratio atque institutio stud. S. J. относительно класса гуманности предписывается: „Eruditio modice usurpetur, ut ingenia excitet interdum ac recreet, non ut linguae observationem impediat“ (въ умѣренныхъ размѣрахъ слѣдуетъ пользоваться эрудиціей, чтобы по временамъ возбуждать и оживлять духовныя силы, но не для того, чтобы мѣшать

Digitized by Google

дактики XVII вѣка требуютъ постоянной связи словеснаго и реальнаго преподаванія; но и Orbis pictus есть прежде всего только учебникъ латинскаго языка, который вызываетъ пеструю массу предметныхъ представленій для упроченія въ памяти вокабулъ, но вовсе не можетъ и не имѣетъ претензіи быть подготовительною школою чтенія, имѣющаго въ виду содержаніе и предметъ и вырабатывающаго изъ языка идейный матеріалъ: такое чтеніе въ то время находилось въ неблагопріятныхъ условіяхъ какъ вслѣдствіе стремленія къ краснорѣчію, такъ и вслѣдствіе развитія интереса къ полиматіи.

Центръ тяжести преподаванія такъ явственно сосредоточивался въ латинскомъ языкѣ, что большая часть указаній относительно преподаванія, не исключая сочиненій дидактиковъ, ограничиваются этимъ предметомъ. Изъ авторовъ преобладаетъ Цицеронъ, который былъ и образцомъ эпистолярнаго стиля — письма его въ выборѣ Штурма употреблялись въ качествѣ элементарнаго учебника — и образцомъ ораторскаго и философскаго изложенія. Въ сочиненіяхъ историковъ съ особенною любовію изучали рѣчи; такъ, Тротцендорфъ изъ Ливія заставлялъ читать только рѣчи съ пропускомъ историческихъ частей. Изъ поэтовъ, кромѣ Овидія, Виргилія и Горація, въ протестантскихъ школахъ предпочитались Теренцій и Плавтъ, въ виду разговорной латыни, заключавшейся въ ихъ произведеніяхъ; то обстоятельство, что при этомъ нимало не смущались соблазнительнымъ содержаніемъ, опять свидѣтельствуетъ лишь о томъ, какъ мало размышляли тогда о содержаніи вообще[1]). Особенное значеніе придавалось усвоенію гномъ,

---

изученію языка); въ качествѣ матерій для класса реторики указываются: „eruditio ex historia et moribus gentium, ex auctoritate scriptorum et ex omni doctrina, sed parcius ad captum discipulorum accersenda“ (эрудиція изъ исторіи и нравовъ язычниковъ, изъ авторитета писаній и всякой доктрины, но привлекаемая въ умѣренныхъ размѣрахъ съ цѣлію увлечь учениковъ).

[1]) Правда, Виртембергскій школьный уставъ опредѣляетъ, чтобы въ сомнительныхъ мѣстахъ „Praeceptores (наставники) указывали, какъ слѣпые Ethnici (язычники) ничего не знали о Богѣ и Его словѣ, по-

Digitized by Google

сентенцій, красивыхъ мѣстъ, какъ украшеній и приправъ стиля, и этому усвоенію служили не только школьныя руководства, какъ, напр., многочисленныя Adagia, Florilegia, Spicilegia и т. д., но и сборники, которые должны были составлять сами учащіеся. Учебныя пособія средневѣковья не безъ раздраженія отодвинуты были въ сторону; Doctrinale Александра пользовалось дурною славою, какъ варварское руководство, и попытка нидерландца Депотера (Jan von Pauteren, † 1526) изложить грамматику и стилистику въ болѣе изящныхъ стихахъ встрѣтила мало сочувствія. Школьной грамматикѣ, не обращая вниманія на дидактическія пособія къ облегченію ея изученія, сообщили абстрактную форму и значительно расширили ея матеріалъ. Лубинъ жалуется (1614), что ученикамъ приходилось изучать не менѣе 180 техническихъ выраженій и болѣе 70 синтаксическихъ правилъ со столькими же исключеніями, которыя къ тому же такъ темны, что съ трудомъ понимались наиболѣе успѣвающими[1]). Злоупотребленія такого рода вызвали появленіе противоположнаго крайняго требованія преподавать латынь по способу отечественнаго языка, — которое мимоходомъ высказалъ Монтэнь и методически старался провести Ратке, примыкая отчасти къ старинному раввинскому методу (см. выше § 7, стр. 160); средній путь избралъ Коменскій въ своихъ руководствахъ по языку, изъ которыхъ Vestibulum въ обработкѣ 1648 (Opp. did. III, p. 134—214) является лучшимъ изъ методическихъ опытовъ того времени.

Греческій принципіально считался равноцѣннымъ съ латинскимъ; Эразмъ говоритъ, что все достойное знанія изложено на этихъ двухъ языкахъ, и что при

добно тому, какъ ничего не знаютъ о нихъ и нетвердые христіане, чтобы на ряду съ такими мѣстами приводили exemplum (примѣръ) и testimonium sacrae Scripturae (свидѣтельство Священ. Писанія) о томъ, какъ Богъ Господь справедливо наказывалъ эти пороки, и чтобы всячески старались не ввести въ соблазнъ неразумную, нѣжную юность". Vormbaum, Evang. Schulordnungen I, стр. 83.

[1]) Raumer, Geschichte der Pädagogik, III³, стр, 83.

Digitized by Google

ихъ родствѣ между собою ихъ легче можно изучить въ связи, чѣмъ въ отдѣльности, и Вивесъ держится такого же мнѣнія, хотя не скрываетъ отъ себя трудностей греческаго языка, котораго magni labyrinthi et vastissimi recessus (великіе лабиринты и огромнѣйшія пустыни) внушаютъ ему сомнѣнія. Требованіе Квинтиліана начинать съ греческаго часто подвергается изслѣдованію; вѣроятно, уже Витторино да-Фельтре († 1446) преподавалъ древніе языки въ такомъ порядкѣ; Робертъ Стефанъ (Р. Этьенъ, † 1558) при обученіи своего сына Генриха († 1598) начиналъ съ греческаго, и Таннегю Лефевръ (Tanneguy Lefèbre, † 1672) въ такомъ же порядкѣ велъ занятія своего сына и своей дочери, впослѣдствіи прославившейся подъ именемъ мадамъ Дасье (Dacier)[1]); вмѣстѣ съ тѣмъ Лефевръ защищалъ взглядъ, что изученіе греческаго слѣдуетъ основывать на Гомерѣ, какъ это съ геніальною смѣлостію выполнилъ Іосифъ Скалигеръ.[2]) Не было недостатка въ энтузіазмѣ въ отношеніи къ „отцу поэтовъ“; Клодъ Белургскій, который ввелъ греческій языкъ въ Collège de Navarra (Наваррскую коллегію) въ Парижѣ, допустилъ Гомера въ богослуженіе, заказывалъ для себя художникамъ гомеровскія фигуры и предпринялъ путешествіе въ Трою, подчинившись всѣмъ тяжестямъ этого путешествія, при чемъ у него пропалъ обширный комментарій на Гомера[3]); когда Мартинъ Крузій читалъ въ Тюбингенѣ о Гомерѣ, его аудиторію пришлось увеличить разрушеніемъ стѣны и впослѣдствіи она получила имя auditorium Homericum (Гомеровская аудиторія)[4]). Учебные планы нерѣдко ставятъ начало греческаго преподаванія одновременно съ началомъ латинскаго — такъ Ratio atque institutio іезуитовъ — и называютъ большое число авторовъ, какъ древне-классическихъ, такъ и христіанскихъ, но общая практика

---

[1]) Morhof Polyhistor litterarius II, 9, § 47. Лефевръ изложилъ свои взгляды на ходъ обученія въ своемъ Méthode pour commencer les humanités Grecques et Latines 1672.

[2]) J. Bernays, J. J. Scaliger, Berlin 1855, стр. 35.

[3]) Morhof, цитов. соч. VII, 2, § 2.

[4]) J. M. Gesner, Isagoge in erud. univ. ed. Nicl. 1773, I, § 154.

Digitized by Google

въ большинствѣ случаевъ оставалась далеко ниже этихъ плановъ. Въ протестантскихъ школахъ читали Новый Завѣтъ и нѣкоторыя нравственныя сочиненія, напр. Memorabilia Ксенофонта и картину Кебеса, или приписываемое Плутарху изслѣдованіе о воспитаніи; въ католическихъ — Эзопа, Фокилида и нѣкоторые отдѣлы изъ св. Іоанна Златоуста и другихъ. По числу часовъ на греческій въ лучшемъ случаѣ отводилась половина времени, назначавшагося на латинскій. Особенно въ XVI вѣкѣ школы продолжали занятія этимъ учебнымъ предметомъ только ради гонора, и высказывается взглядъ, что въ сущности онъ имѣетъ значеніе только для спеціальныхъ занятій теолога и врача, подобно еврейскому и арабскому языкамъ[1]); даже Декартъ заявлялъ, что изученіе греческаго языка столь же излишне, какъ изученіе бретонскаго жаргона[2]). Вкусъ времени находилъ образцы поэтическаго искусства въ Энеидѣ, въ трагедіяхъ Сенеки и въ поэзіи Горація, тогда какъ Гомеръ казался ему дѣтскимъ и неуклюжимъ, Софоклъ и Пиндаръ — напыщенными и темными. Романскіе народы, на долю которыхъ падаетъ руководящая роль въ эпоху Возрожденія, чувствовали себя подъ такимъ преобладающимъ вліяніемъ родственнаго имъ по происхожденію римскаго духа, что греческій міръ не былъ для нихъ живымъ міромъ, и только въ эпоху новаго расцвѣта, какой переживало Возрожденіе въ концѣ XVIII вѣка въ нѣмецкой литературѣ, суждено было найти непосредственное отношеніе къ грекамъ.

Интересъ къ изслѣдованію Библіи повелъ за собою и принятіе еврейскаго языка въ число средствъ ученаго образованія; для Германіи Рейхлинъ былъ одновременно и учителемъ греческаго и учителемъ еврейскаго языка; въ протестантскихъ школахъ языкъ Библіи получилъ

---

[1]) Comenius did. magn. 22, I. — Что арабскій языкъ не лишился тогда своего значенія для врачебной науки, это видно изъ того, что канонъ Авиценны сохранялъ высокій авторитетъ; въ XIV и XV вѣкѣ онъ напечатанъ былъ болѣе дюжины разъ на латинскомъ языкѣ. Sprenger, Mohammed. Berlin 1861, I, IV.

[2]) Oeuvres, ed. Cousin XI, p. 341 изъ Энцикл. Шмида II[1], стр. 911.

Digitized by Google

себѣ прочное мѣсто. Образовательное значеніе его Михаэль Неандеръ указываетъ въ слѣдующихъ словахъ: „но Hebraea Lingua (еврейскій языкъ) не только полезенъ Theologis (богословамъ), но необходимъ и всѣмъ Studiosis (студентамъ), почему они и должны сохранять его въ памяти въ теченіе всей жизни, такъ какъ онъ есть alma mater omnium linguarum omnibus aetatibus omnium gentium (высшая мать всѣхъ языковъ во всѣ вѣка у всѣхъ народовъ), всѣ они вышли изъ ея тѣла, всѣмъ имъ она даетъ и за то не беретъ и не заимствуетъ ничего ни у одного языка... Поэтому Lingua Hebraea (еврейскій языкъ) слѣдуетъ изучать и ради удовольствія и prorter collationem cum aliis Linguis (въ виду связи его съ другими языками), а также prorter utilem explicationem multarum rerum in omni vita (въ видахъ полезнаго объясненія многихъ вещей во всей жизни) и propter Grammaticam Latinam (ради латинской грамматики), гдѣ иногда является мысль de declinatione nominum Hebraeorum (о склоненіи еврейскихъ именъ); изучать его слѣдуетъ всякому, кто способенъ и имѣетъ случай къ этому“ [1]).

Несмотря на свое античное происхожденіе и высокій авторитетъ въ глазахъ римлянъ, система семи свободныхъ искусствъ въ эпоху Возрожденія не пользовалась прежнимъ уваженіемъ, что объясняется частію тѣмъ, что система эта — не считая переработокъ средневѣковыхъ — имѣлась только въ позднѣйшихъ латинскихъ переработкахъ, стиль которыхъ расходился съ вкусомъ времени, частію тѣмъ, что отдѣльные члены этой системы вызывали весьма различный интересъ. Грамматика и реторика изъ положенія подготовительныхъ дисциплинъ возвысились до положенія дисциплинъ господствующихъ и сдѣлались органомъ образованія въ

[1]) Мысли Михаэля Неандера о томъ, какъ руководить и обучать мальчика и т. д., напечатаны у Vormbaum'a, Evangelische Schulordnungen. Gütersloh 1860, I, стр. 747—765. Замѣчанія реформаторовъ у Öhler'a, Schmid, Encyklopädie III², стр. 348. Находящіяся здѣсь указанія о занятіяхъ еврейскимъ языкомъ въ IX вѣкѣ нуждаются въ дополненіяхъ изъ сочиненія L. Geiger'a объ этомъ предметѣ.

Digitized by Google

собственномъ смыслѣ. Діалектика въ ея средне-вѣковой формѣ была предметомъ нападокъ со стороны гуманистовъ, и, однако, какъ учебная дисциплина, была необходимостью, такъ какъ законченное стилистическое образованіе не могло обойтись безъ ars disserendi (искусства разсуждать). Преобладающій интересъ къ словесному образованію ума велъ къ сближенію логики съ реторикою и къ пониманію ея, какъ искусства сообщать рѣчи идейную силу. Часто всѣ три искусства тривіума сводятся къ рѣчи: грамматика учитъ о sermo emendatus (исправная рѣчь), діалектика — о sermo probabilis (вѣроятная рѣчь), реторика — о sermo ornatus (рѣчь украшенная)[1]. Меланхтонъ понималъ діалектику какъ ars et via docendi (искусство и способъ обученія), слѣдовательно, какъ искусство изложенія, такъ что въ сущности она заключаетъ въ себѣ дидактику, которая впослѣдствіи выступила самостоятельно. Источникъ логическихъ теорій приходилось теперь видѣть уже не только въ Аристотелѣ, но и въ ораторской и реторической литературѣ. Вивесъ и Ницолій „не скрываютъ, что они болѣе обязаны Цицерону, чѣмъ сократикамъ Платону и Аристотелю, потому что послѣдніе отдѣлили философію отъ реторики“[2]), и Петръ Рамусъ († 1572) могъ высказать мысль, что путемъ точнаго наблюденія того способа, какимъ Цицеронъ и другіе ораторы убѣждаютъ своихъ слушателей, правила логики узнаются лучше, чѣмъ изъ Аристотелевскаго органона. Въ основѣ произведенной Рамусомъ реформы логики, которая при своемъ появленіи вызвала упорное сопротивленіе, лежитъ идея, что ученіе о мышленіи и ученіе о рѣчи суть части одной обширной науки, ученія объ образованіи идей, и хотя изъ этой идеи выведены были далеко не всѣ слѣдствія, однако она остается достопамятнымъ продуктомъ образованія въ эпоху Возрожденія и до нѣкоторой

---

[1]) Такъ дѣлаетъ Jacob Micyllus (Molzer), ректоръ во Франкфуртѣ на Майнѣ, ср. Helfenstein, Die Entwickelung des Schulwesens in Bezug auf Frankfurt, 1858, стр. 90.

[2]) Erdmann, Grundriss der Geschichte der Philosophie. Berlin 1869, I², стр. 500.

Digitized by Google

степени опредѣляла форму логической системы до нашихъ дней[1]).

Если такимъ образомъ дисциплины тривіума получаютъ новое развитіе, то уже вслѣдствіе этого математическія дисциплины квадривіума, какъ общеобразовательный элементъ, тѣмъ болѣе отступаютъ на задній планъ. Въ вѣкъ Коперника и Галилея слѣдовало бы ожидать противнаго, но именно новая постановка и научное обоснованіе математическаго изслѣдованія ведутъ за собою то, что это изслѣдованіе какъ бы удаляется изъ болѣе широкихъ сферъ, требующихъ только готовыхъ результатовъ; точно такъ же преобладаніе какъ филологическаго, такъ и полиматическаго интереса среди образованныхъ людей было неблагопріятно для этихъ занятій[2]). Да и у сторонниковъ направленія въ сторону предметнаго знанія эти занятія при своемъ абстрактномъ характерѣ не имѣютъ особенно важнаго значенія; Коменскій хочетъ связать преподаваніе математики съ матеріями изъ области ремесленной[3]) и въ Janua и Orbis pictus ограничивается самыми скудными указаніями; школы тамъ, гдѣ онѣ принимаютъ въ свой учебный планъ квадривіумъ, что мы встрѣчаемъ въ рѣдкихъ случаяхъ, остаются при птоломеевской системѣ, и самъ Коменскій даже не упоминаетъ о коперниковской[4]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 501. Со временъ Рамуса начинается различеніе естественной и искусственной логики и ученіе о понятіи ставится прежде ученія о сужденіи.

[2]) Такъ Галилей въ одномъ письмѣ къ Кеплеру жалуется: „что скажешь ты о первыхъ учителяхъ въ Падуанской гимназіи, которые, когда я предложилъ имъ, не хотѣли смотрѣть ни на планеты, ни на луну, ни на телескопъ? Эти люди считаютъ философію за книгу въ родѣ Эненды или Одиссеи и думаютъ, что истину слѣдуетъ искать не въ мірѣ или природѣ, а только въ сравненіи текстовъ. Какъ ты посмѣялся бы, когда въ Пизѣ первый учитель тамошней гимназіи въ присутствіи великаго герцога старался свести съ неба новыя планеты логическими доказательствами, какъ магическими заклинаніями“.

[3]) Did. magn. 30, 8.

[4]) Такъ въ Janua (амстердамское изданіе 1662 г.), §§ 31 и далѣе, о солнцѣ и лунѣ говорится, какъ о планетахъ, упоминается о кругахъ Меркурія и т. д., о восьмой сферѣ неподвижныхъ звѣздъ и т. д., и это 119 лѣтъ спустя послѣ появленія De orbium coelestium revolucionibus libri VI.

Digitized by Google

Философія также теряетъ свою популярность; ни одинъ поэтъ эпохи Возрожденія не могъ бы подражать Данте, который въ произведеніи, назначенномъ для всей націи, рѣшается изслѣдовать труднѣйшіе метафизическіе и морально-философскіе вопросы, потому-что схоластика сдѣлала ихъ ходячими. Возобновленіе античныхъ системъ, которое было теперь предпринято, занимало лишь избранные кружки; еще менѣе могли сдѣлаться общимъ достояніемъ попытки проложить новые пути. А школы продолжали держаться аристотелевскихъ схоластическихъ традицій; для латинистовъ Цицеронъ былъ почти единственнымъ источникомъ философскихъ идей.

Зато тѣмъ живѣе былъ интересъ къ разнообразному эмпирико-историческому образовательному знанію, которое требовалось уже какъ неизбѣжное восполненіе краснорѣчія. Эпоха Возрожденія весьма плодовита произведеніями, которыя имѣютъ цѣлію объединеніе всего, что считалось наиболѣе достойнымъ знанія. Въ XVI вѣкѣ для этихъ произведеній употребляется имя циклопедія или энциклопедія — для обозначенія сжатыхъ изложеній употребляли также имя encyclopaediola или paedia in cyclisco; впрочемъ это время было неисчерпаемо въ родственныхъ названіяхъ; такъ въ качествѣ вывѣсокъ встрѣчаются много обѣщающія имена: полиматія, поліисторія и поліисторикъ, панепистемонія, пансофія, панкосмія, циклогномическія искусства, анатомія умовъ и наукъ, зрѣлище жизни, мудрости, міра и много другихъ. Нерѣдко подъ этими вывѣсками скрываются жалкіе и сухіе учебники, какова, напр., Pansophia, sive Paedia philosophica, Ростокъ 1633, Лауремберга; рѣже подъ ничего не говорящимъ заглавіемъ скрывается сборникъ съ богатымъ содержаніемъ: такъ Commentarii urbani Рафаэля де Волатерра представляютъ энциклопедію, которая начинается географіей и мѣстной исторіей, затѣмъ заключаетъ въ себѣ біографіи изъ исторіи, популярно-философскія и спеціально-научныя матеріи и оканчивается анализомъ аристоте-

Digitized by Google

левской философіи [1]). Отъ сборниковъ средневѣковья эти работы отличаются тѣмъ, что въ большинствѣ случаевъ онѣ выдѣляютъ богословскія матеріи и въ большей или меньшей степени выводятъ на сцену антикварную ученость; нѣкоторыя стараются систематически расчленить или вывести другъ изъ друга всѣ науки, таково, напр., состоящее изъ трехъ фоліантовъ произведеніе, которое по любви къ собиранію матеріала и учености напоминаетъ работы Викентія: Theatrum humanae vitae Теодора Цвингера 1586, гдѣ выполняется психологически-этическая схема. Наименьшее число работъ имѣютъ въ виду изысканіе и критическое приложеніе не только матерій, но и методовъ познанія и изслѣдованія; таковы книги Вивеса de disciplinis и сочиненія Бэкона по вопросу о построеніи наукъ. Первыя примыкаютъ къ обычной системѣ наукъ, въ послѣднихъ основаніемъ дѣленія знанія является принципъ психологическій: изъ памяти Бэконъ выводитъ исторію, изъ фантазіи — поэзію, изъ разума — теологію и философію. Часто обнаруживается любовь къ табеллярнымъ обозрѣніямъ разнообразныхъ матерій: такъ Іоаннъ Ѳома Фрейгій обработалъ составленное Рамусомъ изложеніе семи свободныхъ искусствъ in tabulas perpetuas seu *στρώματα* relatas (въ формѣ вѣчныхъ картинъ или очерковъ) (Базель 1576), и Коменскій указываетъ на ландкарту, какъ на образецъ наглядныхъ сборниковъ или хрестоматій [2]); да и вообще успѣхи географіи, которая развилась въ сборную науку и однако въ то же время обладала въ картахъ пособіемъ къ наглядному распредѣленію матеріала, не остались безъ вліянія на стремленія къ систематическому объединенію знаній: Бэконъ въ открытіи земного глобуса видитъ побужденіе „обнять расширеннымъ взоромъ“ и globus intellectualis (міръ интеллектуальный) [3]).

---

[1]) Ср. Burckhardt, Die Renässance, Abschnitt III, гдѣ это произведеніе приводится и обсуждается, какъ примѣръ того, что античный матеріалъ проникъ во всѣ отрасли знанія.

[2]) Did. magn. 31, 8.

[3]) Novum Organon § 84.

Digitized by Google

Но потребность овладѣть массами знаній давала импульсы и къ выработкѣ техники изученія и преподаванія: эпохѣ Возрожденія принадлежитъ возстановленіе античной мнемоники и ея дальнѣйшее развитіе, а также начатки раціональнаго преподавательскаго искусства, дидактики, радіоматіи, Obstetricia animorum (повивальное искусство душъ) и др.[1]), тѣсная связь которыхъ съ пансофіей особенно ясно выступаетъ у Коменскаго, а съ полиматіей— у Моргофа[2]). Какимъ способомъ старались восполнить основанное на древнихъ языкахъ обученіе юношества полиматической надстройкой, это показываетъ намъ книга только что названнаго Фрейгія, ректора въ Альторфѣ и позднѣе соректора въ Базелѣ († 1583), Paedagogus (Базель 1583), неорганическое наслоеніе матерій, которое болѣе поразительно доказываетъ необходимость требуемыхъ дидактиками реформъ, чѣмъ ихъ собственныя изслѣдованія[3]). Чего хотѣлъ Коменскій своею

---

[1]) Ср. выше, стр. 85.

[2]) Слишкомъ низко цѣнимый по своему значенію для теоріи обученія Polyhistor ученаго Даніэля Георга Моргофа (сначала появился въ Любекѣ 1688, четвертое изданіе 1747) отличается отъ другихъ сборниковъ тѣмъ, что не только предлагаетъ матеріи знанія, но трактуетъ и объ учебной постановкѣ и ея аппаратѣ. Это видимъ въ первой части (IV изданія), въ наиболѣе тщательно обработанномъ Polyhistor litterarius; она трактуетъ въ книгѣ I (Polyhistor bibliothecarius) о библіотекахъ, книгахъ, ученыхъ обществахъ, образованной бесѣдѣ, ученой исторіи, эпистолографіи и др.; въ книгѣ II (P. methodicus) о различіи талантовъ, о школахъ, вспомогательныхъ средствахъ ума, памяти и т. д., о методахъ особенно классическаго преподаванія, о школьномъ курсѣ, объ академическомъ курсѣ, о воспитаніи князей и др.; въ книгѣ III (*P. παρασκευαστικός*) объ искусствѣ извлеченія; въ книгѣ IV (P. grammaticus) о языкѣ, письмѣ, грамматикѣ, особенно латинской. Книги V—VII даютъ нѣчто въ родѣ всеобщей исторіи литературы. Вторая болѣе бѣдная содержаніемъ часть (P. philosophicus) даетъ исторію философіи и матеріи, относящіяся къ области физики, математики, логики и метафизики. Третья (P. practicus), становясь все бѣднѣе содержаніемъ, заключаетъ въ себѣ литературныя указанія по этикѣ, политикѣ, экономикѣ, исторіи, теологіи, юриспруденціи, медицинѣ.— Самую дидактику Моргофъ относитъ къ логикѣ и нѣсколько сдержанно обозначаетъ ее какъ aliqua doctrinae de methodo propago. Pol. litt. II, 4. 12. Ср. весьма интересную работу W. Eymen'a, Morhof und sein Polihistor. Ein Beitrag zur Lehre vom Bildungswesen. Budweis 1893.

[3]) Полное заглавіе книги: „J. Th. Freigii Paedagogus hoc est libellus ostendens, qua ratione prima artium initia pueris quam facillime tradi possunt" (sic). Форма катехетическая, artes раздѣляются на exotericae (грамматика, реторика, піитика, логика) и acroamaticae (математика, физика и этика, включая въ послѣднюю и исторію, юриспруденцію,

Digitized by

Janua linguarum reserata (впервые 1631) и воспроизводящимъ это руководство во всемъ существенномъ Orbis sensualium pictus (впервые 1658), это было болѣе планомѣрное соединеніе латинскаго преподаванія съ полиматическимъ предметнымъ обученіемъ; эти книги суть encyclopaediolae, которыя вмѣстѣ должны вести и къ усвоенію латинскаго языка[1]); и великое пансофическое пред-

---

теологію и др.). Порядокъ матерій: Grammatica latina, стр.1—18, graeca до 50, hebraea до 80, dialogi in linguam Gallicam addiscendam (діалоги для изученія галльскаго языка) до 124, de rhetorica до 130, de poetica до 132, de logica до 143, de arithmetica до 156, de musica до 217, de geometria до 224, de asse (о монетахъ, мѣрахъ, вѣсахъ, въ томъ числѣ библейскихъ) до 247, de architectura (здѣсь говорится и о рейнскомъ мостѣ цезаря, Bell. Gall. IV) до 263, de mechanica до 268, de physica (включая астрономическія и географическія матеріи) до 286, т. е. на 18 страницахъ, de ethica (о добродѣтеляхъ и человѣческихъ обществахъ) до 290, de oeconomia (здѣсь восемь обязанностей хозяйки) до 292, de politia до 295, de apodemica (объ искусствѣ путешествовать) до 297, de antiquitatis studio religiosae et profanae (о храмѣ, играхъ, classes, постройкахъ и др.), de polemica (наборъ, лагерь и т. д.) до 310, de historia (имена историческихъ писателей и дѣленіе исторіи) до 313, de jurisprudentia и rudimenta institutionum juris до 341, de medicina до 366.

[1]) Для сравненія съ Фрейгіемъ помѣщаемъ здѣсь очеркъ Orbis pictus, по нюренбергскому изданію 1669. Въ качествѣ эпиграфа поставлены слова изъ Быт. 2, 19: „Адамъ далъ каждой вещи свое имя“ и т. д. Введеніемъ служитъ разговоръ учителя съ ученикомъ; нѣмецкій текстъ этого разговора, поставленный рядомъ съ латинскимъ, гласитъ: „учитель: поди сюда, мальчикъ, учись быть мудрымъ. Ученикъ: что значитъ: быть мудрымъ? Учитель: хорошо понимать, хорошо дѣлать, хорошо говорить все, что необходимо. Ученикъ: кто научитъ меня этому? Учитель: я, съ помощью Божіей. Ученикъ: какимъ образомъ? Учитель: я проведу тебя по всѣмъ вещамъ, покажу тебѣ все и назову тебѣ все. Ученикъ: я готовъ, веди меня во имя Божіе“. Слѣдуетъ перечисленіе звуковъ алфавита такимъ образомъ, что на каждый звукъ приходится животное, картина котораго стоитъ рядомъ; затѣмъ въ 154 нумерахъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ во главѣ гравюру на деревѣ, показывается міръ вещей; на первомъ столбцѣ каждой страницы находится латинскій текстъ—простыя, краткія предложенія, не безъ многочисленныхъ неклассическихъ словъ — на второмъ столбцѣ нѣмецкій текстъ, на третьемъ выписаны встрѣчающіяся каждый разъ новыя слова. Нумера 1—34 трактуютъ о Богѣ, мірѣ, небѣ, стихіяхъ и матеріяхъ естественной исторіи, между прочимъ о драконѣ, василискѣ, носорогѣ. 35–43 антропологическаго содержанія: человѣкъ, возрасты жизни, части тѣла, душа; послѣдняя изображается точками, которыя составляютъ очеркъ тѣла. 44—96 трактуютъ о человѣческихъ дѣятельностяхъ и ихъ произведеніяхъ: земледѣліи, скотоводствѣ и т. д., заключеніе составляютъ письменное искусство и книга. 97—108 говорятъ о школѣ, музеѣ (комната для занятій), о словесныхъ искусствахъ, музыкѣ, мірской мудрости, геометріи, астрономіи и географіи; здѣсь карта полушарій и Европы. 109—117 перечисляютъ добродѣтели. 118—121 изображаютъ семью, родословное дерево, дѣтскую комнату, прислугу. 122–136—городъ, судъ, купечество, здѣсь: мѣры и вѣса; врачебное искусство, похороны,

Digitized by Google

пріятіе Коменскаго есть въ сущности только продолженіе той же самой работы, назначенное для образованнаго міра, только здѣсь нѣсколько менѣе выдвигается лингвистическая цѣль[1]). Интересно, что и такой человѣкъ, какъ Лейбницъ, составляетъ размышленія о юношеской энциклопедіи, и притомъ, подобно Коменскому, предпріятіе котораго онъ называетъ consilium praeclarum (славнымъ намѣреніемъ), рекомендуетъ начинать со словъ, но отъ номенклатуры переходить къ опредѣленію и дальнѣйшей логической обработкѣ[2]).

Тенденція къ многостороннему предметному знанію часто обостряется до противодѣйствія господству латинскаго языка въ учебныхъ занятіяхъ, и уже въ началѣ XVII вѣка reales (реалисты) выступаютъ противъ verbales (словесниковъ); виртембергскій филологъ Фр. Таубманнъ жалуется, что тотъ, кто заботится объ элегантныхъ

увеселенія. 137—143 трактуютъ о царствѣ и странѣ, о королевствѣ; здѣсь самыя крупныя нѣмецкія княжества; о войскѣ и войнѣ. 144—148 о богослуженіи: язычество, іудейство, христіанство, исламъ. Заключительные нумера: промыслъ Божій и послѣдній судъ. Въ заключеніе учитель говоритъ: „теперь ты видѣлъ въ краткомъ объемѣ всѣ вещи, которыя могутъ быть засвидѣтельствованы, и изучилъ главнѣйшія слова латинскаго и нѣмецкаго языка; продолжай и читай прилежно другія хорошія книги, чтобы сдѣлаться ученымъ, мудрымъ и благочестивымъ. Помни объ этомъ, бойся Бога и проси Его дать тебѣ духъ мудрости. Будь здоровъ". Приложенъ латинскій и нѣмецкій словарь съ указаніемъ отдѣловъ, гдѣ встрѣчается соотвѣтствующее слово.

[1]) Prodromus Pansophiae и Pansophicorum conatuum dilucidatio. Opp. did., p. 404 и дал.

[2]) Онъ опредѣляетъ энциклопедію, какъ systema omnium quousque licet propositionum verarum, utilium hactenus cognitarum (систему всѣхъ хотя бы только предположеній истинныхъ, полезныхъ, извѣстныхъ до сего времени). По мнѣнію Лейбница въ Encycklopaediola должны заключаться три отдѣла: 1) Definitiones vocabulorum crebriorum et insigniorum et ex his deducta theoremata et problemata insignioris usus, eaque in moralibus adagio aliquo dictoque sapientum aut historia memorabili vestita aut potius explicata (опредѣленія чаще встрѣчающихся и болѣе замѣчательныхъ словъ и выведенныя изъ нихъ болѣе употребительныя теоремы и проблемы съ прибавленіемъ къ нимъ или лучше съ объясненіемъ, въ области нравственной, въ формѣ какой-нибудь пословицы и изреченія мудрецовъ или достопамятной исторіи). 2. Experimenta naturae vulgariora (болѣе простые эксперименты изъ области природы). 3. Compendium historiae et geographiae tum universalis, tum imprimis hodiernae (краткое руководство по исторіи и географіи какъ всеобщей, такъ особенно современной). (Письмо къ Газенталеру у Feller'a, Monumenta varia inedita, Lps. 1714; приведено въ Monatsschrift der Gesellschaft des vaterländisches Museums in Böhmen 1828, II, 580).

Digitized by Google

и удачныхъ выраженіяхъ, насмѣшливо называется юношествомъ и даже учителями юношества именемъ verbalis (словесника), тогда какъ порицатели называютъ себя новымъ именемъ reales (реалистовъ), какъ еслибы они хотѣли оставить за собою вещи, о которыхъ, будто бы, другіе, помышляющіе о культурѣ языка, вовсе не заботились[1]). Карлъ фонъ-Раумеръ освобождаетъ verbales (словесниковъ) отъ упрека въ мелочной привязанности къ словамъ, но называетъ ихъ интересъ къ предметамъ „словеснымъ реализмомъ" (verbale Realismus), который знакомится съ вещами изъ книгъ въ цѣляхъ книжной учености; такому реализму противоположенъ „реализмъ реальный", которому училъ Бэконъ и который дидактики Ратке, Коменскій и другіе примѣнили къ образованію юношества[2]). Въ настоящее время Бэконовскій реализмъ не считается уже безупречнымъ; въ немъ не находятъ соприкосновенія съ тогдашними открытіями естествоиспытателей и должной оцѣнки эксперимента, на мѣсто котораго онъ ставитъ массу разнообразныхъ наблюденій, при чемъ изъ-за игры обобщеніями опускаетъ изъ виду переходъ отъ экспериментальнаго изслѣдованія явленій къ закону. Реализмъ дидактиковъ страдаетъ совершенно такимъ же недостаткомъ; правда, они пытаются уловить мысль въ ощущеніи, но съ полиматическимъ безпокойствомъ скользятъ только по поверхности вещественнаго міра и не знаютъ о наблюденіи, созрѣвающемъ на одномъ какомъ-либо конкретномъ явленіи; къ тому же они находятся подъ игомъ языка, приписываютъ номенклатурѣ преувеличенное значеніе для познанія и ищутъ реальнаго языка, слова котораго своими звуками давали бы уму ясное представленіе о природѣ вещей[3]). Имѣя въ виду это воззрѣніе, мы охотнѣе приписали бы имъ, въ противоположность словесному реализму, реальный вербализмъ. Настоящаго реа-

---

[1]) Dissertatio de lingua latina, первое изд. 1602.
[2]) Raumer, Geschichte der Pädagogik I², стр. 330.
[3]) Такъ Коменскій въ Methodus linguarum novissima. Opp. did. II, p. 67 и далѣе.

Digitized by Google

лизма эпохи Возрожденія слѣдовало бы искать въ другомъ мѣстѣ, именно въ сферѣ самыхъ полныхъ и чистыхъ вліяній древности, т. е. въ лонѣ гуманизма; такимъ реализмомъ является вновь пробужденный античнымъ искусствомъ интересъ къ явленіямъ индивидуальной жизни, то стремленіе къ сосредоточенному воспріятію и тщательному выдѣленію объектовъ изъ потока впечатлѣній, которое свойственно не только великимъ художникамъ того времени, но и мастерамъ слова, какъ, напр., Эннею Сильвію Пикколомини, папѣ Пію II, „нормальному человѣку ранняго Возрожденія,“ [1]) но, какъ моментъ образованія, дѣйствовало лишь непрямымъ образомъ, и всего менѣе выступало въ качествѣ дидактическаго принципа.

Какъ филологическіе, такъ и полиматическіе образовательные элементы эпохи Возрожденія имѣютъ ученый характеръ, и имъ противоположны другіе, непосредственно выросшіе изъ современной жизни, не латинскіе и потому часто не признаваемые полноправными, хотя отъ нихъ и трудно было отказаться въ виду ихъ практическаго характера. Такими элементами обладало уже средневѣковье и въ рыцарскомъ образованіи соединило ихъ въ прекрасное цѣлое; теперь сословная литература рыцарства вымерла, и первый шагъ къ національной литературѣ сдѣланъ былъ самимъ умирающимъ средневѣковьемъ въ безсмертномъ произведеніи Данте; подъ вліяніемъ господствующаго гуманистическаго интереса эти начатки въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи должны были пройти путемъ древности, и вызванная такимъ образомъ къ жизни національная литература Возрожденія, ранѣе всѣхъ у итальянцевъ и позже всѣхъ у нѣмцевъ, сдѣлалась элементомъ интеллектуальной общественной жизни, стоявшимъ, правда, сначала далеко отъ школы. Въ школѣ вліяніе возобновленнаго изученія грамматики раньше всего сказалось на изученіи національныхъ языковъ. Правда,

---

[1]) Ср. характеристику его у Burkhardt'a, Die Kultur der Renässance, стр. 222 и дал. и G. Voigt, Enea Silvio, Berlin 1862. II, стр. 248 и дал.

Digitized by Google

Эразмъ хвалился тѣмъ, что не понимаетъ ни одного современнаго языка, и школьные уставы запрещали мальчикамъ говорить на своемъ отечественномъ языкѣ, но отъ людей, обладавшихъ болѣе глубокимъ взоромъ, не ускользнулъ универсальный характеръ пробудившагося лингвистическаго интереса; Агрикола называлъ отечественный языкъ естественнымъ тѣломъ всѣхъ идей [1]), и Вивесъ требовалъ уже выработки элоквенціи на туземномъ нарѣчіи, даже вниманія къ его древнимъ словамъ и составленія aerarium linguae (сокровищницы языка) [2]); видные гуманисты положили основаніе грамматической обработкѣ своихъ отечественныхъ языковъ, грамматика кастильскаго нарѣчія начинается съ Антонія Леврійскаго (1492), тосканскаго — съ Пьетро Бембо (1525), французскаго — съ Роберта Этьена (1557), венгерскаго — съ Яна Паннонскаго (1465). Для практическаго употребленія возникли многочисленныя, построенныя то болѣе, то менѣе grammatice (по типу грамматики), руководства правописанія новѣйшихъ языковъ, и послѣдніе вторглись въ латинскія грамматики, какъ учебное пособіе, сначала, правда, только какъ неизбѣжное зло. Чисто говорить и писать на отечественномъ языкѣ въ романскихъ странахъ уже въ XVI вѣкѣ было потребностью образованія, когда въ Германіи процвѣталъ еще латино-нѣмецкій стиль Маккарони; зато нѣмецкіе дидактики, во главѣ съ Ратке, первые дали нѣмецкому языку, какъ элементарному средству образованія словеснаго чутья, принадлежащее ему мѣсто въ обученіи, и подъ вліяніемъ ихъ Коменскій сдѣлалъ отечественный языкъ исходнымъ пунктомъ и сферою приложенія всякой грамматики. Въ школахъ нѣмецкія стилистическія упражненія появляются прежде всего въ формѣ эпистолографіи (составленія писемъ): стиль писемъ въ XVII в. требовалъ особыхъ упражненій, такъ какъ не могъ обойтись безъ модныхъ вычурныхъ украшеній въ духѣ рококо; составляли же обращенія и титулы предметъ

[1]) Raumer, цитов. соч., стр. 87.
[2]) De discipl. trad. L. III in., стр. 268 и дал.

Digitized by Google

особой дисциплины, „науки титуловъ“, и ученые мужи не считали для себя унизительнымъ писать письмовники [1]).

Изъ живыхъ иностранныхъ языковъ французскій, особенно въ Германіи, сдѣлался составнымъ элементомъ тонкаго образованія; ознакомленію съ современнымъ міромъ служило преподаваніе новѣйшей исторіи и географіи; указанія относительно того, какъ путешествовать съ пользою, получившія громкое имя аподемики, составляютъ особую небольшую отрасль литературы [2]). Въ школьномъ преподаваніи эти современныя знанія составляли только скудный придатокъ; но въ образованныхъ кругахъ сталовесьма опредѣленно сказываться раздѣленіе между ученымъ и свѣтскимъ образованіемъ; уже въ итальянскомъ раннемъ Возрожденіи, духовная культура Cortigiano обнаруживаетъ совершенно иную окраску, чѣмъ культура „поэта“, хотя та и другая имѣютъ въ основѣ художественность и опираются на древности [3]). Латынь никогда не въ состояніи была удовлетворять потребностямъ кавалерскаго образованія, да и вообще идейный матеріалъ, вызванный современною жизнью, былъ слишкомъ сложенъ и слишкомъ своеобразенъ, чтобы совершенно слиться съ классическими занятіями.

Такимъ образомъ уже въ эпоху Возрожденія школа и жизнь расходятся между собою, что рано или поздно должно было повести къ реформамъ, и уже въ то время, когда люди далеки были отъ мысли объ исключеніи

---

[1]) Riehl, Kulturstudien. Stuttgart 1859, стр. 22 и дал.

[2]) Перечень такихъ сочиненій у Lüdde, Geschichte der Methodologie der Erdkunde. Lpzg. 1849, стр. 118—121. Даже Іустъ Липсіусъ написалъ Epistola de nobili et erudita peregrinatione.

[3]) Идеалъ Cortigiano у Burckhardt'a, цитов. соч., стр. 307, изображается въ слѣдующихъ словахъ: „Онъ знакомъ со всѣми благородными играми: хорошій танцоръ, благородный всадникъ; сверхъ того онъ долженъ владѣть нѣсколькими языками, по крайней мѣрѣ, итальянскимъ и латинскимъ и понимать изящную литературу, а также умѣть судить и о пластическихъ искусствахъ; въ музыкѣ отъ него требуется даже извѣстная степень практической виртуозности, которую онъ долженъ, впрочемъ, держать, по возможности, втайнѣ. Конечно, глубокой серьезности нѣтъ во всемъ этомъ, исключая оружія. Изъ взаимной нейтрализаціи многихъ элементовъ возникаетъ абсолютный индивидуумъ, въ которомъ ни одно свойство рѣзко не выдѣляется“.

Digitized by Google

латыни изъ сферы образованія, возникли сомнѣнія, не слишкомъ ли высоко цѣнится древность, и не требуетъ ли прогрессъ освобожденія отъ нея. У мыслителей и изслѣдователей не разъ высказывается взглядъ, что древніе въ сущности юноши и современный міръ, обогащенный тысячелѣтнимъ опытомъ, можетъ быть названъ древнимъ съ бо́льшимъ правомъ, чѣмъ эпоха дѣтства исторіи [1]); въ свѣтскихъ кругахъ Перро (Perrault) своимъ сочиненіемъ Le parallèle des anciens et des modernes, 4 vol. 1688—1696, вызвалъ споръ, принадлежитъ ли первенство въ поэтическомъ искусствѣ древнимъ или современнымъ писателямъ, споръ, который оказалъ вліяніе и на педагогическую область, хотя здѣсь рѣшеніе его послѣдовало уже позднѣе.

§ 23.

Учрежденія и институты, въ которыхъ воплотилось образованіе въ эпоху Возрожденія, отчасти примыкаютъ къ учрежденіямъ средневѣковья, отчасти являются новыми и своеобразными созданіями. Такими созданіями можно назвать гуманистическіе кружки и ферейны, которые являются первыми мѣстами совмѣстной работы въ области новыхъ занятій. Еще въ XIV вѣкѣ мы видимъ ученый кружокъ, который соединился въ августиновскомъ монастырѣ Санъ-Спирито во Флоренціи и считалъ въ числѣ своихъ членовъ ученаго Луиджи Марсильи, государственнаго мужа Коллючіо Салютато и др.; его превзошелъ своимъ блескомъ дворецъ музъ Козмы де-Медичи, который имѣлъ своего „министра литературы“ въ лицѣ неутомимаго собирателя Никколо Никколи;

---

[1]) Baco, Nov. org. § 84; Jord. Bruno, Gena delle cen. p. 132, ср. Erdmann, цит. соч., I, стр. 562. съ поразительною краткостію Декартъ сказалъ: Non est quod antiquis multum tribuamus propter antiquitatem, sed nos potius iis antiquiores dicendi; jam enim senior est mundus, quam tunc, majoremque habemus rerum exsperientiam“ (мы не приписываемъ древнимъ большого значенія за древность, скорѣе насъ слѣдуетъ назвать болѣе древними по сравненію съ ними, и у насъ болѣе опытности въ вещахъ). Baillet, Vie de Descartes, VIII, 10.

Digitized by Google

слѣдующее поколѣніе въ городѣ Арно создало платоновскую академію (1474), основанную грекомъ Гемистіемъ Плеѳономъ и достигшую всемірной славы благодаря Марсиліо Фичино, Пико ди Мирандола, Анджело Полиціано. Въ Римѣ были гуманистическіе кружки при куріи, которые собрались около Николая V, Пія II и Льва X, и созданная Помпоніо Лэто въ 1498 году Academia antiquaria. Германія подражаетъ этой новой научно-художественной коопераціи въ своей Sodalitas Rhenana (Рейнское общество) въ Вормсѣ и Sodalitas Danubiana (Дунайское общество) въ Вѣнѣ — оба основаны Кондрадомъ Цельтесомъ въ 1490.

Общества, имѣющія своею цѣлію развитіе одного или нѣсколькихъ образовательныхъ элементовъ, существовали и въ позднѣйшую эпоху Возрожденія; въ концѣ XVI вѣка итальянскія академіи въ большинствѣ случаевъ занимаются изученіемъ отечественнаго языка; въ XVII вѣкѣ возникли общества и ордена съ такою же тенденціей, обращавшіе вниманіе и на школу, какъ, напр., Людвигъ фонъ Ангальтъ-Кетенъ, основатель ордена Пальмы, пригласилъ Ратке въ свою резиденцію для устройства образцоваго учрежденія. Частное общество изящныхъ наукъ было началомъ Académie française, которая, возвышенная Ришелье въ 1635 г. до значенія національнаго института, оказала такое значительное вліяніе на классическую литературу Франціи. Въ Италіи же берутъ свое начало и академіи для развитія естественныхъ наукъ, изъ которыхъ древнѣйшею является основанная въ 1560 г. въ Неаполѣ Academia secretorum naturae; подражаніе имъ представляетъ Royal Society of London (Лондонское королевское общество) (съ 1645). Идею академіи, какъ мѣста изслѣдованія и преподаванія для молодыхъ и старыхъ, какъ нѣкоего conventus et consensus hominum doctorum pariter et bonorum (собранія и согласія людей ученыхъ и добрыхъ), выражаетъ Вивесъ [1]), и Коменскій требуетъ collegium didacticum (дидактиче-

[1]) De trad. dic. II, стр. 250.

Digitized by Google

ской коллегіи), schola scholarum (школы школъ), какъ завершенія всей школьной системы [1]), а Бэконъ называетъ цѣлью будущаго интернаціональную ассоціацію научныхъ корпорацій Европы въ родѣ орденскихъ конгрегацій [2]).

Изъ прежнихъ учебныхъ заведеній гуманизмъ прежде всего пріобрѣлъ право гражданства въ университетахъ. Въ общемъ это совершилось мирнымъ путемъ, на желательность котораго указывалъ Эразмъ: „изящныя науки должны постепенно и незамѣтно войти въ высшія школы, такъ чтобы онѣ явились не врагами, все ниспровергающими предъ собою, но дружелюбными гостями, которые путемъ мирнаго сожительства сливаются въ одну семью со старыми обитателями дома". Итальянскіе университеты ранѣе всѣхъ принимаютъ гуманизмъ и даже незначительные изъ нихъ къ тремъ каѳедрамъ, которыми они обладали — юриста (легиста), каноніста, физика — прибавляютъ въ качествѣ четвертой каѳедру реторики; только въ Римѣ новыя учебныя занятія въ теченіе нѣкотораго времени идутъ рядомъ съ Sapienza, пока Левъ X не организовалъ ее заново примѣнительно къ этимъ занятіямъ, снабдивъ ее 88 каѳедрами; въ Германіи Гейдельбергъ и Вѣна, нѣсколько позднѣе Эрфуртъ и Лейпцигъ были первыми мѣстами изящныхъ наукъ. Многочисленныя вновь основанныя высшія школы, какъ Тюбингенъ, Виттенбергъ и др., не имѣли надобности для принятія этихъ наукъ отказываться отъ схоластическихъ традицій; въ Парижѣ, университетъ котораго отклонялъ введеніе этихъ наукъ, король Францъ I въ 1529 г. создалъ поставленную на гуманистическую ногу Collège de France (французскую коллегію). Во второмъ десятилѣтіи XVI вѣка во всѣхъ университетахъ читались лекціи о римскихъ и греческихъ классикахъ.

Проникновенію классическихъ наукъ въ составъ предметовъ школьнаго преподаванія предшествуетъ гуманистическая постановка частнаго воспитанія, мѣстомъ

[1]) Did. magn. 31, 15, см. выше стр. 35.
[2]) De augm. scient. Lugd. Bat. 1695, p. 117.

Digitized by Google

котораго являются итальянскіе княжескіе дома. У князей Каррара въ Падуѣ съ 1390 г. трудился Пьеръ Паоло Верджеріо, у Эсте въ Феррарѣ съ 1429 г. Гварино Старшій, у Гонзага въ Мантуѣ съ 1425 г. Витторино Рамболдини, по прозванію да Фельтре, который пригласилъ къ своимъ питомцамъ графскаго рода другихъ дѣтей въ качествѣ товарищей и въ теченіе 22 лѣтъ своей дѣятельности возвысилъ свой воспитательный домъ, casa giojosa, до европейской извѣстности. Въ Германіи не было этой подготовительной ступени, и новый способъ ученья съ самаго начала введенъ былъ въ школы; впереди шли члены ордена Братьевъ (Fraterherren) въ сѣверо-западной Германіи: Іоаннъ Вессель († 1489) реформировалъ школу въ Адвертѣ, Александръ Гегій († около 1503) — школу въ Девентерѣ; изъ соборныхъ школъ послѣдовала за ними Мюнстерская, реформированная соборнымъ каноникомъ Рудольфомъ фонъ Ланге († 1519), и Оснабрюккская, реформированная Александромъ фонъ Меппенъ; изъ городскихъ школъ значительную извѣстность пріобрѣла основанная Людвигомъ фонъ Дрингенбергъ въ 1450 году Шлеттштадтская школа въ Эльзасѣ.

Но организація школъ въ обширныхъ размѣрахъ въ Германіи и другихъ мѣстахъ началась только послѣ раздѣленія церквей, когда къ научнымъ и образовательнымъ интересамъ присоединилась еще потребность религіозныхъ обществъ обезпечить себѣ вѣрное религіознымъ убѣжденіямъ и вмѣстѣ знакомое съ современною культурою потомство. Въ протестантскомъ обществѣ латинскія школы основывали или мѣстные князья, или городскія власти, и школы эти надѣлялись преимущественно конфискованными монастырскими имѣніями. Въ организаціи ихъ мы видимъ большое разнообразіе, въ зависимости частію отъ мѣстныхъ условій, частію отъ личности выдающихся ректоровъ. Особенно XVI вѣкъ богатъ схолархами организаторами и „Евангелическіе школьные уставы“ (изданы Формбаумомъ, Гютерсло 1860, т. I) являются славнымъ свидѣтельствомъ ревности и изобрѣтательности этихъ мужей.

Digitized by Google

Что вносило нѣкоторую однородность въ эти учрежденія, это, независимо отъ общихъ основныхъ принциповъ, руководящее вліяніе нѣкоторыхъ институтовъ и мужей. Для лютеранской Германіи Виттенбергъ сдѣлался разсадникомъ ректоровъ и учителей, и Меланхтонъ, которому современники его обязаны были и важнѣйшими учебными пособіями, украшенъ былъ своими приверженцами именемъ praeceptor Germaniae; для реформатскаго запада Страссбургское учрежденіе Іоанна Штурма пріобрѣло значеніе образца, тогда какъ на востокѣ такимъ же авторитетомъ пользовалась Гольдбергская школа Тротцендорфа. У утраквистовъ Богеміи былъ свой центръ въ каролинскомъ университетѣ главнаго города. Цѣль всѣхъ этихъ учрежденій заключается въ томъ, чтобы ввести учащихся въ ученое образованіе, которое разсматривается главнымъ образомъ, какъ подготовка къ служенію церкви; однако послѣднее назначеніе болѣе опредѣленно выступаетъ у лютеранъ, тогда какъ у реформатовъ имѣется въ виду скорѣе подготовка юношества къ общественной жизни и ко вступленію въ число членовъ республики ученыхъ.

Сравнительно съ протестантскою католическая школьная система эпохи Возрожденія является однообразною и болѣе свободною отъ индивидуальныхъ вліяній. Дѣятельность выдающихся школьныхъ руководителей и учителей здѣсь ускользаетъ отъ взора, потому что она развѣтвляется въ коллективной дѣятельности великихъ преподавательскихъ корпорацій; въ основѣ школьной организаціи лежатъ планы, которые назначались для выполненія въ различныхъ странахъ, даже частяхъ свѣта, явились результатомъ продолжительнаго обсужденія и тщательнаго испытанія и, получивъ одобреніе отъ церковной власти, выдерживаются строго и настойчиво. Ratio et institutio studiorum societatis Jesu, послѣ тридцатилѣтней предварительной практики, въ 1584—1585 разработанъ былъ комиссіею изъ братьевъ ордена различной національности, затѣмъ разосланъ былъ въ провинціи ордена для одобренія, подвергнутъ былъ

Digitized by Google

обсужденію на слѣдующей общей конгрегаціи, снова редактированъ и, наконецъ, въ 1599 г. опубликованъ и возведенъ въ норму. Школы общества іезуитовъ составляютъ основной стволъ католическихъ образовательныхъ учрежденій того времени, не только вслѣдствіе ихъ числа, но и потому, что учебныя пособія ихъ употреблялись всюду, даже у противниковъ и пріемы ихъ въ большей или меньшей степени были образцомъ для подражанія. Однако на ряду съ ними существовало значительное число учрежденій въ рукахъ другихъ орденовъ, другія учрежденія въ рукахъ свѣтскаго духовенства, иныя подъ управленіемъ свѣтскихъ преподавательскихъ силъ. Въ XVI вѣкѣ расцвѣли для новой жизни нѣкоторыя изъ старыхъ бенедиктинскихъ школъ: напр. въ Монте Кассино, въ Кремсмюнстерѣ, у отшельниковъ св. Маріи и др.; Франція получила цѣнные образовательные центры въ семинаріяхъ конгрегаціи мауриновъ; францисканцы организовали школьное дѣло въ Новомъ Свѣтѣ, театины[1]), орденъ, основанный въ 1524, и барнабиты, съ 1535, трудились въ романскихъ странахъ, тогда какъ въ Германіи іеронимiане подъ именемъ fratres scholastici продолжали свою дѣятельность далеко въ предѣлахъ XVI вѣка. Въ Италіи, Испаніи, Польшѣ и Австріи сталъ твердою ногою основанный въ 1617 г. орденъ піаристовъ; во Франціи ораторіанцы съ 1611 г. управляли многолюдными коллегіями. Представителями свѣтскаго образованія являются старые университеты съ ихъ побочными учрежденіями; такими свѣтскими школами обладала въ особенности Франція въ своихъ многочисленныхъ, стоявшихъ на одной линіи съ латинскими школами, коллегіяхъ парижской высшей школы.

Латинская школа эпохи Возрожденія отличается отъ нашей гимназіи тѣмъ, что она не ограничена рѣзко

[1]) Театинскому монаху Батею изъ Ирландіи принадлежитъ идея Janua linguae, имѣвшая своимъ назначеніемъ служить миссіонерамъ при обученіи дѣтей язычниковъ; она была выполнена іезуитами Саламанкской коллегіи и лежитъ въ основѣ Mercurius'a Шоппа и Orbis pictus Коменскаго.

Digitized by Google

ни по направленію вверхъ, ни по направленію внизъ. Gymnasia academica или illustria, называвшіяся также Lycea, Athenaea, которыя появляются особенно въ XVII вѣкѣ въ Германіи, Голландіи и т. д., могли вводить въ свой учебный планъ факультетскія чтенія; въ нихъ, какъ въ университетахъ, часто были смѣняющіеся ректоры, онѣ давали степень баккалавра и лишены были только права производства. Не разъ гимназіи развивались въ университеты: такъ изъ Нюренбергской гимназіи въ 1575 г. возникъ университетъ Альторфскій, изъ Педагогіума въ Гандерсгеймѣ — въ 1576 г. университетъ Гельмштедта, изъ школы Штурма — въ 1621 г. Страссбургская академія. Collegia (коллегіи) іезуитовъ также вводили въ свою область университетскія занятія; collegium supremum (высшая коллегія) обнимала всѣ вообще учебныя занятія, при чемъ однако каѳедры юридическаго и медицинскаго факультета могли быть замѣщаемы посторонними преподавательскими силами; collegium medium (средняя коллегія) заключала въ себѣ пять scholae inferiores (studia inferiora, низшіе классы) и philosophiae cursus triennales, studia superiora (трехгодичные курсы философіи, высшіе классы); только collegium infimum (низшая коллегія) ограничена была первыми, низшими классами, составлявшими латинскую школу, но не дававшими собственно законченнаго образованія, которое можно было получить только на упомянутыхъ философскихъ курсахъ. Относительно объема этихъ учрежденій для школъ ордена существовала норма пяти классовъ (scholae), которые у іезуитовъ носили имена rudimentum или grammatica infima, grammatica media, grammatica suprema, humanitas и rhetorica (основныя начала или низшая грамматика, средняя грамматика, высшая грамматика, гуманность, реторика); шестой классъ получался чрезъ дѣленіе низшаго. Пяти- или шестиклассная школа является общимъ правиломъ и въ протестантскихъ странахъ; однако здѣсь мы часто видимъ варіаціи; учрежденіе Штурма имѣло десять классовъ, многія

Digitized by Google

городскія школы имѣли только по четыре или даже по три класса. Эти неполныя латинскія школы называются также педагогіумами, тривіальными или партикулярными школами; имя gymnasium употребляется часто, но не для обозначенія особой категоріи школъ, а скорѣе такъ, что оно можетъ обозначать всѣ ученыя образовательныя учрежденія; при этомъ первоначальное значеніе этого слова: школа духовнаго ратоборства — имѣется въ виду болѣе чѣмъ въ настоящее время[1]).

По направленію внизъ, какъ и по направленію вверхъ, латинская школа также не имѣла опредѣленныхъ границъ, и мелкія городскія школы, въ которыхъ преподавались элементы латыни, составляли переходъ къ элементарной школѣ, которая и въ эпоху Возрожденія, какъ и въ средніе вѣка, еще не имѣетъ характера института для образовательныхъ цѣлей съ опредѣленными задачами и твердо установленными предѣлами (см. выше § 18, стр. 279); народное обученіе и въ протестантской церкви считалось составною частью попеченія о душахъ, и къ занятію имъ привлекались преимущественно кистеры. Сельскія школы XVI и XVII вѣка по большей части являются кистерскими школами, какія существовали уже въ средніе вѣка. Народное обученіе

---

[1]) Въ написанной въ 1501 г. Бебелемъ комедіи о наилучшемъ способѣ обученія поселянинъ отправляетъ своего сына въ gymnasium universale, ut dici solet (универсальную гимназію, какъ говорятъ обыкновенно). Вимфелингъ, въ изслѣдованіи De proba institutione puerorum etc. 1514 г. различаетъ gymnasia trivialia для мальчиковъ и universalia для юношей. Въ Ratio atque inst. stud S. J. Reg. Prov. 3 говорится: Quod si ob Gymnasii amplitudinem ac varietatem per unum studiorum praefectum non videatur scholarum omnium rationibus satis esse consultum, alterum constituat, qui ex generalis praefecti praescripto inferioribus studiis moderetur (Если же по причинѣ обширности и разнообразія гимназіи окажется, что одинъ префектъ не въ состояніи будетъ заботиться о всѣхъ школахъ — классахъ, — пусть поставитъ другого, который по предписанію общаго префекта будетъ имѣть попеченіе о низшихъ занятіяхъ), откуда видно, что gymnasium обнимала studia superiora и studia inferiora. Римская Sapienza, т.-е. университетъ, носила также имя archigymnasium. — Когда Лютеръ въ 1521 г. пишетъ Спалатину: Supra meas vires est quod petis, ut gymnasii christiani formam unus praescribam (выше моихъ силъ то, чего ты просишь, чтобы я одинъ начерталъ форму христіанской гимназіи), то это значитъ: форму школы для упражненія христіанскаго духа.

Digitized by Google

извлекло нѣкоторыя выгоды изъ гуманистическихъ стремленій лишь непрямымъ образомъ; бывшій въ Виртембергѣ случай, когда герцогъ Ульрихъ въ 1546 году приказалъ закрыть нѣмецкія школы, чтобы онѣ не причиняли никакого ущерба латинскимъ, является единичнымъ; въ болѣе многочисленныхъ случаяхъ ученый интересъ непрямо служилъ на пользу народному образованію: средства, недостаточныя для основанія ученаго учрежденія, употребляли на низшую школу, поддерживали сельскія школы, чтобы обезпечить приливъ учениковъ въ латинскія городскія школы; вызванная гуманизмомъ грамматическая обработка новыхъ языковъ дала элементарнымъ школамъ новое учебное пособіе въ формѣ грамматики отечественнаго языка и подготовила появленіе взгляда, что отечественный языкъ есть характеристическая особенность элементарнаго преподаванія, какъ латинскій языкъ — особенность преподаванія ученаго, и что рядомъ со schola latina (школой латинской) должна стоять schola vernacula (школа простонародная) въ качествѣ особой, хотя и низшей по рангу, школы, — взглядъ, который Коменскій ввелъ въ свою систему. Религіозныя движенія также дали народной школѣ новыя учебныя пособія; катихизисъ, въ которомъ вѣроученіе излагается въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ, ведетъ свое начало отъ XVI вѣка, — въ средневѣковомъ словоупотребленіи это слово обозначаетъ лишь религіозное обученіе безъ отношенія къ какой-либо опредѣленной формѣ, — малый катихизисъ Лютера (1529), Гейдельбергскій катихизисъ, Catechismus parvus П. Канизія[1]) (1563) пріобрѣли весьма широкое распространеніе въ школахъ. Въ протестантскихъ странахъ въ школьномъ преподаваніи употреблялась и Библія, и распространеніе ея служило для народа побужденіемъ учиться читать и писать и обогатило языкъ повседневной жизни болѣе высокими элементами; но

[1]) О старыхъ католическихъ катихизисахъ ср. Moufang: Die Mainzer Katechismen von der Erfindung der Buchdruckerkunst bis zum Ende des XVIII Jahrhunderts, 1877, и того же автора: Katholische Katechismen des XVI Jahrhunderts, 1881.

Digitized by Google

мы сказали бы слишкомъ много, если бы стали утверждать, что протестантскіе переводы Библіи вызвали къ жизни народное обученіе: правда, въ Шотландіи новая вѣра внесла книгу и перо въ каждую хижину, но въ сосѣдней Англіи реформація снесла старыя приходскія школы, не замѣнивъ ихъ новыми.

Во всемъ школьномъ дѣлѣ эпохи Возрожденія обнаруживается все болѣе и болѣе глубокое воздѣйствіе фактора, который въ средніе вѣка имѣлъ въ этой области только второстепенное значеніе: воздѣйствіе государства. Въ XVI вѣкѣ впервые появляются княжескіе школьные уставы, сообщающіе школѣ государственный характеръ. Въ протестантскихъ странахъ государственной власти принадлежало право регулировать церковную и связанную съ нею школьную жизнь, и самъ Лютеръ съ радостнымъ довѣріемъ отдавалъ юношеское образованіе въ руки своего князя[1]), сотрудники его дѣйствовали, какъ органы власти. Рядъ трудовъ этого рода открываетъ Саксонскій, составленный Меланхтономъ, школьный уставъ 1528 года, за нимъ слѣдуютъ Бугенгагенскіе школьные уставы для Брауншвейга (1528), Гамбурга (1529) и др. Болѣе обширные размѣры и значительное вліяніе на слѣдующіе уставы имѣлъ Виртембергскій школьный уставъ 1559 г., который лежитъ въ основѣ Саксонскаго устава 1580 г.; въ Даніи церковный уставъ 1537 года регулировалъ и латинскія городскія школы, въ Швеціи — церковный уставъ 1571 г.; государственнаго регулированія школъ не видимъ только въ Англіи.

---

[1]) 20 мая 1530 года онъ пишетъ курфюрсту Іоанну Саксонскому: „поистинѣ, юношество въ землѣ вашей княжеской милости прекрасный рай, подобнаго которому нѣтъ во всемъ мірѣ; и этотъ рай Богъ насаждаетъ въ нѣдрахъ вашей княжеской милости, въ знакъ того, что Онъ благоволитъ и благосклоненъ къ вашей княжеской милости; какъ если бъ Онъ хотѣлъ сказать: Ну, Мой милый герцогъ Гансъ, Я ввѣряю тебѣ Свое благороднѣйшее сокровище, Свой веселый рай, ты долженъ быть отцомъ для него. Я хочу, чтобы онъ былъ подъ твоимъ покровительствомъ и управленіемъ, и дѣлаю тебѣ честь, назначая тебя Своимъ садовникомъ и приставникомъ. Воистину это такъ“. Баурь въ Энциклопедіи Шмида V, стр. 769.

Digitized by Google

Въ католическихъ странахъ продолжала существовать компактная духовная школьная система: соборныя школы, соотвѣтственно указаніямъ Тридентскаго собора, учреждались, какъ разсадники клириковъ (тридентскія семинаріи), изъ старыхъ монастырскихъ школъ возникли такъ называемыя домашнія монастырскія школы, въ которыхъ клирики получали богословское образованіе; ордена, содержавшіе школы, имѣли въ своихъ рукахъ большую часть ученыхъ занятій, изъ низшаго преподаванія — обученіе дѣвочекъ (урсулинки) и бѣднаго юношества (піаристы и др.); о регулированіи приходской школы заботились епископы и соборы[1]). Однако и здѣсь нужна была помощь государства, безъ авторитета и матеріальной поддержки котораго нельзя было обойтись, такъ какъ бури реформаціи ослабили вліяніе и средства церкви: поэтому и въ католическихъ территоріяхъ встрѣчаются свѣтскіе школьные уставы, какъ, напр., изданный герцогомъ Альбертомъ въ 1564 году для верхней и нижней Баваріи и др. Въ доктрину секуляризація преподаванія возведена была во Франціи, гдѣ уже въ средніе вѣка университетъ былъ опорнымъ пунктомъ для вліянія государственной власти на духовную жизнь. Юристы опирались при этомъ частію на интересъ націи къ галликанскимъ вольностямъ и имъ не трудно было лишить папу права на regimen scholarium (управленіе учащимися), частію, еще болѣе отвѣчая духу времени, они обращались къ античнымъ римскимъ образцамъ; такъ Сервенъ могъ сказать: „король есть первый и главнѣйшій учредитель школъ, отъ него университетъ имѣетъ свое достоинство. Онъ можетъ регулировать его занятія, это главный аттрибутъ его королевской власти. Ректоръ есть представитель короля во всемъ, что касается общихъ правъ науки: король, какъ imperator, имѣетъ въ этой области всѣ императорскія права, онъ есть то, чѣмъ называлъ

---

[1]) Указанія объ этомъ у Stöckl'я Geschichte der Pädagogik, 1876, стр. 231 и дал.

Digitized by Google

себя Константинъ Великій: episcopus exterium"[1]). Однако университеты удержали свое корпоративное устройство до революціи.

§ 24.

Благодаря культурному общенію, какое средніе вѣка установили между христіанскими европейскими народами, тѣ импульсы, которые исходили отъ новыхъ занятій древностію, сдѣлались общимъ международнымъ достояніемъ. Такимъ достояніемъ было уже рыцарское и схоластическое образованіе и въ предѣлахъ его національныя различія почти не выступали, хотя одинъ народъ внесъ въ него болѣе, другой менѣе; наоборотъ гуманистическое образованіе, есть въ одно и то же время общее и національно-дифференцированное явленіе; эпоха Возрожденія имѣетъ европейскій характеръ и въ то же время даетъ мѣсто національнымъ мотивамъ; мало того, духовныя движенія, которыя она принесла съ собою, существенно содѣйствовали тому, чтобы выработать разнообразное національное сознаніе, въ силу котораго новыя націи отличаются другъ отъ друга, какъ индивидуумы высшаго порядка: иное получили отъ древнихъ итальянцы, иное французы, иные плоды принесли гуманистическія занятія англичанамъ, иные нѣмцамъ.

Въ Италіи, странѣ грандіознѣйшихъ остатковъ римскаго господства, античныя традиціи въ теченіе всего періода среднихъ вѣковъ сохраняли такую жизненную свѣжесть, какъ нигдѣ въ другихъ мѣстахъ; имена римскихъ должностей и достоинствъ оставались въ употребленіи, римскій правовой обычай, какъ и римская сага, были популярны; флорентійская мать, „ткавшая ленъ въ пряслахъ, разсказывала семьѣ исторіи о троянцахъ, Фьезолѣ и Римѣ[2]); въ великихъ образахъ римской исторіи итальянцы почитали своихъ предковъ

[1]) L. Hahn, Das Unterrichtswesen in Frankreich. Breslau 1848, стр. 70 и дал.

[2]) Dante Par. 15, 124.

Digitized by Google

еще прежде, чѣмъ гуманизмъ научилъ Европу почитать ихъ, какъ предковъ духовныхъ. Возстановленіе римскаго творчества „поэтами“ въ извѣстномъ отношеніи является „продолженіемъ древнѣйшей струнной музыки“, и въ старыхъ и новыхъ пѣвцахъ дѣйствуетъ не иной, а именно итальянскій поэтическій геній (Буркгардтъ). Итальянскіе гуманисты своею дѣятельностію и характеромъ, даже своею личностію нерѣдко напоминаютъ литераторовъ и грамматиковъ древности; не трудно было бы отыскать сходство между Ремміемъ Палемономъ и Филельфо, между Витторино и Верріемъ Флаккомъ; странствующіе ораторы и поэты напоминаютъ софистовъ эпохи имперіи, подобно тому, какъ пришлые греки XV вѣка вызываютъ мысль о грамматикахъ изъ Эллады, которые появились во времена Гракховъ. Вновь открытая древность на итальянской почвѣ понималась, какъ благо національное, и до извѣстной степени усвоена была всей массою народа; хотя гуманисты — и это только въ Италіи — составляли нѣчто въ родѣ соціальнаго класса, сословіе образованныхъ людей, но ихъ интересы раздѣляли всѣ; все стремилось и искало манускриптовъ и древностей, тысячи рукъ заняты были перепиской; даже придворный человѣкъ читалъ или составлялъ латинскіе стихи; горожане и поселяне прислушивались хотя бы только къ полупонятнымъ словамъ ученаго оратора и радостными восклицаніями привѣтствовали миѳологическія фигуры праздничныхъ процессій; арпинаты чувствовали себя соотечественниками Цицерона, и когда папа Пій II замѣтилъ горожанъ этого мѣстечка среди плѣнныхъ, взятыхъ во время одного военнаго похода, то освободилъ ихъ въ честь великаго оратора. Каждый городъ связывалъ новые интересы со своими воспоминаніями и стремленіями. Флоренція могла высказать притязаніе на славу, что она, такъ сказать, формулировала новый принципъ образованія и на ряду съ римскою открыла также греческую древность. Полиціано въ своей рѣчи, которою онъ началъ свой лекціи о Гомерѣ, имѣлъ

Digitized by Google

право сказать флорентійцамъ: „вы, флорентійцы, жители города, въ которомъ вновь ожило и вновь расцвѣло все греческое образованіе, давно уже угасшее въ самой Греціи... такъ что могло бы показаться, что Аѳины вовсе не разрушены и не подпали подъ власть варваровъ, но по свободному побужденію отдѣлились отъ своей прежней почвы и со всѣми своими сокровищами переселились въ городъ Флоренцію и совершенно и тѣсно слились съ нею“; и, дѣйствительно, есть извѣстное сродство между древними Аѳинами, школою Эллады, и новой тосканской столицей, руководительницей итальянскаго племени, между свѣтлымъ величіемъ вѣка Перикла и творческою жизнерадостностію вѣка Медичи. Если Флоренція и въ своихъ литературныхъ кружкахъ является демократіей, то въ Венеціи гуманизмъ выступаетъ преимущественно въ замкнутой олигархической формѣ[1]), а въ Римѣ умѣетъ примкнуть и къ іерархическимъ традиціямъ и привлечь власть куріи къ развитію изящныхъ наукъ.

Но процвѣтаніе итальянскаго гуманизма не выходитъ за предѣлы 1500 года; пользовавшіеся прежде такою славою поэты-филологи потеряли кредитъ, „говорятъ и пишутъ, какъ они, но уже не хотятъ принадлежать къ нимъ“; значеніе личнаго общенія съ гуманистами упало вслѣдствіе распространенія печатныхъ изданій, руководствъ, подражательныхъ произведеній; люди, для которыхъ древность была жизненнымъ призваніемъ, получили дурную славу эпикурейцевъ и невѣрующихъ[2]). Церковь должна была вооружаться противъ язычества, которое было въ данномъ случаѣ тѣмъ опаснѣе, чѣмъ болѣе античныя идеи и представленія проникали въ жизнь. Гуманизмъ удалился въ ученые кабинеты и школы служить ученымъ нуждамъ времени. Но во всей націи, какъ чистый барышъ отъ упомянутыхъ неустой-

---

[1]) G. Voigt, Die Wiederbelebung des klassischen Altertums. Berlin 1859, стр. 207.

[2]) Ср. мастерское описаніе хода гуманистическаго движенія у Burckhardt'a, Die Kultur der Renässance in Italien. 2 Aufl. 1869, Abschnitt III.

Digitized by Google

чивыхъ стремленій, остался интересъ къ ея великому прошлому, живое художественное чувство, тонкій вкусъ, благородный нравъ, который и теперь еще отличаетъ итальянцевъ, какъ ближайшихъ наслѣдниковъ древности; за Италіей осталась слава, что она передала это наслѣдство остальнымъ народамъ, отмѣтивъ его печатью своего духа: „не возрожденіе только, но его тѣсный союзъ съ итальянскимъ народнымъ духомъ покорили западный міръ“ (Буркгардтъ).

Во Франціи живыя воспоминанія также связывали настоящее съ великимъ прошлымъ. Улицы, водопроводы, мосты, зáмки, города обязаны были своимъ происхожденіемъ Риму; въ серединѣ Парижа были еще остатки бань, построенныхъ Юліаномъ; языкъ напоминалъ французамъ о Римѣ, и церковь въ своихъ легендахъ сливала ихъ съ древнѣйшею исторіею римскихъ мучениковъ; литература французовъ имѣла древнеримскую склонность къ сатирѣ, гражданской комедіи, къ восхваленію сельской жизни, одѣ, апоѳеозу князей“ [1]). Въ средніе вѣка изученіе древней литературы удержало за собою извѣстное мѣсто во французскихъ школахъ: Шартръ и Орлеанъ и въ періодъ схоластики изучали авторовъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ французскій духъ со всею силою обратился къ выработкѣ средневѣкового міра; онъ наложилъ свой отпечатокъ на рыцарство, далъ окончательную форму университетской жизни и создалъ для схоластики ея знаменитѣйшіе центры; если Италія, говорили тогда, обладала священнымъ трономъ, Германія императорскимъ престоломъ, то Галлія обладала ученой каѳедрой. Это углубленіе въ работы средневѣковья исключало слишкомъ поспѣшное увлеченіе новыми задачами. Гуманизмъ во Франціи сначала не имѣетъ характера жизненнаго элемента, какъ въ Италіи, но ближайшимъ образомъ является лишь областью изслѣдованія и учености. Затѣмъ сна-

---

[1]) K. Rosenkranz, Diderots Leben und Werke. Lpzg. 1866, I, стр. 2.

Digitized by Google

чала князья вступаютъ въ связь съ античными традиціями и, опираясь на примѣръ императоровъ, сообщаютъ болѣе высокое достоинство своему стремленію къ централизаціи, какъ въ государственной, такъ и въ духовной жизни. Медленно, но зато тѣмъ глубже вліяла древность на языкъ и словесное искусство. Французскій литературный языкъ есть продуктъ Возрожденія, и свойственный французамъ стиль, логическій и въ то же время реторическій, обращающійся къ разсудку и однако разсчитанный на эффектъ, развился подъ вліяніемъ гуманистическихъ занятій; въ своей классической литературѣ французы мастерски ввели въ свое національное сознаніе древне-римскіе мотивы; античный индивидуализмъ съ его наклонностью къ художественности и скептическому наслажденію жизнью нигдѣ не отличался такою живостью, какъ во Франціи. Лучшими плодами новаго духа воспользовалось „общество", которое уже въ эпоху Возрожденія имѣло свои центральные органы въ тонкихъ кружкахъ — припомнимъ отель Рамбулье; но и на народъ въ его цѣломъ перешли кое-какія облагораживающія и возвышающія вліянія: тонкій вкусъ, изящныя формы жизни, духовная подвижность націи, по крайней мѣрѣ, развились благодаря Возрожденію; пробужденію честолюбія, которое такъ характеристично для французскаго темперамента, несомнѣнно значительно содѣйствовали заимствованные у древности и съ особенною любовію поддерживаемые во Франціи школьные обычаи, извѣстная система премій, почетныхъ мѣстъ, состязаній.

Въ Англіи гуманистическое движеніе существенно стѣсняется вліяніями иного рода. Рѣзкія противоположности въ религіозной жизни: съ одной стороны — быстро развившаяся англиканская іерархія, а съ другой стороны — множество сектъ, не расположенныхъ къ какому бы то ни было искусству и свѣтской духовной культурѣ, создавали неблагопріятную для гуманизма почву; реалистическій духъ англичанъ, такъ ясно выразившійся въ ученіи Бэкона о связи науки съ прак-

Digitized by Google

тическими интересами, препятствовалъ самоотверженному углубленію въ античный міръ; чувство національнаго самосознанія развивало нѣкоторую неподатливость въ отношеніи къ поэтическимъ матеріаламъ и образцамъ древности: смѣлый произволъ, съ какимъ Шекспиръ передѣлываетъ матеріи древней исторіи сообразно съ формами современной жизни, напоминаетъ болѣе о пріемахъ средневѣковыхъ пѣвцовъ, чѣмъ о пріемахъ, господствовавшихъ въ эпоху Возрожденія въ другихъ мѣстахъ. Однако въ одномъ отношеніи англичане стояли ближе къ древнимъ, чѣмъ остальныя націи; у нихъ однихъ только была публичная государственная жизнь, почва для дѣйствительнаго живого словеснаго искусства, сословіе, предназначенное быть носителемъ политическихъ благъ и нуждавшееся въ особомъ воспитаніи сообразно съ этою цѣлію. Образованіе знатнаго юношества — our noble and our gentle youth[1]) — имѣло задачи, подобныя тѣмъ, какія ставились воспитанію свободнаго гражданина въ древности: дрессировка силъ безъ отношенія къ опредѣленному призванію, выработка личности, пріобрѣтеніе способности пользоваться духовнымъ мечомъ и вмѣстѣ орудіемъ управленія, словомъ. Поэтому выдвинулись сами собою и тѣ же самыя средства: изученіе языка и словеснаго искусства, не для ученыхъ цѣлей и даже собственно не для эстетическихъ, но для формальныхъ цѣлей развитія духовныхъ силъ и индивидуальной самостоятельности. Такимъ образомъ Англія приняла гуманизмъ, какъ элементъ образованія, выработывающаго public character (общественный характеръ), и такъ какъ этотъ характеръ принадлежалъ господствующему сословію, gentry, то гуманизмъ оказался здѣсь элементомъ образованія gentleman (джентльмена), и въ этомъ случаѣ Англія была въ нѣкоторомъ отношеніи ближе къ античному міру, чѣмъ всѣ другіе народы; но въ такой формѣ гуманистическія занятія пріобрѣли значеніе національнаго

[1]) Наше знатное и благородное юношество.

Digitized by Google

блага, и латинская школа сдѣлалась предметомъ всеобщаго уваженія, какъ мастерская, изъ которой выходили джентльмены, члены парламента, государственные мужи[1]). Этимъ-то и объясняется, почему именно Англія, которая всѣхъ холоднѣе приняла образованіе Возрожденія, вѣрнѣе всѣхъ сохранила старо-гуманистическую школьную систему и еще въ настоящее время обладаетъ латинскими школами, которыя вѣрно сохранили традиціи болѣе чѣмъ трехъ вѣковъ: школы эти и теперь еще видятъ всѣ существенныя образовательныя средства въ религіи, латинскомъ и греческомъ языкахъ, уважаютъ въ своемъ headmaster, по старому гуманистическому обычаю, главу и сердце школьнаго организма, по примѣру старыхъ школъ обучаютъ учениковъ всѣхъ классовъ въ одномъ большомъ залѣ, въ которомъ господствуетъ каѳедра ректора и скамьи котораго украшаютъ имена величайшихъ мужей Англіи, вырѣзанныя ими собственноручно.

Въ Германіи стремленія эпохи Возрожденія не встрѣтили ни поддержки въ народной жизни, ни князей, которыхъ манило бы соперничать съ императорами, ни гражданъ, которые могли бы нуждаться въ государственно-ораторскомъ образованіи античнаго покроя. Гуманистамъ приходилось выбивать источникъ изъ скалъ, школьные дѣятели должны были съ трудомъ выкапывать для него жолобъ. Нѣмецкіе латинскіе поэты того времени, которые, какъ говоритъ Гердеръ, довольствуются тѣмъ, что сказываютъ свой урокъ древнимъ, безпомощные полигисторы, которые тащатъ свое знаніе, какъ тяжкое бремя, сильно отличаются къ своей невыгодѣ отъ антично мыслившихъ и чувствовавшихъ итальянцевъ, отъ геніально-ученыхъ французовъ. Въ Германіи въ эпоху Возрожденія мы видимъ много труда и мало отдѣлки, большой захватъ и слабую ассимиляцію; много школьной работы, мало образованія. Но плоды

---

[1]) L. Stein, Verwaltungslehre, Bd. V. Das Bildungswesen 1868, стр. 327 и дал.

Digitized by Google

созрѣли позднѣе, и нѣмцамъ не приходится краснѣть за нихъ; поглощеніе древности въ интеллектуальной жизни Германіи совершилось уже въ XVIII вѣкѣ, и имена Винкельмана, Гердера, Гёте свидѣтельствуютъ не только о томъ, что нѣмцы усвоили античные мотивы въ гораздо болѣе обширныхъ размѣрахъ, проникая отъ римлянъ до грековъ. но и о томъ, что, они научились лучше цѣнить міровое содержаніе древнихъ, подлинно гуманное въ гуманизмѣ, чѣмъ другія націи, которыя ранѣе покончили съ Возрожденіемъ. Впрочемъ, и трудная, не разсчитывавшая на блестящіе успѣхи, разработка гуманизма, какъ школьной и образовательной цѣнности, разработка, которою былъ занятъ XVI и XVII вѣкъ, имѣетъ свое значеніе. Благодаря ей положена была основа обширной равномѣрно развѣтвляющейся школьной системы, которая, занимая среднее положеніе между французской централизаціей и англійскимъ суверенитетомъ школы, сдѣлалась какъ бы резервуаромъ нѣмецкаго образованія, находящимся въ обмѣнѣ съ народною жизнію и открытымъ для всѣхъ идущихъ извнѣ импульсовъ. Заслуга нѣмецкихъ гуманистовъ и энциклопедистовъ заключается не въ смѣлыхъ путешествіяхъ въ новый древній міръ, съ цѣлію открытій въ этомъ мірѣ, но въ размѣнѣ на мелкую монету и въ распространеніи вышедшихъ оттуда сокровищъ; нѣмецкіе гуманисты имѣютъ не эстетическое и не антикварно-научное, а педагогическое направленіе; въ составъ многочисленныхъ сочиненій о воспитаніи и обученіи, вызванныхъ эпохою Возрожденія, нѣмцы внесли видную долю, и идея дидактики, какъ преподавательскаго искусства, есть результатъ нѣмецкой полиматіи XVII вѣка.

Digitized by Google

VIII.

Просвѣщеніе.

§ 25.

Образованіе вообще производитъ то дѣйствіе, что проясняетъ умственный горизонтъ, устраняетъ неразумныя традиціи, развиваетъ самостоятельность сужденія. Въ частности каждый новый принципъ образованія становится источникомъ свѣта, поглощающаго своими лучами тьму и облака, которыя, какъ остатокъ пережитого принципа, суживаютъ кругозоръ. Такъ христіанство, повелѣвая ходить во свѣтѣ, разогнало вѣру въ демоновъ, гаданія и всѣ смутныя представленія, которыми вслѣдствіе смѣшенія культовъ и миѳологій умирающая древность омрачала умы: vetustatem novitas, umbram fugat veritas, noctem lux eliminat (Ѳома Аквинатъ, Lauda Sion)[1]); такъ гуманизмъ дѣйствовалъ просвѣтительно противъ суевѣрій и заблужденій, укоренившихся въ средніе вѣка въ жизни и наукѣ: Петрарка въ полемикѣ противъ астрологовъ и шарлатановъ видѣлъ одну изъ своихъ жизненныхъ задачъ, и разъясненіе неправильно понятыхъ ученій древнихъ занимало самые выдающіеся умы эпохи Возрожденія.

Эти полезныя, но ближайшимъ образомъ все же только отрицательныя дѣйствія образованія, если это послѣднее опирается на творческій принципъ и богатое духовное содержаніе, отступаютъ на задній планъ предъ другими, положительными: умы обращаются къ самому

---

[1]) Старое изгоняется новымъ, тѣнь истиною; ночь озаряется свѣтомъ (Ѳома Аквинатъ, Похвала Сіону).

Digitized by Google

источнику свѣта, и удовольствіе отъ этого наслажденія выше, чѣмъ радость, испытываемая въ то время, когда мы зажигаемъ отъ него факелы съ цѣлію свѣтить ими вокругъ. Если же, при подвижности духа въ другихъ отношеніяхъ, недостаетъ содержанія, которое могло бы наполнить его, или значеніе этого содержанія утратилось, то тенденція къ просвѣщенію становится господствующимъ интересомъ. Такое явленіе встрѣчаемъ мы у грековъ во времена софистовъ, когда древне-аттическій духъ началъ уже улетучиваться, а философія еще не въ состояніи была предложить міровоззрѣнія, на которое могли бы опереться вѣра, знаніе и стремленія; софисты, а также Сократъ и односторонніе сократики суть просвѣтители, ихъ стихія — не увеличеніе познавательнаго матеріала и не творчество въ сіяніи какого-либо идеала, но стремленіе внести свѣтъ въ предметы и умы, пробудить способность сужденія, изгнать предразсудокъ, вести къ самостоятельности, будетъ ли это самостоятельность виртуоза, *δεινός*, или самостоятельность увѣреннаго въ себѣ мудреца; греческій языкъ характеризуетъ эту дѣятельность сильнымъ сравненіемъ, заимствованнымъ отъ очищенія тѣла отъ чуждыхъ ему веществъ; разсудокъ называется высшимъ и совершеннѣйшимъ очистительнымъ средствомъ[1]). Подобный же характеръ имѣютъ системы умирающей древней философіи, которыя и въ другихъ отношеніяхъ имѣютъ связь съ одностороннею сократикой; епикурейское nil admirari (ничему не удивляться) (Hor. Ep. 1, 6, 1) — вотъ правило античнаго Voltairien (волтерьянца), который стоитъ выше предразсудковъ ищущей чуда толпы, а также выше „философскаго изумленія“, *θαυμασμὸς φιλόσοφος*[2]). Sapere aude (разсуждай смѣло) (ib. 2, 40) — таковъ лозунгъ резонирующаго разсудка, который ищетъ славы мужества въ противорѣчіи чужому авторитету. Правда, стоики обнаруживаютъ болѣе уваженія къ объек-

---

[1]) Plat. Soph. p. 230. *Τὸν ἔλεγχον λεκτέον ὡς ἄρα μεγίστη καὶ κυριωτάτη τῶν καθάρσεών ἐστιν.*

[2]) См. выше, стр. 29.

Digitized by Google

тивному разуму, но и стоическій мудрецъ привлекаетъ къ своему суду нравъ и обычай, измѣряетъ ихъ индивидуальнымъ масштабомъ и видитъ норму своей жизни въ ratione componi (согласованіи съ разумомъ)[1]).

Въ этихъ случаяхъ тенденція къ просвѣщенію является преобладающимъ моментомъ образовательнаго стремленія, но все же имѣетъ свое мѣсто въ предѣлахъ этого стремленія; когда же мы говоримъ о вѣкѣ Просвѣщенія, то обозначаемъ этимъ словомъ гораздо болѣе, чѣмъ руководящее начало въ процессѣ пріобрѣтенія познаній и въ учебныхъ занятіяхъ; подъ этимъ выраженіемъ мы разумѣемъ руководящую мысль стремленій времени, которыя обнимаютъ всѣ сферы жизни, выступая далеко за предѣлы образовательной дѣятельности.

XVIII вѣкъ называлъ себя siecle éclairé, просвѣщеннымъ или еще философскимъ вѣкомъ, и взялъ на себя задачу философски формулировать свои тенденціи; мы обладаемъ значительнымъ числомъ опредѣленій просвѣщенія, въ которыхъ представители его стараются дать себѣ отчетъ относительно господствующей идеи времени. Если при этомъ обнаруживается склонность смотрѣть на это понятіе слишкомъ широко, слишкомъ высоко цѣнить его содержаніе, видѣть въ стремленіяхъ времени стремленія общечеловѣческія, то это объясняется самою природою предпріятія, имѣвшаго цѣлью фиксировать то, что находилось еще въ движеніи, и изъ самаго движенія опредѣлить его направленіе и границы въ болѣе или менѣе сжатой формулѣ[2]). Просвѣщеніе заимствуетъ свое

---

[1]) Sen. Ep. 123. Inter causas malorum nostrorum est, quod vivimus ad exempla nec ratione componimur, sed consuetudine abducimur (къ числу причинъ нашихъ бѣдствій относится то, что мы живемъ по примѣрамъ и не сообразуемся съ разумомъ, но слѣдуемъ привычкѣ). Id. De vit. beat. Nulla res majoribus malis nos implicat, quam quod ad rumorem componimur, optima rati ea, quae magno assensu recepta sunt quorumque exempla multa sunt (Ничто не опутываетъ насъ бо́льшими бѣдствіями, какъ то, что мы сообразуемся съ молвою, считая самымъ лучшимъ то, что принято многими и для чего имѣется много примѣровъ).

[2]) Кантъ отвѣчаетъ на вопросъ: „Что такое просвѣщеніе?“ въ особой статьѣ въ Berliner Monatsschrift 1784 (Werke herausgegeben von Hartenstein, IV, стр. 161 и дал.), высказываясь въ томъ смыслѣ, что про-

Digitized by Google

названіе отъ проясняющагося, побѣждающаго туманы и облака неба; послѣднее обозначаетъ человѣческій духъ; то, что омрачаетъ его,—предразсудки, т. е. взгляды, мнѣнія, сужденія, догматы, насколько они основаны на преданіи и не узаконены, какъ правильные, вторичнымъ рожденіемъ въ субъективномъ мышленіи и ощущеніи. Проясненіе умственнаго горизонта совершается посредствомъ разсужденія, разумно-критическаго изслѣдованія вещей и явленій, которое субъектъ со своей точки зрѣнія производитъ относительно всѣхъ извѣстныхъ ему предметовъ, а всего чаще относительно вопросовъ, касающихся его собственнаго блага. Но отъ этого самостоятельнаго мышленія ожидается не только интеллектуальный, но и моральный результатъ; вмѣстѣ съ предразсудками это мышленіе должно уничтожить и незрѣлость, въ какой держали его обычай и учрежденія прошлаго. Это облегченіе и развитіе самостоятельности индивидуума считались условіями его счастія, и просвѣщенному человѣку вмѣняется въ обязанность увеличивать человѣческое счастіе распространеніемъ просвѣщенія, и если возможно, сдѣлать его всеобщимъ.

свѣщеніе „есть выходъ человѣка изъ осужденной имъ самимъ незрѣлости". Въ томъ же изданіи М. Мендельсонъ изслѣдуетъ тотъ же самый вопросъ и приходитъ къ тому результату, что просвѣщеніе вмѣстѣ съ культурою составляетъ образованіе народа; разсматриваемое же само по себѣ, оно относится „къ разумному познанію и къ способности разумно размышлять о предметахъ человѣческой жизни по мѣрѣ ихъ важности и ихъ вліянія на назначеніе человѣка". Ср. критику того и другого объясненія у Lazarus'a, Ideale Fragen, Berlin 1878, стр. 271 и дал. Николаи въ „Beschreibung einer Reise durch Deutschland" 1781 различаетъ культуру, политуру и просвѣщеніе и полагаетъ послѣднее въ общераспространенномъ пониманіи всѣхъ предметовъ человѣческой жизни, насколько они имѣютъ вліяніе на благо каждаго индивидуума и благо всеобщее". Опредѣленіе прежнихъ представителей государственнаго права у L. Stein'a, Verwaltungslehre, V, стр. 34. C. T. Bahrdt, циникъ между философами Просвѣщенія, видѣлъ признакъ просвѣщеннаго человѣка въ „слѣдованіи собственному взгляду". Seume говорилъ: „просвѣщеніе есть правильный, опредѣленный взглядъ на нашу природу, наши способности и отношенія, ясное понятіе о нашихъ правахъ и обязанностяхъ и ихъ взаимной связи".—Изъ новѣйшихъ мыслителей сущность нѣмецкаго просвѣщенія остроумно опредѣлилъ Erdmann въ Grundriss der Geschichte der Philosophie II², § 293 въ слѣдующей формулѣ: „Просвѣщеніе (XVIII вѣка) пыталось привести человѣка, какъ существо разумное, къ господству надъ всѣмъ".

Digitized by Google

Въ области религіи рефлектирующій субъектъ взялъ на себя задачу установить для себя содержаніе вѣры; откровеніе было частію лишено своего содержанія, частію совершенно отвергнуто, и разумъ сдѣлался источникомъ религіозныхъ истинъ (раціонализмъ); не признавая всего круга христіанскихъ идей, усвоили изъ него отдѣльныя положенія, напр., ученіе о бытіи Божіемъ (деизмъ) и о безсмертіи души; установленная христіанствомъ связь религіозныхъ и нравственныхъ идей была разрушена, и достоинство человѣка, независимо отъ вѣры, полагалось исключительно въ его моральномъ благоповеденіи (морализмъ). Церковь, съ отрицаніемъ ея сверхъестественнаго происхожденія и ея историческаго характера, стали считать союзомъ единомысленныхъ между собою почитателей Божества и отвергли обязательную силу ея ученій и предписаній, какъ насиліе надъ совѣстію. Въ подобномъ же смыслѣ въ отношеніи къ государству и обществу выдвигались права индивидуума, принадлежащія ему отъ природы; отношеніе между властью и подданными сводили къ безмолвному договору „честныхъ людей первобытнаго времени", хотя эта гражданская гордость не исключала признанія за государствомъ неограниченныхъ правъ, если только оно служитъ просвѣщенію. Соціальныя различія стремились нивеллировать, какъ чуждыя человѣческой природѣ, соціальные союзы — ослабить или разрушить, какъ оковы индивидуума (соціальный атомизмъ). Національное сознаніе отступало на задній планъ предъ космополитическимъ: гордились тѣмъ, что обитателей цивилизованной Европы скоро придется дѣлить только по профессіи, а не по національности (космополитизмъ). Подобно соціальнымъ, низко цѣнили и историческія условія человѣческихъ дѣлъ; правило: quae non fecimus ipsi, vix ea nostra voco (чего мы не сдѣлали сами, то я затрудняюсь называть нашимъ) [1]), характеризуетъ отношеніе эпохи Просвѣщенія

[1]) Ovid. Met. 13, 140.

Digitized by Google

къ историческимъ основамъ жизни; съ величайшею наивностію примѣняли масштабъ настоящаго къ прошлому, усвояли себѣ сродныя историческія явленія, не обращая вниманія на окраску времени — такъ, Мендельсонъ говорилъ, будто онъ заставилъ Сократа говорить такъ, какъ онъ говорилъ бы въ настоящее время — тогда какъ антипатичныя явленія то съ сожалѣніемъ, то съ уничтожающей критикой отодвигались въ сторону. Но въ исторіи не было другого періода, пониманіе котораго утрачено было бы въ такой мѣрѣ, какъ пониманіе христіанскаго средневѣковья, „эпохи римскаго клерикальнаго мракобѣсія и готическаго безобразія“, и, дѣйствительно, духъ средневѣковья представляетъ противоположный полюсъ въ отношеніи къ духу XVIII в. Склонности разсматривать человѣка внѣ соціально-историческихъ условій его жизни соотвѣтствуетъ и то, что всѣ жизненныя задачи опредѣлялись безъ отношенія къ этимъ условіямъ, исключительно съ точки зрѣнія индивидуума (индивидуализмъ); нравоученіе разучилось говорить о нравственныхъ благахъ, оно сдѣлалось ученіемъ о добродѣтели и притомъ съ эвдемонистической окраской и тенденціей къ осязательной пользѣ. Подъ вліяніемъ мысли, будто самое главное условіе нравственнаго облагороженія и счастія человѣка есть просвѣщеніе его разсудка, жизнь сердца стали отодвигать на задній планъ предъ разумомъ, внутреннія движенія, совершающіяся подъ поверхностію сознанія — предъ сознательною духовною жизнью (интеллектуализмъ), — черта, съ которою связана сухость и непоэтичность Просвѣщенія; дальнѣйшій шагъ повелъ къ тому, что основъ психической жизни стали искать не въ широкой сферѣ различныхъ видовъ духовной дѣятельности, но въ тѣхъ начаткахъ этой дѣятельности, какіе обнаруживаются въ чувственныхъ ощущеніяхъ (сенсуализмъ).

Во всѣхъ этихъ областяхъ Просвѣщеніе является разъясненіемъ того, что лежитъ сверху въ наружныхъ слояхъ этихъ областей; съ проницательнымъ взглядомъ на поверхность связана часто жалкая неясность пред-

Digitized by Google

ставленій о томъ, что лежитъ глубже поверхности, и этотъ недостатокъ часто довольно жестоко омрачалъ Просвѣщеніе. Какъ ни охотно оно называло себя полною противоположностью варварству, однако есть и варварство Просвѣщенія, которое обнаруживается особенно въ низкой оцѣнкѣ и даже разрушеніи памятниковъ прошлаго.

Подобно Возрожденію, движеніе Просвѣщенія обошло весь кругъ европейской культуры и, несмотря на свою космополитическую тенденцію, подобно тому же Возрожденію, дифференцировалось сообразно съ характеромъ наиболѣе выдающихся націй. Исходный пунктъ его — Англія, гдѣ борьба за вѣру была продолжительнѣе и произвела болѣе потрясеній, чѣмъ на материкѣ, ближайшимъ слѣдствіемъ чего было чрезмѣрное возбужденіе, а дальнѣйшимъ — усыпленіе религіозныхъ чувствованій и сомнѣніе въ реальности ихъ объекта. Англійское Просвѣщеніе, сдѣлало борьбу противъ ученія церкви главнымъ предметомъ своего вниманія, отсюда вращалось преимущественно въ богословской сферѣ и еще мало выступило за предѣлы сферъ, получавшихъ ученое образованіе. Болѣе широкіе размѣры приняло это движеніе во французскомъ обществѣ, куда оно было пересажено изъ Англіи. Сбросивъ съ себя англійскую тяжеловѣсность, а вмѣстѣ и англійскую серьезность, Просвѣщеніе, облеченное въ пріятныя формы, привлекло здѣсь образованные круги, которымъ оно давало не требовавшее большихъ усилій энциклопедическое знаніе, и распространило свое услужливое, часто фривольное резонерство на политическую и соціальную сферу, чѣмъ и подготовило тотъ переворотъ, который разразился во Франціи еще до конца столѣтія. Нѣмецкое Просвѣщеніе, возбужденное одновременно англійскимъ и французскимъ, дѣлитъ съ первымъ богословскій характеръ и болѣе глубокую серьезность, съ послѣднимъ — тенденцію къ распространенію своихъ взглядовъ и познаній, и въ этомъ отношеніи оно далеко превзошло англійское и французское Просвѣщеніе,

Digitized by Google

такъ какъ ввело въ сферу своего вліянія почти всѣ классы общества; въ новомъ расцвѣтѣ Возрожденія на нѣмецкой почвѣ и въ оживленіи національнаго сознанія, вызванномъ этимъ расцвѣтомъ, нѣмецкое Просвѣщеніе получило извѣстный коррективъ, давшій ему возможность избѣжать нѣкоторыхъ крайностей.

Къ вопросамъ образованія и воспитанія просвѣтительную тенденцію направляли разныя соображенія, и „философскій вѣкъ" долженъ былъ сдѣлаться и „вѣкомъ педагогическимъ". Въ воспитаніи, постановкѣ учебныхъ занятій и школѣ было достаточно традицій, на которыхъ могъ попробовать свою силу разсудокъ; высшія школы вращались въ колеяхъ эпохи Возрожденія и усвоили только нѣкоторыя улучшенія, предложенныя теоріей преподавательскаго искусства, такъ какъ широкіе планы дидактиковъ откладывались въ долгій ящикъ; народная школа, построенная на катихизисѣ и букварѣ, не удовлетворяла потребности доставлять пригодныя силы для индустріи и агрикультуры, направленныхъ къ болѣе широкимъ задачамъ; школы для спеціальной экономической подготовки вообще приходилось только еще создавать. Къ тому же, для просвѣщенныхъ людей, стремившихся построить жизнь на новыхъ основаніяхъ, образованіе юношества представлялось ближайшею и наиболѣе соотвѣтствующею цѣли сферою, и изъ предположенныхъ учрежденій для всеобщаго повышенія человѣческаго счастія школа была такимъ, которое, повидимому, представляло наименѣе затрудненій для выполненія. Задача воспитанія, которую доселѣ понимали сообразно съ христіанскими принципами, съ устраненіемъ послѣднихъ должна была получить форму новой проблемы; и эта проблема могла казаться далеко не такъ трудной, чтобъ не занимать и болѣе широкіе круги: поле дѣятельности воспитанія, съ устраненіемъ соціально-этической и исторической точки зрѣнія, опредѣлялось только самимъ индивидуумомъ; требовалось сообщить ему внутреннюю форму, которую можно было опредѣлить съ достаточною ясностію

Digitized by Google

такими абстрактными формулами, какъ добродѣтель, счастіе, духовное и тѣлесное здоровье и др. Соотвѣтственно высокой оцѣнкѣ интеллектуальной дѣятельности обученіе должно было казаться самымъ могучимъ рычагомъ юношескаго образованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ должна была развиваться и надежда достигнуть посредствомъ улучшенія методовъ самыхъ широкихъ результатовъ.

§ 26.

Если въ древне-христіанскомъ образованіи господствующею и объединяющею образовательный матеріалъ наукою была теологія, въ средневѣковомъ — схоластика, въ гуманистическомъ — филологія, то въ образованіи XVIII вѣка такой средоточной науки не было. Такой наукой нельзя признать философію, именемъ которой самодовольно называлъ себя этотъ вѣкъ, такъ какъ она стремилась не столько создать опредѣленный кругъ знаній и воззрѣній, сколько дать ферменты для рефлексіи и міровоззрѣнія, точно также и естественныя науки, вступающія теперь въ сферу образованія, по самой природѣ своей, не могли служить центромъ въ этой сферѣ. Принципъ Просвѣщенія не связанъ съ какимъ-либо опредѣленнымъ образовательнымъ матеріаломъ, но заключаетъ въ себѣ въ сущности только формальныя указанія на то, что слѣдуетъ пробуждать разумъ и силу сужденія и усвоять знанія, допускающія практическое примѣненіе. Хотя эти указанія и заключали въ себѣ побужденіе къ преобразованію обычныхъ образовательныхъ матеріаловъ, но въ нихъ не было побужденій выдвигать новые матеріалы, и вслѣдствіе этого перенята была только полиматическая тенденція умирающей эпохи Возрожденія, пересмотрѣнная въ критическомъ духѣ.

Богословскій элементъ прежняго образованія совершенно отвергнутъ былъ только самыми радикальными представителями французскаго Просвѣщенія; Дидро

Digitized by Google

только въ своей экзотерической философіи былъ теистомъ, въ эсотерической — атеистомъ, а Руссо удерживаетъ еще тѣнь теологіи въ своемъ планѣ воспитанія, заканчивая это воспитаніе преподаваніемъ религіи разума. Въ протестантской Германіи между духомъ времени и церковнымъ ученіемъ оказалось столько посредствующихъ членовъ и переходовъ, что здѣсь мысль объ исключеніи христіанства изъ области обученія юношества и народнаго образованія не нашла благопріятной почвы. Раціоналистическая философія Вольфіанской школы съ тенденціей къ субъективной критикѣ вѣроученія соединяла и нѣкоторый интересъ къ богословскимъ вопросамъ; да и піэтизмъ, возникшій изъ истинно религіозной потребности, ослабленіемъ уваженія къ догмату пролагалъ путь и къ просвѣщенію и тѣмъ самымъ смягчалъ напоръ его на христіанство: „тамъ, гдѣ потребность въ личномъ спасеніи служила ручательствомъ въ истинѣ ученія, не трудно было дойти до пониманія точки зрѣнія, ставившей критеріемъ истины личное убѣжденіе“ [1]), но, съ другой стороны, тамъ, гдѣ исканіе Бога было такимъ серьезнымъ дѣломъ субъективнаго религіознаго сознанія, не могло утвердиться и то направленіе, которое изъ паденія отдѣльныхъ истинъ религіознаго вѣроученія выводило самыя крайнія слѣдствія. Такимъ образомъ въ концѣ концовъ и получилось то, что представители нѣмецкаго Просвѣщенія упростили религіозное ученіе, уничтожили въ общемъ деизмѣ разности исповѣданій и даже религій, вытѣснили водянистыми назидательными пособіями содержательныя церковныя пѣсни и Св. Писаніе. Религіозное обученіе въ Базедовскомъ Филантропинѣ въ Дессау, опиравшееся на понятіе „объ Отцѣ вселенной, Котораго нужно почитать праведностію“, и обѣщавшее удовлетворить не только христіанъ, но и іудеевъ и турокъ, и однако ревностно боровшееся съ „безбожниками“, обозначаетъ приблизительно тотъ пунктъ, до котораго

[1]) Erdmann, Grundriss der Geschichte der Philosophie, II², § 293, 2.

Digitized by Google

дошелъ антагонизмъ нѣмецкаго Просвѣщенія противъ богословскаго элемента образованія.

Отношеніе стремленій разсматриваемой эпохи къ классическому элементу нельзя назвать простымъ; мы видимъ въ этомъ отношеніи и тяготѣніе и отвращеніе, и поиски и бѣгство. Древность представляла такія явленія, которыя привѣтствовались, какъ родственныя по духу; въ ученіяхъ ея мудрецовъ видѣли религію разума, для которой не нужно было никакого откровенія и никакой теологіи; Сенеку прославляли за его энтузіазмъ къ добродѣтели, Сократа, какъ героя убѣжденія и учителя съ яснымъ разсудкомъ, въ его діалогѣ видѣли образецъ всѣхъ дидактическихъ методовъ. Идеализированный образъ древнихъ республикъ воспламенялъ стремленіе къ свободѣ; античный космополитизмъ сдѣлался образцомъ новаго европейскаго всемірнаго гражданства. У древнихъ искали и находили общечеловѣческое, которое, какъ полагали тогда, стѣснено было христіанскимъ міровоззрѣніемъ, такъ какъ послѣднее измѣряетъ человѣка не его собственнымъ масштабомъ, но классифицируетъ его по категоріямъ христіанина и нехристіанина, вѣрующаго и невѣрующаго. Для людей, стремившихся сбросить съ себя тяжкое бремя гнета исторіи и возвратиться къ природѣ, древность въ Гомеровыхъ фигурахъ доисторическаго времени представляла свѣтлую точку, и отецъ поэтовъ открывалъ новый взглядъ на поэзію. Подобно античному міру и ново-античный міръ гуманизма представлялъ не мало точекъ соприкосновенія; нужно было продолжать его борьбу противъ среднихъ вѣковъ и традицій; критика Валлы, сатиры Эразма, свѣтскій скептицизмъ Монтэня ожили снова и взяли на себя самыя широкія задачи.

Однако отношеніе эпохи Просвѣщенія къ древности было гораздо болѣе осмотрительнымъ, чѣмъ въ эпоху Возрожденія. Люди были слишкомъ переполнены сознаніемъ того, „какой славы они, наконецъ, достигли“, чтобы могло повториться прежнее самоотверженное

Digitized by Google

увлеченіе древностью. Господствующимъ мнѣніемъ было то, что люди опередили древнихъ во всѣхъ отношеніяхъ и что общеніе съ ними слѣдуетъ ограничить извѣстною мѣрою. Дидро любилъ античную литературу и бредилъ Сенекой, но отводитъ скромное мѣсто классическимъ наукамъ въ своемъ „Планѣ университета“ [1]), д'Аламберъ, тоже знатокъ древнихъ, смѣется надъ классическимъ преподаваніемъ, которое учитъ parler sans rien dire (говорить, не сказавъ ничего) [2]), и считаетъ работу, употребляемую на латинское письмо, потерянною для успѣховъ разума [3]); Руссо воодушевляется Плутархомъ, но изъ воздушнаго корабля своей педагогики выбрасываетъ древнихъ, какъ балластъ, и даже Кантъ, который говоритъ въ пользу изученія древнихъ, „что оно содѣйствуетъ соединенію науки со вкусомъ, сглаживаетъ грубость, развиваетъ общительность и свѣтскій характеръ, въ чемъ и состоитъ гуманность“, — даже и онъ называетъ „глупымъ безуміемъ приписывать имъ ради древности преимущество предъ новыми въ талантахъ и доброй волѣ, — какъ будто міръ по законамъ природы находится въ процессѣ постояннаго пониженія своего первоначальнаго совершенства, — и презирать все новое въ сравненіи съ древнимъ“ [4]). Вожди нѣмецкой педагогики въ эпоху Просвѣщенія смотрятъ на классическія науки, какъ на бремя; Траппъ полагаетъ: „если бы угодно было Богу, воспитателю не было бы надобности учиться какому-либо другому языку, кромѣ своего отечественнаго, но хотя бы воспитаніе можно было поставить на самую лучшую ногу, все же латинскій и французскій нельзя было бы изгнать изъ Германіи“ [5]). Базедовъ также не скрываетъ,

---

[1]) Rosenkranz, Diderots Leben und Werke. Lpzg. 1866, II, стр. 335 и далѣе.

[2]) Encyclopédie Art. Collége.

[3]) Discours préliminaire къ Энциклопедіи.

[4]) Werke herausgegeben von Hartenstein, VIII, стр. 46 и VII, стр. 262. Ср. изданную авторомъ педагогику Канта, Лейпцигъ 1873, стр. 7.

[5]) Versuch einer Pädagogik, 1780, § 102. Ср. статью его о преподаваніи языковъ въ Revisionswerk Campe.

Digitized by Google

что латынь въ Филантропинѣ преподавалась только изъ уваженія къ желаніямъ родителей. Утилитаризмъ находилъ въ древней литературѣ слишкомъ мало связи съ практическими, житейскими нуждами, и стремленіе къ возможно раннему развитію силы сужденія вело къ низкой оцѣнкѣ филологическаго образованія. Въ послѣднемъ отношеніи направленіе XVIII вѣка совершенно противоположно направленію эпохи Возрожденія; тогда интересъ къ языку доходилъ до односторонности, и fari posse (умѣнье говорить) считалось вѣнцомъ образованія; въ вѣкъ Просвѣщенія вниманіе отвлечено было частію чувственно-нагляднымъ матеріаломъ, частію абстрактными идеями и отвлечено настолько сильно, что лежащая между ними духовно-чувственная область языка, можно сказать, почти опущена была изъ виду, и Кантъ могъ произвести анализъ познавательной способности, даже не касаясь словеснаго сознанія, этого естественнаго вождя въ мастерской интеллектуальной дѣятельности.

Несмотря на это, въ практикѣ преподаванія гуманистическія школьныя традиціи не испытали перерыва или рѣзкаго видоизмѣненія. Во Франціи въ лицѣ Роллена, въ Германіи въ лицѣ Геснера и Эрнести, традиціи эти нашли достойныхъ представителей, которые въ достаточной мѣрѣ удовлетворяли требованію: „вещи вмѣсто словъ!“ Положеніе Роллена: Ce qui doit dominer dans les classes, c'est l'explication (въ классахъ должно господствовать изъясненіе), и предписаніе Геснера: verborum disciplina a rerum cognitione nunquam separanda (ученіе о словахъ никогда не слѣдуетъ отдѣлять отъ изученія вещей), характеризуетъ реализмъ гуманистовъ, который могъ поспорить съ реализмомъ филантропистовъ. Стремленія послѣднихъ отклонить образованіе въ сторону отъ древнихъ и направить его на матеріалы современнаго характера и осязательной пользы не могли подавить болѣе идеальнаго воззрѣнія, вызваннаго расцвѣтомъ нѣмецкаго классицизма. Созданія послѣдняго доказывали, что

Digitized by Google

древность — не ученая бездѣлушка, но животворный элементъ, высшая школа, которой современность еще не переросла. Противникамъ классическихъ наукъ Шиллеръ могъ сказать: „мертвые языки, такъ называете вы языкъ грековъ и римлянъ: но отъ нихъ происходитъ то, что живетъ въ вашихъ". Написанныя въ античномъ духѣ стихотворенія Гёте и Шиллера сдѣлали античныя представленія популярными въ болѣе широкихъ кругахъ, чѣмъ какіе доступны были для прежняго гуманизма, и рано или поздно должны были сдѣлаться школьною образовательною цѣнностью, которая вслѣдствіе своихъ связей съ древностію снова укрѣпляла въ школахъ древне-классическій элементъ. Еще болѣе, чѣмъ англичанинъ, даже болѣе, чѣмъ человѣкъ романской націи, нѣмецъ поставленъ своими классиками въ такое положеніе, что уже не понимаетъ своей собственной литературы, если поворачивается спиною къ древнимъ. Такимъ образомъ кризисъ, которымъ угрожалъ нѣмецкимъ ученымъ школамъ филантропизмъ, скорѣе обогатилъ эти школы, и къ изученію латинскихъ авторовъ въ нихъ присоединилось изученіе греческихъ, которые и послужили главною опорою неоклассицизма. Но само собою разумѣется, классическія науки должны были подѣлиться мѣстомъ съ многочисленными позднѣйшими элементами, все болѣе и болѣе вторгавшимися въ школы вслѣдствіе энциклопедическихъ наклонностей времени, и не могли уже удержать того центральнаго положенія въ преподаваніи, какое онѣ занимали въ старыхъ латинскихъ школахъ. Учебный матеріалъ гимназіи, сформировавшійся на основаніи движеній XVIII вѣка, можно назвать результатомъ соединенія учебныхъ плановъ Меланхтона и Базедова[1]).

Полиматическое стремленіе XVIII вѣка ближайшимъ образомъ примыкаетъ къ такимъ же стремленіямъ

[1]) K. L. v. Roth у Lübker'a „Gelehrtenschulwesen" въ Энциклопедіи Шмида II², стр. 682.

Digitized by Google

вѣка предшествующаго. Выдающимся представителемъ ученой полиматіи, основанной на изученіи древности, былъ Іоаннъ Маттіасъ Гесперъ, знаменитый гёттингенскій учитель и воспитатель учителей, который въ своихъ составленныхъ на латинскомъ языкѣ чтеніяхъ объ общемъ образованіи старается согласовать добрыя традиціи умирающаго Возрожденія съ требованіями времени. Рядомъ съ древними языками онъ даетъ свое мѣсто новымъ, особенно отечественному языку, въ пренебреженіи которымъ видитъ главную ошибку старыхъ школъ. Точно также рядомъ съ изученіемъ литературы Геснеръ даетъ мѣсто исторіи и географіи; онъ называетъ географію historiae omnis diverso respectu prima pars, atrium, fundus, lux (первою въ различныхъ отношеніяхъ частью всякой исторіи, ея предверіемъ, основаніемъ, свѣтомъ) и высказываетъ мнѣніе, что исторія тѣмъ скорѣе ведетъ къ жизненной мудрости, чѣмъ болѣе пускается въ детали. Но не слѣдуетъ пренебрегать и математическимъ образованіемъ: „тотъ лишаетъ себя одного глаза, кто низко цѣнитъ математику". За исходный пунктъ учебныхъ занятій Гесперъ охотнѣе всего принялъ бы Гомеровскія стихотворенія и языкъ ихъ, но препятствіе къ осуществленію такого плана онъ усматриваетъ въ rationes scholarum, quibus quodammodo ratio ecclesiae innititur (основаніяхъ школъ, на которыя извѣстнымъ образомъ опирается основаніе церкви)[1]. Соединеніе старыхъ и новыхъ элементовъ,

[1] Primae lineae isagoges in eruditionem universalem Геснера, изданныя Никласомъ въ 1774 и 1786, два тома, въ prooemium содержатъ: brevis recensus discendorum, обозрѣніе прежнихъ энциклопедій и praecepta discendi generalia. Первый отдѣлъ трактуетъ de linguis seu philologia, именно: объ отечественномъ языкѣ, о латинскомъ, греческомъ, о новыхъ языкахъ (§ 79 и сл.), о поэзіи (§ 222 и сл.), о музыкѣ и живописи (§ 277 и сл.), объ ораторскомъ искусствѣ (§ 383 и сл.). Второй отдѣлъ имѣетъ историческій характеръ; здѣсь идетъ рѣчь о географіи (§ 418 и сл.), о хронологіи (§ 450 и сл.) и о всеобщей исторіи (§ 481 и сл.), *φιλοσοφίας μετρόπολις*, которая дѣлится на historia civilis, ecclesiastica, litteraria, miscella. Третій отдѣлъ заключаетъ философію: сначала ея исторію (§ 662 и сл.), затѣмъ психологію, онтологію, раціональную теологію, логику и этику (§ 823—1536). Выполненіе обнаруживаетъ многостороннюю ученость; есть интересъ и къ научнымъ курьезамъ, но онъ нигдѣ не идетъ въ ущербъ практической цѣли произ-

Digitized by Google

но съ совершенно иною тенденціей представляетъ и полиисторія Пьера Бэля (Bayle), автора весьма распространеннаго Dictionnaire historique et critique (первое изданіе 1696 г.). Бэль принадлежитъ къ старой школѣ; жизнь его „протекаетъ въ тѣни библіотекъ, ученыхъ журналовъ и корреспонденцій"; онъ „разсматриваетъ міръ, какъ грубый матеріалъ для книгъ"; но онъ же является и „патріархомъ вѣка критики": у него впервые всѣ матеріи разлагаются и разъѣдаются духомъ сомнѣнія въ традиціи и тенденціей холоднаго разсудка [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ произведеніе его открываетъ рядъ энциклопедій или энциклопедическихъ лексиконовъ съ алфавитнымъ расположеніемъ матеріала, которые теперь вытѣсняютъ старые сборники, расположенные въ систематическомъ порядкѣ. Эта перемѣна формы характеристична: ученая тяжеловѣсность должна уступить практическимъ соображеніямъ; объединеніе существенныхъ познаній дѣлается такимъ образомъ, что эти познанія легко и быстро предоставляются въ распоряженіе потребности интеллекта; orbis doctrinae, у древнихъ часто запутанный на подобіе лабиринта, разрѣшается въ безсвязное множество сотенъ и тысячъ статей, и тѣмъ самымъ къ нему открывается столько же удобныхъ путей.

Величайшая работа этой эпохи въ проложенномъ Бэлемъ направленіи есть знаменитая, редактированная Дидро и д'Аламберомъ, Encyclopédie ou dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers, начатая въ 1751, оконченная въ 1772 въ 17 томахъ in folio текста и 11 томахъ эстамповъ, до 1774 года распространенная уже въ четырехъ переводахъ за границей. Въ основѣ этого исполинскаго труда лежалъ скромный планъ — ввести во французскую литературу произведеніе Ефраима Чэмберса Cyclopaedia (Дублинъ 1728, 2 тома in folio), но предпріятіе это разрослось въ коллектив-

---

веденія; Геснеръ свободенъ отъ излишества въ полнотѣ ученаго матеріала, какое обнаруживается, напр., у Моргофа (выше, стр. 352 примѣч. 2), и извѣстная свѣтская жилка заставляетъ его избѣгать недостатковъ внѣшней формы, обычныхъ у полигисторовъ.

[1]) Ср. удачную характеристику Бэля у Justi, Winkelmann, 1866, т. I.

Digitized by Google

ную работу просвѣщенной Франціи. Оно имѣетъ въ виду двѣ цѣли — объединить и сдѣлать общеполезными науки, искусства и умѣнья, а съ другой стороны — обезпечить для принципа Просвѣщенія воздѣйствіе на кругъ идей современниковъ во всей его широтѣ: Encyclopédie есть и сокровищница современнаго знанія, и батарея, которая должна была разнести „остатки средневѣковья", она является и памятникомъ французскаго прилежанія и вкуса, и партійнымъ органомъ sainte confédération contre le fanatisme et la tyrannie [1]), какъ Кабани (Cabanis) называлъ кружокъ энциклопедистовъ. Планъ этого произведенія, который излагаютъ Prospect Дидро и Discours préliminaire д'Аламбера, имѣетъ связь съ Бэконовскимъ дѣленіемъ наукъ по способностямъ духа: исторія имѣетъ свой принципъ въ памяти: она вспоминаетъ о прошедшемъ; изящное искусство — въ силѣ воображенія: оно изображаетъ для чувствъ; философія — въ разумѣ: ей принадлежитъ право судить обо всемъ. Замѣчательно, что субъектъ даетъ здѣсь принципъ для дѣленія, тогда какъ ранѣе такимъ принципомъ былъ предметъ, матеріалъ знанія; просвѣщеніе, строго номиналистическое [2]), не признавало никакихъ духовныхъ матеріаловъ, которые были бы цѣнны сами по себѣ. При изложеніи науки критика ея связывается съ исторіей соотвѣтствующей науки, потому что послѣдняя какъ бы сама себя критикуетъ въ своихъ видоизмѣненіяхъ. Искусство разсматривается не только съ эстетической, но и съ механической точки зрѣнія; изобрѣтатели въ области техники и индустріи суть благодѣтели человѣчества, слишкомъ часто забываемые послѣднимъ, тогда какъ оно увѣковѣчило завоевателей, этихъ настоящихъ разрушителей. Энциклопедія должна раскрыть истинные принципы вещей, указать ихъ отношенія и содѣйствовать увеличенію авторитета и развитію человѣ-

---

[1]) Священнаго союза противъ фанатизма и тиранніи.

[2]) Разумѣется средневѣковый номинализмъ, по ученію котораго общія понятія не имѣютъ реальнаго бытія и являются лишь названіями (nomina) извѣстной группы предметовъ. *Прим. пер.*

Digitized by Google

ческаго знанія, увеличивая число ученыхъ, художниковъ, просвѣщенныхъ любителей науки; она похожа на безпредѣльный ландшафтъ, покрытый горами, скалами, водами, лѣсами и т. д., которые всѣ объяты свѣтомъ одного и того же неба, но объяты различнымъ образомъ, сообразно съ тѣмъ, выступаютъ ли они на передній планъ, или распредѣляются въ серединѣ или теряются вдали; она должна замѣнить для образованнаго человѣка библіотеку по всѣмъ отраслямъ, а спеціалисту — библіотеку по всѣмъ спеціальностямъ за исключеніемъ его собственной [1]).

Если въ планѣ Encyclopédie былъ моментъ, до извѣстной степени связывавшій ея разнообразное содержаніе, а ученость и фактическія свѣдѣнія ея сотрудниковъ сообщали ей извѣстную серьезность, то вульгарный энциклопедизмъ, особенно въ той формѣ, въ какой онъ нашелъ представителей въ Германіи, доходитъ до полнаго раздробленія матеріала и крайней поверхностности изслѣдованія. Съ особенною охотою спускался онъ до уровня юношества, чтобы сообщать ему просвѣтительныя, полезныя и занимательныя свѣдѣнія. Подобно тому какъ пансофія XVII вѣка приняла самую элементарную форму въ Orbis pictus, такъ и вульгарная полиматія эпохи Просвѣщенія получила такую форму въ Элементарномъ руководствѣ Базедова, которое должно было лежать въ основѣ преподованія до пятнадцатилѣтняго возраста. Это руководство представляетъ подражаніе произведенію Коменскаго, но и существенно отличается отъ него: христіанское жизнепониманіе Коменскаго мѣняется здѣсь на деистическое во вкусѣ времени, обученіе языку совсѣмъ опускается изъ виду, краткое и сжатое изложеніе уступаетъ мѣсто болтливому и расплывчатому, матеріалъ разбрасывается между картинами въ еще болѣе пестрой смѣси, и чувственное изображеніе сверхчувственнаго міра еще болѣе

---

[1]) Ср. Rosenkranz, Diderot. Bd. I, стр. 106 и дал. и II, стр. 402 и дал.

Digitized by Google

поражаетъ изобрѣтательнымъ безвкусіемъ, чѣмъ въ иллюстрированной Janua[1]).

Тенденція XVIII вѣка сдѣлать знанія и воззрѣнія всякаго рода общимъ достояніемъ широкихъ сферъ выражается не только въ энциклопедическихъ предпріятіяхъ, но сказывается и въ области отдѣльныхъ наукъ. Всюду обнаруживается передвиженіе границъ ученой и образовательной литературы къ выгодѣ послѣдней, писатели все болѣе и болѣе охотно отдѣляются отъ ученаго цеха, направляя свои произведенія въ образованную публику, и видятъ гарантію долговѣчности своихъ трудовъ уже не въ томъ рангѣ, какой эти труды имѣютъ занять въ книжномъ мірѣ, но во вліяніи ихъ на общество. Этотъ поворотъ связанъ далеко не съ однимъ только стремленіемъ просвѣтить людей, но является также и результатомъ дальнѣйшаго развитія національныхъ литературъ: если въ эпоху Возрожденія исходнымъ пунктомъ этихъ литературъ была поэзія, то теперь онѣ направляются въ сторону прозы и притомъ не только беллетристической, но и научной. Пока наука говорила на латинскомъ языкѣ, честолюбію ея представителей могла удовлетворять мысль

---

[1]) Элементарное руководство, для изданія котораго Базедовъ испросилъ и получилъ пособія со всей Германіи, Швейцаріи, сѣверныхъ странъ, монарховъ и частныхъ лицъ, въ полномъ видѣ появилось въ четырехъ томахъ въ 1774 и 1785 гг., съ эстампами Ходовецкаго. Въ изданіи 1785 г. въ 9 книгахъ (3 томахъ) находимъ слѣдующій матеріалъ: кн. 1: „Только для взрослыхъ друзей юношества“: педагогическія правила, изображеніе воспитанія въ Альфиніи (воображаемой странѣ образцоваго воспитанія) и др. Кн. 2: „О разныхъ матеріяхъ, особенно о человѣкѣ и душѣ“; здѣсь и получившее печальную извѣстность, назначенное для дѣтей, наставленіе относительно половыхъ отношеній. Кн. 3: „Общеполезная логика“. Кн. 4: О религіи, популярное изложеніе „естественной религіи“ и описаніе историческихъ религій. Кн. 5: Правоученіе: пословицы, исторіи, басни, ученіе о добродѣтеляхъ. Кн. 6: О занятіяхъ и сословіяхъ людей. Кн. 7: Элементы историческаго знанія, a) основныя понятія о государственныхъ предметахъ, отчасти въ свободно измышленныхъ исторіяхъ, b) и c) географія, d) и e) кое что изъ всеобщей исторіи въ хронологическомъ порядкѣ, f) кое что изъ миѳологіи и басенъ, g) кое что изъ геральдики. Кн. 8 и 9: Естествовѣдѣніе. Дополненіемъ служитъ книга 10, составляющая четвертый томъ; въ ней содержится самое необходимое изъ грамматики и краснорѣчія. Матеріи книгъ 2—9 иллюстрируются 96 картинами, снятыми съ изготовленныхъ Ходовецкимъ гравюръ на мѣди.

Digitized by Google

о томъ, что они умножаютъ ея сокровища, принадлежащія ученой Европѣ; когда же она начала говорить по-французски, по-англійски, по-нѣмецки, игнорировать націю было уже нельзя, и явилась необходимость обращать вниманіе на общепонятность, связь съ современными интересами и изящное изложеніе. Этотъ процессъ націонализаціи и вмѣстѣ популяризаціи науки имѣлъ нѣкоторыя невыгодныя стороны: онъ уничтожалъ солидарность изслѣдованія, установленную средними вѣками для Европы и укрѣпленную Возрожденіемъ; въ нѣкоторыхъ областяхъ онъ произвелъ изолированіе научной дѣятельности, напр. въ философіи, которая съ тѣхъ поръ пошла различными путями въ Германіи съ одной стороны и въ Англіи и Франціи съ другой, — онъ повелъ за собою превратное и вредное исканіе популярности и развивалъ полуобразованіе, родную дочь полунаучности. Фихте въ своемъ рѣзкомъ полемическомъ сочиненіи противъ Фр. Николаи выразительно отмѣчаетъ вредъ поверхностной популяризаціи: „Стали гордиться тѣмъ, что научились, наконецъ, писать по-нѣмецки; хотѣлось, чтобы это писанье и признавалось за нѣмецкое, и потому стали стараться обо всѣхъ предметахъ писать такимъ образомъ, чтобы и на самомъ дѣлѣ разумъ не пріобрѣталъ ничего, кромѣ знанія нѣмецкаго языка. Изложеніе сдѣлалось главнымъ дѣломъ; излагаемое должно было приспособляться къ изложенію; чего нельзя было сказать такъ, чтобы сказанное поняла и полусонная красавица за своимъ туалетомъ, того и не говорили и, — такъ какъ учились только для того, чтобы умѣть говорить, — то подробно и не изучали, — а позднѣе стали даже презирать, какъ жалкое мудрованіе и педантизмъ; короче, вошла въ обычай жалкая популяризація, и отнынѣ популярность сдѣлалась масштабомъ, которымъ измѣряется истинное, полезное и достойное изученія“. — Однако было бы несправедливо имѣть въ виду только тѣневыя стороны этого процесса; съ выходомъ науки изъ рамокъ школьной обработки все же связаны были и большія пре-

Digitized by Google

имущества: увеличивалось число точекъ соприкосновенія между народнымъ духомъ и познавательною и образовательною дѣятельностію, началось весьма важное взаимодѣйствіе между изслѣдованіемъ и жизнью, которое такъ характеристично для новѣйшаго времени, возникли новыя области общей духовной культуры.

Руководящая роль въ этомъ процессѣ приходится на долю философіи. Англійскій сенсуализмъ, почитавшій въ Локкѣ своего патріарха, обращался не столько къ мыслителямъ и ученымъ, сколько къ друзьямъ возбуждающаго и поучащаго разсудка; опирающіеся на него французскіе писатели выступали въ качествѣ свѣтскихъ философовъ: изящное парижское общество — вотъ ихъ сфера, а вмѣстѣ ихъ произведеніе и ихъ условіе. Въ Германіи философія выходитъ изъ школы и снова возвращается въ школу, но въ промежуткѣ обращается и къ болѣе широкимъ кругамъ, да и школьная философія своими посредствующими работами проникаетъ въ эти круги: ученіе Вольфа царитъ въ аудиторіяхъ въ теченіе первой половины вѣка, на него опирается эклектизмъ Мендельсона, Гарве, Энгеля и др.; философія Канта до нѣкоторой степени возвращаетъ умы къ основательности, но въ то же время побуждаетъ и даже заставляетъ ихъ двигаться въ ширь. Философія дала образовательному сремленію какъ часть своего содержанія, такъ и свои руководящія линіи, такъ какъ главною задачею ея было изслѣдованіе того, какимъ образомъ человѣкъ, и именно индивидуумъ, путемъ просвѣщенія, развитія самостоятельности можетъ достигнуть счастія или, какъ хотѣлъ Кантъ, добродѣтели; она должна была не только содѣйствовать росту педагогики, но сама имѣла педагогическую тенденцію, которая, правда, указывала только на индивидуальную сторону воспитанія и образованія, но оживляла и интересъ къ воспитательной и образовательной дѣятельности вообще.

Digitized by Google

Подъ вліяніемъ философіи три группы наукъ получили новую, доступную для образовательнаго стремленія, форму: историко-политическія дисциплины, изящныя науки и естественныя науки. Какъ ни далеко расходилось съ исторіей міровоззрѣніе эпохи Просвѣщенія, и какъ ни мало способна была эта эпоха къ благоговѣйному углубленію въ прошлое и къ признанію необходимости отыскивать въ прошломъ корни собственной жизни, однако стремленіе внести свѣтъ въ дѣла людей во всѣхъ направленіяхъ указывало и на исторію; предпринятъ былъ пересмотръ прежняго пониманія и изложенія исторіи, за естественными условіями признано было болѣе глубокое вліяніе на строй жизни, въ развитіи разума стали видѣть движущую силу историческаго прогресса и на ряду съ повелителями, государственными мужами и полководцами дано было извѣстное мѣсто мудрецамъ, изобрѣтателямъ, мужамъ, сдѣлавшимъ открытія. То, что мы называемъ культурной исторіей, есть открытіе XVIII вѣка; къ этому же вѣку относится и происхожденіе термина философія исторіи, но этимъ именемъ обозначается не особая отрасль спекуляціи, а только примѣненіе философской мысли къ исторіи, которое хотѣло вытѣснить господствовавшія доселѣ богословскія точки зрѣнія. Essai sur les moeurs et l'esprit des nations (Опытъ о нравахъ и духѣ націи) Вольтера открываетъ эту отрасль исторической литературы и даетъ тонъ его послѣдователямъ. Если въ прежнее время въ области очерковъ культуры и исторіи нравовъ не возвышались надъ наборомъ курьезовъ и ученыхъ мелочей, то теперь эта область сразу выдвинута была изъ сферы коллектированія и вслѣдствіе связи съ современными интересами сдѣлалась предметомъ талантливыхъ и бездарныхъ, разумныхъ и фантастическихъ общихъ разсужденій. По примѣру Вольтера, салоны удивлялись китайской культурѣ, жалѣли средніе вѣка, какъ смѣсь безумія, несчастія и преступленія, горячо сочувствовали успѣхамъ индустріи и мирнымъ искусствамъ. Когда Руссо указалъ на

Digitized by Google

первобытный лѣсъ, какъ на исходный пунктъ исторіи, стали изучать жизнь дикихъ народовъ, чтобы найти начатки нравственности, и бредили островитянами южнаго океана. Популярность политическихъ наукъ связана съ именемъ Монтескье, котораго госпожа Помпадуръ привѣтствовала, какъ „законодателя Европы", Esprit des lois (Духъ законовъ) въ полтора года былъ напечатанъ двадцать разъ, и одинъ современникъ говоритъ объ этомъ произведеніи: „оно произвело полный переворотъ въ духѣ націй; лучшіе умы обращаются къ изслѣдованію политическихъ вопросовъ; наука о государствѣ сдѣлалась предметомъ философіи" [1]). Англійское государственное устройство, проблема дѣленія властей, права парламентовъ, а также и національно-экономическіе вопросы, противоположность между физіократами и меркантилистами стали занимать теперь свѣтское общество, и къ нему направляли свои произведенія политическіе писатели. Руссо сообщилъ дебатамъ о государствѣ и обществѣ фантастическій и радикальный характеръ и выдвинулъ проблему воспитанія, въ которомъ хотѣлъ найти средство предупредить разложеніе культуры. Такимъ образомъ и ученіе о воспитаніи введено было въ кругъ этихъ изслѣдованій, во Франціи только мимоходомъ, такъ какъ здѣсь политико-соціальные вопросы стояли на первомъ планѣ, зато тѣмъ устойчивѣе въ Германіи, гдѣ выросла не только особая педагогическая литература, но и поэты и мыслители, ученые и государственные мужи занимались вопросами воспитанія.

„Изящныя науки", высоко цѣнимыя въ эпоху Возрожденія, но предоставленныя ученой школьной разработкѣ, выступили теперь изъ предѣловъ этой разработки и распространились во всѣ стороны. Въ основу анализа полагали уже не только произведенія античнаго словеснаго искусства, но и произведенія новѣйшаго;

---

[1]) Grimm въ litt. Korresp. I, 2, стр. 74, у H. Hettner'a, Litteraturgeschichte des XVIII Jahrh. Braunschweig 1865 II², стр. 260.

Digitized by Google

школьная піитика и школьная реторика дополнены были критикой, которая должна была бодрствовать надъ поэтическою производительностію современниковъ, и не разъ, выходя за предѣлы этой задачи, указывала ей дорогу. Потребность установить твердые принципы критики вела къ эстетикѣ, которая ближайшимъ образомъ стояла въ связи со школьной философіей, — Баттё (Batteux) исходилъ отъ Аристотеля, Баумгартенъ — отъ Хр. Вольфа, — нѣмецкій классицизмъ быстро оставилъ эти начатки за собою и создалъ себѣ соотвѣтственный органъ; его великіе представители соединяли силу поэтическаго творчества съ острымъ умомъ, который стремится дать себѣ отчетъ въ этомъ творчествѣ, и произведенія ихъ сдѣлались для націи школою не только чувства, но и пониманія красоты. Если античная и ново-античная теорія вкуса почти всецѣло ограничивалась поэзіей и ораторскимъ искусствомъ, то теперь въ кругъ изслѣдованія стали вводить и пластическія искусства, а это въ свою очередь указывало на исторію искусства, ближайшимъ образамъ классическаго. Винкельманъ впервые организовалъ собранный ученый матеріалъ археологіи и открылъ для эстетическаго образованія чудную страну античнаго искусства; Лессингъ положилъ начало сравнительному изслѣдованію искусства, Гердеръ и Гёте познакомили современниковъ съ универсальнымъ характеромъ поэзіи и искусства; Шиллеръ, опираясь на Канта, старался оцѣнить ихъ нравственную задачу; первые ввели эстетику въ кругъ культурно-историческихъ изслѣдованій, послѣдній связалъ ее съ практической философіей. Но и надъ этими стремленіями господствуетъ субъективный духъ времени. Прекрасное понимается не какъ благо, къ воспроизведенію котораго человѣческій духъ расположенъ по самой природѣ своей и которое само есть отраженіе болѣе высокихъ благъ, но только какъ точка приложенія или средство индивидуальнаго усовершенствованія. Только у Винкельмана мы находимъ болѣе глубокое, восходящее къ Платону, пониманіе идеи

Digitized by Google

прекраснаго, подобно тому, какъ его возвышаетъ надъ современниками и историческое чувство, характеризующее составленную имъ исторію искусства.

Философскій, эстетическій и практическій интересъ одновременно содѣйствовали тому, чтобы ввести въ кругъ предметовъ общаго образованія естественныя науки. Матеріализмъ указывалъ на нихъ, какъ на основу науки о человѣкѣ и какъ на базисъ всего міровоззрѣнія, и даже противниковъ принуждалъ слѣдовать за нимъ въ этой области; обсерваторіи и лабораторіи вошли въ кругозоръ салоновъ: явилась привычка ожидать отъ нихъ рѣшеній высочайшихъ вопросовъ, удивляться въ нихъ творчеству ума, которому принадлежитъ будущее; талантливая и изящная форма изложенія французскихъ естествоиспытателей содѣйствовала упроченію этихъ занятій. Графъ Бюффонъ первый рѣшился силою словеснаго искусства открыть для самыхъ широкихъ круговъ науку, которую доселѣ считали сухою и недоступною для свѣтскихъ людей, и ввести въ національную литературу произведеніе по естественной исторіи; онъ заявляетъ, что гарантію безсмертія слѣдуетъ видѣть не во множествѣ знаній, не въ достопримѣчательности фактовъ и не въ новизнѣ открытій, такъ какъ эти вещи лежатъ внѣ человѣка, могутъ быть утрачены, переданы и переработаны, но въ томъ, что есть самъ человѣкъ, въ стилѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Encyclopédie сдѣлала разнообразныя знанія прикладныхъ естественныхъ наукъ общимъ достояніемъ и выдвинула Бэконовскую идею о назначеніи человѣка господствовать надъ природой. Стали замѣчать, что естественная наука сдѣлалась уже силой и самымъ различнымъ образомъ вліяетъ на строй жизни, и сама собою явилась мысль о необходимости поставить область хозяйственныхъ знаній, въ большинствѣ случаевъ связанныхъ съ этой наукой, въ надлежащее отношеніе къ области общаго образованія.

Digitized by Google

§ 27.

Импульсы къ школьной реформѣ, которые заключалъ въ себѣ принципъ Просвѣщенія, сказались во всѣхъ государствахъ Европы и занимали умы тѣмъ живѣе, что и въ другихъ областяхъ общественной жизни: въ государственномъ управленія, въ области права, въ хозяйственной дѣятельности появились нововведенія, искавшія завершенія въ согласованіи образовательныхъ учрежденій съ новыми требованіями. Но въ образѣ и способѣ разработки этихъ импульсовъ различныя государства расходятся другъ съ другомъ: одни на практикѣ остаются при старыхъ традиціяхъ и даютъ лишь скромное мѣсто реформаціоннымъ тенденціямъ, у другихъ эти тенденціи пролагаютъ себѣ путь съ бо́льшимъ или меньшимъ насиліемъ и толкаютъ въ область постоянно смѣняющихся экспериментовъ; у третьихъ находятся посредствующіе члены между старымъ и новымъ, которые обезпечиваютъ извѣстную непрерывность развитія, такъ что реформа совершается болѣе или менѣе спокойнымъ путемъ.

Въ Англіи, колыбели Просвѣщенія и его педагогики, школьное дѣло лишь немного затронуто было тенденціями эпохи. Предложеніе Локка ставить въ образованіи gentleman'а классическія науки на задній планъ предъ практическими познаніями и его рекомендація въ пользу частнаго воспитанія вмѣсто школьнаго образованія, хотя и встрѣтили сочувствіе у отдѣльныхъ лицъ, но не могли поколебать авторитета старыхъ латинскихъ школъ, и опиравшійся на идеи Локка реформаціонный планъ Давида Вильямса встрѣтилъ болѣе сочувствія у нѣмецкихъ филантропистовъ, чѣмъ въ Англіи[1]). На необходимость государственной организаціи народнаго обученія ука-

[1]) Его сочиненіе „Изслѣдованіе о воспитаніи, въ которомъ обсуждаются обычные методы публичныхъ учрежденій, особенно въ Англіи, методы Мильтона, Локка, Руссо, Гельвеція, и предлагается методъ выполнимый и болѣе полезный", было опубликовано Траппомъ въ 1781 г. въ нѣмецкомъ переводѣ; обзоръ его помѣщенъ въ All. deutsche Bibliothek въ Bd. 51, I Hälfte.

Digitized by Google

зывалъ основатель англійской политической экономіи, Адамъ Смитъ, видѣвшій въ просвѣщеніи массъ одно изъ условій національнаго богатства, но онъ встрѣтилъ такъ же мало сочувствія, какъ и его послѣдователи: отвращеніе націи къ вмѣшательству государственной власти въ область индивидуальной жизни и дѣятельности, къ которой, подобно наживѣ денегъ, относили и пріобрѣтеніе образованія, было слишкомъ велико, чтобы здѣсь могла найти благопріятную почву мысль о публичномъ народномъ обученіи, основанномъ на принудительномъ посѣщеніи и устройствѣ школъ. Образованіе низшихъ классовъ предоставлено было частной благотворительности общинъ, вмѣсто народной школы организовали школу бѣдныхъ, которая принадлежитъ къ числу не столько образовательныхъ, сколько благотворительныхъ учрежденій[1]). Безплатныя училища для бѣднаго юношества стало устраивать основанное въ 1698 году Society for promoting christian knowledge (Общество распространенія христіанскаго знанія); появившіяся съ 1761 года воскресныя школы распространены были оживившимся въ 1785 году благодаря Роберту Рексу (Robert Raikes) Society for the support and encouragement of sundayschools (Обществомъ вспомоществованія и поощренія воскресныхъ школъ); оба вида школъ не выходили за предѣлы того, что̀, въ формѣ христіанскаго обученія дѣтей, издавна составляло предметъ элементарнаго обученія, и по своей организаціи едва достигали приходскихъ или кистерскихъ школъ на материкѣ.

Во Франціи революція обогнала начавшуюся ранѣе ея школьную реформу. Новыя образовательныя тенденціи и матеріи нашли здѣсь хорошій пріемъ въ „обществѣ“; выразителями ихъ были салоны, bureaux d'esprit, какъ называли ихъ въ шутку; въ нихъ обсуждались не только политическія событія, явленія въ области литературы, художественныя работы, но и разрабаты-

---

[1]) Stein, Verwaltungslehre, V, стр. 93.

Digitized by Google

вались проблемы наукъ, привлекавшихъ къ себѣ въ извѣстный моментъ особенное вниманіе: „ядро настоящаго салона было философское; это была ненасытимая потребность разъяснить себѣ всѣ высшіе интересы совмѣстнымъ размышленіемъ“ [1]). Здѣсь просвѣщеніе совпадало съ погруженіемъ въ духовные интересы дня, съ посвященіемъ въ міровоззрѣніе, которое всюду порывало связь съ традиціей. Это просвѣщеніе было не такого рода, чтобы его удобно было распространять въ широкихъ сферахъ путемъ школы и обученія; нельзя было серьезно желать, чтобы уже юношество знакомилось съ критическимъ вольномысліемъ, съ интеллектуальною ненасытностію представителей Просвѣщенія. Поэтому самыя передовыя сферы не обнаруживали ясно выраженнаго интереса къ школьной реформѣ; опыты въ этой области „общество“ предоставляло государственнымъ мужамъ. Ближайшимъ поводомъ къ этимъ опытамъ послужило изгнаніе іезуитовъ, „революція 1762 года“. Тенденція появившихся тотчасъ же послѣ этого изгнанія проектовъ такова: секуляризировать преподаваніе, сохранить единство въ пріемахъ обученія и школьной организаціи, какимъ обладали духовныя школы и университетскія учрежденія, но представителями этого единства сдѣлать „свѣтскую іерархію“, получающую свои импульсы отъ государственной власти [2]). Планъ президента Ролана, предложенный въ 1768 году парижскому парламенту по вопросу объ учебномъ матеріалѣ, примыкаетъ къ принципамъ Роллена и къ янсенистическимъ традиціямъ Поръ Рояля; въ немъ установляются четыре степени публичнаго образованія: сельская школа, полуколлегіи (demi-colléges)

---

[1]) Rosenkpanz, Diderot II, 83. Нравственные и эстетическіе предметы подвергались подробному изслѣдованію, изъ другихъ въ пятидесятые годы преобладали философскіе, въ шестидесятые — экономическіе, въ семидесятые — политическіе предметы.

[2]) H. Compayré, Histoire critique des doctrines de l'éducation en France. Paris 1879, II, p. 239 и сл. и 273. „Les parlamentaires empruntaient aux Jésuites ce que l'institut des Jésuites avait d'excellent: l'unité et la suite dans les méthodes, la discipline et la hierarchie.

Digitized by Google

съ 2—3 классами, въ которыхъ предметами обученія должны быть религія, мораль, отечественный языкъ, элементы латинскаго и исторія; полныя коллегіи (colléges de plein exercice) и университеты. Учительскій персоналъ всюду состоитъ изъ свѣтскихъ людей, для подготовки его служитъ école normale des professeurs; столица является главнымъ средоточіемъ школьныхъ учрежденій, центральная власть, bureau de correspondance, является представительницею ихъ административнаго единства. Еще ближе къ стремленіямъ времени стоитъ Ла-Шалотэ въ своемъ планѣ національнаго воспитанія[1]). Цѣлью публичнаго обученія является у него возможно бо́льшая общественная польза; національный принципъ имѣетъ значеніе и въ религіозномъ обученіи; мораль секуляризируется, природа ставится руководящей звѣздой обученія, упражненіе внѣшнихъ чувствъ — его исходнымъ пунктомъ; древніе языки признаются неспособными дать истинное и солидное образованіе, центръ тяжести долженъ лежать въ новыхъ; въ исторіи новые отдѣлы также являются наиболѣе полезными; по составленному философами сборнику исторій дѣтямъ и слѣдуетъ учиться читать, судить, говорить. Народное обученіе Ла-Шалотэ отвергаетъ, потому что оно удаляетъ рабочіе классы отъ ихъ призванія; онъ осуждаетъ членовъ ордена Христіанскихъ школьныхъ братьевъ за то, что они обучаютъ чтенію и письму людей, которыхъ слѣдовало бы учить обращаться со стругомъ и пилой. Выполненіе своего плана Ла-Шалотэ считаетъ легкимъ, для этого нужны только учителя и книги, главнымъ образомъ послѣднія, которыя должны составить (compiler) мыслящіе люди: намекъ короля — и въ два года все будетъ готово. Въ дѣйствительности, прошло почти два десятилѣтія прежде, чѣмъ началось осуществленіе реформы, которая затѣмъ, подхваченная бурными волнами времени, истощилась въ эфемерныхъ

[1]) Essai d'éducation nationale ou plan d'étude pour la jeunesse par Messire Louis René de Caradeux de la Chalotais, Pnocureur-général du Roi au Parlament de Bretagne. Genève 1763.

Digitized by Google

проектахъ и до извѣстной степени закончена была только въ началѣ XIX вѣка.

Каждая фаза революціи выдвигала планъ національнаго воспитанія, которое должно осчастливить сначала французскую націю, а потомъ все человѣчество. Взгляды Мирабо, изложенные въ посмертномъ сочиненіи Travail sur l'instruction publique, publié par Cabanis 1794, чрезвычайно умѣренны; онъ требуетъ свободы преподаванія для свѣтскихъ учителей, которая, впрочемъ, можетъ быть предоставлена и духовнымъ; государство не имѣетъ права предписывать обязательнаго обученія, потому что оно не можетъ требовать жертвъ болѣе, чѣмъ это необходимо для свободы и безопасности всѣхъ; единству учебнаго дѣла Мирабо не придаетъ большого значенія; для высшаго обученія образцомъ долженъ служить національный лицей; въ среднихъ школахъ (écoles secondaires) въ теченіе двухъ лѣтъ слѣдуетъ преподавать древніе языки, въ теченіе двухъ слѣдующихъ лѣтъ — краснорѣчіе и въ теченіе двухъ послѣднихъ — философію и точныя науки. Конституціонное собраніе поручило Талейрану выработать планъ, направленіе котораго указано было конституціей 3 сентября 1791 года: Il sera créé et organisé une Instruction publique, commune à tous les citoyens, gratuite à l'egard des parties d'enseignement indispensables pour tous les hommes et dont les établissements seront distribués graduellement dans un rapport combiné avec la division du royaume [1]). Талейранъ предлагаетъ школьную систему въ четыре ступени; первоначальныя или кантональныя школы должны распространять знанія, необходимыя каждому человѣку, среднія (secondaires) или окружныя школы должны давать болѣе высокое развитіе духовнымъ силамъ, а департаментскія школы должны подготовлять къ четыремъ сословіямъ,

---

[1]) Создано и организовано будетъ публичное образованіе, общее для всѣхъ гражданъ, даровое въ тѣхъ отдѣлахъ обученія, которые необходимы для всѣхъ людей, и учрежденія его будутъ распредѣлены постепенно сообразно съ дѣленіемъ государства.

Digitized by Google

которыя требуютъ научнаго образованія; institut составляетъ завершеніе школьной системы. Общимъ во всѣхъ школахъ является катихизисъ человѣческихъ правъ, въ высшихъ — изученіе искусства мыслить, математики, исторіи свободныхъ народовъ, философской морали. Обученіе должно существовать для всѣхъ, и вмѣстѣ каждый имѣетъ право содѣйствовать ему; каждый гражданинъ, подъ наблюденіемъ законовъ, можетъ основывать учебныя заведенія. Чтеніе мемуара происходило 10 и 11 сентября, и 30-го того же мѣсяца собраніе было распущено. Преемникъ его, Законодательное собраніе, формулировало задачу въ слѣдующихъ словахъ: L'instruction est le besoin de tous; la société doit favoriser de tout son pouvoir le progrès de la raison publique et mettre l'instruction à la portée de tous les citoyens [1]). Оно поручило Кондорсэ составить новый планъ, который прочитанъ былъ 20 апрѣля 1792 года. Онъ проникнутъ „принципами философіи, которая, свободная отъ узъ обычая, разъясняетъ настоящее и подготовляетъ появленіе болѣе высокихъ взглядовъ, обѣщающихъ будущимъ поколѣніямъ необходимые успѣхи рода человѣческаго". Обученіе распредѣляется на пять отдѣловъ. Начальныя (primaires) школы должна содержать каждая деревня, имѣющая 100 жителей; среднія (secondaires) школы — каждый городъ, имѣющій болѣе 4000 жителей; въ нихъ преподаются правописаніе, исторія и географія Франціи и сосѣднихъ странъ, элементы механическихъ искусствъ, торговли и рисованія, мораль и соціальная наука, практическая математика и естествовѣдѣніе. Институты, 110 числомъ, должны преподавать полезныя науки, прежде всего математику и физику, изъ латинскаго лишь столько, чтобы ученики могли читать латинскія книги, для чего, по Кондорсэ, достаточно поверхностнаго знанія; лицеи должны заступить мѣсто университетовъ, количество ихъ опредѣляется числомъ девять; заверше-

[1]) Образованіе нужно всѣмъ, общество всѣми силами должно содѣйствовать прогрессу общественнаго разума и предоставлять образованіе въ распоряженіе всѣхъ гражданъ.

Digitized by Google

ніемъ системы служитъ національное общество науки и искусства. Въ основѣ всякаго обученія лежитъ гражданская добродѣтель; поэтому оно принадлежитъ государству; но воспитаніе предоставляется частнымъ лицамъ. Конвентъ уничтожилъ и эту границу государственнаго всемогущества; Лепелетье 13 іюля 1793 года предложилъ планъ государственнаго принудительнаго воспитанія по спартанскому образцу, о Робеспьерѣ говорилъ, что его вдохновлялъ геній человѣчества.

Ни одинъ изъ этихъ, съ дикою поспѣшностію смѣнявшихся, проектовъ не былъ выполненъ; фактомъ сдѣлалось только предписанное конвентомъ уничтоженіе историческихъ учебныхъ заведеній: университетовъ, коллегій, народныхъ школъ, содержимыхъ духовенствомъ; изъ созданій революціонной эпохи жизнеспособными оказались только парижская Ecole normale и Ecole polytechnique. По возстановленіи порядка нужно было съ основанія строить заново; изъ развалинъ, какія представляли образовательныя учрежденія Франціи, поднялся наполеоновскій Université, величественное въ своемъ родѣ созданіе, которое снова возстановило часть историческихъ традицій: содѣйствіе клира, классическое обученіе, систему факультетовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ осуществило мысль о государственной централизаціи школьнаго дѣла, обнимающей какъ элементарную, такъ и высшую школу [1]).

Французское просвѣщеніе дало романскимъ и славянскимъ государствамъ весьма существенные импульсы къ реформѣ образовательныхъ учрежденій. Между Франціей и Сардиніей происходитъ обмѣнъ вліяній; реформы

[1]) Проекты революціонной эпохи подвергались самой разнообразной оцѣнкѣ: Théry, Histoire de l'education en France, Paris 1861, II, p. 188, считаетъ ихъ слишкомъ ничтожными, чтобы тратить время на ихъ изученіе: On n'étudie pas le vide, on n'analyse pas le néant. Подробно, но не безъ противоположнаго предразсудка обсуждаетъ ихъ Compayré, Histoire critique des doctrines de l'education en France, Paris 1879, II, p. 281 и дал. Поучительна статья Guillaume'a „Convention" въ Dictionnaire de pédagogie Buisson'a, а также работа Dreyfus-Brisac'a въ Revue internationale de l'enseignement 1881, Nr. 11 и дал. Руководящія точки зрѣнія кратко и удачно указаны L. Stein'омъ въ Verwaltungslehre, Bd. V, стр. 45 и дал.

Digitized by Google

Карла Эммануила III (1703—1773) связаны съ централизаціонными стремленіями французскихъ повелителей, а основанный имъ въ 1771 году университетъ въ Туринѣ навелъ Наполеона на мысль о его великой учебной корпораціи съ такимъ же именемъ[1]). Въ Неаполѣ Дженовези (Genovesi) и Филанджіери (Filangieri) выступили въ защиту свѣтской централизованной воспитательной и образовательной системы, первый болѣе съ національно-экономической точки зрѣнія, послѣдній съ государственно-юридической; для того и другого характеристично возвращеніе къ античнымъ образцамъ: Дженовези понимаетъ искусство государственнаго управленія по Платону (Pol. p. 261), какъ ἀγελαιοτροφία (общественное воспитаніе) и хочетъ ввести гимнастическія игры и древнюю полицію нравовъ[2]); Филанджіери проектируетъ планъ юношескаго образованія, въ которомъ принимается за образецъ его спартанская организація[3]); для реформъ Тануччи тотъ и другой имѣли руководящее значеніе. Въ Португаліи развивалъ свою многостороннюю и насильственную дѣятельность Помбаль; въ 1759 году іезуитскій орденъ изгнанъ былъ изъ своихъ 24 крупныхъ коллегій и 17 резиденцій; пробѣлъ должны были восполнить 27 школъ философіи, 21 каѳедра реторики, исторіи и литературы, 8 греческихъ школъ и 250 элементарныхъ латинскихъ школъ; каждая община должна была содержать начальную школу; во главѣ всей системы поставленъ былъ верховный учебный совѣтъ, въ которомъ предсѣдательствовалъ ректоръ Коимбрскій; особая подать, подъ именемъ subsidio litterario, служила для покрытія расходовъ на образовательныя учрежденія[4]). Въ Испаніи Аранда и Кампоманесъ дѣйствовали въ подобномъ же духѣ, но нѣсколько менѣе насильственно, такъ какъ до извѣстной

---

[1]) Hahn, Das Unterrichtswesen in Frankreich. Breslau 1848, I, стр. 132.

[2]) Grundsätze der bürgerlichen Ökonomie. Übersetzt von Wizmann. Lpzh. 1776, T. I, cap. 6, §§ 1 и 9.

[3]) Wissenschaft der Gesetzgebung. Deutsche Ausgabe von Link, Ansbach, 1784, Buch IV.

[4]) Le roy въ Encyklopädie Schmid'a VI[1], стр. 123.

Digitized by Google

степени они оставляли въ силѣ, въ качествѣ факторовъ, традиціи университетовъ и дѣятельность школьныхъ органовъ, за исключеніемъ изгнанныхъ въ 1767 году іезуитовъ, съ которыми это шедшее навстрѣчу революціи время не допускало никакого соглашенія. — Два славянскихъ государства, Польша и Россія, совершенно примкнули къ французскимъ образовательнымъ тенденціямъ. Вожди Просвѣщенія возлагали большія надежды на оба восточныя государства; Ж. Ж. Руссо писалъ о реформѣ польскаго государственнаго управленія и давалъ руководящія указанія относительно дѣятельности образовательныхъ учрежденій: юношество должно готовиться къ патріотизму и свободѣ; иностранцевъ и духовныхъ не слѣдуетъ допускать къ учительскому званію, послѣднее полезно сдѣлать преддверіемъ къ болѣе высокимъ должностямъ, оно не должно быть жизненнымъ призваніемъ въ собственномъ смыслѣ, такъ какъ ни одинъ homme publique не можетъ имѣть постояннаго званія, кромѣ званія citoyen; каждая школа должна имѣть особое мѣсто для упражненій; необходимы учебныя заведенія, которыя по своей организаціи представляли бы образъ государства въ малыхъ размѣрахъ[1]), — педагогика, которая стоитъ въ странномъ противорѣчіи съ педагогикою „Эмиля“: въ области фразы примиряются, впрочемъ, всѣ противоположности. Для Россіи Дидро набросалъ планъ организаціи, составленный безъ всякаго приспособленія къ своеобразнымъ условіямъ страны, но въ остальномъ отличавшійся разсудительною ясностію; онъ беретъ за образецъ нѣмецкія школы и университеты, только ставитъ на первое мѣсто философскій факультетъ и даетъ въ немъ преобладаніе естественно-научнымъ и техническимъ учебнымъ предметамъ[2]). Фран-

---

[1]) Considérations sur le gouvernement de Pologne et sur sa réformation projettée 1772. Chap. 4. Эта государственная педагогика Руссо въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ представляетъ восполненіе Эмиля, съ которымъ, впрочемъ, иногда стоитъ въ противорѣчіи.

[2]) Plan d'une université pour le gouvernement de Russie ou d'une éducation publique dans toutes les sciences 1774. Ср. Rosenkranz, Diderot, II, стр. 335 и дал.

Digitized by Google

цузскія свѣтила оказали сѣверному государству плохую услугу, наградивъ его наружнымъ просвѣщеніемъ, привлекавшимъ къ себѣ нѣкоторое время вниманіе Европы; дѣйствительное начало просвѣщенія положено было только въ 1780 году, когда за образецъ взяли австрійскую школьную реформу, выписали изъ Вѣны фельбигерскія учебныя пособія и въ нѣкоторыхъ болѣе значительныхъ городахъ стали устраивать учительскія семинаріи [1]).

Въ Германіи образовательныя учрежденія формировались подъ вліяніемъ нѣсколькихъ элементовъ, и такъ какъ эти элементы частію взаимно поддерживали, частію ограничивали и умѣряли другъ друга, то они привели къ болѣе жизнеспособнымъ результатамъ, сравнительно съ тѣми, какіе достигнуты были въ другихъ мѣстахъ; такими элементами были: филантропизмъ, просвѣщенный абсолютизмъ, соперничество мелкихъ государствъ, традиціи прежней педагогики.

Филантропизмъ имѣетъ связь съ Локкомъ и Руссо и стремится къ широкимъ нововведеніямъ. Базедовъ хотѣлъ „соединить громадную книжную фабрику и образовательное учрежденіе для учителей съ гигантскою школою для человѣчества и человѣчности“ и возвѣстилъ о своемъ намѣреніи „проектомъ и сообщеніемъ о предстоящемъ улучшеніи школьнаго дѣла при помощи элементарнаго руководства, школьныхъ кабинетовъ, воспитательнаго заведенія и элементарнаго института“; подъ послѣднимъ онъ разумѣлъ упомянутую громадную филантропическую школу, которая впослѣдствіи устроена была въ необычайно уменьшенномъ масштабѣ въ Дессау, гдѣ подъ руководствомъ Базедова не только дѣти должны были получать образованіе, но и учителя учиться примѣненію улучшеннаго обученія и воспитанія [2]). Для выполненія своей реформы Базедовъ разсчитываетъ на государство, которое для надзора за юношескимъ образованіемъ должно

---

[1]) Helfert, Die österreichische Volksschule. Prag 1860, I, стр. 590.
[2]) Schlosser, Geschichte des achtzehnten Jahrhunderts. Bd. II, стр. 631.

Digitized by Google

учредить „нравственную и воспитательную коллегію“ и регулировать образованіе „нравственнымъ государственнымъ испытаніемъ“ [1]). Со своими проектами Базедовъ не разъ обращается къ властямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ заботится и о томъ, чтобы повліять на народъ и особенно на среднія сословія. Свои воспитательныя книжки и сочиненія для юношества филантропистъ назначали для нѣмецкихъ горожанъ, и благодаря этому стремленія ихъ пріобрѣтали извѣстную серьезность, возвышавшую ихъ надъ простыми прожектерами. Заслугою этихъ людей — и особенно это слѣдуетъ сказать о Камне и Зальцманѣ — остается то, что они заинтересовали средніе слои общества вопросами воспитанія и образованія, и такимъ образомъ въ своемъ мѣстѣ заполнили ту пропасть, какая въ другихъ мѣстахъ отдѣляла государей-реформаторовъ отъ апатичныхъ массъ. Сравнительно съ французскими вождями Просвѣщенія, они кажутся бѣдными мыслью и педантичными, но преимущество ихъ предъ первыми заключается въ добросовѣстномъ и терпѣливомъ прилежаніи, съ какимъ они обращали то, что могли дать, на пользу сферъ, которымъ и скудное идейное содержаніе предлагаемаго все-таки давало еще извѣстную долю новаго знанія. Въ этомъ соціальномъ значеніи заключается достоинство филантропизма; недостатки его дидактическихъ принциповъ указаны были уже современниками; изъ новѣйшихъ писателей удачную критику этихъ принциповъ находимъ у Тренделенбурга въ словахъ: „забыта была та истина, что ни образованіе разсудка не можетъ быть пріобрѣтено иначе, какъ работою на здоровомъ матеріалѣ, ни воля и настроеніе не могутъ возникнуть изъ одного образованія разсудка; нельзя и представить, какимъ это образомъ безъ математики и классиковъ можно было давать истинное образованіе; безсмысленно было думать, что естественная религія, сфабрикованная разсудкомъ, могла охватить душу ре-

---

[1]) Methodenbuch für Vater und Mütter der Familien und Völker, 1770, Abschnitt IX.

Digitized by Google

бенка или даже могла замѣнить глубокія воззрѣнія историческаго христіанства“ [1]).

Филантропины не сдѣлались, какъ надѣялись ихъ основатели, зародышемъ новой категоріи образовательныхъ учрежденій, и только одинъ изъ нихъ, филантропинъ Зальцмана въ Шнепфенталѣ, пережилъ осьмнадцатый вѣкъ и сохранился до настоящаго времени; но эти предпріятія послужили однимъ изъ поводовъ для правительственной школьной реформы. Въ Германіи она начата была двумя военными государствами Австріей и Пруссіей, которыя такимъ образомъ и опровергли старое положеніе, будто музы молчатъ подъ оружіемъ. Усиленная военная система требовала повышенія платежной силы народа, для этого необходимъ былъ подъемъ земледѣлія, торговли, промышленности, а этотъ подъемъ явно зависѣлъ отъ развитія въ народѣ промышленнаго духа, самодѣятельности, полезныхъ знаній и умѣній. Такимъ образомъ народное образованіе разсматривается съ національно-экономической точки зрѣнія; путемъ распространенія школъ, развитія и улучшенія обученія имѣлось въ виду поднять работоспособность народа и сдѣлать человѣка „полезнымъ гражданиномъ“, способнымъ понимать и исполнять предъявляемыя къ нему новыя требованія. Однако этотъ государственный эгоизмъ вовсе не былъ единственною движущею силою школьной реформы, наоборотъ онъ былъ смягченъ и облагороженъ гуманитарною тенденціею Просвѣщенія: сдѣлавъ человѣка болѣе способнымъ, хотѣли сдѣлать его и болѣе счастливымъ, въ повышенномъ образованіи народа видѣли источникъ всеобщаго благосостоянія. Такъ часто встрѣчающаяся въ указахъ и распоряженіяхъ этого времени формула объ „отеческомъ“ или „материнскомъ попеченіи“ у многихъ владѣтелей была выраженіемъ настроенія, дѣйствительно лежавшаго въ основѣ ихъ дѣятельности. У нѣмецкихъ князей просвѣщенный абсолютизмъ имѣетъ патріархальный оттѣнокъ, который

[1]) Kleine Schriften, Leipzig 1871, I, стр. 147, въ рѣчи о Фридрихѣ Великомъ и его государственномъ министрѣ Зедлицѣ.

Digitized by Google

иногда миритъ и съ насиліемъ, вообще же ведетъ за собою опеку и руководство, представляющія замѣчательный, хотя и рѣдко тяжело чувствуемый контрастъ со стремленіемъ времени къ самостоятельности и къ жизни по указаніямъ собственнаго разума. Отъ низкой оцѣнки историческихъ элементовъ образованія, отъ преувеличеннаго понятія о сферѣ вліянія государства и отъ склонности властными приказами создавать то, что можетъ созрѣть только путемъ медленнаго роста, основатели нѣмецкой государственной школьной системы такъ же не свободны, какъ Помбаль и Тануччи, но остатокъ благочестія и извѣстный практическій смыслъ помогъ имъ избѣжать крайнихъ мѣръ упомянутыхъ дѣятелей.

Въ Пруссіи цѣнною опорою для школьной реформы послужили школьныя учрежденія, которыя въ началѣ осьмнадцатаго вѣка создалъ А. Г. Франке. Основатель педагогики піэтизма въ значительной мѣрѣ выполнилъ то, что оставалось невыполненнымъ въ обѣщаніяхъ Базедова; учрежденія Франке сдѣлались разсадникомъ многочисленныхъ заведеній, снабжали лютеранскую Германію школьными и домашними учителями, ея школы учебными пособіями, служили образцомъ соединенія ученаго преподаванія съ обученіемъ практически-техническимъ предметамъ. Фридрихъ Вильгельмъ I признавалъ значеніе этихъ стремленій; его Principia regulativa 1736 года, которыя лежатъ въ основѣ прусской національной школьной системы, съ такою же ясностію обнаруживаютъ вліяніе Франке, какъ и его слова: „если я создамъ и улучшу страну и не приготовлю христіанъ, то не будетъ мнѣ отъ этого никакой пользы“. Но и Фридрихъ II поручилъ дѣло школьной организаціи стороннику направленія, господствовавшаго въ Галле, I. I. Гекеру; послѣдній составилъ генеральный школьный регламентъ 1763 года, имѣвшій цѣлію „предупредить и предотвратить въ высшей степени вредное и неприличное для христіанъ невѣжество, чтобы на слѣдующее время можно было образовывать и воспитывать

Digitized by Google

въ школахъ болѣе способныхъ и хорошихъ подданныхъ". Гекеръ является также и основателемъ берлинскаго реальнаго училища, которое какъ по устройству, такъ и по принципу примыкаетъ къ учрежденіямъ Галле; какъ мало это училище, при всемъ развитіи въ немъ хозяйственныхъ отраслей знанія, впадаетъ въ поверхностный реализмъ филантроповъ, это показываетъ изреченіе I. Фр. Гэна (Hähn), сотрудника Гекера: „истинной реальности слѣдуетъ искать въ вещахъ, которыя служатъ успокоенію совѣсти" [1]). Дѣйствительная педагогика Просвѣщенія нашла себѣ защитника въ лицѣ министра фонъ-Зедлица, покровителя Базедова и Траппа; однако онъ не былъ доктринеромъ и убѣдился, что „невозможно съ достаточною осторожностію вести метафизическое воспитаніе крестьянъ", и что шульмейстеры, не имѣя такого руководителя, какъ Роховъ, „становятся вредными и производятъ raisonneurs (резонеровъ)". Для послѣдующаго времени важное значеніе имѣло подготовленное Зедлицемъ, но осуществившееся только въ 1787 году учрежденіе Верховной школьной коллегіи (Oberschulkollegium) „для общаго надзора за всѣми школьными учрежденіями". Перемѣна системы, наступившая съ восшествіемъ на престолъ Фридриха Вильгельма II, который созвалъ строго церковное министерство Вёльнера, не причинила никакого ущерба развивающейся государственной централизаціи школьнаго дѣла и въ обнародованномъ въ 1794 году „Общемъ государственномъ правѣ" („Allgemeines Landrecht") школы и университеты называются „государственными учрежденіями, имѣющими цѣлью обученіе юношества полезнымъ знаніямъ и наукамъ". Насколько государственная идея и воспитательныя цѣли взаимно проникали другъ друга и насколько эта тѣсная связь между ними опредѣляла и убѣжденія школьныхъ дѣятелей, это можетъ показать намъ заявленіе Эйлера, который въ слѣдующихъ словахъ выражаетъ чувства, наполнявшія его въ то время, когда онъ былъ на-

[1]) Программа берлинскаго реальнаго училища 1753 года у Biedermann'a, Altes und Neues von Schulsachen. 1752—1755, B. VIII.

Digitized by Google

чинающимъ учителемъ: „я смотрѣлъ на свое школьное дѣло, какъ на частицу дѣла королевскаго, представляя себѣ прусское королевство дѣйствующею во всемъ государствѣ нравственною силою, самая священная задача которой есть образованіе и воспитаніе подрастающаго поколѣнія[1]).

Въ Австріи задача школьной реформы была гораздо шире и труднѣе, чѣмъ въ Пруссіи, такъ какъ школьная организація должна была распространиться на область въ три раза болѣе по размѣрамъ, съ разнороднымъ, отчасти еще весьма неразвитымъ населеніемъ, а вслѣдствіе уничтоженія іезуитскаго ордена и высшія школьныя учрежденія требовали быстраго урегулированія. Успѣхъ зависѣлъ отъ того, возьметъ ли верхъ доктрина Пергена, видѣвшаго первый шагъ въ секуляризація обученія, или консервативный элементъ, къ которому склонна была сама императрица. Терезіанская реформа проникнута практическимъ, умѣреннымъ, даже благочестивымъ духомъ. Руководящая идея есть идея государственной школы, удачно выраженная въ одномъ случайномъ изреченіи императрицы: „школьное дѣло есть и всегда будетъ politicum (дѣломъ политическимъ)"; въ исполненіи тамъ и сямъ проглядываютъ пріемы военнаго государства, напр. въ „дрессировкѣ" учителей и въ единообразной постановкѣ обученія по нормальному методу; но организаторовъ императрица искала и нашла въ расположенныхъ къ школьному дѣлу и свѣдущихъ въ немъ представителяхъ духовенства: памятная записка графа Фирміана, владѣтельнаго епископа Пассау, „О пользѣ хорошихъ школъ для государства и святой религіи" послужила (1769) непосредственнымъ толчкомъ къ школьной реформѣ, а „Всеобщій школьный уставъ" (Allgemeine Schulordnung) аббата Фельбигера 1774 — нормою для выполненія; дѣятельность декана Киндермана утвердила и расширила новыя учрежденія введеніемъ въ народную школу ремесленнаго обученія; орденъ піа-

[1]) Eiler's Wanderungen II, стр. 177.

Digitized by Google

ристовъ занялъ пустое мѣсто, образовавшееся вслѣдствіе закрытія іезуитскихъ коллегій, и благодаря этому въ области ученаго преподаванія никакого перерыва не было. Такимъ образомъ новая школьная система пріобрѣла достаточно устойчивый характеръ, чтобы пережить десятилѣтіе іосифовскихъ экспериментовъ, которые всюду имѣли въ основѣ благороднѣйшія намѣренія и въ области народной школы производились не безъ дѣйствительныхъ успѣховъ, но все же представляютъ уклоненіе съ проложеннаго въ началѣ пути.

Въ болѣе ограниченномъ масштабѣ, но съ замѣчательною живостію, возбуждаемою соперничествомъ, велось дѣло школьной реформы мелкими нѣмецкими князьями и государственными чинами, и едва ли хотя одна изъ земель сложнаго государства осталась незатронутою общимъ движеніемъ. При этомъ протестантскія государства въ большинствѣ случаевъ примыкали къ филантропизму, однако не безъ благоразумнаго смягченія его требованій, для католическихъ мотивомъ и образцомъ служила преимущественно австрійская школьная реформа. Между организаторами школъ, на ряду съ людьми, которые видѣли въ народномъ образованіи и усовершенствованіи школъ свое жизненное призваніе, мы встрѣчаемъ ученыхъ, какъ I. М. Геснеръ, трудившійся въ Ганноверѣ, I. А. Эрнести, трудившійся въ Курсаксоніи (Kursachsen), писателей перваго ранга, какъ Гердеръ, устроившій учительскую семинарію въ Веймарѣ, высокообразованныхъ прелатовъ, какъ Францъ фонъ-Фюрстенбергъ, основатель мюнстерскихъ школъ. Въ изслѣдованіи вопросовъ о школѣ и образованіи принимали участіе самые выдающіеся люди времени; споры, вызванные реформаціонными планами, наполняютъ не только страницы болтливой повседневной литературы, но занимаютъ изслѣдователей, мыслителей, поэтовъ; всюду обнаруживается стремленіе ввести въ учебное дѣло новые образовательные мотивы и матеріалы и обезпечить имъ вліяніе на будущее посредствомъ прочной, регулируемой общественною властію, организаціи этого дѣла.

Digitized by Google

Эти усилія пошли на пользу прежде всего народной школѣ. Если подъ народною школою разумѣть „элементарное обученіе, принципіально признаваемое властью необходимымъ и публично доставляемое правительственными учрежденіями (въ самомъ широкомъ смыслѣ)“ [1]), то эту школу слѣдуетъ признать созданіемъ осьмнадцатаго вѣка и порожденіемъ Германіи, такъ какъ здѣсь она нашла пути для спокойнаго и правильнаго развитія. Основами этой школы служатъ государственное школьное управленіе, организуемый государствомъ школьный надзоръ, возлагаемая на общину или на землевладѣніе обязанность учреждать и содержать школы, спеціальная подготовка будущихъ учителей и опредѣленіе обязанностей и правъ ихъ учительскаго персонала. Эти принципы организаціи являются общими; въ остальномъ сказываются территоріальныя различія. Принудительность школы, въ силу которой родители, если они не въ состояніи дать дѣтямъ домашняго обученія, обязываются подъ страхомъ наказанія посылать своихъ дѣтей въ школу, а дѣти обязываются оставаться въ школѣ до усвоенія опредѣленнаго количества знаній, не сдѣлалась общимъ учрежденіемъ, но введена была только въ Пруссіи и въ болѣе мелкихъ протестантскихъ территоріяхъ; въ католическихъ странахъ остановились на контролѣ за дѣтьми школьнаго возраста и на дружелюбномъ приглашеніи родителей; частныя школы юридически нормированы были также различно, то съ большею, то съ меньшею строгостію; степени единообразія въ дѣлѣ обученія и подготовки учителей также не одинаковы: иногда прямо предписываются методы и учебныя пособія, какъ въ Австріи, иногда дѣлаются лишь указанія на этотъ счетъ; встрѣчаются также варіаціи относительно учебнаго матеріала и расширенія его реальными предметами и промышленными умѣніями.

Вслѣдъ за элементарнымъ обученіемъ наиболѣе значительно подвинулось въ своемъ развитіи образованіе

[1]) Stein, Verwaltungslehre, V, стр. 73; болѣе опредѣленные отличительные признаки ниже въ § 30.

Digitized by Google

практическое. Къ XVIII вѣку относятся начатки почти всѣхъ хозяйственныхъ спеціальныхъ школъ: торговыхъ, сельскохозяйственныхъ, лѣсныхъ, горныхъ, строительныхъ, техническихъ и т. п. учебныхъ заведеній[1]), а также основаніе реальной школы. Основанное I. I. Гекеромъ въ 1747 году въ Берлинѣ реальное училище сначала было только латинской школой съ факультативными учебными курсами для подготовки къ торговому и ремесленному званію; при преемникахъ его Зильбершлагѣ и Андреѣ Гекерѣ оно распалось на педагогіумъ для ученыхъ занятій, художественную школу, гдѣ преподавались торговыя науки, строительное искусство, изящныя искусства, горное дѣло, артиллерійскія науки и пр., и на нѣмецкую или ремесленную школу. Выясненіе характера реальнаго училища, какъ учрежденія, органически соединяющаго элементы средняго общаго образованія съ элементами предварительнаго практическаго образованія, принадлежитъ XIX вѣку. Но предшественниками реальнаго училища были не только школы, въ самомъ имени выражавшія свою тенденцію къ реальнымъ знаніямъ, но и многочисленныя учрежденія, которыя, развившись изъ латинскихъ школъ, обращали особенное вниманіе на потребности городской жизни: городскія школы сѣверной Германіи, главныя школы (Hauptschulen) Австріи, освобожденныя отъ латыни городскія училища всякаго рода, школы для дѣвочекъ или дочерей,—цѣлая категорія учебныхъ заведеній, которыя теперь начали занимать мѣсто между элементарною и ученою школою.

Что касается ученыхъ образовательныхъ учрежденій, то правительственная школьная реформа отозвалась на

---

[1]) Первая торговая школа появилась въ Гамбургѣ въ 1767; въ 1770 основана была реальная торговая академія въ Вѣнѣ, которая позднѣе превратилась въ реальное училище; древнѣйшимъ сельскохозяйственнымъ заведеніемъ является Georgicon графа Фестетикса (Festetics) въ Кесстели (Kessthely;); за нимъ въ 1799 послѣдовало учрежденіе Шварценберга въ Крумау и учрежденіе Таера въ Одербрухѣ. Шемницъ уже въ 1760 г. имѣлъ горную школу; Берлинская архитектурная академія явилась въ 1799; во главѣ политехническихъ учрежденій стоитъ École polytechnique, которую основалъ въ Парижѣ Монжъ (Monge) въ 1794 году.

Digitized by Google

нихъ не вполнѣ благопріятно. Въ эпоху Просвѣщенія недостаточно развито было пониманіе значенія автономныхъ ученыхъ и учебныхъ корпорацій, какія сохранились отъ прошлыхъ временъ въ университетахъ. Франція, страна университетовъ, во время революціи утратила это свое гордое украшеніе, и государственные факультеты наполеоновской учебной системы были лишь слабымъ возмѣщеніемъ этой потери; въ Австріи у университетовъ отнята была автономія въ дѣлахъ преподаванія и хозяйственнаго управленія; при Іосифѣ II дѣло дошло до пониженія нѣкоторыхъ университетовъ въ лицеи, преподаваніе связано было предписанными учебными текстами и высказанъ былъ принципъ, что „занятія въ университетахъ должны служить главнымъ образомъ только подготовкѣ государственныхъ чиновниковъ, а не быть посвященными исключительно выработкѣ ученыхъ". Фридрихъ II удовольствовался распоряженіемъ, „что головы учащихся не слѣдуетъ затемнять малопитательными тонкостями, но просвѣщать и посредствомъ философіи дѣлать способными болѣе всего къ воспріятію и примѣненію истинно полезныхъ знаній". Основаніе новыхъ университетовъ, появившихся въ качествѣ государственныхъ учрежденій, повліяло на организацію старыхъ, и особенно Гёттингенъ, какъ образецъ, содѣйствовалъ преобразованію университетскаго устройства въ духѣ государственной централизаціи. Университетское преподаваніе во многихъ отношеніяхъ расширилось: въ юриспруденціи прибавились камеральныя науки, въ медицинѣ — экспериментальныя упражненія, на филологическомъ факультетѣ, кромѣ полупопулярныхъ лекцій по эстетикѣ, теоріи воспитанія, „ученію о добродѣтели, о мудрости, по энциклопедіи и др., прибавились болѣе важныя чтенія по историческимъ наукамъ.

Digitized by Google

IX.

Современное образованіе.

§ 28.

Въ оцѣнкѣ, направленіи и организаціи образовательной дѣятельности XIX вѣкъ представляетъ такъ много сроднаго съ эпохою Просвѣщенія, что возникло даже мнѣніе, будто этотъ вѣкъ въ сущности есть только наслѣдникъ упомянутой эпохи или исполнитель ея завѣщанія. Хотя самый лозунгъ Просвѣщенія утратилъ свою чарующую силу, почти утратилъ даже свою добрую славу, такъ какъ съ нимъ соединились дурныя побочныя значенія поверхностности, бѣдности идей, отсутствія поэзіи, но въ изреченіяхъ, каковы, напр: знаніе — сила, въ образованіи свобода, — и другихъ въ томъ же родѣ, сдѣлавшихся въ настоящее время ходячей монетой, продолжаетъ жить тенденція Просвѣщенія призвать разумнаго индивидуума къ господству и видѣть гарантіи его нравственнаго развитія въ сообщеніи ему самостоятельности и въ освобожденіи его отъ всякой традиціи. Слова, имѣющія нынѣ чарующую силу: прогрессъ во всѣхъ областяхъ творчества и жизни, освобожденіе и развитіе всѣхъ силъ человѣка и людей, указываютъ человѣческимъ стремленіямъ такія же цѣли, открываютъ имъ такія же свѣтлыя перспективы, какъ и обѣщанія просвѣтителей относительно будущаго, которое полно человѣческаго счастія и совершенства. Подобно дѣятелямъ Просвѣщенія, слова эти учатъ искать совершенства не въ направленіи стремленія, какъ это дѣлала этика прежнихъ временъ, а въ рас-

Digitized by Google

крытіи силъ, которое осуществляется въ этомъ стремленіи. Энциклопедизмъ эпохи Просвѣщенія, стремленіе поставить образовательную дѣятельность въ возможно близкое соприкосновеніе съ многосложными требованіями жизни характеризуютъ и современное образованіе, которое считаетъ себя не исполнившимъ своей задачи, если не вооружитъ юношества для культурной дѣятельности во всѣхъ направленіяхъ, и реализмъ того времени, цѣнившій образовательныя средства по осязательной пользѣ, какую они обѣщали, имѣетъ свою аналогію въ склонности нашихъ дней къ экономической оцѣнкѣ знанія и умѣнія. Задачу распространять многостороннія и полезныя знанія во всѣхъ слояхъ общества, дѣлать интеллектуальныя пріобрѣтенія всякаго рода общимъ достояніемъ, пускать въ оборотъ духовныя цѣнности въ самыхъ разнообразныхъ формахъ наше время получило отъ вѣка Encyclopédie и школьной реформы и предприняло рѣшеніе ея въ крупныхъ размѣрахъ; оно равномѣрно опутало страны сѣтью высшихъ и низшихъ школъ, усовершенствованіемъ воспроизводящей техники и обращенія сдѣлало доступными для всякаго такія образовательныя средства, какія ранѣе были только въ распоряженіи ученыхъ; рядомъ съ популярною литературою, поучительными сочиненіями всякаго рода оно поставило ежедневную прессу, которая еще сильнѣе, чѣмъ популярная литература, работаетъ надъ созданіемъ однородныхъ представленій и знаній. Что сдѣлано было въ XVIII вѣкѣ со стороны правительствъ для образованія, то съ современной точки зрѣнія кажется только введеніемъ къ мѣропріятіямъ современнаго государства въ этой области; точно также и теорія государственнаго права, распространенная въ эпоху Просвѣщенія, находитъ свое завершеніе въ теоріяхъ государственнаго всемогущества, появившихся въ первыя десятилѣтія XIX вѣка. Педагогика эпохи Просвѣщенія всюду продолжаетъ еще дѣйствовать въ нашей педагогической и дидактической литературѣ и образѣ мысли; Песталоцци всецѣло увлеченъ ея интеллектуализмомъ и пре-

Digitized by Google

клоненіемъ предъ методомъ; Динтеръ и Дистервегъ возобновили съ нѣкоторыми видоизмѣненіями филантропизмъ и сдѣлали его символомъ вѣры въ широкихъ преподавательскихъ сферахъ; индивидуалистическое пониманіе, основы котораго положены были Локкомъ и Руссо, находитъ себѣ доступъ даже въ философскую педагогику; теорія воспитанія у англичанъ вращается въ предѣлахъ сенсуалистическаго или матеріалистическаго утилитаризма и почти уже выполнила предложеніе Траппа дать педагогикѣ мѣсто въ кругу медицинскихъ наукъ.

Но изъ-за аналогій и соединительныхъ звеньевъ между современнымъ образованіемъ и образованіемъ предшествующей эпохи не слѣдуетъ опускать изъ виду элементовъ и импульсовъ, которые свойственны первому и чужды послѣднему. Начало XIX вѣка характеризуется поворотомъ въ міровоззрѣніи и въ стремленіяхъ, который является ближайшимъ образомъ рѣшительнымъ отклоненіемъ отъ идеаловъ философскаго вѣка. Поворотъ этотъ связанъ съ потрясающими впечатлѣніями, какія производило на современниковъ теченіе французской революціи и головоломный полетъ имперіи; революція разрушила историческія основы общества, имперія потрясла всю европейскую государственную систему и угрожала національной самостоятельности народовъ, которые были покорены ей. Всѣ чувствовали, что дѣло идетъ къ разложенію всѣхъ существующихъ отношеній, къ оскудѣнію самыхъ дорогихъ цѣнностей жизни, и явилась потребность тѣмъ крѣпче уцѣпиться за то, что обѣщало дать хоть какую-либо опору. Лучшіе люди времени требовали уже не просвѣщенія разума, но усиленія воли, „глубокой совѣсти и мужественной силы“; нужно было уже не освобождать духъ отъ гнета преданія, а наоборотъ искать въ преданіи якоря противъ бушующихъ волнъ времени, найти нравственную поддержку въ дѣяніяхъ предковъ и твореніяхъ древности. Стали признавать, что та самостоятельность индивидуума, къ какой стремился духъ времени, въ сущности есть

Digitized by Google

изолированіе и отрѣшеніе человѣка отъ самыхъ корней его силы, и стали усматривать въ ней самолюбіе, соціальный эгоизмъ, нравственный атомизмъ, отъ котораго происходятъ разрушеніе порядка и разложеніе общественной жизни, обнаружившіяся съ такою устрашающею силою. Столь же вреднымъ признали теперь и тотъ космополитизмъ, который любилъ, съ одной стороны, искать абстрактнаго всемірнаго гражданства за предѣлами національныхъ различій, а съ другой — разрѣшать вѣроученіе историческихъ исповѣданій въ безцвѣтную и неопредѣленную религію человѣчества; наоборотъ, въ національности стали видѣть теперь высокое неотчуждаемое наслѣдство, а въ церкви — краеугольный камень для возсозданія общества. Вѣкъ Просвѣщенія казался теперь періодомъ самоотчужденія, отказа отъ истинныхъ благъ жизни, подкапыванія подъ основы общественнаго порядка; минуя этотъ вѣкъ, стали возвращаться къ старымъ образованіямъ, и наибольшимъ почетомъ сталъ пользоваться теперь тотъ самый періодъ, о которомъ незадолго предъ тѣмъ высказывались наиболѣе неблагопріятныя сужденія: средніе вѣка, какъ эпоха расцвѣта христіанскаго идеализма и германскаго духа.

Въ эти дни расцвѣта внутренней жизни, усиленнаго внѣшнимъ гнетомъ, совершалось возрожденіе историческихъ, національныхъ, христіанскихъ элементовъ; оно, какъ и всякій насильственный поворотъ въ образѣ мысли и чувствованія, не свободно было отъ неясностей, поспѣшности, несправедливостей, оно создало себѣ историческія формы въ романтикѣ, германизмѣ, реставраціонной политикѣ; но окончательный результатъ его послужилъ на пользу для послѣдующаго времени, а равно и на образованіе оказалъ частію просвѣтительное, частію углубляющее и укрѣпляющее вліяніе. Это возрожденіе въ началѣ XIX вѣка возвысило насъ надъ неопредѣленнымъ космополитизмомъ эпохи Просвѣщенія, создало противовѣсъ одностороннему увлеченію политикой, положило начало историческому пониманію образовательной дѣятельности.

Digitized by Google

Конечно, нельзя прямо назвать XVIII вѣкъ космополитическимъ, а XIX — вѣкомъ національныхъ тенденцій, такъ какъ первый, взявъ на себя популяризацію многочисленныхъ образовательныхъ элементовъ, произвелъ вмѣстѣ и ихъ національзацію, а послѣдній пустилъ въ ходъ обмѣнъ, который открылъ народамъ міровыя перспективы и чрезвычайно усилилъ ихъ взаимныя связи. Но первый тяготѣлъ къ космополитическому идеалу, къ европейскому патріотизму, развитіе котораго онъ считалъ своею обязанностію, хотѣлъ подняться отъ обломковъ человѣчества, какими казались ему національности, ко всему человѣчеству, на что указывалъ духъ времени, тогда какъ въ наше время пришли въ дѣйствіе извѣстные національные инстинкты, которые ставятъ весьма опредѣленныя границы уподобленію народовъ и ясно указываютъ на развитіе національной особности. Развившіяся изъ этихъ инстинктовъ стремленія не всегда приводили къ добрымъ плодамъ; охлаждая мечты прежняго времени о всемірномъ гражданствѣ, стремленія эти стѣсняли иногда и гуманную черту, служившую къ чести упомянутыхъ мечтаній; они безпокоили и подвергали опасности такіе государственные организмы, къ которымъ принадлежали различныя національности, отчасти они породили даже идолопоклонство, воздававшееся людямъ успѣха и снисходительно смотрѣвшее на самые тяжкіе нравственные проступки ихъ. Однако мы въ правѣ смотрѣть на реставрацію національныхъ элементовъ въ жизни и образованіи, какъ на прогрессъ; во всякомъ случаѣ хорошо то, что намѣреніе Руссо изгладить изъ лексиконовъ слова: гражданинъ и отечество, не исполнилось, но, наоборотъ, эти слова остались въ нихъ напечатанными жирнымъ шрифтомъ, и упомянутое воззрѣніе, будто всякая особность искажаетъ человѣка въ самомъ его существѣ и всякія связи являются узами его свободы, начинаетъ уступать мѣсто пониманію и потребности соціально-этическаго укорененія, хотя бы ближайшимъ образомъ въ формѣ національности. Самыя прочныя

Digitized by Google

основы имѣетъ гуманность, воспринимающая и укрѣпляющая въ себѣ тѣ элементы гуманности, которые заложены въ національности и которымъ каждый индивидуумъ обязанъ первыми человѣческими дарами; пластическія силы этихъ элементовъ должны не только безсознательно и украдкой содѣйствовать духовному образованію человѣка, но имѣютъ право начинать, сопровождать, завершать это образованіе; высшему образованію, которое старается нагрузить свой корабль богатствомъ чужихъ и дальнихъ странъ, не слѣдуетъ забывать объ отечественной пристани, отъ которой оно отправилось въ путь и въ которую возвратится. Народное образованіе не должно ограничиваться приготовленіемъ „разумныхъ и годныхъ людей", но воспитывать въ юношествѣ всѣхъ слоевъ общества друзей націи и тѣмъ самымъ давать ему участіе въ благахъ, которыя являются достояніемъ всѣхъ сословій и дарами исторіи. Эти блага принадлежатъ уму, чувству, памяти, слѣдовательно имѣютъ идеальный характеръ и въ то же время являются такъ осязательно понятными; такимъ образомъ они удостовѣряютъ насъ въ томъ, что и идеальное можетъ быть осязательнымъ и могущественнымъ; и въ такое время, которое для огражденія себя отъ реализма матеріальныхъ интересовъ имѣетъ полное основаніе поддерживать и усиливать всѣ идеальные моменты образованія, національный идеализмъ также является факторомъ, которымъ пренебрегать не слѣдуетъ.

Не менѣе этой побѣды надъ ложнымъ космополитизмомъ важенъ совершающійся въ наши дни разрывъ съ политиканствомъ прежняго времени, если можно назвать такимъ именемъ воззрѣніе, по которому государство является единственно и исключительно призваннымъ носителемъ человѣческой коллективной дѣятельности, „человѣкомъ въ крупномъ масштабѣ". Воззрѣніе это имѣетъ свои корни въ ученіи древности о государствѣ и правѣ, вырощено законовѣдами среднихъ вѣковъ и проповѣдниками естественнаго права въ эпоху Возрожденія, представляло собою теоретическое выра-

Digitized by Google

женіе полицейскаго государства и обнаруживаетъ свое вліяніе въ современной идеѣ культурнаго государства, но потрясено было въ своихъ основахъ историческимъ и органическимъ методомъ изслѣдованія. Государственные мужи съ болѣе глубокимъ взоромъ перестали видѣть въ народѣ только населеніе, въ экономической дѣятельности — только источники взысканій въ пользу фиска, въ церкви — государственное учрежденіе для вѣры и культа. Хотя развитіе общественнаго образованія въ цѣломъ идетъ еще по тому направленію, какое указала ему наука о государствѣ, какъ полицейскомъ учрежденіи, однако мы уже стоимъ выше государственной педагогики, которая имѣла при этомъ руководящее значеніе. Правда, аппаратъ духовной культуры уже не можетъ обойтись безъ регулированія со стороны государства и образовательная дѣятельность нуждается въ юридическихъ формахъ, которыя она можетъ получить только отъ государственной власти; но аппаратъ и формы — не самый предметъ; всѣ приспособленія и разграниченія ничто безъ добровольно дѣйствующихъ и созидающихъ силъ, которыя не могутъ быть созданы, а должны существовать уже напередъ. Государство — не образователь народа, а въ лучшемъ случаѣ распорядитель его образовательнаго капитала, а этотъ капиталъ въ самой ничтожной долѣ можетъ быть названъ свободнымъ и открытымъ въ распоряженіе государства; наоборотъ, онъ помѣщенъ въ различныя недвижимыя имѣнія, заложенъ въ нѣсколькихъ учрежденіяхъ. Правда, духовная національная экономія или ученіе о движеніи интеллектуальныхъ цѣнностей еще въ далекой перспективѣ, но мысль, что должно существовать нѣчто въ этомъ родѣ и что слѣдуетъ искать этого, — принадлежитъ къ лучшимъ, хотя и не слишкомъ распространеннымъ, воззрѣніямъ нашего времени.

Поворотъ къ историческому взгляду приносилъ все болѣе и болѣе пользы наукѣ и вмѣстѣ содержанію образовательной дѣятельности. Историческое освѣщеніе изслѣдованія въ области нравственныхъ наукъ

Digitized by Google

сдѣлалось руководящимъ принципомъ, и даже естественныя науки открыли доступъ этому принципу въ сферу своихъ изслѣдованій. Обученіе извлекло отсюда непрямую, а пониманіе образованія прямую выгоду; мысль, что образованіе должно быть построено на историческихъ основахъ, сдѣлалась общимъ достояніемъ мыслящихъ педагоговъ. Въ настоящее время при ознакомленіи юношества съ древностію имѣется въ виду не столько эстетическое значеніе и формально-образующая сила этого ознакомленія, а скорѣе то, что оно ведетъ насъ къ корнямъ нашей культуры и образованія, открываетъ намъ пониманіе нашей собственной жизни, показываетъ намъ, на чемъ она построена. Тотъ же самый вопросъ: „откуда то, что принадлежитъ намъ?“ является теперь мѣриломъ при изученіи отечественнаго языка въ его древнихъ формахъ и памятникахъ; мы признаемъ необходимость выяснить условія нашего развитія, насколько эти условія лежатъ въ области національнаго прошлаго; религіозное преподаваніе также привлекается къ тому, чтобы сообщать историческое пониманіе христіанскаго элемента въ нашей нравственности и культурѣ; отъ преподаванія исторіи требуютъ, чтобы оно давало не одни простыя описанія войнъ и государственныхъ актовъ, а изображало и объясняло картины времени, давало пониманіе красокъ извѣстной эпохи, учило обращать вниманіе на историческій фонъ всего разнообразія нашей жизни. Идея генетическаго метода, благодаря которому познавательный матеріалъ черезъ историческое раскрытіе его возникаетъ предъ умомъ и въ умѣ учащагося, развилась изъ того же самаго взгляда, и этотъ методъ можно назвать современною, въ собственномъ смыслѣ этого слова, проблемою методики [1]). Не все, что предпринято въ этомъ направленіи, можно привѣтствовать; возможно преувеличеніе и ложное примѣненіе историческаго принципа, и среди современныхъ теченій есть такое историческое и такое натуралистическое направленіе, которыя

---

[1]) Смотри стр. 83 и дал. и § 72 во второмъ томѣ.

Digitized by Google

подаютъ другъ другу руку въ современной эволюціонной теоріи и на порогѣ исторіи ставятъ человѣка-животное. Мы допустили бы злоупотребленіе историческимъ принципомъ и въ томъ случаѣ, если бы изъ-за смѣняющихся образовъ стали упускать изъ виду постоянныя духовныя силы, изъ-за развитія забывать о томъ, что развивается и раскрывается [1]), изъ-за того, что уже выработано, игнорировать задачи, къ выполненію которыхъ предназначено человѣческое существо. Историческое пониманіе образованія впадаетъ въ эту односторонность частію тогда, когда слишкомъ низко цѣнитъ постоянныя точки приложенія всякой образовательной дѣятельности: природу духа и назначеніе человѣка, частію тогда, когда, останавливаясь на фактахъ, опускаетъ изъ виду отношеніе ихъ къ живому нравственному сознанію или,— употребляя сравненіе Шлейермахера, — забываетъ, что исторія есть иллюстрація нравоученія, а нравоученіе — книга правилъ исторіи. Такъ, мы недостаточно оцѣнили бы классическую и національную древность, а тѣмъ болѣе христіанство, если бы стали цѣнить ихъ только какъ источники историческаго пониманія современности; точно также образовательное содержаніе исторіи не исчерпывается, когда она понимается, какъ описаніе культуры, и историческая разработка познавательнаго матеріала допускаетъ лишь условное примѣненіе въ образованіи и даже имѣетъ для него только условное значеніе. Но недостатки въ примѣненіи историческаго принципа не могутъ итти въ счетъ въ сравненіи съ тѣмъ развитіемъ и тою серьезною постановкою, какими обязана ему образовательная дѣятельность. Принципъ этотъ вызвалъ стремленіе не терять ни одной іоты изъ того, что разъ достигнуто было въ области образованія, охранять родовое имѣніе, какое представляютъ пріобрѣтенныя въ старое и новое время образовательныя цѣнности, и не отдавать этого имѣнія въ жертву смѣняющимся теченіямъ времени. Историческій принципъ есть оплотъ противъ

[1]) Ср. удачныя замѣчанія у Eucken'a, Geschichte und Kritik der Grundbegriffe der Gegenwart. Lpzg. 1878, стр. 132 и дал.

возвращенія варварства эпохи Просвѣщенія, которое готово было покончить со всѣмъ, что не соотвѣтствовало вкусу времени. Мысль о томъ, что наше образованіе почерпаетъ свою пищу не только изъ современныхъ духовныхъ движеній, но имѣетъ корни, заложенные въ прошломъ, и покоится на стволѣ человѣческаго образованія, на которомъ исторія ежегодно отлагаетъ свои слои, эта мысль достаточно сильна, чтобы до нѣкоторой степени противодѣйствовать напору утилитаризма или американизма и еще на нѣкоторое время отсрочить ожидаемое первенство естествовѣдѣнія, гигіэны, технологіи и т. д. въ нашихъ школахъ.

Элементы и импульсы, созданные возрожденіемъ въ началѣ XIX вѣка, предупредили то оскудѣніе и ту поверхностность въ дѣлѣ образованія, къ которымъ привелъ бы принципъ Просвѣщенія; но мы были бы слишкомъ большими оптимистами, если бы въ виду этого стали приписывать современному образованію богатство и глубину. Чего недостаетъ ему для этого, такъ это силы свести множество матеріала и разнообразіе точекъ зрѣнія къ одному руководящему и организующему принципу. Такого принципа недостаетъ нашему времени, и если духовную культуру болѣе древнихъ періодовъ можно кратко и удачно характеризовать по извѣстнымъ господствующимъ воззрѣніямъ и тенденціямъ, то найти подобное выраженіе для современнаго образованія было бы не легко. Назвать его примѣнительно къ историческому или національному принципу значило бы преувеличить значеніе этихъ принциповъ и не понимать, что въ дѣйствительности они являются только содѣйствующими факторами. Наше время беретъ отъ всѣхъ прежнихъ періодовъ и хотѣло бы пересадить ихъ образовательные идеалы на свою почву; оно воспріимчиво къ красотѣ грековъ, къ одушевленному полету Возрожденія, къ основательности и полнотѣ знанія въ старой полиматіи, но хотѣло бы сохранить и христіанскій идеализмъ, воздвигшій соборы и облагородившій духъ Данте; и не доволь-

Digitized by Google

ствуясь посадкою великаго, прекраснаго и совершеннаго всѣхъ временъ и всѣхъ видовъ въ нашихъ садахъ, мы хотѣли бы, чтобы все воздѣлывалось и на широкихъ поляхъ въ видѣ полезнаго растенія и кормового хлѣба; мы полагаемъ, что не исполнили своего долга относительно какого бы то ни было образовательнаго средства, пока оно не заключено въ книги, даже, sit venia verbo, въ школьные учебники и не введено въ регулярную учебную дѣятельность. Если эклектизмъ иногда заключалъ въ себѣ нѣчто легковѣсное и легкомысленное, то нашъ эклектизмъ основателенъ и педантиченъ; если нѣкогда полиматія предоставлялась любителямъ, то мы дѣлаемъ ее предметомъ обязательнымъ.

Но въ рѣзкомъ противорѣчіи съ этою полиматіею школьнаго образованія стоитъ раздѣленіе труда, установившееся въ современной научной дѣятельности. Въ то время какъ прежде юношеское образованіе было менѣе многостороннимъ, но все, создаваемое имъ, въ душѣ юноши, могло съ извѣстною широтою оказывать свое вліяніе въ жизни, мы даемъ фундаменту необычайные размѣры, тогда какъ самое зданіе быстро завершается у насъ узко ограниченною и спеціализированною практическою способностію. Мы склонны организовать нашу умственную дѣятельность по образцу фабрики, чтобы каждый могъ дѣлать какъ слѣдуетъ что-нибудь одно, и въ то же время принципомъ юношескаго образованія ставимъ нѣчто противоположное фабрикѣ, политехнику. Общее образованіе и образованіе спеціальное сдѣлались совершенно разнородными; первое движется въ ширь во всѣхъ направленіяхъ, послѣднее собираетъ силу въ одну точку. Но въ отношеніи между тѣмъ и другимъ существуетъ еще вторая несоразмѣрность; въ то время какъ правильно поставленное образованіе, какъ общее, такъ и профессіональное, заключаетъ въ себѣ знанія и умѣнія въ одинаковой мѣрѣ, наше общее образованіе тяготѣетъ въ сторону знаній, а спеціальное — въ сторону умѣнія; въ школахъ много учатъ и мало упражняютъ, а жизнь требуетъ интенсивнаго упражненія

и выбрасываетъ за бортъ грузъ знанія въ большей его части. Наша учебная система есть антиподъ системы свободныхъ искусствъ: наше умѣнье имѣетъ профессіональный характеръ, а наше либеральное образованіе есть знаніе; въ духовныхъ предметахъ мы знаемъ только обученіе, а не выучку, которая предоставляется уже несвободной области. Когда мы преподаемъ, мы только учителя; доля мастера, бывшая нѣкогда въ учителѣ, исчезла въ насъ, подобно тому какъ и наши шульмейстеры замѣнили этотъ почетный титулъ менѣе выразительнымъ именемъ школьнаго учителя.

Изслѣдовать корни этихъ двухъ недостатковъ нашего образованія: эклектизма, лишеннаго всякаго стиля, и противорѣчія между школой и жизнью, значило бы подвергнуть анализу всю современную жизнь; не имѣя этого въ виду и оставаясь на почвѣ образовательной дѣятельности, мы найдемъ главнымъ образомъ двѣ причины этихъ явленій. Гёте общимъ препятствіемъ гармоническаго развитія называетъ то обстоятельство, что „при прогрессивномъ движеніи культуры не всѣ стороны человѣческой дѣятельности и занятій, въ которыхъ обнаруживается образованіе, достигаютъ одинаковаго роста, но одна всегда опережаетъ другую и возбуждаетъ болѣе общій интересъ“, отчего и „возникаетъ извѣстное ревнивое разногласіе между членами такъ разнообразно развѣтвившагося большого семейства“ [1]). Это замѣчаніе мы въ правѣ примѣнить преимущественно къ новѣйшему образованію, гдѣ упомянутое неравномѣрное движеніе и неудовольствіе никогда не давали укорениться гармоническому семейному согласію. Въ извѣстномъ отношеніи уже діалектика схоластическаго періода нарушала равномѣрность, а еще болѣе филологія перваго періода Возрожденія, которая не безъ насилія захватила первое мѣсто между элементами образованія, чтобы впослѣдствіи въ свою очередь испытать враждебныя нападенія со стороны діалектики Просвѣщенія. А послѣдняя дѣйствовала

[1]) Сочиненія въ послѣднемъ изданіи, т. XXXVII, стр. 50 (Winkelmann).

Digitized by Google

разлагающимъ образомъ какъ на государство и общество, такъ и на область духовной культуры, и на мѣсто прежнихъ идеальныхъ цѣлей подставила цѣли болѣе понятныя, которыя представляются изолированному субъекту. Возрожденіе XIX вѣка возвратило прежніе элементы и противодѣйствовало утилитаризму, не будучи, однако, въ состояніи вырвать его корни. Современное образованіе нашло предъ собою, такъ сказать, поле битвы различныхъ принциповъ образованія и вмѣстѣ съ тѣмъ сознало необходимость примиренія, насколько это сознаніе пробуждается развалинами; оно хочетъ удовлетворить каждому принципу и возстановить согласіе между ними и стремится своею многосторонностію уничтожить старыя односторонности; оно есть компромиссъ гуманизма, реализма и романтизма, оно связываетъ стиль Возрожденія, стиль париковъ и готическій стиль, какъ бы перенося во внутреннюю сферу то смѣшеніе стилей, которое бросается въ глаза на нашихъ улицахъ и площадяхъ. Но примиреніе элементовъ образованія еще не создаетъ упомянутой семейной гармоніи; совмѣстная жизнь еще не есть согласіе, въ суммированіи не дано еще сліяніе. Въ связи съ этимъ стоитъ и вторая причина недостатоовъ нашего образованія. Мы думаемъ создать образованіе прибавленіемъ образовательныхъ элементевъ, мы заботимся о томъ, что можно было бы назвать тѣломъ образованія, и ожидаемъ, что одушевленіе этого тѣла не замедлитъ, если построено будетъ самое тѣло. Это механическое воззрѣніе лежитъ въ основѣ какъ эклектизма общаго образованія, такъ и спеціализирующей тенденціи современной науки: первое хочетъ построить нѣчто живое путемъ соединенія атомовъ, послѣдняя хочетъ познать живое путемъ разложенія на атомы. Правда, мыслители возстановили идею органическаго и въ качествѣ постулата идея эта выдвинута была и въ сферѣ образовательной дѣятельности, но она и представляетъ именно постулатъ, а не движущій принципъ; механическое пристаетъ къ намъ, хотя теоретически мы и побѣдили его; наша атмосфера

Digitized by Google

насыщена имъ, и мы дышимъ этой атмосферой, хотя и стремимся выйти изъ нея.

Такимъ образомъ въ области современныхъ образовательныхъ стремленій мы всюду видимъ противорѣчія, и, однако, было бы несправедливо приписывать только имъ такія противорѣчія: въ далекія отъ насъ времена борьба и раздоръ легко ускользаютъ отъ взора, который ищетъ прочныхъ образованій; мы не видимъ тамъ противорѣчій, или, если видимъ, то не чувствуемъ ихъ, тогда какъ противорѣчія современныя, не преломляемыя средою дали временъ, производятъ импонирующее впечатлѣніе и на взоръ и на чувство.

§ 29.

Сила современнаго образованія заключается въ разнообразіи его содержанія; не только увеличилось число наукъ, вносящихъ свою долю въ это содержаніе, но и самые взносы сдѣлались болѣе значительными и въ нихъ обнаружились новые, до того времени не выдѣлявшіеся, образовательные элементы; прежнія спеціальныя науки сдѣлались образовательными дисциплинами и прежнія образовательныя дисциплины превратились въ спеціальныя науки, не уменьшая вслѣдствіе этого своей дани въ пользу образованія. Послѣднее замѣчаніе болѣе всего относится къ той дисциплинѣ, которая перешла къ намъ въ видѣ наслѣдства отъ эпохи Возрожденія и обнаружила достаточно силы сопротивленія, чтобы устоять и при неблагосклонномъ отношеніи къ ней въ эпоху Просвѣщенія: разумѣемъ ф и л о л о г і ю. Прежняя филологія была въ сущности образовательною наукою, ея положеніе въ universitas litterarum пропедевтическое; она была основною дисциплиною, жизненнымъ элементомъ ученаго образованія, но это именно положеніе и задерживало ея спеціально научную разработку. При ея всеобщемъ и подвижномъ характерѣ оставалось нерѣшеннымъ, заключается ли предметъ ея въ языкѣ и словесномъ искусствѣ, или она должна обнимать всю

Digitized by Google

эрудицію, даже расшириться въ полиисторію; точно также не рѣшено было и то, входятъ ли въ ея область языкъ и литература двухъ классическихъ народовъ, или эту область можно расширить на ученое языковѣдѣніе и изслѣдованіе литературъ всякаго рода. Нашему времени предоставлено было опредѣлить задачу филологіи со всею точностію, отграничить ея область отъ сосѣднихъ наукъ, вывести отъ стараго ствола новыя отрасли. По современному пониманію филологія имѣетъ своею задачею: идеальное возсозданіе всей дѣятельности извѣстнаго народа; она занимаетъ свое мѣсто среди историческихъ наукъ въ широкомъ смыслѣ, но въ то время какъ исторія какой-либо отдѣльной области человѣческой дѣятельности „тянется по одной линіи развитія, филологія соединяетъ всѣ эти линіи въ одинъ узелъ и выводитъ ихъ изъ одного средоточнаго пункта, народнаго духа, какъ радіусы круга“ [1]). Историческая наука и филологія обѣ движутся на почвѣ историческихъ явленій, но онѣ соединяютъ эти явленія въ различныя единицы: первая въ формѣ государственной исторіи беретъ на себя задачу прослѣдить политическія образованія и событія у различныхъ народовъ, въ формѣ художественной исторіи — художественную производительность различныхъ временъ и странъ, въ формѣ исторіи философіи — спекулятивную дѣятельность человѣческаго духа независимо отъ національныхъ особенностей; филологія также имѣетъ дѣло съ государствомъ, искусствомъ, философіей и т. д., но лишь настолько, насколько они являются моментами извѣстной національной жизни; въ формѣ классической филологіи она имѣетъ своимъ предметомъ жизнь двухъ классическихъ народовъ во всей ея совокупности, въ формѣ санскритской филологіи — индійскую жизнь во всѣхъ формахъ ея проявленія, въ формѣ германской филологіи — исто-

---

[1]) Reichardt, Die Gliederung der Philologie, Tübingen 1846, стр. 69. Boeckh, Encyclopädie und Methodologie der philologischen Wissenschaften, herausgegeben von Bratuschek, Leipzig 1877, стр. 19 и дал. и Steinthal, Philologie, Geschichte und Psychologie. Berlin 1864.

рическую жизнь нѣмецкаго народа и т. д. Если при этомъ изъ всѣхъ направленій національнаго творчества наибольшая тяжесть падаетъ на языкъ и литературу, то это объясняется самою задачей филологіи, такъ какъ въ нихъ по преимуществу выразился народный духъ; и если историческая наука употребляетъ языкъ, какъ ключъ, письменныя произведенія, какъ источники, то филологія дѣлаетъ то же самое, но она видитъ въ нихъ и объектъ изслѣдованія, изученіе котораго имѣетъ основное значеніе для всѣхъ ея изысканій; чтобы вызвать духа прошлой народной жизни, она должна сказать ему: „Говори, чтобы я могла тебя видѣть!"

Это подготовленное Ф. А. Вольфомъ, разъясненное и методически проведенное Бекомъ, пониманіе возвышаетъ филологію въ особую область научнаго изслѣдованія и даетъ новыя руководящія линіи для примѣненія ея въ качествѣ образовательной дисциплины. Оно предупреждаетъ, съ одной стороны, ограниченіе филологіи изученіемъ языка, а съ другой стороны разрастаніе ея въ полиматію; оно даетъ школьной филологіи побужденіе заботиться о томъ, чтобы на преподаваніе языка и чтеніе авторовъ падало отраженіе научной работы, и даже побуждаетъ школьную филологію въ своемъ мѣстѣ предпринимать упомянутое идеальное возсозданіе древности, хотя въ уменьшенномъ масштабѣ и суженномъ видѣ. Классическое преподаваніе нашего времени при выборѣ авторовъ обращаетъ болѣе вниманія на ихъ содержаніе, чѣмъ это было прежде; хрестоматіи, предлагающія только матеріалъ для изученія языка, на среднихъ и высшихъ ступеняхъ почти совсѣмъ вышли изъ употребленія, и громко раздаются солидные голоса, чтобы и на низшихъ ступеняхъ предлагалось болѣе содержательное чтеніе, чѣмъ то, какое предлагается въ коротенькихъ предложеніяхъ книгъ для упражненія въ языкѣ. У насъ есть комментаріи школьныхъ авторовъ, которые стараются какъ бы со всѣми корнями выдѣлить частицу древности, представляемую авторомъ, и содѣйствовать оживленію чтенія рисунками, спеціаль-

Digitized by Google

ными картами, наглядными подробностями. Теперь не только признается справедливость требованія старыхъ дидактиковъ всюду соединять интересъ къ слову съ интересомъ къ предмету, но это требованіе развивается далѣе; новѣйшая методика классическаго преподаванія, въ духѣ современной герменевтики, стремится къ такому чтенію, которое изъ словесной формы вырабатываетъ идейное содержаніе, приноравливаясь къ тончайшимъ оборотамъ выраженія и однако возвышаясь надъ словами, чтобы уловить какъ ближайшую, такъ и болѣе отдаленную связь выражаемыхъ мыслей. Пусть учебная практика стоитъ ниже этого требованія; самое требованіе есть уже пріобрѣтеніе, котораго не имѣла старая методика, обращавшая вниманіе или только на художественную форму языка, или на прибыль въ предметномъ знаніи.

Въ то время какъ прежде въ школьныхъ занятіяхъ классическими языками латинскій стоялъ много выше греческаго, теперь возстановлено нѣкоторое равновѣсіе между двумя древними языками. Даже въ цвѣтущую эпоху Возрожденія преподаваніе греческаго языка никогда не было такъ распространено, не занимало такъ много времени и не было такъ методически распредѣлено по ступенямъ, какъ нынѣ, когда паденіе практическаго значенія латинскаго языка открыло просторъ грекамъ и когда проложило себѣ путь пониманіе самородности и гармонической полноты греческаго міра. Не разъ возвращались къ смѣлому плану отдѣльныхъ представителей прежняго гуманизма дать греческому языку въ преподаваніи не только перевѣсъ, но и первое мѣсто, и современное пониманіе древности дало новыя основанія въ пользу этого плана. Нѣмецкіе патріоты освободительныхъ войнъ, какъ Фихте, Фр. Пассовъ, Фр. Кохъ, придавали важное значеніе внутреннему родству греческаго духа съ германскимъ; другіе, какъ Гербартъ, Диссенъ, Фр. Тиршъ указывали на соотвѣтствіе поэтическихъ и историческихъ произведеній греческаго генія юношескому настроенію, и хотѣли, чтобы преподаваніе,

Digitized by Google

начинаясь съ Гомера, двигалось впередъ въ полныхъ жизни, связанныхъ съ классическими произведеніями, картинахъ эпохи; третьихъ привлекалъ генетическій моментъ въ пріемѣ такого рода, такъ какъ этотъ пріемъ давалъ возможность прослѣдить развитіе и ростъ античнаго духовнаго богатства, тогда какъ при обычномъ пріемѣ первая самая свѣжая воспріимчивость тратилась на производныя явленія, и къ первоначальнымъ явленіямъ переходили тогда, когда сила воспріятія уже ослабѣвала. Въ противоположность этому практика преподаванія справедливо цѣнила выше значеніе элементарнаго преподаванія, построеннаго на латинскомъ языкѣ, для развитія словеснаго сознанія и, придерживаясь правила: „изъ латинской мастерской въ залы грековъ“, отклоняла упомянутыя попытки къ введенію реформы; но эти попытки оставили послѣ себя слѣдъ и содѣйствовали частію возвышенію греческаго преподаванія, частію развитію пониманія связи между преподаваніемъ классическихъ языковъ и преподаваніемъ исторіи и выясненію образовательнаго значенія матеріаловъ, объединяемыхъ извѣстною связью своего содержанія [1]).

Благодаря распространенію области филологическихъ изслѣдованій на новѣйшіе языки, изученіе послѣднихъ, въ которомъ ранѣе имѣлись въ виду только практическія соображенія, получило научную подкладку; однако учебная практика лишь въ незначительной мѣрѣ усвоила вытекающія отсюда улучшенія; въ элементарномъ обученіи отечественному языку, особенно въ Германіи, все еще господствуетъ формализмъ, который вышелъ изъ школы Песталоцци и цѣнитъ не ознакомленіе съ самымъ организмомъ языка и не усвоеніе свойственной ему техники, но разсудочныя упражненія на словесномъ матеріалѣ, да и то безъ дѣйствительнаго выясне-

---

[1]) Изслѣдованіе этихъ и другихъ принциповъ и предпріятій новѣйшей дидактики найдетъ себѣ мѣсто въ слѣдующихъ отдѣлахъ; здѣсь можно только указать на нихъ, какъ на характеристическія черты современной образовательной дѣятельности.

Digitized by Google

нія логическихъ элементовъ языка. Сравнительное языковѣдѣніе также только начало вліять на преподаваніе языка; исходя изъ фонетики и морфологіи, оно осторожно и медленно переходитъ въ область синтаксиса, безъ завоеванія которой оно еще не можетъ имѣть конститутивнаго вліянія на грамматику. Поэтому не разъ пробуждавшееся желаніе составить параллельную грамматику изучаемыхъ въ школахъ языковъ еще не осуществлено и доселѣ; впрочемъ, необходимый для этой цѣли пересмотръ грамматическихъ и логико-грамматическихъ категорій есть дѣло не только науки о языкѣ, но и простирающейся до ея предѣловъ логики.

Если смотрѣть на разнообразные дары и импульсы, которыми мы обязаны новѣйшей филологіи, и на урегулированную постановку преподаванія языковъ въ нашихъ школахъ, то можно подумать, что современное образованіе со стороны языка и словеснаго искусства обставлено наилучшимъ образомъ. Однако, это не такъ, и здѣсь съ особенною силою сказывается современная односторонность, вслѣдствіе которой изъ-за знаній опускаются изъ виду умѣнія. Всюду раздаются жалобы на то, что умѣнье говорить слишкомъ недостаточно; народная школа не доводитъ дѣтей до умѣнья правильно писать на своемъ отечественномъ языкѣ, гимназія выпускаетъ учениковъ, которые не въ состояніи составить никакой статьи, прошедшіе школу люди неспособны сколько-нибудь ясно и изящно излагать свои мысли. Одинъ тонкій знатокъ древности и Возрожденія говоритъ, что „всюду въ рѣчи и письмѣ насъ преслѣдуетъ безобразіе и изъ сотни нашихъ образованныхъ людей едва одинъ имѣетъ смутное понятіе объ истинномъ искусствѣ строенія періодовъ“; онъ высоко цѣнитъ то, чѣмъ обладали древніе въ своей реторикѣ, которая была „необходимымъ восполненіемъ ихъ по закону свободной и прекрасной жизни“, тогда какъ у насъ „самое изящное и нѣжное живетъ рядомъ съ грубыми барбаризмами, и только многосложность нашихъ занятій не оставляетъ намъ досуга воз-

мущаться этими барбаризмами"[1]). Мы стоимъ выше господствовавшаго въ эпоху Возрожденія поклоненія языку и удивляемся, какъ это прежде находили время оттачивать изящные періоды, но пренебреженіе къ словесной формѣ мститъ за себя, и сколько мы выиграли съ одной стороны, столько же, должно сознаться, и потеряли съ другой. Возлагать отвѣтственность за это только на школы было бы несправедливо; гораздо болѣе, чѣмъ отъ возможныхъ школьныхъ опущеній, притупленіе словеснаго чутья и ослабленіе словеснаго искусства происходитъ отъ спѣшнаго, безформеннаго писательства на злобы дня, отъ газетъ и журналовъ, которые нынѣ въ такомъ ходу; но свою долю вноситъ сюда и то обстоятельство, что писанное слово гораздо болѣе, чѣмъ прежде, призывается къ служенію практическимъ интересамъ, гдѣ оно можетъ выиграть въ сжатой ясности, но неизбѣжно теряетъ въ чистотѣ и изяществѣ формы.

Если научная разработка филологіи принесла непосредственную пользу школѣ, снова возвративъ ей старую образовательную цѣнность въ расширенномъ и одухотворенномъ видѣ, то новѣйшее развитіе философіи вліяло на образовательную дѣятельность менѣе прямымъ путемъ, а въ области философскаго преподаванія не оказало никакого вліянія на составъ учебнаго матеріала. Правда, системы, которыя связывали кантовскіе импульсы съ пантеистической спекуляціей умирающаго Возрожденія, могли сохранять за собою господство лишь короткое время, но онѣ дали нѣсколько цѣнныхъ толчковъ какъ предметному изслѣдованію, такъ и образовательнымъ наукамъ. Философія Шеллинга повліяла преимущественно на естествовѣдѣніе, философія Гегеля — на историческую науку; заслуги той и другой философіи часто цѣнятъ слишкомъ низко и забываютъ, что хотя методъ изслѣдованія теперь измѣнился, однако не мало руководящихъ современнымъ изслѣдо-

[1]) Burkhardt, Das Leben Constantins. 2 Aufl., стр. 379.

Digitized by Google

ваніемъ идей обязаны своимъ существованіемъ упомянутой спекуляціи, хотя послѣдняя и пріобрѣла дурную славу философскаго вымысла. Произведенная Риттеромъ реформа географіи, Бековская систематизація филологіи, основаніе науки объ искусствѣ, проведеніе исторической точки зрѣнія въ самыхъ различныхъ областяхъ — все это вызвано отчасти идейными мотивами, возникшими изъ упомянутыхъ системъ. Онѣ дали даже предварительные опорные пункты для снова усилившейся христіанской философіи, съ которою онѣ совпадали во враждебномъ отношеніи къ философіи Просвѣщенія. Съ этой стороны шли импульсы и въ отношеніи къ теоріи образованія [1]), но еще сильнѣе были импульсы со стороны спекулятивнаго реализма въ томъ видѣ, въ какомъ разработалъ его Гербартъ, примыкая къ Фихте и Лейбницу [2]). Но ни одна изъ этихъ школъ не дала общему среднему образованію такой образовательной цѣнности, какою старое обученіе обладало въ элементарной философіи, опирающейся на Аристотеля. Гегель и особенно Гербартъ занимались относящимися сюда вопросами, но нерѣшительно, и взгляды Гербарта относительно этого пункта мѣнялись такъ часто, что въ сущности ему нельзя приписать никакого взгляда. Соединилось много такого, что мѣшало рекомендовать школьныя занятія философіей; популярная философія, которая въ концѣ XVIII вѣка наводнила обученіе, должна была отступить на задній планъ, когда богословскій и филологическій элементы стали снова усиливаться, и когда стала обнаруживаться склонность искать въ нихъ и въ элементѣ математическомъ замѣны всякой школьной философіи, на томъ основаніи, что научный методъ, примѣняемый къ упомянутымъ предметамъ, болѣе содѣйствуетъ развитію мыслительной силы, чѣмъ размышеніе о законахъ мышленія. Къ тому же потокъ философскаго движенія захватилъ и такія дис-

---

[1]) Ср. выше, стр. 66 и 91.

[2]) Выше, стр. 42 и дал.

Digitized by Google

циплины, которыя прежде представляли нейтральную почву въ борьбѣ системъ и потому считались пропедевтическими; Кантъ соединилъ логику, какъ трансцедентальную науку, съ теоріей познанія, у Гегеля логика, какъ наука объективная, переплетается съ метафизикой; эмпирическая психологія, которую въ формѣ антропологіи еще Кантъ цѣнилъ очень высоко въ качествѣ образовательнаго средства, упала въ цѣнѣ вслѣдствіе далеко расходящихся между собою попытокъ спекулятивно обосновать ученіе о душѣ, элементарной морали еще труднѣе было получить опредѣленную форму, такъ какъ къ этому предмету относились наиболѣе неблагосклонно. Такимъ образомъ философское преподаваніе частію исчезло изъ школъ, частію сдѣлалось безсильнымъ придаткомъ; въ университетахъ же оно слишкомъ стѣсняется спеціальными занятіями, чтобы давать надлежащую выправку. Въ предѣлахъ самой философіи начинается раздѣленіе на области, такъ что та самая наука, которая при раздѣленіи научной работы должна была бы представлять единство и связь наукъ, сама угрожаетъ подчиниться вліянію спеціализирующей тенденціи. Подобно тому какъ старые мыслители ожидали, что примѣненіе „геометрическаго метода“ къ философіи создастъ общеобязательный познавательный матеріалъ, такъ нѣкоторые обѣщаютъ нынѣ то же самое отъ приближенія ея къ естественнымъ наукамъ; болѣе основательны требованія исторической раззработки философіи, которая дѣлаетъ послѣднюю способною распоряжаться всѣмъ идейнымъ содержаніемъ, заложеннымъ въ ней на длинномъ пути ея развитія. Безспорно, въ этомъ направленіи и слѣдуетъ искать того образовательнаго матеріала, который долженъ быть положенъ въ основу элементарной философской подготовки; начало этому положилъ Тренделенбургъ, давъ въ руководство обученію свои Elementa logices Aristotelicae.

Богословскому элементу образованія современныя теченія благопріятствуютъ такъ же мало, какъ

Digitized by Google

и философскому; натурализмъ не признаетъ за теологіей значенія науки, такъ называемая критика превращаетъ ее въ объясненіе миѳовъ; индифферентизмъ только терпитъ религіозное ученіе, какъ нѣчто общепринятое. Болѣе глубокимъ пониманіемъ значенія теологіи и притомъ ближайшимъ образомъ ея образовательнаго значенія мы обязаны историческому взгляду, который долженъ былъ признать, что христіанство принимало творческое участіе во всемъ нашемъ развитіи, и что, — пріятно это намъ или непріятно, — представленія, чувства, мотивы, возникающіе изъ него, составляютъ элементъ нашей жизни и нашего существованія, а пониманіе этого элемента и сообщеніе этого пониманія есть задача истиннаго просвѣщенія человѣка относительно его самого. Съ этой точки зрѣнія ознакомленіе съ христіанствомъ стоитъ рядомъ съ ознакомленіемъ съ древностію, о которой, хотя уже въ болѣе ограниченномъ смыслѣ, можно сказать нѣчто подобное, и оба образовательные элемента, нѣкогда соперничавшіе другъ съ другомъ, теперь мирно встрѣчаются на исторической почвѣ и взаимно поддерживаютъ другъ друга. Но если прослѣдить эту аналогію, то мы придемъ не къ одной только исторической оцѣнкѣ богословскаго элемента; подобно тому какъ серьезное изученіе класически-античнаго элемента сообщаетъ нашему образованію не только историческую подкладку, но и эстетически-гуманный характеръ, такъ изученіе христіанскаго элемента представляетъ въ образованіи трансцедентальную черту человѣческой природы; подобно тому какъ въ первомъ случаѣ мы заботимся о томъ, чтобы нашей образовательной дѣятельности не чужды были пластическія цѣли, такъ христіанскій элементъ поддерживаетъ связь образованія съ нравственно-религіозными цѣлями, безъ которыхъ невозможна никакая серьезная и сопровождающаяся чувствомъ внутренняго спокойствія дѣятельность.

Для соображеній такого рода, которыя съ внѣшней стороны ведутъ къ признанію извѣстной цѣнности ре-

Digitized by Google

лигіознаго обученія, современный человѣкъ не такъ уже недоступенъ: при всемъ стремленіи къ реальному и реальному, въ существѣ современнаго человѣка, насколько оно не поглощено матеріализмомъ и субъективизмомъ, есть и потребность, можно даже сказать, тоска по идеальномъ, даже духовномъ. Невѣріе многихъ нашихъ современниковъ довольно существенно отличается отъ невѣрія XVIII вѣка: въ то время какъ послѣднее, стремясь удержать извѣстные пункты вѣроученія, высказывало притязанія на улучшеніе и исправленіе его, первое обладаетъ извѣстнымъ чувствомъ своеобразности и даже органическаго единства религіозной жизни и такимъ образомъ свободно, по крайней мѣрѣ, отъ страннаго заблужденія, будто невѣріе лучше самой вѣры знаетъ, что такое вѣра. Уже поэтому теперь не можетъ повториться попытка Базедова, Бардта и др. призвать на мѣсто теологіи философію Просвѣщенія и ввѣрить ей распоряженіе религіознымъ вѣроученіемъ; примѣси и водянистыя разбавки такого рода противны даже индифферентизму нашего времени, который, по крайней мѣрѣ, достаточно реалистиченъ, чтобы судить о каждомъ предметѣ сообразно съ его характеромъ.

Этому разъясненію положенія въ извѣстной мѣрѣ содѣйствовало внутреннее усиленіе теологіи, которое не только сообщило ей силу сопротивленія, какъ образовательному элементу, но и послужило для нея побужденіемъ къ тому, чтобы выдвинуть свое вліяніе на ходъ и направленіе образовательной дѣятельности въ ея цѣломъ. Богословская теорія воспитанія и образованія, которая начала формироваться въ началѣ XIX вѣка, является важнымъ факторомъ нашего образованія. Произведенія Дурша, Дюпанлу, Пальмера, Густава Баура и др. показали, что богословская педагогика „не сборникъ назидательныхъ фразъ или педагогическая проповѣдь, но съ одной стороны не закрываетъ глазъ на дѣйствительную жизнь съ ея мелочами и фактами, а съ другой стороны добросовѣстно принимаетъ въ соображеніе все, что вы-

Digitized by Google

звали на свѣтъ педагогическая мысль, наука и опытъ въ педагогическомъ призваніи"[1]). Она существенно содѣйствовала побѣдѣ надъ прежнимъ индивидуалистическимъ пониманіемъ воспитанія и основанію новаго, соціально-этическаго, предупреждала субъективизмъ, вслѣдствіе котораго образовательная цѣнность улетучивается въ образовательное средство, вызвала разработку исторіи воспитанія и образованія, вступила въ союзъ съ философскою педагогикой, открыла болѣе высокія перспективы для гимназической педагогики, предохранила отъ поверхностности педагогику народной школы, вызвала коллективныя работы, которыя въ широкихъ размѣрахъ опредѣляютъ разработку педагогической науки. Все ея развитіе показываетъ, что дары, которые можетъ раздавать христіанство, еще не исчерпаны, а древнѣйшая изъ наукъ не слишкомъ стара, чтобы не удержать за собою мѣста среди юнаго потомства.

Широко разросшійся элементъ современнаго образованія представляютъ историческія дисциплины. Въ ученыхъ школахъ ведется систематическое, распредѣленное по ступенямъ, историческое преподаваніе, историческія карты и рисунки всякаго рода служатъ для сообщенія ему наглядности, вмѣстѣ съ тѣмъ современная методика ставитъ требованіе, по мѣрѣ возможности, привлекать для оживленія разсказа первоисточники и выдвигать историческіе элементы всѣхъ предметовъ обученія; въ народной школѣ пріобрѣло права гражданства историческое родино- и отечествовѣдѣніе и такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ, отчасти осуществлено было требованіе нагляднаго историческаго преподаванія; читающей публикѣ предлагается разнообразная историческая литература, начиная отъ произведеній мастеровъ и кончая историческимъ романомъ, этою помѣсью исторіи и беллетристики; пластическое искусство ставитъ предъ нашими глазами исторію въ историческихъ картинахъ и пластическихъ работахъ всякаго рода, и даже

[1]) Palmer, Evangelische Pädagogik, 1852. Vorrede zur ersten Aufl.

Digitized by Google

музыка историческими произведеніями переноситъ насъ въ прошлое; ферейны берутъ на себя разработку мѣстной исторіи или охрану историческихъ памятниковъ, и каждый путеводитель на ряду съ достопримѣчательностями отмѣчаетъ и достопамятныя событія, совершившіяся въ томъ или иномъ мѣстѣ въ древнія времена. Правда, весь этотъ аппаратъ еще не сдѣлалъ общимъ достояніемъ того, что можно было бы назвать историческимъ образованіемъ; наоборотъ, историческій интересъ часто не возвышается надъ перелистываніемъ исторіи; но на этомъ основаніи мы не имѣемъ еще права и слишкомъ низко цѣнить его значеніе; хотя историческая полиматія выдвигаетъ и не все образовательное содержаніе исторіи, однако все же она ставитъ на видъ тотъ или другой моментъ этого содержанія, по крайней мѣрѣ она представляетъ противовѣсъ матеріалистической тенденціи, препятствуетъ поверхностному увлеченію политическими интересами дня, учитъ смотрѣть на дѣла человѣческія иными глазами, помимо эгоистическихъ. Къ тому же разработка исторіи съ образовательными цѣлями слишкомъ еще молода, чтобы плоды ея могли всюду обнаружиться и чтобы нельзя было ожидать отъ нея существеннаго содѣйствія углубленію и исправленію образованія вообще.

На исторіи съ одной стороны и на естествовѣдѣніи съ другой строится географическая наука новѣйшаго времени, примыкая, въ качествѣ образовательнаго элемента, болѣе къ исторіи, чѣмъ къ естествовѣдѣнію. Географическое образовательное знаніе цѣнилось уже въ XVIII вѣкѣ; Кантъ смотрѣлъ на землевѣдѣніе, какъ на „физико-морально-политическую дисциплину“, которая „ставитъ предъ нашими глазами громадную карту рода человѣческаго“ и предупреждаетъ то зло, что учащаяся молодежь „рано привыкаетъ умничать, не владѣя достаточнымъ количествомъ историческихъ знаній, которыя могли бы замѣнить для нея опытъ“ [1]). Руссо и

[1]) Kant, Über Pädagogik, herausgegeben von Willmann, стр. 11, (См. W. herausgegeben von Hartenstein, II, стр. 320).

Digitized by Google

филантрописты удачно развивали наглядный элементъ географіи и установили плодотворную связь между родиной и міромъ. Преподаваніе Гутсмутса въ Шнепфенталѣ дало Карлу Риттеру первые импульсы, а мысль Песталоцци о преподаваніи, развивающемся съ внутреннею необходимостію, — толчокъ къ произведенной имъ реформѣ[2]). Эта реформа сообщила географіи научный характеръ, соединивъ всѣ радіусы изслѣдованія въ одномъ центрѣ: въ задачѣ прослѣдить вліяніе конфигураціи, состава почвы, климата, растительной и животной жизни земного шара на развитіе человѣческой жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ идеальная тенденція, внесенная въ изслѣдованіе телеологическимъ взглядомъ Риттера, возвысила географическій интересъ надъ утилитаризмомъ, который легко пристаетъ къ нему, и поставила его въ связь съ высшими интересами. Естественныя и историческія изслѣдованія въ связи съ искусствомъ рисованія снабдили юную науку богатымъ матеріаломъ, міровыя сношенія приблизили отдаленныя мѣста и сдѣлали міровѣдѣніе столько же предметомъ всеобщей потребности, сколько и привлекательнымъ занятіемъ. Для школы вслѣдствіе этого прибавился учебный матеріалъ, который при неправильномъ употребленіи можетъ дѣйствовать разсѣивающимъ образомъ или обременять память, зато при благоразумномъ отношеніи къ нему, въ силу своего ассоціирующаго характера, можетъ соединять диспаратныя матеріи, въ особенности служить связующимъ звеномъ между историческими и естественными знаніями.

Въ образованіи прежняго времени міръ природы представленъ былъ только съ его формальной стороны; извѣстныя математическія элементарныя познанія считались достаточными, чтобы служить руководствомъ во всей сферѣ занятій этого рода; наоборотъ, современное образованіе воспринято въ себя значительныя формальныя и реальныя познанія изъ этой области. Есте-

---

[2]) См. выше, стр. 102.

ственныя науки сдѣлались силой какъ въ жизни, такъ и въ образованіи. Вліяніе ихъ на технику, ремесла, дѣятельность всякаго рода сдѣлало ихъ необходимыми ближайшимъ образомъ для спеціальнаго образованія; сферы труда, въ которыхъ ранѣе достаточно было простой традиціи, теперь, въ виду естественнонаучныхъ техническихъ элементовъ, которыми онѣ наполнились, нуждаются въ регулярномъ обученіи: земледѣлецъ и ремесленникъ вынуждены изучать естественную исторію и химію, руководящія мѣста въ предпріятіяхъ всякаго рода требуютъ технологической подготовки; врачебное искусство, военныя науки, инженерное дѣло, благодаря новѣйшимъ изслѣдованіямъ природы, поставлены на иную ногу. Но все это высшее и низшее спеціальное образованіе предъявляетъ къ школамъ, призваннымъ заботиться объ общемъ образованіи, требованіе сдѣлать извѣстныя основныя знанія новооткрытой области общимъ достояніемъ. Впрочемъ, и безъ того эти школы должны были бы считаться съ элементомъ, который вошелъ въ кругозоръ всѣхъ: образованный человѣкъ не можетъ быть чужеземцемъ въ той жизненной сферѣ, которую создало естествовѣдѣніе, онъ долженъ, по крайней мѣрѣ, владѣть ключомъ къ идейной работѣ, заложенной въ его научныхъ и техническихъ завоеваніяхъ, пріобрѣсти пониманіе методовъ, которые привели къ этимъ завоеваніямъ.

Естественнонаучное образовательное преподаваніе переживаетъ еще свои первыя начальныя стадіи. Ему предстоитъ возвыситься надъ ремесленною постановкой и выдвинуть подлинное образовательное содержаніе своего предмета: создать общеніе учащихся съ самыми предметами, самостоятельное наблюденіе и изслѣдованіе, постепенный ростъ знанія на почвѣ постоянныхъ занятій; учебный матеріалъ не поставленъ еще въ окончательное отношеніе къ широкимъ и разнообразнымъ областямъ изслѣдованія; рѣшительно ничего еще не сдѣлано для установленія связи новыхъ занятій съ гуманистическимъ центромъ образовательнаго преподаванія;

Digitized by Google

требованіе Гербарта и его школы исходить отъ человѣческихъ цѣлей и полагать въ основу преподаванія различныя жизненныя сферы человѣческой дѣятельности, направленной на природу, не могло еще пріобрѣсти значенія; даже связь съ математическимъ преподаваніемъ еще слаба и весьма далека отъ взаимнаго проникновенія, которое обѣщаетъ твердую опору и вѣрныя руководящія дидактическія указанія для той и другой области преподаванія.

Математическое преподаваніе утратило прежнія точки приложенія [1]), но въ существенныхъ чертахъ сохранило свою прежнюю форму. Благодаря импульсамъ Песталоцци, ему предпосылается элементарная область: наглядное преподаваніе и умственный счетъ, рядомъ съ нимъ поставлены широкія практическія упражненія, но ни относительно первыхъ, ни относительно послѣднихъ школьная математика, въ сущности все еще опирающаяся на Евклида, не заняла пока опредѣленнаго положенія. Несмотря на возраженія новѣйшихъ мыслителей противъ м тода доказательствъ, способнаго создать логическій фокусъ, а не адэкватную форму для познавательнаго матеріала ученія о величинахъ, наше математическое преподаваніе все еще движется по колеямъ системы, высшій пунктъ которой составляютъ пять правильныхъ тѣлъ, предметъ математическаго культа пиѳагорейцевъ. Такимъ образомъ и эта отрасль преподаванія является еще несовершенной, не потому, что она еще нова, какъ естественнонаучная, но потому, что въ ней новое и старое стоятъ другъ возлѣ друга безъ всякой связи между собою.

Но въ недостаточномъ сліяніи старыхъ и новыхъ матеріаловъ знанія заключается и слабость нашихъ учебныхъ плановъ вообще; они явились путемъ накопленія, а не путемъ внутренняго роста, и подъ вліяніемъ педантическаго пристрастія къ схематичности

---

[1]) По всей вѣроятности, авторъ имѣетъ въ виду древнюю связь математики съ философіей и теологіей. *Прим. переводчика.*

Digitized by Google

и ложнаго стремленія къ полнотѣ разъединили даже то, что было связано. Обращая вниманіе на каждый изъ образовательныхъ элементовъ въ отдѣльности, они слишкомъ мало имѣли въ виду единство образованія; вмѣсто того, чтобы создать для внутренняго развитія прочное ядро въ видѣ стройной системы надлежащимъ образомъ разработанныхъ знаній и одухотворенныхъ умѣній, — ядро, вокругъ котораго собиралось и въ порядкѣ располагалось бы пестрое множество импульсовъ и уроковъ, какіе ведетъ за собою духовно-подвижная общественная жизнь, — наше преподаваніе само впало въ многопредметность, и полиматія, которая имѣетъ неоспоримое значеніе, какъ периферическій элементъ образованія, получила возможность проникнуть въ его внутреннѣйшую область.

Въ количествѣ, распространеніи, практической пригодности полиматическихъ образовательныхъ пособій наше время далеко превосходитъ прошлое. Реальныя энциклопедіи для отдѣльныхъ областей и для всего образовательнаго знанія, лексиконы ученаго и популярнаго характера готовы къ услугамъ въ каждое мгновеніе, чтобы дать намъ извѣстное свѣдѣніе, газеты и періодическія изданія всякаго рода предлагаютъ такія же свѣдѣнія или побуждаютъ искать ихъ, сборники, составленные съ художественною, научною, ремесленною цѣлію, даютъ разнообразное наглядное обученіе всякому, кто его ищетъ; всемірныя выставки, эти какъ бы дѣйствительно сдѣлавшіяся реальными энциклопедіи искусства и индустріи, предлагаютъ взорамъ какъ спеціалиста, такъ и профана результаты работы народовъ. Современная жизнь съ ея быстрымъ темпомъ даетъ все новые и новые импульсы и матеріалы многостороннему интересу, открываетъ все новые и новые источники для образовательныхъ пріобрѣтеній, но зато тѣмъ настоятельнѣе становится задача предохранить этотъ интересъ отъ вырожденія въ многопредметность, и положить въ основу образовательныхъ пріобрѣтеній устойчивый родовой капиталъ.

Digitized by Google

§ 30.

Три великія области обученія, историческими средоточіями которыхъ являются элементарная школа, латинская школа и университетъ, въ XIX вѣкѣ расширились и развились въ различныхъ направленіяхъ и стали въ опредѣленно урегулированныя отношенія другъ къ другу.

Для организаціи элементарнаго или начальнаго обученія въ наше время существуетъ нѣсколько системъ, изъ которыхъ система народной школы въ той формѣ, какую она получила въ Германіи и странахъ, входящихъ въ кругъ нѣмецкой культуры — Австріи, Швейцаріи, сѣверныхъ государствахъ — справедливо пользуется наибольшимъ уваженіемъ. Первымъ условіемъ ея является относительная однородность духовныхъ потребностей общества, такое сближеніе соціальныхъ слоевъ, которое дѣлаетъ возможнымъ сліяніе въ одну систему элементарной школы высшихъ сословій съ учрежденіями, вѣдающими все школьное образованіе низшихъ сословій. Гдѣ это условіе не выполнено, тамъ школы перваго рода сохраняютъ чисто частный характеръ, тогда какъ школы второго рода падаютъ до превращенія въ школы для бѣдныхъ; это мы видимъ въ Англіи, гдѣ элементарное обученіе высшихъ сословій падаетъ на долю семьи или частныхъ учрежденій, а обученіе рабочихъ классовъ по большей части берутъ на себя старинныя общества, не столько образовательнаго, сколько благотворительнаго характера (см. выше, § 27, стр. 404), и только посредствомъ Elementary education act 1870 г. какъ обученіе высшихъ, такъ и обученіе низшихъ классовъ подчинены были, за государственное пособіе, государственному контролю. Вторымъ условіемъ системы народной школы является совмѣстная дѣятельность свѣтскихъ факторовъ съ церковными, которая можетъ быть регулирована съ различныхъ точекъ зрѣнія, но во всякомъ случаѣ должна обезпечивать для церкви такое

Digitized by Google

участіе въ образованіи юношества, чтобы она не чувствовала нужды въ основаніи собственныхъ учебныхъ заведеній. Такія государства, какъ Франція и Бельгія, гдѣ существуетъ централизованная государствомъ, зависящая отъ тенденцій смѣняющихся правителей, школьная система, рядомъ съ которой развились чисто церковныя школьныя учрежденія, вообще утратили истинное единство образованія и такимъ образомъ у нихъ оказывается невыполненнымъ одно изъ условій системы народной школы.

Насколько современная система народной школы беретъ на себя христіанское обученіе дѣтей, она продолжаетъ традиціи, которыя издавна лежали въ основѣ народнаго обученія въ сферѣ христіанской культуры, но на ряду съ этимъ она даетъ мѣсто и мотивамъ новѣйшаго развитія: она опредѣленно отдѣляетъ свой учебный матеріалъ отъ ученаго образованія и строитъ его, какъ особую дидактическую единицу; по примѣру Песталоцци она старается взять съ элементарныхъ умѣній дань въ пользу формальнаго образованія и въ грамматикѣ, ариѳметикѣ и ученіи о формахъ создать извѣстный эквивалентъ филологическаго и математическаго преподаванія; по примѣру патріотическихъ послѣдователей Песталоцци она вводитъ въ кругъ элементарнаго образованія національный элементъ въ формѣ отечество — и родиновѣдѣнія, обученія пѣснямъ, танцамъ; наконецъ, примыкая къ филантропистамъ, она даетъ мѣсто реальнымъ, равно какъ другимъ практически полезнымъ, болѣе или менѣе энциклопедическимъ знаніямъ.

Система народной школы обнимаетъ ближайшимъ образомъ самую народную школу, которая имѣетъ различныя формы, какъ городская и какъ сельская школа, какъ частное и какъ общественное учрежденіе, какъ школа элементарнаго образованія, которое имѣетъ быть продолжено путемъ высшаго обученія, и какъ школа, имѣющая своею цѣлію особый уровень образованія. Ея функціи усиливаются въ „повышенной городской школѣ“, городскомъ училищѣ, средней школѣ (Bürger-

Digitized by Google

schule, Mittelschule по обычному въ Германіи словоупотребленію), видоизмѣняются въ школѣ для дѣвицъ или дочерей (Mädchen-oder Töchterschule); она окружена побочными учрежденіями, которыя частію имѣютъ своею задачею подготовку, какъ дѣтскіе сады и др., частію продолжаютъ образованіе народной школы, какъ школы дальнѣйшаго образованія, воскресныя школы, вечернія школы, такъ называемые народные университеты сѣверныхъ странъ и др., частію водоизмѣняютъ цѣли народной школы спеціальными задачами, какъ-то сиротскіе дома, богадѣльни, учрежденія для слѣпыхъ, глухихъ и идіотовъ, — категорія школъ, появившаяся въ XVIII вѣкѣ (Франке, Оберлинъ, Гаюи, л'Эпе, Гейнике и др.), но своеобразно развитая лишь въ XIX вѣкѣ (Фелленбергъ, Верли, Фалькъ, Хр. Г. Целлеръ, Вихернъ и др.). Далѣе составную часть системы народной школы составляетъ учрежденіе для подготовки учителей (препаранда, учительская семинарія, нормальная школа и т. д.), благодаря которому возникаетъ особое сословіе народныхъ учителей. Однако происхожденіе такого сословія зависитъ не только отъ регулированія подготовки къ учительской должности, но и отъ самопроизвольныхъ стремленій въ кругу учителей; сословіе нѣмецкихъ учителей, вмѣстѣ съ учрежденіями для подготовки ихъ, обусловлено еще и педагогикой народной школы, которая со временъ Песталоцци стала развиваться въ качествѣ особой области профессіональнаго знанія и умѣнія. Если Л. фонъ-Штейнъ говоритъ, что нѣмецкая народная школа основана на наукѣ, какъ французская — на административной организаціи, англійская — на индивидуальной силѣ личностей и ассоціацій [1]), то здѣсь уже предполагается развитіе педагогики народной школы въ науку. Во всякомъ случаѣ такое развитіе желательно, хотя и выполнимо только въ рамкахъ педагогики въ ея цѣломъ.

Отъ слишкомъ высокой оцѣнки того, что достигнуто въ системѣ народной школы и посредствомъ этой си-

---

[1]) Verwaltungslehre, V, стр. 80.

Digitized by Google

стемы, можетъ предохранять, съ одной стороны, мысль о трудности ея задачъ, а съ другой стороны, мысль о многихъ недостаткахъ ея факторовъ. Народное обученіе должно итти навстрѣчу потребности рабочихъ классовъ въ расширеніи ихъ горизонта и въ пріобрѣтеніи полезныхъ знаній, и однако должно помнить, что народному юношеству придется искать себѣ опоры въ экономическомъ и нравственномъ отношеніяхъ въ тѣсно ограниченномъ и скромномъ кругу работы и что расширенное знаніе безъ укрѣпленія совѣсти является только орудіемъ эгоизма и страсти. Съ обогащеніемъ учебныхъ плановъ не всегда еще связанъ ростъ плодотворнаго знанія, а еще менѣе — твердаго умѣнія, а между тѣмъ единство и цѣлостность обученія, въ которыхъ послѣднее было увѣрено при своемъ прежнемъ непритязательномъ объемѣ, становятся сомнительными, тѣмъ болѣе, что и методика направляетъ свои усилія не столько къ концентраціи и объединенію учебнаго матеріала въ его цѣломъ, сколько къ разработкѣ отдѣльныхъ предметовъ. При подготовкѣ учителей повторяются тѣ же самыя трудности: будущее поле дѣятельности начинающаго учителя скромное и требуетъ болѣе самоотверженнаго погруженія въ работу, чѣмъ многосторонняго знанія и интереса, и однако подготовка къ учительскому званію должна простираться нѣсколько далѣе непосредственныхъ требованій профессіи и удовлетворять интеллектуальной подвижности, которая сдѣлалась существенною принадлежностью сословія учителей вслѣдствіе его новѣйшаго развитія. Въ этой области протоположности болѣе рѣзко сталкиваются другъ съ другомъ; онѣ нашли себѣ выраженіе съ одной стороны въ стремленіяхъ, представителемъ которыхъ былъ Дистервегъ, а съ другой стороны въ прусскихъ регулятивахъ 1854. Первый ставилъ учителю задачу „сдѣлать себя средоточнымъ пунктомъ знанія и образованія въ своемъ кругу, никому не уступать въ многосторонности“, особенно же заниматься естествовѣдѣніемъ, и сообразно съ этимъ опредѣлялъ

Digitized by Google

размѣры и направленіе преподаванія въ семинаріяхъ. Въ регулятивахъ цѣлью учительской семинаріи ставится „проникнуть и овладѣть учебнымъ матеріаломъ элементарной школы во всѣхъ отношеніяхъ", они замѣнили педагогику и дидактику особымъ учебнымъ предметомъ—училищевѣдѣніемъ, устранили преподаваніе всемірной исторіи и литературы и увеличили религіозный матеріалъ, требующій запоминанія. Эта система слишкомъ узкой концентраціи, которая ухватилась за традиціи Гарниша, Целлера, Песталоцци, уступила теперь мѣсто противоположной системѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ снова стали раздаваться жалобы на поверхностное полуобразованіе и многопредметность занятій учительскаго сословія. На долю будущаго остается задача объединить образовательный матеріалъ семинаріи и установить постоянную связь его съ основными задачами народной школы и въ то же время дать ему такіе размѣры, чтобы онъ удовлетворялъ законнымъ образовательнымъ стремленіямъ. Существеннымъ условіемъ этого примиренія противоположностей является дальнѣйшее успѣшное развитіе народно-школьной педагогики; но она слишкомъ быстро развивается въ ширь, чтобы въ ней не оказалось много пустыхъ сѣмянъ; для исправленія нѣкоторыхъ погрѣшностей немаловажныхъ услугъ можно ожидать отъ историческаго интереса, который въ послѣднее время пробудился въ этой области.

Изъ латинской школы выросла непосредственно гимназическая система, изъ нея же выдѣлились въ видѣ особой вѣтви и подготовительныя учебныя заведенія практическаго характера, получившія наиболѣе развитую форму въ реальномъ училищѣ.

Современная гимназія [1]) опредѣленно отдѣлилась какъ

---

[1]) Имя это введено только въ Германіи, Австріи и Россіи; соотвѣтствующія учрежденія въ Италіи, кромѣ имени ginnasi, носятъ еще названіе licei; во Франціи они называются lycées или colléges, въ Бельгіи — athénées, въ Швейцаріи — коллегіями или кантональными школами, въ Англіи — colleges, high schools, grammar schools, въ Швеціи — läroverk. Ср. Eckstein въ Энциклопедіи Шмида, XII, стр. 540.

Digitized by Google

по направленію внизъ — отъ элементарной школы, такъ и по направленію вверхъ — отъ университета, — въ послѣднемъ случаѣ посредствомъ испытанія зрѣлости (Abiturientenexamen, baccalaureat) [1]). Она соединяетъ двоякую функцію, съ одной стороны подготовляетъ къ университету, съ другой стороны вообще ставитъ юношество въ условія, благопріятныя для выработки болѣе широкаго, исторически обоснованнаго міровоззрѣнія; въ первомъ отношеніи она есть элементарная школа науки, въ послѣднемъ — учрежденіе, которое даетъ до извѣстной степени законченное образованіе. Старая латинская школа имѣла предъ собою подобную же двойную задачу, но она указывала на одинъ и тотъ же предметъ — латинскій языкъ, который былъ и азбукою науки и элементомъ утонченной духовной жизни для каждаго человѣка; новѣйшее развитіе, которое заставило выйти за предѣлы классическаго учебнаго матеріала, разъединило и обѣ цѣли гимназическаго преподаванія; положительныя науки пріобрѣли болѣе значительный вѣсъ, и положеніе гимназіи, какъ образовательной школы, вызвало необходимость при выборѣ матеріала изъ области этихъ наукъ имѣть въ виду и то знаніе, которое непосредственно дѣйствуетъ въ современной жизни. Связь гимназіи съ университетомъ заставляетъ и теперь, какъ прежде, поддерживать единство ея учебнаго курса и охранять въ ней характеръ школы предварительныхъ упражненій, подготовляющихъ къ ученымъ занятіямъ, а съ другой стороны гимназія, вполнѣ или отчасти отрѣшенная отъ университета, представляетъ, такъ сказать, образовательную величину, съ которою общество считается и которой не можетъ не цѣнить и государство.

---

[1]) Латинскія школы безъ выпускного экзамена существуютъ еще въ Англіи, гдѣ университеты, каждый самостоятельно, устраиваютъ matriculation examinations (пріемные экзамены); въ Шотландіи и Голландіи часть пропедевтическихъ занятій падаетъ еще на университетскіе годы; въ Шотландіи есть еще приходскія школы, въ которыхъ преподается латынь, такъ что здѣсь не кажется страннымъ, „когда босоногая дѣвочка переводитъ главу изъ Цезаря, и отозванный отъ полевой работы мальчикъ — Энеиду“. Eckstein, мъ таже, стр. 558.

Digitized by Google

Современная гимназія должна работать не только надъ значительно расширеннымъ учебнымъ матеріаломъ, но и съ различными категоріями учениковъ, изъ которыхъ часть ищетъ своихъ жизненныхъ цѣлей въ сферахъ, имѣющихъ лишь весьма отдаленныя отношенія къ наукѣ и древности. Эти „практически настроеные“ элементы представляютъ бремя и опасность для гимназическаго преподаванія, угрожая удалить его отъ болѣе высокой задачи, но вмѣстѣ съ тѣмъ они указываютъ на извѣстную часть сферы соціальнаго вліянія этого учрежденія, которое не можетъ отказаться отъ обязанности, по крайней мѣрѣ, отмѣтить своими образовательными матеріалами болѣе широкіе слои общества.

Гимназіи крупныхъ культурныхъ государствъ занимаютъ различное положеніе относительно этихъ своихъ современныхъ задачъ. Англія совсѣмъ еще не приступала къ регулированію всей области образованія; ея старинныя, опирающіяся на статуты и управляемыя попечительными совѣтами, латинскія школы не могутъ быть названы ни учеными подготовительными учрежденіями, ни заведеніями, служащими какимъ-либо практическимъ цѣлямъ, но видятъ свою задачу въ томъ, чтобы посредствомъ liberal studies (либеральныхъ наукъ) подготовлять gentlemen (джентльменовъ); ихъ курсы представляютъ строгое единство, современныя дисциплины представлены слабо. На ряду съ ними существуетъ молодой побѣгъ частныхъ гимназическихъ учрежденій безъ планомѣрной организаціи; обычай связывать съ окончаніемъ какихъ-либо школъ извѣстныя права чуждъ и несимпатиченъ англичанамъ; образованіе всякаго рода считается у нихъ рѣшительно частнымъ дѣломъ. Въ Пруссіи „Учебный уставъ“ (Unterrichtsverfassung) 1816 года ставилъ гимназіямъ цѣль „не только доставлять своимъ питомцамъ такую степень классическаго и научнаго образованія, которая необходима для пониманія и умѣнья пользоваться систематическимъ изложеніемъ наукъ въ университетахъ, но и снабдить ихъ свойственнымъ благородному человѣку

Digitized by Google

образомъ мысли и настроеніемъ". При выборѣ учебныхъ предметовъ имѣется въ виду, что „каждый долженъ испробовать и, насколько возможно, развить свои научные и художественные задатки какъ вообще, такъ и для спеціальныхъ научныхъ областей". Такимъ образомъ цѣлью стремленій ставится соединеніе классическаго направленія и энциклопедической тенденціи. Министерское постановленіе 1837 г., такъ называемая „Голубая книга", вызванная статьею Лоринзера: „Въ защиту здоровья въ школахъ", въ сущности стоитъ на точкѣ зрѣнія учебнаго устава, равно какъ и учебный планъ 1856 г.; наоборотъ, учебные планы 1882 г. выдвигаютъ энциклопедизмъ на счетъ классическихъ занятій; рядомъ съ гимназіями выступаютъ реальныя гимназіи, подобно первымъ съ девятилѣтнимъ курсомъ, но безъ преподаванія греческаго языка; въ гимназіи число часовъ для религіознаго обученія и для древнихъ языковъ уменьшено въ пользу современныхъ предметовъ. Завершеніе этой реформы въ 1892 г. еще болѣе стѣснило классическое преподаваніе, уничтоживъ латинское сочиненіе на выпускномъ экзаменѣ. Справедливость требовала бы, чтобы изъ классически-энциклопедической гимназіи „Учебнаго устава", вмѣстѣ съ полиматической реальной гимназіей, выдѣлилась вторая школьная форма, удовлетворяющая основнымъ учебнымъ предметамъ. На такое подготовительное учрежденіе имѣютъ полное право факультеты и занятія, нуждающіеся въ классической подготовкѣ безъ всякихъ сокращеній: теологія, наука о древности, лингвистика, исторія, философія. Нельзя не признать ошибкой, что такія гимназіи, какъ гимназія въ Іоахимсталѣ, сѣдой монастырь (graue Kloster) въ Берлинѣ и другія, пользовавшіяся древней славой питомниковъ классической науки, низведены были до уровня неопредѣленныхъ гимназій съ учебными планами 1882 и 1892 года, вмѣсто того, чтобы сдѣлать ихъ представителями особаго типа школъ, на что указывали высшія потребности духовной жизни. — По формѣ прусская гимназія удержала старый типъ

Digitized by Google

шестиклассной латинской школы, но расширенной на девять годичныхъ курсовъ; она раздѣляется на три ступени низшихъ, среднихъ и высшихъ классовъ, которые, впрочемъ, не представляютъ строго ограниченныхъ звеньевъ. Учрежденія эти имѣютъ конфессіональный характеръ; однако, онъ не простирается на самую постановку преподаванія, организація которой предоставляется государству, и это обстоятельство стѣсняетъ развитіе свободныхъ учебныхъ заведеній, построенныхъ на религіозныхъ принципахъ.

Изъ нѣмецкихъ государствъ Баварія въ наиболѣе чистомъ видѣ разработала въ гимназіяхъ тѣ импульсы, какіе дало школѣ нѣмецкое возрожденіе. Филэллинизмъ Людвига I, украсившаго столицу греческими зданіями, сдѣлалъ то, что и въ гимназіяхъ классическое преподаваніе заняло первое мѣсто. Школьный уставъ 1830 г. опирается на учебный планъ, выработанный Фридрихомъ Тиршемъ, ученикомъ Г. Германа и Гербарта. „Все обученіе вращается вокругъ классическихъ писателей, какъ средоточнаго пункта; нѣмецкій, исторія, философія тѣснѣйшимъ образомъ примыкаютъ къ классическому чтенію; даже религія и математика стремятся къ тому же. Чего уже тридцать лѣтъ ищутъ всѣ сторонники гимназической реформы подъ именемъ концентраціи, то здѣсь осуществлено самымъ совершеннымъ образомъ. Внутреннее единство, простота, глубокая связь дѣлаютъ этотъ учебный планъ совершеннымъ въ своемъ родѣ“ [1]). Латинская школа, основа гимназіи, построена на усвоеніи формъ и техники языка. Настоящая гимназія, верхній этажъ, вводитъ въ произведенія древнихъ, выдвигая философскую сторону; на ряду съ этими занятіями удержано и философски-пропедевтическое преподаваніе. Несмотря на превосходныя намѣренія, Тиршу, къ сожалѣнію, не дано было замѣтить тѣ исходные пункты для реформы, которые при болѣе

[1]) Fr. Paulsen, Geschichte des gelehrten Unterrichts, Leipzig 1885, стр. 659.

Digitized by Google

высокомъ уваженіи къ древности онъ легко могъ бы открыть въ прежнихъ школьныхъ учрежденіяхъ, и онъ не въ состояніи былъ органически связать новое со старымъ; но и въ такомъ видѣ его произведеніе принадлежитъ къ наиболѣе значительнымъ новѣйшимъ созданіямъ въ области образованія, и Баварія сохранила ученую подготовительную школу съ опредѣленнымъ характеромъ и стилемъ.

Гимназіи Австріи до средины XIX вѣка въ существенныхъ чертахъ держались традицій старинныхъ орденскихъ школъ, но со времени проведенной Боницемъ и Экснеромъ реформы 1849 вступили на путь прусскихъ, не порывая, однако, окончательно со своею исторіей. Осьмиклассный курсъ, по „Проекту организаціи", основанъ на соединеніи четырехъ старыхъ грамматическихъ классовъ, двухъ классовъ гуманности и двухлѣтняго философскаго курса; четырехклассная прогимназія доводитъ каждый изъ своихъ учебныхъ предметовъ до относительнаго завершенія и излагаетъ исторію, математику и естествовѣдѣніе въ популярной формѣ и практическомъ направленіи. Эти предметы снова встрѣчаются въ старшемъ отдѣленіи гимназіи и преподаются болѣе научнымъ образомъ; въ отношеніи къ математикѣ это ведетъ къ тому неудобству, что матеріалъ ея проходится два раза, но поспѣшно и безъ достаточнаго числа упражненій. Вся гимназія имѣетъ цѣлью „дать среднее общее образованіе на почвѣ серьезнаго изученія древнихъ классическихъ языковъ и ихъ литературы и чрезъ то приготовить вмѣстѣ и къ университетскимъ занятіямъ". Центръ тяжести лежитъ не въ классическомъ преподаваніи, но „въ установленіи взаимной связи между учебными предметами"; реальныя знанія представлены довольно скудно; при изученіи древнихъ литературно-историческая точка зрѣнія поставлена выше филологической; умѣнье писать по-латыни не ставится уже цѣлью обученія; философія въ формѣ пропедевтическаго курса является пред-

Digitized by Google

метомъ обученія въ высшихъ классахъ. Учебный планъ устанавливается особыми предписаніями, инструкціи опредѣляютъ обученіе до отдѣльныхъ подробностей; назначаемый программами учебный матеріалъ для проектируемаго числа часовъ всюду слишкомъ великъ, число лѣтъ обученія слѣдовало бы увеличить на одинъ годъ. Австрійскія гимназіи въ большинствѣ случаевъ государственныя учрежденія; общинныя и орденскія гимназіи сохраняютъ права публичныхъ учрежденій лишь въ томъ случаѣ, если они точно согласованы съ государственными.

Французскій Lycée (лицей) по своему строенію распадается на три ступени; два низшія отдѣленія, двухклассное Division élémentaire (элементарное отдѣленіе) и трехклассное Division de Grammaire (грамматическое отдѣленіе), имѣютъ своею главною задачею основательное и окончательное усвоеніе французской, латинской и греческой грамматики; Division supérieure (высшее отдѣленіе), обнимающее три класса, но четыре года обученія, готовитъ какъ къ baccalauréat-ès lettres (степень баккалавра словесности), такъ и къ baccalauréat-ès sciences (степень баккалавра наукъ); введенная министромъ Фурту въ 1852 году бифуркаціонная система, которая раздѣлила высшее отдѣленіе на гуманистическую и реалистическую секцію, формально была отмѣнена (Дюрюи въ 1863 г.), но соединеніе высшаго отдѣленія гимназіи и высшаго отдѣленія реальной школы устранено не было. Лицеи связаны съ пансіонами; они составляютъ часть государственнаго Université и имѣютъ однообразное до мелочей устройство; подготовкѣ ихъ преподавательскаго персонала служитъ Ecole normale sypérieure въ Парижѣ, питомцы которой упражняются въ школьныхъ наукахъ и школьной практикѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ посѣщаютъ факультетскія чтенія. Рядомъ съ государственными лицеями существуютъ общинныя учрежденія, Colléges communaux, содержимыя городскими общинами, подчиненныя университету, но съ неодинаковою организаціей; отчасти они служатъ

Digitized by Google

только цѣлямъ предварительнаго практическаго образованія. Другимъ восполненіемъ государственнаго средняго образованія являются petites séminaires, созданныя ближайшимъ образомъ для подготовки въ епископскія семинаріи, но приспособленныя и часто служившія и для подготовки къ научнымъ занятіямъ свѣтскаго характера.

Если гимназія при болѣе или менѣе значительномъ приспособленіи къ общеобразовательнымъ потребностямъ сохранила однако свое положеніе школы, подготовляющей къ „либеральнымъ профессіямъ", то отдѣлившееся отъ нея реальное училище служитъ для подготовки къ тѣмъ функціямъ экономической дѣятельности, которыя требуютъ извѣстныхъ научныхъ знаній, пониманія международнаго характера работы и вмѣстѣ съ тѣмъ вообще болѣе широкаго кругозора. Первыя попытки организовать реальное училище принадлежатъ XVIII вѣку; но болѣе прочныя формы пріобрѣло оно лишь тогда, когда упрочилось высшее техническое образованіе, въ которомъ реальная школа нашла для себя устойчивую точку приложенія, и когда вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнилось къ лучшему первоначальное сдержанное отношеніе къ юному учрежденію со стороны государства; ясно выраженнаго характера и точно опредѣленнаго положенія въ системѣ образованія реальное училище не имѣетъ еще и донынѣ. Ближайшее стремленіе представителей реальнаго училища заключалось въ томъ, чтобы дать ему, подобно гимназіи, научную основу; но одни искали этой основы въ математическихъ и естественныхъ наукахъ, такъ чтобы реальное училище восполняло собою основанную на историческихъ наукахъ гимназію (Шпиллеке, Кёхли и др.); другіе перемѣщали центръ тяжести реальнаго образованія на гуманныя, но современныя науки, такъ чтобы въ этомъ образованіи современная филологія была такою же основною наукою, какою въ гимназіи съ древнихъ временъ является филологія классическая (К. Магеръ); третьи видѣли условіе успѣшнаго развитія молодого учрежденія въ возможно тѣсной связи его съ болѣе

Digitized by Google

древнимъ учрежденіемъ, въ частности въ возстановленіи общей основы для реальной и классической школы. Особенно въ безпокойные 1848 и 1849 годы отъ сліянія той и другой школы ожидали сближенія чиновническаго и гражданскаго образованія и вмѣстѣ примиренія сословій; на реальную гимназію и теперь еще возлагаются особыя упованія; однако не установилось даже самое понятіе о ней, такъ какъ подъ нею разумѣется то упомянутая общая основа реальной и классической школы (такъ въ экспериментѣ, произведенномъ въ Австріи въ 1863 г.), то опирающіеся на эту основу реальные классы (такъ въ дебатахъ прусской учительской конференціи 1848), то наконецъ школа съ гимназическими цѣлями относительно латинскаго языка, но безъ греческаго (такъ въ прусскихъ учебныхъ планахъ 1882 года).

Въ Пруссіи историческая связь между гимназіей и реальнымъ училищемъ сохранилась настолько, насколько до 1882 г. послѣднее въ числѣ учебныхъ предметовъ удерживало латинскій языкъ въ объемѣ среднихъ классовъ гимназіи. Въ этомъ отношеніи наслѣдникомъ его сдѣлалась реальная гимназія, тогда какъ реальное училище опирается на современные языки. Въ Австріи реальныя школы сначала входили въ составъ народныхъ школъ и пріобрѣли самостоятельное значеніе только въ качествѣ подготовительной ступени къ техническимъ занятіямъ; статутъ 1851 года даетъ реальному училищу характеръ спеціальной школы, и только новѣйшее развитіе реальной школы, по крайней мѣрѣ, до нѣкоторой степени выдвинуло гуманистическій элементъ въ формѣ новыхъ языковъ. Франція не имѣетъ особыхъ реальныхъ школъ; представляемое ими образованіе приходится частію на долю Instruction secondaire, частію на долю школъ спеціальныхъ.

На широкомъ полѣ между народною и высшею школою современныя образовательныя потребности вызвали возникновеніе многочисленныхъ учрежденій, которыя имѣютъ различныя соціальныя точки приложенія и

Digitized by Google

потому не подходятъ ни къ какой системѣ; спеціальный характеръ имѣютъ торговыя и ремесленныя школы, сельскохозяйственныя школы, институты для военной подготовки и др.; общеобразовательныя цѣли преслѣдуютъ высшія женскія или дочеринскія школы (Mädchen- oder Töchterschulen), неопредѣленныя учрежденія, дидактическая разработка которыхъ затрудняется частію неопредѣленностію ихъ цѣлей, частію чуждымъ прежнему времени предразсудкомъ, будто женскій разумъ достаточно силенъ, чтобы переработать пестрое разнообразіе матеріала, но слишкомъ слабъ, чтобы вынести серьезное обученіе.

Поддержаніе живой связи науки съ общею умственною жизнью и съ высшею профессіональною дѣятельностію въ прежніе періоды было привилегіей университета; въ наше время число точекъ соприкосновенія науки съ дѣятельностію чрезвычайно увеличилось и пріобрѣтеніе научныхъ познаній сдѣлалось необходимымъ въ такихъ областяхъ, гдѣ ранѣе достаточно было практическихъ указаній. Для художественнаго образованія уже недостаточно ателье, съ тѣхъ поръ какъ художественная исторія, эстетика, анатомія пріобрѣли конститутивное значеніе въ области художественнаго творчества; точно также и для техническаго образованія недостаточно мастерской, для высшаго коммерческаго — конторы, для военнаго — лагеря, съ тѣхъ поръ какъ технологія, коммерческія и военныя науки сдѣлались вліятельными элементами въ упомянутыхъ сферахъ дѣятельности. Потребность въ научныхъ занятіяхъ для профессіональныхъ цѣлей переросла университетъ и создала для себя особыя учрежденія, которыя въ формѣ академій, высшихъ школъ и т. д. высказываютъ притязаніе стать на ряду съ университетомъ. Въ административныхъ цѣляхъ выдвинуто было понятіе высшихъ учебныхъ заведеній, обнимающее эти новѣйшіе институты и старинную научную школу; но здѣсь объединяются диспаратныя явленія. Правда, универси-

Digitized by Google

тетъ дѣлитъ съ упомянутыми учрежденіями тенденцію сблизить профессіональную дѣятельность съ наукой, но помимо этого онъ имѣетъ болѣе высокую задачу содѣйствовать развитію изслѣдованія и ученаго знанія ради ихъ самихъ и тѣмъ самымъ создавать среду для такой духовной культуры, которую мы и теперь еще можемъ называть античнымъ выраженіемъ: либеральная. Правительство можетъ говорить о высшихъ школахъ, но общество не знаетъ образованія высшихъ школъ, а только университетское образованіе[1]), и признаетъ единство этого образованія, несмотря на различный учебный матеріалъ четырехъ факультетовъ. Единство и своеобразный характеръ университета ранѣе отмѣчены были болѣе ясно привилегированнымъ положеніемъ и ученымъ языкомъ, употреблявшимся въ оффиціальныхъ сношеніяхъ и въ преподаваніи, но пониманіе этого единства и особаго характера, съ исчезновеніемъ указанныхъ внѣшнихъ признаковъ, еще не утратилось, и мы снова встрѣчаемъ его даже тамъ, гдѣ оно отсутствовало въ эпоху Просвѣщенія. Это пониманіе проявляется въ томъ, что, несмотря на партикулярный характеръ современнаго знанія, мы охраняемъ отъ разложенія связь, соединяющую факультеты, и несмотря на нерасположеніе нашего времени ко всякимъ привилегіямъ, оставляемъ за университетскимъ преподаваніемъ привилегію свободы преподаванія и ученья, справедливо усматривая въ этомъ единствѣ и свободѣ выраженіе и ручательство идеальнаго отношенія къ наукѣ и сохраненія связи университетовъ съ ихъ исторіей.

Государства, находящіяся въ сферѣ нѣмецкой культуры, къ которымъ сказанное выше относится по преимуществу, удержавъ историческую форму университета, позаботились о приспособленіи ея къ практическимъ задачамъ путемъ мѣропріятій второстепеннаго характера, какъ-то: учрежденія семинарій, установленія обязатель-

[1]) Иное видимъ въ Россіи, гдѣ терминъ „высшее образованіе“ пользуется такимъ же правомъ гражданства, какъ и выраженіе „университетское образованіе“. *Прим. переводчика.*

Digitized by Google

ныхъ лекцій и др.; иное дѣло Англія, которая и въ этомъ отношеніи держится старыхъ традицій во всемъ объемѣ, указывая университету и его коллегіямъ только на общенаучное образованіе и перенося всякую подготовку къ профессіи въ мѣста, гдѣ эта профессія осуществляется на дѣлѣ. Франція въ ложномъ стремленіи къ единству государственныхъ учебныхъ заведеній пожертвовала единствомъ научной школы и сверхъ того раздѣлила философскій факультетъ на faculté des lettres (словесный факультетъ) и faculté des sciences (факультетъ наукъ); только въ Collége de France она обладаетъ учрежденіемъ, до нѣкоторой степени родственнымъ нѣмецкому университету, а славныя старофранцузскія традиціи возобновлены въ католическихъ университетахъ, основанныхъ въ послѣднія десятилѣтія; за всѣмъ тѣмъ богатство Франціи спеціальными научными учрежденіями, которыми она безспорно превосходитъ другія страны (École des langues orientales, École des chartes, Museum d'histoire naturelle, Bureau des longitudes, Conservatoire des arts et des métiers и др.)[1]), не можетъ возмѣстить потери учрежденія, съ которымъ связаны воспоминанія націи, вполнѣ заслуживающія самой высокой оцѣнки.

Если разсматривать современныя образовательныя учрежденія въ цѣломъ, особенно тамъ, гдѣ они опираются на систему народной школы и завершаются университетомъ, то ихъ можно сравнить съ широко развѣтвившеюся системою каналовъ, которая, выходя изъ центральнаго бассейна, орошаетъ и оплодотворяетъ своими струями самыя отдаленныя пространства; эти учрежденія возвышаютъ образовательную дѣятельность до значенія урегулированной функціи соціальнаго организма, опирающейся на публичное право и поддерживаемой всеобщимъ интересомъ; они дѣятельно работаютъ надъ интеллектуальною ассимиляціей людей и постоянно

[1]) Школа восточныхъ языковъ, Школа хартій, Музей естественной исторіи, Бюро долготъ, Консерваторія искусствъ и ремеслъ.

Digitized by Google

стремятся возвысить различные уровни, достиженіемъ которыхъ осуществляется эта ассимиляція. Многостороннее преподаваніе, которое, въ силу этой самой многосторонности, имѣетъ различныя точки соприкосновенія съ различными задатками и способностями, заботится о томъ, чтобы эти задатки и способности, гдѣ бы они ни встрѣчались, получали надлежащую пищу и достигали развитія на пользу общества; урегулированная система испытаній слѣдитъ за разработкой того матеріала, какой предлагается индивидумами, и обезпечиваетъ для высшихъ ступеней образованія и для высшихъ профессій приливъ всесторонне квалифицированныхъ элементовъ; выполняется напряженная духовная работа всякаго рода, чтобы путемъ руководства, преподаванія, организаціи выстроить и усовершенствовать многосложное зданіе.

Однако нельзя сказать, чтобы такимъ образомъ мы превзошли, даже хотя бы только утилизировали всѣ тѣ образовательныя учрежденія, какими обладали прежнія времена. Современная организація, тяготѣющая къ законченности и величію, обошла многое, что не подходитъ къ новому зданію, а между тѣмъ хорошо исполняло свое назначеніе и не было замѣнено ничѣмъ. Справедливо жалуются на упадокъ мелкихъ нѣмецкихъ университетовъ, которые уже не могутъ итти рядомъ со своими привилегированными братьями, располагающими во всей полнотѣ современными учебными приспособленіями, и дѣйствительно съ гибелью этихъ учрежденій изсякли бы важные и своеобразные источники нѣмецкаго образованія. Можетъ-быть, легче было бы перенести потерю разнобразныхъ мѣстныхъ гимназій, приспособлявшихся прежде къ индивидуальнымъ нуждамъ отдѣльныхъ мѣстностей, а теперь всюду принявшихъ нормальную форму гимназіи; но и эти невынужденныя варіаціи гимназическаго типа имѣли свою цѣну; извѣстная доза воспитательной и образовательной силы заключается и въ томъ, что школа болѣе, чѣмъ экземпляръ рода, и нѣкоторое преимущество анг-

Digitized by Google

лійскихъ старинныхъ латинскихъ школъ безъ всякаго пристрастія признавали въ томъ, что каждая изъ нихъ— индивидуумъ, можно сказать, характеръ. Даже въ народныхъ школахъ униформированіемъ обученія можно причинить ущербъ ихъ своеобразному и традиціонному развитію и засыпать тотъ или другой, хотя и скромный, источникъ народной духовной жизни.

Современныя школы открыли для образованія большія дороги и избавили образовательныя стремленія отъ необходимости искать себѣ особыхъ путей, а вмѣстѣ и затруднили возможность пролагать такіе пути. Ранѣе домашнее обученіе составляло цвѣтущую область образованія, отъ Локка до Гербарта на него преимущественно опиралась педагогическая и дидактическая рефлексія; и хотя она, такимъ образомъ, конечно суживала свой кругозоръ, но зато вела къ болѣе глубокому пониманію индивидуальной стороны воспитательной и образовательной дѣятельности и могла дать коллективному преподаванію самые цѣнные импульсы. Теперь домашнее обученіе потеряло свое значеніе; едва способное достигать высоко поднявшихся цѣлей школьнаго образованія, оно должно постоянно держаться вблизи публичнаго образованія, и оригинальные опыты для него закрыты. Но семья сдѣлалась неспособной не только замѣнить школьное преподаваніе, но даже переработать его сообразно со своею индивидуальностію; школа до такой степени поглощаетъ время и силы своихъ членовъ, что, если можно признать справедливыми часто громко раздававшіяся жалобы, учащійся едва-едва можетъ пользоваться семейною жизнью, не говоря уже о желательномъ содѣйствіи со стороны семьи, которой принадлежитъ извѣстная функція и въ интеллектуальной области.

Во всякомъ случаѣ современное образованіе болѣе приспособлено къ ассимиляціи умовъ и къ утилизированію задатковъ, чѣмъ къ выработкѣ своеобразной развитой личности; его богатый учебный матеріалъ удовлетворяетъ интеллектуальнымъ потребностямъ, прежде

Digitized by Google

чѣмъ онѣ могутъ усилиться до индивидуальнаго интереса, до личной любознательности; налагаемая этимъ матеріаломъ обязательная работа лишь поздно позволяетъ учащемуся располагать свои занятія по собственному желанію и вкусу, если только движенія такого желанія и вкуса вообще не были подавлены въ самомъ началѣ; его организація вызываетъ совмѣстное ученье и работу, но благопріятствуетъ тому, что господствующими мотивами въ этой работѣ становятся привычка, надежда на будущее примѣненіе, въ лучшемъ случаѣ чувство долга, предъ которыми отступаютъ на задній планъ самопроизвольныя и индивидуальныя образовательныя стремленія; его система построена широко, но пускаетъ въ ходъ не всѣ факторы духовнаго роста и развитія и вредитъ однимъ, желая удовлетворить другимъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

MAIN STACKS

Digitized by Google

The Ohio State University
3 2435 06474822 1

THE OHIO STATE UNIVERSITY BOOK DEPOSITORY
D AISLE SECT SHLF SIDE POS ITEM C
8 06 20 21 7 13 013 5

Digitized by Google